
ЭДМУНД
КУПЕР
ЭДМУНД
КУПЕР
Сомнительная полночь

ЭДМУНД

КУЛЕР

Сомнительная полночь

ЭДМУНД

КУПЕР

Эльфы планеты Эревон

Пять к двенадцати

Транзит

Сомнительная полночь

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

ББК 84.4 Вл
К92

Перевод с английского
В. Лобанова, Э. Башиловой, О. Жаковой,
С. Черныша

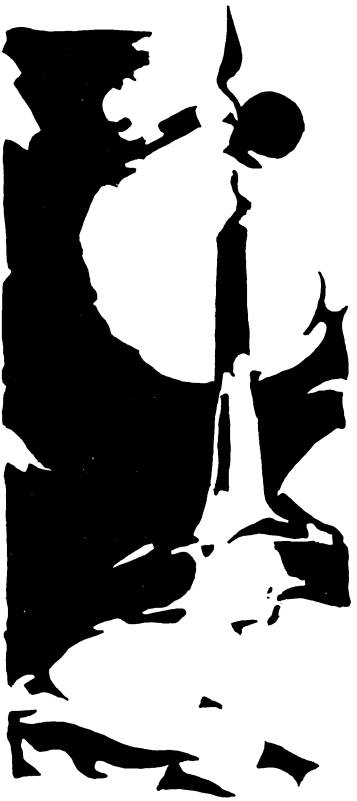
Купер Э.
К 92 Сомнительная полночь: Романы / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 639 с.
ISBN 5-8352-0340-3

Столкновение человека с историей, с чужими мирами, с новым опытом, прежде немыслимым, — характерные для фантастической литературы коллизии. У английского писателя Эдмунда Купера они находят оригинальное художественное воплощение, которым отличается настоящая, глубокая литература. Проблемы, которые ставит перед человеком мировая эволюция, — для героев Э. Купера это проблемы нравственные. Романы данного сборника увлекательны, потому что написаны мастером; они ценны также тем, что дают немалую пищу для ума читателя.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© В. Лобанов, перевод, 1994
© Э. Башилова, перевод, 1994
© О. Жакова, перевод, 1994
© С. Черныш, перевод, 1994
© А. Трилесский, обложка, иллюстрации, 1994
© «Северо-Запад», оформление, подготовка текста, 1994
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0340-3

РОМАН

Эльфы планеты

ЭРЕВОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Все это было похоже на Судный день.

Или на картины Брейгеля, Сальвадора Дали, с намеками на Питера Селлерса, или на нечто такое же несусветное, но происходящее при дневном свете.

Рассел Грэхем вылез из гроба. Ему повезло: он почти сразу вспомнил, что он — Рассел Грэхем, член парламента от Мидлпорт-Норта в графстве Ланкашир, Англия.

Итак, он знал, кто он, но не знал, где он, а также каким образом и для какой надобности здесь оказался. Было ясно, что это просто дурной сон и вскоре его разбудит голос: «Просим пристегнуть ремни и погасить сигареты. Через десять минут мы приземлимся в лондонском аэропорту».

Но он не проснулся. Кошмар оказался реальностью.

Гроб, из которого он выкарабкался, был салатного цвета и лежал посреди дороги, в конце длинного аккуратного ряда таких же гробов. Дорога, соединявшая здание с вывеской «Отель» на одном конце и с супермаркетом — на другом, тянулась примерно на сто метров в длину, шириной же была метров десять. За отелем и магазином она обрывалась. Это был как бы маленький оазис городской жизни посреди степи. У гостиницы было припарковано такси, у супермаркета — автомобиль.

Людей не было — если не считать тех, что вылезали из своих гробов.

Темнокожая девушка вышибла крышку своего «ящика», встала во весь рост, пронзительно закричала и потеряла сознание. Это послужило сигналом ко всеобщей истерике. Следующими были белые мужчина и

женщина. Они огляделись и тут же вместе рухнули в обморок.

Из соседних гробов появились двое мужчин, которые, столкнувшись, упали, затеяли было драку, но сразу же прекратили ее.

Три девушки, смеясь и плача одновременно, нашли какое-то странное успокоение в том, что всем им одинаково страшно.

Постепенно из шестнадцати гробов появилось шестнадцать человек. Они производили такой шум и гам, что смогли бы разбудить мертвых или, по крайней мере, привлечь внимание живых — тех, кто находился в отеле или в супермаркете. Но, видимо, постояльцы или покупатели, даже если таковые были, давно привыкли к этой картине воскрешения из мертвых посреди главной и единственной улицы.

На шум никто не вышел.

А столпотворение продолжалось: одни кричали и жестикулировали, другие бормотали нечто невразумительное. Рассел Грэхем попытался сначала разобраться с самим собой и обнаружил, что голова его несколько изменила форму: в области мозжечка появилась шишка, довольно-таки большая, круглая и с хорошо заметным шрамом. Волосы, покрывающие шишку, были значительно короче, чем на остальной части головы.

Рассел Грэхем, член парламента, облизнул пересохшие губы и вдруг почувствовал слабость. Следовало бы выпить; кстати, выпить хотелось страшно. Взглянув на отель, он побрел к нему.

Вестибюль гостиницы был пуст, если не считать багажа, кое-как сваленного около вращающейся двери. Дежурного за стойкой не оказалось. Грэхем трижды нажимал кнопку звонка, но никто не появился.

Он увидел надпись «Коктейль-бар» и стрелку, указывающую путь вниз, по короткому коридорчику. Грэхем тут же двинулся в заданном направлении и вскоре обнаружил, что бар тоже пуст. Но виски, к счастью, было. Грэхем зашел за стойку, налил себе двойную порцию и залпом выпил. После этого он дрожащими пальцами вытянул из пачки сигарету. Шум за стеной отеля как будто стал затихать. Англичанин пощупал шишку на затылке и снова проглотил хорошую порцию. Стало немного легче.

Вскоре дорогу в бар нашли и остальные.

Первым появился мужчина лет двадцати пяти—

тридцати, высокий красавец блондин с голубыми глазами. Грэхем сразу почувствовал себя сорокалетним стариком и сдержанным англичанином.

— Водки, двойную порцию. А куда, черт возьми, подевалась обслуга? — высокий блондин произнес все это довольно грубо.

Грэхем послушно налил водки:

— Ваше здоровье; обслуги нет.

— А вы кто такой?

— Один из живых покойников, Рассел Грэхем, англичанин. А вы?

Собеседник открыл рот, потом закрыл, поставил бокал с водкой на стойку дрожащей рукой. Вид у него был смущенный.

— Не спешите с ответом, — доброжелательно сказал Грэхем. — У меня создается впечатление, что времени у нас будет достаточно.

— Моя фамилия Норстед, — объявил молодой человек с каким-то странным сомнением в голосе. — Да, я — Тур Норстед. Швед. Рад познакомиться.

Он протянул руку, и Грэхем торжественно пожал ее:

— Рад познакомиться. Выпейте еще. — Он улыбнулся. — Думаю, выпивки хватит.

— Спасибо. Да, водка нам не повредит. — Швед рассеянно потрогал шишку на затылке.

Грэхем заметил этот жест.

— Не волнуйтесь, — сказал он, — у меня то же самое. Видимо, это входило в план всего мероприятия.

Норстед так стукнул бокалом о стойку, что водка пролилась.

— Какого еще мероприятия?! Где мы находимся? Что здесь, дьявол побери, происходит?

— Не волнуйтесь. Я тоже ничего не знаю. Когда мы проглотим достаточно горючего, попробуем разобраться. Кстати, вы прекрасно говорите по-английски.

Норстед покачал головой:

— По-шведски. Я говорю по-шведски, и вы тоже.

В ответ Грэхем пожал плечами:

— Будь по-вашему. Однако отметим просто для протокола, я не умею говорить по-шведски. Или говорю очень плохо... — И вдруг, осененный какой-то догадкой, Грэхем воскликнул: — Арланда!

— Да, Арланда, — ответил швед. — Действительно.

Казалось, какие-то кусочки мозаики начинают находить свое место в узоре.

— Аэропорт Арланда в Стокгольме, — продолжал Грэхем. — Мы оба садились в самолет, вылетавший после обеда в Лондон. Именно там я вас и видел. Вы стояли передо мной, у вас еще был избыток багажа. На десять крон. А я думал, хватит ли денег у меня...

— Помню, помню! — Норстед почти кричал. — Я еще такси не мог поймать. Боялся опоздать на самолет.

— Мы говорим, а я наблюдаю за вашими губами, — сказал Грэхем. — Бог мой, ведь вы говорите по-шведски. А слова я слышу английские.

— А я наблюдал за вами, — ответил Норстед. — И... губы у вас складываются не по-шведски, а звуки — мой родной язык.

Пока они обменивались этими наблюдениями, Грэхем слышал, что звонок к дежурному регистратору звонит непрестанно, а голоса в вестибюле звучат все громче и настойчивее по мере приближения их обладателей к коктейль-бару.

— Все дороги ведут в Рим, — мрачно заметил Грэхем. — Кажется, мой дорогой друг, здесь сейчас будет довольно весело.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассел Грэхем предпочел остаться за стойкой. И теперь с сарказмом думал, что, похоже, бармен из него получился более удачный, чем политик. Грэхем успел покинуть ряды лейбористской партии как раз перед тем, как его собирались оттуда вышибить. И, руководствуясь чувством момента, которым обладал в полной мере, он намеревался отказаться от места в парламенте сразу по возвращении из отпуска.

По возвращении... Кажется, оно откладывается.

Все шестнадцать человек сидели в баре, оставив свои дурацкие гробы посреди дурацкой дороги в этом дурацком пустом городе, куда их забросила судьба.

Те, кому удавалось вспомнить, как его зовут, знакомились друг с другом — судорожно и беспорядочно. Стройная, эффектная жительница Вест-Индских остро-

вов последней вспомнила, кто она такая. Звали ее Селена Бержер; она оказалась довольно известной манекенщицей. Осознав этот любопытный факт за рюмкой рома, она тут же свалилась в обморок, превратившись в изящное переплетенье рук и ног вкусного шоколадного цвета.

Селена была, пожалуй, самой молодой. Окинув взглядом компанию, Рассел подумал, что, видимо, он здесь самый старый. Но свое имя вспомнил первым. Имеет ли это какое-нибудь значение?..

Прежде чем погрузиться в фантастические предположения или вконец напиться, он решил попытаться систематизировать уже известные факты.

Факт первый: в одну и ту же историю влипло шестнадцать человек, восемь мужчин и восемь женщин. Видимо, равное соотношение полов не было случайностью.

Факт второй: никто не знал, как, когда и зачем все это произошло. Все часы, в том числе и электронные, остановились.

Факт третий: решительно у всех были шишки на затылке, и, несмотря на интернациональный состав компании, люди прекрасно общались на английском, шведском, французском, хинди или русском, и в то же время каждый считал, что говорит на своем родном языке.

Факт четвертый: все вылетели одним и тем же самолетом из аэропорта Арланда в Стокгольме, направляясь в аэропорт Хитроу в Лондоне. Правда, не все вспомнили это сразу, и самым молодым членам группы пришлось в этом помочь.

Факт пятый: багаж всех «прибывших» был свален в вестибюле отеля.

Факт шестой: город, где они оказались, — совсем не город. Это даже не деревня. Это всего-навсего отель, супермаркет и несколько маленьких строений по обеим сторонам дороги, ведущей «ниоткуда никуда». Все это больше похоже на декорацию для фильма и может означать что угодно, начиная от безумных шутников-зрителей и кончая черт знает чем.

Факт седьмой: здесь совершенно нет людей, если не считать шестнадцати человек, которых запаковали в гробы.

Факт восьмой: все выглядит реально. Ничего эта-

кого — в духе метафизических выдумок. Все выглядит дьявольски, до жути реально.

— У меня накопилось восемь фактов, — Грэхем объявил это мужчине, подошедшему к стойке бара с подносом пустых бокалов.

— Рад за вас, старина, — сказал тот. Это был Мохан дас Гупта, индиец двадцати восьми лет от роду, служащий нефтяной компании. — Не могли бы вы спрятать эти факты на время в холодильник? А пока — организуйте нам один бокал цитрусового пива, один — джина с лимоном, один большой бренди и одну «кровавую Мэри».

— Более того, на основе этих фактов можно построить кое-какие предположения.

— Стройте их себе на здоровье. Но не жадничайте, когда будете наливать бренди.

Грэхем послушно смешал напитки. Все говорили без умолку, выдвигая самые невероятные версии по поводу того, что же все-таки случилось. Ни дисциплины, ни логики, короче, бесполезная болтовня.

Рассел Грэхем, член парламента, знал, что его встречи с собственными избирателями были образцово-заурядными — типичный пример заунывных и бесплодных собраний. Но, черт побери, нужно же кому-то действовать!

— Леди и джентльмены, — начал он громко, — леди и джентльмены, уделите мне немного вашего внимания...

— Зачем? — отозвался довольно пьяный голос. — Тебе что — своего мало?

— Затем, — терпеливо начал объяснять Грэхем, — что мне совершенно не нравится пребывание в этом бреду; у меня от него голова идет кругом, и мне хотелось бы когда-нибудь вернуться в Лондон. Если это вообще возможно.

— Продолжайте, — ответил мужской голос.

Лица повернулись в сторону Грэхема, и он начал свою небольшую речь.

— Я не буду останавливаться на том, каким способом мы сюда попали, — сказал он. — Я не буду также обсуждать тот факт, что нечто необычное было проделано с нашими головами, шуточки по этому поводу мы успеем выслушать после. У нас нет представления о времени, никто совершенно не помнит,

что случилось во время полета Стокгольм—Лондон, и, насколько я понимаю, никто не может сказать, где мы находимся.

— В Южной Америке, — откликнулся кто-то.

— В Голливуде, — возразил другой.

— Прошу вас, — Грэхем поднял руку. — Я хотел сказать, что это место не обладает никакими признаками, позволяющими понять, куда мы попали. Единственный признак — абсурдность всей ситуации. Мы прибыли в упаковке, напоминающей гробы, мы оказались в городе, который вовсе не город, мы сидим в гостинице, где нет постояльцев, но у всех нас вдруг появился лингвистический талант. Далее. Поскольку наш багаж доставлен, я смею предположить, что нам здесь придется киснуть долго.

— Давайте ближе к делу, старина! — воскликнул Мохан дас Гупта.

— А дело в том, — Грэхем произнес это с нажимом, — что мы, черт нас всех побери, должны как-то объединиться. Иначе мы будем терять время, ломая руки и проливая слезы в бокалы.

— Простите, пожалуйста, а что вы предлагаете? — спросила темноволосая женщина лет тридцати пяти, не то чтобы красивая, но яркая.

Рассел Грэхем оценил вопрос и взглянул на нее с благодарностью.

— Прежде чем мы продолжим, — ответил он, — хорошо было бы нам всем представиться. Я — Рассел Грэхем, член парламента. Англичанин, естественно. А вы, мадам?

— Анна Маркова, журналистка. Русская... А каковы ваши политические взгляды, господин Грэхем?

— Это что, важно?

— Может быть.

— Хорошо, я отвечу. Я социалист — в некотором роде.

Анна Маркова пожала плечами:

— Ну что ж, могло быть и хуже.

Раздались аплодисменты.

— Кстати, в ответ на ваш вопрос, мисс Маркова, я предлагаю нам всем разбиться на группы. Одна группа может обследовать отель и подумать о нашем размещении — это нам скоро понадобится. Другой группе следует осмотреть местность. Третьей нужно

позаботиться о нашем питании. А четвертая могла бы попытаться как-то осмыслить все, что с нами произошло.

Высокий стройный мужчина, чуть моложе Грэхема, попросил слова:

— Меня зовут Роберт Хаймэн, англичанин, служащий. Предложения мистера Грэхема мне кажутся дельными.

Потом поднялся еще один мужчина, плотный блондин:

— Я Гуннар Рудефорс, учитель. Швед. Да, мистер Грэхем прав, мы должны что-то предпринять.

Потом представилась девушка лет девятнадцати, сидевшая за столом с двумя подружками. Она сильно волновалась и говорила так тихо, что ее почти не было слышно:

— Меня зовут Андреа Смолл. Я студентка из Англии; честно говоря, я просто боюсь. Я до смерти напугана. И мои подруги тоже. Нам бы хотелось, чтобы нам посоветовали, что делать.

— Я с этим согласен, думаю, большинство тоже согласится. — Это сказал крупный мужчина с соломенными волосами, рядом с которым сидела привлекательная пышная блондинка. — Меня зовут Пол Редмэн, я американец, литературный агент. А это моя жена, Марион. Поскольку мистер Грэхем первым предложил что-то конструктивное, полагаю, что именно он должен взять на себя руководство.

Глядя на Грэхема, Тур Норстед поднял свой бокал:

— Я думаю, сэр, вы сами на это напросились. — Потом добавил: — Позвольте представиться, Тур Норстед, швед, моряк-радиотехник.

Грэхем отпил виски.

— Есть возражения? Мне хотелось бы знать, прежде чем я сделаю эту глупость, то есть приму ваше предложение. Иначе говоря, может быть, есть другие кандидатуры?

Все промолчали. Грэхем улыбнулся:

— Ну что ж. Да падет это решение на ваши головы. Поскольку я по опыту знаю, что там, где слишком много спорят, дело стоит, то предлагаю кое-какие меры защиты для себя и для вас. Первое: я требую всей полноты власти. Второе: если четверо или больше человек подвергнут мою кандидатуру сомнению, будем выбирать другого. Ставим на голосование?

Глядя на лес рук, Грэхем подумал, что впервые в жизни его кандидатура прошла единогласно.

Бомба взорвалась несколькими секундами позже.

Слово попросил незаметный мужчина небольшого роста.

— Меня зовут Джон Говард, я учитель, англичанин. — Он указал на сидящую рядом женщину, нервно вертевшую в руках бокал виски с содовой: — Моя жена Мэри. Мы оба преподаем физику, и мне кажется, мы заметили нечто такое, что могло ускользнуть от внимания остальных. — Он колебался, говорить ли дальше. — Это довольно неприятное наблюдение. Может, мне стоит обсудить вопрос сначала только с вами, мистер Грэхем?

Грэхем покачал головой:

— Нет, я не люблю секретов, мистер Говард. Наше положение уже настолько неприятно, что его трудно испортить еще больше.

Джон Говард улыбнулся как-то виновато:

— Здесь кто-то предположил, что мы в Южной Америке или в Голливуде. К сожалению, я думаю, нам придется исключить оба эти варианта.

— Значит, вы знаете, где мы? — с надеждой спросил Грэхем.

— Нет. Но я знаю, что мы не там, где думаем.

— А точнее?

— Мы не на Земле, — грустно сказал Говард.

Признание было встречено гробовым молчанием. Все лица обратились к говорившему.

Грэхем облизнул пересохшие губы:

— А как вы это узнали?

— Странно, что вы сами этого не заметили: мы здесь очень мало весим. Мы с Мэри поставили опыт — ну, просто подпрыгнули. Притяжение на этой планете составляет примерно две трети земного.

Человек шесть тут же принялись подпрыгивать. Они взлетали вверх на три, четыре, пять или шесть футов. Лица «прыгунов» стали белыми от напряжения. Никто не упал в обморок, но три женщины и один мужчина заплакали.

Рассел Грэхем налил себе большой бокал виски и понял, что ему нужно снова начать говорить.

Причем сделать это как можно быстрее.

Остальную часть послеобеденного времени — а у путешественников была возможность определить время по положению солнца, — так вот, остальную часть дня заняла какая-то мешанина из драматической напряженности и сущей бессмыслицы. Само солнце, на которое нельзя было смотреть не щурясь, как будто бы не отличалось от земного, но казалось, оно катится по небу быстрее, чем надо.

Все снова завели свои часы и позже обнаружили, что сутки на планете длятся примерно двадцать земных часов.

Прежде чем разбить всех на группы и попытаться наладить какой-то порядок среди царящего хаоса, Грэхем провел перекличку людей, которых он с мрачным юмором назвал своим «иностранным легионом». Сначала он просто записал имена, фамилии, возраст, национальность и профессию хотя бы для того, чтобы примерно определить, кому какое давать поручение. Позже он смог получить более подробные сведения, а также обнаружить кое у кого полезные в данной ситуации навыки.

Никто не мог точно вспомнить, сколько пассажиров взял реактивный самолет, летевший из Стокгольма в Лондон, но их было, несомненно, гораздо больше, чем шестнадцать. Поразмыслить о том, что стало с пилотами, стюардессами и прочими пассажирами, они смогут позже. А сейчас полезнее оценить ситуацию и обезопасить себя настолько, насколько позволяет весь этот абсурд.

Англичане составляли ровно половину грэхемовского легиона. Он подумал, что для рейса Стокгольм—Лондон в конце туристского сезона это вполне нормально.

В самом верху бумажного листа он аккуратно написал свое собственное имя и фамилию, ниже разместил всех остальных «перемещенных лиц» английской национальности. Далее последовали два шведа, индус, русская, француженка и вест-индианка.

Прежде чем разбить людей на группы, он внимательно изучил список. В нем значились: Рассел Грэхем, 39 лет, англичанин, член парламента; Роберт Хаймэн, 39, англичанин, госслужащий; Эндрю Пейн, 28, англичанин, актер телевидения; Джон Говард, 31, англи-

чанин, учитель; Мэри Говард, 27, англичанка, учительница; Дженис Блейк, 20, англичанка, студентка колледжа домоводства; Андреа Смолл, 20, англичанка, то же; Марина Джессоп, 20, англичанка, то же; Пол Редмэн, 40, американец, литературный агент; Марион Редмэн, 32, американка, домохозяйка; Гуннар Рудефорс, 35, швед, учитель; Тур Норстед, 25, швед, моряк-радиотехник; Мохан дас Гупта, 28, индус, служащий нефтекомпании; Анна Маркова, 33, русская, журналист; Симона Мишель, 23, француженка, художник; Селена Бержер, 21, вест-индианка, манекенщица.

«Педагогика представлена неплохо, — думал Грэхем, скользя взглядом по списку, — это и неудивительно, в наши дни преподаватели довольно-таки много путешествуют, причем в разных направлениях».

Он вздохнул. Было бы гораздо полезнее иметь в группе врача, специалиста в области естественных наук, а лучше всего — одного-двух мускулистых рабочих. Одно ему было ясно: тот, кто (или что) организовал их похищение, или перемещение, или кражу (ни одно слово не подходило вполне), словом, этот Он, Она или Они не старались как-то уравновесить интересы. Зато в смысле соотношения полов — полный баланс. Что само по себе забавно...

Однако над скрытым смыслом всего этого можно было подумать позже. А сейчас следовало заняться более важными делами.

Грэхем разбил группу на четыре звена по четыре человека, согласно своему первоначальному плану. Генеральный штаб, который он назвал «оперативной группой», включал его самого, Гуннара Рудефорса, а также Пола и Марион Редмэн. В двух остальных звеньях — разведчиков — было по двое мужчин и по две женщины. Первостепенной задачей четвертого звена было снабжение питанием; в него входили швед-радиотехник и три студентки-англичанки.

Генеральный штаб обосновался в коктейль-баре. Остальные отправились выполнять задания.

Через некоторое время начали поступать донесения. Первое и самое важное состояло в том, что в радиусе примерно километра не обнаружено ни одного живого существа. В городе нет ничего, кроме уже знакомой всем гостиницы, супермаркета, отрезка дороги и ряда небольших строений, приспособленных под мастерские.

Дорога начинается в зарослях диких трав, которые можно было бы назвать степью или саванной, и упирается в такую же саванну. Такси, стоящее у гостиницы, по всей видимости, «мерседес», но у него нет ни аккумулятора, ни мотора. Машина, забытая у супермаркета, — «сааб», тоже не имеет ни того ни другого.

Супермаркет прилично загружен продуктами, однако ничего свежего — все в пакетах или банках. Тур Норстед вместе с тремя девицами, успевшими в него влюбиться, нагрузили доверху тележки, заботливо кем-то для них оставленные, и покатили их по дороге к отелю.

В это же время двое из резервной группы — Гуннар Рудефорс и Пол Редмэн — убрали с дороги зеленоватые пластиковые гробы и сложили их аккуратными штабелями у одного из сараев. Эти гробы они тщательно осмотрели: пластик был легким, но очень прочным, его невозможно было поцарапать даже стальным лезвием.

В самом отеле было двадцать номеров, из них десять одиночных и десять парных. Была также кухня, оборудованная всем необходимым, вплоть до холодильника и посудомоечной машины. Раковина с холодной и горячей водой присутствовала в каждом номере. С электричеством все оказалось в порядке. Короче говоря, это была типичная провинциальная, но вполне комфортабельная гостиница, какую можно увидеть в любом уголке Европы.

Солнце село неожиданно и стремительно, как на Земле бывает в тропиках или на экваторе, и все собрались в коктейль-баре, чтобы поделиться собранной информацией.

Поскольку было ясно, что ночь, а возможно, и много ночей придется провести здесь, следовало распределить комнаты. Грэхем попросил заняться этим Анну Маркову, которая показалась ему толковой женщиной. Трех студенток, изучающих домоводство, отправили на кухню воплощать теорию в практику. И в скором времени вся компания села за стол в обеденном зале и получила угощение не хуже, чем в ресторане «Савой». Правда, на тот факт, что вся еда — из консервных банок, пришлось закрыть глаза.

Когда все принялись за кофе с коньяком, Грэхем

решил провести небольшой опрос на тему: «Что с нами произошло и в каком порядке». Этот дискуссионный зачин можно было высоко оценить в любой валюте.

Самой популярной теорией оказалась следующая: «Нас похитили марсиане, венерианцы или другие жители Солнечной системы». Эта теория была порождением дешевых теле- и кинофильмов, а также множеством комиксов на космические темы — из тех, что публикуют в журналах.

Джон Говард, учитель физики, первый разбил наголову эту теорию. Он подошел к стеклянной двери столовой, открыл ее и вышел на балкон. Стояла ясная холодная ночь. Говард пригласил всех выглянуть на улицу.

Звезды, которые люди увидели в небе, были совершенно незнакомыми. Чужие звезды на чужом небе — яркие, холодные и далекие. Жуткие в своей новизне.

Грэхем сразу загнал своих товарищей назад в столовую, почувствовав, какая тревога, растерянность и даже отчаяние завладели их душами. Вернувшись к своим столам, они мрачно прихлебывали кофе. Беседа умерла. Никто не горел желанием обсуждать будущее, которое после знакомства с чужим небом стало рисоваться в жутком свете.

Было совершенно ясно, что все страшно устали: две девушки-студентки заснули прямо за столом. Слишком много было затрачено усилий физических и моральных, слишком много выпало на их долю страха и отчаяния.

Но Грэхем был убежден, что отдыхать должны по очереди. Восемь мужчин были назначены дежурить всю ночь, по два человека, сменяясь каждый час. В качестве еще одной предосторожности Грэхем велел оставить двери всех спален широко открытыми.

Однако ночь прошла относительно спокойно, если не считать рыданий и всхлипываний. Мужчины всхлипывали так же часто, как и женщины, — но более скрытно.

Утром звено, вышедшее из отеля на разведку, сделало интересное открытие.

Исчезли гробы, сложенные в штабеля.

В течение второго дня путешественники сделали еще кое-какие открытия.

Молодой швед Тур Норстед первым обнаружил, что, по-видимому, за всей группой ведется наблюдение. Ночью, стараясь не заснуть, он увидел четыре малюсенькие зеленые точки, бледно светящиеся в углах потолка, там, где он стыкуется со стенами.

Тур зажег ночник — такой, какие в гостиницах ставят у кровати, с лампочкой в шестьдесят ватт — и решил выяснить, что это такое. При свете зеленоватые точки исчезли, но он нашел в каждом углу комнаты четыре линзы, невидимые днем. Линзы были не больше спичечных головок. Тур надумал было отковырнуть кусок штукатурки и посмотреть, как они крепятся, но благоразумно отверг эту мысль.

Встретившись с Грэхемом за завтраком, он рассказал ему о своем открытии. Уже вместе они выяснили, что такие же линзы есть в каждой комнате и даже в коридорах. Это сильно расстроило Грэхема, и он попросил Тура пока не говорить ничего остальным. Их положение и так было тяжелым, чтобы отягощать его еще сознанием того, что за ними следят.

Тур предложил отковырнуть один «глазок», изучить, а потом уничтожить. Грэхем его остановил. Он принял другое решение: когда все уйдут из своих комнат, Норстед обойдет их и в каждой заклеит линзы бумагой. В коридорах эти «глазки» решили не трогать.

Грэхем рассуждал так: «наблюдатели» поймут, что «подопытные» не лезут в бутылку по пустякам, но требуют какой-то доли уединения.

Сразу после завтрака он организовал команду разведчиков для более тщательного осмотра окрестностей. На сей раз группа состояла из четырех мужчин, которыми руководил Джон Говард, учитель физики. Он уже зарекомендовал себя как наблюдательный и спокойный человек.

Инструктаж был очень прост: двигаться в течение часа строго на север (части света они определили исходя из того, что солнце всходит на востоке), а потом развернуться на 180° и идти назад. Если на пути встретится возвышенность — использовать ее для общего обзора. Рекомендовалось избегать, насколько

возможно, любых контактов с живыми существами, буде таковые встретятся. Не совершать ничего, что может быть истолковано как враждебные действия, — разве что на отряд нападут и возникнет необходимость защищаться.

Решить вопрос самозащиты было не так-то просто. Грэхем боялся отправлять безоружных людей в поход, который мог оказаться опасным. Однако тщательный осмотр супермаркета выявил две интересные детали: во-первых, продукты, съеденные землянами накануне, кто-то заменил новыми; во-вторых, оказалось, что в магазине есть небольшой отдел хозтоваров, который они раньше не заметили.

В отделе хозтоваров каждый разведчик взял себе маленький топорик. К этому времени солнце уже вовсю светило с безоблачного неба и стало довольно жарко, поэтому они сняли все, кроме рубашек и брюк. С ножами за поясом и топориками в руках они напоминали шайку разбойников.

Остальные высыпали из гостиницы, чтобы проводить смельчаков в поход. Последние же, шагая по дороге, ведущей в никуда, размахивали «оружием» и остро чувствовали идиотизм ситуации. Даже Грэхем, мрачный от сознания, что все заботы в этом чужом мире легли на его плечи, не мог сдержать улыбку. «Разведка» чем-то напоминала ему сцену из оперетты.

Отряд вернулся через два часа и десять минут.

Слава Богу, все были целы, никому не пришлось рисковать жизнью.

Однако новая информация ни в коей мере не помогла землянам избавиться от чувства тревоги и неуверенности в будущем.

Джон Говард рассказал сначала о том, что видели все разведчики. По расчетам, они прошли километров восемь по довольно пустынной долине, где рос какой-то незнакомый кустарник с мелкими цветками и растение, напоминающее громадных размеров папоротник. Встречались и участки, покрытые лишь очень жесткой и высокой травой. Путники обнаружили реку и ряд довольно высоких холмов, но не встретили совершенно никаких животных.

Однако было и такое, что видели не все.

Одним наблюдением поделился Пол Редмэн, американский литагент. Когда отряд пробирался между

зарослями травы высотой в полтора человеческих роста, он остановился, чтобы стереть пот со лба. И взглянул на небо.

То, что он увидел, длилось один краткий миг. По нему пронеслась стая каких-то блестящих, сверкающих существ с золотистыми развевающимися волосами и лицами, по утверждению Редмэна, почти человеческими. Пытаясь как-то описать их, он сказал: «Они были похожи на эльфов».

Второе «видение» досталось Гуннару Рудефорсу, шведу-педагогу.

Четверо мужчин шли гуськом, на расстоянии примерно шести шагов друг от друга. Поскольку роль первого была самой рискованной, договорились идти впереди, сменяя друг друга.

Когда настала очередь Гуннара Рудефорса, они должны были вот-вот повернуть назад. Стараясь извлечь из экспедиции как можно больше пользы, он пошел быстрым шагом и не заметил, как оторвался от своих спутников.

Выйдя из зарослей высокого папоротника, он внезапно увидел средневекового рыцаря в блестящих доспехах — тот стоял примерно в двадцати шагах от него.

Ни насмешки, ни ехидные замечания не могли сбить Рудефорса с толку: он настаивал, что это был именно рыцарь. На голове — шлем с забралом, почти полностью закрывавшим лицо, в правой руке — то ли короткое копье, то ли длинный меч.

Рыцарь сидел верхом на животном с ветвистыми рогами, ростом меньше лошади, но больше оленя.

Целую долгую минуту рыцарь и Рудефорс созерцали друг друга. Потом первый приглушенным голосом произнес слово, похожее на «прочь!», развернул своего «коня», дернув его за один рог, и скрылся в папоротнике.

Когда остальные поравнялись с ошарашенным шведом, рыцарь успел скрыться из глаз. Джон Говард, шедший сразу за Гуннаром, признался, что слышал звуки, похожие на стук копыт. Но ничего не видел.

Подобный отчет об «экспедиции» вызвал у Грэхема одно желание — срочно выпить. Двойную порцию.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хотя с теми людьми или существами, которые похитили землян, никаких контактов по-прежнему не было, в последующие дни произошли некоторые события. Два из них — трагические. Первой трагедией было самоубийство Марины Джессоп, двадцатилетней студентки-англичанки. Марина покончила с собой вечером того дня, когда Пол Редмэн увидел своих «эльфов», а Гуннар Рудефорс — средневекового рыцаря.

В тот день после обеда Рассел Грэхем, член парламента и командир межпланетного иностранного легиона, выступил с обзором событий и сделал, так сказать, предварительные выводы. Он пытался произнести свой «доклад» в официальном и в то же время несколько будничном тоне, ни на миг не забывая о страшном нервном напряжении, овладевшем его товарищами.

— Леди и джентльмены, — начал он, оглядев с грустью свою небольшую команду. — Я много думал о том, что с нами произошло, и вы, безусловно, тоже. Несмотря на кошмарную абсурдность ситуации, в которой мы оказались, несмотря на полное отсутствие информации, я считаю необходимым все же как-то это осмыслить. Позвольте поделиться с вами своими соображениями.

Он помолчал.

— Я думаю, все, что проделано с нами, имело серьезные и никак уж не легкомысленные цели. Насколько я понимаю, наше похищение из самолета было частью какой-то операции, и сейчас мы находимся в чужой галактике, на немыслимом расстоянии от Земли. Ясно, что эта операция — какой бы бесчеловечной она ни была — проделана существами, далеко обогнавшими нас в развитии. Нам трудно представить себе усилия и ресурсы, затраченные на эту операцию. Поэтому можно сделать вывод, что нас отправили сюда для решения какой-то весьма серьезной задачи. Ее сути мы пока не знаем. Как не знаем и того, вернут ли нас в конце концов домой. Но, видимо, пока мы здесь, нас будут снабжать всем необходимым для жизни.

— Что вы скажете по поводу «эльфов»? — спросил кто-то.

— И про рыцарей? — спросил другой.

— Пока что на многие вопросы ответа нет, — Грэхем пожал плечами. — Возможно, и не будет. Можно только догадываться... Я думаю, они оказались здесь как представители определенного биологического вида, ведь, скорее всего, так же рассматривают и нас. Мне почему-то кажется, что не эти существа виновники нашего несчастья. А сейчас, — продолжал Грэхем, — перед нами стоят две срочные задачи: во-первых, нужно узнать как можно больше о мире, в который мы попали, и, во-вторых, попытаться установить контакт с теми, кто нас сюда доставил. Нет сомнения, что в их глазах мы своего рода идиоты или животные. Но если представления об этике у них соответствуют уровню науки, мы, возможно, сумеем убедить их отправить нас домой, хотя бы после того, как они нас изучат.

Дискуссия, начавшаяся после выступления Грэхема, была, в общем, бесполезной. Никто не высказал более разумного объяснения происшедшему: люди были слишком удручены, чтобы размышлять. В конце концов все разбрелись по спальням.

В группе было четыре супружеские пары. Сейчас стало ясно, что, по крайней мере, еще четверо как бы заключили временный брачный союз. Грэхем считал это неплохим признаком. Может быть, хоть это поможет ему (или ей) не сойти с ума.

Марина Джессоп жила одна, в отдельном номере. Две ее подруги жили вместе и предлагали ей к ним присоединиться, но девушка отказалась.

В тот вечер она ушла в свой номер и легла в теплую ванну. Видимо, замыкание портативного электрообогревателя, брошенного в воду, помогло ей решить все проблемы. Только утром обнаружили, что она мертва.

В письме, адресованном Расселу Грэхему, она написала:

«Уважаемый м-р Грэхем.

Я очень сожалею о том, что доставляю вам неприятность. Я настолько всего боюсь, что больше не могу выносить этот страх. Все это приводит меня в такой ужас, что иначе я просто сойду с ума.

Вы должны меня простить, честное слово. Всего три дня назад я возвращалась домой, проведя приятные

каникулы в Швеции. Я даже с удовольствием думала о том, что начинается новый учебный год в колледже. Но я знаю, как и вы, конечно, знаете, что никто из нас домой не вернется. Для меня эта мысль невыносима. У меня нет сил жить в этой тюрьме, вдалеке от всего, что я люблю. И мне ненавистна мысль о том, что я сойду с ума и доставлю вам всем уйму хлопот. Поэтому прошу вас: поймите и простите меня. Если вы когда-нибудь вернетесь на Землю, зайдите к моим родителям, они живут по адресу: Англия, графство Чешир, г. Стокпорт, ул. Идена, 71. Скажите им, что я жертва несчастного случая. У меня был кот, звали его Снежок, но вы не сможете ему сказать то же самое.

Поверьте: от меня не было бы никакой пользы ни вам, ни всем остальным.

Искренне ваша, Марина Джессоп».

Прочитав письмо, Грэхем заплакал. Он вспомнил, каким бледным было лицо Марины, вспомнил длинные прямые темные волосы и отсутствующий взгляд. Она была похожа на героинь сказок Андерсена.

Это была первая потеря. Он размышлял о том, сколько их еще будет.

Марину похоронили на маленьком, почти не заросшем травой участке в пятидесяти метрах от гостиницы.

Несмотря на свой атеизм, Анна Маркова красивым контральто спела над телом двадцать третий псалом, а Мохан дас Гупта, индус, сработал для могилы крест.

Нужно было продолжать жить.

После обеда Грэхем попросил своих друзей составить списки личного имущества. Полезно знать, чем располагает его «легион».

По большей части, это имущество состояло из обычного багажа туристов: фотоаппаратов, мелких сувениров из металла и стекла на память о Швеции, нескольких книг и транзисторов. Однако нашлись и такие полезные вещи, как компас, показавший, что у данной планеты есть магнитные полюсы, пара биноклей, два очень хороших пакета первой помощи, груда разнообразных лекарств и даже две портативные машинки.

Частично для того, чтобы отвлечь людей от смерти Марины, а частично и по необходимости Грэхем задумал довольно честолюбивый проект. На сей раз

«экспедиция» должна была двигаться на юг; ей было дано задание выступить на рассвете следующего дня и вернуться к сумеркам дня третьего. Таким образом, рассчитал Грэхем, отряд сможет двигаться к югу часов двенадцать и пройдет двадцать пять-тридцать километров. Потом он переночует «в поле» и вернется назад.

Перспектива ночевать в открытом месте таила опасность, но было ясно, что время от времени землянам придется рисковать, если они хотят получить какие-то сведения об окружающем их мире. Грэхем сказал, что в путешествие отправятся только добровольцы.

Первыми вызвались Джон Говард, который возглавил прошлую «разведку», и его жена. Гуннар Рудефорс тоже захотел отправиться в путь. Присоединилась к ним и молодая француженка Симона Мишель.

Добровольцам рекомендовали отдохнуть, остальные же занялись сборами. Четверо, в том числе две студентки, должны были изготовить палатку, а также настил из синтетических плащей и постельного белья. Госслужащий Роберт Хаймэн обнаружил весьма полезный талант: он умел стрелять из лука. Роберт вызвался сделать пару больших луков и полдюжины стрел, а также научить желающих стрелять.

А в это время Тур Норстед собирал простой искровой радиопередатчик из разрозненных деталей, мотка медной проволоки и всего прочего, найденного в одной из мастерских. Передатчик мог бы пригодиться для двух целей: во-первых, если отряд возьмет с собой транзисторы, с ним можно установить одностороннюю связь. Во-вторых, была надежда связаться с теми, из-за кого земляне здесь оказались, либо с другой группой людей, тоже заброшенных сюда.

На рассвете следующего дня все было готово, и группа вышла из отеля, чтобы пожелать доброго пути своей «глубокой разведке». Искровой передатчик Тура Норстеда работал: швед был уверен, что сможет успешно передавать сигналы километров на сорок.

Беда была в том, что никто в отряде не владел азбукой Морзе. Норстеду пришлось придумать простейший код: «SOS» обозначало «возвращайтесь на предельной скорости», «О'кей» — «продолжайте продвигаться вперед» и т. д. Передачи следовали в начале каждого часа.

В общем и целом экспедиция была довольно прилично оснащена. Члены отряда взяли с собой само-

дельные копья, ножи, топорики, два лука и полдюжины стрел; у них была палатка и продукты питания, а также компас, бинокль и фотоаппарат.

И все же, когда Грэхем прощался с людьми, на сердце у него был камень. Не успела прошлая экспедиция отойти от базы, как увидела «эльфов» и рыцаря. Вторая должна была уйти гораздо дальше. Грэхем не особенно задумывался над тем, какую информацию принесут люди, он думал: суждено ли им вернуться?

Его опасения оправдались.

На рассвете следующего дня отряд вернулся. Но возвратились трое.

Гуннар Рудефорс, шедший впереди на последнем переходе, погиб. Он упал в замаскированную яму, утыканную острыми кольями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рассел Грэхем сидел в своем номере на кровати, мрачно раздумывая над тем, что всего за три дня погибло два их товарища. Была поздняя ночь. Он принес из бара полбутылки виски и сейчас довольно быстро осушал ее, хотя раньше не одобрял пьянства в одиночку. Он и сейчас не одобрял, но выпивка могла ему помочь, как человеку со сломанной ногой помогают костыли.

Грэхем чувствовал страшное одиночество. Дурацкое стремление «служить обществу», толкнувшее его на путь лидерства, усугубляло его положение. Люди смотрели на него так, словно он знал ответы на все вопросы, и задавали ему эти проклятые вопросы.

«Лидер народных масс, черт бы тебя побрал», — подумал он.

И налил себе еще виски.

Гибель девочки-англичанки и молодого шведа он переживал так остро еще и потому, что сам взял на себя ответственность за группу. Прощай, Марина! Прощай, Гуннар!

Да будет чужая земля вам пухом...

Он попытался сосредоточиться на той информации, которую добыли участники второй разведки. Дело

обстояло еще хуже, чем после первого похода, потому что участники второго были единодушны в том, что видели. И принесли с собой фотографии.

Кроме смерти Гуннара, самым неприятным событием было то, что отряд обнаружил еще один вид людей, получивший название «речные жители».

Симона, художница-француженка, заметила их первой. Отряд удалился уже километров на двадцать от «базы» и двигался почти параллельно реке. Симона погналась за большой бабочкой, которую сочла великолепной; люди явно спугнули ее, проходя по участку густого леса. Бабочка порхала с цветка на цветок, словно — как сказала позже Симона — манила куда-то.

Отряд уже подходил к опушке леса, и погоня за бабочкой привела Симону на поляну на небольшой возвышенности, откуда была видна река. Бабочку она тут же потеряла из виду и от нечего делать взглянула на реку (к счастью, у нее был бинокль). То, что сначала показалось Симоне мостом, было чем-то вроде улицы, состоявшей из грубо сработанных хижин на сваях, соединявшей берега реки. Из дыр в крышах вился дымок.

Отряд осторожно приблизился к речной деревушке, остановившись примерно в полукилометре, и стал наблюдать за ней в бинокль.

«Речные жители» — а их было несколько человек на ближнем берегу — были одеты в звериные шкуры. «Ей-Богу, выглядели они так, будто сбежали из каменного века», — сказал Джон Говард. Они орудовали топорами, дубинками с каменными шипами и копьями с каменными наконечниками. На воде покачивались выдолбленные из стволов лодки.

Опасаясь неприятностей, Джон Говард решил не подходить ближе. Однако еще какое-то время рассматривал в бинокль окружавшую деревню местность. Вдали, на другом берегу реки, на расстоянии пяти-шести километров, он обнаружил нечто похожее на высокую, неподвижную стену плотного тумана. Высота стены была метров двести.

Отряд вернулся в лес, чтобы разбить палатку и заночевать. Спали по очереди: двое отдыхали, двое дежурили. Во время дежурства те, кто бодрствовал, слышали крики диких животных, но ничего не видели. На следующий день, когда отряд был на расстоянии

семи-восьми километров от дома, Гуннар упал в утыканную кольями яму.

Яма была не очень большой. Но она была хитро расположена посреди едва видной тропы, может этой тропой ходило на водопой какое-то стадо. Заостренные колья убили Гуннара почти мгновенно.

Грэхем перебирал в памяти все, что произошло за это время. «Руководитель! — мрачно думал он. — Если бы у тебя хватило ума, ты бы так загрузил людей работой, что Марине было бы не до самоубийства: просто не осталось бы сил. Ты не позволил бы экспедиции уходить далеко от дома без тренировки. Лидер липовый. Пожалуй, настало время отказаться от этой роли, прежде чем я осточертею людям и они откажутся от меня».

Раздался стук в дверь.

— Разрешите?

Анна Маркова, не дожидаясь приглашения, открыла дверь. Анна взглянула на бутылку с виски:

— Вам нравится пить в одиночку?

— Нет.

Она улыбнулась:

— Тогда угостите меня.

— Простите, что сразу не догадался. Будете пить из стакана, в котором я держу зубную щетку, или мне сбегать в бар за бокалом?

— Спасибо, сойдет и стакан. — Анна села на кровать Грэхема и слегка покачалась на пружинах. — По-моему, эта кровать удобнее моей.

— Жалуйтесь администрации, — сказал Грэхем.

Анна быстро сменила тему:

— По-моему, вы близки к отчаянию, Рассел. Горевать о покойных — естественно, но не нужно делать этого в одиночку. Вот это, — она кивнула в сторону виски, — это не очень-то поможет... Впервые за все время у меня есть возможность поговорить с вами наедине. Хотите, я скажу вам все, что думаю, а потом скажете вы?

— Хочу.

— Так вот, — начала Анна. — Мне кажется очевидным, что нас загнали в подобие зоопарка. На Земле в современных зоопарках зверей стараются поместить в условия, близкие к естественным. Я думаю, то же самое сделали и с нами. Нам предоставили гостиницу, чтобы была крыша над головой, супермаркет, чтобы

мы не умерли с голоду, а на улице поставили автомобили...

— Без мотора...

— Так ведь нам все равно некуда ехать! Но наши хозяева, кажется, неплохо разбираются в людской психологии и стремятся окружить нас привычными вещами.

— Лучше бы они вернули нас домой, — горько сказал Грэхем.

— Этого они не сделают, — заметила Анна.

— Почему вы так уверены?..

— Нас было восемь мужчин и восемь женщин.

— И что из этого следует?

Она смотрела на него грустно и насмешливо:

— Причина ясна, Рассел. «Плодитесь и размножайтесь...» Вы не согласны?

Он не ответил. И не взглянул на нее.

— Думаю, я права. Лучше смотреть правде в глаза: нас привезли, чтобы мы размножались. Так что вряд ли мы возвратимся на Землю.

Теперь он взглянул на нее и удивился ее спокойствию:

— И эта мысль не приводит вас в ужас?

— То, что произошло с нами, — страшно, но не должно быть бессмысленным.

— Что вы хотите сказать?

— То, что мы будем «плодиться и размножаться». В нашей группе есть супружеские пары, возникают и другие. — Она мрачно усмехнулась: — Вы не заметили: в нашем супермаркете есть многое. Кроме одного — противозачаточных средств.

Рассел улыбнулся:

— Кажется, вы очень легко приспосабливаетесь к обстоятельствам.

— Я попытаюсь это сделать, если... Рассел, а вы находите меня привлекательной?

— Я считаю вас очень привлекательной, Анна, — торжественно сказал Грэхем.

— У вас есть жена или семья в Англии?

— Нет. Я был слишком занят политикой, чтобы увлечься чем-то... творческим.

Она улыбнулась:

— Тогда у нас есть шанс, потому что я очень практичная женщина. Я не привыкла ждать от мужчин чего-то особенного. Итак, я приду к вам, мы будем

жить вместе; попытаемся и, надеюсь, научимся дарить друг другу тепло. Я думаю, мы будем получать удовольствие от общения в постели, но не это главное. Правда?

У Рассела брови поднялись от удивления; так он и смотрел на нее секунды две, а потом сказал очень серьезно:

— Анна, я пьяница, а вы — удивительная женщина.

— Значит — решено. Если мы не подойдем друг другу, мы расторгнем наш договор. А дружбу оставим.

Рассел поднял бокал с виски:

— Благодарение Господу, что был Карл Маркс.

Анна тоже встала, подняла стакан и несколько загадочно провозгласила:

— Здоровье королевы.

Проглотив свой виски, она отправилась в номер, чтобы собрать немногие вещи.

Неожиданно Рассел Грэхем осознал, что его депрессия исчезла, а уверенность вернулась. Понадобилось совсем немного времени, чтобы понять причину.

Он больше не чувствовал себя одиноким.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Странички из дневника Роберта Хаймэна:

«Наступила пятнадцатая ночь с того момента, как мы попали на планету, которую Рассел, забавляясь, называет Эревон*.

Ну что ж, название явно подходящее. Тем более что по отношению к остальному человечеству мы сейчас действительно „нигде“. По одним из нас будут страшно тосковать и плакать, по другим — нет, по мне тоже нет, и это меня утешает. Я был одинок на Земле, и я буду одинок здесь. В этом привилегия гомосексуалиста.

Какое-то время я надеялся, что Эндрю — бедный Эндрю, худой и томный, звезда этой кошмарной телевизионной серии, — что у него такое же несчастье

*Эревон — слово произведено от английского nowhere, т. е. *нигде*, и читается от конца к началу. Так называлась земля-утопия в одноименном романе Сэмюэля Батлера.

или привилегия — называйте как хотите. Оказалось, что нет: Эндрю, милый мальчик, просто женоподобный мужчина. А после того что произошло, никто не знает, на что он будет вообще способен. Сейчас он довольно смирный, и, может быть, скоро мы сможем снять с него самодельную смирительную рубаху. И правда, не можем же мы цацкаться с ним бесконечно.

Всех раздражает его бред по поводу огромных металлических пауков, которых он якобы видел. Из тех нескольких фраз, которые удалось разобрать, получалось, что он встал однажды ночью и увидел, как эти твари направляются к супермаркету с запасами продовольствия в лапах — хотя два наших часовых не видели и не слышали ничего. Действительность же такова: мы нашли Эндрю перед рассветом; он лежал у гостиницы как деревянный, как доска, с остекленевшими глазами. Кое-как нам удалось заставить его расслабиться. Но после этого он стал молчалив как рыба.

Дальше он выдумал вот что: заперся в ванной и царапнул себе горло бритвой, в то же время крича во всю глотку и вообще поднимая дикую панику. Хорошо, что у Марион Редмэн есть кое-какие медицинские навыки: она сказала, что он не нанес себе особого вреда, хотя выглядел так, словно истекал кровью. А сейчас бедный мальчик сидит весь забинтованный, в смирительной рубашке, слегка вращает глазами и бормочет что-то о металлических пауках, нагруженных пакетами стирального порошка и консервными банками.

Вопрос о том, кто пополняет для него запасы, остался открытым. Ночью постоянно дежурят люди, но, кроме Эндрю, никто ничего не видел. У Джона Говарда есть теория: нас специально так „обработали", что мы ничего не видим. У Тура еще более дикая теория: наши хозяева „отключают" нас когда хотят, а Эндрю они якобы забыли „отключить".

Как бы там ни было, мы ни на йоту не подошли к разгадке ни одной из окружающих нас тайн. Может, нам и не дано их разгадать...

Сегодня вечером я признался; не знаю, почему мне это показалось таким уж важным. Может, потому, что все они разбиваются на парочки, а кое-кто и на тройки. Тур Норстед, например, взял к себе в комнату

сразу двух девчонок, Андреа и Дженис. Никому нет до этого никакого дела. Да и чего им волноваться? У Мохана дас Гупты безумный, бурный роман с Симоной. Судя по всему, она хочет его рисовать, а он хочет весь день заниматься любовью. А бедная маленькая Селена — ну что за несусветное имя! — чахнет по нашему глубокоуважаемому руководителю. Между тем Джон и Мэри преданы друг другу, а Марион и Пол ссорятся лишь тогда, когда думают, что они одни.

Мне нравится Рассел. Может, потому я и признался. Он первый после Сэмми — а дорогой друг Сэмми умер так давно, что я почти не помню его лица, — кто вообще об этом узнал.

Он сказал всего-навсего: „Роберт, старик, ты среди друзей. Мне бы хотелось, чтобы тебе не было трудно"

И все же одиночество, как всегда, со мной.

На сегодняшний день мы знаем об этом мире не больше, чем в день прибытия, если не считать того, что у нас уже были две смерти, один психоз, мы слышали рассказы об „эльфах", средневековом рыцаре и дикарях. Самая популярная среди нас версия: мы в некоем „зоопарке". Она же самая вероятная. Однако это мучительно — не знать, кто смотритель зверинца.

Анна убеждена, что хозяева ждут от нас плодовитости. Воспитанная в русских традициях, она не считает это оскорбительным. Даже наоборот: грозится подарить Расселу полдюжины сыновей, тем более что свободного времени — уйма.

Естественно, мы проделали еще кое-какие изыскания. То есть пытались — пока Эндрю не наткнулся на своих пауков. Но это все лишь незначительные открытия. А если у хозяев „зоопарка" отличная система наблюдения, то они, наверное, валяются от смеха, видя, как мы уползаем в свои „экспедиции", вооруженные самодельными луками и стрелами, копьями и дубинками.

Мне кажется, сейчас Рассел не столько стремится исследовать, сколько хочет укрепить наш моральный дух и сделать нас более самостоятельными. Он вроде бы что-то задумал».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Было три часа дня по эревонскому времени. Жара становилась невыносимой. Дни, казалось, стали длиннее и теплее; судя по тому, что по улице летали странные, перьеобразные, неряшливые космы сухой травы с семенами, на планете был разгар лета.

Сидя на крыльце гостиницы с фотографией в руке, Рассел Грэхем лениво наблюдал за сухой травой, которой ветер заметал никому не нужный «мерседес» и такой же ненужный «сааб». Интересно, скоро ли автомобили совершенно скроются под этим «снегом»? — думал Грэхем.

Рядом с ним сидел Эндрю Пейн, уже без смирительной рубашки, но все еще в бинтах; здесь же пристроилась миниатюрная, невесомая, с шоколадной кожей Селена Бержер, которая недавно призналась кому-то, что ее настоящее имя — Джоан Джонс. Но все по-прежнему называли ее Селеной.

С тех пор как Эндрю пытался покончить с собой, она стала для него нянькой и медсестрой. Теперь он почти выздоровел, но она все еще преданно за ним ухаживала, и они вели себя словно брат с сестрой.

Вернуть Эндрю рассудок во многом помогли те фото, что Рассел держал в руке. До этого юноша пребывал много дней в полной «отключке», перемежающейся недолгими истериками.

Аппарат со вспышкой установили в супермаркете, навели на входную дверь, а затвор привели в действие с помощью простого шпагата. Всю эту механику предоставил Пол Редмэн, он же навел фотоаппарат. Тур Норстед еще больше усовершенствовал установку, присоединив шнур к самодельному таймеру.

Последний позволил точно установить время, когда было сделано фото. А произошло это в два тридцать ночи.

На снимке были видны очертания металлического паука, тащившего проволочную корзину с продуктами для пополнения запасов в супермаркете.

Эндрю был сразу же оправдан, а подтверждение его фантазии подействовало на него лучше любой психотерапии.

Грэхем снова взглянул на фото, — наверное, уже в двадцатый раз. Тело паука, размером не больше

футбольного мяча, было увенчано небольшой перевернутой чашей — видимо, датчиком. Судя по всему, паук передвигался с помощью четырех членистых лап; четыре членистые «руки» удерживали на голове корзину с припасами.

Паук был не более метра в высоту.

— Как тебе нравится этот зверь? — спросил Эндрю, глядя почти с любовью на снимок, позволивший его реабилитировать. — Думаешь, у него есть интеллект?

— Возможно, — ответил Грэхем, — но это, скорее, дистанционно управляемый робот. Бьюсь об заклад, это сравнительно простой робот, исполнитель воли своих хозяев.

Селена вздрогнула от страха и придвинулась поближе к Эндрю. Тот обнял ее движением защитника, что тайно позабавило Грэхема.

— Я так всего боюсь, мистер Грэхем, — сказала Селена (с тех пор как его выбрали лидером группы, девушка всегда обращалась к нему официально, несмотря на его протесты). — Я чуть что — моментально пугаюсь. А что, если этих роботов целая орда и они разорвут нас по первому сигналу?

— Если бы они хотели разорвать нас, — Грэхем засмеялся, — они бы это давно сделали. А вместо этого они нас обслуживают. Лично я думаю, что их основная задача — заботиться о нас и... — Он замолчал.

Выйдя из супермаркета, Мохан дас Гупта подбежал к сидящим на крыльце.

— Никаких сигарет, пропади все пропадом! — объявил он. — Вчера еще была целая уйма пачек, а сегодня — ни одной!

Грэхем на минуту задумался.

— А ты уверен, что никто не побывал там до тебя?

— Сегодня моя очередь снабжать нашу компанию, — сказал Мохан.

— Это наказание, — догадался Эндрю. — Они нас наказывают.

— Не понял?..

— Этим паукам или тем, кто ими управляет, — объяснил Эндрю, — не понравилось наше любопытство. Я увидел одного из них и чокнулся. А вы сделали «картинку» с другого. И теперь они хотят нас приструнить, лишая не самого необходимого, но роскоши.

— Интересная теория, — сказал Грэхем. — Прове-

рить идею Эндрю мы можем только одним способом: установить аппарат еще раз и сделать еще один снимок.

— Ни в коем случае! — завопил Мохан, в ужасе воздевая руки к небу. — А если они заберут у нас и выпивку? Разве можно так рисковать? — Глаза его горели огнем на смуглом лице.

— Смотрите! — вдруг закричала Селена, вцепившись в руку Эндрю. — Боже мой, что это? Господи, Боже мой... — она показывала в дальний конец улицы.

На ярко-зеленом фоне саванны, словно на фоне изумрудного занавеса, внезапно возникло странное видение. Оно кое-как шло, а вернее — с трудом брело по дороге, приближаясь к сидящим на крыльце.

— Теперь я всему поверю, — пробормотал Грэхем. — Гуннар был прав: в темных уголках нашего садика, похоже, водятся и эльфы, и рыцари...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рыцарь, впрочем, являл собой зрелище довольно жалкое. Из доспехов на нем был лишь бронзовый нагрудник, нечто похожее на кожаные брюки и короткую кожаную куртку. Шлема у него не было, коня тоже.

По лицу, испачканному кровью, его можно было принять одновременно за негра и за монгола. Брюки и куртка — вернее, ее нижняя часть — были окровавлены. Рыцарь страдал от многочисленных ран,, но волочил за собой оружие, похожее на меч.

Группа землян, сидевших на ступеньках отеля, на некоторое время окаменела. Рыцарь неумолимо надвигался на них. Глаза его были широко открыты, взгляд неподвижен. Он, вероятно, не замечал ничего вокруг, внимание его было занято чем-то таким, что видел только он.

Хотя Грэхем сидел неподвижно как статуя, мысли проносились у него в голове с бешеной скоростью. Поскольку рыцарь шел очень медленно, он мог разглядеть его в мельчайших деталях. Он видел дыры в его кожаной одежде, синяки, разводы грязи на лице. Грэхему казалось, что он видит даже, как струится кровь из его ран, и слышит биение измученного сердца.

Спотыкаясь, рыцарь приближался к отелю. Через каждые три-четыре шага он наносил удар — точнее, пытался нанести — по невидимому врагу.

Грэхем не знал, сколько прошло времени до того, как он заставил себя встать и подойти к странному существу.

Неожиданно рыцарь заметил его, остановился и качнулся, словно пьяный. Громадным усилием воли он сосредоточил свой взгляд на англичанине. Однако от увиденного ему, вероятно, нисколько не полегчало. Он попробовал поднять меч и чуть не упал. Выругавшись вполголоса, он вонзил острие меча в землю и оперся на него, как на костыль.

Рыцарь сильно закашлялся, потом плюнул в Грэхема. Собрав все свои силы, он все же смог поднять меч.

— Прочь, — сказал он заплетающимся языком, но на прекрасном английском. — Изыди, демон, леший, призрак, дьявол, колдун, злой дух. Именем черной королевы, именем белой королевы приказываю тебе: исчезни. Возвращайся в порченую землю, которая тебя родила.

Грэхем не двигался. Мыслей не было никаких, и он смог произнести только одно слово:

— Мир.

— Мир!!! — злобно зарычал рыцарь. — Мир! Ты видишь, что я ослаб, и позволяешь себе издеваться. Но у меня достанет сил, чтобы осчастливить тебя своим мечом.

С этими словами он сделал фехтовальный выпад. Грэхем подался в сторону, но и без того меч не достал бы его, потому что силы покинули нападавшего. Не произнеся ни звука, он плашмя упал на дорогу.

Рассел осторожно перевернул его. Обескровленное лицо казалось таким молодым, что вызывало жалость.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Абсу мес Марур, повелитель клана Марур, хоругвеносец западных владений и предводитель каравана, везшего красные пряности, награжденный королевским мечом и избранный владыкой всех чужаков, оставался без сознания более двух суток. Он лежал в одном из

номеров здания, которое Мохан дас Гупта, забавляясь, называл эревонский отель «Хилтон». Раны Абсу мес Марура были тяжелыми, но не смертельными. Если бы он был землянином, то, возможно, уже умер бы от травм, инфекции или потери крови. Но, как уже догадывался Грэхем, он не был землянином, поэтому на третий день, ближе к вечеру, когда температура спала, Абсу мес Марур открыл глаза.

Почти все это время Марион Редмэн дежурила у его постели. Она промывала рыцарю раны, прикладывала компресс к пылающему лбу и вообще старалась изо всех сил облегчить его страдания. Пока он выздоравливал, Джона Говарда и Тура Норстеда отправляли на разведку сначала на север, потом на юг, запад и восток — узнать, не бродят ли поблизости соплеменники рыцаря. Поблизости они никого не встретили, а Грэхем не хотел посылать их дальше трех-четырех километров от базы.

Когда Абсу мес Марур пришел в сознание, Грэхем был у него в комнате.

— Не двигайтесь, — сказал он спокойно. — Здесь никто не желает вам зла. Вы были на волосок от смерти. Когда вы отдохнете и придете в себя, мы вас, если пожелаете, проводим домой... Если вы, конечно, скажете, где живете.

Человек в постели повращал глазами и вздрогнул. Он протянул руку за своей кольчугой, но Марион еще пару дней назад разрезала ремни и сняла ее, а потом убрала подальше. Он пытался нащупать свой меч, но не нашел и его.

Грэхем понял состояние человека, который без оружия почувствовал себя словно голый, поэтому вынул меч из шкафа и положил на кровать. Рыцарь коснулся рукоятки и наградил Грэхема благодарным взглядом.

— Кто бы ты ни был — человек, дух или демон, — начал он довольно витиевато, — мне хотелось бы услышать твои титулы, ранг и имя. Пред тобой Абсу мес Марур, повелитель клана Марур.

— Здравствуйте, — осторожно сказал Грэхем. — Меня зовут Рассел Грэхем.

— Ты владыка своего клана?

— Не понял.

Абсу мес Марур был все еще очень слаб и поэтому быстро устал. Но, видно, решил во что бы то ни стало узнать, с кем имеет дело.

— Эта женщина, — спросил он слабым голосом, — она твоя?

— Нет, не моя.

Рыцарь вздохнул:

— Тогда я не стану с тобой говорить. Приведи повелителя своего клана.

Марион первой поняла его желание.

— Он хочет знать, ты ли наш лидер, Рассел, — сказала она. — Успокой бедного парня, а то у него снова поднимется температура.

— Меня избрал мой народ, — сказал Грэхем. — У нас нет того, что ты называешь кланом, но в общем-то я здесь главный. Ты меня понимаешь?

Слабая улыбка Абсу мес Марура была ему ответом.

— Ты повелитель своего клана. Помни: я не запятнаю твою честь, когда смогу поднять свой меч.

— Я никогда не буду воевать с тобой добровольно. Ни сейчас, ни потом.

— Но это твой долг.

— Это не мой долг. Мой долг — доставить тебя домой, когда ты сможешь передвигаться.

Снова рыцаря проняла дрожь, потом он попытался встать...

— Я — хоругвеносец западных владений, владыка каравана с красными пряностями, я награжден королевским мечом, — с гордостью произнес он. — Кто осмелится обесчестить меня, тому потребуются для защиты многие сотни копьеносцев!

— Никто тебя не обесчестит, — сказал Грэхем терпеливо. — Я и мои друзья хотим всего лишь помочь тебе... Если это необходимо — будем драться, но мы хотим жить в мире. Мы хотим быть твоими друзьями, хотим, чтобы ты и твой народ жили с нами в мире. А теперь отдыхай, Абсу мес Марур. Никто не причинит тебе зла.

Рыцарь тяжело дышал, на лбу выступили капельки пота.

— Каков твой ранг?

— Никакого ранга у меня нет.

Абсу мес Марур зарычал от гнева.

— Ради Бога, Рассел! — воскликнула Марион. — Скажи ему, что ты владыка всех сумасшедших в этом бедламе, иначе он совсем спятит!

— Дорогая, — ответил Грэхем, — кажется, Оскар Уайльд сказал: нас разделяет барьер одного и того же

языка. Он говорит как будто бы по-английски, хотя мы знаем, что он не англичанин, да и губы он складывает иначе. Значит, что-то сделали с его головой — как и с нашими. Но проблема в том, что, хотя мы и можем разговаривать, его представления — иные.

— Твой ранг! — воскликнул Абсу мес Марур в отчаянии.

Грэхем пожал плечами:

— Ну ладно, слушай. Меня зовут Рассел Грэхем, я член парламента, — это он произнес очень выразительно, — я «голос королевских подданных», создатель законов, награжден Звездой. Кроме того, я член королевского автомобильного клуба.

Абсу мес Марур слушал очень внимательно, но ничего не понял.

— Значит, ты повелитель своего клана?

— Да будет так. Я лорд своего клана. Но мы с тобой — из разных миров. Постарайся это понять. Я с моими людьми пришел из того мира, что расположен позади звезд, за дальней стороной Солнца. Нас привело сюда нечто...

Абсу мес Марур широко открыл глаза, издал пронзительный крик и снова провалился в щадящий покой обморока.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Только через несколько дней раны Абсу мес Марура зажили настолько, что он смог встать с постели и начать ходить. Пока он лежал, у них с Расселом Грэхемом было достаточно времени, чтобы узнать многое друг о друге, равно как и о мирах, из которых они сюда прибыли. У Грэхема было значительное преимущество, поскольку он вырос в век сложной техники и изощренных чувств и был способен схватывать идеи и теории, которые находились за пределами понимания рыцаря, пребывавшего в своем развитии на уровне начала средневековья.

Впрочем, и у Грэхема от сознания того, что перед ним человек из чужого мира, захватывало дух. По его прежним представлениям, космические полеты ограни-

чивались пределами Солнечной системы, так как расстояния между галактиками слишком велики для космических кораблей.

Но вместе со своими попутчиками он на собственном горьком опыте получил подтверждение тому, что долговременные межпланетные путешествия возможны. Из бесед выяснилось, что земляне не одиноки в своем несчастье, то есть — в оторванности от родного мира. Оказалось, что Абсу мес Марур и его пятнадцать спутников прибыли на эту планету таким же образом, как и земляне, с той лишь разницей, что их похитили не из самолета, а из каравана. Животные были нагружены драгоценными красными специями, которые люди переправляли из Царства Уллос в Нижнее и Верхнее Царства Грен Ли.

Грэхем был абсолютно уверен, что эти царства не могли существовать на какой-нибудь планете Солнечной системы, поскольку там лишь на Земле есть условия для жизни.

И все же Абсу мес Марур, чья родная планета была далеко от Земли, несомненно, был не просто разумным существом, а человеком. На Земле его расу приняли бы за некую смесь азиатской и африканской рас. Грэхем начал подумывать даже о том, что Абсу мес Марур и люди его расы могут оказаться вполне генетически совместимы с мужчинами и женщинами Земли, хотя эта мысль его и обескураживала.

Впрочем, несмотря на свои страхи и унижение в начале знакомства, вызванные странными запретами и обычаями, Абсу постепенно стал доверять Грэхему и даже с ним подружился.

— Давай поговорим, Абсу, — сказал Грэхем однажды утром, когда рыцарь уже был в состоянии сидеть и внимательно слушать. — Я думаю, нам многое нужно обсудить.

— Я буду беседовать с лордом Грэхемом, — ровным голосом ответил тот, — если лорд Грэхем, возложив руки на сердце и голову, поклянется святой мантией, что в его словах не будет ни обмана, ни предательства.

— Клянусь, что ни я, ни мои соплеменники не питают вражды к повелителю Абсу мес Маруру или его людям.

— Лорд Грэхем, ты щедр в своей клятве.

— Мое имя — Рассел, и, насколько я понимаю,

тебя зовут Абсу. Может, мы будем называть друг друга по имени?

— Лишь в том случае, если побратаемся.

— А как это сделать?

Абсу мес Марур улыбнулся:

— С помощью меча, копья или кинжала, приставленных к горлу друг друга. Повелители кланов, по обычаю, клянутся мечами.

— Я хочу побрататься с тобой, но меча у меня нет. А нельзя нам обойтись твоим мечом? — Он взглянул на оружие Абсу.

— Такие случаи были, — ответил Абсу, — но только на поле брани.

— Друг мой, — сказал Грэхем без тени юмора, — я думаю, мы вполне можем считать, что находимся на войне.

— Да будет так, — сказал рыцарь.

С удивительной ловкостью для человека, долго лежавшего в постели, Абсу мес Марур схватил меч, наклонился вперед и слегка вонзил острие меча в шею Грэхема.

Англичанин почувствовал, как из раны побежала струйка крови. Взгляд его скользнул вдоль меча метровой длины с остро наточенным лезвием и наткнулся на взгляд воина, который одним движением руки мог лишить его жизни. Он замер.

— Этого человека я не могу убить, — возгласил Абсу. — От него я не буду ждать удара в спину, в его присутствии я могу спать спокойно. С ним имеют право разговаривать мои женщины. Если я все это забуду, пусть наказанием мне будет позорная смерть. Клянусь святой мантией, да будет все именно так.

Он положил меч и сделал знак Грэхему взять оружие.

Тот осторожно поднял меч — он не доверял себе и боялся серьезно ранить Абсу острием.

— Вызови кровь! — рявкнул рыцарь. Видя, что Грэхем напуган, Абсу сам подался вперед так, что кровь побежала из ранки. — А теперь повтори клятву!

Глядя в глаза своему побратиму, Грэхем повторил клятву. Как ни странно, она показалась ему трогательной. Пожалуй, это было самое сильное заклинание из всех, слышанных им.

Закончив клятву, Грэхем снова положил меч рядом с Абсу.

— Значит ли это, что нам больше не нужно воевать? — спросил он.

— Это значит, что мы не должны встречаться в битве, — ответил Абсу.

— Хорошо. А теперь давай к твоему обычаю присоединим мой. — Грэхем протянул правую руку и показал Абсу, что такое рукопожатие. — Даю тебе мою руку в знак дружбы... Если ты не очень устал, я расскажу тебе о моей родине и о том, как я со своими друзьями оказался здесь. Когда я закончу, ты расскажешь мне о себе.

Подбирая самые простые слова, Грэхем попробовал описать достижения техники и цивилизации в развитых странах Земли. Но когда он говорил о машинах, которые летают, и о тех, что очень быстро преодолевают громадные пространства по земле или позволяют разговаривать на расстоянии, — он видел, что психика Абсу этого не выдерживает, и поспешно закончил тем, что описал прибытие своей группы в пластиковых гробах на Эревон и попытки исследовать эту землю.

— Значит, вы — племя волшебников? — Абсу недоверчиво смотрел на него.

— Нет, Абсу, мы не волшебники. Я думаю, главная разница между нами в том, что мой народ дольше работал с металлами. И среди нас были умные люди, сообразившие, как заставить машины служить человеку. А теперь рассказывай ты.

Теперь настала очередь Грэхема переваривать услышанное: голова его распухла от наивных представлений, которыми оперировал Абсу. Грэхем узнал о роковом походе с красными специями, которые они везли из Царства Уллос в Верхнее и Нижнее Царства Грен Ли. Абсу руководил всем караваном; в нем было тридцать воинов, с десяток купцов, полтора десятка женщин и более тридцати палпалов, по описанию — нечто среднее между лошадью и оленем, которые и везли поклажу. У Абсу не осталось никаких воспоминаний о том, когда и как на них напали. Воспоминания его попутчиков были столь же расплывчаты, как воспоминания землян.

На Эревоне их ждало поселение из крепких бревенчатых строений вместо отеля землян, а вместо супермаркета — целое стадо палпалов. Любопытно, что Абсу получил свои раны так же, как и Гуннар, — попав в яму с кольями.

К счастью для Абсу, во время своей разведки он ехал на палпале: животное, провалившись в яму, приняло на себя основной удар. Острые колья проткнули его тело, брыкавшийся в предсмертных судорогах палпал изувечил своего хозяина. Видимо, на какое-то время Абсу потерял сознание, но потом он как-то ухитрился выбраться из ямы.

Почти теряя рассудок от боли, Абсу попытался найти дорогу к своей крепости. В результате он вышел к обиталищу землян, которое назвал «страна мертвых» — таким оно ему показалось. Белолицые люди укрепили его в мысли, что он попал в землю привидений и духов.

— Среди нас нет ни волшебников, ни привидений, ни злых духов, — успокоил его Грэхем, когда Абсу закончил свой рассказ. — Мы такие же люди, как ты. Это правда, у нас кожа белее твоей, хотя и среди землян встречаются темнокожие; мы выше ростом и живем по-другому. Но мы — мужчины и женщины. Нас так же, как и вас, похитили из нашего мира и поместили...

— Из вашего мира? — перебил его Абсу. — Ты хочешь сказать, из вашей страны?

— Нет, из нашего собственного мира.

Абсу мес Марур расхохотался. По лицу было видно, что он испытывает облегчение.

— Значит, вы, волшебники, тоже знаете не все, — сказал он как-то даже весело. — Так знай же, друг Рассел, что есть только один мир. Он находится в центре всего сущего, а солнце — его фонарь. Ты уже говорил о том, что позади звезд и обратной стороны солнца есть еще один мир. Но этого не может быть, потому что Земля всегда была доской, на которой боги играют людьми.

На мгновенье Грэхем растерялся:

— Ты говоришь о Земле?

— Да, о Земле. Это сцена, на которой проходит игра — жизнь людей. На ней мы рождаемся и на ней умираем. Это единственное место для нашей жизни, Рассел. Единственное в мире разнообразия, созданного богами.

Грэхем тупо смотрел на него:

— А какой формы Земля, как ты думаешь?

Абсу рассмеялся снова:

— Вот тебе и ваша великая мудрость, вот тебе и

волшебные машины. Ей-Богу, вы, наверное, живете у самого края, а значит, у самой тьмы. Даже дети знают, какой формы Земля. Она плоская, круглая, как блюдо, и громадная. На ней, несомненно, много стран, много чужих народов с чужими обычаями. Но и твоя раса, и моя живут на Земле. Мы ее дети.

— Тогда скажи мне, — спросил Грэхем, совсем растерявшись, — что случилось бы с человеком, подошедшим к самому краю Земли?

— Он бы свалился вниз, — сказал Абсу. — Он упал бы в первозданную тьму, и никто его больше не увидел бы. Таково наказание за безумство.

— Абсу, друг мой, — сказал Грэхем, — боюсь, нам с тобой еще многому нужно учиться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Крепость Марур стояла в пятнадцати километрах к северо-западу от эревонского «Хилтона». Когда Абсу более или менее оправился от своих ран — а по земным меркам он выздоравливал невероятно быстро, — Грэхем и Анна вызвались проводить его домой. Правда, Грэхем хотел проводить рыцаря один, потому что боялся новых сюрпризов для обитателей «Хилтона» во время его отсутствия. «Речные жители», например, могли явиться целой ордой, а, судя по донесениям, ребята они не очень воспитанные. Итак, Грэхем не хотел больше ослаблять «гарнизон».

Но Анна настояла на своем. Она утверждала, что кто-то должен сопровождать Рассела хотя бы для того, чтобы составить ему компанию на обратном пути. Правда, Абсу тут же возразил, что его соплеменники дадут англичанину сопровождающих, однако, не имея привычки спорить с женщиной и видя, что Грэхем, лорд своего клана, тоже не очень хорошо справляется с этой задачей, он отступил. Абсу принял свое поражение со всей деликатностью, на какую способен средневековый воин. Проще говоря, он совершенно игнорировал Анну на всем пути и беседовал только с Грэхемом.

За те несколько дней, что Абсу жил с землянами, он окончательно убедился в том, что попал в компанию

волшебников. Его познакомили с чудесами электричества, с наручными часами, водопроводом, фотоаппаратом, биноклем; он узнал тот поразительный факт, что женщина имеет право идти впереди мужчины.

Он пришел в изумление от фразы Грэхема о том, что земляне прибыли с другой планеты, которую они тоже называют Землей. Его потрясла также их способность бегло говорить на языке Грен Ли, на северном и южном диалекте, — хотя при этом их губы принимают какую-то странную форму. Но больше всего его изумило их миролюбие — и в поведении, и в характере. Со временем он пришел к выводу, что, видимо, они воюют не столько в честном бою, с оружием в руках, сколько при помощи волшебства, и поздравил себя с тем, что ему удалось побрататься с повелителем такого необыкновенного клана. Когда владыки двух кланов не могут встретиться в бою, думал он, их подданные тоже не могут воевать между собой; с одной стороны, это раздражает, с другой — успокаивает. Жить в мире тоже нелегко, но это лучше, чем воевать с людьми, умеющими зажигать ярко-белый огонь когда захотят и брать пищу с вогнутого куска металла.

На время своего отсутствия Грэхем назначил Джона Говарда заместителем. Рассел сказал, что если не вернется, то Говарду придется взять на себя ответственность за группу — при условии, что его не отведут большинством голосов в пользу кого-то третьего.

Симона Мишель сделала интересное и приятное открытие утром того дня, когда тройка должна была отправиться в крепость Марур. В качестве дежурной по снабжению она отправилась в супермаркет, где и обнаружила, что блоки с сигаретами снова появились на полках. Получилось, что наказание за любопытство — если это было именно наказание, а не небрежность, — уже снято.

Сам по себе поход не был отмечен какими-либо событиями. Путники шагали почти весь день, и не только потому, что Абсу был еще слаб и не мог идти быстро, а скорее из-за того, что он пару раз терял дорогу и им пришлось сделать несколько лишних километров. В конце пути он шел почти все время по запаху.

Спросив Абсу, по какому запаху он ориентируется, Рассел узнал, что тот идет назад по тропам, где недавно проходили палпалы, либо дикие, либо оседланные.

Видимо, палпалы нужны этому воинственному племени не меньше, чем буйволы американским индейцам и олени жителям Лапландии, решил Грэхем. Они перевозят людей и тяжести, мясо палпала идет в пищу, из его шкуры шьют одежду. Из кишок палпала можно сделать веревки и тетиву для лука, из рогов — разные предметы домашнего обихода, украшения, ложки, ножи и иглы. Из копыт изготовляют общепризнанное лекарство — секс-стимулятор, хвост служит для изгнания злых духов, из высушенного носа делают успокоительное для женщин, чьи мужья-воины находятся в отлучке.

Крепость Марур стояла на небольшом холме; он возвышался всего лишь метров на двести над долиной. Неподалеку протекал ручей, к которому жительницы крепости проторили дорожку, ежедневно пополняя запасы свежей воды. Сама по себе крепость оказалась всего лишь деревянной башней, окруженной высоким забором. Башня возвышалась не более чем метров на двадцать пять над землей. Пара вооруженных часовых охраняла крепость. Завидев приближение Абсу и его спутников, когда они были еще на расстоянии двух километров, гарнизон выслал навстречу небольшую группу людей.

Трое воинов, скакавших из крепости на своих палпалах, пробирались сквозь высокую траву со страшной скоростью, искусно объезжая небольшие деревца и другие препятствия. Увидев их, Абсу принял важный вид и зашагал пружинистой походкой.

До того, как крепость показалась вдали, его вполне устраивала ходьба между Расселом и Анной. Теперь он возглавил группу, идя на три-четыре шага впереди.

Анна заволновалась.

— Я думаю, в душе нашего нового друга происходят какие-то изменения, — сказала она тихо. — Может, нам лучше оставить его, пусть закончит путешествие один. Что, если эти люди захотят нас захватить и сделать своими рабами?

Взяв Анну за руку, Грэхем попытался вселить в нее уверенность, которой ему самому не хватало.

— У Абсу сильно развито чувство чести, — напомнил он. — Мы с ним считаемся кровными братьями или чем-то в этом роде. Не думаю, что он захочет нарушить клятву.

— Ты очень доверчив, — Рассел, это истинно западная черта.

— А ты слишком цинична — это уж истинно восточная черта. — Он широко улыбнулся. — Вот почему мы так подходим друг другу.

Продолжить разговор не удалось — воины Грен Ли приблизились к путникам. Каждый управлял своим «конем», забавно держась за рога, словно за руль велосипеда. Они скакали прямо на Абсу мес Марура, не сворачивая, как будто хотели его растоптать.

Но оказалось, что способность внезапно останавливаться развита у палпалов гораздо лучше, чем у лошадей или оленей. Повинуясь своим наездникам, трое животных остановились как вкопанные.

— Дети твои приветствуют тебя, Абсу мес Марур, — произнес один из всадников.

— Абсу мес Марур также приветствует своих детей, — ответил он.

— Повелитель, мы опасались, что ты погиб.

— Я был так близок к смерти, что почувствовал ее вкус, но меня спасли враги моих врагов.

— Повелитель, — внезапно копье почти вонзилось в живот Грэхема, — эти чужаки — плоды твоей победы?

— Нет, это плоды нашей дружбы. Я выжил благодаря их заботам. Если кто-то сочтет это моей слабостью, пусть, по древнему обычаю, бросит мне вызов!

Трое мужчин вполголоса посовещались между собой, потом заговорил старший:

— Мы не ставим под сомнение доблесть или мудрость повелителя нашего клана. Клянусь мантией, да будет так.

— Я тоже не сомневаюсь в вашей мудрости. А теперь сойдите с палпалов, дети мои, потому что на них поскачут мои друзья.

Несмотря на их протесты, Расселу и Анне пришлось взобраться на «скакунов», им показали, как управлять ими, держась за рога. Оказалось, что ехать на них удивительно легко, может, потому, что голову они держат прямо и всадник сидит плотно и уверенно.

Остаток дороги был преодолен всего за несколько минут: палпалы прошли его спокойной рысцой, а «дети» Абсу бежали рядом. Взбираясь на холм, увенчанный крепостью, путники услышали рог, играющий приветственный гимн.

Построенная неведомыми мастерами, крепость Марур уже существовала, когда в нее перенесли жильцов. Как и гостиница для землян, крепость была жилищем, привычным для ее обитателей.

Снаружи это было мрачное строение, с целым рядом треугольных окошек на каждом этаже. Внутри — по крайней мере, на первом этаже — было вполне уютно: деревянный пол был покрыт аккуратно простеганными шкурами палпалов, груды пушистых меховых шкур и даже подушек в наволочках лежали на полу, — видимо, на них сидели или лежали. Стены украшало оружие и другие трофеи; от горевшего в светильниках палпалового масла разливался слабый, чуть дрожащий свет; поодаль от светильников было темно.

Кроме жилых комнат, на нижнем уровне угадывался целый комплекс помещений, включавший бойню, пекарню, оружейный склад и мастерские. Отсюда деревянные ступеньки вели наверх, сначала на женскую половину, потом в помещения торговцев и воинов, а под самой зубчатой стеной башни располагались апартаменты повелителя клана.

Именно здесь Абсу торжественно представил гостей всем своим остальным «детям». Такое знакомство было необходимой церемонией в смысле чисто практическом, потому что в этом обществе сама внешность чужестранцев могла спровоцировать нападение на них. В этих же комнатах Анну и Рассела развлекали.

Пока он жил среди землян, Абсу научился есть консервы и даже пить молоко из железных банок. Теперь настала очередь Анны и Рассела знакомиться со странными блюдами. Им подали нечто похожее на плод авокадо, нарубленный кусочками; это оказалось свежими мозгами палпала, которые соплеменники Абсу считали одним из самых изысканных деликатесов. Далее следовало тушеное сердце палпала, какие-то довольно вкусные овощи и красные специи, о которых Рассел уже был наслышан. По описанию Абсу Рассел представлял себе эти специи похожими на перец. Он не совсем угадал. Во-первых, приправа была гораздо острее, чем любой перец, — его даже прошиб пот. Во-вторых, она опьяняла, правда, если ее запивали водой.

К удивлению Рассела, Анна довольно спокойно поедала эти специи. Рассел, не ограничивая себя, пил воду, которую ему подавала смуглая миниатюрная женщина, почти совсем обнаженная. Она сидела поджав

ноги рядом с ним и даже положила руку ему на плечо, что показалось Расселу несколько фамильярным. Женщина — ее звали Яссал — была потрясающе красива даже по земным представлениям. Кроме нее и Абсу, за этой трапезой не было никого из хозяев.

К концу обеда Рассел опьянел. Он понял, что напился, и почувствовал себя полным болваном.

Абсу мес Марур серьезно на него посмотрел.

— Я надеялся поговорить с тобой сегодня вечером о многих вещах, которые беспокоят нас обоих, — сказал он. — Но боюсь, долгое путешествие утомило и тебя, и меня, хотя по-разному. Значит, давай сохраним наши серьезные мысли до того часа, когда встанем, набравшись сил, вместе с солнцем. А пока что, по нашему обычаю, моя женщина согреет шкуры на твоей постели, а твоя — на моей.

Даже пьяный угар не помешал Грэхему сообразить, что гостеприимство этого феодала включает в себя довольно-таки варварские обычаи. Грэхем, конечно, политик, но явно не до такой степени.

— Абсу, старик, — сказал Рассел заплетающимся языком, — это не пойдет. — Он призадумался, подыскивая нужные слова. — В нашей стране не меняются женщинами. Ну... не так часто.

— У нас тоже не часто, — сказал Абсу. — Рассел, друг мой, мы делаем это только в первую ночь знакомства. Это обычай наших поселений и символ дружбы. Так было всегда. Мне совсем не хочется спать с твоей женщиной: она такая длинная, худая и не умеет угодить своему господину. Но обычай крепости священен, его нельзя нарушать.

И тут, покачиваясь, поднялась Анна.

— Варвар, — сказала она и осушила еще одну кружку с водой. — Дикарь. Империалист. Фашист. Я научу тебя уважать тех, кто выше тебя морально и интел...лекту...ально. Даже если это последнее, что мне...

Глаза у нее слипались. Она пыталась их открыть, но веки не слушались. Покачнувшись, Анна свалилась на шкуры.

Абсу мес Марур бросил на нее растерянный взгляд и с едва заметным облегчением произнес:

— Красные специи — опасная штука. Но теперь ничего не поделаешь. Будем считать, что обычай соблюден.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На следующий день, ближе к вечеру, Рассела и Анну провожали домой. Странно, но они уже начали думать о своем эревонском «Хилтоне» как о доме. Сидя на палпалах и мучаясь головной болью, Рассел и Анна ехали в сопровождении двух всадников из воинов Абсу. Путешествие прошло быстро и без всяких происшествий.

Пока они трусцой продвигались вперед, крепко держась за рога палпалов, мысли Рассела все время возвращались к тому, что рассказал ему Абсу утром, после того как они с Анной опохмелились. Они запили специи большими порциями воды и закусили кусками хлеба, испеченного, как им показалось, из пресного теста.

В клане Абсу был человек, которого он называл следопытом. Ремесло следопыта очень ценилось в Верхнем и Нижнем Царствах, где торговля во многом зависела от правильного выбора дорог для караванов, ведь путникам предстояло пробираться по незнакомым, опасным, а иногда и пустынным территориям. Профессия следопыта была древней, почетной и считалась привилегией всего лишь нескольких семей.

Следопыт из клана Абсу ушел в одиночку и отсутствовал почти три дня. А вернувшись, сообщил довольно странные вещи. Он рассказал, что к северу от крепости в изобилии водятся дикие звери и земля эта хороша для охоты. Однако некоторые из зверей могут нападать на палпалов, а это уже большое неудобство, потому что любая угроза палпалам была угрозой всему образу жизни их хозяев.

Следопыт тоже утверждал, что видел каких-то дикарей да еще стаю крылатых дьяволов с длинными золотыми волосами. Он не смог разглядеть их, потому что дьяволы, хотя и летели низко, но пронеслись над ним стремительно и скрылись из вида.

«Видимо, этот следопыт — отважный человек, — думал Грэхем, — если такая встреча не помешала ему пересечь цепь холмов, преградивших путь». По другую их сторону он обнаружил гладкую равнину, поросшую довольно скудной растительностью, что резко отличало ее от ландшафта, оставшегося за холмами. Окружая равнину и как бы превращая ее в сегмент огромного

круга, стояла высокая и неподвижная стена — то ли из пара, то ли из тумана.

Следопыт преодолел желание повернуть назад в ту же минуту; в нем заговорила профессиональная гордость и преданность главе клана. Он пересек равнину пешком — по той простой причине, что его палпал отказался идти дальше, хотя обычно был покладистым и послушным. Следопыт привязал его к кусту и пошел один.

Не так уж много времени понадобилось храбрецу, чтобы подойти к этой преграде из тумана. Приближаясь к ней, он был почти уверен, что вблизи она не будет казаться стеной. И ошибся. Хотя в долине дул ветерок, стена оставалась неподвижной и сохраняла форму.

Любопытство этого человека оказалось сильнее страха, хотя явление было странным и непонятным. Он надеялся пройти сквозь стену тумана, если сможет, и узнать, что находится по другую ее сторону. Но прежде чем в нее проникнуть, он какое-то время стоял, вглядываясь в туман и отмечая про себя кое-какие странные вещи.

Туман был однородным и непроницаемым. Он совершенно не смешивался с окружающим воздухом и выглядел так, словно заполнил какую-то форму из прочной, но невидимой кожи. Стена уходила в стороны, и, глядя вдоль нее, он заметил, что изгиб везде одинаков.

Как человек умный и предприимчивый, следопыт сделал некоторые черновые, но тем не менее довольно сложные расчеты, взяв за основу то, что кривизна нигде не меняется. Если это действительно так, размышлял он, то крепость Марур плюс вся территория, куда их забросили, представляет собой круг диаметром в 50—60 вараков (один варак — примерно две трети километра).

Взвесив все это, следопыт пришел к выводу, что пройти сквозь стену — его святая обязанность. Но, будучи храбрым, он был в то же время и осторожным человеком, поэтому не ринулся в туман очертя голову, а для начала сунул туда руку.

Ладонь исчезла, словно ее отрезали. Подержав ладонь в тумане несколько мгновений, он почувствовал характерное пощипывание в пальцах, словно держал их на морозе. Когда он вытащил руку из тумана, она была значительно холоднее, чем тело.

Какое-то время он раздумывал, — открытие не прибавило ему решимости. Если туман непрозрачен, как же он будет ориентироваться, войдя в него?

Кроме куска магнитного железняка, который всегда был при нем, на этот раз следопыт захватил еще и моток веревки, сделанной из скрученных волос палпала, длиной примерно в четверть варака. Он плотно всадил в землю копье и привязал к нему один конец веревки, другим обвязав себе талию.

Все эти предосторожности оказались излишними: следопыт не смог проникнуть в глубь стены из тумана и почти сразу же вернулся назад. С каждым шагом холод становился все невыносимей. Через шесть-семь шагов тело его покрылось инеем, еще три шага — и заледенели руки, а еще через пару шагов смерзлись губы. Потом ледяная пелена стала затягивать глаза. Найти дорогу назад было просто: двигаться туда, где теплее, — вот и все.

Абсу рассказал эту историю Расселу, когда тот пришел в себя после выпитого. Рассел попросил разрешения самому поговорить со следопытом. Однако следопыта послали на розыски пропавшего Абсу, и он еще не вернулся. Пока двое землян в сопровождении воинов Грен Ли продвигались рысцой к эревонскому «Хилтону», Рассел раздумывал над тем, какие последствия может иметь для них всех этот рассказ.

«Если исходить из теории зоопарка или резервации, — думал он, — и считать, что стена из тумана представляет собой замкнутый круг, невольно напрашивается вывод, что, как ни велика эта территория (а она может составлять 900 квадратных километров), владельцы „зоопарка“ не собираются выпускать своих „питомцев“ на волю. С другой стороны, следопыт вполне мог ошибиться, а леденящий туман — всего лишь местное явление».

Правда, припомнив донесение Джона Говарда после второй экспедиции, Рассел начал верить, что следопыт из команды Абсу правильно истолковал природу этого тумана. Разглядывая в бинокль «речных жителей», Джон Говард тоже различил высокую неподвижную стену тумана по другую сторону реки. Поскольку отряд Джона Говарда шел на юг, а следопыт двигался на север, подтверждалось предположение о том, что стена представляет собой замкнутый круг.

«В таком случае возникает несколько интересных

возможностей, — подумал Рассел, — но...» Тут он понял, что Анна обращается к нему.

— Рассел, мы приближаемся к дому. Мне кажется, нашему «конвою» не следует провожать нас до конца. Может, нам лучше пройти последние километр-два пешком?

— Ты абсолютно права, — сказал Рассел, поняв намек. Хотя Абсу неплохо знал дорогу к «Хилтону», да и сам отель тоже, не стоило показывать воинам, как плохо он защищен от нападения. У них могли возникнуть свои идеи на этот счет.

Рассел слез с «коня», помог Анне и отпустил охрану.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В тот же вечер Рассел созвал свою «коммуну» на общее собрание в бар гостиницы. Он рассказал обо всем, что они узнали.

Всех позабавили и заинтриговали их приключения. Когда наконец оживление улеглось, Джон Говард задал вопрос:

— Насколько я понимаю, ты считаешь, что мы должны обдумать свое положение еще раз после того, что узнали?

Рассел кивнул.

— Мы знаем еще очень мало, — сказал он, — и то, что знаем, пока нам непонятно. Поэтому следует поразмыслить сообща, чтобы сделать какие-то стóящие выводы. Мне кажется, мы здесь уже чертовски давно, а между тем наше спасение — или гибель — могут зависеть от того, как мы распорядимся тем, что знаем.

Марион Редмэн спросила:

— Рассел, ты думаешь, эти существа похожи на людей?

В ответ он пожал плечами:

— А как это определить, Марион? Должны ли они для этого жить на Земле, — я имею в виду на нашей Земле? Если да, то Абсу мес Марур и компания — не люди. Но их внешний вид и мой инстинкт подсказывают мне, что они л ю д и. Не земляне, это точно. Но все же люди. Что тоже не ответ на твой вопрос.

— Не будем забывать о «речных жителях», — сказал Роберт Хаймэн.

— Или об «эльфах», которых видел Пол, — добавил Тур Норстед. — Ребята, кто стащил мою бутылку виски?

— Спокойно, спокойно, леди и джентльмены, — призвал Рассел. — Наша дискуссия может вообще не состояться. Джон, у вас лицо человека, которому есть что сказать. Может, вы объясните, что происходит?

— Я не буду говорить долго, не надейтесь, — улыбнулся Джон Говард, — потому что я сам ровным счетом ничего не понимаю. Итак, кто хозяин нашего «зоопарка»? Мы этого не знаем. Мы знаем, что есть пауки-роботы, потому что мы их видели. Я считаю, что они — не более чем слуги (довольно примитивные) тех людей или существ, которые нас похитили.

— Я думаю, мои «эльфы» — те самые господа, — серьезно заметил Пол Редмэн.

Замечание было встречено взрывом смеха, но смех был нервным.

— Сейчас я к этому подойду, — сказал Джон Говард. — Кстати, я не считаю эту идею такой уж безумной, однако потерпите несколько минут. Мы знаем, что за нами наблюдают, но мы не можем войти в контакт с этими наблюдателями. Это означает либо то, что они по натуре не терпят контактов, либо то, что прямой контакт с нами сведет на нет их эксперимент. Или они боятся, что мы их увидим, или думают, что мы их испугаемся.

— Есть и еще один вариант, — сухо вставил Роберт Хаймэн, — что они всего-навсего откармливают «гусей» к Рождеству.

— Людоеды? — воскликнула Селена, и глаза ее округлились от ужаса.

— Ну, может, не в прямом смысле слова, — туманно ответил Джон. — Да, Роберт, возможно, мы подопытные кролики, но не для «острых» опытов, в результате которых должны погибнуть. Что мы сейчас знаем? Только то, что здесь находятся две группы людей, чуждых для этой планеты, — это мы и Грен Ли. Не имеем ни малейшего представления о том, откуда появились люди Грен Ли, поскольку понятия об астрономии у них самые примитивные. Есть еще «речные жители». Пока мы о них ничего не знаем, возможно, это как раз аборигены. Но я думаю, что

с ними произошло то же самое: их тоже похитили и научили говорить по-английски, по-шведски или на языке Грен Ли — в зависимости от обстоятельств.

— По-моему, они хорошо умеют делать глубокие ямы и острые колья, — мрачно отметил Эндрю Пейн.

— Это и понятно: видимо, охота — их основное занятие. Почти наверняка ямы предназначены для зверей, а не для людей. Итак, если принять мою гипотезу о «речных жителях», то на планете сосуществуют три совершенно разных — в социальном смысле — группы из трех разных миров, и зачем-то они помещены на одну территорию. Скажем, умница следопыт Абсу мес Марур считает, что замкнутое кольцо тумана выполняет роль огромной клетки, в которой мы все заперты. В этой клетке есть образцы цивилизации каменного века, средневековья и индустриальной эпохи. Какие цели преследует этот эксперимент — неизвестно. Возможно, ответ мы сумеем найти у «эльфов» Пола или «крылатых демонов» следопыта.

— Джон, — сказал Мохан дас Гупта, — ты хороший парень, но у тебя явно крыша поехала. К чему приплетать сюда «эльфов», «крылатых демонов» — или как их там?

— Да ведь они — единственные из всех известных нам созданий, — сказал Джон Говард выразительно, — кому удалось проникнуть сквозь стену тумана!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На несколько минут дискуссия превратилась в свару. Рассел чувствовал, что собрание зашло в тупик — по той простой причине, что не было никаких объективных данных для рассуждений. Ведь и Пол, и следопыт только мельком видели этих существ. Хорошо, они способны пролетать над стеной тумана, но что это доказывает? Вероятно, они просто наблюдатели, как пауки-снабженцы.

Рассел вертел в руках бокал с джином и тоником в ожидании, когда наконец иссякнут высказывания — и юмористические, и фантастические. Но вот настал момент, когда пришла пора вмешаться.

— Могу ли я сказать пару слов? — спросил он. —

Джон завел нас в сущие дебри, правда по пути сделав ряд дельных замечаний. Я позволю себе вернуть вас на землю, точнее говоря, обратно в нашу резервацию. Предположим, «речные жители» оказались в таком же неприятном положении, как мы или население крепости Марур. Тогда у нас есть образцы трех цивилизаций, живущих в одной клетке, и все мы — гуманоиды (не знаю, как нас иначе назвать). Тем, кто это сделал, явно интересно, как мы будем взаимодействовать между собой. Мне тоже, кстати; я абсолютно уверен, что мы не сможем жить порознь. Нам придется объединить наши ресурсы, наш опыт и, видимо, привлечь даже ребят из каменного века, если удастся.

— Думаю, это довольно грубый народ, — угрюмо произнес Пол Редмэн. — Если они действительно выходцы из каменного века, то их психика ограничена, по крайней мере, ксенофобией. Первый из нас, кто попытается пожать им руку, получит по голове каменным топором.

— Возможно, — согласился Рассел. — В таком случае нам следует узнать о них как можно больше еще до первого знакомства. Нам нужно больше, так сказать, дистанционных наблюдений. Если будет нужно, можно привлечь наших средневековых друзей. Но есть и другой вариант, над которым следует призадуматься. Может, он даже лучше.

— Что же это? — спросила Мэри Говард.

— Побег, — ответил Рассел.

— С Эревона?

— Нет, из резервации. Да, у нас приличная территория и есть почти все для жизни. Но, по-моему, жить в зоопарке в качестве зверей — унизительно. Я хочу узнать, что по другую сторону этой самой стены.

— Если верить следопыту, то он пережил довольно страшные минуты, — заметил Роберт Хаймэн. — Лично мне не хотелось бы, чтобы мои глаза превратились в ледяные шарики.

— Я уже думал об этом, — сказал Грэхем, — и мне кажется, что есть путь, по которому мы смогли бы без особых потерь пробраться туда и вернуться назад. По резервации протекает река...

— Точно! — воскликнул Джон Говард.

— Ради Бога, Джон, дай мне договорить, — засмеялся Рассел. — Река довольно длинная, и мне кажется, она протекает через барьер тумана в двух местах: там,

где появляется на нашей территории, и там, где исчезает. Итак, если у нас будет плот или лодка, мы сможем из нашего зоопарка просто-напросто уплыть.

— А как насчет переохлаждения? — спросил Тур Норстед.

— Эта проблема остается, но я думаю, она разрешима, — сказал Грэхем. — Дело в том, что следопыт из группы Абсу был совершенно неподготовлен, но мы-то знаем, что нас ждет, и можем запастись уймой всяких вещей. Можем сделать лодку закрытой, утеплив ее. Если моя теория насчет реки верна, то есть если туманный барьер не очень широк, мы минуем его до того, как погибнем от холода.

— Но ведь можно достаточно точно определить степень риска, — возбужденно сказал Джон.

— Каким образом?

— Нам нужно измерить температуру воды, начав с того места, где река исчезает в стене тумана, и потом сравнить с той, что будет ниже по течению. Если знать скорость течения и температуру воды на разной глубине, можно довольно точно определить толщину этой стены или, во всяком случае, время, за которое лодка пройдет сквозь стену.

— Благодарю тебя, Господи, за то, что у нас есть учитель физики, — торжественно сказал Грэхем. — Если наш проект реален, то нам предстоит огромная работа. Во-первых, наладить контакт и заключить мир с «речными жителями», хотя бы потому, что лодка будет плыть по их территории. Нам придется найти место, где река исчезает в стене и где она появляется. Спроектировать лодку, построить ее и снабдить всем необходимым путешественников. Если, конечно, таковые найдутся.

— К чертовой матери все это, — возбужденно проговорил Мохан дас Гупта. — Почему вам не сидится на месте? Почему вы считаете, что за туманом лучше, чем здесь? Рано или поздно что-нибудь обязательно произойдет. Типам, которые нас сюда забросили, просто надоест нас снабжать. Рано или поздно они захотят получать прибыль от вложенного капитала.

— Именно эта мысль меня и беспокоит, — ответил Рассел. — Я, как цивилизованный западный человек и почти что интеллектуал, — он криво улыбнулся Анне, — стою за комфорт и уверенность в завтрашнем дне. Именно поэтому я категорически против, когда

решения принимают за меня. Сначала меня, не проведя предварительных переговоров, зашвырнули на эту планету. Потом посадили в клетку — пусть и достаточно большую. Да, я не могу покинуть планету. Но я могу, черт возьми, попытаться убежать из клетки. И мне очень хотелось бы знать, что нас ждет, причем до того, как наши хозяева решат, что пора гасить свет.

— А если за этой стеной тумана ничего нет, кроме тех же лугов и холмов?

— Зато там нет и клетки! К тому же такая информация тоже полезна.

— А если один из нас будет ранен или даже погибнет, пытаясь прорваться?

— Я готов рискнуть. — Рассел пожал плечами. — Думаю, для этой экспедиции хватит двоих, и одним из них, с вашего позволения, буду я.

Мохан улыбнулся и подлил себе выпивки.

— Несчастье твое, Рассел, состоит в том, что ты — герой, черт тебя побери. Сверхтипичный британец многолетней выдержки.

— Мое несчастье в том, — возразил Рассел, — что я, как Слоненок Киплинга, — слишком любопытен.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Следующие несколько недель были отмечены разными событиями — и интересными, и страшными. С тех пор как Рассел предложил попытаться преодолеть стену тумана, состояние его тринадцати товарищей резко улучшилось. До этого, живя в условиях, которых они не могли ни понять, ни изменить, люди чувствовали себя совершенно беспомощными. Зато теперь у них появилась реальная цель, которая смогла развеять коварную умственную апатию, лишавшую их и сил, и воли.

Событием, которому поначалу никто не придал особого значения, стало то, что Дженис Блейк, одна из студенток-англичанок, сумела получить без наседки несколько цыплят. Выросшая на маленькой птицеферме в Восточной Англии, Дженис очень скучала по дому. Однажды ей пришло в голову, что среди яиц, которые

неутомимые роботы приносили по ночам в супермаркет, могут быть и яйца с зародышами. Она смастерила соломенную корзинку, поместив внутри электрическую лампочку с низким напряжением, и обернула ее тряпками. Корзинку с подогревом девушка держала в одной из пустых комнат «Хилтона» и каждый день добавляла в нее пару яиц из новой порции, доставленной роботами в супермаркет. На двадцать третий день опытов вылупился цыпленок. Еще один появился на свет на тридцать четвертый день и еще два — на сороковой, причем один из цыплят оказался петухом. Итак, «птичница» своего добилась.

А Роберт Хаймэн избрал для себя роль оружейника. Сначала он вооружил мужчин группы большими луками, но позже выяснилось, что талантливых стрелков не так уж много: один Роберт мог довольно точно попасть в цель из большого лука. Тогда он изобрел нечто вроде арбалета, стреляющего короткой тяжелой стрелой. Он приспособил арбалет и для более слабой руки, чтобы женщины тоже могли им пользоваться. Большую часть времени он проводил в одной из маленьких мастерских, где собирал дюжину арбалетов и вытачивал множество стрел к ним. Через какое-то время вся группа тренировалась в стрельбе в цель, и вскоре все, в том числе и женщины, научились поражать мишень ростом с человека на расстоянии тридцати шагов. Занятиями руководил сам изобретатель.

Убедившись, что каждый член группы свободно владеет арбалетом, Роберт поставил перед собой более сложную задачу. Он спроектировал большую баллисту, которую можно было перевозить с места на место, о чем и сообщил Грэхему. «Самострелы, ножи и топорики хороши для одиночного боя и как оружие личной защиты, — говорил Роберт. — Но если возникнут серьезные разногласия между землянами и, например, гарнизоном крепости Марур, понадобится орудие дальнего боя». Баллистой должны были управлять — и перевозить ее с места на место — три человека. Орудие посылало снаряд весом в четыре килограмма на полкилометра. Короче, оно могло поражать крупную цель на расстоянии гораздо большем, чем лук или арбалет.

Вспоминая крепость Марур, Грэхем не сомневался,

что у ее жителей есть только легкое личное оружие. Рассматривая баллисту как некую гарантию против случайностей, он, конечно, был не против орудия, дающего стратегические преимущества, хотя и надеялся, что дружба и братские узы, возникшие между ним и Абсу, предотвратят любое столкновение. Но ведь Абсу не вечен, а у его преемника могут быть другие взгляды на жизнь. Люди Грен Ли были воспитаны в воинственном и агрессивном духе, и, если бы возник конфликт, они решили бы его единственным способом.

Словом, создание баллисты началось.

А пока шла работа, Джон Говард, учитель физики, сделал важное открытие. Совершенно случайно он наткнулся на участок земли, обогащенной селитрой. Потратив несколько дней на скрупулезные химические опыты, он смог наконец отделить селитру от почвы, растворить ее в воде, потом получить из раствора кристаллы. После этого он стал обладателем примерно пяти килограммов сравнительно чистой селитры. Достать селитру не стоило труда: ее поставляли в супермаркет, видимо, для медицинских целей. Итак, для изготовления пороха Джону не хватало древесного угля. Но его можно было добыть, сжигая дрова в закрытой печи.

Первая пороховая смесь лишь шипела. Но за дело взялась Мэри: она растерла смесь угля и селитры в тонкую пудру — кстати, это оказалось самой нудной работой, — после чего порох Джона приобрел взрывную силу. Имея такой порох, можно было наделать простых гранат — еще одна гарантия безопасности.

Однако земляне были заняты не только военными приготовлениями, — они предпринимали осторожные, но регулярные «вылазки», чаще всего в южном направлении, на территорию «речных жителей». Рассел пока не считал момент подходящим для завязывания отношений, он лишь хотел убедиться, что земляне смогут отразить любую атаку, прежде чем познакомятся с «речниками». Поскольку те знали лес гораздо лучше, чем команда Грэхема, они имели серьезное преимущество. Пол и Марион Редмэн, Эндрю Пейн и Селена Бержер входили в группу разведки. Пол и Эндрю научились прилично стрелять из арбалета; что касается Селены, то она плохо владела самострелом, но зато изобрела свое собственное оружие. Оно было похоже

на южноамериканский болас — два больших камня, соединенных между собой веревкой метровой длины. Девушка научилась бросать свои «ядра» так далеко и метко, что могла сбить с ног человека метрах в сорока от себя.

Вооруженные арбалетами, топориками и боласом, разведчики произвели три успешных вылазки. В первый раз земляне расположились на почтительном расстоянии от «речных людей» и шпионили за соседями в бинокли. Они насчитали примерно десять человек взрослых и четверых довольно крупных детей.

«Речные люди» были одеты в шкуры, женщины практически не отличались от мужчин. Днем они держались поближе к хижинам на мосту, занимались нехитрыми домашними делами, спали; иногда как будто бы затевали примитивные игры. Очевидно, они были охотниками, но промышляли по ночам; питались дикими фруктами и растениями, которые считали съедобными, но мясо предпочитали всему остальному.

Во время второй разведки земляне увидели своими глазами, каких животных ловят «речники» с помощью глубоких ям. Отыскав удобную позицию довольно близко к реке, они вдруг услышали рев, доносившийся со стороны рощицы неподалеку от них. Пол и Эндрю решили выяснить, в чем дело, и подобрались поближе. Они увидели зверя, похожего на злющего дикого кабана, который, судя по всему, только что попал в ловушку. Он барахтался в огромной грубой сети, укрепленной между двумя молодыми деревцами. Его «подруга» беспомощно прыгала и ревела рядом.

Увидев двоих людей, кабаниха пустилась наутек, но ее остановил меткий выстрел Пола из арбалета.

Во время третьей разведки земляне обнаружили, что «речники» могут напасть не только ночью, но и днем. Сделала это невольное открытие Селена Бержер. Потеряв отряд из виду, она шла по небольшой лощинке. В лесу стояла необычная тишина: только это да толстый покров опавших листьев и спасли ей жизнь.

«Речной житель» приблизился сзади, причем очень быстро. Но его выдало шуршание листьев. Услышав шум, Селена обернулась — времени хватило лишь на то, чтобы размахнуться и швырнуть в него болас: дикарь свалился наземь, рыча от боли; веревка обвилась вокруг его ног. А Селена с визгом убежала прочь.

Подоспевшие члены отряда не увидели ни «речного человека», ни боласа.

Пока другие земляне были заняты всеми этими делами, молодой швед Тур Норстед начал мастерить крепкую лодку-плоскодонку с небольшой осадкой. Он строил ее с расчетом на четверых гребцов, которые будут работать короткими деревянными веслами. Обычные длинные были бы, возможно, удобнее, однако на реке, по которой предстояло плыть, могли встретиться и отмели, и быстрины, а в таких случаях короткие весла надежнее.

Учитывая, что на лодке придется проплыть сквозь стену тумана, толщина и температура которой неизвестны, Тур пристроил к лодке маленькую съемную кабину, собираясь утеплить ее соломой и одеялами.

Пока молодой швед возился с лодкой, ему пришла в голову идея, которая, как ни странно, раньше никого не посещала. Или посещала, но была отвергнута, поскольку казалась весьма рискованной.

Земляне давно заметили, что роботы часто пополняют запас продуктов и товаров в супермаркете, но никто, даже ночные дежурные, их не видел, пока Эндрю Пейн не наткнулся на одного из них.

С тех пор пауки словно пропали. Это как будто бы подтверждало теорию Тура о том, что владельцы резервации каким-то образом могут отключить сознание землян. Тур размышлял: интересно, как пауки протаскивают свои грузы через стену тумана? Или они хранят их в подземных складах в самой резервации? Если бы удалось проследить за одним из них, когда он будет возвращаться из супермаркета, то, вероятно, можно найти и выход из их «зоопарка».

Тур решил снова сделать установку со шпагатом и таймером, но на сей раз в магазине спрятать не фотоаппарат, а человека. Таймер со звонком нужен для того, чтобы его разбудить, если это в принципе возможно.

К шпагату, который заденет паук, Тур задумал присоединить лассо с многочисленными маленькими ячейками; в них попадут лапы паука, а другой конец будет обернут вокруг талии Тура. И Тур последует за ним куда угодно, веревка не даст потеряться даже в кромешной тьме.

Такой была теория. Тур не сказал о своих планах ни Расселу, ни другим членам группы. Он лелеял

детскую мечту о том, что однажды утром, войдя в столовую, бросит фразу:

— А знаете, я, между прочим, выследил, откуда приходят роботы. Теперь мы можем пробраться сквозь стену тумана.

Он старательно изготовил из крепкой проволоки лассо со множеством ячеек. Вечером перед экспериментом он туманно намекнул своим девушкам, что сегодня ночью у него важное дело. Кстати, к этому времени у троицы уже установились постоянные и даже счастливые отношения.

Потом он отправился в супермаркет, замаскировал лассо и спрятался за штабелями пакетов с крупой.

Выходя из отеля, он столкнулся с Анной Марковой и обменялся с ней незначительными словами.

Анна была последним человеком, видевшим Тура живым.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

То, что осталось от Тура Норстеда, принесли к эревонскому «Хилтону» Абсу мес Марур и его личный следопыт — маленький жилистый человек, еще более смуглый и похожий на монгола. Они подвели своих палпалов к отелю после обеда, когда приятный освежающий ветерок сдувал со ступеней траву, похожую на перья.

Трудно было узнать это избитое, почти разрубленное пополам тело. Дженис первая увидела труп. Издав душераздирающий вопль, она, к счастью для себя, потеряла сознание.

На крик сбежались остальные.

— Рассел, друг мой, прикажи своим женщинам покинуть нас, — сказал Абсу. — То, что я в глубокой скорби привез вам, может обжечь глаза даже мужчине.

Джон Говард уже загонял женщин в отель, как пастух стадо.

С трудом заставив себя взглянуть на тело, Прэхем сказал:

— У нас уже есть одна могила. Я буду тебе благодарен, Абсу, если ты поможешь нам отвезти туда

и этого друга. Думаю, его нужно поскорее предать земле.

Ведя палпала с его страшной и печальной ношей, Абсу и следопыт последовали за Расселом и Джоном туда, где была похоронена Марина.

Похожая на ковыль трава, которую ветер без устали приносил из саванны, образовала целый холмик на могиле девушки, над ним виднелась только верхушка креста. Рассел мрачно подумал о том, что колонии пора заводить свое кладбище.

К трем мужчинам присоединился Эндрю Пейн, принесший лопаты и чистую белую простыню. Ее растянули на земле и бережно положили на нее тело Тура.

Абсу сказал:

— Лорд Рассел, мой слуга, Фарн зем Марур, нашел тело твоего воина. Прикажи ему рассказать об этом. — Повернувшись к следопыту, Абсу сказал: — Вырази свое почтение лорду Расселу Грэхему, члену парламента, голосу королевских подданных, создателю законов, одному из повелителей своей земли.

Фарн зем Марур встал на колени, расстегнув кожаную куртку, достал из-за пазухи кинжал, приставил его острием к груди, а рукоять направил в сторону Грэхема. После чего произнес:

— Лорд Грэхем, я Фарн зем Марур, следопыт и воин, и если моя жизнь нужна тебе...

— Добро пожаловать, — рассеянно сказал Грэхем. — Ты доставил печальную ношу, но я говорю тебе: добро пожаловать.

Следопыт встал, на лице его было явное облегчение.

— Лорд, позволь мне говорить.

— Говори.

— Лорд Рассел, я нашел тело твоего воина, пройдя много вараков к северу от крепости Марур. Мой повелитель приказал мне срисовать карту всей земли, на которой мы живем. Лорд, я не знаю, что сказать о гибели твоего воина: на нем нет следов или запаха дикого зверя, нет и тех ран, что мы получаем в бою. Как видно, с ним расправился дьявол.

— Я и мои товарищи хотели бы повстречаться с этим дьяволом, — угрюмо ответил Грэхем.

— Хорошо сказано, — вставил свое слово Абсу, — но смертный не может вызвать на битву дьявола.

Впрочем, если он из мяса и костей, воины из крепости Марур с радостью с ним сразятся.

— Лорд, — продолжал следопыт, — тело твоего друга было густо облеплено мухами, поэтому я понял, что он умер не вчера. Я пытался понять, отчего он погиб, но не сумел. Странно, он лежал между двумя скалами, крепко зажатый, и вытащить его оттуда было нелегко.

Пока следопыт говорил, Джон Говард собрал всю свою волю и постарался внимательно осмотреть тело. Вдруг, страшно побледнев, он протянул Расселу какой-то предмет:

— Что ты об этом думаешь?

Рассел увидел кусок изогнутой окровавленной проволоки. Потом обнаружил места на теле Тура, куда врезалась такая же проволока.

— Теперь хоть понятно, почему он чуть ли не разрезан пополам, — сказал Рассел. — Какая-то гадина волокла его за собой, он застрял между скалами, а то, что его тащило, даже не пожелало узнать, что случилось.

— Или оно на это не запрограммировано, — сказал Джон. — Рассел, ты помнишь, в последний раз мы видели Тура в тот вечер, когда он сказал своим девушкам, что у него внеочередное дежурство. Что его интересовало? Что можно увидеть только ночью?

Первым догадался Эндрю Пейн. Содрогнувшись, он потрогал шрам на своей шее и изрек:

— Пауки.

— Да, я думаю, Тур хотел подстеречь пауков. Мне кажется, он хотел выследить, куда они уходят. А чтобы не потерять их в темноте, он привязал себя к этим тварям.

— Раны и ссадины могли появиться оттого, что кто-то тащил его волоком, — сказал Рассел. — Может, он упал и не мог встать. Или этот проклятый робот бежал слишком быстро, и он не смог отвязать проволоку.

— Я думаю, так все и было.

Что толку во всех этих гипотезах, когда человек погиб, горько подумал Грэхем. Еще один из них. Один из шестнадцати. Гупта оказался прав: попытка вырваться из тюрьмы стоит слишком дорого. Теперь он будет рисковать только собой. Только собой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Оставив стражу у двери отеля — знак полного доверия, — повелитель клана Марур и его следопыт прошествовали в бар. Ошеломленные обилием электрического света, они важно потягивали джин с тоником — первые в их жизни спиртные напитки. Одиннадцать обитателей «Хилтона» собрались в баре. Две девушки, Андреа и Дженис, заперлись в своей комнате, не желая никого видеть...

Следопыт Фарн зем Марур разложил на столе хорошо выделанную шкуру палпала — народу Грен Ли она заменяла пергамент. На шкуре, лежавшей перед Фарном, был изображен весь «зоопарк» (Рассела позабавило то, что крепость Марур была изображена очень близко к оригиналу). Хижины «речных жителей» на мосту тоже выглядели достоверно. Но эревонский «Хилтон» со всеми пристройками был нанесен всего лишь в виде трех концентрических окружностей, внутри которых красовались надписи, похожие на арабские письмена.

— Что значат эти надписи? — спросил Грэхем.

Абсу сначала улыбнулся, потом чихнул — он еще не привык к пузырькам в газированной воде.

— Они гласят: здесь обиталище волшебников.

— Наша магия далеко не всесильна, Абсу. Как видишь, мы не спасли своего друга от смерти.

— Смертны даже колдуны, — ответил Абсу. — У судьбы нет любимчиков. А что ты думаешь об искусстве моего следопыта?

— Думаю, что он сделал очень хорошую карту. — Рассел обернулся к Фарну: — Ты сам видел все это?

— Да, лорд Рассел Грэхем. Я видел все, что здесь есть. Придя в крепость Марур, я с радостью узнал, что мой повелитель вернулся раньше меня, но он тут же отправил меня в путь. Он пожелал иметь полную картину края, заключенного в круг из тумана. Путь мой был далек и небезопасен, я потерял своего палпала и чуть не расстался с жизнью.

— Как это произошло?

— Я шел через лес — тот, что рядом с хижинами «речных людей». Остановился на минуту и слез с палпала, чтобы отметить свое продвижение на карте. И хорошо сделал! Животное тут же упало замертво: чье-то копье пронзило его насквозь. Клянусь мантией,

оно было пущено сильной рукой! Но у меня не было времени оценить бросок — тот, кто метнул копье, предстал предо мной с топором в руке, что-то крича. Воин этот был огромного роста и, видимо, отважен, хотя, надо сказать, вооружен плохо. К счастью, я тоже кое-что понимаю в воинском искусстве... иначе мой повелитель Абсу недосчитался бы подданного.

— Значит, ты его убил?

Следопыт улыбнулся:

— Лорд Рассел Грэхем, по правде говоря, он убил себя сам. Или он хотел умереть, или не оценил моего оружия. Бросившись на мой меч, он страшно удивился, когда тот проткнул его насквозь. Я был удивлен не меньше его. Потом он упал на колени и заговорил, уже когда смерть освободила его от всяких споров. Я снова удивился тому, что его язык — это и мой язык, хотя губы его складывались как-то странно и некрасиво.

— Что он сказал? — спросил Грэхем взволнованно.

— Лорд, он говорил на языке Грен Ли, но в словах было мало смысла. Я его не понял.

— Следопыт, не уходи от ответа, — строго вмешался Абсу. — Ты слышал вопрос лорда Рассела. Стряхни пыль забвения и повтори слова чужака.

— Повелитель, этот воин сказал: «Это острый вещь, твердый-острый. Холод-жар. Сильно болит — большой чудо. **Ты** — человек-нет. Этот вещь — не камень. Сделал сон-тьма». — Следопыт пожал плечами, словно извиняясь, и добавил: — Повелитель Абсу, я повторил все, но это были слова не человека, а его смерти.

— Хорошо, что ты их запомнил, — сказал Абсу мес Марур, успокоившись.

Наступило молчание; какое-то время все пытались понять слова дикаря, напоровшегося на меч следопыта.

Джон Говард высказал догадку первым:

— Все правильно! С «речными жителями» сделали то же самое, что и с нами, но ведь мышление у них на уровне каменного века. Несчастный был совершенно не знаком с металлом, но, умирая, пытался описать убившее его оружие.

— Мне он напомнил бушменов из Австралии, — вмешался Пол Редмэн, — не найдя одного точного слова, они нанизывают несколько определений подряд.

— То, что обсуждают твои друзья, — высокопарно заговорил Абсу, — несомненно, интересно, но «речные люди», как ты их называешь, Рассел, — не лучше, чем

звери в лесу. Они напали на моего следопыта, они убили — пусть невольно — твоего друга. Мы должны выступить против них. И я надеюсь, что не многие из них смогут рассказать своим детям об этой битве.

— Абсу, — начал Грэхем, тщательно подбирая слова, — я знаю, у тебя и у меня есть причины для вражды с «речными людьми», но вспомни рыцарский кодекс, которому ты следуешь. Сначала — условия, потом — война.

— Условия?! — взорвался Абсу. — Я знаю, Рассел, что вы, волшебники, хитрые люди. Но ведь и волшебники не предлагают условия диким зверям!

— Позволь мне объяснить, — сказал Рассел терпеливо. — Давай предположим, что никакие узы не связывают нас с тобой. Давай предположим и то, что я оскорбил тебя. Что бы ты сделал?

— Клянусь черной королевой и белой королевой, — выпалил Абсу, — я быстро разрешил бы спор с помощью копья, или меча, или кинжала.

— Но представь себе, — продолжал Рассел, — что, пока мы сражались, нас окружила стая волков. Что бы ты сделал?

— Закон священной мантии предусматривает и такой случай, — улыбнулся Абсу. — Мы с тобой заключили бы мир, пока не прогнали зверей. А потом продолжили бы наш спор.

— Подумай же, — продолжал Рассел, — а не окружает ли нас стая волков?

Абсу задумчиво отпил свой джин с тоником.

— Я не знаю, как мой клан оказался здесь, лорд Рассел, — наконец угрюмо сказал он. — Моего желания не спрашивали... Но может быть, мы окружены зверями похуже, чем волки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Атака землянами «речных жителей» прошла с блеском. Во время набега не было пролито ни капли крови, и «речные люди», можно сказать, попали в собственную ловушку. По крайней мере, двое из них.

Перед нападением Джон Говард и Фарн зем Марур в течение трех дней наблюдали за поселением: Джон

научил Фарна пользоваться биноклем, и вдвоем они вели непрерывную разведку.

Было решено начать операцию ближе к полудню, когда большинство жителей деревни спит. Атаковать можно было всего лишь двумя группами по три человека. Рассел и Эндрю должны были начать боевые действия, а брать пленных выпало Джону Говарду, Фарну и Абсу.

Лодка Тура была спущена на воду. В нее погрузили длинные, тяжелые сети — женщины крепости Марур плели их несколько дней. На той же лодке Рассел и Эндрю с изготовленными наспех гранатами должны были переправиться на берег в двух километрах от деревни.

Обе группы выступили на рассвете: Рассел и Эндрю плыли по реке, а Абсу в полном вооружении и доспехах вел свое войско верхом на палпалах к лесу, примыкавшему к деревне на другом берегу. В тот день Абсу мес Марур был более, чем когда-либо, похож на святого Георгия, но в смуглом монгольском варианте.

Поскольку течение оказалось быстрее, чем они рассчитывали, Рассел и Эндрю прибыли к месту встречи раньше Абсу. Но пока выгрузили сети, пока проверили гранаты и фитили, Абсу с двумя всадниками уже появился в лесу.

План был прост: Рассел и Эндрю, выгрузившись на своем берегу, незаметно подойдут к деревне и остановятся метрах в пятидесяти от нее. К этому времени Абсу с подручными займут позицию на противоположном берегу.

Потом Рассел и Эндрю, подняв невообразимый шум, бросят гранаты у моста, достаточно близко для того, чтобы взрыв произвел впечатление, но не нанес никому вреда. «Речных жителей» он приведет в ужас — и они побегут со всех ног к другому концу моста, где их встретит Абсу с двумя помощниками.

К счастью, их план удался.

Гранаты не только взорвались со страшным грохотом — можно было подумать, что небеса упали на землю, — но и вздыбили землю. Погода была сухой и жаркой, поэтому поднялась такая туча пыли, что казалось, наступила ночь.

За двойным грохотом последовал «черный град» из комьев земли и камней, а потом жуткие человеческие вопли. Все это могло напугать до смерти даже людей

цивилизованных; что же касается «речных жителей», они, видимо, решили, что пришел конец света.

Они выбежали из хижин и бросились к лесу — прямо в сети, растянутые товарищами Абсу между деревьями поперек тропинки. В нужный момент сети должны были упасть, но случилась осечка: вместо двух сетей упали одни, и пленников оказалось всего двое.

Они барахтались в сетях, пытаясь вырваться. Остальные, обезумев при виде Абсу (их доконали его доспехи и копье), с визгом бросились в лесную чащу.

Пленники обладали неиссякаемым запасом энергии, продолжая брыкаться даже тогда, когда их связали и сели на них верхом. Кое-как их перекинули через спины палпалов и доставили в «Хилтон». Когда оглушенных пленных привязывали к палпалам, нападавшие увидели, что один из них — женщина. Узнать это было нелегко — она была одета в такие же звериные шкуры, что и напарник, имела такие же длинные и спутанные волосы, а черты лица были лишь чуть-чуть мягче. Выдали ее пышные груди, которые выпадали из грубой одежды.

Привязав пленников к палпалам, маленький отряд поспешил домой. Абсу считал, что нужно продолжить битву, однако он был связан данным Расселу словом и терпел.

Пройдя несколько километров до гостиницы, Эндрю и Рассел увидели, что Абсу и его помощники уже там, а пленники пришли в сознание, хотя, несомненно, с головной болью. Они были молчаливы и угрюмы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Если в свое время электричество, мебель модерн, стеклянная посуда и одежда двадцатого века ошарашили людей из средних веков, то двоих первобытных людей это привело в священный трепет. Их усадили в вестибюле эревонского «Хилтона», и тринадцать землян плюс трое из клана Абсу стали разглядывать гостей.

Пленников поместили как можно удобнее в двух мягких креслах, хотя руки и ноги у них были все еще связаны. Возможно, они боялись этих кресел гораздо больше, чем всех фантастических предметов

вокруг. Может быть, они считали эти кресла чем-то вроде жертвенника или приспособления, которое со временем проглотит их целиком.

На них было жалко смотреть, когда они старались придвинуться поближе, чтобы успокоить друг друга. Разгадав это желание, Рассел велел поставить оба кресла рядом.

— Я-не-бежать, ты-не-бежать, я-видишь-не-ранен, — храбро рычал мужчина.

— Я-не-холод-ранен, холод-боль-придет, — ныла женщина, — нет-бежать, нет-есть, нет-трогать-держать, холод-боль-придет.

Он старался ее обнять, но, поняв, что ему это не удастся, попытался лизнуть в лицо. И это не получилось. Но он ухитрился положить голову ей на грудь, и это ее как будто успокоило.

— Нет-холод-боль-придет, — бормотал мужчина, правда, не очень уверенно. — Я-ты-есть-смеяться. Нет-холод-боль.

Рассел внимательно смотрел и слушал. Понять, о чем говорят эти люди, было довольно легко, потому что их образ мысли был прост: «холод-боль» означало смерть.

— Холод-боль-придет-нет, — сказал он в порядке эксперимента. — Ты-она, холод-боль-нет.

Мужчина рванулся в кресле и зарычал, обнажая клыки, как зверь. Женщина захныкала.

— Ты-она, тихо-отдыхать, — продолжал Рассел баюкающим тоном. — Боль-нет, ты-кушать, она-кушать, боль-нет.

Мужчина снова зарычал, но уже не так уверенно. Он уныло обвел взглядом множество лиц перед ним, потом поморгал, глядя на электричество, и вздрогнул.

— Бедняга просто потрясен всем окружающим, — сказал Рассел. — Нас очень много, и свет для него слишком ярок. Нет ли свечей? По крайней мере, они увидят пламя, к которому привыкли.

— Мне тоже больше нравится настоящий огонь, а не горящие шарики, — важно заявил Абсу. — Вы, волшебники, способны сбить с толку даже культурных людей, не то что этих дикарей.

Марион Редмэн принесла четыре свечи и зажгла их, а Роберт погасил электричество. Но эта внезапная перемена почему-то заставила первобытных людей заголосить — они стали рваться из кресел. Однако через пару минут они успокоились.

— Абсу и Анна, останьтесь со мной, — сказал Рассел. — А остальных я попросил бы уйти; выпейте что-нибудь и вообще отдохните. Мы еще вдоволь насмотримся на своих пленников, если они не умрут от страха.

— Повелитель Абсу, — спросил Фарн, — желаешь ли ты, чтобы твои вассалы, я и Гролиг, ночевали отдельно от тебя?

Абсу согласно кивнул:

— Отдыхайте недалеко, так, чтобы слышать мой голос. Но я думаю, ваши кинжалы мне не понадобятся.

— Рассел, не накормить ли нам этих двоих? — спросила Симона.

— Может быть. Но дайте им что-нибудь попроще. Я думаю, мясо и простая вода как раз то, что им нужно.

Теперь только Абсу, Анна и Рассел остались с пленниками.

— Нет-боль, — сказал Рассел. — Мы-вам-не-боль. — Потом он сказал Абсу: — Разрежь веревку на руках женщины, и посмотрим, что будет.

Увидев, что Абсу приближается к его подруге с кинжалом, мужчина забился в кресле, как безумный. Успокаивающие звуки, которые издавал Рассел, на него не действовали. Пока Абсу разрезал путы на руках пленницы, ее друг так ловко изогнулся, что сумел укусить Абсу за руку.

Абсу выронил кинжал и свободной рукой, вернее, ребром ладони нанес мужчине удар в челюсть, который мог вышибить все зубы. Затем поднял кинжал и спокойно продолжал работу.

Женщина еще немного похныкала, потом подвинулась к приятелю и стала гладить его по голове. Видя, что на его подругу никто не покушается, тот бросал на своих врагов уже не столь свирепые взгляды.

— Нет-боль, — повторял Рассел. — Мы-вам-нет-боль. Руки-двигать, нет-боль.

Склонившись над мужчиной, Абсу разрезал его веревки тоже. Тот рычал, но сидел спокойно, пока его не освободили. Потом внезапно схватился за острие кинжала, вскрикнул, уронил его и с удивлением стал смотреть на кровь, выступившую у него на руке.

— Боже милостивый, — произнес Рассел, — ну и ночка же нам предстоит!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рассел угадал — это была долгая, тяжелая ночь, но она принесла плоды: к концу ночи удалось установить хоть какой-то контакт с пленниками. Затратив уйму труда, Рассел добился того, что враждующие стороны назвали свои имена. Женщину звали Ора, мужчину — Айрег.

Позднее Рассел понял, что как раз обмен именами обеспечил «психологический прорыв». Вплоть до этого момента Ора и Айрег готовились к тому, что их вот-вот убьют. Доверие к «стражам» усилилось после того, как пленникам принесли только что приготовленное мясо. Они жадно набросились на него и съели, но вода, поданная в стеклянных стаканах, привела к драме. Ора держала в руках свой стакан, любуясь им и не догадываясь о его прямом назначении, но вот Айрег — тот сразу откусил от него край и долго потом отплевывался кусочками стекла и кровью.

В конце концов для гостей принесли чашу с водой, и они с готовностью сложили ладони «ковшиком», из которого стали лакать воду, как кошки.

Рассел сделал открытие: Айрег и Ора совсем не лишены сообразительности. Они очень быстро все схватывали. Их можно было сравнить с умными десятилетними детьми, которые выросли дикарями.

Но перед ним были не дети, но зрелые взрослые люди, члены первобытного племени. Значит, если бы оказалось возможным их чему-то научить, расширить их словарный запас до сложных понятий, то, вероятно, их удалось бы вырвать из каменного века. И даже, может быть, познакомить с азами науки и техники. Это был такой эксперимент, что просто дух захватывало...

Прежде всего возникла проблема общения. Однако с течением времени решать ее становилось все легче. После того как пленники назвали свои имена, Абсу перерезал веревки на их ногах.

— Не бежать, — предупредил Рассел. — Ты-она-ходить, смотреть. Не убегать. Ты-есть, смеяться, отдыхать. Рассел-говорить, Ора, Айрег-говорить. Все-говорить.

Вид у Оры был озадаченный, но Айрег улыбнулся:

— Ты-хороший вещь-человек, — начал он осторожно. — Рассел-хороший-вещь-человек.

— Айрег-хороший-вещь-человек. Не ранить.

Айрег поднимался из кресла медленно и осторожно, чтобы показать, что он не собирается ни драться, ни убегать. Потом он потянулся, и мускулы заиграли на его крепких руках и ногах.

Абсу сказал торжественно:

— Ты-большой-вещь-мужчина. Крепкий-большой. Трудно-смерть-делать-тебе. Хорошо.

Рассел удивленно на него посмотрел.

— А ты не удивляйся, — сказал Абсу, — я тоже могу научиться говорить таким странным образом. Может, в конце концов Айрег и Абсу мес Марур будут хорошо понимать друг друга. Ведь они оба — воины.

Усмехнувшись, Абсу продолжал:

— Я много думал о тебе и твоих волшебниках, Рассел. Ты говорил мне, что вы пришли из мира, который позади звезд. В это мне трудно поверить, я знаю, что мир плоский и ничего нет позади пламени-солнца и фонарей-звезд, ничего такого, что человек мог бы понять, не получив в дар большую мудрость или большое безумие.

Но я знаю, ты не станешь меня обманывать по своей воле. И знаю, что много было совершено чудес, чтобы перенести нас всех сюда. Может, Айрега и его людей тоже забросили сюда с дальней земли. Значит, мы друзья по несчастью...

— Абсу, друг мой, — ответил Рассел, — я давно знал, что ты храбрый человек. Теперь я узнал, что ты к тому же и мудрый.

Ора, освобожденная от пут, встала и расхаживала по вестибюлю, удивленно разглядывая разные вещи. Взяв в руки стеклянную пепельницу, она с детским восторгом принялась рассматривать отраженное пламя свечей. Когда она осторожно поставила ее на место, Анна взяла пепельницу и протянула ей.

— Это-ты-иметь, — сказала она, — Анна-дала-это-Ора-держи. Эта-вещь-пепельница.

— Ора-вещь-держи, — повторила та, улыбаясь. — Держи-смотри-смейся. Пепель-ни-ца.

Айрег смотрел на пепельницу с завистью.

— Айрег-вещь-держи, — сказал он. — Смотри-смейся.

Анна оглядела зал и увидела на журнальном столике пепельницу из полированного металла. Она протянула ее Айрегу, который осмотрел предмет с восторгом, но со звоном уронил его, когда увидел в нем свое отражение.

Подняв пепельницу, Анна снова протянула ее Айрегу.

— Нет-боль, — сказала она ласково, — Айрег-держи-смотри-смейся.

Совершенно неожиданно Рассел почувствовал, что смертельно устал. Да и другие, видимо, тоже. Хотя Айрег и Ора привыкли бодрствовать по ночам, им пришлось нелегко в последние несколько часов. Наверное, голова у них идет кругом от впечатлений, от того, сколько страшных и совершенно непонятных вещей они увидели.

Рассел решил посоветоваться с Анной и Абсу:

— Нужно отдохнуть всем — и нам, и им. Но мне кажется, их нельзя оставлять одних. Они могут удариться в панику и устроить погром в гостинице. Или попробуют сбежать и причинят себе вред. А может, еще что-нибудь. Не хотелось бы их снова связывать. Так что же делать?

— Можно оставить охрану, — сказала Анна.

Рассел покачал головой:

— Они только-только начали к нам привыкать. А охрана, особенно вооруженная, может спровоцировать их на какие-то действия.

— Тогда нам всем придется спать здесь, — это ясно, — сказал Абсу. — Не волнуйся, Рассел. Я, правда, немного устал от всего увиденного, но у меня есть привычка спать чутко, ведь я воин. Наши дикие друзья не успеют и шевельнуться — я сразу проснусь.

— Хорошо, — согласился Рассел, — будем надеяться, что сможем объяснить это Оре и Айрегу.

К этому времени Айрег уже не боялся своего отражения в блестящей пепельнице, пожалуй, оно ему даже нравилось, и он сам себе строил рожи, то свирепые, то смешные. При свете свечей его грубые и маловыразительные черты казались мягче, и Рассел подумал, что, если бы не жесткие волосы и одежда из шкур, Айрега можно было бы принять за одного из неряшливых типов, фланирующих по улице Кингс-Роуд в Лондоне. Отличала же его от этих типов наивность, светящаяся в глазах. В душе Рассела поднялась волна симпатии к этому ни в чем не повинному

парню, которого судьба или злой умысел швырнули в другую эпоху.

— Айрег, ты-спать, Ора-спать, — сказал Рассел. — Рассел и Анна-спать, Абсу-спать. Отдыхать. Хорошая-вещь-отдыхать.

— Спать? — переспросил Айрег. — Как спать-показывать.

Рассел опустился в одно из глубоких кресел, закрыл глаза и даже слегка захрапел.

— Так спать. Будешь хороший-сильный. Будешь-счастливый.

Ора засмеялась:

— Тепло-темно-хорошо. Делай тепло-темно-хорошо. Ора-Айрег-лежать-тепло-темно.

— Правильно, — сказала Анна. — Смотри: Анна-спать. Рассел-спать. Нет-боль. Тепло-темно-хорошо. — Она тоже опустилась в кресло и закрыла глаза.

Свечи наполовину сгорели, и зал заполнили мягкие, пляшущие тени. Айрег сел в кресло, потом передумал. Он взял Ору за руку и положил ее рядом с собой на ковер. Абсу, сидящий поодаль на ковре по-турецки, тоже позволил себе слегка вздремнуть.

Но, судя по всему, у Айрега были свои понятия о том, как надо отходить ко сну. Полежав какое-то время спокойно, он протянул руку к обнаженной груди женщины, взял сосок левой груди двумя пальцами и слегка сжал. Не открывая глаз, Ора слегка вздрогнула. Воодушевленный этим, Айрег сжал сосок сильнее. Ора не открыла глаза, но потянулась в томной неге, произведя горлом какой-то странный, булькающий звук.

Притворяясь крепко спящими, Рассел, Абсу и Анна понимали, что происходит. Ласки Айрега были примитивными, но таили в себе какую-то странную нежность. Когда тело Оры совсем расслабилось и стало податливым, Айрег с размаху овладел ею и предался наслаждению исступленно и радостно, не обращая никакого внимания на остальных. А те изо всех сил притворялись спящими.

Ора так и не открыла глаз, она извивалась и каталась по ковру, иногда шутливо боролась со своим партнером. Она то стонала, то смеялась. Потом первобытная пара заснула, обнявшись. За все время короткого, но бурного общения ни один не произнес ни слова.

Наблюдая за ними исподтишка, Рассел думал, что

вот так, наверное, все и происходило в садах Эдема. Взглянув на Анну, он встретился с ней глазами. Он хотел ее.

Но они не стали заниматься любовью, они просто смотрели друг на друга. Потому что были не одни.

«Вот в этом и заключается разница между людьми невинными и цивилизованными, — думал Рассел, засыпая. — Ора и Айрег делают что хотят и когда хотят, отключаясь от всего остального. Они не имеют представления о морали, уединении или каких-то условностях.

Они знают, что им нужно. И, может быть, знают, в чем их счастье.

А может быть, — подумал Рассел, — больше ничего и не нужно знать?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ора и Айрег провели в эревонском «Хилтоне» целых шесть дней, после чего их подвели к тому месту, откуда виднелись первобытные хижины, и отпустили с миром. Нужно сказать, что во время своего плена они не делали никаких попыток к бегству. У них не было на это времени: они учились. Рассел провел с ними ускоренный курс языкового общения. Они узнали и многое другое, но без развитых речевых навыков не смогли бы усваивать и накапливать знания. В результате эти шесть дней подняли их на такой уровень, до которого им пришлось бы карабкаться не одну тысячу лет.

Рассела удивляли врожденные способности этих двух первобытных созданий, превзошедшие все его самые смелые ожидания. Ора оказалась более сообразительной, она схватывала значение слова быстрее Айрега, но зато тот был более систематичным; кроме того, однажды что-то узнав, он умел применять свои знания лучше, чем Ора.

К концу третьего дня разговоры перестали быть для всех участников такой пыткой, как раньше. По мере того как расширялся словарь учеников, необходимость нанизывать слова, как бусы, отпадала. «Холод-боль», например, можно было сразу назвать смер-

тью. Сочетание слов «ложись-держи-темно-близко-смеяться-плакать» можно было передать проще: «давай займемся любовью», а «холод-боль-нет-боль-поесть» перевести как «хочется есть».

Абсу оставался в «Хилтоне» достаточно долго для того, чтобы понять, что делают «волшебники» со своими пленниками, а потом вернулся в крепость Марур, чтобы заняться внутренними делами, как и полагалось феодальному владыке. Он оставил Фарна в «Хилтоне» для наблюдений, второго воина взял с собой. Расселу он сказал, что вернется через несколько дней, чтобы посмотреть, какие успехи делают пленные, и обсудить планы намеченного «прорыва» сквозь стену тумана.

Между тем Рассел, Анна, Джон Говард и другие вовсю «гнали» программу обучения Оры и Айрега. Фарн присутствовал на уроках, слушал все, и глаза его светились умом. Его обучали тоже, и он узнавал о «волшебниках» больше, чем они подозревали.

Однажды после обеда Рассел сидел на ступеньках отеля, — это было его любимое место для размышлений; рядом с ним разместились Айрег и Фарн. Ора была где-то внутри «Хилтона», там Андреа и Дженис посвящали ее в тайны современных женских нарядов и косметики. Для английских студенток это была забава, а для Оры — цепь невероятных чудес.

Какое-то время трое мужчин молчали; они только что сытно поели (Айрег, судя по всему, мог проглотить что угодно), и каждого занимали его собственные мысли. Фарн неторопливо вырезал ножом маленький символ плодородия, который он собирался подарить лорду клана «волшебников» в знак уважения. Айрег упражнялся в счете, раскладывая десяток маленьких камешков. А Рассел умчался мыслями в дальние дали, вспоминая о том, каким бывает час «пик» туманным ноябрьским вечером в Лондоне.

Неожиданно Айрег произнес:

— Рассел-друг дает слова Айрегу. Айрег не дает ничего. Айрег-слезы-боль. Темно-низко.

К этому времени Рассел уже настолько научился понимать язык Айрега, что даже улавливал разные тонкости. Он перевел фразу так: «Ты меня учишь, а я тебя нет. Я не понимаю, зачем ты это делаешь, и не могу ничего предложить взамен». Подумав какое-то время, он ответил:

— Айрег дал большую вещь другу-Расселу. Он дал

руку, где был камень. — Сказав это, он протянул руку Айрегу.

Удивленно и настороженно Айрег протянул свою руку, которой он раньше в основном охотился и дрался. Рассел торжественно взял ее в свою и пожал. Ладонь была такой мозолистой, словно ее сплошь покрывала роговица, и казалась, скорее, звериной лапой. Когда пальцы Айрега сжались, Рассел сморщился от боли. Айрег понял это и разжал руку.

— Пожатие руки, — сказал Рассел, — значит, что Айрег не обидит Рассела, а Рассел не обидит Айрега. Никогда, никогда. Потому что Айрег — друг, Рассел — друг, Ора, все люди Айрега — друзья. Анна, все люди Рассела — друзья. Никогда, никогда не ранят. Большую вещь дал Айрег... — И чтобы придать вес сказанному, Рассел добавил: — Рассел смеется, очень счастлив, очень хорошо.

— Большая вещь, — повторил, как эхо, Айрег, начиная понимать. Ему было неясно, почему эти люди, которые умеют воевать с помощью страшного грохота, сетей, веревок и блестящих штук, более острых, чем камни, — почему они не хотят завоевать его народ? Но пути богов неисповедимы. Если эти существа, так странно пахнущие, радуются миру — пусть будет мир. — Никогда, никогда не ранить, — сказал он. — Большое дело. Люди Айрега, люди Рассела — никогда не ранить. — Он воспрял духом: — Это дал Айрег?

— Это дал Айрег, — подтвердил Рассел, — хорошая, большая вещь. Больше, чем слова, что Рассел дал Айрегу.

Айрег встал во весь рост и ударил себя в грудь.

— Большая вещь дал Айрег! — прокричал он так, словно говорил со всей саванной. — Никогда, никогда не ранить.

— Лорд Рассел, — спросил Фарн, оторвавшись от куска дерева, — приличествует ли лорду клана заключать союз с дикарем?

— Приличествует, — спокойно отозвался Рассел. Потом добавил без видимой связи: — Я человек или животное?

Следопыт улыбнулся:

— Ты повелитель клана волшебников.

— Человек или животное? — настаивал тот.

Фарн зем Марур растерялся:

— Лорд, ты или человек, или больше человека.

— А ты, Фарн, и твой лорд Абсу — люди или звери?

К Фарну вернулась его уверенность.

— За себя могу ответить — человек. Но мой повелитель Абсу превзойдет любого человека, если дело дойдет до битвы!

— Теперь об Айреге. Он человек или животное?

Фарн бросил одобрительный взгляд на Айрега:

— Лорд, я не знаю, то ли он человек со звериным сердцем, то ли зверь с человеческим. Но лучше пусть он будет со мной, а не против меня. Он очень сильный и по-своему даже смелый.

— Насколько я понял, следопыт, — продолжал Рассел, — мы все — я, ты и он — относимся к людям. А по другую сторону тумана могут жить иные существа — не люди и не животные. И может наступить момент, когда им надоест с нами возиться или мы потребуем от них ответа.

— Лорд, — сказал Фарн, — в таком случае мы все — из близких кланов.

— Пойди еще дальше, Фарн зем Марур, — сказал Рассел, — и ты увидишь, что мы из одного клана.

Айрег улыбнулся.

— Хорошая, большая вещь, — заметил он глубокомысленно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

До вечера было еще далеко, но в воздухе чувствовалась прохлада, хотя солнце стояло высоко в небе, по которому плыли кудрявые облака. «А может, это не в воздухе, а у меня в душе, — думал Рассел, — и не прохлада, а нервная дрожь».

Он взглянул на Анну, сидящую в лодке рядом с ним: она спокойно гребла. «Как она красива, — подумал Рассел, — я просто раньше не придавал этому значения. Но что делать, мы многого не сознаем, пока перед нами не замаячит смерть».

Анна небрежно зачесала волосы назад и связала их каким-то шнурком; одета она была легко: мужская рубашка и потрепанные брюки. Теплые вещи они аккуратно сложили в маленькой кабине, тоже утеплен-

ной; кроме того, при желании ее можно было снять с лодки. Тур Норстед столько возился с ней перед смертью...

На крыше кабины были аккуратно сложены три пары деревянных колес и два длинных дышла с веревочной упряжью. Все это, сделанное Джоном Говардом, легко превращало лодку в небольшую телегу, на случай, если придется ехать по суше. «Вот именно, если нам когда-нибудь доведется проехать по суше», — мрачно подумал Рассел.

Теперь, когда экспедиция действительно началась, оптимизм его пошел на убыль, и он был почти уверен, что она кончится катастрофой.

Кабина помещалась посреди судна (если это название было не слишком громким для скромной лодки). Она заслоняла от Рассела и Анны скамью на носу, где сидел Фарн.

Фарн освоил способ индейской гребли и неутомимо работал одним веслом, подгребая то справа, то слева. К счастью, лодка шла вниз по течению и требовала совсем небольших усилий, хотя и была порядком нагружена. Весла были нужны в основном для того, чтобы не сесть на мель. Местами эта лениво струящаяся водяная лента была не более семи-восьми метров в ширину, но кое-где она разливалась просторной заводью, где течение почти не ощущалось. Иногда лодка слегка задевала дно.

Рассел был рад, что Абсу позволил Фарну присоединиться к этой экспедиции. Абсу не вызвался участвовать в ней сам, потому что чувствовал ответственность за клан, по этой же причине не одобрил и желания Рассела возглавить поход. Однако свое неодобрение он держал при себе, считая, что обычаи волшебников не похожи на обычаи нормальных людей.

Сначала Рассел хотел взять с собой Мохана дас Гупту, но Анна его отговорила. «Если экспедиция кончится гибелью участников, — утверждала она, — в команде землян возникнет серьезная проблема: двое мужчин — Гуннар Рудефорс и Тур Норстед — уже погибли, и, хотя Марины Джессоп тоже нет в живых, потеря еще двух мужчин повлечет большие сложности и даже может привести к гибели всей группы».

Рассел безоговорочно решил отправиться в экспедицию; он был уверен, что в случае его гибели Джон Говард, нынешний заместитель, справится с делами

не хуже, чем он сам. Анна настаивала на том, что он обязан взять ее в помощники. Конечно, во многом Анна была не хуже любого мужчины, но Рассел согласился из чистого эгоизма — он просто хотел быть рядом с ней. А теперь, продолжая радоваться, что Анна с ним, он в то же время горько сожалел об этом. Он предпочел бы, чтобы сейчас она была в «Хилтоне», в сравнительной безопасности.

Абсу обещал поддерживать регулярную связь с Джоном, как бы долго ни отсутствовал Рассел. Договорились и о том, что в случае несчастья клан Марур переберется в «Хилтон» или земляне — в крепость, в зависимости от обстоятельств.

Рассел не имел ни малейшего представления о том, что́ именно может вызвать необходимость такого объединения, но было приятно погрузиться в обдумывание всяких непредвиденных случаев.

Взглянув на Анну, он увидел ее ласковую улыбку и подавил свой страх, улыбнувшись в ответ, чтобы не заразить ее своим унынием. Сейчас нужен какой-то легкомысленный треп...

Анна перестала грести и поцеловала его в ухо. Потом прошептала:

— Я рада, что мы вместе, Рассел, но все же очень боюсь. А ты?

Рассел ответил:

— Неужели ты думаешь, что англичанин старого закала признается эмансипированной русской даме, что ему страшно?

— Почему бы и нет? Если это так.

— Дорогая, — сказал он почти весело, — ты должна разрешить мне некоторое притворство. Тем более что джентльмен никогда не станет психовать при женщине.

Анна засмеялась:

— Ну вот, мне уже лучше! А ведь ты сказал всего несколько слов!

— Действительно, странно, — согласился он. — Ты помнишь, как мы проплывали под мостом, где живут эти придурки? Все они суетились и орали, и в какой-то момент мне показалось, что Айрегу и Оре не удалось их убедить в нашей дружбе.

— Это было ужасно. Прошло всего три-четыре часа с тех пор, а кажется — целая вечность.

— Меньше четырех часов, — сказал Рассел. — Я уже начал думать, что мы кончим свою жизнь в

котле, где они нас сварят. Особенно было страшно, когда Айрег оттолкнул от берега свою лодчонку. Помнишь: он плыл к нам, вовсю размахивая своим лучшим охотничьим топором.

— А он нам просто его подарил, — улыбнулась Анна.

— Да. А помнишь, что он сказал? «Айрег дал Расселу-другу большой хороший вещь. Камень-маленький, но несет большой хороший вещь. Держись твердо, друг, плыви быстро. Вернись быстро. Тогда Айрег-друг, Рассел-друг будут смеяться-есть».

— Это была длинная речь для него, — сказала Анна и снова взялась за весла. — Может, самая длинная за всю его жизнь.

Рассел поднял топор со дна лодки и посмотрел на него с умилением:

— Не знаю почему, но я вдруг возгордился. Думаю, это чего-то стоит — подружиться с таким человеком, как Айрег.

Теперь лодка плыла по широкому простору реки, низкие берега которой здесь были песчаными.

За береговой кромкой по обе стороны простиралась без конца и края зеленая равнина. Это уже был не тот ландшафт, к которому они привыкли; высокая трава саванны и перелески остались позади. Короткая шелковистая трава, покрывающая долину, была такой ровной, словно ее регулярно стригли.

Вдали от берега Рассел различил стадо каких-то пасущихся животных. Достав бинокль, он рассмотрел их и решил, что они похожи на домашних бычков, если бы не одна деталь, а именно: посреди головы у каждого торчал лишь один рог.

Ну что ж, размышлял Рассел, в нашем «зоопарке» дикие животные почему-то сосредоточились в лесу, поближе к «речникам». Может, их «импортировали» специально для Айрега и его людей? Они ведь прирожденные охотники. Возможно, этих единорогов тоже доставили сюда для кого-то...

— Лорд Рассел, — раздался голос Фарна с другого конца лодки, — я думаю, мы находимся в восьми-девяти вараках от стены тумана. Может, нам стоит причалить, поесть и отдохнуть, прежде чем мы рискнем войти в этот холод?

— Хорошая мысль, следопыт. Давай втащим лодку

на берег и подготовимся: нужно достать теплые вещи из кабины, чтобы сразу их надеть.

Рассел стал вспоминать сравнительные показания температуры, собранные Джоном Говардом несколько дней назад, далеко на севере. Судя по его данным, барьер из тумана не мог быть более 50 метров. Но Джон предупредил, что его расчеты весьма приблизительны.

А ценой его ошибки могут быть три хладных трупа, причем очень скоро.

Пока Фарн разворачивал лодку к берегу, Рассел разглядывал в бинокль безлесую долину. Вдали, на предполагаемом юге, вставала изогнутая белая стена, она кое-где словно бы сливалась с нависшими облаками. Вычислить ее высоту было трудно, но Рассел решил, что она составляет примерно двести-четыреста метров, эта белая завеса, отделяющая их резервацию от остального мира.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Русло реки оставалось широким, над ней, примерно в полукилометре от путешественников, нависал барьер из тумана — неподвижный и плотный, похожий на невероятных размеров ледяную преграду.

Глядя на нее, Рассел почувствовал, что ручейки пота стекают по спине. Внутри — холод, а тело покрыто испариной. На нем было две рубашки, три свитера, две пары брюк, три пары носков. Он держал наготове длинный вязаный шарф, которым собирался обмотать голову.

Анна и Фарн были закутаны не хуже. Посмотрев на них, он засмеялся.

— Лорд Рассел, — отозвался Фарн, — если вспомнить, что нас ждет, то ты напрасно смеешься. Холод такой, с каким я не встречался. И если мы пройдем этот туман живыми, повторения я не захочу.

— Прости меня, Фарн, — сказал Рассел покаянно. — Ты вынул вещи из кабины?

— Лорд, я сложил все на носу лодки, как ты приказал.

Оружие лежало в одном месте: здесь было копье

следопыта, кинжал и еще одно короткое копье, ножи, два арбалета с наборами стрел, две гранаты — по одной Анне и Расселу. Рядом с оружием были сложены консервные банки и бутылки с водой, взятой из «Хилтона»: Анна и Рассел не хотели пить речную. Здесь же были бинокли, магнитный железняк Фарна, два мотка проволоки, коробка с бинтами и фотоаппарат «Кодак».

«Странный набор вещей, — подумал Рассел, — нужно быть полубезумцем, полусмертником, чтобы отправиться в такую экспедицию втроем и с жалким снаряжением. Даже если мы благополучно пройдем сквозь стену — что весьма проблематично, — возможно, на той стороне нас ждет что-нибудь похуже.

— Обними меня, Рассел, — сказала Анна, похожая в этот миг на толстую тряпичную куклу. — Обними меня крепко-крепко.

Грэхем снова взглянул на туман, висящий не более чем в ста метрах от них. Казалось, холод уже веет в лицо.

— Обниму, когда мы влезем в кабину, — ответил он, — обниму так крепко, как ты пожелаешь. — Он обратился к Фарну: — Следопыт, слушай мой приказ. По моей команде мы все заберемся в кабину. Уляжемся рядом, вплотную, закутав головы. Будем согревать друг друга. Надеюсь, мы не потеряем сознание, проходя сквозь туман, но если вдруг лодка сядет на мель — сначала мы попытаемся сдвинуть ее с места, раскачивая изнутри. А не выйдет — ты, следопыт, выползешь из кабины и постараешься сдвинуть ее веслом. Я буду помогать тебе. Но не открывай глаз! Если мы вдвоем не справимся, леди Анна присоединится к нам. Уж если и втроем мы не сможем ничего сделать — считай, что это конец.

— Лорд, ты сказал свое слово. Я его одобряю, — отозвался Фарн.

Огромная белая стена была теперь всего в двадцати метрах. В ярких лучах солнца она завораживала своим блеском.

Бросив взгляд на реку, Рассел убедился, что лодка идет прямо по центру течения. Остальное было в руках Божьих.

— Ну что же, давайте залезать в кабину, — сказал он, — леди Анна ляжет между нами. Ты, Фарн, прижмись к ней покрепче, в данной обстановке она

не обидится. — Он быстро поцеловал Анну в губы. — Иди первой, милая. Устраивайся поудобнее. Ради Бога, обмотай голову поплотнее этой ночной рубашкой или что там у тебя. И не возражай, если мы тебя очень стиснем.

— Но я тебя люблю, — отвечала Анна.

— Надеюсь. И вообще, нам сейчас стоит быть поближе.

— Лорд Рассел, — сказал Фарн, — эту историю мы еще расскажем детям наших детей. Что бы ни случилось, я горжусь тем, что был с вами.

— Влезай, приятель. Мы еще напьемся так, что встретимся под столом. — Рассел говорил весело, хотя туман сгущался вокруг него и на губах появился иней.

Лодка вошла в белую плотную завесу тумана. Рассел забрался в кабину вслед за Фарном и крепко обнял бесформенный узел, в который сейчас превратилась Анна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Холод пронизывал до костей, терзал так, словно огромное слепое чудовище впивалось в них мириадами зубов-иголок; холод обжигал и дышал смертью.

Головы путешественников были закутаны, глаза закрыты, тела одеревенели от мороза. На лицах был иней, слезы застывали, не успев вылиться из глаз, запаивая веки и ресницы, как сварка на металле. Вот уже стала замерзать влага в носоглотке, не давая людям вдыхать воздух, который стал острым и резал легкие, словно нож.

«Все равно это добром не кончится, — думал Рассел, — даже если нас не убьет холод, мы задохнемся оттого, что носы и рты заледенеют». Он попытался крепче обнять Анну, но мускулы уже не слушались. Их головы были рядом, и ему показалось, что она стонет. Он хотел взглянуть на ее лицо, но не смог и даже обрадовался этому.

Где-то рядом раздался глухой скрежет: видимо, в самой сердцевине тумана поверхность реки напоминает каток, под которым течет более теплая вода. Если это так — их утлая лодчонка вмерзнет в лед навечно. Ему

бы следовало это учесть еще до экспедиции. Многое нужно было учесть!

Рассела одолевала дремота, мысли путались, боль, причиняемая холодом, уже не так досаждала, потому что ощущения притупились. Ему казалось, что леденеют даже образы, возникающие в мозгу.

Сквозь дремоту мелькнула мысль: хорошо бы поговорить с Анной, такой близкой в этой тьме и такой далекой, заключенной в капсулу собственных страданий. Так хочется с ней поговорить...

«Прости меня, любовь моя, — думал он в отчаянии. — Прости за то, что я тебя втянул в эту затею...»

А потом не осталось никаких мыслей, только ледяное, бесконечное забытье...

...Внезапно разверзлись небеса, и произошло чудо — вокруг был теплый мир, поражающий безумством красок, запахов и звуков. У Рассела внутри словно взорвалась бомба — сознание вернулось, ощущения нахлынули разом, оглушив его.

Он открыл глаза, вскрикнув от боли. Над ним было лицо Анны, а еще выше — голубое полотнище неба. Рассел попробовал пошевелить пальцами — они двигались. Попробовал поднять руку — она поднялась, но показалось странно, невероятно жесткой. Потом он сел на скамью и засмеялся.

— Мы живы, — удивленно сказал он.

— Да, Рассел, мы живы. Отдохни, а я посмотрю, чем можно помочь Фарну. Боюсь, он перенес все это хуже нас.

Но вот уже и Фарн зем Марур сидит, несомненно испытывая те же фантастические чувства, что и Рассел.

Грэхем осмотрелся. Видимо, это Анна вытащила из кабины его и Фарна. Господи, как у нее достало на это сил?

Лодка была у берега — либо ее туда направили, либо она сама придрейфовала. Теперь стена тумана стояла позади, примерно в двухстах метрах вверх по течению. Она вытянулась по обе стороны реки, составляя единую гигантскую дугу.

Захлебываясь от возбуждения, вознося хвалы мантии, белой и черной королевам, произнося заклинания, которых Рассел раньше не слышал, Фарн медленно возвращался к жизни.

Грэхем все еще не мог понять, как удалось Анне прийти в себя быстрее, чем мужчинам.

— Если все русские женщины — такие же, как ты, — сказал он, — Россия, несомненно, будет править миром. Как ты так быстро очнулась, Анна? В чем заключается тайна?

— В рыцарстве, любовь моя. Ты и Фарн спасли меня своим благородством, защищая слабый пол. Вы стиснули меня с двух сторон, и оба оказались теплыми, как одеяла... — Она лукаво улыбнулась. — И потом, на мне гораздо больше жира, чем на каждом из вас. Хотя, может, ты и не заметил.

— Хвала матери России за милость, оказанную нам, — словно молитву, проговорил Рассел.

— Лорд Рассел, — вмешался Фарн, — мы уже были мертвыми, а теперь живы. Воистину, есть чему удивляться.

— Аминь, — сказал Рассел, — а теперь хорошо бы узнать, куда мы попали, выбравшись из нашей тюрьмы. По эту сторону стены должно быть что-то, чего нет там. Иначе — зачем эта стена?

Сказав это, он еще раз беглым взглядом оглядел окрестности. Такая же равнина, что и позади белой стены.

И тут Рассел увидел к о л о н н у.

Она стояла вдали, на расстоянии около десяти километров, и стала заметной потому, что лучи заходящего солнца, сверкая на ее поверхности, превратили ее в тонкий пылающий огненный столб.

Без сомнения, колонна была очень высока. На вершине красовалось нечто, похожее на огромный прозрачно-зеленый шар.

Остолбенев, Рассел смотрел на все это несколько мгновений, потом протер глаза и приставил к ним бинокль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Время близилось к вечеру, и при угасающем свете дня путники вытащили лодку на берег, сняв с нее снаряжение, колеса и упряжь — чтобы все это было готово к утру, когда они тронутся в путь.

Темнота сгущалась, и Рассел предложил отдыхать

по очереди: двое будут спать в лодке, третий — дежурить.

Прежде чем разбить бивуак, Рассел осмотрел местность — и загадочную колонну — в бинокль.

На глаз высота этой колонны или башни была равна примерно семистам-восьмистам метрам. Но Рассел отверг эту мысль: ведь тогда зеленый шар должен бы иметь диаметр минимум в 150 метров, а представить себе столь грандиозное сооружение он не отважился.

Вероятно, колонна была сделана из какого-то сплава, она казалась круглой, как карандаш, и гладкой. Однако на таком расстоянии бинокль мог и не уловить каких-то украшений или выступов. У основания башни, казалось, разместились какие-то строения, но это с успехом могли быть и скалы, в сумерках трудно было сказать наверняка.

Самой загадочной деталью в этом ансамбле был «мыльный пузырь» на вершине — идеальной формы шар, внутри которого через прозрачные стенки Рассел видел (или ему так казалось) неясные туманные очертания каких-то предметов. Сквозь шар свободно проходили лучи заходящего солнца. А главное — он казался удивительно легким и нематериальным, словно его вот-вот унесет порыв ветра или он лопнет, как настоящий мыльный пузырь.

Наступил вечер, стало холоднее, и путешественники снова надели на себя теплую одежду. К тому же хотелось есть: они не подкреплялись уже несколько часов. Кроме консервных банок, у них было с собой несколько связок дров для костра, и Рассел решил использовать две-три связки. Все-таки пламя поднимало настроение, не говоря уж об ужине.

Еда была простая: суп из консервированной фасоли, который они проглотили молча. Однако после ужина Рассел решил обсудить предстоящую разведку. Было ясно, что для возвращения им придется пройти по суше вдоль туманной стены, потом пробраться сквозь нее там, где река входит в резервацию на севере. Это само по себе будет делом нелегким, потому что, по расчетам Фарна, расстояние между входом реки в «тюрьму» и выходом из нее равно примерно пятидесяти варакам, то есть тридцати пяти километрам. Если учесть и изгиб стены, то «телегу» придется тащить за собой километров сорок пять по незнакомой местности, прежде чем они снова увидят реку.

— Если мы будем повсюду таскать за собой нашу посудину, — сказал Рассел, — мы вряд ли сможем что-то разведать по-настоящему. У нас быстро кончатся и силы, и продукты. Наверное, лучше оставить ее здесь, а потом вернуться и перенести ее, следуя все время вдоль стены. Как ты думаешь, Фарн?

— Лорд, великая башня, которую мы только что видели, — истинно прекрасна. Ради этого похода мы уже рисковали, так что можем и еще раз рискнуть. Мы пришли сюда учиться, так давайте это делать, хотя мы можем дорого заплатить за учебу.

— Отлично сказано. А что думаешь ты, Анна? Если мы оставим лодку здесь, ее могут уничтожить. Если возьмем с собой — будем продвигаться очень медленно.

— Я согласна с тобой и Фарном. Раз уж мы забрались так далеко, давайте выясним все, что сможем. Мне кажется, что эта башня — часть города, и мы наконец-то увидим его жителей, взявших нас в плен, — она усмехнулась, — хотя, может, им это не доставит удовольствия. Но еще хуже — жить в тюрьме и не знать, у кого ключи от этой тюрьмы.

— Ну что ж, значит, решено. Утром постараемся найти какое-нибудь укрытие и оставим там лодку.

Костерок, разведенный из нескольких поленьев, начал угасать. В чистом небе над головами путников зажглись мириады звезд, и эти чужие созвездия, к которым они уже стали привыкать, предвещали холодную ночь.

— Фарн, — сказал Рассел, — пора спать. Леди Анна будет дежурить первой, я ее сменю, потом ты сменишь меня и будешь дежурить до рассвета.

Ночь прошла спокойно. Троим друзьям даже показалось, что они одни во всей Вселенной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Как только рассвело, путешественники позавтракали и стали искать укрытие для лодки. У берега, в нескольких сотнях метров от стоянки, они нашли небольшой овражек, достаточно глубокий, чтобы спрятать «судно» от посторонних глаз. Надев на себя упряжь, Фарн потащил лодку к этому месту, потом

они с Расселом спустили ее на дно оврага. Уже шагах в десяти лодку не было видно.

Они тщательно отобрали продукты и снаряжение — прежде всего одежду; кроме узелка с едой, Фарн взял свой меч и кинжал; Анна — арбалет и несколько бутылок с водой. Рассел взял арбалет, две гранаты, моток веревки, бинокль и засунул в карманы пару банок консервов.

Было прекрасное утро, солнце не только светило с голубого неба, но и согревало.

Маленький отряд двинулся прямо на башню, которая в ярких лучах казалась еще более необычной, чем накануне. Как ни странно, она выглядела живой.

Меньше чем через полчаса марша по зеленому ковру долины Рассел заметил нечто необычное. Останавливаясь каждые несколько минут и осматривая местность в бинокль, он заметил какие-то возникающие время от времени вспышки. Такие «зайчики» бывают от солнца, попавшего на блестящий предмет. Они вспыхивали в двух-трех километрах от людей.

Рассел дал бинокль Анне, та передала его Фарну. Сполохи двигались в сторону реки и стены тумана. Все трое улеглись в траву, чтобы наблюдать за этим явлением, оставаясь невидимыми.

Вероятнее всего, передвижение отряда было уже замечено, потому что вспышки света стали ближе и двигались прямо на них. Люди приготовились к встрече: Фарн сжал рукоять кинжала, Анна вставила стрелу в арбалет, а Рассел взял в руки гранату и газовую зажигалку.

Вскоре природа этих вспышек стала ясна: прямо на них двигалась группа пауков-роботов, и солнце сияло на металлических шарах, заменяющих им голову.

Впервые за все время Рассел и Анна видели пауков при дневном свете и в действии. Фарн вообще видел их впервые, но не струсил (что отметил с облегчением Рассел). Он не испугался и тогда, когда пауки оказались уже шагах в пятидесяти.

— Мы могли бы и встать, — заметил Рассел, — все равно они знают, что мы здесь. Вот и выясним, есть ли у них какой-то приказ на наш счет.

— Лорд, — мрачно сказал Фарн, — кажется, меч — не самое надежное оружие для борьбы с такими чудищами.

Рассел взглянул на гранату:

— Вот это может помочь, следопыт. Многим из них потом понадобятся запчасти...

Пауков-роботов было пять или шесть, и каждый во всех членистых «лапах» держал по коробке. Видимо, это были припасы для эревонского супермаркета. Подойдя к людям шагов на двадцать, пауки остановились и вдруг резко сменили направление, как будто получили новый приказ. Рассел наблюдал, как они деловито зашагали к стене тумана, которая теперь была километрах в двух и сияла на солнце, словно монолитная льдина. Рассел поднял с травы свой арбалет и моток веревки и сделал знак попутчикам следовать за ним.

— Опасность, — глубокомысленно сказал он, — труднее предвидеть, если ничего не происходит. Похоже на то, что нас не накажут за побег из «резервации». Лучше уж двинемся к этой башне и посмотрим, что это такое.

Они молча пошли дальше, каждый был занят своими мыслями и тревогами. Время от времени Анна догоняла Рассела и брала его за руку, словно желая убедиться, что он в самом деле рядом.

Когда, по мнению Рассела, путники прошли половину пути, они увидели «эльфов».

Фарн заметил их первым и принял за «дьяволов». Онемев от страха, он смог лишь указать на них дрожащей рукой.

Примерно с десяток «эльфов» пронеслись над ними на высоте около сотни метров, направляясь к зеленому шару. Их полет сопровождался необычным звуком — это был низкий, ровный гул, напомнивший Расселу жужжание музыкального волчка, который он запускал давным-давно в детстве.

«Эльфы» скрылись моментально, как если бы кто-то невидимый щелкнул выключателем и погасил экран.

Рассел мигал, тер глаза и чувствовал, что у него дрожат колени. Он горько сожалел о том, что среди дорожных запасов нет бренди.

— Ты их видела? — Повернувшись к Анне, он прочел ответ на ее лице.

— Видела. — Голос ее дрожал. — Рассел, я хочу вернуться... — Голос становился все выше и резче. — Пожалуйста, отведи меня назад, к друзьям! Пожалуйста, отведи! Если мы пойдем дальше, мы сойдем с ума...

Он ударил ее по щеке. Приступ истерики прекратился.

— Спасибо, — сказала она просто. А успокоившись, добавила: — Ты мне напомнил, что даже русская женщина — только женщина.

Рассел обернулся к Фарну:

— Ну вот, следопыт, мы это видели. Желаешь ли ты идти дальше? Может, мы увидим кое-что и пострашнее.

— Я считаю, что мой долг — идти вслед за лордом Грэхемом, чтобы не обесчестить себя в глазах повелителя моего клана и в своих собственных.

— Тогда — пошли.

— Лорд, это были дьяволы?

— Нет, Фарн, не дьяволы.

— Но и не эльфы, — сказала Анна, — они мне напомнили что-то другое... Знаю — больших стрекоз. Может, это просто насекомые?

— Насекомые, способные внезапно исчезать? — сухо спросил Рассел. — Теперь я понимаю, почему Пол Редмэн принял их за «эльфов», — эти сверкающие крылья, золотистые волосы...

Анна нервно засмеялась:

— Это не «эльфы», у них нет волшебных палочек. Но зато есть четыре ноги — или руки, или лапы.

Вскоре, когда солнце уже стояло высоко в небе, путники подошли к строениям, стоящим примерно в километре от гигантской башни. Постройки были низкие, без окон, напоминали по форме ледяные эскимосские йглу. Сделаны они были из пластика, похожего на тот, из которого были изготовлены гробы землян.

Если это был город, то странный. Он выглядел вымершим, хотя кто-то же содержал его в чистоте и порядке. Казалось, город возник совсем недавно. И еще казалось, что здесь вот-вот должно что-то случиться, то ли прекрасное, то ли ужасное, то ли фантастическое. На этот счет у Рассела не было сомнений, так как путешественники чувствовали, что за ними кто-то наблюдает.

Башня была еще выше и загадочнее, чем казалась на расстоянии. Она занимала самый центр «мертвого» города и уходила в поднебесье почти на целый километр. Огромный сверкающий зеленый шар на ее вершине казался чудовищным цветком на жестком металлическом стебле.

Неотрывно глядя на это сооружение, Рассел почув-

ствовал, что сегодня он, Анна и Фарн станут главными героями — или жертвами — приближающейся трагедии.

К ближайшей постройке земляне подходили осторожно, потому что услышали какое-то негромкое пульсирование — такие звуки могла издавать мощная машина. Вибрацию они почувствовали сначала подошвами ног, а подойдя поближе, поняли, что сам воздух вокруг строения словно бы насыщен энергией. Даже если бы они и захотели войти внутрь (а они не очень-то рвались), то не смогли бы этого сделать. Узкие тоннели, ведущие в эту постройку, — высотой всего лишь в метр и шириной тоже в метр — были перекрыты. Металлические двери не имели ни видимых замков, ни задвижек.

Здания второго ряда, похожие на первые по форме и размерам, были открыты, их даже можно было осмотреть. Оставив попутчиков снаружи, Рассел вошел в одно из строений и понял, что это своего рода склад — вдоль стен тянулись низкие длинные полки, на которых аккуратно были сложены металлические, пластиковые и керамические предметы совершенно непонятного назначения.

В следующем здании Рассел обнаружил то ли цех, то ли лабораторию, где трудились пауки-роботы. Рассел чувствовал, что они знают о его присутствии, но продолжают спокойно заниматься своим делом, не обращая на него внимания. Пробыв в «цехе» какое-то время, Рассел так и не смог разгадать, что же делают пауки.

Начав нервничать, Анна позвала его, и, когда Рассел вышел на свет Божий, он стал рассказывать ей и Фарну об увиденном и только тогда понял, что не заметил никаких источников света, а между тем там было светло, словно стены построек были стеклянные.

Время шло, солнце миновало зенит, и Рассел стал торопиться. Он хотел приблизиться к башне, увенчанной зеленым шаром. Шар был настолько огромным, что внушал трепет; с другой стороны, с виду он был так невесом, что казалось, легкое дуновение ветра может его унести. Приближаясь к башне, путники увидели еще одну группу построек совершенно другого типа. Их было всего пять, построенных из камня или бетона, конусовидной формы. Высота их была метров тридцать, и каждое сооружение имело низкий и узкий вход. Рассел прополз внутрь и попал в полутемное помещение.

Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел, что внутри ничего нет, кроме пластиковых шестов, закрепленных в стенах, под некоторым углом к ним. Если бы эти шесты (диаметром в 10—12 сантиметров) продлить немного, они встретились бы в центре строения, как спицы огромного колеса, обод которого вмонтирован в стены. Каждая «спица» была лишь четырех-пяти метров в длину, но их было так много, что и считать не стоило.

Рассел вышел к Анне и Фарну.

Троица подошла к основанию огромной колонны. Только здесь они почувствовали ее колоссальные масштабы: она вонзалась в небо, уходя так высоко, что у них закружилась голова, когда они взглянули на зеленый сюрреалистический шар, бросающий фантастический свет на окружающую местность.

Рассел чувствовал странную опустошенность. Не было больше страха, но не было и воодушевления. Он не мог бы сказать, что же, в сущности, ожидал здесь увидеть, но только не такую вот пустоту и безразличие. Рассел начинал уже подумывать, что им придется вернуться за лодкой, так и не приблизившись к разгадке тайны их «тюремщиков».

И башня, и шар были огромны, молчаливы и непостижимы. Может быть, это не что иное, как чудовищный погребальный монумент? И что же — побывать на краю гибели только для того, чтобы обнаружить памятник какой-то неизвестной расе?

Но для кого же тогда эти машины, склады, пауки-роботы? Рассел обессилел, голова у него болела. Взглянув на лица своих друзей, он заметил те же следы усталости и разочарования.

— Мы ничего не добились, — горько сказал он, — и не узнали ничего нового. Надо поесть и вернуться к лодке еще до захода солнца, к тому времени нам понадобится хороший отдых.

И в этот миг они услышали звуки, напоминающие далекие раскаты грома.

Гром приблизился и, расколов небосвод, стал словом.

— Приветствуем вас! — произнес Голос. — Рувиры шлют привет своим детям!

Внезапно все вокруг засияло и пришло в движение. Воздух наполнился трепетом пестрых, переливчатых крыльев.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Рувиры не были ни эльфами, ни дьяволами. Это были люди. Они умели плотно закреплять свои гибкие, как у ящериц, тела (вот, оказывается, для чего «спицы» в их домах) с помощью присосок, расположенных на хвосте. Внешне они напоминали земноводных, но на теле каждого было по две пары коротких рук, две пары блестящих прозрачных крыльев, а голову обрамляли сверкающие золотые локоны. Своими печальными лицами янтарного цвета они напоминали морских коньков.

И все же это были люди.

Рассел не испытывал никакого страха, скорее, трепет.

Рувиры стремительно приземлились и расположились вокруг фундамента башни, застыв в неподвижных позах и опираясь на хвосты. Время от времени кто-то взмахивал крыльями, но все они рассматривали троих землян с выражением полного спокойствия.

Фарн смотрел на них, сжимая меч, лицо его было серым от страха, Анна не очень уверенно держала в руках арбалет, Рассел взглянул на гранату, которую держал наготове, и, усмехнувшись, положил ее на землю.

Снова зазвучал Голос, который, казалось, заполнил собой весь мир. Рассел видел, что лица рувиров застыли, как маски, их рыбьи губы не двигались. А Голос, говорящий на превосходном английском — возможно, и на русском, и на Грен Ли, — был живым, его звуки сотрясали землю.

— Рувиры приветствуют вас, своих детей, и спрашивают: зачем вы пожаловали?

Рассел облизнул пересохшие губы. Эти бесстрастные лица и Голос, идущий неизвестно откуда, лишали его сил. Когда Рассел заговорил, ему показалось, что он шепчет.

— Мы пришли потому, что хотим многое узнать и понять, — ответил он.

В ответ прозвучали раскаты хохота:

— Дети, дети. Вам в самом деле нужно все понять?

— Да, нужно. Мы хотим знать, зачем нас забрали из наших собственных миров. Зачем нас окружили стеной тумана? Что нас ждет в этом чужом мире?

Снова раздался смех:

— Дети! Неужели крыса, сидящая в клетке, должна знать цели и задачи биолога? А дождевой червь — экологию природы? Неужели амеба поймет механизм родов?

Злые слезы закипели в глазах Рассела и покатились по щекам. Он не ответил. Его обступили видения: вот Абсу мес Марур дает клятву, Тур Норстед строит лодку; потом он увидел, как Айрег дарит ему топор. И все эти люди — крысы в клетке?

— Мы не черви и не амебы! — закричал он. — И не дети! Наши знания меньше ваших, но у нас есть гордость и достоинство. Мы ценим дружбу и мужество. Вы можете нас убить, но не унизить.

— Лорд, — пробормотал Фарн, — ты хорошо сказал. Это большая честь — умереть рядом с тобой.

— Рассел, — шепнула Анна, — я рада нашему знакомству. Этот поход стоил того.

Хохот повторился снова:

— Мы очень довольны нашими детьми.

Слепая ярость овладела Расселом. Ах, для них все это — всего лишь удачная шутка! Ну, ладно же! Он взглянул на гранату у своих ног и нащупал зажигалку в кармане.

— Значит, вы — раса господ! — крикнул он. — А мы — варвары. Но у нас разное чувство юмора. Посмотрим, позабавит ли вас вот это!

— Остановись! — прогремел Голос. — Вы пришли сюда за знаниями — хорошо. А вдруг вас убьют эти знания?

Рассел не смог двинуть ни рукой, ни ногой, тело его стало неподвижным, словно его заморозили. С трудом повернув голову — она еще двигалась, — он посмотрел на своих товарищей. Фарн и Анна тоже застыли.

— Это нам решать, выдержим ли мы бремя знаний, — превозмогая онемение, возразил Рассел. — Вы можете нас убить. Но пока мы живы, мы имеем право думать, узнавать новое, раскрывать тайну нашего плена.

— Смело сказано! — ответил Голос, снова заполнивший небо. — Гордые слова, порожденные гордыней невежества. Дети, вы бродите по лесу, не ведая об опасности. Ну что, вы все еще жаждете узнать?

Помолчав пару секунд, Рассел тихо сказал:

— Мы знаем, что смерть — это часть жизни. И лучше погибнуть, чем жить в тюрьме невежества и страха.

Снова раздался смех, но он прозвучал мягче, и что-то новое, печальное мелькнуло в выпуклых глазах «эльфов».

А Голос гремел:

— Дети мои, выслушайте историю, которую вы либо поймете частично, либо не поймете совсем. Подумайте о времени — не о личном, не о биологическом и не о геологическом. Подумайте о времени космическом.

Голос продолжал:

— Когда планета, которую вы называете Землей, еще не существовала и даже не зрела в недрах какой-либо звезды, в космосе уже были триллионы старых планет. Самые первые рувиры появились на этих планетах, рожденные умирающей звездой; они родились в огне, сформировались в вихре чистой энергии. Потом они улетели с матери-звезды, чтобы закалить себя в темноте и холоде. Они явились на другую планету, вынесли там все испытания, которым подверглись, и, приняв постоянный облик, познали счастье простой биологической жизни.

Голос замолчал на несколько мгновений; в тишине Рассел понял, что голова у него болит, мысли путаются, а воображение отключилось. Он взглянул на Анну: она выглядела измотанной, глаза ее были расширены, взгляд неподвижен. Ему захотелось коснуться ее, успокоить, но он не мог шевельнуться. Даже упасть не мог — не получилось. Потом взглянул на Фарна — и тот являл собой статую. Наверное, его средневековый ум отказывался понять происходящее. «Впрочем, и нам с Анной не многим легче», — подумал Рассел.

Между тем вселенский Голос продолжал:

— Галактика — это сад, но его нужно возделать. Рувиры принесли семена; два миллиарда лет назад они пришли на одну из планет, дети мои, и увидели, что в космосе, таящем большие возможности, нет жизни. Они породили эту жизнь, в том числе и на планете, которую вы называете Землей.

Потом они покинули Землю; с тех пор прошла не одна эпоха. И вот меньше чем миллион земных лет назад они вернулись в этот уголок. И велика же была

их радость, когда они увидели, что жизнь в этом саду цветет. С огромным интересом наблюдали они, как двуногие животные пользуются инструментами, постигают пользу огня и учатся мыслить. Но Земля оказалась единственным носителем разума.

Тогда рувиры собрали образцы и переправили их на другие планеты, где развитие отставало от земного. А сейчас здесь, на этой планете, собраны образцы трех планет, которым мы дали разум от матери-Земли. Каждый образец поместили в знакомый мир, но в одном замкнутом пространстве, чтобы все могли познакомиться друг с другом. Кто-то из вас уже вступил в пору просветления, другие еще живут в предрассветной мгле. Итак, рувиры подарили вам бремя знаний. Используйте его, как пожелаете.

Наступило молчание, столь красноречивое, что казалось громче Голоса, только что заполнявшего Вселенную.

Рассел взглянул на шеренги рувиров — их крылья застыли, их лица были бесстрастны. Оказывается, их было не так много, как ему подумалось вначале, — может, десятка четыре.

Какая-то мысль теплилась в мозгу Рассела, очень важная мысль. Если бы он мог ее уловить! Но он, как и предполагали рувиры, был раздавлен бременем всех этих сведений.

Этот молчаливый город, пустые здания, запустение в каждом доме... Неужели...

Он принял вызов.

— Вы называете нас своими детьми, — начал он. — Так ответьте нам на один вопрос...

Опять послышался печальный смех. Потом громовой Голос прокатился по небу:

— Каков же вопрос?

Посмотрев прямо в бесстрастные лица, Рассел набрал в легкие воздуха и ответил:

— Вы собрали нас — «образцы», как вы выражаетесь, — собрали вместе, потому что спешите проделать свои опыты. Вы вымираете, мы видели ваш город — он пуст!

— Смелая догадка, малыш, — услышал он, — но ошибочная. Рувиры не умирают. ОНИ УЖЕ МЕРТВЫ.

— Посмотрите вверх, на этот шар, — продолжал Голос. — Посмотрите на последнюю Сферу Созидания, последнюю из существовавших на всех известных нам планетах.

У Рассела голова шла кругом, он больше не думал ни об Анне, ни о Фарне, они для него почти не существовали, став видениями из какого-то забытого сна. Он был один среди чужаков, среди полурыб, эльфов, дьяволов, стрекоз и тайн, хранимых веками. Рассел понял, что он на грани безумия, но почему-то это его успокоило. Он был так спокоен, словно ему в черепную коробку налили ледяной воды, словно кто-то завладел его волей, чувствами, разумом. Как будто кто-то поддерживал его сейчас, чтобы он не упал.

Он посмотрел вверх; громадная колонна была гладкой и равнодушно-прекрасной, она завораживала и внушала трепет. Потом Рассел перевел взгляд на прозрачно-зеленый шар — Сферу Созидания, которая сейчас, казалось, погрузила весь мир в зеленоватый сумрак.

— Это последнее прибежище рувиров, — продолжал Голос. — Как только кончится энергия, рувиры тоже исчезнут и будут жить только в памяти тех, кто придет после них.

Рассел отчаянно пытался собраться с мыслями.

— Вы говорите, что рувиры мертвы, — начал он, — но мы же видим их. Они... они здесь... Ведь это вы говорите с нами, так? Ведь это ваш голос!

Невеселый смех прозвучал снова:

— Малыш, мы — привидения, говорящие с привидениями. Вы пришли сюда по земле, но есть и другое пространство, по которому можно передвигаться. Там — все тайны и все ответы. Но за путешествие туда нужно платить временем.

— Мы хотим знать!!! — закричал Рассел почти в истерике. — Мы рисковали жизнью не для того, чтобы по крупицам вымаливать знания. Как нас сюда забросило? Почему мы тоже привидения?

— Дети, вы слишком любопытны, — грустно сказал Голос. — Интересующие вас ответы — в Сфере Созидания. Получив их, вы успокоитесь. Или — умрете.

И вдруг, в один миг, на весь мир упала тьма.

Рассеявшись, она сменилась мягким зеленоватым светом, откуда-то проникал негромкий гул работающих машин, и он тоже казался зеленым.

Рассел не то падал, не то висел в воздухе, не то плыл. Он потерял направление, чувство времени, почти забыл, кто он. Он был то ли в зеленом океане, то ли в зеленом облаке, то ли в зеленой пустоте. Рассел не знал, один ли он или кто-то еще здесь, рядом, он не видел своих попутчиков и знал только одно: он жив.

Зеленый сумрак сгущался.

Он перешел в синеву.

Синева тоже сгустилась.

Она стала черной.

Появились звезды — знакомые звезды. И вдруг все созвездия затмило нечто, похожее на огромный диск — темный в тени, сверкающий на свету.

Рассел оказался внутри него, осознав, что находится в огромном космическом корабле. В зале, где пребывал Рассел, какие-то незнакомые машины производили глухой и ритмичный шум. Пауки-роботы шныряли по своим делам, не зная о его бесплотном присутствии.

Внезапно часть пола в зале стала прозрачной, как стекло, сквозь него можно было увидеть очертания Северной Европы. Диск стал камнем падать вниз. Навстречу неслось Северное море, морская бездна была готова поглотить корабль, но так же внезапно, без вибрации и тряски, фантастическое падение прекратилось. Внизу, под прозрачным полом, метрах в ста от Рассела, повис в воздухе пассажирский самолет — словно на веревочке, спущенной с диска.

Море двигалось, самолет казался неподвижным: скорости самолета и диска уравнялись. Потом прозрачный пол стал бесшумно отъезжать в сторону, а пауки-роботы принялись устанавливать над отверстием какую-то трубку, напоминающую телескоп; они опускали ее так точно, что она «нацелилась» прямо на лайнер.

Рассел узнал самолет.

Сноп зеленого света, точнее говоря, сияющий зеленый столб, кристаллически-твердый, опустился к самолету и поглотил его.

Реактивный лайнер «Стокгольм—Лондон» оказался внутри зеленого шара. Этот шар разрастался, сверкая на солнце и приобретая яйцевидную форму. Потом у

«яйца» появилась «талия», она все сужалась и сужалась, и вот уже образовалось два прозрачных шара, которые покоились один на другом. Эти «мыльные пузыри» летели над знакомым ему миром.

В нижнем шаре неподвижно застыл плененный самолет.

А что в верхнем?

В верхнем царило буйство света, водоворот энергии, дьявольская игра теней; здесь слышался шорох затвердевающих контуров, трепетание форм, — происходило зарождение чего-то нового.

В двух зеленых шарах теперь было два совершенно одинаковых лайнера. Пауки-роботы покинули диск и проникли в верхний шар. Реактивные выхлопы из их псевдоконечностей оставили в небе недолговечный дымчатый узор. А вслед за ними в шар проплыло шестнадцать пластиковых гробов в рост человека. Два паука-робота вошли в верхний лайнер и стали выдавать оттуда неподвижных кукол, которых другие осторожно укладывали в гробы.

Через какое-то время шестнадцать гробов, а вместе с ними и шестнадцать роботов оказались в летающей тарелке. Еще мгновение, и верхний пузырь лопнул и исчез. Самолета-дублера не стало.

Вскоре лопнул и нижний пузырь, и освобожденный лайнер «Стокгольм—Лондон» продолжал свой путь как ни в чем не бывало.

Рассел понял, что он снова в зеленоватой пустоте Сферы Созидания — ни жив ни мертв, словно какой-то зеленый разум в зеленом полумраке, ниточка сознания в глубокой, немыслимой тишине небытия.

Ниточка вздрогнула, возникло движение и шепот.

— Вот таким образом одни привидения создают другие, — напомнил о себе Голос, — так мы получили копии людей. То же самое было и с караваном, везущим специи из Царства Уллос в Царства Грен Ли. Такой же опыт мы провели и с «речными людьми». Копии точно повторяют оригинал: вплоть до последней молекулы, вплоть до мельчайшей мысли. В результате Рассел Грэхем вернулся в Лондон; Анна Маркова продолжает ездить в Западную Европу и писать для русской прессы; а Фарн зем Марур по-прежнему служит своему феодалу во имя черной и белой королев.

Бремя знаний — тяжелое бремя, не так ли? —

продолжал Голос теперь уже сочувственно. — Малыш, что будет с тобой теперь, когда ты знаешь, что ты и твои попутчики — всего лишь копии. Мы дали вам пищу, к которой вы привыкли, знакомых животных и среду обитания. Так можно ли считать, что рувиры похитили вас из привычного мира? Нет. Они вас создали. Значит, вы — их собственность.

Последовала тишина, которую можно было назвать зеленой. Время перестало существовать; в матовом зеленом сумраке тонули минуты, часы, дни, годы, века. Некто, считавший себя Расселом Грэхемом, тоже почти перестал существовать.

Но где-то в глубине его души поднимался протест, прилив мужества, всплеск здравого смысла.

— Я существую! — крикнул его голос как-то отдельно от тела. — Я думаю, скорблю, надеюсь! Я не желаю быть ничьей собственностью.

— Дитя мое, — ответил Голос. — Конечно. Ты должен знать, что ты жив и можешь породить новую жизнь. В этом ты величественнее тех, кто создал тебя. Рувиры мертвы. Они лишь копии с предыдущих копий, снятых множество раз на протяжении бесчисленных веков. Их величие, их мастерство уже в прошлом. А ты и тебе подобные — их дети, залог веры, подарок будущему. Вы — зеркало ваших цивилизаций. Оказавшись на этой планете, вы можете уничтожить друг друга, но можете и создать нечто новое, небывалое. И тогда ваши цивилизации, с которыми вы неизбежно встретитесь в далях космоса и времени, получат возможность взглянуть на себя со стороны и откорректировать свой путь. Если бы рувирам был предоставлен такой шанс, возможно, у них бы появилось будущее. Но мы оказались одиноки в целой Вселенной... Так пусть дети ваших внуков и правнуков будут живым свидетельством того, что рувиры трудились не зря...

А теперь — отдыхайте. Бремя знаний действительно тяжко. Отдыхайте, но будьте готовы заплатить за то, что вы получили.

Зеленый сумрак вдруг подернулся рябью, словно морские волны, и стал как-то глубже. Время перестало существовать для Рассела. Он погрузился в пустоту небытия.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

По бескрайним просторам изумрудной саванны неторопливо расползался рассвет. Вот он вырвал из тьмы два пластиковых гроба, появившихся на дороге между отелем и супермаркетом. Из саванны вышел человек, одетый в куртку из звериных шкур, потрепанные домотканые штаны и плетеные сандалии. Он деловито шагал по дороге к «Хилтону»; в руке у него блестел стальной топор, а через плечо было перекинуто полдюжины кур, связанных за шеи.

Увидев гробы, человек остановился.

Крышки гробов отлетели в сторону.

Рассел вылез первым. Он озирался, не понимая, где находится, потом нетвердой походкой сделал пару шагов и услышал стон: из гроба выбралась Анна. Он помог ей, и какой-то миг они, цепко держась друг за друга, молчали.

Удивленно разглядывали они притихший на рассвете отель. Потом заметили человека.

С громким криком он уронил топор, ощипанных кур и бросился навстречу Расселу и Анне. От его крика проснулись обитатели «Хилтона».

— Рассел, друг мой! — кричал Айрег. — Анна! Как давно вас не было! Но вы живы — это главное. Сердце мое счастливо.

Анна и Рассел не верили своим ушам. Неужели это говорит Айрег — первобытный дикарь?

— Сколько времени прошло? — спросил Рассел.

Айрег улыбнулся от уха до уха:

— Так много, что я кое-чему научился. У меня голова пухнет от этой грамоты.

Пока Рассел добивался от него более определенного ответа, из «Хилтона» высыпали остальные земляне; это были знакомые лица, знакомые голоса. Однако...

Однако в них было и нечто новое.

Они похудели, от солнца и ветра тела их стали бронзовыми, в осанке появилась гордость.

Однако самые большие изменения крылись в другом.

У Джона Говарда волосы стали серебряными, Марион Редмэн была на последнем месяце беременности, у Роберта Хаймэна не оказалось одной руки и обрубок успел зажить, у Селены Бержер на руках хныкал младенец, Мохан дас Гупта ослеп.

У Рассела губы пересохли от волнения, он взглянул на Анну — она покачнулась от слабости, и он поддержал ее.

Люди вокруг говорили, смеялись, плакали, спрашивали. Рассел ничего не слышал, в голове у него вертелся один и тот же вопрос: «Неужели это было позавчера? Всего лишь позавчера?..»

Ему было не до поцелуев и рукопожатий. Он видел, что губы Джона Говарда шевелятся, но ничего не слышал, потому что хотел получить ответ на этот проклятый вопрос:

— Сколько времени нас не было, Джон?

— Довольно долго, Рассел, — ответил тот уклончиво. — Мы думали, что вы погибли.

— Сколько времени, черт возьми?

— Три с половиной года, по нашим расчетам, — сказал Джон. — А сколько по твоим?

Рассел не ответил: он пытался удержать Анну, падающую в обморок.

— Э, да вы совсем не в себе, — сказал Джон. — А ну-ка, ребята, пропустите их в отель, пусть отдыхают. И давайте уберем эти чертовы гробы с дороги, слишком многое они напоминают.

Но вот уже Анна и Рассел сидят в удобных креслах в вестибюле «Хилтона». Приходя в себя, Анна медленно потягивает бренди из стакана.

Джон удалил всех из вестибюля, кроме Айрега и Марион. Дело в том, что Марион к этому времени стала как бы штатным врачом колонии, а с Айрегом Джон просто не смог справиться. Тот доказывал, что он друг Рассела, что он первый увидел его и Анну, и на этом основании отказывался уйти.

— Тебе лучше, Анна? — спросила Марион. — Довольно противно вылезать из гроба один раз, а уж дважды — тем более.

— Я в порядке, — ответила Анна. — Совсем глупо с моей стороны так свалиться. Дело в том... — Она не кончила, Рассел сжал ей руку.

— Спешки нет никакой, — сказал Джон. — Хотите, я изложу вкратце, что было за это время с нами? Но скажите хоть в двух словах, что с вами случилось?

Рассел улыбнулся:

— Для начала я вас ошарашу: нам казалось, что мы отсутствуем всего пару дней.

У Джона отвисла челюсть. Рассела это вдохновило:

— Выпей бренди. Похоже, тебе это не повредит.

— Кошмар. Это шокирует всех, — сказал Джон. — Но я буду держаться, пока не расскажу нашу половину истории.

— Итак, — продолжал Джон, — дней через десять после того, как вы отважно отправились в путь, мы начали серьезно беспокоиться. А через месяц большинство из нас считало вас погибшими... А где Фарн, между прочим?

Рассел и Анна растерянно посмотрели друг на друга.

— Мы не знаем, — ответил Рассел. — Думаю, его отправили в крепость Марур. Надеюсь, он жив. Но — продолжай.

— Так вот, — продолжал Джон, — мы думали, что вас больше нет. Мы вас оплакивали, но ведь нужно было жить дальше — работать, строить планы, хотя бы для того, чтобы не сойти с ума. Еще раз пробиваться сквозь стену тумана нам никак не хотелось. По крайней мере до тех пор, пока мы не будем получше оснащены. Итак, мы решили объединиться с остальными. — Он взглянул на Айрега. — Мы знали, что для этого нужно найти какую-то основу. Ты помнишь, что Дженис научилась выращивать цыплят? Так вот, она со своими цыплятами совершила революцию.

— Куры несут яйца, а не революции, — едко вставила Анна.

— Не скажи, — ответил Джон. — За три года наши «первобытники»... Ты не возражаешь, Айрег, что я вас так называю?

— Нисколько, — ответил Айрег, — мы вас называем «консервниками».

— За три года, — продолжал Джон, — Айрег и его друзья стали преуспевающими земледельцами, они разводят птицу. Это полностью изменило их образ жизни и даже взгляды. Они кормят кур семенами высокой жесткой травы, вкус семян похож на кукурузу, смоченную уксусом. Еще они обнаружили нечто вроде дикой капусты и овощ, напоминающий гибрид картофеля и лука. Короче, от охоты они перешли к земледелию.

— А как это началось?

— Началось с того, что Дженис — я преклоняюсь перед этой женщиной — ушла жить к «речным людям».

До этого Айрег и Ора довольно часто у нас бывали, а в один прекрасный день Дженис ушла с ними, прихватив дюжину кур и петуха. Для начала она хотела научить наших друзей обращаться с наседками, получать яйца и цыплят. Прожив с ними недели две, Дженис вернулась, но не смогла оставаться здесь и возвратилась к ним. Она нашла цель жизни: помогать этим людям. Мужчин учила сельхозработам, женщин — домоводству. А теперь — благослови ее Бог! — она уже учит их читать и писать.

Тут Айрег с гордостью продекламировал весь английский алфавит и спросил:

— У меня есть десять пальцев на руках, десять на ногах, итого — двадцать. Что ты на это скажешь, Рассел?

— Что ты великий человек, Айрег, — серьезно ответил тот, потом обратился к Джону: — А как поживают наши друзья в крепости Марур?

Джон широко улыбнулся:

— Эти орешки покрепче, чем «первобытники». Беда в том, что у них есть кое-какие знания, а главное — чертова уйма всяких предрассудков. Абсу, например, не может поверить, что мы не волшебники. Слава Богу, это не мешает ему участвовать в наших мероприятиях.

— А что это за мероприятия?

— Во-первых, мы хотим построить планер.

— Планер? — Анна не поверила своим ушам.

— Да. Мы думали, что вы погибли, замерзнув в стене тумана. И рассуждали так: раз нельзя пройти сквозь эту стену, мы через нее перелетим. Между прочим, в нашей «резервации» есть много источников теплого воздуха, а шкура палпала, если ее правильно обработать, будет крепче фанеры. Мы показали Абсу машины «тяжелее воздуха» на маленьких моделях. А теперь работаем над планером, который поднимет двух человек. Через месяц-два он будет готов.

— А как вы его запустите?

— Это сделает стадо палпалов. Когда нужно, они бегают очень быстро.

Помолчали, голова у Рассела шла кругом. Джон заметил его состояние.

— Всего не перескажешь. Но теперь у нас будет время. Да, главное — ты заметил, у нас уже есть

следующее поколение! Были и несчастные случаи: Роберт потерял руку, когда валил лес, Мохан ослеп, изобретая взрывчатку. Впрочем, мы дадим полный отчет, когда вы отдохнете.

Рассел вздохнул — столько событий произошло здесь за время их отсутствия. Однако в том мире, где были они, тоже многое произошло. «Бремя знаний — тяжелое бремя», — пронеслось у него в голове. Как жить с сознанием того, что ты всего лишь «дублер», причем — самого себя. Стоит ли рассказывать об этом друзьям? Вдруг это лишит их индивидуальности, столь необходимой для выживания. Они с Анной еще не осмыслили этого, они в состоянии шока. Может, в конце концов они смирятся с мыслью, что где-то Рассел № 1 оставил политику и не то наживает состояние, заняв пост в каком-нибудь концерне, не то прозябает в захолустье и медленно спивается. А Анна № 1 продолжает строчить свои статейки в русских газетах.

Он взглянул на Анну, она улыбнулась в ответ, и он понял, что не может оставить бремя этих знаний при себе.

— Рассел, хорошо, что ты вернулся. Я все понимаю. Дженис называет нас своими детьми, а есть вещи, о которых дети не должны знать. Мы скоро с тобой поговорим? — спросил Айрег.

— Да, скоро.

Когда Айрег ушел, заговорила Марион:

— Рассел, ты уверен, что хочешь все рассказать сейчас? Вид у вас совсем измученный.

— Понимаешь, потом совсем будет невозможно: я уже сейчас думаю, не сон ли все это. Но еще один вопрос к вам: вы больше не встречали рувиров... то есть «эльфов»?

— Встречали, но довольно давно, — ответил Джон. — Они всегда в полете и исчезают, как только кто-то бросит на них взгляд.

— У них лица морских коньков, — сказал Рассел.

— Морских коньков?

— Да, очень серьезные лица. Но, впрочем, начну сначала. Итак, сначала была стена тумана.

Рассел описал, как они с Анной и Фарном пробрались сквозь стену тумана, потом рассказал о гигантской башне и покоящемся на ней шаре, обрисовал город,

оказавшийся всего лишь огромным мавзолеем. Потом попытался передать свои первые впечатления о рувирах. А дальше, с трудом подыскивая слова и спотыкаясь, он попробовал описать Сферу Созидания.

Повествование Рассела произвело на всех разное впечатление: сам он был выжат, как лимон, Джон и Марион были ошарашены, Анна плакала.

Джон спросил:

— А мы сами — тоже привидения?

— Живые привидения. Мы можем воспроизводить жизнь. Рувиры не могут. Они дублируют сами себя, но не производят новых рувиров, их энергия иссякла.

— Ты утверждаешь, что самые первые рувиры породили жизнь на Земле?

— Это ОНИ утверждают. Я просто сообщаю вам то, что сказали мне и что я пережил в этой Сфере.

— Готова подтвердить все сказанное Расселом, — вмешалась Анна.

— Я верю вам, — сказал Джон, — хоть это ни на что не похоже. Верю, потому что это невероятно. После всего, что с нами случилось, только невероятное способно что-то объяснить.

— А что они от нас хотят? — спросила Марион. — Чего они хотят, эти жуткие создания?

— Я никогда не забуду их фразу, — сказал Рассел, — «Пусть дети ваших внуков и правнуков будут живым свидетельством того, что рувиры трудились не зря».

Анна сказала:

— На Земле накоплено столько ядерного оружия, что оно способно уничтожить в семнадцать раз больше людей, чем на ней живет. Может быть, они хотят спасти нас от самих себя. Хотят, чтобы люди жили и дальше.

Джон запустил пальцы в свои седые волосы и спросил:

— Значит, и мы, и люди Грен Ли, и «первобытники» — все мы братья по крови?

— Выходит, так, — ответил Рассел.

— А что будет с нами?

— Будущее принадлежит нам, не рувирам. В один прекрасный день рувиры исчезнут. Я думаю, исчезнет и стена тумана, и продукты, доставляемые заботливыми пауками. Но мы унаследуем планету.

— Что же нам делать, — усмехнулся Джон, — строить новое общество? Интегрироваться? Что это будет — Утопия или Эревон? А ты, Рассел, захочешь ли, чтобы твоя дочь вышла замуж за парня из каменного века?

— Есть классический ответ: пусть она выйдет за настоящего мужчину, — сказал Рассел, хотя устал так, что едва произнес эти слова.

— Им нужно отдохнуть, — решительно заявила Марион. — У нас будет уйма времени, чтобы все обсудить. А сейчас — тишина и покой.

Пока она говорила, у Анны уже закрылись глаза, заснул и Рассел. Они проспали почти весь день.

Вечером, перед заходом солнца, к «Хилтону» прискакал Абсу мес Марур. Он не скрывал радости и удивления, найдя Рассела и Анну в здравом уме и твердой памяти.

— Фарн зем Марур, следопыт и воин, тоже вернулся в крепость, — сказал он и добавил загадочно: — Поэтому я так рад, что мои друзья в полном здравии.

— А как он себя чувствует, здоров ли? — спросил Рассел.

Абсу ответил вопросом на вопрос:

— Лорд, я желаю знать, как вел себя мой вассал. Не обесчестил ли он свой клан?

Расселу это показалось странным, но он ответил:

— Фарн зем Марур, ваш слуга, наш друг и попутчик, вел себя, как подобает отважному воину!

— Я рад, Рассел, — Абсу сказал это так, словно камень свалился у него с души.

— А как он себя чувствует?

— Он мертв.

— Мертв?!

— Его замучили видения, которые он принес. Он говорил о каком-то зеленом солнце, дьяволах и странных голосах. Говорил много такого, от чего застывала кровь. Потом я понял, что он неизлечимо болен, но не успел связать его — он бросился на копье.

— Абсу, — сказал Рассел, — Фарн не был сумасшедшим. Он был храбрым человеком и говорил правду о том, что видел и слышал. Мне трудно подобрать слова, понятные тебе, но я постараюсь объяснить, что с нами произошло.

Абсу молчал долго, очень долго, когда Рассел кончил

говорить. Они сидели втроем — Абсу, Рассел и Анна, — наблюдая, как холоднее делаются звезды на чужом небе.

— Да, мне ясно теперь, — сказал Абсу, — что рувиры — великие маги. Да ведь и вы тоже — клан волшебников. Значит, неравенство не так уж велико.

— Но ведь мы не воюем, — ответил Рассел. — Вопрос не стоит так — у кого больше мечей или сильнее чары.

— Я не знаю, друг. Наша задача — доказать, что мы мужчины.

— Наша задача — доказать, что мы одна раса. — Это сказала Анна.

— Прежде всего, — сказал Рассел, — нам надо окрепнуть. Хорошенько окрепнуть.

Но последние слова, подытоживающие сказанное, все же принадлежали Абсу мес Маруру, повелителю клана Марур, хоругвеносцу и предводителю караванов. Он сказал:

— Давно сказано, что если зерно полновесно, а погода ясна, то быть урожаю щедрым. Это сказано Землей. И сказано Небом.

эпилог

В 741 году Новейшей Эры город Порт-Грэхем был свидетелем запуска первой орбитальной ракеты. На обшивке из пиротитана красовалась эмблема, выполненная в темно-красных тонах: морской конек с крыльями за спиной.

В двух километрах от корабля, в здании, построенном на месте давным-давно снесенного «Хилтона», сидели молодые мужчина и женщина и следили за отсчетом времени.

У Дженсел Гуптирегсон были длинные золотистые волосы и прекрасное лицо, — впрочем, за этой внешностью скрывался блестящий математический ум. Варн Греймарк был мал ростом и лыс, но это не мешало ему быть прекрасным спортсменом.

— Девяносто секунд, — сказал Варн, — все системы

работают нормально. Что может остановить корабль? Этот чертов морской конек должен взлететь.

— Почему ты настаивал на этом символе, Варн? Может, крылатый палпал был бы лучше? Или летящее копье?

— А ты читала Книгу Говарда?

— Шестьдесят секунд. Конечно читала: она есть в программе средней школы. Хотя можно было посвятить больше времени сравнительному религиоведению.

— В этой книге — вся история Созидания, — сказал Варн. — Ты, конечно, помнишь встречу лорда Рассела с крылатыми морскими коньками — рувирами?

— И что же?

— Мне просто понравился образ. Он невероятен, но красив. Сорок четыре секунды.

— Но зачем было выбирать что-то мифическое? Можно было взять нечто реальное.

— Ты математик, а чураешься мифов!

— Тридцать секунд, — ответила Дженсел. — Ладно, пусть будет морской конек — это красивое существо. Оно прекрасно своей иррациональностью.

Варн усмехнулся:

— Моя мать до сих пор верит, что лорд Рассел был первым человеком, вырвавшимся за пределы туманной стены. Каждый вечер она молится его духу.

— А ты веришь в духов?

— Двадцать секунд. Нет, я верю в людей.

— Пятнадцать секунд. И что же люди должны сделать?

— Не знаю, как люди, а я хочу найти место, которого нет, — снова усмехнулся Варн. — Этим меня и привлекла ракетная техника. Хочу найти планету, которая называется Землей. Это жилище богов.

— Десять, — сказала Дженсел. — Ты сумасшедший.

— Девять. Так и есть.

— Восемь. Я хочу ребенка от тебя.

— Семь. Это будет прекрасно.

— Шесть. Как мы его назовем?

— Пять. Абсу.

— Четыре. Опять Книга Говарда.

— Три. Опять.

— Два. Пусть будет так.

— Один. Пусть.

— Ноль. Старт!

— Взлетела! — закричал Варн во весь голос. — Взлетела ракета! Первая стадия полета — огненный морской конек носится среди звезд.

Варн всматривался в даль через тройное окно, прислушиваясь к приглушенному шуму машин, который был похож на огненный музыкальный аккорд, взлетающий к небесам.

Какое-то время пунцовый конек величественно восседал на огненном хвосте, потом, как будто приняв решение, поднялся и, плавно набирая скорость, устремился ввысь.

Варн Греймарк задумался: нет сомнения, карабкаться к звездам придется долго и тяжело. Но это у человека в крови — все время куда-то карабкаться. И лелеять такие мечты.

РОМАН

Пять к ДВЕНАДЦАТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАНДЕВУ

Мое свидание со Смертью
назначено на баррикаде.
Алан Сигер

1

Стоял прекрасный осенний вечер. Звезды висели в небе, подобно застывшему потоку бриллиантовой пыли. Казалось, самые яркие из них движутся, медленно вращаясь на невидимых подвесках.

Воздух, к счастью, был спокоен. К счастью — потому что Дайон Кэрн висел, зацепившись кончиками пальцев за край крыши на высоте полумили над Лондоном. Одно приличное дуновение ветра — и он полетит навстречу смерти с ускорением в тридцать два фута в секунду. И это был бы не самый плохой выход, отрешенно подумал Дайон. Есть и худшие способы решения жизненных головоломок, чем стремительное падение сквозь вечернюю тьму навстречу вечному мраку.

Но почему-то он был уверен, что ветра не будет. Жаждущий смерти должен набраться терпения, прежде чем смерть заметит того, кто ее ищет.

Все время после полудня Дайон загорал на крыше Лондона-Семь. Это был приятный способ времяпрепровождения — если не считать того, что он зверски проголодался. Но даже если бы у него имелись один-два заваляющих льва, все же небезопасно пытаться еще раз воспользоваться экспресс-подъемником. Одинокие жиганы привлекают слишком много внимания.

Да и черт с ним, с голодом! Присутствие аппетита даже полезно — обостряет восприятие. Вскоре, если ему не изменят удача и вдохновение, денег у него будет вдоволь. Тогда он сможет закатиться в какой-нибудь ресторан на любой другой из лондонских башен, наесться до отвала и принять предложение первой попавшейся не слишком уродливой доминанты. А

утром отправиться в ближайшую клинику за остро необходимой инъекцией жизни.

Так думал Дайон Кэрн, сорока шести лет от роду, с риском для жизни продвигаясь дюйм за дюймом к балюстраде на балконе квартиры двести четырнадцатого этажа, которую выбрал в Лондоне-Семь.

Каждый, кто может позволить себе жить на верхнем этаже лондонской башни, должен быть под завязку набит деньгами. Плевать какими — пластиковыми львами, золотыми львами или просто драгоценными камнями. Всего ничего — схватить что плохо лежит и, не мешкая, смыться со сверхзвуковой скоростью.

Света в квартире не было. Насколько он мог судить, в течение последних двух часов оттуда не донеслось ни звука. Ни одного, черт побери. Следовательно, коробка была пуста. Гончая, несомненно, охотилась в долинах на зайцев.

Только высокопоставленная доминанта могла заработать достаточно денег на такую коробку. Дайон надеялся, что она жирная, обвислая, в возрасте далеко за сто. Он надеялся, что срок действия ее инъекций жизни подошел к концу и она умрет в припадке старческого экстаза, в объятиях своего очередного жигана.

Он перемахнул через балюстраду и, тяжело дыша, в радостном изнеможении рухнул на балкон. Никто не парализовал его и не убил электротоком. А если здесь и было устройство инфракрасного видения, оно, во всяком случае пока, ничем себя не проявило. Да и кто, черт побери, будет тратиться, чтобы установить дорогостоящую охранную систему в квартире на самом верхнем этаже? Надо быть законченным идиотом, чтобы пытаться вломиться в нее с улицы.

Но тут-то и наступает время Дайона Кэрна!

Балконная дверь выглядела податливой. Да она и была податливой. Даже слишком. Дайон распахнул ее и проскользнул внутрь.

На этом его удача иссякла. Зажегся свет, и доминанта, весьма легко одетая, но зато держащая в руках лазерный пистолет, сказала, целясь ему прямо в живот:

— Привет, жиган! Я уже заждалась! Временами мне даже казалось, что ты меня разочаруешь. Расслабься и тогда, возможно, избежишь поджаривания.

Дайон глубоко вздохнул и замер. Лазерный пистолет — довольно опасная штука. Он способен нанести

очень неприятные раны, не говоря уже о том, что им можно вообще ослепить. Дайон представил себя лишенным зрения и не на шутку струсил. Но тут же, пожав плечами, отверг возможность этого исхода. Какая доминанта такого возраста, если она в своем уме, станет уродовать, калечить или делать недееспособным далеко не уродливого жигана!

— Кто ты? — продолжила она допрос.

— Уил Шекспир!

Проклятая эрудитка! Она чуть опустила ствол и на долю секунды нажала на спуск. Дайон в изумлении опустил глаза и увидел у себя на бедре крохотную, как от укола, дымящуюся дырочку в брюках. Потом почувствовал боль. Черт, теперь без волдыря не обойдется.

— Дайон Кэрн, — сказал он поспешно.

— Возраст?

— Сорок шесть.

— Мальчишка, — засмеялась женщина, — тебе следовало бы подумать, прежде чем ввязываться в игры со взрослыми.

— Да пошла ты!

Женщина засмеялась. В этот момент она выглядела очень привлекательно. Для того, конечно, кто любит такого сорта вещи. Черт побери! Надо быть справедливым, даже потерпев поражение — она была хороша с любой точки зрения. Примерно шести футов роста и ста шестидесяти фунтов веса, с прекрасной фигурой амазонки. Ей никак не могло быть больше семидесяти пяти.

— Ты выбрал не ту квартиру, юнец. Здесь есть даже датчик давления, вмонтированный в потолок. Мне пришлось ждать тебя довольно долго. Я старший офицер порядка Лондона-Семь.

Теперь настала очередь Дайона смеяться. Он проиграл всухую. Из всех ста тысяч квартир Лондона-Семь он выбрал одну-единственную, занятую офицером порядка. Даже налетчик, залезший в поисках драгоценностей короны в Скотланд-Ярд, не опростоволосился бы так сильно.

— Что ты из себя представляешь? — требовательно спросила доминанта. — На гения по части квартирных краж вроде не похож. Что ты за генетическая шутка?

— Дайон Кэрн, — повторил он торжественно, — экстраординарный жонглер и неудавшийся преступник.

— Жонглер?
— Трубадур.
— Трубадур?
— Мейстерзингер*.

Она выжгла еще один волдырь, покрупнее первого, на другом его бедре.

— Черт тебя побрал! Я поэт! — вскричал он раздраженно. — Бумагомаратель. А теперь будь любезна передать меня чистильщикам, а я пожелаю тебе спокойной ночи.

— Не так быстро, мой юный мейстерзингер. Ночью не нужны инъекции жизни. Поговорим немного. Может, я не заскучаю с тобой.

Только усилием воли Дайон заставлял себя стоять твердо. Голод, физическое напряжение во время спуска с крыши, провал так удачно начавшегося предприятия, не говоря уже о лазерных ожогах, — всего этого вместе было более чем достаточно, чтобы выбить из колеи кого угодно.

— Ты бледен, малыш. Боишься нескромных предложений с моей стороны?

— Я голоден, — всхлипнул он. — Чертовски голоден и устал. И не смог бы ничего, даже если бы ты попыталась мне это предложить.

— Ну вот, что еще за проблемы! — сказала амазонка, и голос ее смягчился. Она взяла кобуру, лежавшую сбоку от кровати, и опустила в нее лазерный пистолет. Потом подошла к вакуумному люку и заговорила в приемное устройство:

— Полбутылки бренди... Реми Мартэн, пожалуй. Бутылку хорошего рейнвейна, скажем, Рампани'67, холодного цыпленка, зеленый салат, французскую булку. Приборы на двоих. Через пять минут после получения заказа... Да, и еще черный кофе. Все.

Затем она повернулась к Дайону и сказала, показывая на очень удобный с виду стул:

— Устраивайся, дорогой. Это был тяжелый вечер. Забудем высокую драму. Меня зовут Джуно Локк.

— Я ошеломлен, разумеется, — сказал Дайон церемонно и с благодарностью опустился на стул.

Да, Джуно Локк, офицер порядка этого округа, была

---

* Meistersinger *(нем.)* — мастер-певец. Представитель средневековой песенной поэзии (т. н. мейстерзанга), развившегося со второй половины XIII в.

весьма привлекательна — если вы любите такого сорта вещи. Иногда он любил их. Иногда нет. Временами все это так допекало его, что ему хотелось кричать.

Теоретически, его появление должно было бы смутить ее. Но в действительности этого не произошло. Она даже не потрудилась прикрыть грудь — что в данных обстоятельствах было почти открытым оскорблением. Он попытался разжечь в себе ненависть к ней, но для этого требовалось слишком много энергии. Кроме того, он был чертовски голоден, а ей никак не могло быть больше семидесяти пяти. Бывают гораздо более старые доминанты и гораздо худшие. Они истощают вас, а потом с воем умоляют дать еще. Эта доминанта выглядела так, что было ясно — ей никогда ни о чем не приходилось умолять... Красивая блондинка и, вероятно, вдвое жестче, чем любой жиган, которого он мог припомнить. Хвала Мэри Стоупс, она еще не пыталась обращаться с ним грубо.

— А ты неплох, — сказала Джуно, критически его оглядев. — Не слишком плох. Я могу даже решить не передавать тебя психиатрам. Если, конечно, ты позабавишь меня.

— Пережиток материнского инстинкта? — спросил он со злобой.

Она должна была бы оскорбиться, но вместо этого только рассмеялась:

— Мое имя Джуно, а не Джокаста*. Как бы ты предпочел быть изнасилованным?

— Все равно как, но не раньше, чем после бренди. Если только у тебя нет лучшего анестезирующего.

— Мой маленький трубадур, — сказала Джуно, — ты начинаешь мне нравиться.

2

К концу двадцатого столетия контроль над рождаемостью вышел сам из-под контроля. Вопреки законам вероятности и прогнозам ученых, вопреки безумному созданию самых мощных в истории человечества

*Джокаста (в русской транскрипции — Иокаста) *(греч. миф.)* — царица, по неведению вышедшая замуж за собственного сына Эдипа. Узнав правду, покончила с собой.

средств уничтожения, большой войны так и не произошло. Таким образом, ограничение рождаемости осталось единственно возможным решением.

Легкость, с которой оно было принято даже в таких странах, как Индия и Китай, — тайна, относительно которой ведущие специалисты по истории Войны с Перенаселением спорят до сих пор. Человечество никогда не славилось логичностью способов разрешения самых серьезных своих проблем. Похоже, степень разумности принимаемых решений обратно пропорциональна срочности и важности задач. Поэтому даже политиков можно простить за то замешательство, в которое они пришли, когда для решения самой насущной проблемы — угрожающего удвоения населения Земли во второй половине двадцатого столетия — был предложен наиболее рациональный путь.

Страшная штука — всю жизнь готовиться к Армагеддону*, который так и не наступил. К году двухтысячному от Рождества Христова примерно каждый третий из выдающихся политических деятелей страдал неврозом. Редкий президент, премьер-министр или первый секретарь стремился остаться на посту еще на один срок. Притягательность власти как таковой падала.

Но в то время как на международной политической арене события проходили фазу депрессии, женщины мира — или, по крайней мере, большинство из них — наслаждались расцветом эмансипации. Не той фальшивой эмансипации, которая «освободила» женщин от брачных оков, наложенных мужчинами, и после нескольких тысячелетий интеллектуального подавления разрешила им, с их более слабым телосложением и меньшими умственными способностями, получать «равную плату за равный труд». Но расцветом эмансипации настоящей, которая означала освобождение из тисков эволюции, стало право перестать наконец быть детородной машиной.

Эта мысль завладела их умами. Сначала, конечно, на Западе. Потом повсюду. Уровень рождаемости начал падать так стремительно, что католическая церковь закатила вселенскую истерику (после того как в течение полустолетия она пыталась, но так и не смогла примириться с этим фактом). За десять лет сменилось

*Армагеддон — согласно Апокалипсису, последняя битва сил добра и зла, конец света.

четыре папы. Затем церковь раскололась на две, которые в свою очередь тоже раскололись, и так далее. Это повторялось через регулярные промежутки времени, так что развитие некогда громадной организации превратилось в замедленное подобие размножения амебы. В конце концов даже англиканская церковь, как и всегда, последовала ее примеру. А вот буддизм оказался гораздо более устойчивым — и способным, по крайней мере теоретически, принять новый порядок вещей. Как, впрочем, и ислам. Но в конечном итоге и тот и другой вынуждены были измениться. Решительно измениться.

Тем временем женщины повсюду наслаждались освобождением от животного начала. Три беременности — приговор для средней замужней женщины первых десятилетий двадцатого столетия — означали не только двадцать семь месяцев функционирования в качестве устройства для вынашивания плода, но по крайней мере еще тринадцать лет в роли программируемой обучающей машины. То есть, в среднем, четверть века всей недолгой жизни женщины. Вот это были настоящие кандалы. Это был механизм, при помощи которого девушка превращалась в матрону, а матрона — в старуху.

Контроль над рождаемостью, практиковавшийся с самого начала цивилизации меньшинством, сделался достоянием масс. Наступил конец миллионолетнего рабства. Это было началом становления женщины как социальной силы. И это также было — по случайному, разумеется, совпадению — концом владычества мужчин.

К началу 1970-х производство контрацептивов сделалось ведущей отраслью индустрии. К тому времени население Земли достигло примерно четырех миллиардов. Следовательно, женщины составляли около двух миллиардов, и приблизительно половина из них была в репродуктивном возрасте. Семидесятые стали золотым веком для пропагандистов контроля над рождаемостью, гигантских компаний — производителей лекарств и химиков-фармацевтов.

Использование внутриутробного противозачаточного средства — простой пластиковой спирали, вставляемой в матку, было определенно одним из самых эффективных среди когда-либо изобретенных методов контроля над рождаемостью. Однако долгое время спираль почти не выпускалась. Дело в том, что для выкачивания

прибыли она была слишком дешева. Ее производство стоило пенни, установка квалифицированной медсестрой — десять шиллингов. Она давала почти полное решение проблемы с минимальными побочными эффектами. Поэтому рекламные агентства, вдохновленные многомиллионными гонорарами, взялись за дело и на некоторое время полностью с ней разделались.

Фармацевтические фирмы запустили в производство пилюли. Все виды противозачаточных пилюль, но преимущественно те, что предназначались для ежедневного приема. Так что ведущие химические концерны могли объявить своим акционерам о рекордных дивидендах.

Когда несколько недогадливых ученых разработали таблетки, которые достаточно было принимать лишь раз в месяц, фармацевтические фирмы скупили патенты, а когда это было невозможно — скупили компании, пытавшиеся наладить выпуск и распространение «месячных» пилюль. Один наивный британский биолог — к несчастью, неподкупный — добился успеха в разработке таблеток, которые нужно было принимать только раз в год. Вскоре он погиб в автомобильной катастрофе, одновременно сгорела его лаборатория, а формула лекарства была утеряна. Но вдова получила щедрую компенсацию и переехала жить на юг Франции.

Тем временем таблетки специализировались. К началу восьмидесятых появилось пятьдесят семь разновидностей. Многие женщины с пламенной и весьма похвальной верностью принимали один и тот же сорт пилюль на протяжении всего своего репродуктивного возраста. Но были и такие, которые употребляли нечто вроде попурри из таблеток, имея, видимо, подсознательное желание отмыться белее белого.

Начали твориться любопытные вещи — сначала в США, потом в Британии, Западной Европе и, наконец, повсюду. Относительное количество новорожденных мальчиков стало слегка уменьшаться, а относительное количество новорожденных девочек — соответственно расти. В то же самое время смертность среди мальчиков до пяти лет немного увеличилась, а смертность девочек того же возраста слегка упала.

Были и другие изменения. Большинство младенцев-девочек рождались столь же сильными и крупными, как и мальчики. Объем черепа у них был таким же, если не бóльшим. Когда эти дети достигли юношеского

возраста, уже не было больше необходимости разделять женский и мужской спорт. Во всех областях девочки могли на равных соревноваться с мальчиками, а в некоторых определенно их превосходили... У психологов, конечно, был готов ответ: мальчики начинали чувствовать себя не очень уверенно потому, что они уже заметно уступали в количестве.

Но вызов был брошен не только в сфере физической силы. Именно женщина-математик создала первую основную модификацию как общей, так и специальной теории относительности. Именно делегат-женщина успешно провела через Генеральную Ассамблею ООН Международную хартию о Всеобщем Ядерном Разоружении. Именно женщина-физик открыла частицу эпсилон-три.

К началу двадцать первого столетия во всем мире мужчины оказались в меньшинстве, в среднем: в отношении пять к семи. К этому же моменту женщины — или, точнее, новая порода женщин — еще более усилили свои позиции. Особенно на Западе. Продемонстрировав равенство с мужчинами, а то и превосходство над ними в нескольких истинно мужских областях, особенно в науке и политике, они стали претендовать на власть.

С точки зрения количественного превосходства, их положение было непоколебимо. С точки зрения физиологических и психологических преимуществ — тоже. Впервые за миллионы лет женщины сделались неуязвимы как в прямом, так и в переносном смысле слова.

Ортодоксальная западная концепция брака разбилась вдребезги. В последние десятилетия двадцатого века ее распад ускорился благодаря как облегчению процедуры развода, так и большей эффективности и более широкому распространению контрацептивов. С укреплением общественной безопасности и увеличением численного дисбаланса между полами брак как социальный институт потерял всякое значение. Для женщин стало приемлемым жить с мужчинами, пока они сами того желали. Стало возможным иметь детей, не объявляя, кто их отец, или совсем без отца. Неразборчивость в связях больше не была преступлением против общественной нравственности. Даже неумеренная, она рассматривалась лишь как слегка вульгарное поведение —

гораздо более простительное, чем обжорство, и бесконечно более приемлемое, чем показная стыдливость.

Женская проституция сошла на нет. Мужская начала расти. Замужество сделалось для старых и богатых доминант символом общественного положения, для одиноких — всего лишь временным прибежищем, своего рода дружбой, слегка приправленной настоящим сексом.

С началом двадцать первого века появился новый вид таблеток — пилюли долголетия. И хотя эти средства действительно замедляли процессы старения, у людей с определенным типом нервной системы или у тех, кто злоупотреблял ими, наблюдались некоторые любопытные побочные эффекты — такие как пробуждение сатиризма, нимфомании или впадание в детство.

Да, пилюли долголетия оказались неудачным новшеством. Не до конца исследованные и продававшиеся в слишком больших количествах, они, даже за короткий период своего применения, поставили под угрозу жизни сотен тысяч людей обоих полов. Но по сравнению с хирургией пересадки органов, которая прогрессировала до такой степени, что практически все, кроме мозга и эндокринной системы, поддавалось замене, создание пилюль было не более чем опасным экспериментом.

Однако эти исследования в конце концов вылились в громадные международные усилия, направленные на увеличение продолжительности человеческой жизни искусственными средствами. Наиболее эффективная из созданных методик представляла из себя сложную программу ферментной стимуляции, которая в свою очередь инициировалась не менее сложной системой инъекций, варьировавшихся в зависимости от индивидуального химического состава организма. Недостатками этого способа являлись дороговизна и то, что его использование должно было каждый раз быть увязано с психосоматической историей пациента.

После короткого периода катастрофически бесконтрольного использования методика неизбежно попала под государственный контроль, обеспечив тем самым правительству удобное средство увеличения доходов — и в то же время позволив ему создать и поддерживать почти всеохватывающую систему контроля за поведением граждан. Каждый, кто хотел и мог позволить себе подвергнуться процедуре продления жизни — или инъекциям жизни, как это стало называться, — попадал

в зависимость от государства. Если вы не подрывали основные общественные устои и обладали годовым доходом не менее чем в пять тысяч львов (единой европейской валюты, вытеснившей к тому времени девальвированные фунты, марки и франки), ваша ожидаемая продолжительность жизни могла быть продлена более чем до ста пятидесяти лет. Если же вы были нежелательным с общественной или политической точки зрения элементом или просто-напросто бедны, в жизненных инъекциях вам отказывали, и ваша ожидаемая продолжительность жизни, даже в лучшем случае, не могла превысить девяноста пяти лет.

Именно в таком изменившемся, находящемся под властью женщин мире и родился Дайон Кэрн. Это произошло в 2025 году. Он был сыном инфры (одной из представительниц постепенно сходящего на нет меньшинства социально отсталых женщин, не обладавших никаким другим талантом, кроме любви и способности вынашивать детей) и одного необузданного ирландца, не имевшего никакого иного призвания, кроме пристрастия к алкоголю, — и упившемуся до смерти за месяц до рождения Дайона.

В обществе, всецело контролируемом доминантами — новым типом суперженщин, доказавших свою способность восторжествовать над мужской оппозицией, — для матери Дайона оставался один-единственный путь заработать достаточно денег, чтобы избавить его от государственного сиротского приюта, — стать племенной кобылой.

Она отдала сына в частные ясли и устроилась на одну из многочисленных детских ферм, постоянными клиентами которых были наиболее процветающие доминанты и их сквайры. Иметь ребенка, выношенного другой женщиной, было престижно. Мать Дайона сделала вынашивание чужих детей своей профессией. Это позволило ей зарабатывать по две тысячи львов за беременность и оплатить образование своего сына от яслей до окончания школы.

Пока Дайон был мал, она навещала его регулярно. Поступив в школу, он сам стал навещать ее. Им было хорошо вместе, и, несмотря на нездоровость родственных отношений между настоящей матерью и настоящим сыном, они сохраняли любовь друг к другу.

Дайон редко видел свою мать не беременной. Поэтому он привык думать о ней как об огромном,

похожем на глыбу, существе, хотя на самом деле она от природы была хорошо сложена и невелика ростом.

Она выдержала семнадцать успешных беременностей (одиннадцать девочек и шесть мальчиков), прежде чем, полностью надорвав сердце, умерла от меланхолии и закупорки кровеносных сосудов. Конечно, ее можно было бы оживить, будь она достаточно важной персоной или имей на банковском счету достаточно много денег. Но тридцати четырех тысяч львов хватило лишь на то, чтобы оплатить образование Дайона до того момента, когда в жестком соперничестве с доминантами он выиграл государственную стипендию по кибернетике. Дайон так и не получил ее. Придя на похороны и увидев до странности хрупкое тело, исчезающее в очистительном огне атомной топки, он ощутил на щеках неприличествующие мужчине слезы. И тогда Дайон плюнул на этот мир, который мог поступить так с единственным человеком, которого он любил, и решил жить своим умом.

В тот момент Дайону исполнилось ровно восемнадцать лет. Ему предстоял долгий путь. Ко времени, когда он возмужал, отношение количества мужчин к количеству женщин снизилось и составило пять к двенадцати.

3

Дайон Кэрн был пьян и не на шутку сбит с толку. Пьян — потому что, прежде чем приняться за цыпленка, прикончил бóльшую часть бутылки бренди, сбит с толку — потому что находился в полной власти белокурого офицера порядка, которая тем не менее не имела, похоже, ни малейшего желания посылать за чистильщиками.

Но вскоре, съев изрядный кусок цыпленка с зеленым салатом, он почувствовал себя несколько лучше. Достаточно хорошо, чтобы отдать должное бренди с черным кофе. И чтобы осознать: Джуно Локк просто играет с ним, водя его на коротком поводке. Как только он перестанет забавлять доминанту, она позволит чистильщикам увезти его, чтобы в очередной раз подвергнуть психоанализу.

Ну так и что? Наплевать! Он уже не раз подвергался анализу третьей степени. Психиатры сами гораздо более примитивны, чем их пациенты, которых они тем не менее считают всего лишь бумажными куклами. Все, что нужно, — это подкинуть им несколько шокирующих образов или симулировать невроз, на почве комплекса неполноценности по отношению к женщинам. И тогда они оставляют вас в покое. Вы получаете приличную еду трижды в день в течение месяца, десять частично восстановительных инъекций, пятьдесят львов и годичный испытательный срок. Все довольнотаки утомительно, хотя и не так уж неудобно. При условии, что вы ничего не натворите в продолжение испытательного срока.

Он попытался вспомнить, когда в последний раз подвергался анализу третьей степени. Если испытательный срок еще не истек, то сегодняшний инцидент может иметь серьезные последствия. Анализ второй степени. Три месяца всеохватывающего лечения, включая, возможно, электрошок. Далеко не идиллия... Но Дайон не мог вспомнить ничего. Последний укол он, кажется, получил давным-давно. Но и вчерашний завтрак казался таким далеким...

Джуно глотнула кофе с бренди и, будто прочитав его мысли, заметила:

— Я бы сказала, не меньше чем полгода и не больше чем год назад. Плохо дело, юнец. Тебе светит вторая степень.

Он подпрыгнул, как будто она снова прижгла его лазером.

— Стоупс побери*! Как ты узнала?

— Такой взгляд, как у тебя, малыш, я уже видела раньше много раз. Обычно, когда жиган попадается, первым делом у него появляется это отсутствующее выражение. Он пытается припомнить, когда в последний раз подвергался анализу. Если вспомнить не удается — это дурной знак. Знак того, что подсознательно он и не хочет вспоминать... Ну ладно, выпей еще немного бренди и развесели меня.

— Шантажистка! — заорал он в ярости. — Секс-зомби! Бесплодная утроба!

---

*В описываемую эпоху имя Мэри Стоупс, героини борьбы за женскую эмансипацию, стало нарицательным и употреблялось как междометие. *(Прим. пер.)*

— Пожалуйста, — улыбнулась она, — ты лишь слегка царапаешь мое самолюбие.

— Я предпочел бы расцарапать твое горло.

Джуно спокойно оглядела его:

— Похоже, ты достоин большего, маленький мейстерзингер. Понимаешь, о чем я?

— Никто не заслуживает первой категории, даже офицер порядка.

— Ну вот, — сказала она весело, — наконец-то мы становимся понятливыми. Выпей еще бренди...

Женщина плеснула большую порцию в его стакан:

— Давай будем взаимно вежливы. — Она достала легкую домашнюю тунику и натянула ее, прикрыв грудь:

— Ну, как теперь?

— Спасибо, — сказал Дайон. — Так гораздо лучше.

— Да, похоже, ты несколько старомоден.

Он улыбнулся:

— Скажем, несколько странен. Эксцентричен — было бы еще точнее.

— И ты действительно пишешь стихи?

— Да, так это называется. В основном мною. У меня самая благодарная в мире аудитория — из одного человека.

— Давай расширим ее до двух.

— «Век расшатался»*, — сказал он сухо.

— «И что скверней всего, — смеясь, подхватила она, — я рождена восстановить его!..» Сам-то ты уверен, что рожден для этого? В двадцать первом веке Гамлета приговорили бы к анализу первой степени сразу по десяти разным статьям.

У Дайона отвисла челюсть.

— Пожалуйста, не изумляйся так. Это даже оскорбительно. Не все доминанты невежественны.

— Даже офицеры порядка? — выдавил он.

— Особенно офицеры порядка. Наша работа — почти синекура. Оставляет массу времени для самообразования. А что касается таких, как ты, жиганов... Все вы носите внутри стремление к смерти. Но ты пока не заслужил больше чем однодюймовую эпитафию.

Он снова был озадачен.

---

*Век расшатался — и скверней всего, Что я рожден восстановить его! Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 5. Перевод М. Лозинского.

— Вопрос в том, — продолжала она, — что делать с обреченным мейстерзингером. Должна я спасти его или отдать в руки чистильщиков.

— Развлекайся как хочешь, — ответил он, стараясь говорить безразличным тоном, — этот мир так прекрасен.

— Тогда я сохраню тебя. Для расширения кругозора.

— Какая плата за сеанс? — спросил он холодно.

— А может — сколько за припев? — ответила она. — Секс перед сонетами или сонеты перед сексом? А может быть, и секс и сонеты? Оргазм, рифма и ритм — в комплекте. И эксцентрично, и забавно, и необычно — все вместе.

Дайон вздохнул и встал — слегка нетвердо:

— Посылай за чистильщиками, и мы споем дуэт. Ты сама — бумажная кукла. Спасибо за бренди, цыпленка и все остальное. Желаю доброй ночи!

— Сядь, болван!

Он моргнул и сел.

— Теперь слушай внимательно. Мне всего шестьдесят два, и я далеко не уродлива — так что тебе повезло дважды. Ты, в свои сорок с лишним, остро нуждаешься в инъекциях жизни. Все твое будущее в моей власти. Одно слово, несколько порезов и синяков на каждом из нас, сделать которые не составит труда, — и ты обречен на вторую степень с пятилетним запретом на инъекции жизни. Я выражаюсь ясно?

— Более чем.

— Ну тогда оставайся на короткой волне, дорогой, и не произноси ни звука, а не то я разрублю тебя пополам. Мне шестьдесят с небольшим — я в расцвете лет, скорее красива, чем уродлива, даже по твоим извращенным стандартам, и на моей кредитной карточке не меньше десяти тысяч львов. Кроме того, я немного одинока — не слишком, но все же. Мое любопытство ненасытно, и я не очень озабочена тем, как много времени провожу, или не провожу, с разведенными ногами. Мне интересно использовать этот случай, чтобы узнать, что произойдет, если нечто внутри восстановленного мейстерзингера... Ты все еще воспринимаешь?

— Остаюсь на волне, — икнул Дайон.

— Если ты хочешь независимости, юнец, я куплю ее тебе. Будь моим сквайром и все. Секс — твоя забота, не моя. Корябай стишки, если хочешь, и прячь

их под замок. Я не буду подглядывать. Все, что я требую, — это цивилизованное обращение и чтобы не было никаких очевидных нарушений порядка... Теперь выпей еще бренди, помолчи две минуты и пошевели мозгами.

Он так и сделал. Картинка получилась любопытная.

Джуно Локк, офицер порядка, блондинка, шестидесяти двух лет, была совсем не груба. Никакого насилия, никаких чистильщиков, никаких ран на теле за исключением пары лазерных ожогов, полученных при знакомстве. Более чем интересно.

У нее была прекрасная квартира, в которой не наблюдалось признаков постоянного присутствия мужчины. Ее голос был гораздо мягче, чем у большинства доминант.

— Стоупс* с тобой, — зевнул он, — я устал. Это был утомительный вечер.

— Не очень элегантно, — улыбнулась Джуно, — но зато честно. Пойдем в кровать.

4

Бар назывался «Виват, жиган!». Это было небольшое сомнительное заведение на одном из подземных уровней Пикадилли, занимавшем часть пространства, на котором ранее в течение почти столетия располагался Лондонский павильон.

У Дайона с собой имелось более чем достаточно денег, чтобы заплатить за вечер с серьезной попойкой. Это не было его основным намерением, но, по крайней мере, планом номер семь, на тот случай, если предыдущие шесть планов рухнут. Большую часть недели ему приходилось быть сквайром доми Джуно и, надо сказать, не без удовольствия для себя. Когда она не состояла на дежурстве, а чаще всего это было именно так, они занимались любовью, осторожно изучая друг друга, следя за душевным состоянием партнера, за тем, когда можно продвинуться вперед, а когда надо отдать назад. Ошибки были минимальны — оба уравнивали свои скорости достаточно хорошо.

*Равносильно выражению «Черт с тобой».

Однажды вечером, развлечения ради, они улетели в Париж, просто потому, что Дайону захотелось прогуляться вдоль Сены, поесть французских булочек с сырым луком и посетить какое-нибудь музыкальное заведение на Елисейских полях. Джуно была изумлена этим предложением, но и только.

Но сегодня... Сегодня вечером Джуно находилась при исполнении своих служебных обязанностей — или, лучше сказать, делала карьеру, лично участвуя в небольшом, для узкого круга, научном семинаре по проблеме раннего обнаружения отклонений в поведении потенциальных правонарушителей. Совещание происходило в Кембриджской психолаборатории, и в нем, без сомнения, должны были принять участие говорливые психологи-профессионалы и большегрудые офицеры порядка с выражением крайней серьезности во взоре. Дайон искренне желал, чтобы Джуно получила от всего этого удовольствие.

Но, как говорится, ночи не нужны инъекции жизни — и Дайон направился в «Виват жиган!», где кроме основного зала имелись солярий, спальни, сдаваемые парочкам на час-другой, и парилка в полуподвальном этаже.

Сам бар был почти пуст — длинный, замечательно отвратительный бар, с настоящим кафелем двадцатого века, древними дубовыми панелями и тускло-красными неоновыми лампами. В нем был даже столетней давности музыкальный автомат (используемый только в декоративных целях) и синтетические опилки на полу. Дайон считал, что здесь можно в максимальной степени ощутить атмосферу века мужского превосходства.

Однако он был в восторге не столько от самого заведения, сколько от его хозяина. Бармена звали просто Безымянный — поскольку большую часть времени он и сам не мог вспомнить свое имя. Это был толстый с бессмысленным выражением лица мужчина, выглядевший как человек ста семидесяти трех лет от роду, срок действия последней инъекции жизни которого истек полвека назад. На самом деле он был в точности ровесником Дайона и к тому же последним из политических убийц Англии. Около десяти лет назад Безымянный из лазерной винтовки разрезал пополам министра творческой деятельности, за что получил

всеобщую известность, анализ первой степени и вечный запрет на инъекции жизни.

Среди праздношатающихся жиганов он был знаменитостью и считался чем-то вроде героя. Одна стена бара была полностью покрыта кое-как намалеванной цитатой, описывающей его преступление и последовавшее затем наказание. Цитата была обезображена припиской, провозглашавшей Безымянного матерью-героиней Советского Союза десятой степени. Стало уже традицией, что жиганы, впервые посещавшие бар, ставили свои подписи под этим текстом, присоединяясь тем самым к протесту против прогрессирующего засилия женщин. Его преступление вовсе не означало, что Безымянный имел что-то лично против предыдущего министра творческой деятельности (которая ныне, конечно же, покоилась в Вестминстерском аббатстве). Но она была доминантой из доминант и несла ответственность за принятие акта об ограничении занятости. И то и другое было прекрасным мотивом для убийства.

Согласно легенде, Безымянный когда-то считался великолепным архитектором. Но, разумеется, это была сугубо женская работа. В результате — большая шутка с лазерной винтовкой, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Пива, — потребовал Дайон, опираясь о пустой конец стойки бара. — Лёвенбрау особого. Холодного.

Безымянный бесстрастно нашел нужную бутылку, с видом нейрохирурга, ищущего скальпель, выбрал стакан и налил в него пива:

— Полтора льва.

Дайон высыпал на стойку несколько монет:

— Себе нальешь?

— Danke schon*, жиган. Это будет стоить уже три. Лёвенбрау — лучшая, черт побери, комариная моча из тех, что здесь подаются. Кто может позволить себе пить его, кроме тебя, меня и доминант, если бы им вздумалось заглянуть в эту трущобу? — Профессиональным жестом Безымянный одним глотком опорожнил свой бокал.

При звуках слова «лёвенбрау» трое жиганов, сидевших у дальнего конца стойки, неловко придвинулись по-

*Большое спасибо *(нем.)*.

ближе. Ясное дело: парень, который расплачивается с такой щедростью, — это сквайр, изображающий из себя жигана.

— Самое лучшее, — сказал один из них развязным тоном, — было бы стерилизовать всех инфр. Конечно, тут нужны большие силы, но дело того стоит. Это нокаутирует доминант.

— Квадратный корень из ничего, — сказал другой, — во имя процветания человеческой расы.

— Ты прав, дружище, — сказал третий. — Нам нужно лишь схватить избранных высокопоставленных доминант, вколоть им полную дозу антистерилизатора, накачать нескольких сквайров афродизиаками*, чтобы они осеменили доминант со всем возможным энтузиазмом, и потом посмотреть, как начнут расти их животы. Харакири для верхушки. Ха-ха.

— Переключись, — сказал Безымянный. — Ерунду городишь. Трахать они тебя хотели.

Дайон оглядел жиганов.

— Поскольку я состою при даме, парни, — сказал он, — деньги у меня водятся в избытке. Делайте выводы. Что это будет — свободный стиль, каратэ, кун-фу или лёвенбрау для всех, кто захочет упиться до смерти?

— Говорит как жиган, — сказал парень, грезивший о стерилизации доминант. — Пять лёвенбрау, Безымянный. Это лучшее, что можно услышать в Земле Обетованной.

Дайон опустошил свой стакан и кивнул. На стойке появились пять чистых стаканов, бутылки зашипели, и на время трое жиганов сделались кровными братьями.

— Джентльмены, — сказал Дайон, поднимая второй стакан. — Я представляю собой мужчину эпохи Возрождения.

— Мужчину эпохи Возрождения, — повторила троица в унисон.

— И вы знаете, что можете сделать с ним, — продолжал Дайон, поставив стакан. — Потому что, дорогие друзья по вышивке, вы и я — шакалы. Мы злоупотребили оказанным нам гостеприимством. Мы трусы из трусов. Мы последние отбросы человечества. Потому что доминанты что-то могут, а мы нет.

*Афродизиак — вещество, стимулирующее сексуальность.

— Выпьем за это, — сказал Безымянный с энтузиазмом.

Дайон посмотрел на него:

— Как, черт побери, тебя зовут?

Безымянный секунду или две поскреб затылок.

— Джеймс Фламинго Бонд, — ответил он. — А как, черт побери, зовут тебя?

5

Чем больше бутылок лёвенбрау было выпито, тем прочнее становилось кровное братство. Три жигана — худосочные, бледные как смерть создания, выглядевшие так, будто их отлили из одинакового пластика, — назывались Пандо, Гарвил и Тибор. Ни один из них не занимался полезным трудом. Они жили уборкой мусора, мелким воровством и проституцией. Но, несмотря на то что Дайон пал так низко, что стал сквайром, они великодушно его простили. Деньги не пахнут.

— Все, что нам нужно, — сказал Пандо, взяв свою долю выпивки, — это всего лишь один сумасшедший, но гениальный индивид мужского пола. Один-единственный жиган, чуть-чуть рубящий в науке.

— Все гении — это доминанты, — запротестовал Тибор. — Сам знаешь, наука только для баб. Нет больших титек — нет большого IQ*.

Пандо рыгнул.

— Да не динозавры же мы все, в самом деле, — запротестовал он. — Где-то среди нас должен скрываться гений, даже если он всего лишь дворецкий и имеет дело только с бутылками пива и соломинками для коктейля.

— Предположим, чисто теоретически, он у нас есть, что тогда? — спросил Гарвил. — Один-единственный гений — это еще не все жиганы.

— Nein, non**, нет! Один-единственный гений создаст антидоминантный вирус, стрептококтейль, который уничтожит их бесплодие. И вирус и его изгото-

---

* Intelligence *(англ.)* — коэффициент интеллектуальности.

** Нет *(нем., фр.)*.

витель, конечно, должны быть полностью под нашим контролем. Потом мы запустим эту штуку во все резервуары питьевой воды и спокойно станем смотреть, как доминанты начнут делаться похожими на надутые баллоны, желательно с максимальными для них мучениями.

— Это все мечты, — сказал Дайон раздраженно, — извечные мифы невежественных людей. Что, Стоупс побери, вы будете делать с миром, преподнесенным вам на серебряном блюдечке? Доминанты останутся навсегда, если их низвержение будет зависеть от трутней-жиганов, толкающихся в миллионах пивных баров. Нам не нужны вирусы, бомбы или дубинки. Единственное, что нам нужно, — это настоящие мужчины. Поднимитесь, жиганы! Распрямитесь, станьте на три фута выше, чтобы я мог сосчитать вас.

Последовало недолгое молчание. Наконец до Пандо дошло, что его, похоже, оскорбили.

— Что с тобой, сквайр? — усмехнулся он. — Какая замечательная речь из уст наемного трахальщика! Залезь на лестницу и посчитай сам себя.

— Джентльмены, — сказал Дайон терпеливо, — я только хотел сказать, что шакал не может сражаться против львицы. Если бы нашлось достаточное количество настоящих мужчин, доминанты падали бы рядами. Ergo*, подумайте еще раз.

— Дважды верно, — торжественно согласился Гарвил. Затем, вспомнив о верности своим приятелям, он добавил: — Но все же ты слегка нас обидел.

— О, дорогие и любимые друзья, — сказал Безымянный, неожиданно со слезами на глазах пробудившись от спячки. — Я пью за вселенское братство мужчин... О Боже, военная команда.

Дайон и трое жиганов проследили за направлением его взгляда.

Семеро здоровенных и хорошо развитых доминант как раз в этот момент входили в бар. Одеты они были небрежно и довольно грязно. На головах троих из них сидели побитые фибергласовые шлемы.

— Ирландские морские коровы, — зашипел Безымянный, — эти большие суки уже приходили сюда на прошлой неделе. Побили мебели на пять сотен

* Следовательно *(лат.)*.

львов, но заплатили сразу же и наличными. Ведите себя тихо, жиганы. Этих разгоряченных телок не интересует, как возвести ноль в куб.

— Газ? — спросил Дайон, с интересом разглядывая доминант. — Нефть? Минералы?

— Нет. Подводные отели и все такое прочее. Они говорили мне, что многие доминанты любят, валяясь в постелях со своими одухотворенными сквайрами, пялиться сквозь углеродистое стекло на шаловливых рыбешек.

Доминанты с шумом расположились вокруг стола в одной из уединенных полуниш. Очевидно, они где-то уже успели изрядно набраться, так как их движения были гораздо резче, а слова громче, чем надо.

Одна из них — высокая и мускулистая брюнетка — стала стучать кулаком по столу:

— Вино! Вина! Дю в´эн! В´инью!

— К вашим услугам, дорогие доминанты. — Безымянный профессионально перемахнул через стойку бара и подошел к ним, чтобы принять заказ.

В этот момент одна из доминант отделилась от своей группы и слегка нетвердой походкой стала прохаживаться по бару. Критически оглядев Дайона с компанией, она сказала:

— Один — для одиночества, два — для компании, три и больше — это уже заговор. Что скажете, жиганы? Ночи не нужны инъекции жизни.

— Точно, не нужны, — сказал Тибор, выпячивая грудь. — К твоим услугам, дорогая доминанта, отныне и вовеки.

Она оглядела его сверху донизу и бросила на стойку пять львов:

— Ты никогда не выдерживал больше одного раунда, дитя. Выпей-ка лучше стаканчик молочка.

Тибор уставился на деньги и проглотил насмешку.

— Сколь хороша, столь и щедра! Но мы утопим то, чему уже не бывать, не в молоке, а в лёвенбрау.

Гарвил оглядел доминанту и постарался придать блеск своим глазам.

— По крайней мере пять раундов, — сказал он вкрадчиво, — подлинность товара гарантируется.

— Смело и убедительно, — сказала с улыбкой доминанта. — Что же, вполне возможно. Ты довольно-таки тощ, но это не имеет значения. Я видала жиганов и получше, и похуже.

Она выбросила руку и крепко ухватила Безымянного, который, получив заказ, в этот момент как раз возвращался к стойке.

— Койку, любезный. Твой маленький приятель хвастает, что он половой гигант.

— Номер три, — сказал Безымянный, выуживая из кармана ключ, — семь пятьдесят в час.

— О, какая высокая цена греха. — Доминанта повернулась к Гарвилу: — Выдержишь час, храбрец?

Гарвил облизал губы:

— По двадцатке за палку, и я буду продолжать до закрытия бара.

— Мания величия, — засмеялась доминанта, — запомни, ради твоей собственной пользы, — поступки должны соответствовать словам.

Она взяла ключ, хозяйским движением обхватила Гарвила и обратилась к своим компаньонкам:

— Синьоры, дорогие, закадычные подруги! Я собираюсь устроить маленький экзамен на прочность. Не пейте много до моего возвращения.

— Через девяносто секунд, — предсказало чье-то глубокое контральто.

— Да ну тебя! Не меньше трех минут!

И она увела не сопротивлявшегося Гарвила в спальню.

Безымянный обнес доминант напитками. Две или три из них многозначительно посмотрели на стойку бара, потом раздался взрыв смеха. Затем одна доминанта — красивая и, очевидно, самоуверенная особа — поднялась с места и пересекла зал. Она остановилась возле Дайона и многозначительно посмотрела на него:

— Пойдем?

— Это очень лестно для меня, но нет, — сказал он осторожно, — моя рыба жарится в другом месте.

— Это был не вопрос, — сказала самоуверенная доминанта, — а скорее царственное повеление.

— Которое я, к сожалению, отвергаю — со всеми возможными стереофоническими извинениями.

— Парень, — ее голос сделался жестким, — когда я приглашаю, только отчаянный смельчак может отказаться.

— Примите мои поздравления. В таком случае трус тоже должен отказаться. Могу я предложить вам выпить?

Наблюдавшие эту сцену доминанты оскорбительно захохотали.

— Я что, уродина, калека или persona non grata*? — спросила самоуверенная доминанта жестким тоном.

— Ни в малейшей степени. Вы крайне привлекательны и все такое. Но, увы, я предпочитаю выпить.

— Пятьдесят львов должны подавить твою жажду.

— Вовсе нет. Присоединяйтесь ко мне.

Неожиданно наступила тишина.

Вдруг доминанта рассмеялась:

— Похоже, учтивость — новый порок жиганов. Я действительно присоединяюсь к тебе, мой учтивый трус. Заказывай.

— Два лёвенбрау, — крикнул Дайон Безымянному. Выпивка появилась мгновенно.

— Твое здоровье, — сказал Дайон, поднимая стакан.

— Салям алейкум, — ответила с улыбкой доминанта и вылила лёвенбрау ему на голову. — Благослови Господь всех плывущих в этих водах.

Дайон пробормотал что-то бессвязное. Все засмеялись.

Пока он безуспешно пытался вытереться платком, доминанта, подстрекаемая всеобщим одобрением, взяла второй стакан и повторила процедуру снова. Но смущение Дайона, похоже, уже не зависело от количества пролитой на него жидкости.

— Теперь Божья милость дважды благословенна, — пояснила доминанта. — Это как приятный дождичек с небес.

Сквозь пелену льющегося пива Дайон смотрел на издевающуюся над ним женщину. Звуки все возрастающего веселья раздавались со всех сторон. Пандо и Тибор чуть не умерли со смеху.

— Ха-ха, — сказал Тибор, — распрямитесь, станьте на три фута выше, чтобы вас можно было сосчитать. Как ты теперь себя чувствуешь, суровый сквайр?

Дайон потряс головой и сделал глубокий вдох. Он посмотрел на унизившую его доминанту, наблюдавшую его замешательство с нескрываемым удовлетворением.

— Это, — сказала она, — должно научить тебя быть больше мужчиной.

— А это, — парировал Дайон, с ожесточением

---

*Нежелательная персона *(лат.)*.

ударив ее ребром ладони в горло, — должно научить тебя быть больше женщиной.

Доминанта не ожидала отпора. Когда первый удар достиг ее горла, она издала звук, похожий на хрюканье. После второго удара, который Дайон нанес пальцами ей в живот, женщина снова издала тот же звук, и тогда он от души врезал ей по затылку. Она упала на пол и растянулась на нем, корчась и стеная.

— Еще кто-нибудь хочет позабавиться? — спросил Дайон угрожающе. — Любой может попробовать.

И снова на несколько мгновений наступила тишина. Пандо и Тибор смотрели на него с благоговением.

Затем послышался звук отодвигаемого стула. Казалось, он грохочет, как гром. Одна из доминант, сидевших в нише, встала и двинулась к Дайону. Это была, пожалуй, едва ли не самая красивая и пропорционально сложенная женщина из всех, кого он когда-либо видел раньше. Абсолютно черная, примерно шести футов и шести дюймов роста, но стройная и гибкая, как кошка. Ее темные мускулистые руки были налиты силой.

— Боюсь, — сказала она с прекрасным английским произношением, — ты изувечил мою подругу. Поступок несколько антиобщественный. Сейчас тебе придется очень плохо, уверяю тебя.

— Забери ее, — сказал Дайон, показывая на лежащую доминанту носком ботинка. — Она слишком много выпила.

— Конечно, — сказала высокая негритянка, — мы все слишком много выпили. Но сначала, с твоего разрешения, я разорву тебя пополам.

Краем глаза Дайон увидел, что еще две доминанты поднялись со своих мест в глубине ниши. Он отчаянно взглянул на Пандо и Тибора:

— Теперь пришло время каждому настоящему мужчине присоединиться к своей партии.

— Нет, — ответил Пандо, — мы сейчас же выходим в отставку. Мягкого приземления, сквайр. Получи все, что тебе причитается.

В отчаянии Дайон схватил табуретку и поднял ее, направив ножками на высокую негритянку.

— Подойдешь еще на шаг, — пригрозил он, прислоняясь к стойке бара, — и я научу тебя стоять на бочке и петь «Боже, храни королеву».

Негритянка улыбнулась и придвинулась ближе.

Безымянный, стоявший точно позади Дайона по другую сторону от стойки, отработанным движением выхватил непонятно откуда тяжелую дубинку и с силой опустил ее на затылок Дайона. Мир взорвался, и сквайр беззвучно рухнул на пол.

— Спокойной ночи, прекрасный принц, — вежливо сказал Безымянный, — высокие чувства высокими чувствами, но скандал определенно не способствует торговле.

Все засмеялись. Как по волшебству, появилась новая порция выпивки.

В конце концов, так как Дайон упрямо отказывался приходить в сознание, Безымянный вызвал скорую помощь.

6

Доминанта-доктор осуждающе посмотрела на Дайона сверху вниз и сказала:

— Подстрекательские заявления, драка, нападение на мирных граждан с преступными намерениями — ты устроил неплохой концерт, не правда ли?

— Кто меня вырубил? — спросил Дайон, слишком быстро садясь в кровати, так что запульсировавшая в раненой голове кровь заставила его лечь снова.

— Бармен, — ответила домдок. — В момент божественного вдохновения. Возможно, он уберег тебя от обвинений в расизме, от убийства при отягчающих обстоятельствах и от анализа первой степени. По-моему, ты должен этому человеку как минимум сигару.

— Велика ли пораженная область? — спросил Дайон, осторожно ощупывая голову. На ней красовалась огромная шишка.

— Будешь жить, — уныло ответила домдок. — Прискорбно, но кто-то на небесах имеет пагубную привычку покровительствовать таким, как ты. Твое положение крайне неприятно, Дайон Кэрн. Я изучила все медицинские записи, касающиеся тебя. Ты рожден для первой степени и получишь ее если не в ближайшее время, то во всяком случае раньше, чем действие твоих инъекций жизни подойдет к концу.

— Забить бы тебе!

— Повтори.

— Забить бы тебе! Это древнее выражение, — объяснил он терпеливо. — Имеется в виду, что адресату предлагается фаллический символ.

— Ты предлагаешь это мне? — нахмурилась она.

— С сотрясением мозга и посттравматическим шоком? Это было бы неэтично.

— Да уж... Ну, мой маленький умница, только от меня зависит, рекомендовать тебя для анализа или нет. Я подумаю над этим, жиган, в ожидании фаллического символа.

— Сквайр, — мягко поправил он. — Меня низвели до этой респектабельности.

Она удивленно подняла брови:

— Кто, Стоупс побери, обладает таким извращенным вкусом?

— Джуно Локк, офицер порядка Лондона-Семь.

Брови поднялись еще выше.

— Ловкая мистификация?

— Простите, но должен вас разочаровать. Все почти легально. Проверьте и убедитесь.

— Ваш брак не зарегистрирован.

— Совершенно верно. Он у нас неформальный, недавний и, определенно, временный.

— Я позвоню ей и спрошу, — вздохнула домдок, — хочет ли она претендовать на твое тело. И помоги тебе Стоупс, если ответ будет отрицательным. Лично я не предложила бы тебе стать моим сквайром, даже будь ты последним оставшимся мужчиной с Y-хромосомой.

— У каждого свои причуды, — ответил Дайон. — Ради той великой нелюбви, которую ты испытываешь ко мне, позвони ей.

— Я сейчас вернусь, — сказала домдок. — Если все обстоит так, как ты сказал, тебе придется немедленно покинуть госпиталь. Если же нет — мы должны будем познакомиться поближе.

Неожиданно она улыбнулась:

— Кстати, не пытайся удрать через окно. Оно соединено с лазером. Я уверена, тебе не захочется получить на физиономию несколько ужасных ожогов, не правда ли?

— Не знаю, — ответил Дайон, — что может выкинуть моя подсознательная жажда смерти.

Домдок — яркая, эффектная, не достигшая еще и пятидесятилетнего возраста — вышла из комнаты. Через пару минут она вернулась.

— Ты оказался прав. Джуно Локк, офицер порядка Лондона-Семь. Теперь я готова поверить даже в Санта-Клауса.

7

Сидя на балконе, Джуно задумчиво смотрела на Лондон. Стоял теплый солнечный полдень. В полумиле внизу осенние листья, сорванные с полуобнаженных деревьев, кружась по спирали, мягко слетали на землю. Небо, исполосованное инверсионными следами возвращающихся из стратосферы пассажирских ракет и содрогающееся от их приглушенного расстоянием гула, несмотря ни на что, сияло грустной и спокойной голубизной. На востоке можно было разглядеть гигантскую змею Темзы, теряющуюся в блистающем просторе Северного моря.

Сидя в относительной темноте комнаты, Дайон сквозь французское окно наблюдал за Джуно. На ней было бело-голубое сари. Голубой цвет соответствовал небу, белый — инверсионным следам ракет. Дайона очень интересовало: получилось ли это случайно или так оно и было задумано.

Джуно повернулась к нему.

— Я разговаривала с тем квазимодо, который вырубил тебя в «Виват, жигане!», — сказала она бесстрастным голосом.

— С Безымянным? Я сам поговорю с ним через пару дней, — ответил Дайон, трогая все еще большую шишку у себя на голове. — Посмотрим, будет ли его поведение a posteriori* так же хорошо, как и его аргументы a priori**. У этого ублюдка довольно подлые методы убеждения.

— Ты оставишь его в покое, — ответила Джуно.

— Предположим, я не захочу этого сделать?

---

* После опыта *(лат.)*.

** До опыта *(лат.)*.

— Я заставлю тебя. Нет никакой заслуги в том, чтобы раздавить растение.

— У этого растения есть шипы.

— Избегай шипов. С твоей стороны было бы идиотизмом первым делом отправиться туда.

— Я люблю тебя, — сказал Дайон.

— Что?

— Я люблю тебя. Это прошедшее через первую степень растение ударило по моему запоминающему устройству, и теперь ты ждешь, что я буду выражаться исключительно метафорами.

— Я допрашивала его официально, как офицер порядка. Он утверждает, что ты состоял в заговоре с тремя праздношатающимися жиганами с целью изувечить всех доминант. Дальше он утверждает, что ты нанес тяжелые телесные повреждения одной доминанте и угрожал другой. Даже если предположить, что здесь всего лишь сорок процентов правды, эти вечерние похождения прямиком вносят тебя в список кандидатов на вторую степень.

Дайон разразился хохотом:

— Если эти показания — основание, чтобы подвергнуть второй степени невинного свидетеля, то, храни меня Стоупс, что же было бы, натвори я что-нибудь на самом деле.

— Ну, юнец, — вздохнула Джуно, — изложи тогда свою версию событий.

Дайон стал рассказывать. К его удивлению, она, похоже, совсем его не слушала. Воздух был тих, и голос Дайона без труда проникал через открытую балконную дверь. Но Джуно смотрела на горизонт, и на ее обращенном к комнате полупрофиле не было видно и проблеска какого-нибудь выражения. Когда Дайон закончил, она некоторое время продолжала молчать, потом вынула из верхней складки своего сари клочок бумаги и прочитала:

Незащищенные от ветра слова из меди и бронзы
Шепчут по бульварам и переулкам
О подземных полуночных солнцах
И несостоявшихся путешествиях разума

Шепчут о древних лунных морях
И омутах межзвездного пространства
Которое вертится за маской
Штампованного медальона лица.

Дайон с ужасом взглянул на Джуно. Затем ринулся в ванную, открыл вентиляционную решетку и начал шарить в пространстве позади нее. Старинный блокнот для записей был на месте, карандаш — тоже. Распираемый гневом, он выскочил на балкон:

— Ты, проклятая сука! Ты что, обыскиваешь квартиру каждую ночь?

— Прости, — сказала Джуно смиренно, — прости, я надеялась...

— Не надейся! — огрызнулся он яростно. — Ты получаешь достаточно денег, чтобы купить мое тело, но будь я проклят, если ты даже во сне сможешь увидеть столько денег, сколько нужно, чтобы купить мою душу. Это не входило в условия нашей сделки.

Дайон был удовлетворен, увидев влажный блеск в глазах Джуно. Он порывисто схватил листок бумаги, разорвал его на мелкие клочки и бросил их с балкона. Падая, они смешались с вереницей летящих листьев.

— Какие странные и прекрасные слова, — сказала Джуно мягко.

— Архаичные вирши в давным-давно изжившем себя стиле.

— И все-таки прекрасные.

— Чепуха. Словесные экскременты — продукт больного воображения бездомного жигана.

Она повернулась к нему:

— Теперь ты видишь, Дайон, почему я не хочу, чтобы ты прошел через вторую степень. Тогда эти слова умрут. Ты знаешь это. Должен знать.

Он ударил ее. Она не двинулась. Красное пятно расплылось на ее щеке.

Он ударил ее снова. И снова она не двинулась. В течение нескольких пугающих секунд они стояли, пристально глядя друг на друга.

Потом вдруг он обнял ее и поцеловал в губы. Это был лишь третий случай в его жизни, когда он целовал женщину потому, что действительно сам этого хотел.

Ее голубое сари, ее грудь, ее живот прижались к нему. Он изумился, как много жизненной энергии билось в этом теле. Оно пульсировало и вибрировало. Оно дрожало и трепетало.

Он почувствовал на губах соль, и вкус этой соли был сладок.

8

Дайон вдохнул чистый прохладный утренний воздух, который, борясь с тепловыми потоками, идущими от вентиляционной системы, и едва уловимым запахом, оставшимся после бешенства любви, проникал сквозь до сих пор открытое французское окно.

Он посмотрел на Джуно. Ее глаза были все еще закрыты. Восхитительно изогнувшись, она лежала сбоку от него, обнаженная, похожая на огромную пластиковую куклу. Она была прекрасна — насчет этого не могло быть никаких сомнений. Но прекрасно любое живое существо. Все дело в том, чтобы стоять — или лежать — так, чтобы красота сделалась видимой.

Джуно и Дайон провели вместе день, вечер и ночь. Они занимались любовью до полного истощения. Потом заказали еду и питье. Когда требуемое возникло в вакуумном люке, они перенесли поднос в постель и не отрывались от него, пока не напитали энергией свои тела и не почувствовали, что снова в силах предаться экстазу. Так это и продолжалось раз за разом, но теперь все было кончено. Страсть иссякла, осталась одна только нежность. И непередаваемое изумление.

Костяшками пальцев Дайон погладил грудь Джуно. Она никак не прореагировала и осталась неподвижна — как и полагается всякой уважающей себя пластиковой кукле. Он улыбнулся, вспомнив причуды этой ночи. Доминанта растворилась в абсолютной женственности. Личина офицера порядка спала, как ненужная одежда, обнаружив под собой только лишь миллионолетнюю женскую сущность, превыше всего жаждущую сексуального подчинения.

Тут было над чем задуматься. А что, если все доминанты в глубине души таковы? Нет, все доминанты — нет. Среди них были существа твердые, как углеродистая сталь, полностью подавившие в себе естественные миллионолетние инстинкты. Дайон знавал их по личному опыту — горькому личному опыту. Так, может быть, Джуно — вовсе не настоящая доминанта, может быть, она — замаскированная инфра? Может быть, все, чего она хотела, — это приступы бурной страсти и множество детей?

Да нет. Может быть, Джуно и прекрасна, но главное —

она все-таки бесплодная утроба. Дети для нее — нечто грязное и противное. Оскорбление ее великолепному мускулистому телу.

Дайон встал с кровати и через всю комнату подошел к приемному устройству вакуумного люка:

— Большой чайник чая. Яйца всмятку. Тосты, масло, мармелад. Накрыть на двоих. Десять минут. Все.

Услышав его голос, Джуно пошевелилась:

— Дайон, сколько времени?

— Половина восьмого, и воздух наполнен музыкой, которую никто никогда не научится играть.

— Стоупс побери! Мне надо на дежурство. В половине одиннадцатого.

— Спи спокойно. Всему человечеству надо на дежурство сегодня и каждый день... Как твои ячейки памяти?

Она села, затрясла головой и улыбнулась:

— Достаточно хорошо, чтобы смотреть на тебя любя, мой маленький мейстерзингер.

Он присел на край постели:

— «Любя» — слово из четырех букв. Это столько же, как и в слове «кайф». Никогда не произноси непристойности до завтрака*.

Она засмеялась:

— Я дарю тебе каламбур сегодняшнего дня: на самом деле то, что произошло между нами, не было просто секстазом.

Он холодно посмотрел на нее:

— На самом деле между нами не было ничего, кроме секса. «Секс» — чистое слово из четырех букв, которое намного проще, чем «любовь».

Она состроила ему гримасу:

— Ты задираешься со мной, юнец?

Он покачал головой:

— Это только доставило бы тебе удовольствие. Недавно ты хотела, чтобы тебя любили, теперь — чтобы побили.

— Бесполезно, Дайон. Я не собираюсь ссориться с тобой сегодня.

— Да, решать, ссориться или нет, — прерогатива правящего пола. Кто платит, тот и заказывает музыку.

---

*Выражением «четырехбуквенное слово» (four-letter word) по-английски обозначают нецензурное слово.

Она ударила его подушкой. И в этот момент появился завтрак. Они съели его, сидя вдвоем на кровати, обнаженные и расслабленные.

— Как бы ты отнесся к тому, чтобы узаконить все это? — спросила наконец Джуно.

— Узаконить что?

— Наше сожительство.

— Мне все равно, — пожал он плечами. — Что ты собираешься сделать — поставить тавро мне на лоб? Или повесить на шею колокольчик, чтобы я мог расхаживать по улицам, громко крича: «Берегись!»?

— Я не собираюсь ссориться с тобой сегодня.

— Тогда давай узаконим наше сожительство, если хочешь, — чтобы отметить тот единственный день, когда мы не поссорились.

Она засмеялась и спрыгнула с кровати:

— Да, твое поведение нормальным не назовешь, мой маленький трубадур. Я позвоню в генеральную регистратуру, пока ты не переключил каналы своего запутанного сознания.

— Но не в таком виде! — ответил Дайон, унося поднос обратно к вакуумному люку.

— Прикрыть грудь?

— Прикрыть. Я реакционная фашистская бестия.

Джуно подошла к главному пульту и нажала пару кнопок. Кровать убралась в стену, а другая часть стены скользнула в сторону, открыв взору шкаф с богатым выбором одежды.

Дайон прошел в ванную и включил душ.

— Сначала ты помойся, большая гончая сука, — крикнул он. — Ведь не каждый день удается заарканить поэта.

Она последовала за ним в ванную, и они вместе залезли под душ. Дайон смотрел на Джуно сквозь завесу острых как иглы струй. Водопад ярких белых волос облепил ее голову, придав лицу странное мальчишеское выражение. Несмотря на то что Джуно была почти одного с ним роста, она часто называла Дайона малышом. Вспомнив об этом, он свирепо схватил Джуно за волосы и дернул, откинув ее голову назад. Потом слегка нагнулся и коснулся зубами открывшегося горла.

Он почувствовал упругое сопротивление ее груди. Той гордой и самоуверенной груди, которую он так ненавидел. Когда Дайон оторвался от горла Джуно, на

нем остались две красных полукруглых отметины. Их вид вызвал у него чувство удовлетворения.

Джуно с удивлением посмотрела на Дайона:

— Как странно. Если бы мне сказали, что я позволю какому-нибудь мужчине сделать это со мной, я бы не поверила. — Ручьи воды стекали с ее изумленного лица, делая его изумительно прекрасным.

Дайон засмеялся:

— Не суди о тигре по его хвосту, офицер порядка. Ну а теперь давай узаконим мою проституцию.

Джуно высушила волосы струей теплого воздуха и надела простой золотистого цвета купальный халат. Дайон завернулся в полотенце, сделав из него подобие набедренной повязки. Они вернулись в жилую комнату и встали перед экраном. Джуно набрала код.

— Офис главного регистратора. Чем могу помочь?

Появившееся на экране лицо принадлежало женщине с неярко выраженными евразийскими чертами. На ней была обычная розовато-лиловая форменная туника гражданской службы.

— Я — то есть мы — желаем зарегистрировать сожительство, — сказала Джуно.

— Подождите немного, пожалуйста.

Экран затуманился, затем на нем появилось довольно немолодое лицо — тоже женское. Ей, должно быть, за сотню, подумал Дайон. На женщине был свободный черный жакет.

— Регистрация сожительств, — сказала она отстраненно.

— Меня зовут Джуно Локк. JLF, 23A, 27C. Я хочу заключить неограниченный по времени контракт с Дайоном Кэрном.

— Личный номер?

— DQM, 17L, 85B, — ответил Дайон. — Особые приметы: родинка на левом яичке и неутолимая тяга писать плохие стихи.

— Что? — переспросила регистраторша.

— DQM, 17L, 85B, — поспешно повторила Джуно.

Черный жакет набрала код и нажала пару кнопок где-то за пределами видимого пространства. Последовала короткая пауза, потом женщина сказала:

— С поведением этого субъекта есть проблемы. DQM, 17L, 85B уже трижды подвергался анализу третьей степени. Дальнейшее нестандартное поведение повлечет вторую степень.

— Я это знаю, — сказала Джуно.

— Вижу. — Черный жакет отнеслась к услышанному явно неодобрительно. — Вы желаете оформить страховку на случай смерти?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, оба подойдите поближе к экрану... Желаете ли вы, Джуно Локк, по собственной воле, безо всякого принуждения и незаконного давления, предложить неограниченный по времени контракт Дайону Кэрну?

— Да!

— Желаете ли вы, Дайон Кэрн, по собственной воле, безо всякого принуждения и внешнего давления, принять предложение контракта на неограниченный срок?

— Да. В состоянии болезненного умопомешательства.

— Повторите.

Джуно незаметно наступила Дайону на ногу.

— Да.

— Тогда будьте любезны, Джуно Локк, приложить большой палец правой руки к сканнеру.

Джуно на секунду приложила палец к маленькому экранчику, расположенному под основным экраном. Теперь петли и завитки узора на ее пальце будут сравнены с изображением, хранящимся в ее личном деле, а затем их отпечаток будет приложен к контракту.

— Теперь, Дайон Кэрн, пожалуйста, приложите палец правой руки к сканнеру.

Когда он проделал это, черный жакет сказала:

— Контракт вступил в силу. Желаете ли заключить еще какую-нибудь сделку?

— Спасибо, нет, — ответила Джуно.

Черная жакетка вознаградила ее замороженной улыбкой:

— Доброе утро и до свидания.

Экран погас.

— Счастливого дня рождения, — сказал Дайон. — Ну и как ты себя чувствуешь, получив постоянного содержанца?

— Как и прежде. За исключением статьи о страховке на случай смерти, единственная разница в том, что ты теперь можешь наследовать мои несметные богатства, а я могу требовать от тебя ребенка.

— И ты будешь вынашивать его сама?

Ее лицо омрачилось:

— Переключи программу, юнец. Я не хочу потворствовать твоему скотскому юмору.

— Боишься, что это повредит твоему драгоценному пузу? — спросил он со злобой. — Согласно легенде, если ты будешь кормить грудью, мускулатура живота сожмется обратно. А с другой стороны, в этом случае отвиснут груди. Природа не очень-то заботится о нас, ты не находишь?

Джуно свирепо кинулась на него и с неожиданной силой стиснула.

— Шути, да не слишком, мейстерзингер, — зашипела она. — Эти слова имеют дурной привкус.

— Гораздо худший, чем ты думаешь, бесплодная утроба, — ответил он спокойно. — Моя мать (настоящая мать; я предупреждал, что несколько эксцентричен), — так вот, моя мать умерла после семнадцатой беременности. Это была цена моего образования. Семнадцать младенцев, семнадцать послеродовых синдромов и одна закупорка сосудов. Так что в вопросах воспроизводства человеческого рода я авторитет. И могу рассказать тебе кое-что о заражении крови, выпадении органов, маститах, разрыве вагины и послеродовой депрессии. Вот каким был мир моей матери. И поскольку она умерла раньше срока, я просто обязан был узнать обо всем этом, чтобы понять, что она вынесла ради меня... Видела ли ты когда-нибудь головку ребенка в венчике волос? Видела ли ты когда-нибудь покрытый складками череп младенца, со спутанным хохолком волосиков, пятна крови, тонкий ореол испарений? Вдыхала ли когда-нибудь этот сладкий, переполняющий тебя аромат рождения?..

Джуно вскочила и бросилась в ванную. Ее рвало.

9

Напевая, Дайон шагал вдоль Стрэнда по пешеходной дорожке. Его никто не видел. Да и неудивительно, поскольку было всего семь часов: дело происходило прекрасным октябрьским утром, и серая вуаль рассвета только-только начала ступать перед ярким светом дня.

Прошло две недели с того момента, как он и Джуно заключили брачный контракт на неограниченное

время, и Дайон начал понемногу приходить в себя после испытанного унижения. Подаренная доминантой кредитная карточка жгла его, как кусок радиоактивного вещества. Но она была крайне ему необходима. Необходима, чтобы заплатить за инъекции жизни.

Дайон даже — не очень, правда, всерьез — подумывал, а не воспользоваться ли карточкой, чтобы опустошить счет Джуно. Десять тысяч львов, сказала она. Этого было бы достаточно, чтобы улететь в Боготу или Самарканд и прожить там в роскоши пару лет, а потом проделать такую же шутку с очередной ничего не подозревающей доминантой.

Но что-то удержало его. Верность? Нет. Любовь? Тоже нет. Гордость? Возможно... Гордость, подумал Дайон, — это единственное, чего он не может продать ни за какие деньги.

Кроме того, Джуно доверяла ему, и это возмущало Дайона. Она не имела права так поступать. Доверие выходило за рамки интимной близости, самой по себе простой и понятной.

Но все эти рассуждения оставались весьма отвлеченными, в то время как неотложным и практически важным делом были лишь инъекции жизни.

У Дайона начались приступы дрожи. А это всегда плохой признак. Его все чаще бросало также в холодный пот. Так что откладывать лечение было нельзя.

К процедуре продления жизни привыкаешь, как к наркотику, что бы там ни говорили высокоученые авторитеты. Если ты хоть раз прошел через нее, то уже не можешь без этого — до тех пор, пока твои денежки не иссякнут и тебе не предоставят уютную квартирку длиной два метра.

Вот почему Дайон, напевая, чтобы отогнать дрожь, шел прямиком в клинику на Трафальгарской площади, в то время как его доминанта отсыпалась после трех щедрых, пятизвездочных, высшего разлива актов любви и кьянти, выпитого в таком количестве, что его вполне хватило бы, чтобы свалить с ног все итальянское посольство.

Дайон мог бы, конечно, воспользоваться услугами клиники в Лондоне-Семь, поскольку вы можете получить эту стоупсову штуку в клинике любой лондонской башни. Но он, как и всегда, предпочел пойти по линии наибольшего сопротивления. В данном случае —

подняться до рассвета и отправиться в покаянный путь к Трафальгарской площади.

Клиника стояла на том самом месте, где некогда высилась церковь «Святого Мартина-в-полях», взорванная в ходе подавления неудачного и несвоевременного восстания, поднятого партией сексуального равноправия в 47-м году. Три сотни отчаянных мужиков четыре дня удерживали церковь и Национальную галерею, отбиваясь от целой гвардейской бригады. В Национальной галерее хранилось слишком много бесценных творений живописи, чтобы гвардейцы рискнули брать ее штурмом. Поэтому они сосредоточили свои усилия на том, чтобы преподать урок защитникам «Святого Мартина-в-полях», которая была всего лишь церковью. Но ее гарнизон оказался неожиданно стойким и отчаянным. Никто не просил и не давал пощады. Через некоторое время доминанты из гвардейской бригады устали считать своих убитых. Тогда они добились от министра внутренних дел санкции на использование тактического ядерного оружия и решили проблему одним выстрелом двухсотпятидесятимиллиметровой мортиры, установленной в Сент-Джеймском парке. После этого защитники Национальной галереи, увидевшие, что произошло с их товарищами, сдались.

К тому моменту женщины из гвардейской бригады не были склонны придерживаться конвенции о ведении войны. Те из оставшихся в живых, кто пережил последовавшее за этим изнасилование (их оказалось меньше пятидесяти процентов), были подвергнуты анализу первой степени. После этого серьезных восстаний больше не случалось. Гвардейская бригада едва ли могла найти лучший способ pour encourager les autres*.

Дайон взглянул на клинику и подумал о мужчинах, которые здесь погибли. Когда вспыхнуло восстание, ему едва исполнилось двадцать два, и он, на волне возвышенных чувств, примкнул к партии сексуального равенства. Поскольку Дайон, как было совершенно очевидно, ни к чему серьезному причастен не был, он после подавления мятежа получил просто третью степень условно и участливую материнскую лекцию, прочитанную пожилой доминантой-юристом, очевидным и единственным намерением которой было за-

* Преподать урок всем остальным *(фр.)*.

тащить его в свою квартиру и до отвала накормить шоколадным кремом.

Посмотрев на сделанное из титана и углеродистого стекла циклопическое сооружение, которым была клиника, Дайон подумал об иронии бытия. На том самом месте, где мужчины умирали за свободу и где стояла церковь, являвшаяся символом бессмертия на небесах, вырос храм истинного бессмертия (или, по крайней мере, полубессмертия) «здесь и сейчас».

Дайон усмехнулся, поднялся по псевдомраморным ступеням и открыл дверь. Почти все кресла для посетителей были пусты. Три доминанты — сразу видно, совы — задумчиво сидели возле стойки бара, потягивая кофе и ожидая, когда будут готовы их медкарты. Двое жиганов развалясь сидели в креслах напротив панорамного окна. Их позы и неподвижность наводили на мысль, что они проспали всю ночь в приемной клиники, явно не имея другого места для ночлега. Грустная, сморщенная маленькая женщина — ясное дело, инфра — шла следом за электронным пылесосом, который почти бесшумно двигался по полу, заглатывая пыль и прочие наслоения времени.

Доминанта-регистратор, большая скучающая индианка, развалилась за стеклянной кафедрой, бывшей точной копией той, что некогда стояла в уничтоженной церкви. Проектировщики клиники не были лишены сентиментальности — или чувства юмора — и сочли вполне уместным включить в интерьер здания напоминание об учреждении, в котором некогда проповедовалось несколько иное, чем принятое теперь, учение о вечной жизни.

Дайон приблизился к кафедре и попытался привлечь внимание индианки. Та притворилась, что не видит его. Он кашлянул. Индианка продолжала притворяться. Наконец, потеряв терпение, он с силой пнул кафедру и адресовал доминанте оскорбительную гримасу.

С трудом она повернула голову и сфокусировала на нем мутный взгляд, как человек, очнувшийся после дозы старомодного ЛСД. Усилие, потребовавшееся, чтобы вернуться на более низменный уровень сознания, похоже, вызвало у нее глубокое отвращение к Дайону.

— Что тебе нужно, насекомое?

— Привет от Шивы, — мило ответил он, — я хочу зарегистрироваться для инъекций жизни.

— Имя и личный номер?

— Дайон Кэрн, DQM, 17L, 85B.

— Наличные или кридитная карточка?

— Кредитная карточка.

— Вставь ее сюда, малыш. — Она показала на щель контрольного устройства сбоку от кафедры. — А ты случайно не пытаешься лечиться на халяву?

Вместо ответа Дайон вставил карточку и терпеливо подождал, пока доминанта прочитает на своем экране баланс.

— Ах вот как! — сказала она несколько удивленно. — Свыше тридцати пяти тысяч. Вот на что способна трудящаяся пчелка.

— Ах вот как! — эхом отозвался Дайон, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало удивления. — Ничего особенного, ведь это мой мед.

Доминанта снизошла до улыбки:

— Мы опасаемся... Вы же знаете, находятся такие типы, которые хотят пройти курс лечения, не имея за душой ни гроша.

— Какой безнравственный мир, — согласился Дайон, — повсюду ложь и коррупция.

Зазвонил маленький колокольчик, и небольшое приемное устройство, смонтированное на краю кафедры, выбросило тонкую полоску пластика, содержащую в закодированной форме все данные о психосоматическом профиле Дайона. Индианка передала эту полоску ему.

— Пожалуйста, вставьте карту в платежную щель. Стоимость лечения сейчас — семьсот пятьдесят львов.

Дайон вставил кредитную карточку, размышляя с меньшим, чем можно было ожидать, удовольствием о бреши в семьсот пятьдесят львов, которую он проделает в сбережениях Джуно. Десять тысяч, говорила она. А на самом деле — тридцать пять. Черт побери, эта большая сука под завязку набита деньгами.

— Располагайтесь, месье, — сказала индианка, небрежным движением руки показывая на кресло. — Придется немного подождать.

— Долго?

Она пожала плечами:

— Кто знает. Требуется определенное время, чтобы подготовить инъекционные дозы. Выпейте чаю или кофе, пока вас не позовут. Поразмышляйте о вечном. Кофе, чай и вечное — все здесь, в этом доме.

Дайон уселся в одно из удобных облегающих кресел против необычайно громадного панорамного окна. Жи-

ганы и совы не обращали на него внимания, погруженные в свои собственные заботы. Какое-то время он слушал встроенный в спинку его кресла радиоприемник, самопроизвольно переключавшийся с программы на программу. После фрагментов «Военного марша», «Ларго» и «Доминанта, доминанта, возьми меня; смерть моя наступает», да плюс еще обрывков речи на французском, немецком, английском и общеевропейском языках, Дайон решил, что с него хватит, и заставил радиоточку замолчать, с силой надавив на нее затылком. Дрожь и холодный пот вернулись к нему снова, и, чтобы отвлечься, он стал пристально смотреть в окно. Трафальгарская площадь выглядела как гигантский пустой стадион.

Где, Стоупс побери, все эти мифические банды гладиаторов, посвятивших себя смерти и гордо салютующих перед каждым кровавым оргазмом? Куда подевались убийцы и их жертвы в этой задавленной доминантами, балансирующей на грани помешательства тюрьме полужизни и полусмерти. Где, о где свирепое удовольствие от жизни, дающейся только один раз? На такие вопросы уже не бывает ответа. Никогда и нигде.

И все же, глядя в окно, он увидел ответ — знамение, которое, крутясь и переворачиваясь, падало с серого утреннего неба.

Все происходило медленно, как во сне, и в продолжение напрягшихся перед ударом о землю секунд у Дайона оказалось достаточно времени, чтобы определить пол падающего тела. Это была доминанта — гладкая и грациозная, как тюлень, в своем облегающем черном летном комбинезоне.

Он попытался разглядеть у нее на спине реактивный ранец — его не было. Он попытался разглядеть парашют — средство спасения на случай остановки двигателя. Его не было тоже.

Должно быть, она поднялась над Лондоном и сознательно сбросила с себя свое снаряжение, чтобы насладиться этим своим последним долгим танцем-падением с неба на землю.

У него было достаточно времени, чтобы увидеть, что она и в самом деле танцует.

Это был танец смерти.

Ее тело беззвучно упало неподалеку от фонтана, спугнув тысячи голубей.

Никто ничего не заметил. Кроме Дайона Кэрна.

Никто не видел ни смертельного падения, ни облака взлетевших в овации голубей, ни кровавого месива на каменном ложе. Было слишком еще рано, чтобы это замечать.

Приглушенный колокольчик прозвенел где-то в обивке стула Дайона, и голос доминанты-индианки спокойно произнес:

— DQM, 17L, 85B. Пожалуйста, пройдите в комнату девять, коридор А. Ваша формула готова... Удачного приземления, сквайр.

Все еще продолжая пристально глядеть сквозь окно, Дайон поднялся с места. Несомненно, офицер порядка или просто случайный прохожий вскоре наткнется на останки и позаботится, чтобы их удалили.

— Не посылай никого узнавать, по ком звонит колокол, — пробормотал Дайон, — он всегда звонит по тебе и по мне*.

Дайон направился к коридору А, не замечая, что его лицо мокро от слез.

10

Дозы жизни в пластиковых капсулах располагались на тележке маленькими аккуратными рядами. Их содержимое кодировалось цветными метами. Они напоминали морские раковины в изображении художника-сюрреалиста.

Медбрат оказался ровесником Дайона, плюс-минус десяток лет. В эпоху инъекций жизни никогда нельзя точно определить возраст человека.

— Дайон Кэрн?

— Он самый.

---

*Измененная цитата из проповеди английского поэта и священника Джона Донна: «Нет Человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши, и, если Волной снесет в Море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоет Край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

— Плюхай сюда свое драгоценное тело, приятель. — Медбрат показал на вделанную в стену кушетку. — Разоблачайся — и брякайся сюда. Тащить время вспять — довольно утомительная штука.

Дайон стянул свою тунику и лег.

Медбрат зевнул:

— А где запись с твоими данными?

Дайон показал на столик, на котором он оставил тонкий кусок пластика, полученный от индианки-регистраторши.

— Я бросил ее среди морских ракушек... Неужели мужчинам еще разрешают здесь работать?

Медбрат тонко улыбнулся ему:

— Я сквайр при очень высокопоставленной докторше, Диоджин. Поэтому, в виде исключения разумеется, мне позволено продлевать эту пытку другим.

Он взял пластинку с данными, сунул ее в щель маленького декодера, вмонтированного в стену, и стал считывать полученную информацию. Потом издал какой-то неодобрительный звук:

— Три третьих степени. Ты, оказывается, непослушный мальчик. В следующий раз схлопочешь вторую.

— Если следующий раз будет.

— Следующий раз есть всегда. А теперь давай начнем с основных инъекций, чтобы прекратить дрожь.

— Я не дрожу, — сказал Дайон.

— Ты дрожал. И еще будешь дрожать.

Медбрат выбрал пять зеленых капсул, ловко прикрепил по одной из них к каждой ноге Дайона и каждой его руке, а последний, оставшийся, поместил ему на грудь повыше сердца.

— Моя фамилия Смит — факт, который тебя вряд ли заинтересует. Звать — Леандер. Ты должен знать, кого проклинать, когда заработаешь свою первую степень.

— Не выводи меня из себя, — сказал Дайон раздраженно. — Я только что видел, как доминанта покончила с собой, и сейчас не в настроении для обмена колкостями. Запрограммируй инъекции и заткни фонтан.

Леандер Смит улыбнулся:

— Спокойствие, Дайон, mon ami*. Ты, может быть,

*Мой друг *(фр.)*.

еще захочешь отбросить свое здравомыслие прочь. В этом случае неплохо было бы взглянуть на игровое табло... Тебе действительно нравится жить в этом мире, управляемом доминантами?

— Не слишком.

— А ты не думал, что мог бы внести свой небольшой вклад в регресс человечества, если бы все твои жизненные соки не были высосаны этими большегрудыми суками с большим IQ, огромным аппетитом, низкой моралью и монополией на деньги?

— Кончай это и начинай инъекции. — Дайон чувствовал странную усталость.

— Принимаю выговор. — Леандер Смит нажал кнопку, и пульт управления убрался в стену позади головы пациента. Дайон услышал щелканье переключателей, и почти немедленно появилось ощущение короткого жжения в левой ноге. Потом такое же ощущение появилось в правой ноге, в обеих руках и, наконец, в груди.

Тем временем Леандер Смит стал прикреплять серию желтых капсул к различным частям его тела. Работая, он продолжал говорить:

— Я Мефистофель, Дайон. Некие ублюдочные жиганы послали меня соблазнить тебя. Только, Стоупс ради, не думай, что это шутка. Комната не оборудована подслушивающими устройствами. А если бы и так, мне терять гораздо больше, чем тебе.

Эйфория, всегда сопровождающая первые инъекции, начала оказывать свое действие.

— Что за бредовую чепуху ты несешь? — пьяно спросил Дайон.

— Восстание, — ответил Леандер, — сексуальная анархия. Всеобщее избирательное право для мужчин. Для доминант — материнство и все виды унижений. Ты, я и еще несколько других болезненных психов сами их назначим. Живи сегодня, получай свою первую степень завтра — вот наш девиз. Хочешь присоединиться? Это действительно увлекательная штука.

Дайон лежал на вделанной в стену скамье, обнаженный, с зелеными и желтыми зарядами жизни, прикрепленными повсюду к его телу, и ждал, когда Леандер повернет переключатель на управляющем пульте. Зуд и покалывание начались снова. Дайон почувствовал, что совершенно опьянел.

— Ты что — ввел мне дозу хэппиленда? — спросил он подозрительно.

— Не могу скрыть от тебя правду. Да, дорогой друг моей юности, кроме инъекций жизни, я вкатил тебе еще и дозу наркотика. Так нам обоим будет легче.

— Дурацкий шутник, — пробормотал Дайон. — Я разобью твою самодовольную улыбающуюся харю.

— Попробуй, — ответил Леандер, — все возможно в этом лучшем из возможных кошмаров.

Дайон попытался встать. Комната начала вращаться, и он упал на спину.

— Шут, — пробормотал он слабо, — ублюдок, шут гороховый. Подожди немного, я... подожди, подожди... — Дайон непроизвольно начал хихикать.

Леандер продолжал невозмутимо прикреплять к его телу серию голубых зарядов.

— Послушай, хмельная башка. Я протрезвлю тебя после того, как закончу свою речь. Но пока, позволь моим словам пройти сквозь канализацию между твоими ушами. Ты уже схлопотал три третьих степени — так что, ясное дело, не являешься лучшим из лучших. Долгая жалкая жизнь, а в конце смерть — вот твой жребий. Так умри с пользой, дружище. Присоединяйся к Потерянному Легиону. Мы гарантируем, что ты сможешь прихватить с собой на тот свет несколько доминант.

Дайон икнул:

— Потерянный Легион. Потрясный Потерянный Легион... Что за дурацкая шутка, мой дорогой Иуда?

Леандер был изумлен:

— Это отличный новый каламбур, парень. Но не позволяй ему взорвать твои мысли. Я согласен назвать Потерянный Легион иначе. Скажем, Мужским Меньшинством. Пусть это будет его nom de guerre*. Мы — всего лишь группа незаурядных парней, которые полны решимости взорвать большегрудых или взорваться** самим. Я ясно выражаюсь?

— Ясно и прозрачно... Свергнуть доминант и возвыситься самим.

---

* Боевая кличка солдата при поступлении в наемные войска. *(фр.)*.

** Непереводимая игра слов. Bust — 1) разжаловать, обанкротиться, 2) женская грудь.

— Да, в первом приближении. Хочешь играть с нами?

— Где я должен подписаться?

— Нигде. Мы сами позовем тебя. В свое время. Это один из способов вербовки. — Он вернулся к пульту управления и включил голубые заряды. Дайон почувствовал себя так, словно его конечности, независимо от тела и не в такт друг другу, начали танцевать что-то вроде фанданго. Туловище же только слегка колебалось, как змея, которую бьют судороги.

— Вся штука в том, — продолжал Леандер, — что мы — партизаны. Мы должны быть ими. Нас не достаточно много для того, чтобы поднять настоящее восстание.

— Не партизаны вы, а обыкновенные гориллы*, — поправил его Дайон бесцветным голосом.

— Нет. Всего лишь человекообразные повстанцы, со всеми заблуждениями и иллюзиями, присущими мужчинам. Где ты живешь, повстанец?

— В тюрьме, именуемой Лондон-Семь.

— И при ком же ты там состоишь в сквайрах?

— Джуно Локк, бесплодная амазонка.

— Кто она?

— Офицер порядка, надзирающая над обезьяньими самками и запуганными лизоблюдами.

— Что за великолепное приобретение! И, ради Стоупс, прекрати говорить иносказаниями. Это не хэппиленд. Нет никакого хэппиленда. Это всего лишь пьяная эйфория.

— Пьяная эйфория, я люблю тебя, — заявил Дайон торжественно.

— Заткнись, болтун, — сказал Леандер, прикрепляя красные заряды, содержащие в себе последнюю серию инъекций жизни. — Этот окончательный залп заставит тебя немного протрезветь.

Он подошел к пульту и включил все красные заряды одновременно.

Дайон застонал, задрожал и упал в обморок. Когда он очнулся, все весело раскрашенные ракушки уже были убраны и Леандер растирал его какой-то бесцветной жидкостью, которая жгла, охлаждала, успокаивала и взбадривала одновременно.

---

*Игра слов. Guerilla — партизан, повстанец; gorilla — горилла.

— Ну вот, я и пережил это, — сказал Дайон неуверенно.

— Может быть. Ты помнишь, что произошло?

Они посмотрели друг на друга. С яростным криком Дайон вскочил со скамьи — руки подняты, кулаки похожи на молот Тора* — и почувствовал на лице чужую ладонь.

Леандер мягко сбил его с ног:

— Я забыл тебе сказать: некоторое время не делай резких движений. Запомнил?

— Да, ублюдок.

— И не забывай, ты избран для эскадрона самоубийц. Однажды темной ночью ты услышишь голос. Быстро выпей чего-нибудь крепкого и делай то, что этот голос тебе велит.

— Я ведь могу и донести на тебя.

— Отличная шутка. Ты уже имеешь три третьих степени. Я — ни одной. Моя история будет так же доказательна, как и твоя, за исключением того, что на меня не заведено психодосье. Кому поверят?

— Ублюдок.

— Ты уже говорил это. Теперь давай для приличия прикроем плоть, которая доводит доминантш до секстаза.

Он помог Дайону встать:

— Я думаю, парень, ты оправился достаточно, чтобы идти самостоятельно. Но помни — теперь ты законспирированный повстанец. Ты можешь не услышать зова в продолжение нескольких недель. Если повезет — в течение нескольких лет. Но когда ты его получишь — ты будешь действовать со скоростью пять М**. И помни также — время от времени партизаны должны проливать свою кровь.

— Кончай запугивать. Я очень стараюсь поверить, что ты сам веришь тому, что говоришь.

— Старайся сильнее, Дайон. В противном случае ты можешь так и умереть, смеясь. Притом — истерически.

Дайон положил кредитную карточку в свою сумку.

---

* Тор — древнескандинавский бог грома, бури и плодородия. Изображался с молотом в руках.

** М — число Маха, равное отношению скорости объекта в среде к скорости звука в той же среде. Здесь означает пятикратное превышение скорости звука.

Тридцать пять тысяч минус семьсот пятьдесят. Обладание карточкой давало ему чувство полноценности существования. И безопасности.

Он мог бы улететь в Боготу или Самарканд и затаиться там до тех пор, пока все Леандеры в Лондоне не заработают свои анализы первой степени. Пока луна не перепрыгнет через всех коров, что правят этим миром жвачных животных*.

Потом он подумал о Джуно. Подумал с неожиданной для него самого, не имеющей разумного объяснения любовью. Она доверила ему все свое состояние. Безмозглая сука.

— Один вопрос.

— Да, мистер Дайон?

— Ты сквайришь у домдока. Какие чувства ты к ней испытываешь?

Леандер засмеялся:

— Ты сквайришь у офицера порядка. Какие чувства ты испытываешь к ней?

— Это не ответ.

— Это был всего лишь вопрос. Послушай, Дайон, каждая доминанта — это всего лишь лицо в толпе, а толпа, черт побери, слишком шумна и многолика. Прояви слабость к одной — и ты проявишь ее ко всем.

Дайон улыбнулся:

— Ну вот, мы уже пали до лозунгов. Обещаю тебе отличное утро. Прощай навеки.

Леандер открыл дверь:

— Не бойся, что пропустишь вторую часть этого шоу. «Навеки» — гораздо короче, чем ты думаешь.

11

После ночи легких лесбийских проказ и случайных гетеросексуальных интерлюдий послы Соединенных Штатов Северной и Южной Америк, Ново-Советского Союза и Индокитайской Империи, вместе с проконсулом Великой Европейской Федерации и королевой Викторией Второй, протрезвев, сидели в личных Ее

*Перифраз английской детской песенки.

Величества покоях в Ново-Букингемском дворце и пили кофе с энергетическими булочками.

Виктория, все еще прекрасно выглядевшая в свои восемьдесят с лишним доминанта, тосковала. Королеве наскучило все: рутина монархии и государственных дел, прислуживавшие ей гуляки и инфры, перспектива прожить еще шестьдесят величественных лет и, в особенности, остатки дипломатического протокола, до сих пор, подобно путам средневековья, сильно стеснявшие ее существование.

— Дорогие мои, — сказала она, странно подражая языку и стилю дешевых романов конца двадцатого столетия, теперь снова входящих в моду, — дорогие мои, какого черта?

— Душечка, это утверждение или вопрос? — спросила посол Ново-Советского Союза. Анастасия — большеглазое, черноволосое, с упругим телом создание, которому было еще далеко до пятидесяти, исповедовала совершенно обезоруживающую и простую философию, что политика — это любовь, и, как следствие, посвятила все свои излишки сексуальной энергии заключению договоров и соглашений со всеми, с кем только можно.

— И то и другое, — сказала Виктория. — Мне скучно. Жизнь — это лента Мебиуса.

— Ваше Величество, — сказала Элеонора, — как насчет обеда в Белом Доме? Вы не были в Бразилии со времени коронации Президента. Кроме того, — добавила она многозначительно, — там подают на десерт непревзойденную карамель.

Виктория покачала головой:

— Нас это не привлекает. — Потом, вспомнив, что американский посол — очень чувствительная доминантша, добавила умиротворяюще:

— Простите, любовь моя. Я знаю, прием в Белом Доме — самое замечательное шоу на Земле, но я сейчас не в состоянии делать большие визиты. И к тому же не готова выдержать мегатонны рукопожатий и дать зацеловать руку до костей, прежде чем начнется пьянка. Надеюсь, Самми не ждет меня?

— Нет, Ваше Величество. Но королевские покои всегда наготове, и Президент просила меня повторить ее приглашение. Вы всегда могли бы принять его инкогнито.

Виктория мрачно рассмеялась:

— Я была инкогнито в Америке около пятнадцати

лет назад. О Боже, все эти Дочери Реставрации, Девы Равнин, Голливудский Государственный Хор... Только не думайте, что мне вообще не нравятся такого сорта вещи, Элеонора. Это все вопрос настроения.

Джозефина, проконсул Великой Федерации, почесала ногу (тем самым привлекая внимание к тому, что какой-то писака назвал однажды самым большим сокровищем Франции), налила себе еще кофе и зевнула:

— Вы более чем правы, chérie*. Все это вопрос настроения. И в этот последний день октября я в настроении сменить настроение... Требуется что-то новое. Странное, может быть, но новое.

Послу Индокитайской Империи вдруг пришла в голову идея:

— Я знаю, Вики. Позвольте мне позвонить домой и приказать заморозить пруды у Тадж-Махала. Мы можем вылететь туда сегодня пополудни. Зажарим быка и устроим старинную английскую вечеринку с катанием на коньках, с китайскими бумажными фонариками, вальсами Штрауса и двумя батальонами мужественных сикхов.

— Дорогая Индира, — сказала мягко королева, — вы слишком много читаете. К тому же у нас уже была индийская вечеринка — или Индонезийская? — дней десять назад. Но кое-что... здесь есть какой-то намек на идею. — Она снова повернулась к проконсулу Федерации. — Что вы сказали, любовь моя?

— Последний день октября.

— Ага, — воскликнула Виктория с триумфом. — Туз, король, дама, валет. Канун Дня Всех Святых**. Я чувствовала, мое либидо*** подсказывает мне что-то. Старинный английский обычай! Мы устроим ведьмовский шабаш.

— Замечательно — в квадрате и в кубе, — сказала Элеонора.

— Канун Дня Всех Святых? — спросила Анастасия сомневающимся тоном.

— Да, канун Дня Всех Святых, — подтвердила королева с энтузиазмом. — У нас будут и ведьмы, и

---

* Chérie *(фр.)* — дорогая.

** Канун Дня Всех Святых (31 октября) в англоязычных странах принято отмечать маскарадом.

*** Либидо — одно из основных понятий психоанализа. Означает сексуальное влечение, как правило неосознанное.

колдуны, и демоны, и дьяволы. У нас будут скелеты и девы, фейерверки и черная магия.

Потом, как будто что-то вспомнив, она добавила:

— Мы также пригласим палату общин, дипломатический корпус, корпус мира и главные гражданские службы. Список А, я думаю. Те, кто входит в список В, чертовски трудны в общении. И всем мы прикажем явиться с ракетными ранцами и на помелах. Ха, это будет отличный праздник, особенно если мы не пожалеем спиртного. — Она похлопала Анастасию по руке: — Будьте добры, нажмите кнопку вызова. Вы сидите ближе всех. Будет лучше сразу настроить слуг на что-то особенное.

Анастасия позвонила личному секретарю королевы. Индира, все еще слегка опечаленная тем, что Виктория отвергла идею с Тадж-Махалом, сказала немного обиженно:

— Но где же мы его проведем? Этот ведьмовский шабаш?

Виктория улыбнулась:

— Где же еще, как не в Стоунхендже*, моя прекрасная коричневая бестия.

12

«В конце мира, — писал Дайон, — небо украло у розы кровавый цвет».

Он сомнамбулически посмотрел на свой старинный блокнот, пожевал кончик столетнего карандаша, затем рассеянно потянулся за бутылкой водки. Он не потрудился налить себе в стакан — просто поднес горлышко к губам и сделал большой глоток.

Через некоторое время он икнул и стал писать снова:

И там, где наступила тьма,
В пустом свете сумерек
Лежал белый остров,
Подобно шраму в темноте.
Он был неощутим,

* Стоунхендж — древнейшее культовое сооружение, возможно связанное с поклонением Солнцу и символизирующее небесный круг. Расположено возле г. Солсбери.

Но обладал безмолвием
Последней болезни ночей.
Континенты мерцали.
Молчаливые берега разговаривали
Раздвоенными языками пламени
И подражали забытым птицам.

Последовала еще одна длительная пауза и еще одна консультация с бутылкой водки. Наконец на него снизошло вдохновение, и карандаш быстро зашуршал по страницам:

Ветер, задохнувшийся ветер
Слышал слишком много историй,
Чтобы сохранить их,
Оплаканных
И унесенных с планеты.
Поскольку только смерть
Торопится в каньоны,
Пещеры или долины,
Где не блеснет луч света.

В конце, после некоторого раздумья, он приписал: «Дайон Кэрн. 31 октября 2071 г.». Потом бросил карандаш и вновь потянулся к бутылке.

Джуно сидела за шахматной доской, подключенной к локальному компьютеру Лондона-Семь, располагавшемуся двести четырнадцатью этажами ниже, в основании башни. Машина одновременно играла двести семнадцать партий в обычные шахматы, пять — в трехмерные, восемнадцать — в го и десять — в хокусан. Кроме того, она управляла кондиционерами и высокоскоростными лифтами, обслуживала рестораны и жилые комнаты и, наконец, составляла отчеты о приходе и расходе энергии и воды для главного лондонского компьютера.

Джуно только что отпечатала свой семнадцатый ход. Она уже проиграла две пешки, и компьютер, скорее всего, должен был поставить ей мат — как обычно, не позже, чем на двадцать пятом ходу.

Она увидела, что Дайон кончил писать.

— Ну, как дела, любимый?

— Ужасно.

— Что ты пишешь?

— Сам не знаю.

— Не знаешь?

— Если тебе обязательно нужен ярлык, — сказал

он раздраженно, — назови это: «Подстрочные Примечания к Монографии о Возможных Последствиях Армагеддона».

Компьютер ответил на ход Джуно так, как она и ожидала. Клетка R5 на доске загорелась ярким светом — машина взяла слона своим конем. Джуно смиренно сняла коня пешкой. Компьютер сдвоил ладьи.

Джуно снова повернулась к Дайону.

— Никакого Армагеддона не будет, — сказала она самоуверенным тоном, — поскольку судьбы мира теперь по-настоящему зависят от женщин.

— Ты — безмозглая большегрудая сука.

Джуно поднялась с места, сообщив между делом компьютеру о своей сдаче, и встала перед Дайоном, уперев руки в бока:

— Никогда не говори мне таких слов, маленький трубадур. А не то я могу разорвать тебя пополам.

— Безмозглая большегрудая сука, — повторил он спокойно. — Стоупс побери, что понимаешь в судьбах мира ты, надменная корова?!

— Ты пытаешься уязвить меня?

— О, первый проблеск интеллекта в мастере секса... Никакого Армагеддона, сказала доминанта. И вот: ее изречение уже навеки занесено в скрижали. Темнота ты, моя дорогая, Армагеддон произошел давным-давно. Он начался голливудским мюзиклом под названием «Хиросима» и продолжался, когда узурпация женщинами мужских прав достигла кульминации. — Дайон снова икнул. — Да, в Хиросиме люди были сожжены. Но оставшихся, Стоупс побери, заморозили заживо, когда вы, бесплодные утробы, начали балдеть от пилюль.

— Мне кажется, я должна заказать для тебя немного кофе, — ответила Джуно с достоинством.

— Пожалуйста. Это только доказывает ограниченность твоего воображения.

Джуно потеряла терпение и бросилась на него через всю комнату. Дайон встретил ее тем, что, как он надеялся, было сокрушительным ударом в солнечное сплетение. С Джуно этот номер не проходил никогда. Она перехватила его руку и, добавив к ее движению свой рывок, одновременно с этим отступила на шаг в сторону. Дайон перекувырнулся через кровать.

— Давай, попробуй еще, плейбой, — сказала она насмешливо.

С яростным рычанием Дайон прыгнул через кровать.

Джуно достала его снова. Он упал. Его начало рвать.

— Малыш, — забормотала она, баюкая его голову, — о, мой маленький потерянный малыш, что с тобой?

— Жизнь, — ответил он, после того как смог свободно вздохнуть. — Жизнь и водка. Поэзия и безнадежность... Прости, бесплодная утроба, но это неотделимо от меня.

— Почитай мне свою поэму, пожалуйста.

— Для этого слишком мало времени. Кисмет*, в лице королевских посланников, зовет нас в Стоунхендж.

— Виктория может подождать. К тому же я сомневаюсь, что мы должны быть ей представлены. Как-никак я всего лишь служащая второй категории. Почитай мне свою поэму.

Дайон взял лист бумаги:

— Она тебе не понравится.

— Почитай ее, пожалуйста.

— Ты не поймешь ее. Будь я проклят, если и сам ее понимаю.

— Прочти.

Когда он закончил, то с удивлением обнаружил, что Джуно плачет. Не было слышно ни звука, но слезы свободно стекали по ее лицу.

— Что это? — спросил он. — Конечно же не признание гения в период моего распада.

— Полюби меня, — взмолилась Джуно. — Ради Стоупса, полюби меня... Проклятье, как быстро уходит наше время.

Дайон потряс головой.

— Заруби себе на носу, амазонка, — сказал он. — Я буду делать это, когда сам захочу, а не когда захочешь ты.

13

С высоты пяти сотен футов Стоунхендж был похож на остатки некоего чудовищного рождественского торта. Всю его площадь покрывали высоченный прозрачный шатер, из вершины которого подымался в неподвижном воздухе мощный столб дыма — от сотен факелов и

* Судьба, рок *(тюрк.)*.

питаемого горючим газом костра. Мегалиты* были покрыты листами радужной фольги, облегающей их поверхности так плотно, что металл и камень казались одним целым. Внутри большого круга, подобно колонии растревоженных муравьев, кипела толпа колдунов и ведьм. Сама Виктория, по всей видимости, еще не прибыла, поскольку королевского штандарта нигде видно не было.

Дайон и Джуно летели на двух разных помелах. На фоне проколотой звездами темноты их ночные летные комбинезоны слабо рдели зеленым светом. Ведьмовская шляпа Джуно съехала ей далеко на затылок, удерживаясь в этом положении только благодаря ленте, перекинутой через головной фонарь.

Притушив головные огни, чтобы не слишком слепить других гостей, доминанта и ее сквайр медленно летали по кругу над ареной празднества, и реактивные ранцы мягко посвистывали за их спинами.

— О чем ты думаешь? — закричала Джуно, перекрывая свист двигателей.

— Я не думаю, — ответил Дайон. — Думать — вредно для здоровья. — Он взглянул вверх. — Предлагаю устроить гонку к звездам.

Она засмеялась:

— Не этой ночью, малыш. Сегодня нами распоряжается королева.

— Трусиха, плоскопузая лизоблюдка, — закричал он. — Следуй за мной.

Он погасил головной фонарь и, включив на полную тягу вертикальный реактивный двигатель, понесся ввысь, как сошедший с ума камень, падающий наперекор направлению тяжести.

— Дайон! — закричала Джуно. Но он уже был далеко, сотней футов выше. Она тоже выключила фонарь и ринулась за ним.

Теперь они оба, отдавшись безумию, головокружительно падали навстречу танцующим звездам.

---

* Мегалиты — от греч. megas — большой и lithos — камень. Сооружения из больших блоков дикого или грубо обработанного камня. Стоунхендж имеет вид трех концентрических колец. Внешнее представляет собой ров и земляной вал, а два внутренних сложены из мегалитов.

На высоте тысячи футов Джуно и Дайон ощутили, как холодный рвущийся навстречу воздух колет лица.

На высоте двух тысяч футов мороз прихватил их брови.

На высоте трех тысяч футов они оказались опять на одном уровне.

— Стабилизируйся! — задыхаясь, выкрикнула Джуно. — Ради Стоупс, стабилизируйся.

Морозный воздух распарывал легкие. Каждое слово причиняло нестерпимую боль.

Но Дайон не хотел или не мог ее услышать. При той скорости, с которой он падал вверх, звук проносящегося мимо воздуха заглушал даже свист перегруженного двигателя.

На высоте восьми тысяч футов Джуно почувствовала, что не в силах подняться выше. Боль в ушах, окоченение лица и холод, глубоко проникший сквозь резину задубевшего летного комбинезона, остановили ее.

— Стабилизируйся! — тщетно кричала Джуно. — Стабилизируйся!..

Но воздух был слишком разрежен, чтобы ее слова могли дойти до Дайона, который уже успел подняться высоко вверх. Сумасшедший трубадур был неудержим в своем падении вверх, навстречу смерти от холода на пороге звезд.

Она попыталась удержаться на высоте восьми тысяч футов. Но не смогла. Холод был слишком силен, а воздух — слишком разрежен. В отчаянии взглянув наверх, на сокращающееся в размерах зеленое люминесцентное пятнышко, Джуно медленно опустилась до пяти тысяч футов и стала ждать.

Дайон опьянел от боли и экстаза. Его наручный альтиметр показывал девять тысяч пятьсот футов. Он уже едва мог ощущать свои руки, но это было ему безразлично. Кровь, начавшая течь у него из носа, замерзла на губах, но и это не пугало его.

Звезды танцевали и звали присоединиться к своему танцу.

Танец звезд увлекал, затягивал его в свой хоровод. Тяга к звездному танцу могла неудержимо увлекать человека.

Дайон остановился на высоте десяти тысяч футов. Вернее сказать, он не мог не остановиться, поскольку

ракетный ранец имел встроенный предохранитель, срабатывающий при падении внешнего давления. Слишком много людей в прошлом поднимались ввысь до тех пор, пока атмосфера не становилась настолько разреженной, что они теряли сознание. В продолжение десятилетий это был один из самых модных способов самоубийства.

Поэтому Дайон остался висеть на высоте десяти тысяч футов, наблюдая за звездами, медленно двигавшимися вверх и вниз вслед за малейшими изменениями тяги вспомогательных двигателей, державших его на максимально допустимой высоте. Дайон позволил холоду терзать его плоть и кости до тех пор, пока тот не добрался, кажется, до самой последней клеточки тела, до сердцевины его существа.

Боль — тупое смертельное жжение крови и нервов, которые пытались сопротивляться морозу, — доставляла ему удовольствие. Он очищался холодом. Он исповедовался пустоте, получал от звезд отпущение грехов, просил причастия от черных космических глубин. Лицо его превратилось в окоченевшую маску. Белые кристаллы инея облепили фигуру Дайона, заковав его в ледяной панцирь. Но его глаза по-прежнему пылали, преображая звездный свет во внутренний огонь.

И наконец наступила приятная сонливость. Он знал, что это смертельно опасно, и играл с опасностью, осторожно скользя по краю забвения. И вдруг он смутно, как о чем-то необязательном, вспомнил о Джуно. О доминанте, способной на большие чувства — и наряду с этим вовсе бесчувственной. О теплой и гибкой плоти, оставшейся в нескольких тысячах футов под ним. Он понял, что, безо всякой на то причины, хочет ее. Сейчас. И в любую другую минуту. Хотя бы лишь для того, чтобы смаковать мысль о том, что он побывал там, куда она не посмела за ним последовать... Хотя бы для того, чтобы видеть выражение ее глаз...

Бедная, гордая доминажка. Такое могучее тело — и такой слабый дух. Никакого таланта к смерти. Только кое-какой талант к удовольствиям и комфорту в жизни. Он захотел улыбнуться и обнаружил, что уже улыбается — замерзшей на лице улыбкой.

Звезды вдруг тихо погасли — первое и ужасное

предупреждение. Сквозь мрак, который был темнее ночи, Дайон попытался нащупать кнопку управления двигателями. Он нашел ее, но не смог нажать. Он смог только тихонько постучать по ней. Но этого оказалось достаточно.

Дайон понесся вниз, потоки рвущегося навстречу воздуха резали его лицо и тело, как если бы он падал сквозь лес острых ножей. На высоте семи тысяч футов к нему вернулся голос и он смог закричать; создалась высокая колонна звука и безумием обрушилась вниз, сквозь мрак ночи. Это был крик боли и наслаждения, поскольку боль приносила наслаждение раздираемому на части телу, к которому вернулись ощущения и которое билось в невыносимо сладостной агонии воскрешения.

Дайон проскочил уровень пяти тысяч футов, где в ожидании его безумно металась Джуно. Глядя на небо, она увидела на фоне Млечного Пути след его падения и полетела навстречу, включив головной фонарь и неистово им сигналя.

Дайон не заметил ее. Он был загипнотизирован видом бешено несущегося навстречу огненного круга Стоунхенджа. Как восхитительно было бы спикировать в центр этого круга, прямо в костер, и, подняв ливень искр, рассеять свою жизненную энергию среди гостей, собравшихся на празднование идиотизма в эпоху идиотизма.

Но, упав до высоты тысячи футов, он решил отложить удовольствие. Может быть, в его жизни все еще оставалось что-то несделанное, что нужно было сделать. Может быть, была все еще какая-то цель, которую непременно нужно было достичь, — даже если этой целью был всего лишь более артистичный способ смерти.

Нажав кнопку управления, Дайон включил двигатель на полную мощность. Рев воздуха вокруг него превратился в не более чем громкий звук, звук перешел в шепот, так что теперь Дайон снова мог слышать жалобный свист реактивной струи. Но он летел вниз с такой скоростью, что даже включенный на полную мощность двигатель смог остановить падение всего лишь в сотне футов над прозрачным вигвамом, не дав пробить его и удариться об один из мегалитов.

Дайон, как пробка из бутылки, подпрыгнул вверх и в этот момент снова вспомнил о Джуно.

Они встретились на высоте трех тысяч футов — два тусклых зеленых светляка, нашедших друг друга совершенно непостижимым способом.

Дайон стабилизировался. Джуно подлетела ближе.

— Псих, — зарыдала она. — Тупица! Идиот!

— Средневековый идиот, — согласился он. — Мы оба — жертвы этой шутки. И ее называют жизнью.

— Ох, Дайон, сумасшедший жонглер и словоблуд, зачем ты это сделал? Я чуть не умерла из-за тебя.

Он засмеялся:

— Я чуть не умер сам из-за себя... Там, на потолке, бесплодная утроба, Бог подает очень холодное шампанское. Время от времени его необходимо пробовать. Звезды гаснут, и тогда наступает момент экстаза.

— Я больше никогда не полечу с тобой снова.

Дайон явно наслаждался собой.

— Полетишь. Куда бы я ни пошел, ты потащишь свои драгоценные телеса следом. И каждый раз, когда ты не сможешь сделать того, что смог я, ты подойдешь немного ближе к пониманию разницы между мужчиной и женщиной. Конец сообщения.

Джуно помолчала секунду или две. Потом сказала:

— Давай сядем возле распорядителей празднества. Они, должно быть, засекли радаром твои кульбиты и удивились, что это за козел скачет там в небе.

— Пусть удивляются, — спокойно ответил он. — А если кто-нибудь что-нибудь спросит, отвечай: «Это Дайон Кэрн, ни на что не годный шалопай, бегло осмотрел свое королевство...» Ты когда-нибудь пробовала собственную замороженную кровь?

— Мой дорогой, — сказала Джуно беспомощно, — иногда мне даже кажется, что я понимаю тебя.

Дайон посмотрел вниз, на заполненный иллюминацией и лихорадочным движением круг Стоунхенджа, потом — на море темноты, покрывавшей невыразительную равнину.

— Прием может подождать, — сказал он. — У нас будет достаточно времени, чтобы отдать Виктории Английской подобающие общественные глупости нашего века. Но сначала, молодка, ты должна хоть пять минут полежать за кустарниковой изгородью, раздвинув ноги,

как это делала всякая честная шлюха последние две тысячи лет. И тогда, возможно, ты тоже попробуешь вкус замерзшей крови.

Джуно бросила взгляд на Стоунхендж и увидела королевский штандарт, воткнутый посреди яркого светового пятна. Она открыла рот, но не издала ни звука. Доминанта и девка боролись друг с другом. Дайон наблюдал эту сцену с явным удовольствием. Кто победит, было предрешено заранее. Молча, почти с безропотной покорностью, Джуно стала спускаться в темноту.

14

Празднество кануна Дня Всех Святых, которое задумывалось, чтобы развеять дошедшую до последней степени тоску королевы и дипломатического корпуса, повернулось так, что и в самом деле запомнилось всем надолго.

Осторожно поправив повязку на голове, Виктория Вторая пригубила стакан польского уайт-спирита со льдом и с чувством некоторого удовлетворения осмотрела следы всеобщего погрома.

Оторванные от мегалитов обрывки металлической фольги жалобно шелестели под дуновением легкого бриза. Полосы пластика летали по воздуху, как наполовину материализованные привидения. Два мертвых белых петуха, лежащих на тронутой морозом земле, злобно пялились друг на друга. Где-то снаружи, в темноте, несколько травмированных жиганов и раненых офицеров порядка, забывшись, пили и горланили песни. Посол России билась в истерике. Европейский проконсул была похищена и, несомненно, изнасилована пиратами. Премьер-министр сломала руку и получила лазерный ожог груди, а саму Викторию ударило упавшим помелом... Да, это действительно был памятный вечер.

Королева еще не получила списка пострадавших, но была уверена, что произошло более дюжины абсолютных смертей и четырех-пяти временных. Хирурги полевого оживляющего центра уже принялись за работу.

Так что недолго оставалось ждать момента, когда везучие офицеры порядка и менее везучие пираты будут собраны по кускам и возвращены к жизни.

А ведь одно время с железной определенностью казалось, что празднество так и не раскачается по-настоящему. Нанятые по случаю профессиональные ведьмы не смогли придумать ничего более занимательного, чем ритуальная дефлорация девственницы-инфры, исполненная шестью накачанными хэппилендом колдунами-зомби, сеанс группового гипноза, гораздо менее впечатляющий, чем кабаре в старом «Кафе Рояль», жертвоприношение козла и двух петухов и, наконец, девятифутовая трехмерная проекция Люцифера, творившего скучные непристойности со старомодной монахиней. Правда, пиво было хорошее. Равно как и копченые колбаски, коктейли с бычьей кровью, кордебалет, а также гладиаторы, которых наняли драться до временной смерти. И все же было совершенно ясно — в целом вечер не удался.

Но вот в полночь, как только кончились запрограммированные громы и молнии, с черного неба посыпались пираты с лазерными винтовками в руках и безумной жаждой уничтожения в жиганских головах.

Виктория пришла в восторг. Будь на то ее воля, она возвела бы их в рыцари всех и каждого. Но условности должны соблюдаться — особенно после того, как четверо незваных гостей набросились на Европейского проконсула, накинули на нее большую рыболовную сеть — она как раз собиралась отведать жаркого из черного кота, — взмыли в ночное небо и скрылись в неизвестном направлении.

Зрелище было великолепным. Пираты действовали слаженно, как один, и сеть набросили очень ловко. Прежде чем Джозефина смогла понять, что случилось, она обнаружила, что с ужасной силой раскачивается на высоте пятисот футов, а ее жизнь зависит от четкости строя четырех кандидатов на первую степень, державших сеть за углы.

Так как похищение, несомненно, подпадало под определение дипломатического инцидента, Виктория, против своего желания, должна была принять какие-то меры. По ее сигналу королевский эскорт, оказавшийся

на этот раз эскадроном личных телохранителей Ее Величества, пустился по горячим следам в погоню.

Но в этот момент пираты приступили ко второй фазе атаки. Лазерные лучи разрезали высокий прозрачный шатер, превратив его в сумасшедший карнавал хлопающих, как бичи, пластиковых полос. По крайней мере двое пиратов, запутавшись в этих петлях, разбились насмерть о древние каменные колонны.

К этому моменту даже корпус порядка понял, что это не просто один из развлекательных сюрпризов для Виктории. Одна за другой прибывшие на праздник в качестве гостей офицеры побежали в зону приземления, хватали ракетные ранцы, боевое снаряжение и взмывали в воздух.

В первый момент атака на празднество выглядела как неудачный розыгрыш нескольких безумных жиганов. Но даже если это и было шуткой, то шуткой слишком хорошо организованной. Когда более пяти десятков нападающих дисциплинированно, сохраняя строй, опустились на землю, в шутке не осталось ничего смешного.

Джуно была одной из первых офицеров, поднявшихся в воздух. Дайон наблюдал за ней с чувством раздражения и замешательства. Первым его побуждением было последовать за ней, чтобы оградить от опасностей. Вторым — остаться на месте, предоставив доминанте самой расхлебывать эту кашу. Да и кроме всего прочего, эти парни из четвертого измерения действовали так потому, что на это их толкнуло дурное устройство общества.

За то время, пока Дайон колебался, Джуно уже успела улететь далеко, а у него самого появились другие темы для размышления. В особенности после того, как небольшого роста офицер гвардии неожиданно упала с неба и умерла почти у самых его ног.

Ее лицо выглядело так молодо, — вероятно, ей было не больше тридцати пяти или сорока. Она лежала на земле со множеством переломов рук, ног и таза — тоненький потухший светлячок.

Дайон взял голову доминанты в свои ладони и стал баюкать. Она получила слишком много повреж-

дений, чтобы чувствовать боль, но сквозь ее почти детские черты проступало выражение нечеловеческой усталости.

Прежде чем умереть, она произнесла только шесть слов:

— Полюби меня! Полюби меня! Полюби меня!

Затем ее тело обмякло, и она превратилась всего лишь в еще одну мертвую доминанту.

Забыв об окружающей их вакханалии, Дайон поднял ее на руки и вынес за пределы освещенного круга, прочь от гротескной несостоявшейся комедии, разыгрывающейся вокруг мегалитов Стоунхенджа, в тихую заросшую травой ложбинку, где не было ничего, кроме мороза и звездного неба.

Очень осторожно он уложил ее на землю и выпрямил разбитые конечности. Потом молча посидел немного, вспоминая вкус замерзшей крови и размышляя о том, как легко погасить тонкий теплый светлячок жизни. Наконец Дайон поцеловал доминанту в уже холодный лоб и с чувством вины и умиротворения обнаружил, что омыл его слезами. Он не сказал ничего. Говорить было нечего. Осталась только одна беспокоящая мысль: что она, несмотря на то что была доминантой, никогда не являлась его врагом.

Она была всего лишь маленькой грустной машиной.

Но даже машины бывают красивы. А она была очень красивой машиной.

Он любил ее. Очень легко любить того, кого вы никогда не знали. Того, с кем вы никогда не занимались любовью. Того, кого вы никогда не ненавидели, не презирали и от кого никогда не уставали. Это было легко, но это разрывало сердце.

К тому времени, как Дайон вернулся к освещенной прожекторами группе камней, атака закончилась, раненым и временно мертвым оказывали первую помощь, а абсолютно мертвых уже убрали. Виктория с повязкой, скрывающей синяк, оставленный помелом, выглядела очень царственно — и наслаждалась этим.

О Джуно не было никаких известий. Дайон обследовал останки вечеринки, пройдя через участок, где оказывали первую помощь пострадавшим и где располагался полевой госпиталь, очевидно приземлившийся несколько минут назад.

По-прежнему никаких следов Джуно.

Не то чтобы Дайон был обеспокоен, конечно нет. К этому времени она несомненно прекратила преследование бродяг и летела в Стоунхендж, как это уже сделали многие другие офицеры порядка, по одной и попарно возвращавшиеся назад.

С другой стороны, она могла схлопотать пару неприятных лазерных ожогов и отправиться к ближайшей доминанте-доктору за срочной инъекцией, прежде чем вернуться для полного курса восстановления. Беспокоиться не о чем... Не о чем... Не о чем...

Но после того, как приземлилась еще примерно дюжина офицеров порядка, Дайон вдруг обнаружил, что направляется за своим ракетным ранцем.

Он попросил распорядительницу вызывать Джуно, пока сам будет менять резервуары с горючим. Убедившись, что никакого ответа не последовало, взлетел. Шансы найти Джуно были примерно столь же велики, как шансы отыскать ночью черного жука в тоннеле под Ла-Маншем. Но, Стоупс побери, это было лучше, чем не делать ничего.

К тому же вечеринка закончилась. Все оставшиеся марионетки были пьяны, либо мертвы, либо ранены. В лучшем случае были смертельно усталыми. За исключением разбойного нападения, ничто на празднике на заслуживало внимания.

Не произошло вообще ничего достойного внимания, подумал Дайон, паря над мегалитами и переключая свой головной фонарь на полную мощность. Самое важное произошло до того, как началось празднество. Он отчетливо вспомнил несколько морозных минут на максимальной высоте — когда плясали звезды и когда пришла тьма. И еще он вспомнил последовавшую за этим странно покорную реакцию Джуно.

Некоторое время Дайон смаковал эти воспоминания. Потом он включил на полную мощность двигатели и, медленно набирая высоту, умчался прочь от Стоунхенджа по расширяющейся спирали. Ночь — или то, что от нее осталось, — была кристально ясна. Теперь звезды танцевали сарабанду.

15

Дайон потерял всякое ощущение времени. Он мог находиться в воздухе минуты, или часы, или с самого сотворения мира — если в действительности какой-то мир когда-нибудь существовал. Если вообще все это не было уродливым осколком бреда, ночным кошмаром застрявшей на суше летучей рыбы.

Он попытался вспомнить, что ему нужно было сделать. Если, конечно, предположить, что было что-то, что он должен сделать. Теперь это казалось очень спорным...

Дайон попытался собраться с мыслями. В конце концов это удалось. Очень четко и неторопливо он заговорил с собственным мозгом, и тот, терпеливо расшифровав приказ, внимательно изучил его, затем неохотно послал команду главным мышцам.

Дайон взглянул на свой ручной альтиметр. Монументальное достижение: ручной альтиметр показывал шесть тысяч футов.

Дайон страдал от холода и недостатка воздуха, а это сочетание, как свидетельствовал его недавний опыт, действовало страшнее, чем питье медицинского спирта.

Последовали дальнейшие дебаты человека с его мозгом. Несмотря на то что дискуссия носила слегка метафизический характер, обе стороны проявили замечательное здравомыслие. В конце концов они пришли к совместному коммюнике, которое и было послано полузамерзшим рукам Дайона.

Те восстали. Но в конце концов склонились к соглашению. Пальцы бесчувственно сомкнулись на рычаге управления. Будто делая самому себе одолжение, Дайон спланировал до высоты семисот футов.

И окончательно пришел в сознание.

Это заняло довольно много времени, но он все-таки пришел в себя. И пока Дайон приходил в себя, он тихонько летел вперед, навстречу своей судьбе.

Бог, или какой-нибудь безликий компьютер, выполняющий программу развития Вселенной, должно быть, проявляет большое чувство юмора и/или полное пренебрежение к законам вероятности. Или, может быть, Он/Она/Оно просто заинтересовалось судьбой Дайона Кэрна.

С высоты семи сотен футов английская глубинка выглядела как безликое море. За исключением единственной мерцающей точки света примерно в миле впереди. Дайон смотрел на нее как завороженный.

В поле зрения не было ничего другого, что могло бы служить хоть какой-то целью, и Дайон машинально полетел на огонь. Он снизился до двухсот футов и позволил двигателям потихоньку нести себя со скоростью, не превышающей скорость ищущего человека.

У него было достаточно времени подумать обо всем. Например о том, как сильно он ненавидит весь этот захваченный доминантами бывший мир и как больше всего в нем он ненавидит Джуно Локк. Именно поэтому, конечно, он и искал ее. И поэтому, конечно, он ее нашел.

Голая, она танцевала у костра, пожиравшего остатки того, что некогда было Европейским проконсулом, которая, в лучших традициях английского буйного сумасшествия, была целиком зажарена на вертеле.

И танец, и церемонию сожжения с некоторым энтузиазмом наблюдала группа жиганов, не успевших даже снять летные комбинезоны. Как только Джуно начинала выказывать малейшие признаки усталости, они подбадривали ее несмертельным залпом лазерных лучей.

Дайон находился слишком высоко, чтобы видеть ожоги на ее теле, и слишком далеко, чтобы слышать крики боли. Но он уже достаточно пришел в себя, чтобы представить себе все это.

Что делать? У него не было никакого оружия. И вообще жиганов здесь собралось слишком много — даже если предположить, что они здорово нагрузились хэппилендом. Чертовски много жиганов. А у него не было никакого оружия. За исключением себя самого.

Кружась на высоте двухсот футов, Дайон упорно размышлял. Он понимал, что на нем действительно лежит определенная ответственность за Джуно. Но от его размышлений было мало проку.

Тем временем останки Джозефины догорали, останки Джуно танцевали, новые волдыри появлялись на ее теле, а пустоголовые, бьющиеся в псевдоэкстазе жиганы рисковали получить разрыв сердца.

От размышлений было не много проку. Поэтому

Дайон, наскоро извинившись перед своим мозгом, отключил его. И изменил положение своего тела. Не думая.

Он изменил положение тела с вертикального на горизонтальное. Потом сбросил высоту и, нажав до упора на акселератор, полетел в гущу гуляк, как управляемый реактивный снаряд. Воздух свистел мимо. Жиганы, как гипнотическая мишень, маячили живой картиной впереди.

— Олле! — закричал Дайон, со свистом летя им навстречу.

После первого попадания упали трое, сраженные прямыми ударами. Джуно продолжала танцевать. Пролетая мимо костра, прежде чем скрыться в темноте, Дайон на долю секунды поймал выражение ее искаженного болью лица.

Затем он лег в крутой вираж и вернулся назад. На этот раз жиганы были готовы к встрече, и Дайон получил множество лазерных ожогов. Но это его ничуть не взволновало. Он уже имел тяжелые повреждения от ударов по голове и плечам. По сравнению с ними лазерные ожоги были пустяком.

— Олле! — еще четверо упали на землю. Левая рука Дайона бессильно повисла, и он понял, что она сломана.

Правая рука все еще манипулировала кнопкой управления двигателями. Миновав костер, Дайон развернулся снова.

К этому моменту жиганы немного рассредоточились. Своим видом они слегка напоминали ведущее огонь отделение, которое Дайон видел в старом фильме. Трое из оставшейся в строю четверки держали в руках лазерные пистолеты, но у последнего имелось нечто гораздо более древнее и, в данных обстоятельствах, гораздо более эффективное.

Это был армейский револьвер сорок пятого калибра. Когда Дайон снова налетел на противника, лазерные лучи лишь слегка прожгли его летный комбинезон, но вторая из выпущенных револьвером пуль, к изумлению всех присутствующих, прошла точно через сердце.

Прежде чем тяжело рухнуть на землю, мертвое тело Дайона нокаутировало еще одного жигана.

Оставшиеся невредимыми снова собрались вместе и стали смотреть на небо, ожидая продолжения атаки.

Их ожидания были не напрасны: лучи головных фонарей офицеров порядка, как жезлы бледного огня, качались из стороны в сторону по всему ночному октябрьскому небу.

После торопливого совещания оставшиеся в живых решили смыться. Их ночная работа гарантировала каждому первую степень. Но они вовсе не спешили ее получить. Жиганы подбежали к своим реактивным ранцам, надели их и разлетелись прочь от костра в разные стороны.

Обугленное тело Джозефины медленно погрузилось в тлеющие угли. Джуно, все еще находившаяся под действием глубокого наркоза и шока от ожогов лазерных лучей, продолжала танцевать.

Где-то закричала сова. И над миром повисла неправдоподобная тишина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДВЕРЬ ПОД НОМЕРОМ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ

У смерти есть десять тысяч дверей.

Джон Вебстер

1

На шестой день воскресения к Дайону пришел посетитель. На третий, четвертый и пятый дни восстановления к нему приходили, но все это было одно лицо по имени Джуно Локк.

На этот раз пришел некто другой. Он не изнемогал от любви, не был преисполнен благодарности, не принадлежал к женскому полу — и звали его Леандер Смит.

— Приветствую, — сказал Леандер. — Кто был мертв, ныне воскрес. Ему воздалось по заслугам.

Дайон нажал кнопку, и кровать подняла его в полусидячее положение.

— Как, ради Стоупс, ты узнал, где я нахожусь?

— Мой дорогой друг, ты слишком скромен. Половина Англии знает, что ты лежишь в лондонской клинике. А другая половина все еще почти в восторге от твоей совершенно жиганской храбрости.

Ходят слухи, что королева собирается произвести тебя в рыцари. Сэр Дайон Кэрн. Колоссально! Какую ауру респектабельности несет каждое из этих слов! Должен тебя поздравить. Никто из Потерянного Легиона не добивался такой дурной известности.

— Я не состою больше в Потерянном Легионе. Я разорвал свой контракт. Если празднование Дня Всех Святых что-нибудь и доказало, то только то, что вы все — просто-напросто сборище сумасшедших садистов.

— День Всех Святых не мог ничего доказать, Дайон, друг моей юности. Это даже не было делом рук нашей партии. Однажды, всего только однажды, какая-то шайка скучающих жиганов зарядилась непомерной храбростью из иглы. Сейчас они, без сомнения, раз-

бежались кто куда и трясутся от страха в этом полураю... Это не важно. Для тебя имеет значение только то, что я держу твою драгоценную жизнь в своих трясущихся руках. Так что обязательно переориентируйся, обязательно, но осторожно.

— Я уже переориентировался, шутник, — сказал Дайон без особой убежденности. — И предполагаю сделаться бесполезно сумасбродным членом этого великого общества. Доминанты обязаны мне жизнью.

— Не говоря уже о довольно сумасшедшей смерти.

— Но это были не доминанты. Это были вроде бы лица мужского пола, никому не известные — или, может быть, тогда уже менее неизвестные, чем прежде. — Он сардонически уставился на Леандера.

— Осади назад, — ответил тот спокойно. — Потерянный Легион, насколько я помню, присутствует повсюду... Но, как бы то ни было, и это не имеет никакого значения. До тебя не дошло самое главное, мой друг: я держу твою жизнь в своих руках.

— Слова — всего лишь слова. Сказать можно все что угодно.

— Безусловно. Ты принадлежишь мне — или, с меньшей точностью, Потерянному Легиону. Если я скажу «живи» — ты будешь жить. Если я скажу «умри» — ты умрешь. С элегантной простотой. И не без грусти. И, кстати, это дорого стоит.

— Говори проще, — раздраженно огрызнулся Дайон, — говори короче — и проваливай. У меня напряженное утро, от безделья.

— Да будет так. По моей простой прихоти, хотя прихоти мои не бывают простыми, я могу тебя казнить. В любое время, в любом месте. Моли Бога, чтобы я не сделал это по рассеянности или по пьянке.

— Каким же образом?

— Ах, какой замечательный вопрос! Смотри, — Леандер достал из своей сумки маленькую коробочку размером с табакерку восемнадцатого века и дал Дайону хорошо ее рассмотреть. В центре коробочки была маленькая красная кнопка.

— Не сомневайся, — продолжал Леандер. — Понаблюдай. Эта транзисторная игрушка хранит секрет твоего вечного успокоения. Стоит мне нажать красную кнопку — и твоя жизнь кончена. Если я удержу кнопку нажатой в течение десяти секунд, ты умрешь навсегда.

Если я подниму палец прежде, чем истекут десять секунд, — ты оживешь снова. Что может быть проще?

Дайон с любопытством посмотрел на коробочку. Потом перевел взгляд на Леандера. Пустоголовый петух — он еще улыбается! Ничего себе шутки!..

— Докажи, — сказал Дайон.

— Конечно. Не хочешь ли произнести свое недостойное последнее слово?

— Конечно. Лети на полной скорости в ад, найди там снежок и вставь себе в задницу.

Леандер засмеялся:

— Молодец, сквайр, не теряешь присутствия духа. Но разве от тебя можно ждать меньшего? Не вешай носа, принц. А кроме того, почему бы тебе не послушать ангелов во время твоего пятисекундного отдыха.

Он нажал кнопку, и Дайон упал замертво.

Леандер аккуратно досчитал до пяти, затем убрал палец.

Дайон содрогнулся, сделал глубокий вдох и вернулся к жизни. Секунду или две он вращал глазами, потом облизнул губы и снова сел.

— Разрази тебя гром! Что за чертовщина прячется в этой маленькой коробке?

— Никакой чертовщины. Просто туз пик. Надеюсь, ты спал хорошо?

Глубоко потрясенный Дайон попытался изобразить непринужденность:

— Вторая моя смерть за одну неделю. Это уже становится монотонным.

— Монотонность могла бы стать постоянной, — беспечным тоном напомнил ему Леандер. — Но естественно надеяться, конечно, на некоторую отсрочку.

— Ради Стоупса, как ты это сделал? И зачем?

— Терпение, друг моей юности. Иногда «как?» становится важнее «зачем?»... Тебе прострелили сердце, не правда ли?

— Ну и что?

— Следовательно, теперь у тебя электромеханическое сердце. Микрокапсула обеспечивает его энергией, а весь ансамбль управляется электронным генератором импульсов. Моя табакерка всего-навсего нарушает работу этого устройства. Как я уже заметил, это стоит довольно дорого. В наше время хирургов невозможно шантажировать, их можно только подкупить. Надеюсь, ты оправдаешь затраченные средства. Не говоря уже о

риске. Кое-кто мог бы схлопотать себе первую степень за этот гамбит.

Дайон потерял дар речи.

— Я вижу, ты не находишь слов, — продолжал Леандер. — Не важно. Они вернутся, я в этом уверен. А тем временем ты должен крепко-накрепко усвоить, что в твоей жизни теперь сияет маленькая красная кнопка. Приняв этот факт, ты, несомненно, сможешь насладиться долгим и плодотворным сотрудничеством с нами.

Дайон наконец отыскал несколько слов. Всего три.

— Зачем все это? — спросил он напряженно.

— Общественные связи плюс прагматизм, — объяснил Леандер. — Ты, mon ami, теперь лицо определенного общественного положения. И все благодаря тому, что подсознательная жажда смерти заставила тебя действовать подобно сбившемуся с курса снаряду, когда ты увидел офицера порядка, скачущую ночью нагишом по росе, пока Европейский проконсул приближалась к состоянию средней зажаренности. Наш герой сталкивается с чудовищно превосходящими силами противника. Но добродетель торжествует. Не трудно было предвидеть, что доминанты станут чествовать тебя. Поэтому неудивительно, что Потерянный Легион по-своему тоже будет тебя чествовать. Ничего личного, как ты понимаешь. Но парень, который вхож теперь в Ново-Букингемский дворец, драгоценен тем, что, когда настанет час — а такой час обязательно настанет, — он сможет взорвать нескольких высокопоставленных доминант и тем прославиться навеки... Так что нам оставалось только гарантировать твою верность нам, что, если я могу так выразиться, было сделано наиболее разумным, хоть и экстравагантным образом. Как тебе это нравится?

— Никак не нравится. Что вам от меня надо?

Леандер улыбнулся:

— Мой дорогой, что за пыл! Что за нетерпение! Нам вообще ничего от тебя не надо, дорогой. По крайней мере, пока. Твое время придет — теперь, я думаю, достаточно скоро, — ибо жизнь полна маленьких интересных сюрпризов. Но пока отдыхай, спи спокойно и размышляй. А также не забывай о маленькой красной кнопке.

— Сделай одолжение, — сказал Дайон с горечью, — выпади из окна.

— Это только повредило бы тебе. — Леандер повернулся к двери. — Расслабься, Дайон. Все будет хорошо. Между прочим, не пытайся поставить себе другое сердце. То, которое у тебя, — наилучшее из всех возможных. Кроме того, предвидя такое искушение, мы устроили так, что оно бабахнет, если кто-то попробует его заменить. Так что храни наш маленький секрет. Салам.

— Чума тебя возьми, — пожелал Дайон ему вслед, без особой надежды на исполнение этого пожелания.

2

— С молоком или с лимоном? — спросила Виктория. Она разливала чай из того же чайника, которым пользовалась сама Великая королева* в Балморале** лет двести назад.

— Молоко, пожалуйста, — сказал Дайон.

— Сахар?

— Два кусочка.

— Мой дорогой мальчик, — сказала Виктория, протягивая ему чашку. — У вас такие прекрасные манеры и благородный профиль. Ваш маленький офицер порядка должна чувствовать себя чертовски счастливой... Как насчет КОЭП?

— Извините?

— Прошу прощения, дорогой. Но я должна слегка обременить наш интимный разговор деловой прозой. Нужно что-то сделать для вас. Телевизионщики раскудахтались, требуя наградить героя. Так что, если это будет не слишком для вас утомительно, я думаю пожаловать вам звание командора Ордена Эмелины Панкхерст***. И, конечно, сопроводить это соответ-

---

* Великая королева — Виктория Первая (1819—1904). Королева Великобритании с 1837 г. На период ее правления, названный Викторианским веком, пришелся наивысший расцвет Британской империи.

** Балморал — замок, резиденция королей Шотландии.

*** Эмелина Панкхерст (1858—1928) — британская суфражистка (борец за избирательное право для женщин).

ствующим вознаграждением, скажем, в десять тысяч львов.

Дайон широко улыбнулся:

— Одно мне поможет вынести другое.

Виктория благосклонно улыбнулась:

— Я вижу, наши сердца бьются, как одно. Да, кстати, как ваше новое сердце? Надеюсь, оно достаточно хорошее? Я дала распоряжение клинике составить счет по льготному разряду В.

— Оно работает буквально как бомба, — сухо ответил Дайон. — С ним можно бегать вверх по лестнице через три ступеньки, если бы где-нибудь была такая лестница, по которой хотелось бы бежать, прыгая через три.

— Я так рада, — с улыбкой сказала Виктория, — так ужасно, ужасно рада. Конечно, если бы вы смогли спасти бедную Джозефину, я могла бы даровать вам достоинство герцога. Но, в конце концов, нельзя иметь все. Мне сказали, что она страдала не слишком много. Бедное дитя покинуло эту землю до того, как эти ужасные типы подняли ее в воздух. Тем не менее кончина Джозефины создала деликатную дипломатическую ситуацию. Само собой, что федерация не в восторге от перспективы отправлять к нам нового проконсула... Как вам вообще показался праздник?

— Мертвое дело, — сказал Дайон.

— Что, вам было все равно?

— Ну нет, были некоторые моменты.

— Мне показалось, — осторожно сказала Виктория, — что под конец это кое-кого воодушевило... Вы, конечно, останетесь здесь на ночь, в Букингемском дворце?

— Мне кажется, что Джуно ждет меня в Лондоне-Семь. Удивляюсь, почему она не забрала меня прямо из клиники.

— Ей было приказано не делать этого, — объяснила Виктория, — по государственным соображениям. Так что вы останетесь на ночь здесь. Это уже запрограммировано. На случай, если ваша маленькая доминанта будет немного обижена, мы решили вознаградить ее годичным отпуском. С полным сохранением содержания и всего такого прочего.

— Вы очень добры.

Виктория засмеялась:

— Noblesse oblige...* Что проявляется двояко, сэр Дайон Кэрн. Боюсь, на обеде будет присутствовать масса несносных личностей. Надеюсь увидеть вас позже. Да, я уверена, что увижу вас позже. А теперь идите и примите ванну, прекрасное дитя. И натритесь ароматическим маслом. Ничто так не радует мой королевский вкус, как мерцающая шелковистая кожа.

3

После обеда Дайон обнаружил, что зажат в углу четырьмя доминантами: премьер-министром, лидером Ее Величества лояльной оппозиции, подводной фермершей, недавно удостоенной дворянского звания за успехи в выведении новой породы китов, и британской победительницей в десятиборье на последних Олимпийских играх. Эта четверка более или менее занимала его, пока Виктория, исполняя королевский долг, курсировала по своему салону. Дайон заметил, что на вечере присутствовало не так уж много сквайров. И действительно, как он убедился после беглого подсчета, на одного мужчину приходилось примерно четыре женщины. Так что число доминант, поддерживавших с ним разговор, просто соответствовало этому отношению.

— Мотивация ваших поступков, — сказала премьер-министр, — интригует меня не на шутку. Я взяла на себя труд выяснить, сэр Дайон, что вы уже заработали три третьих степени. Это означает — или, по крайней мере, должно означать, — что вы наследственно антисоциальны. Естественный кандидат на вторую степень. Это факт. И тем не менее однажды тихой осенней ночью вы совершаете донкихотский поступок. Это несоответствие очень меня беспокоит.

Доминанта Юлалина Шор, премьер-министр Соединенного Королевства, в свои сто три года была все еще довольно красивой женщиной. Она родилась в году тысяча девятьсот шестьдесят восьмом от Рождества Христова в мире, где всецело господствовали мужчины. Несмотря на репутацию изворотливого и жесткого

* Положение обязывает *(фр.)*.

политика, в ней до сих пор сохранились остатки мягкости женщины, принадлежавшей когда-то мужчине, думал Дайон, потягивая бренди. Казалось, в глубине глаз Юлалины таилась невыразимая грусть. Дайон злорадно надеялся, что это оттого, что они видели слишком много. Само собой разумеется, инъекции жизни дадут телу доминанты просуществовать еще полвека, если ее душа того захочет. Но, хотя плоть была такой чертовски сильной, дух мог оказаться до невозможности слаб.

— Несоответствие, — сказал Дайон, подхватывая нить разговора, — это все, что осталось в распоряжении жалких маленьких обогревателей постелей, чтобы ставить в тупик своих повелительных хозяек. Вы уж простите нас, если мы злоупотребляем этим.

Две сотни фунтов мускулов и костей затряслись крупной дрожью — это захохотала чемпионка по десятиборью.

— Смело сказано, куколка. Но кое-кто за такие мысли мог бы разорвать тебя пополам.

— Включая, конечно, и вас, — ядовито ответил Дайон. — Между прочим, динозавры вымерли именно из-за своих непомерных размеров.

— Вы что-то хотите этим сказать? — спросила лидер оппозиции. Стройная, в возрасте около шестидесяти, она была монотонно красива и тверда, как кремень.

Дайон выпил уже достаточно много бренди — доминанты наполняли его рюмку каждый раз, когда ее содержимое уменьшалось хотя бы наполовину, — и порядочно устал. Механические сердца со встроенными детонаторами, может быть, и превосходны как системы, осуществляющие циркуляцию крови, но они мало пригодны для того, чтобы снять умственное утомление. Хотел бы он знать, где находится сейчас Леандер. Было бы довольно забавно, если бы тот устроил взрыв именно сейчас, когда Дайон, находясь во дворце, разговаривает с членами парламента и разными знаменитостями.

— Да, я пытаюсь сказать вам кое-что, — ответил он хрипло. — Я пытаюсь сказать, что вы сыграли скверную биологическую шутку, продав право деторождения за чечевичную похлебку контрацепции и сделав ненужными собственные большие груди, — что вы сотворили болтунью из яйцеклеток. Короче говоря, что

вы сломали движущую пружину прогресса. — Он икнул.

Доминанты дружно рассмеялись.

— Какая замечательная чепуха, — сказала премьер-министр. — Вам надо заседать в парламенте.

— Сколько мужчин заседают в парламенте, если вообще там есть хоть один? — требовательно спросил Дайон.

— Человек одиннадцать, я думаю... Там, на Севере и Северо-Западе, избиратели обладают довольно-таки странным чувством юмора.

— Тогда это паршивый парламент, — сказал Дайон рассеянно. — Он не может обладать такими качествами, как воображение, творческое начало и способность к предвидению. Это парламент сошедших с ума марионеток.

— Что вы можете привести в доказательство, — спросила доминанта Юлалина обманчиво мягким голосом, — делая такие всеохватывающие обвинения?

— Небеса.

— Объяснитесь, дитя.

— Весь мир — тюрьма, — объяснил Дайон, — а все мужчины и женщины — всего лишь заключенные... Что произошло с поселениями на Луне, с лабораторией на Марсе? Где обитаемые космические станции, и звездные корабли, и те беспечные шутники, которые согласились быть замороженными всего-навсего на несколько десятилетий, пока они будут лететь к звездам? Вы убили их — вы и вам подобные прекрасные гигиенические роботы. Вы вынули из человека источник движущей силы.

— Извините за отсутствие оваций в вашу честь, — огрызнулась премьер-министр, — и разбудите ваши нейроны, малыш. Есть вещи, которые вы должны были бы знать. Я родилась в мире, в котором космические полеты считались наиважнейшей вещью после соленых земляных орешков. Когда я была ребенком, американцы запустили орбитальную станцию и экспедицию к Марсу. Русские создали лунную лабораторию. А две тысячи миллионов людей здесь, на Земле, голодали. Водородных бомб хватило бы, чтобы семнадцать раз уничтожить человеческий род, и еще бы осталось достаточно, чтобы взорвать Анды, сбросить их в Тихий океан и превратить Антарктику в люминесцирующую пустыню. А в это время детская смертность в Индии достигала тридцати

процентов, в Китае делалось пять миллионов абортов ежегодно. И с начала двадцатого столетия люди во все увеличивающейся степени уничтожали друг друга во славу технического прогресса. Вот каким был мир мужчин, малыш. Мир в котором все умирали раньше времени.

— А что теперь? — яростно спросил Дайон. — Изношенное чистилище на микросхемах, где никто не голодает слишком сильно и ни на кого не сбрасывают водородные бомбы, но где психиатрическая стража охотится за любым проблеском самостоятельной мысли. Мир, в котором три четверти женщин стерильны, как роботы, а остальные превращены в автоматизированные фабрики по производству детей. Мир, в котором каждый, если только он не инфра, не жиган и не сквайр, может дожить до ста пятидесяти лет и покупать себе по оргазму ежедневно, чтобы держаться подальше от докторов. В общем, дорогие доминанты, это царство упадка.

— Ах, вы истинный мессия! — в явном восторге воскликнула лидер оппозиции. — Вас надо выставить в качестве экспоната в Музее Естественной Истории.

— А я и выставлен, — ответил Дайон, — но только в Музее Неестественной Истории. Так оно и есть.

Чемпионка по десятиборью снова наполнила его рюмку, и он сделал большой глоток.

— Давайте устроим небольшой аукцион, дорогие доминанты. Я — пользующийся спросом товар. Кто хочет попробовать металл, из которого сделан мессия? Стартовая цена — сотня львов.

— Две сотни, — сказала подводная фермерша, чернокожая брюнетка, впервые за все время открывшая рот. — Я больше привыкла иметь дело с китами, но красноречивая морская свинья может быть забавна.

— Это скверная шутка, — резко сказала Юлалина.

Лидер оппозиции улыбнулась:

— Скажем, три сотни. Это все еще довольно забавно.

— Триста пятьдесят, — ответила победительница в десятиборье. — Плоть выглядит слабой, интересно, каков дух.

— Как странно, — сказала Виктория, незаметно подошедшая к торгующимся. — Как ужасно странно. Боюсь, дорогие, что моя ставка заключается только в моем королевском праве.

4

Сент-Джеймский парк был весь наполнен одинокой туманной магией ноябрьского утра. Дайон терпеливо стоял у самого края воды, держа в руках пару круассанов, стянутых из Ново-Букингемского дворца. Он хотел покормить уток.

Но нигде не было видно ни одной. Возможно, они все эмигрировали в какой-нибудь дальний уголок Елисейских грязей, где вечно извиваются черви в оргии самопожертвования. А может быть, бедные, пришедшие в замешательство утки все, как одна, добровольно вступили в Потерянный Легион и теперь снаряжались взрывчаткой, чтобы, когда доминанты придут их кормить, хотя бы угол парка поднялся на воздух вместе с утками.

Дайон был грустен и смущен; зол и нерешителен. Он пытался убедить себя, что ненавидит все на свете за исключением тонкого покрывала тумана, наподобие старинного неглиже, укрывавшего Лондон.

Дайон был ходячей бомбой. Мертвецом, которому не суждено покоя. Марионеткой на конце электронного поводка. Человеком, который хотел бы уничтожить мир суперженщин, при этом не испачкав рук. Помимо этого, он был сэром Дайоном Кэрном, сквайром отчасти скандальной известности и независимости — по милости Ее Величества. А если этого еще мало, то он был во власти извращенного влечения к незначительному офицеру порядка, чей плоский рассудок все мерил кратчайшими расстояниями от точки до точки.

Кроме того, Дайон был зол — потому что сам не знал, чего хотел. Он также был немного раздражен горьким сознанием того, что ужасно боится смерти. Испытав ее дважды, он твердо сказал себе, что настало время избегать подобных приключений.

Это рассуждение навело его на мысль о Леандере Смите.

Который появился тут же, будто его звали.

— Как дела, хмурый философ? — спросил Леандер весело. — Чтобы предаваться грустным размышлениям в таком нордическом тумане, надо быть или безмозглым идиотом, или исключительно плохим поэтом.

Дайон резко повернулся, чуть не упав при этом в воду:

— Черт тебя побери, ублюдок. Ты даже не оставишь меня потосковать в одиночестве? Как, Стоупс побери, ты узнал, где меня искать?

Леандер улыбнулся:

— Я забыл кое-что сказать тебе, парень. Наши электронные захваты имеют двадцатичетырехкаратные радарные устройства взаимоопознания. Твое поддельное сердце — говорящее сердце. Мы можем следить за каждым твоим движением, обнаружить тебя в любую данную наносекунду. Очень полезно, на случай если ты решишь слинять в Улан-Батор. Тогда мы просто нажмем ту самую красную кнопку и вполголоса пробормочем молитву... Как тебе понравилось твое краткое проживание в Букингемском дворце?

— Неплохо, ископаемое ты дерьмо. Все еще чешутся руки нажать на кнопку?

— Не сейчас, дружище. Не один я несу тяжелое бремя подготовки восстания. Кроме того, и это, возможно, послужит тебе маленьким утешением, я сам ношу бомбу, вшитую в аорту. Потерянный Легион держит мертвой хваткой, братец зомби.

Неожиданно Дайон бросился на Леандера. Тот, застигнутый врасплох, упал на мокрую траву. Пальцы Дайона сомкнулись на его горле. Он сжал их и почувствовал в себе божественную мощь уничтожения. Он душил Леандера до тех пор, пока вены не выступили у того на лбу и его ноги с шумом не забарабанили по траве. Он душил, не обращая внимания на пальцы, царапавшие ему лицо, и на колено, упершееся ему в промежность, — до тех пор, пока физиономия Леандера не посинела и его язык не высунулся изо рта с гротескно-непристойным выражением сексуального удовлетворения.

Тогда, полулежа поперек своей жертвы, повернув лицо в сторону, чтобы не смотреть в ее широко открытые глаза, Дайон заметил на листе клевера одинокую каплю росы. Она была чиста, совершенна и прекрасна, как витраж в соборе. Она была слишком чиста, чтобы находиться в такой близости от грязной сцены насильственной смерти. Дайон разжал пальцы. Леандер всхлипнул, издал болезненный свистящий звук, потом всхлипнул еще раз — и вскоре сел.

— Спасибо, — прохрипел он, — что не довел свое

дело до конца. Почему ты, черт возьми, не сберегаешь свою прыть для доминант?

— Потому что доминанты меня не приговаривали к смерти, — сказал Дайон, все еще глядя на каплю росы. — Потому что я веду свою собственную войну, а ты украл ее у меня. Потому что я устал от людей, говорящих мне: «Люби то, ненавидь это, делай то-то и то-то». Потому что я глупый, не поддающийся внушению, неотесанный болван с гипертрофированной щитовидной железой.

Леандер стал массировать горло:

— Принято. А теперь слушай по всем каналам, дурачок. Скажу, зачем мы встретились, пока ты не начал новую драку. Ровно через семь дней, точно в одиннадцать сорок пять, ты бросишь атомную гранату в зал заседаний палаты общин.

— В противном случае?

— Какой-нибудь шутник нажмет обе наши кнопки. Потерянный Легион не очень любит тех, кто ставит не на ту лошадь.

— Тогда молись за нас обоих. Вечность, говорят, страшно увлекательная штука.

— Так ты не собираешься это сделать?

— Я этого не говорил.

— Ты собираешься это сделать?

— Я и этого не говорил.

Леандер поднялся:

— Дайон, что, черт побери, ты за штучка?

— Я не знаю.

— Ради Христа, ты хоть что-нибудь знаешь?

— Я знаю, что я мужчина, — сказал Дайон. — Я знаю, что если только какие-нибудь психованные клоуны не сделают что-то решительное, то я — один из вымирающей породы. Я знаю, что солнце все еще встает, а средние века уже позади. Я знаю, что какой-то ублюдок жульнически подстроил все так, что Дайон Кэрн должен выбирать между Сциллой и Харибдой... И еще я знаю, что мне холодно.

— Тогда пойдем выпьем кофе, — предложил Леандер.

— Иди один, падаль. Я не пью с провокаторами.

Дайон подождал, пока Леандер не исчезнет в сгустившемся тумане. Затем повернулся и снова стал терпеливо караулить несуществующих уток.

5

Через некоторое время Дайону надоело стоять на месте и он принялся бродить. Он не имел ни малейшего представления ни о том, куда направляется, ни о том, что собирается делать дальше. В его голове роились образы, похожие на собрание старинных дагерротипов. Квартира в Лондоне-Семь... Большая доминанта, на которой не было ничего, кроме лазерного пистолета в руках... Нечто без имени... Обрывки стихотворения...

Он шел сквозь туман, не зная куда. По кругу, вероятно. Это не имело значения. Да и было ли куда идти?

Оказывается, было.

Дайон неожиданно обнаружил, что находится на почти пустынной воздушной станции возле Парламентской площади. Никто кроме кретина или сумасшедшего не мог бы решиться лететь в такой туман. Но Дайон Кэрн был и тем и другим.

Служитель воздушной станции, маленький сморщенный жиган, который, очевидно, так и не смог наскрести достаточно денег на столь необходимые ему инъекции жизни, довольно энергично работал языком, но Дайон не слышал его слов.

Отмахнувшись от его жестикуляций, он дал автомату прочесть линии своего пальца и расписался таким образом за полученное снаряжение: летный комбинезон, шлем со встроенным в него аудиорадаром, реактивный ранец и страховочный парашют. Потом вставил кредитную карточку в приемную щель, надел снаряжение, пока увядший карлик трепетал рядом, подобно умирающему мотыльку.

Пока Дайон поднимался, аудиорадарное устройство успокоительно мурлыкало у него в ушах. Лишь когда он в опасной близости обогнул Биг-Бен и циферблат часов появился из тумана, как замороженное лицо безумного клоуна, радар издал короткую предупреждающую ноту, но потом снова продолжил свое довольное мурлыканье.

На высоте семисот футов Дайон вышел из тумана и пришел в восторг от ударившего в глаза яркого солнечного света. Под ним простирался ковер из подсвеченной золотом белоснежной ваты, простирав-

шийся до края вселенной. Дайон с безмерной любовью смотрел на эту антисептическую повязку, наброшенную поверх земного гнойника человечества. Или женской его части. Или женской и мужской одновременно. Это не имело значения, поскольку гниение было всеохватывающим. Оставь надежду всяк, входящий в эти влагалища...

Но хватит глядеть назад, под облачное покрывало. Здесь, наверху, простирается великолепная вселенная пустоты. Ничего кроме солнца, голубого неба и замороженного безмолвия.

Он полетел на восток, навстречу солнцу. На восток, потому что это направление было ничем не хуже всякого другого. Он летел, игриво перепрыгивая с одного облачного пика на другой, через миниатюрные долины и хребты, как будто пересекал бесконечную водную ширь, прыгая с валуна на валун, оброненные неизвестным божеством.

Время исчезло, вывернулось наизнанку, растянулось, сжалось, свалялось в шарик и разбилось на бесконечно малые кусочки. Он собирался лететь на восток двадцать одно столетие, воображая, что это путешествие никогда не кончится.

Его подвело любопытство.

Любопытство стало причиной его падения в буквальном смысле. Неожиданно Дайон почувствовал потребность узнать, где он находится. Он дотронулся до кнопки управления двигателем и мягко погрузился в ковер ваты. Солнце в отчаянии убежало куда-то, голубое небо съежилось, попыталось последовать за ним, но задохнулось в непроницаемо-серой завесе тумана.

Дайон опускался медленно, покрываясь, по мере погружения в облака, саваном из замороженных ледяных кристаллов.

Аудиорадар прекратил мурлыкать, потом озабоченно забормотал и наконец пронзительно завыл.

Дайон игнорировал предупреждение с царственным спокойствием.

Через несколько секунд, не успев даже осознать, что произошло, он по пояс погрузился в ледяные волны Северного моря.

6

Дайон стабилизировался.

Похоже, это было самым идиотским из возможных решений. Он мог бы резко взлететь вверх, навстречу золотому утру, либо, выключив двигатели, позволить весу реактивного ранца увлечь себя на дно черных глубин.

Вместо этого он стабилизировался, безудержно наслаждаясь мазохистскими ощущениями — по мере того как ледяная вода выигрывала битву с обогревательными контурами летного комбинезона. Первыми онемели пальцы ног, затем оцепенение потихоньку поползло вверх.

Дайон старался думать о Сократе и его чаше цикуты, о том, как сладко и благородно погрузиться в окончательное забвение. Но у него ничего не получилось. Через некоторое время Дайон обнаружил, что целиком поглощен слежением за волнующейся поверхностью моря. Была легкая зыбь, и Дайона мягко качало на волнах вверх и вниз, как поплавок рыбацкой сети. Он хотел, черт побери, чтобы произошло что-нибудь или хотя бы чтобы рыбак сделал новый бросок. Реактивные двигатели тихонько насвистывали свою вечную мелодию, как вечную прелюдию ля-бемоль минор.

Северному морю, укутанному нитями ноябрьского тумана, не было до него совершенно никакого дела. Дайон испытывал от этого огромное удовлетворение. Море не интересовалось абсолютно ничем, и ему было в высшей степени наплевать на судьбу Дайона Кэрна.

Вода кружилась вокруг, игриво, не всерьез, пытаясь увлечь его в глубину. Дайон качался вверх-вниз на волнах, ожидая какого-нибудь знака от того ублюдочного жигана, что укрывался за туманом с черной стороны солнца.

Но тот не соизволил подать ему знак. Туман был в начале мира, и туман будет в его конце. И между концом и началом не было ничего, кроме нерешительности, пустоты в мыслях, малодушия, омертвевших ног и стометровой толщи воды.

— Я мертвец, — сказал Дайон вслух. И испытал

разочарование, поскольку не услышал в ответ ни эха, ни чьих-нибудь возражений.

— Я поэт, — сказал он с вызовом. Но никто не потребовал от него доказательств.

— Я невинный свидетель, — обратился он к невидимому суду... Но подтверждения не последовало.

— Черт побери, я совсем один, — всхлипнул он. Северное море не оспорило это утверждение. Туман был абсолютно ко всему равнодушен.

— Я выключу двигатель, — пригрозил Дайон. Никто не стал его отговаривать.

— И ты пожалеешь! — вскричал он. Но серая печать сожаления и так лежала на грустном черном лике моря, не пролившем ни слезинки по Дайону Кэрну.

И тогда он выключил двигатели. И погрузился в воду с такой неожиданной быстротой, что полностью потерял присутствие духа. Должна же была быть какая-то пауза или хотя бы намек на медленное движение. Или время, чтобы подумать, по крайней мере. Но быстрота, с которой волны Северного моря сомкнулись над его головой, была ошеломляющей. И только начав погружаться в пучину, Дайон заподозрил заговор. Холодная соленая вода обожгла лицо, но он не обратил на это внимания.

Забыв об очевидном, Дайон открыл рот, чтобы произнести несколько отборных ругательств. Вода ринулась ему в горло, и он испугался.

Однако не слишком сильно. Балансируя на грани между жизнью и смертью, он полумертвыми пальцами нащупал кнопку управления двигателем и нажал ее, давая максимальное вертикальное ускорение.

И чудесным образом прекратил опускаться на дно моря. Газ со злым шумом устремился из дюз реактивного ранца наружу. Дайон взлетел к поверхности и выскочил из воды, как сумасшедший дельфин, устремившийся к звездам. У него, однако, хватило присутствия духа, чтобы отключить форсаж прежде потери сознания.

Обмякший дельфин, оставляя за собой след из пара и капелек соленой воды, поднялся выше кромки тумана и безвольно устремился ввысь, в сияющий золотым солнечным светом мир высоты. И если бы пилот

континентального гелиобуса чуть больше верила чудесам современной автоматизации, полет Дайона закончился бы на максимальной высоте в десять тысяч футов, где он, без сомнения, повис и провисел бы, пока не замерз насмерть.

Но командир гелиобуса не доверяла маленькой черной коробочке, запрограммированной привести машину прямиком в Брюссель. Поэтому, вместо того чтобы наслаждаться кратковременным легким наркозом, как это обычно делает большинство пилотов, она оставалась за пультом управления, неохотно утверждая навигационные решения автомата и рассматривая проносящиеся внизу туманные пики.

В момент очередного приступа недоверия она вдруг заметила быстро поднимающуюся навстречу солнцу изогнутую аркой фигуру Дайона Кэрна. Увиденное не очень озадачило пилота, поскольку у нее был опыт встреч со сбившимися с пути, стремящимися совершить самоубийство небесными гуляками. Она немедленно сбросила скорость, легла в дрейф и послала второго помощника подготовить спасательный самолет. Поскольку потерявший сознание Дайон продолжал спокойно подниматься в небеса, самолет был запущен и осуществил перехват по горячим следам.

Когда Дайон наконец пришел в себя, он увидел, что находится в лондонской клинике. Джуно сидела возле его кровати. Дайон испытывал ужасное ощущение от банальности происшедшего.

— Ничего страшного. Придется немного полежать в постели, только и всего, — сказала Джуно весело. — Ты даже не знаешь, какой ты счастливчик. А свои совершенно неубедительные объяснения прибереги до того, как мы прибудем домой.

Дайон секунду или две изумленно смотрел на [redacted], собирая воедино все, что еще осталось у него в голове.

— Валяться в постели — недостойно, — сказал он после паузы. — Я ясно осознал, насколько я несчастлив, и не желаю возвращаться домой.

Джуно поцеловала его.

Часом позже они уже были в квартире в Лондоне-Семь.

7

— Я хочу ребенка, — сказала Джуно.

— Как?!

— А так, что, согласно контракту, ты обязан меня им обеспечить.

Они сидели на балконной скамейке на двести четырнадцатом этаже Лондона-Семь и пили кофе. Приблизительно в полумиле под ними ковер тумана, упорно державшегося в продолжение двух дней, начал понемногу утончаться. Дайон наблюдал, как заходящее солнце медленно превращает его в замерзшее темно-красное море. На улице было холодно, но балкон, окруженный завесой подогретого воздуха, казался воздушным пузырьком лета, сохранившимся среди морозных высот осени. В блеске умирающего солнца эта сцена переливалась и мерцала испарениями: это лучи преломлялись влажным потоком искусственного тепла. Темно-красный ковер тумана волновался и подергивался рябью, как будто решая вдруг ожить.

— Перспективы искусственного осеменения вовсе не приводят меня в бешеный восторг, — сказал Дайон, собираясь с мыслями.

— Смени программу. Я вовсе не это предлагаю. Есть интересная статистика. Оказывается, при таком способе зачатия и вынашивания высок процент неврозов, как среди матерей-носителей, так и среди младенцев. Я хочу пойти суровым путем.

— Суровым для кого? — спросил Дайон.

— Для меня, маленький трубадур. Ты думаешь, я жажду, чтобы ты тратил время и энергию на инфру?

— Я мог бы войти во вкус эксперимента.

— Я была бы только рада. Но целью упражнений должен быть здоровый ребенок. Не забывай об этом.

— Что пережгло твои транзисторы, бесплодная утроба? Неужели это бурное приключение в канун Дня Всех Святых напомнило тебе, что все мы смертны? Или, несмотря на инъекции жизни, ты становишься старой и сентиментальной?

Джуно вздохнула:

— О, Дайон. Почему ты все время делаешь вид, будто живешь внутри стального шара? Ради меня ты чуть не погиб навсегда. Разве это так ужасно, что я захотела от тебя ребенка?

— Они тебя изнасиловали?
— Почему ты об этом спрашиваешь?
— Они тебя изнасиловали?
Она улыбнулась:
— Полагаю, это можно назвать и так. Они вкололи мне полную дозу какой-то дряни, и я пласталась, как сука в течке... Но сейчас это не имеет никакого значения. Ожоги на теле зажили, ожоги на душе вылечили психотерапевты, и теперь единственный комплекс, оставшийся у меня, связан только с тобой.
— Ага! Вот оно что! — выкрикнул Дайон с чувством триумфа. — Ты была подчинена. Вот почему тебе захотелось ребенка. Ты была подчинена, и добрая старая Доминанта Природа возобновила миллионолетнюю программу. Твоя похотливая сущность тут ни при чем. Ты неподвижно лежала на спине, и твой разум был пуст, как лунный вакуум, а твое тело в это время вспомнило все, что нужно. И теперь ты пытаешься стать анахронизмом по доверенности.
— Разве это имеет значение? — спросила Джуно.
Дайона раздражало, что ее голос и манера поведения были совершенно спокойны.
— Да, плоскобрюхая, имеет.
— Почему?
— Потому что нельзя обманывать природу вечно.
— Ты говоришь загадками.
— Это что, я живу загадками.
— И поэтому ты попытался взять билет в один конец на дно Северного моря?
— Сам себе удивляюсь, — ответил он уклончиво, — я просто играл в пятнашки с морскими чайками и рыбами. А потом упал. Вот и все.
— Нет, было еще кое-что, мейстерзингер. Ты играл в русскую рулетку с самим собой — и сам был пулей.
Она тяжело посмотрела на него:
— Ты уже был мертв однажды. Ты что, привык к смерти, как к наркотику, и теперь сидишь на крючке?
— Мы все на этом крючке, любимая. Мы проводим всего девять месяцев, готовясь к рождению, так почему надо проводить пару столетий, готовясь к смерти? Потряснее всего — сгореть быстро и с фейерверком.
Джуно вздохнула:
— Вот почему мне хочется ребенка. Я слышу тиканье часов... Что-то произошло с тобой, Дайон.

— Да. Я увидел, как большую суку поджаривают на костре, и совершенно потерял голову.

— Нет, что-то еще. После лечения в клинике с тобой было все в порядке. Что-то произошло потом.

Он криво усмехнулся:

— Одно возведение в рыцари и одна королевская прерогатива.

— Это все еще не то, что я имею в виду... Кто был тот жиган, посетивший тебя, пока ты лежал пластом?

— О, ты становишься сыщиком? Его имя — Атилла Т. Гунн. Он приходил предложить мне набег на Балканы.

Джуно пожала плечами и на некоторое время замолчала. Она сидела, уставившись на красное солнце, которое скользило вниз, создавая странную иллюзию судорожного подрагивания в западной части горизонта. Затем доминанта стала слегка дрожать, хотя температура на балконе оставалась постоянной и равной восемнадцати градусам.

— Так ты дашь мне ребенка? — спросила она после продолжительного молчания.

— Почему бы и нет? Новая игрушка, может быть, развлечет тебя. Ты, должно быть, устала от странствующего поэта.

— Я люблю тебя, — сказала она просто.

— Одной любви недостаточно.

— Чего же тогда достаточно?

— Абсолютного подчинения и мира, где мужчины могут свободно дышать, не спрашивая разрешения у ближайшей доминанты-медички. Мира, где все женщины гордятся большими животами, в которых вынашивают детей... Ты хочешь ребенка — и ты его получишь. Это будет приготовленное, свежезамороженное стерилизованное дитя, и я желаю тебе получить от общения с ним много радости. Он не будет знать твоей груди, и, если это будет сын — мой сын, — он станет врагом всего твоего племени. Он вступит в любовную связь с твоей кредитной карточкой и сломает ногу, отплясывая на твоих похоронах.

Дайон мрачно рассмеялся:

— Да, ты можешь иметь ребенка. Так что тебе лучше найти для меня какую-нибудь бедную, сбитую с толку, голодную инфру, которую я смогу насиловать и любить и у которой отниму молодость. Ее несчастное

тело выносит плод моей любви за вознаграждение, равное стоимости пары инъекций жизни, и за это я буду любить ее. Даже если она глупа, как кочан капусты, и уродлива, как прошлогодняя картофелина, я буду любить ее. Потому что у нее будет жалкая гордость, уродливая красота, трусливая смелость. И если ты можешь понять это, ты на полпути к тому, чтобы осознать, что не так уж все благополучно в этой упорядоченной, гигиенической тюрьме, которую создали подобные тебе безвозрастные и безликие твари.

— Я замерзла, — сказала Джуно, — и устала. Пойдем в дом... Неужели ты так меня ненавидишь, Дайон?

— Нет, — сказал он, поднимаясь со скамейки, — я не ненавижу тебя. Но будь я проклят, если когда-нибудь стану плакать по тебе. И это, дорогая прекрасная подруга игрищ, меня действительно удручает.

8

Дайон остался в квартире один. Мир вокруг был восхитительно спокоен. Он наслаждался роскошью полуторадневного одиночества и начинал чувствовать, что Бог — или Кто там такой — не обязательно на стороне больших хронометров*.

По причинам, доподлинно известным только ей самой, Джуно отправилась в короткое авиапутешествие. Сначала в Стокгольм, по ее словам, просто попить спирта «кристалл», слишком хорошего для того, чтобы шведы его экспортировали. Затем в Мюнхен, где она должна была встретиться с общительными доминантами из международной полиции и с ними посвятить вечер пиву. После этого она предполагала вылететь в Рим, чтобы там, опять же по ее словам, принять участие в ряде грубых сексуальных оргий, прежде чем к утру вернуться в Лондон.

Хвала Аллаху, женщина способна на любую выдумку. В данном случае это означало, по меньшей мере, что

* Перифраз изречения Наполеона: «Бог на стороне больших батальонов».

у Дайона будет немного времени, чтобы остановиться и оглядеться.

Он занял себя видеопросмотром старинного фильма, который назывался «На Западном фронте без перемен». Дайон нашел упоминание о нем в старом каталоге и заказал копию в Центровиде. Компьютеру понадобилось целых пять минут, чтобы выудить ее из Национального фильмархива.

Теперь Дайон сидел как приклеенный, не в силах оторваться от действия на стенном экране размером двадцать на тридцать. Какая-то ублюдочная доминанта попыталась переделать оригинал в трехмерный цветной фильм. После пяти минут этого зрелища Дайон врезал кулаком по кнопке вызова и пережег тем самым пару микросхем Центровида. Зато теперь он мог смотреть первоначальный черно-белый вариант — с его туманными ореолами, потрескиванием звука и старомодными наплывами. Дайон наслаждался каждой минутой этого зрелища.

Теперь таких лент уже не снимают, грустно подумал он, отхлебывая немецкое пиво, доставленное в картонной коробке через вакуумный люк. И причина в том, что доминант не ориентировали на насилие. Они не переваривают кровавых мотивов, которые господствуют в тайных фантазиях всякого уважающего себя жигана и которые с незапамятных времен были движущей силой для всех мужчин с горячей красной кровью.

Он наблюдал батальные сцены, какими бы грустными и обжигающими душу они ни были, со вниманием, которое граничило с экстазом. Образы на экране были ужасны, гротескны, кошмарны, но они принадлежали исчезнувшему миру мужчин. И благодаря этому в абсурде было достоинство, в кошмаре — красота и даже в ужасном реве древних артиллерийских орудий — умиротворение.

Он не только смотрел глазами, но, казалось, впитывал фильм всем телом. Однако некий мелкий придворный шут, обосновавшийся у него в голове и отпускавший колкости по поводу увиденного, настойчиво напоминал о нерешенных проблемах Дайона Кэрна.

Искусственное сердце громко стучало у него под ребрами. Дайон представил себе, как представлял уже несчетное число раз, палец Леандера, почти рассеянно задержавшийся на красной кнопке. Одно дело понимать,

что конец одинаково для всех неизбежен, и совсем другое дело знать, что твоя собственная смерть зависит от чьего-то каприза.

Дайон уставился на экран, стараясь набраться мужества от того, что там видел. Люди гибли неэстетично, безумно и в огромных количествах. Они умирали от штыковых ран, бомб, пуль, снарядов, страха, скверной хирургии, безумной стратегии и от всеобщего стресса. Тогда, Стоупс побери, ты кто такой, Дайон Кэрн, чтобы жаловаться на бомбу у себя в груди? Каждый носит внутри себя бомбу того или иного рода. Какого черта! Жизнь все равно должна когда-то кончиться.

И все же... И все же сейчас все было совсем не так, как тогда, когда он по собственной воле подвергался смертельному риску, пикируя на помощь голой танцующей Джуно. Тогда это был личный выбор, теперь — всего лишь бесившая его зависимость. И тем не менее это был в точности тот же род зависимости, который ощущался этими несчастными, невнятно говорящими шутниками из старинного кино. Все они жили и умирали с искусственными сердцами. Для каждого из них где-то был свой Леандер с маленькой красной кнопкой.

Дайон швырнул пустую бутылку из-под пива в широкую дыру вакуумного люка, которая бесшумно открылась, без звука проглотила добычу и беззвучно же закрылась. Тогда он взял другую бутылку и сорвал с нее пробку.

Дайон играл с мыслью рассказать Джуно о смертельной коробочке, которую он носил в собственном теле. Но разве поверила бы она ему? Возможно, что и да. Но что в этом случае она бы сделала?

Ответ очевиден: послала бы за кавалерией Соединенных Штатов, смела бы Потерянный Легион с лица Земли, а потом бы долго и безутешно рыдала над останками безвестного поэта.

Так что гораздо разумнее держать свою веселую информацию при себе.

И все же остается ряд небольших осложнений. Таких как выбор, например: швырнуть атомную гранату в зал заседаний палаты общин в ближайшие, если словам Леандера можно верить, три дня или не швырнуть — а просто ждать, когда кто-то нажмет красную кнопку.

Все это действительно удручало.

А наиболее удручающим было то, что Дайон в самом деле не знал, что он собирается делать, если вообще собирается.

Да, он хотел свергнуть доминант. Но можно ли добиться этого, подняв на воздух шестьсот парламентских болтунов? И разве Дон-Кихот не вправе сам выбрать ветряные мельницы, с которыми ему предстоит сражаться?

— Я думаю слишком много, — сказал Дайон вслух, все еще созерцая ужасную кровавую драму, разворачивавшуюся на экране.

— А чувствую слишком мало, — немного подумав, добавил он.

Опустошив бутылку пива, Дайон бросил ее в открывшуюся дыру и достал новую.

— Cogito, ergo*, кое-что, — заметил он решительно как раз в тот момент, когда молодой немецкий солдат, проткнувший штыком французского офицера, стал молить труп о прощении. Экран тридцать на двадцать был полон увечий, боли и смерти.

Дайон чувствовал себя буквально утонувшим в крови, но это не мешало ему продолжать методично приканчивать коробку пива. Просмотрев две трети фильма и опорожнив наполовину последнюю бутылку, он приступил к обдумыванию грандиозной возможности заказать еще одну коробку, когда ему неожиданно помешал телефон.

Некоторое время Дайон как зачарованный слушал звонок, играя с мыслью изменить всю последующую историю человечества, просто не отреагировав на него. Но любопытство победило. Он переключился на прием, и на экране почти сразу появилось лицо Леандера Смита. Очевидно, тот звонил из уличного автомата.

— Привет, спаситель, — сказал Леандер весело.

— Спокойной ночи, ублюдок, — быстро ответил Дайон, протягивая руку к выключателю. — У тебя свойство быть одновременно и абсолютно нежеланным и абсолютно незваным гостем. Я шагаю сквозь ад

---

*Мыслю, следовательно... *(лат.)* Начало знаменитого изречения Рене Декарта: «Cogito, ergo, sum» («Мыслю, следовательно, существую»).

Западного фронта и не нуждаюсь ни в чьей помощи. Как, Стоупс тебя побери, ты умеешь всегда вторгаться в мой пересыхающий поток сознания?

— Погоди с этим, — сказал Леандер, увидев, что Дайон потянулся к переключателю. Смит поднял табакерку так, чтобы его собеседник увидел палец, осторожно прикоснувшийся к красной кнопке:

— Ты же не выключишь меня, старина, не правда ли?

— Да, шут гороховый. Если и ты в свою очередь не выключишь меня.

Леандер улыбнулся:

— Esprit de corps*. Мне это нравится. Сейчас его так недостает... Ты один, надеюсь?

— Твои надежды не беспочвенны. Добрая доминанта отправилась ненадолго прошвырнуться по Европе. А теперь говори, что тебе надо, и возвращайся в ад.

— Мы должны встретиться, братец призрак.

— Я еще не забыл твой юмор в туманном парке.

— Это хорошо. День уже назначен.

— Да принесет этот день нам наш дневной хлеб и простит нам наши прегрешения... Кто же играет с остатком моей жизни?

— Верховное командование, дорогой. Пути его таинственны и неисповедимы.

— И его неслучайный приказ должен быть выполнен любой ценой, — подхватил Дайон. — Итак, жить мне осталось меньше, но зато я могу смеяться громче. Очень интересно. Ну а теперь позволь мне вернуться к моей маленькой сказке, и я обещаю тебе прекрасную ночь.

— Не так быстро, друг моей юности. Надо утрясти кое-какие детали.

— Так утрясай их и прекрати тратить попусту драгоценный остаток моей жизни.

— Ты знаешь бар «Виват, жиган!»?

— Я знаю бар «Виват, жиган!».

— Я встречу тебя там завтра в полночь.

— Тебе надо будет быть чрезмерно удачливым.

Леандер лучисто улыбнулся:

— Я надеюсь. В противном случае, ты можешь стать чрезвычайно мертвым.

---

*Esprit de corps *(фр.)* — корпоративный дух.

Он отключил связь, тем самым лишив Дайона возможности послать парфянскую стрелу* в сторону противника.

Дайон трижды пнул кровать и пожалел, что здесь нет Джуно, которую он мог бы задушить, а ее безжизненное тело сбросить с балкона, с высоты полумили, на землю.

Но Джуно здесь не было, и не было никого, кого можно было бы убить, изувечить или с кем можно было бы заняться любовью. Потерпев поражение, расстроенный Дайон уселся перед экраном двадцать на тридцать и снова принялся смотреть «На Западном фронте без перемен».

Он успел увидеть, как рука молодого немецкого солдата протянулась, чтобы коснуться бабочки. И успел увидеть, как французский снайпер пресек это движение пулей.

9

Она была маленькой, тонкой и такой мягкой, какой может быть только инфра. Почти ребенок — двадцати пяти лет, может быть, — но нищета, или полунищета, уже оставила на ней свой знак. Брошенная на произвол судьбы, она состарилась бы очень быстро. К шестидесяти, если бы ей удалось избежать рождения слишком большого количества детей и прожить так долго, она сделалась бы совершенной старухой. Джуно нашла ее поющей песни в мюнхенской пивной за жалкую плату. Она была почти чистокровной англичанкой по имени Сильфида.

Джуно привела ее в момент, когда Дайон при помощи старинного карандаша пытался накорябать очередную поэму. Он вспоминал свое столкновение с Леандером в Сент-Джеймском парке и творчески преломлял его. Дайон вычеркнул слова «капля росы» и написал вместо них «дождевая капля». Он считал, что нельзя позволять искусству, особенно если стихи сен-

* Отступая, парфянские всадники забрасывали противника тучей стрел. В переносном смысле «парфянская стрела» — меткое, бьющее наповал замечание в конце спора.

тиментальные, слишком близко соприкасаться с жизнью. Это может быть опасно для искусства.

В конце концов он прочитал:

Капля дождя превратилась в стеклянный собор,
Тишина прокатилась как гром у него в голове.
Он спал, как тот, кто не живет.
Он бодрствовал, как тот, кто не умрет.

Тогда-то в сопровождении Сильфиды и появилась Джуно, похожая на трирему*, тянущую на буксире ялик.

— Привет, мейстерзингер. Я скучала без тебя.

— Привет и прощай. Я совершенно не скучал. Как тебе понравились мюнхенские жиганы?

— Они гораздо любезнее здешних. Что ты пишешь?

— Твою эпитафию... Что это за ребенок, которого ты, ясное дело, где-то украла?

— Ее зовут Сильфида, и она собирается родить мне сына.

Дайон внимательно осмотрел девушку, чье чрево он должен был оплодотворить. Она была испугана, но выглядела далеко не отталкивающе. И то и другое ему понравилось.

— Enchante de faire votre connaissance**, — сказал он, отвешивая церемонный поклон.

— Merci, monsieur. J'espere que notre connaissance sera très heureux pour tous***.

— Твой французский почти так же ограничен, как и мой, — сказал Дайон. — Как удалось этой суке заманить тебя обратно в Англию?

— Пожалуйста, не надо, — сказала Сильфида нервно, — доминанта Джуно была очень добра ко мне. Она уже дала мне тысячу львов.

— Еще тысяча — после зачатия, — добавила Джуно, — и, наконец, тысяча после рождения ребенка.

— Живого или мертвого? — спросил Дайон со злобой.

Хорошее настроение Джуно мгновенно испарилось.

— Не играй слишком грубо, малыш, — посоветовала

---

* Трирема — античное парусно-гребное судно с тремя рядами весел.

** Счастлив познакомиться с вами *(фр.)*.

*** Спасибо, месье. Надеюсь, наше знакомство окажется весьма удачным для всех *(фр.)*.

она, — и не обижай мою инфру. Она получает деньги за зачатие, а не за то, чтобы ее обижали.

Дайон засмеялся:

— Мою инфру! Черт побери, кем ты себя воображаешь? Султаном семнадцатого века?

— Переключи трансмиссию. Мы провели в полете полдня и довольно устали. Будь любезен, закажи что-нибудь поесть.

При упоминании о еде Дайон вспомнил, что и сам голоден. Он пил слишком много, но не мог вспомнить, когда ел в последний раз. Подойдя к вакуумному люку, он заговорил в приемное устройство:

— Приборы на три персоны. Авокадо, фаршированные креветками, мексиканская клубника с коньяком, чеширский сыр, датское масло, финский хрустящий хлебец. Напитки: два литра розового вина, пол-литра хеннеси, черный кофе, сливки, сахар. Через десять минут. Все.

— О, Стоупс! — воскликнула Джуно с восхищением. — Этот человек создает поэмы и в области гастрономии.

В порыве чувств она обняла его.

— Не трожь меня, корова, — огрызнулся Дайон. — Ведь последний ужин того стоит, не правда ли?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу этим сказать, что жизнь очень часто бывает короче, чем мы думаем, и никто не может извлечь квадратный корень из завтрашнего дня.

Джуно снова стала наливаться гневом.

— Кто или что сделало яичницу из твоих транзисторов, юнец? Ты как медведь с испорченным усилителем. Если ищешь драки, ты ее получишь.

— Но не на глазах у ребенка, — ответил Дайон сухо. — Кто знает, какое неизгладимое впечатление это может произвести на ее пока еще непорочное чрево. — Он повернулся к Сильфиде: — Полагаю, это будет твой первый ребенок?

— Да.

— И тебе не хотелось бы оставить младенца себе?

Она беспомощно посмотрела на него:

— Что бы я делала с ребенком?

— Ах да. Подходящий комментарий к нашему прекрасному времени. — Он бросил взгляд на Джуно: — Где это дитя будет жить, спать и испытывать опустошительную страсть? Или ты еще не решила? Эта

квартирка вряд ли достаточно велика для ménage á trois*.

— Я решила, — быстро ответила Джуно. — Для начала у Сильфиды будет собственная комната на двадцать третьем этаже. Потом посмотрим.

— Когда не останется сомнений, что плод зреет на дереве, — добавил Дайон.

Дальнейшая словесная баталия была прервана прибытием еды.

За едой Дайон узнал о Сильфиде немного больше. Ей исполнилось двадцать три, и никто не предъявлял на нее прав. Ее мать — возможно, живая до сих пор — была инфрой — наполовину англичанкой, наполовину немкой, а отец — сквайром-англичанином. Доминанта, заплатившая за ее зачатие, не дожила до того времени, когда могла бы получать проценты с вложенного капитала. Она погибла, проводя исследования синтетических вирусов. Поэтому Сильфида существовала на обычное государственное сиротское пособие, пока не достигла возраста восемнадцати лет. После этого она была домработницей у высокопоставленных доминант и занималась случайно проституцией с преуспевающими сквайрами, жаждавшими отдыха от своих хищных партнерш, а также эпизодически выступала в качестве певички в барах, клубах, пивных и борделях.

Сильфида уже успела устать от такой жизни — вот почему, возможно, она была готова начать карьеру профессионально беременной.

— Не кажется ли тебе, что подгнило что-то в государстве датском**? — спросил Дайон, выслушав ее рассказ.

— Простите, я не понимаю.

— Как, впрочем, и он сам, — сказала Джуно едко. — Я должна предупредить тебя, Сильфида. Если ему дать хоть три десятых шанса, Дайон до смерти замучает тебя своими подколками. Это воплощенный атавизм. А этот его способ бить себя кулаком в грудь! Если он будет доставлять слишком много беспокойства, скажи мне, и я с ним разберусь.

Дайон проигнорировал ее.

---

* Любовь втроем *(фр.)*.

** Подгнило что-то в датском государстве. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 4. Перевод М. Лозинского.

— Я хочу сказать, что этот мир — безумное место, где бабы наподобие Джуно набиты деньгами и властью, в то время как ты и тебе подобные могут получить от жизни ничтожную мелочь, только если они наполнены детьми.

— «Но доми Джуно — это доминанта», — непонимающе запротестовала Сильфида.

— Доми Джуно — это доминанта, — передразнил ее Дайон. — Какая светлая мысль! Дерево это дерево это дерево. Но каким чертом это касается нас? Не могли же они выбить из тебя все разумные мысли, дитя. Что-то же должно было остаться у тебя между ушей, или все сконцентрировалось между ног?

Сильфида залилась рыданиями.

Джуно подняла бутылку хеннеси:

— Займись лучше этим, плейбой. Еще одно извержение антиобщественной риторики, и я спущу тебя с балкона.

Неожиданно Дайон почувствовал себя пристыженным.

— Сильфида, — сказал он мягко, — вытри слезы. Джуно права. По статистике однажды она должна была оказаться права, и это случилось сейчас. Я психованный, потерпевший во всем неудачу карлик, и я смиренно прошу твоего прощения. Ты пролетела сотни миль для того, чтобы тебе наполнили чрево, а не для того, чтобы открыли глаза. Я полон раскаяния, не говоря уже об угрызениях совести.

Не обращая внимания на Сильфиду, Джуно озабоченно посмотрела на Дайона.

— Что случилось? Что-то происходит! Что бы это ни было, но я вижу, как становится все хуже и хуже.

— Ничего, — сказал он неубедительно, — я призрак привидения, [illegible] и все. Простите меня, дети, я не ведаю, что творю.

Он взял у Джуно бутылку хеннеси и налил себе изрядную порцию. Потом одним глотком выпил все и поднялся.

— Полночь монументально маячит перед нами, — объявил он загадочно, — и я должен ненадолго покинуть вас, дорогие подруги. Я должен посовещаться с тем, чьи пальцы наинежнейшим образом ласкают маленькую красную кнопку. Несомненно, вы воспользуетесь моим кратким отсутствием, чтобы решить, чья

именно постель должна быть осчастливлена этой ночью. — Он посмотрел на Джуно пронизывающим взглядом. — Руководствуясь исключительно интересами будущего, я советую, чтобы выбор пал на Сильфиду.

10

Приговоренный неплохо позавтракал, весело думал Дайон, шагая свежим ноябрьским утром, чтобы получить атомную гранату, которой предназначалось поднять на воздух всю британскую законодательную власть. По такому случаю он позволил себе съесть пару устриц и запить их бутылкой шампанского, но, несмотря на это, чувствовал себя довольно усталым. Всю прошедшую ночь он провел с Сильфидой в ее квартире на двадцать третьем этаже.

Поскольку она была незнакомкой, да к тому же инфрой, он занимался с ней любовью неоднократно и с большим пылом. Его энтузиазм не надо было стимулировать. Сильфида была, на свой необычный манер, весьма притягательна. Кроме того, она прекрасно знала, что и как надо делать ногами, руками, грудью и языком. Что сильно облегчало дело: если уж ты собираешься танцевать, то, конечно, не должен делать это плохо.

Но не одна лишь эротика заставила Дайона побить все свои рекорды. И не отчаянная необходимость угодить Джуно — но шепот смерти, звучавший у него в голове. Он считал весьма вероятным, что погибнет — если не от кнопки Леандера, то от атомного взрыва, если не от взрыва, то от лазерных лучей разъяренных офицеров порядка. И хотя эта перспектива не слишком его ужасала и не была ему совершенно неприятна, в ней ощущалось беспокоящее ледяное дыхание смерти. Особенно после того, как он пришел к заключению, что уже исчерпал свою квоту воскрешений.

Короче говоря, Дайон — к своему крайнему изумлению — обнаружил, что тоже хочет ребенка. Который, почти наверняка, родится после его смерти. Ну и Стоупс с этим.

Очень, очень грустно обнаружить, что хочешь ребенка. Особенно если готовишься кануть в Лету.

Сильфида не была обеспокоена его ранним уходом. Она в буквальном смысле не была потревожена. Трех или четырех энергичных актов любви было более чем достаточно, чтобы убить у нее всякое желание бодрствовать. Она заснула почти в момент финального оргазма и так и осталась лежать без движения, полностью обнаженная со все еще широко разведенными ногами. В свете раннего утра на ее лице застыло выражение потерянного ребенка.

Во время завтрака Дайону пришла в голову фантазия обрызгать грудь Сильфиды шампанским. Склонившись над спокойно спящей плотью, скрывавшей чрево, быть может в этот самый момент обеспечивающее продолжение их рода, он сказал несколько нежных слов. Но Сильфида не почувствовала ничего и не услышала его благословения. Что, принимая во внимание все происшедшее, было не удивительно.

И вот теперь Дайон — самый отчаянный солдат Потерянного Легиона — шагал по Сент-Джеймскому парку.

Леандер с великолепным чувством юмора выбрал место для передачи похожей на яйцо атомной гранаты. Это был тот самый участок берега, где Дайон чуть было не задушил его несколько дней назад.

Краткая встреча в баре «Виват, жиган!» носила крайне небрежный характер. Она произошла не в отдельном кабинете и даже не в одном из номеров, но в главном зале, на глазах у Безымянного, безучастно восседавшего за стойкой, подобно исстрадавшемуся василиску*. По причинам, которые он вряд ли был в состоянии сформулировать, Дайон ожидал встретить здесь по крайней мере нескольких представителей Потерянного Легиона. Он также думал, что тайные планы будут обсуждаться в каком-нибудь уединенном месте еле слышным шепотом, с соблюдением всех правил конспирации.

Вместо этого там оказался один Леандер, и проект атомного роспуска парламента обговаривался совершенно небрежно и открыто за стаканом польского уайт-спирита со льдом. Правда, в «Виват, жиган!» не было никого, кроме Безымянного и двух или трех надравшихся жиганов, настолько отрешившихся душой и

---

*Василиск — мифическое чудовище, способное взглядом превращать человека в камень.

телом, что они не могли выделять ничего, кроме паров алкоголя, и не воспринимали ничего, кроме радиопередачи громкостью в сотню децибел. И все же великие традиции заговоров были без нужды осмеяны. Обстановка казалась слишком банальной для того, чтобы разрабатывать в ней детали самоубийства.

План, если верить Леандеру, полностью одобренный верховным командованием Потерянного Легиона, был прост до элегантности. Как и вообще все великие планы. Все зависело только от решительности, быстроты, удачи и вопиющего идиотизма главного исполнителя.

Предполагалось, что точно в одиннадцать сорок пять Дайон Кэрн снесет атомное яйцо на пол парламента. Оно сработает и разнесет здание в клочья ровно через шестьдесят пять секунд — время, необходимое заговорщику, чтобы покинуть колыбель демократии. Вслед за атомным яйцом Дайон кинет парализующее, чтобы обездвижить тех членов парламента, которые окажутся бодрствующими и попытаются возражать против внесенного предложения. Вся операция должна пройти в условиях затемнения, которое обеспечат другие бойцы Потерянного Легиона, уже установившие, по словам Леандера, пару зарядов с тумано-и-слезоточивым газом на галерее для посетителей. Заряды поставят дымовую завесу и выпустят слезоточивый газ ровно в одиннадцать часов сорок четыре минуты и пятьдесят секунд.

Таким образом, Дайон уподобится мстителю из старинных северных легенд. Низвергнув молнию божественного гнева, он, кашляя и проливая слезы вместе с оставшимися на галерее зрителями, бросится вон и затеряется среди панически бегущих людей.

Леандер будет ждать его на Парламентской площади с реактивным ранцем в руках. И с высоты тысячи футов над Темзой они вдвоем станут свидетелями незабываемого зрелища — взрыва парламента.

Такова была теория. Это был совершенно замечательный план. Как и все, подумал Дайон мрачно, которые обречены на провал. Какая-нибудь проклятая деталь обязательно не сработает, и не кто иной, как Дайон Кэрн, бывший сквайр и гражданин Большого Лондона, оседлает самую верхушку плазменного шара.

Его, конечно, волновала и этическая сторона вопроса — что было тяжелым моральным испытанием даже для неудачливого мейстерзингера. Стоит ли механическое сердце непризнанного поэта сорока тонн

помешанных на политике доминант? Это был интересный вопрос. Но не из тех, которые стоят того, чтобы на них отвечали.

Довольно гнусно сознавать, думал Дайон с горьким изумлением, что Леандер хотел, без всякой тени сомнения, продемонстрировать мне, насколько сильно я хочу жить. Оставаться живым, вдыхать воздух поздней осени, чувствовать боль, чувствовать наслаждение, напиваться допьяна, писать стихи, слушать музыку, растить детей. Растить детей...

Интересное открытие, особенно если учесть, что во все это, с большой вероятностью, встроен смертный приговор...

Дайон обнаружил, что идет вниз по аллее Мэлл, пустынной даже в такой относительно поздний час дня. Это напомнило ему, что сейчас Лондон был, по сравнению с лихорадочными днями конца двадцатого столетия, не более чем городом-призраком. Его население уменьшилось наполовину; некогда широко расползавшиеся гнойники пригородов большей частью превратились в зеленые лужайки, а основная масса жителей переселилась либо в Центральный Лондон (в причудливые дома времен регентства, если они могли себе это позволить), либо в десять городских башен, фаллически вздымающихся навстречу смущенному небу.

Все же доминанты кое-чего достигли, согласился Дайон неохотно. Они смели муравейник и превратили его в колоссальную суперферму. Они сократили численность населения, уничтожили голод, устранили гонку вооружений и отняли чувство собственного достоинства у мужчин. Жизнь — если только вы не беременная в десятый раз инфра, не импотент-жиган с уродливой физиономией и не поэт с тремя психозаписями — была славным и приятным приключением.

Ну и Стоупс их побери! Тем больше причин вознести батальон одряхлевших женщин-политиков туда, где нет ни абстрактных дебатов, ни инъекций жизни.

— Английские джентльмены, которых сейчас можно найти только в постелях, — ни к кому, собственно, не обращаясь, сказал Дайон, войдя в Сент-Джеймский парк и ступив на мост, — будут проклинать себя за то, что их здесь не было.

Нельзя сказать, что он сам всецело верил своим словам, но эта мысль утешала.

Двигаясь по мосту, он заметил, что тихая повер-

хность воды внизу буквально кишит утками. Но сейчас, как назло, у него не было с собой ничего, чем можно было бы покормить их. Воистину, век расшатался.

Леандер уже ждал его.

Леандер всегда был ждущим, сколько помнил его Дайон. Совершенно замечательный талант.

— Как хорошо встретиться при дневном свете, — весело приветствовал он Дайона. — Надеюсь, ты спал хорошо.

— Отлично, гробокопатель, я насиловал будущее.

— А теперь, дружище, давай сотворим маленький кусочек истории, чтобы будущее помнило о нас.

Дайон взглянул на небо и со вкусом втянул в себя воздух.

— Прекрасное утро, — сказал он.

Леандер усмехнулся:

— Действительно, прекрасное. Но как сказал некий пророк или кто-то в этом роде, — прекрасное утро не гарантирует, что в полдень не наступит тьма.

11

Премьер-министр отвечала на вопросы, касающиеся предложения объявить День Национального Траура по поводу кончины бывшего Европейского проконсула. Доми Юлалина была в голосе, но речь ее, подумал Дайон, едва ли принадлежит к тем, которым суждено войти в историю. Было одиннадцать часов сорок четыре минуты.

Галерея для посетителей была практически пуста. Так же как и большинство скамей оппозиции. Да и какой смысл приходить сюда собственной персоной, когда можно спокойно валяться в своей квартире и, если уж у вас такой мазохистский склад ума, наблюдать по телевизору все парламентские склоки?

Большинство посетителей на галерее составляли туристы-путешественницы, втайне жаждущие стать свидетелями какого-нибудь скандала, — доминанты (вместе со своими случайными сквайрами) из Питтсбурга, Пооны или Пекина. Они и не подозревали, насколько близки к осуществлению своих мечтаний.

Одиннадцать часов сорок четыре минуты тридцать

секунд. Еще двадцать секунд — и традиции этой управляемой доминантами демократии обогатятся опытом небольшой порции массовой дезинфекции. Несомненно, в провинции взрыв вызовет непродолжительный траур, но жертвами в основном должны стать парламентские болтуньи. И совсем скоро какой-то другой член парламента станет отвечать на вопросы, касающиеся предложения объявить День Траура по поводу досрочного прекращения этой сессии.

Дайон подумал о Сильфиде и украдкой нервно сжал пальцами атомную гранату. Она весила миллион метрических тонн и, казалось, до костей прожигала пальцы.

Будь он верующим, он молился бы о том, чтобы Сильфида забеременела. Я всего лишь носитель, подумал Дайон отстраненно. Я — странствующий сосуд, содержащий зародышевую плазму, и моя единственная жизненная функция — оплодотворять каждую женщину, которую можно оплодотворить, чтобы Землю унаследовало несказанное множество Дайонов Кэрнов второго поколения и мир не имел бы конца. Какой Стоупс я торчу здесь, подумал он. Я должен быть совсем не здесь, оплодотворять тысячи инфр, провозглашая радостное евангелие вечного оргазма, наполняя бессчетное количество утроб бесконечным множеством детей.

Одиннадцать часов сорок четыре минуты и сорок секунд. Муха села Дайону на нос, и он чихнул.

Премьер-министр сделала паузу. Доминанта из Пакистана достала флакон своих любимых духов. Какой-то сквайр зевнул. Лидер оппозиции глубоко вздохнула и почувствовала в левой груди легкое покалывание. Дайон задрожал. И вдруг солнце, прорвавшись из-за пелены облаков, послало сквозь старинные окна луч света.

Одиннадцать часов сорок четыре минуты пятьдесят секунд.

Граната с дымовой завесой и слезоточивым газом взорвалась.

Клубы непроницаемого дыма закрыли галерею. Солнечный свет померк. Дайон Кэрн превратился в марионетку, действующую абсолютно автоматически.

Как только началось паническое бегство, он вскочил и швырнул свою гранату. Но осталось что-то еще, что необходимо было сделать, пьяно вспомнил Дайон. Слезы ручьями стекали по его лицу, а вокруг клубился газ.

Ах да! Парализующая граната. Не в силах открыть

глаза, Дайон стал искать ее на ощупь. Потеряв всякое представление о направлении, он, широко размахнувшись, швырнул гранату наугад. И после этого присоединился ко всеобщему бегству, тяжело наступив на упавшую доминанту из Пакистана. Та была ужасно удивлена, обнаружив, что ее любимый флакон изверг из себя дым со слезоточивым газом, под покровом которого английские невежи топчут ее без каких-либо, увы, сексуальных намерений.

Кое-как Дайон выбрался на солнечный свет. Черт побери, никто не попытался остановить его! Черт побери, где ради Стоупс, все офицеры порядка? Черт побери, почему он еще жив и почему парламент еще не взлетел на воздух? Черт побери, почему Леандер смеется, да так, что не может даже надеть свой реактивный ранец?

И почему, ради Христа, кто-то остановил поток времени?

Кошмар становился все сильнее.

Бок о бок со все еще смеющимся Леандером, Дайон отлетел наконец прочь от обреченного парламента и поднялся над Темзой, каждую секунду ожидая удара судьбы.

Но тот так и не последовал. Леандер смеялся не переставая. Он не смог остановиться даже на высоте тысячи футов. Казалось, смех его, подобно грому, грохочет по всему небу. Солнце продолжало светить совершенно спокойно, как будто это был совсем другой день.

12

Это и в самом деле был уже следующий день. Солнцу, возможно, недоставало тепла, но никак не решительности. Его холодный свет пронизывал туманную лазурь неба — такую же, как та, что некогда восхищала человека по имени Руперт Брук*. Дайон, обложившись со всех сторон великолепной датской колбасой и бутылками с сидром, сидел на холме в

*Английский поэт начала XX столетия. Погиб в первую мировую войну.

Оксфордшире, глазея по сторонам, ни на что особенно не глядя и наслаждаясь воспоминанием о кошмаре надвигавшейся смерти, которая так и не наступила. Только что избежав, казалось бы, неминуемого столкновения с вечностью, он расслабился настолько, что был даже не в состоянии убить Леандера, который сидел рядом с ним, тоже с колбасой и сидром в руках, углубившись в мысленное созерцание прошлого.

Едва ли стоило нарушать тишину, чтобы обсудить такую мирскую вещь, как несработавшая атомная граната, но упрямство заставило Дайона потребовать объяснений.

— Что случилось? — спросил он лениво, с набитым колбасой ртом. — Кто-то написал на бикфордов шнур?

Леандер, который прекратил смеяться только где-то над Хертфордширом, одарил его великодушной сияющей улыбкой:

— Дорогой мой поборник социальной справедливости, — промурлыкал он, — я воистину люблю тебя.

— Что случилось? — повторил Дайон. — Почему не было взрыва? Почему радиоактивный гриб не вознес политиканов на небеса?

— Ты когда-нибудь видел пурпурную доминанту? — спросил Леандер как бы между прочим.

— Нет. А ты?

— Тоже нет, мой лучший друг. — Леандер рыгнул и налил себе еще крепкого сидра. — Но, может быть, мы будем вознаграждены этим чарующим зрелищем.

Дайон вздохнул:

— Боюсь, что я близок к тому, что меня перепрограммируют.

— Все было сделано только ради чистейшей шутки, — сказал Леандер. — Поверь мне. Только ради чистейшей шутки. Это атомная граната, как ты блестяще догадался, вовсе не была атомной. Убийство, во всяком случае на данном этапе, не входит в наши намерения, — это была всего лишь красящая бомба.

— Что?

— А то. Это была краска, прекрасная краска. Она воздействует непосредственно на пигментацию кожи. Так что все, кто был в парламенте, когда взорвалась граната, будут иметь пурпурные лица и прочие места по крайней мере месяца три. Смех, дорогой мой, самое ужасное оружие. Боюсь, что, прежде чем пра-

вительство уйдет в отставку, может случиться несколько временных смертей от разрыва сердца.

Дайон несколько секунд размышлял об этих приятных перспективах, прежде чем до него дошло, что его совершенно безо всякой необходимости прогнали через ад.

— Почему, — спросил он мягко, — никто, особенно ты, клоун, не сказал мне, что не будет никакого массового домицида*. Извини за критику, но тогда я спал бы спокойнее.

— Так решило верховное командование, — пожал плечами Леандер.

— Ах да, верховное командование.

— Верховное командование, мой дорогой герой, не имело такого представления о твоем истинном калибре, какое имею я. Они хотели испытать тебя и твою решимость. Они хотели убедиться, что, когда настанет час, ты, не дрогнув, нанесешь настоящий удар за всех сломленных мужчин. Не сомневаюсь, теперь они удовлетворены.

Дайон задумался.

— Что касается моей эгоистичной персоны, — заметил он, помолчав, — я совсем не удовлетворен. И считаю, что на этом этапе могу выйти из рядов Потерянного Легиона с почетом или чем-то вроде этого. Я выполнил все, что от меня требовали. Подвергся риску. То, что смертельная граната оказалась красящей, к делу не относится. Я не имею ни малейшего желания наносить какие-либо последующие удары. Потерянный Легион может убираться к черту. Эта игра больше меня не интересует. Комедия окончена. А теперь, будь любезен, нажми свою кнопку. — Дайон сделал глубокий глоток сидра.

Леандер уставился на него в явном замешательстве, и Дайону это понравилось.

— Я вижу, ты озадачен, — сказал он. — В чем затруднение, дружище? Или ты забыл принести свою табакерку?

Леандер так забылся, что заговорил с набитым датской колбасой ртом.

— Разве ты больше не боишься умереть? — спросил он. Белковый душ сопровождал его слова.

---

*Слово, произведенное от «доминанта» и «цид», — *(лат.)* убийство.

— Поправка. Я постоянно боюсь умереть. Я, возможно, самый распоследний трус в этом деле. Но больше всего, мой дорогой товарищ, я боюсь *жить* в постоянном страхе смерти. Ты и твой Потерянный Легион слегка вмешались в мои жизненные планы. Как бы то ни было, убив меня, ты утрясешь все самым лучшим образом. Куда, к дьяволу, запропастилась твоя табакерка? Умереть сейчас было бы самое время, поскольку сидр уже кончился.

— Произошел случайный сбой, — извинился Леандер, — я забыл ее принести. Кто мог знать, что, достигнув наивысшей точки — если мне будет позволено выразиться таким высоким слогом, — ты захочешь выйти из игры?

— Ну и великие же стратеги в Потерянном Легионе, — заметил Дайон презрительно. — Несомненно, вы ждали от меня слез благодарности за то, что оставили в живых. Довольно... Я знаю все худшее, на что ты способен, так что возвращайся на базу и сделай это.

— А как насчет будущего человечества?

— Наплевать на него!

— А как насчет пленительной Джуно?

— Также.

— Да, — сказал Леандер задумчиво, — и все же она должна быть.

— Кто должна быть?

— Ахиллесова пята.

— Так найдите ее.

— Найдем, мой дорогой некрофил, найдем. Ты представляешь собой слишком большое вложение капитала, чтобы от тебя легко отказались. Есть способы — должны быть — поставить тебя на колени.

Дайон потянулся и благожелательно посмотрел на своего компаньона:

— Я мог бы убить тебя прямо здесь и сейчас. И тем самым решить все проблемы для нас обоих.

Леандер с любопытством посмотрел на него:

— Почему же ты этого не делаешь?

— По трем идиотским причинам.

— Первая?

— Я дурак.

— Вторая?

— Ты дурак.

— Третья?

— Мужиков и так не хватает. — Дайон встал и потянулся за своим реактивным ранцем. — И, кроме того, мы не должны делать жизнь доминант слишком легкой — или слишком тяжелой. Спасибо за приятное времяпрепровождение. Оно было менее возвышенным, чем первоначально предполагалось, но, несомненно, его последствия вызовут некоторые потрясения... Не звони мне. Я сам тебе позвоню. Если я когда-нибудь буду настолько пьян или буду так скучать, что не придумаю ничего лучшего.

Дайон рванулся со склона холма с таким оглушительным грохотом двигателей, что барабанные перепонки Леандера чуть не лопнули.

На высоте сотни футов он стабилизировался, развернулся на восток и на бреющем полете весело понесся назад в город. Дайон вдруг понял, что начал думать о Лондоне как о доме, и удивился этому.

И тут он вспомнил о Сильфиде. Он хотел ее. Не для любви, не для секса — не ради чего бы то ни было.

За исключением ребенка.

13

Правительство пало, но пурпурный парламент распущен не был. Виктория, в знак солидарности со своими министрами прошлыми и настоящими, стала носить серебряную маску. Семнадцать жиганов, одиннадцать сквайров, пять доминант и три инфры признались в том, что бросили красящую бомбу. А потом жизнь пошла так, как шла раньше.

Дайону приходила в голову мысль сознаться тоже. Но вероятность того, что его признание может быть воспринято всерьез, пугала не на шутку. Это, несомненно, повлекло бы анализ второй степени, что положило бы конец не только его нерегулярным попыткам писать стихи, но и тем важным открытиям, которые он делал относительно человеческой природы — в основном своей собственной.

Оставив Леандера — что, как он думал, было к лучшему — на забрызганном колбасой холме в Оксфордшире, Дайон вернулся в Лондон со всей возможной

быстротой, которую только позволял реактивный ранец. Он был почти раздосадован, обнаружив, что его отсутствие даже не было замечено. Сильфида лежала точно в той же позе, в которой он ее оставил.

Она зевала, когда он включил телевизор, чтобы узнать окончательный итог утреннего происшествия в матери парламентов*.

Она зевала, когда он рассказал ей о неожиданной эпидемии покраснения политиков.

Она зевала, когда он занялся с нею любовью.

И она продолжала зевать, когда он с отсутствующим видом снова растер ее тем, что осталось от выдохшегося и теперь уже теплого шампанского.

А ведь она даже не скучала по нему. Все произошло в точности так, как и должно было произойти, с некоторым удовлетворением говорил он себе. Она всего лишь сосуд, многократно оплодотворяемый сосуд будущего. И почему, Стоупс побери, сосуд будущего должен интересоваться вопросами, которые напрямую не связаны со спариванием, зачатием и рождением?

В том, что она забеременела, не было никакого сомнения, если только время было подходящим для зачатия. Когда впоследствии стало ясно, что так оно и получилось, Дайон не удивился ничуть. Он на самом деле был убежден, что помнит момент зачатия, когда во время их второй близости батальоны сперматозоидов, подобно микроминиатюрным, идущим на нерест лососям, слепо ударили в глубокий темный омут ее нетерпеливо ждущей утробы. На лице Сильфиды застыло такое выражение, будто она — не просто инфра, но женщина из глубины тысячелетий — разделяла с Дайоном безмерно-ошеломляющее молчаливое знание момента зачатия...

И вот теперь, все еще держа руку на груди Сильфиды, Дайон мысленно вернулся к Джуно. Он был изумлен, обнаружив, что может думать о ней с безмерным обожанием. Джуно считала, что она одна хочет ребенка. Но на самом деле она просто первой осознала, что Дайон сам желает того же. Может быть, Джуно и доминанта, но ее женская интуиция не ушла в песок под действием инъекций жизни. Она все понимала. Да, она понимала.

---

*Английский парламент был первым в Европе (1260 г.) законодательным выборным органом.

Подгоняемый ненавистью пополам с любовью, Дайон встал с кровати, вызвал скоростной лифт и поднялся на двести четырнадцатый этаж, чтобы увидеть Джуно. Был конец дня, но ее не оказалось дома. Возможно, несмотря на отпуск, Джуно мобилизовали, чтобы она принимала участие в поисках подозреваемых в утреннем политическом теракте.

Он ждал ее и, ожидая, заснул. Когда Джуно наконец вернулась, холодная ноябрьская ночь окружала Лондон-Семь морозной тишиной.

— Как прошла церемония оплодотворения? — спросила она холодно.

Он криво усмехнулся:

— Прекрасно, мадам. Девица беременна, но все это было в другой стране.

— Так скоро? И откуда ты знаешь?

— Успех определяется не затраченным временем, а приложенными усилиями, — мягко объяснил Дайон. — Я знаю, потому что знаю. Кроме того, яйцеклетка поет, когда ее оплодотворяют, и я слышал звуки этой музыки.

Джуно засмеялась и взъерошила ему волосы:

— Что за отвратительный маленький трубадур. Так ты любил ее в тот момент?

— Она взывает к моему чувству абсурда. А чем занималась ты?

— Охотилась на того, кто подложил мины. Безуспешно. А что делал ты, за исключением того, что оплодотворял Сильфиду?

— Красил политиков в пурпур.

Джуно сурово посмотрела на него:

— Такого рода шуточки доведут тебя до анализа первой степени, усохший Наполеон.

Затем она как бы между прочим добавила:

— Ты можешь, конечно, отчитаться за каждый свой шаг?

— Нет. Единственная, кто могла бы свидетельствовать в мою пользу, была без сознания. К тому же она беременна.

— Все эти намеки раздражают меня, малыш. Ты в настроении заняться любовью или уже достиг насыщения?

Как ни странно, он был в настроении. Он был в настроении заняться с ней любовью, хотя бы из одного

только чувства благодарности. Она подарила ему Сильфиду, и она же дала ему возможность самопознания, которое иначе он бы никогда не получил.

Но здесь было и нечто большее, чем просто чувство благодарности. И когда Дайон начал ласкать это сильное тело, которое, казалось, каждой своей порой источает мощь и гордость, он понял, что это даже больше, чем любовь. Дайон в любой момент мог преодолеть ее гордость, потому что уже знал, как подвести Джуно к самому краю подчинения, где мощь и гордость не значили ничего и где это стройное красивое тело становилось всего лишь горой безумной чувственной плоти, кипящей от желания.

Они занимались любовью спокойно, со знанием дела, используя всю длинную осеннюю ночь, чтобы насладиться друг другом. Глядя в затуманенные глаза Джуно, Дайон отстраненно подумал, что любовь — обоюдоострое оружие. Он понял также, может быть впервые, что, хотя в Джуно и воплощалось все то, что он отвергал, она была ему, по меньшей мере, другом. Дайон хотел позволить этой мысли укрепиться у себя в сознании, чтобы потом к ней больше не возвращаться. И еще он был неподдельно изумлен, что дружба смогла породить такую страсть.

Конечно, неизбежно возникало сравнение с Сильфидой. Они представлялись ему орлицей и голубкой. Но каждой вещи свое время. Даже орлицам...

Несмотря на объявленные награды, угрозы и определенное количество того, что Виктория Вторая называла «этически оправданным разложением» (эвфемизм, использующийся для обозначения незаконного применения неимоверно большого набора дезориентирующих и заставляющих говорить правду наркотиков по отношению к половине жиганов Большого Лондона), психопат, бросивший красящую бомбу, остался непойманным. Осень незаметно перешла в зиму, дни сделались короче и холоднее, начались и прошли декабрьские сатурналии с непременно сопутствующим им Санта-Клаусом.

Дайон, не тревожимый больше причудливыми приказами Потерянного Легиона, наслаждался продолжительным отсутствием Люцифера (другими словами — Леандера Смита). И начинал верить, что, поскольку он до сих пор еще не упал замертво, его отставка с большей или меньшей благодарностью принята как

fait accompli*. А может быть, Леандер или его подручные все еще ворошили какой-нибудь труднодоступный стог сена в поисках иголки, способной поразить ахиллесову пяту Дайона.

Как бы то ни было, Дайон Кэрн был слишком занят, чтобы тратить много времени на абстрактные размышления. Он беззаботно проводил свои дни: ел, пил, время от времени занимался поэзией, наслаждался необычным радостным чувством от того, что его предполагаемое отцовство подтвердилось, и, махнув на все рукой, с головой погружался в совершенно непохожие друг на друга любовные забавы с двумя совершенно непохожими друг на друга женщинами. Здесь-то и крылась та ахиллесова пята, которую неутомимый Леандер так терпеливо пытался отыскать.

14

Зима, растаяв, постепенно перешла в весну. Грудь и живот Сильфиды стали понемногу расти. Дайон написал два десятка поэм, одна или две из которых, кажется, даже удовлетворили его самого. А Джуно приобрела уединенное загородное пристанище.

Оно представляло собой открытый всем ветрам нежилой фермерский дом девятнадцатого столетия, построенный в долине Эдейл, из прочного и надежного дарбиширского камня. Эдейл — одна из наиболее эффектных долин Горного Края — вряд ли вообще подозревал о том, что на дворе двадцать первый век. Он располагался слишком далеко на севере, и его территория была слишком пересеченной, чтобы представлять интерес для сельскохозяйственных коллективов. Не имело смысла ставить здесь даже гидропонные башни, поскольку это с гораздо большим эффектом и большей пользой можно было сделать поблизости от больших городов.

Таким образом, Эдейл, удовлетворительно изолированный от двадцать первого столетия и почти полностью пустынный, если не считать пасущихся на холмах овец и нескольких населяющих его эксцентричных

* Совершившийся факт *(фр.)*.

отшельников, был совершенно идеально приспособлен для занятий любовью, рождения детей и написания стихов. И еще одно увеличивало его ценность в глазах Дайона Кэрна: долина располагалась от Лондона в двух часах полета на реактивном ранце. Даже геликар не мог достичь ее быстрей, чем за сорок минут.

Джуно оставила за собой квартиру в Лондоне-Семь. Сильфида, до неприличия счастливая своей беременностью и оскорблявшая этим любую уважающую себя доминанту, была отослана в фермерский дом, удачно названный Дайоном Витс-Энд*. К некоторому удивлению Джуно, он предпочитал проводить больше времени в Эдейле, чем в Лондоне-Семь, что не сильно, но постоянно ранило ее самолюбие. Каждый раз, посещая Витс-Энд, она чувствовала себя немного незваной гостьей.

Джуно хотела утеплить стены, установить холодильники, подвести канализацию, теплосеть и телекоммуникации и даже, перекрыв крышу, установить на ней фотоэлементы. Но Дайон решительно положил конец этим планам, заявив, что, если Витс-Энд будет изнасилован техникой, он никогда там больше не появится.

Таким образом, каменная крыша и каменные стены остались стоять, ледяная вода продолжала накачиваться из недр земли старинной помпой, а бревна продолжали с треском гореть в древнем камине. После интенсивных поисков в Витс-Энд были доставлены предметы старины: медные кровати, древние матрацы, тяжелый черный обеденный стол, ковры, пара качающихся стульев вместе с небольшим письменным столом, хрустальные масляные лампы и даже граммофон и картина девятнадцатого века.

В результате в доме сделалось очень тесно. Дайон любил его, Сильфида терпела, а Джуно ненавидела. Она ненавидела Витс-Энд потому, что там была воссоздана эпоха, когда женщина была не более чем движимым имуществом. Дайон любил его по этой же самой причине. А Сильфида, не вдаваясь во все эти психолого-философские тонкости, просто наслаждалась ветреной тишиной долины, частыми продолжительными занятиями любовью с Дайоном и тихим довольством своей беременности.

---

*Wits End — здесь, конец уму. Созвучно West End — названию одного из районов Лондона.

Отношения между ними тремя были крайне сложны, но вполне переносимы. Джуно хотела ребенка и именно от Дайона. Она была готова стерпеть многое, чтобы получить его полюбовно. Дайон тоже хотел ребенка и вполне осознанно хотел любить женщину, которая вынашивает его, желая продемонстрировать тем самым, что только эта, как он верил, настоящая связь и может доставить ему истинную радость. Однако это не мешало ему желать Джуно или, по крайней мере, нуждаться в ней. Бывали минуты, когда он с удовольствием вылил бы на голову Сильфиде ушат холодной воды, настолько был ограничен круг ее разговоров. И в такие моменты Джуно представляла собой прекрасное противоядие. Но одной только Джуно было недостаточно. Так же как и Сильфиды. В этом-то и заключалась основная трудность его положения. Он искал одну-единственную женщину, которую мог бы полюбить всем сердцем, но вместо этого находил совершенно разные стороны своего идеала в двух совершенно разных женщинах. Что касается Сильфиды, то она не желала ничего, кроме безопасности и физического удовлетворения. Гарантируйте ей это, и она была бы совершенно счастлива своей ролью репродуцирующего растения.

Бывали моменты — и очень часто, — когда Джуно, устав от витс-эндовского образа жизни, возвращалась в Лондон, чтобы ощутить биение пульса большого города. И бывали моменты — очень редко, — когда Дайон делал то же самое. Но еще реже случалось так, что они летали в Лондон вместе.

Именно в один из таких редких дней, когда Дайон и Джуно, после вечера пьяных увеселений и шатаний по трущобам Вест-Энда, вернулись в квартиру в Лондоне-Семь, и объявился Леандер. Раздался звонок, и Дайон, сидевший ближе к видеофону, ответил.

Но как только на экране возникло изображение, он выключил аппарат. Лицо Леандера растаяло почти в тот же миг, как и появилось, но все же не так быстро, чтобы Дайон не успел заметить блеск триумфа в глазах, с сардонической усмешкой смотревших на него. На несколько секунд он неподвижно и безмолвно застыл возле экрана, ожидая то ли того, что сейчас упадет замертво, то ли того, что вызов повторится. Но ничего не произошло. Возможно, Леандер был просто не в настроении нажимать на кнопку.

Джуно заметила напряжение Дайона и уловила мимолетный взгляд Леандера.

— Кто это был, любимый? — спросила она как бы между прочим. — Призрак из твоего ужасного прошлого?

— В соединении, возможно, с указанием на мое ужасное будущее, — загадочно ответил Дайон, вытирая вспотевший лоб. Затем он взял себя в руки:

— Ты его не знаешь, плоскопузая. Он вращается в низменных и порочных кругах, из которых ты вырвала меня своей добротой и верностью, связав по рукам и ногам деньгами.

— Когда ты врешь, ты непроизвольно сглатываешь.

— Я так же сглатываю, когда не вру.

— Тогда пойдем в кровать, и ты покажешь мне образец того товара, который расточаешь для Сильфиды.

— Ревнуешь, бесплодная утроба?

— Нет, просто проявляю нетерпение, юнец.

И они довольно резво прыгнули в кровать. Это был единственно возможный способ избежать бесплодных дискуссий. Но даже будучи полностью поглощенным любовной игрой, Дайон не мог забыть взгляда Леандера.

На следующий день он дезертировал от Джуно и в который раз полетел на север. В Эдейле, маленьком, открытом всем ветрам, заключенном между массивными холмами мире, Дайон чувствовал себя в относительной безопасности и мог расслабиться. Он прибыл в разгар весеннего грозового ливня, промокший насквозь и в унылом расположении духа. Дайон сбросил реактивный ранец, но был слишком нетерпелив, чтобы проделать то же самое с летным комбинезоном. Он просто расстегнул на груди молнию и заключил Сильфиду в объятия.

Дайон хотел оплодотворять ее снова и снова. Он хотел зачать сотни сыновей и чтобы они, зрелые мужчины, маршировали в шеренгах по четыре из этого такого маленького, но тем не менее необъятного чрева. Он хотел Сильфиду потому, что удовлетворение было с ним всегда, даже еще до того, как он начинал любить ее. Он хотел иметь заверенную гарантию бессмертия.

— Что это? — спросила она через некоторое время. — Ты упал с неба как сексуально помешанный чертенок.

— А я и есть сексуально помешанный чертенок.

Сильфида засмеялась, а потом вздохнула:

— Ты не кто иной, как человек, Дайон. И ты не должен заставлять меня полюбить тебя слишком глубоко, поскольку ты сквайр доми Джуно, и когда ребенок родится, она отошлет меня прочь. И это будет конец всему.

— К черту доми Джуно, — сказал он яростно. — Я убью ее. Буду душить, пока ее глаза не вылезут из орбит. И тогда я брошу ее тело в море с высоты тысячи футов. А потом ты будешь дарить мне по сыну в год, пока мы оба не умрем от истощения.

— Ты любишь ее, — сказала Сильфида просто.

— Я ее ненавижу.

— Ты любишь ее, хотя, возможно, одновременно любишь и меня. Но больше всех ты любишь себя самого.

Он истерически засмеялся и бросил ее на кровать. Но, не успев ничего сделать, упал в беспамятстве.

15

Весна перешла в лето. Это было длинное золотое лето, каждый новый день которого начинался ясным янтарным рассветом, а потом жарко и безоблачно катился к сверкающему малиновому закату. Теперь Дайон проводил большую часть времени среди вздымающихся пиков Горного Края. Он здорово преуспел в скалолазании. Легкий путь на вершины при помощи реактивного ранца был не для него. Дайон шел трудными путями — вооруженный лишь яблоком, клинышком сыра, французской булкой, фляжкой воды, карандашом и блокнотом для стихов.

Он стал меньше пить и больше писать. Впервые в жизни Дайон почувствовал себя довольно счастливым. Он понимал, что все идет к концу, и с каким-то странным озарением знал, что конец этот будет ужасен. Но пока было время рвать бутоны роз, и он рвал их.

Кроме того, Дайон пытался пустить назад стрелки часов. Среди холмов трудно было определить живете ли вы в двадцать первом столетии, двадцатом или, если на то пошло, в пятнадцатом. За прошедшие века

заметно не изменились ни цвет травы, ни бессмысленное выражение на мордах овец, которое было тем же самым, как и во времена, когда ужасная доминанта Елизавета Первая* только начала длительный процесс порабощения английских мужчин, ни тишина, остающаяся тишиной в любом столетии.

Дайон проводил свои дни лениво, корябая вирши, размышляя ни о чем и ничего не делая. Иногда вечерами, спустившись с холмов, он вместе с Сильфидой создавал в Витс-Энде свой придуманный мир. Дайон изображал из себя фермера средней руки девятнадцатого столетия, осчастливленного плодовитой и целиком зависимой от него женой. Он с большой убедительностью говорил об их несуществующей ферме и о том, как здорово облегчится жизнь, когда у них появится сильный и выносливый сын, который сможет ходить за плугом. Дайон раздобыл где-то старинную Библию и громко читал из нее отрывки. Он достал также несколько старых поцарапанных пластинок и проигрывал их на древнем граммофоне. Он полюбил музыкальные комедии. Полюбил за их нелепую абсурдность, и ранние летние вечера Витс-Энда оглашались звуками «Чио-Чио-сан», «Веселой вдовы» и «Цыганского барона».

Когда прибывала Джуно, чары рассеивались. Тогда Дайон входил в новый образ и становился жиганом двадцать первого столетия — сквайром, способным перепить любую доминанту, оставив ее валяться под столом, и предложить столько секса, сколько хватило бы, чтобы вызвать восхищение директора фрейдистского института.

Дайон инстинктивно чувствовал, что исчерпал свой лимит времени. Он знал, даже если бы вздувшийся живот Сильфиды не напоминал ему об этом, что безмятежные дни почти прошли. Он знал, что вскоре непревзойденный обманщик Дайон Кэрн должен будет сделать выбор: либо наконец выйти из мальчишеского возраста, либо окончательно погрузиться в мир иллюзий.

---

*Елизавета Первая (Тюдор) (1533—1603) — королева Англии с 1558 г. При ее правлении была значительно усилена центральная администрация, введены новые жестокие законы против бродяг и нищих, завоевана Ирландия.

В начале августа Джуно сама подтолкнула события. Дайон хотел, чтобы Сильфида, как это делали бесчисленные женщины несчетных прошедших поколений, вынашивала ребенка дома и чтобы за ней не было никакого специального ухода. Джуно, в свою очередь, желала, чтобы Сильфида наслаждалась всеми прославленными антисептическими благами славной лондонской клиники.

Поскольку Джуно приняла элементарные меры предосторожности и закрепила свои отношения с Сильфидой контрактом, при любом исходе делавшим ее законным хозяином положения, она вполне могла, если бы возникла такая необходимость, настоять на своем решении и доставить свою собственность в любое место по своему выбору.

Но необходимости в этом не возникло. Сильфида была совершенно счастлива отправиться в клинику. Дайон оказался единственным, кого это возмутило.

Ребенок безо всяких осложнений появился на свет в августе. Это был, как Дайон в глубине души и ожидал, мальчик. Его кровная мать, которой была предоставлена роскошь родов под гипнозом (за дополнительные пять сотен), вряд ли даже поняла, что все уже кончилось. Малыш — прекрасный краснолицый мальчик, весящий восемь фунтов, орал громко, как это и должен делать ребенок мужского пола, стремительно вытолкнутый в мир, где властвуют женщины.

Через восемь часов после его рождения все трогательное семейство собралось вместе. Сильфида, только что перенесшая обморок, лежала в кровати, лучась стандартной улыбкой, появляющейся после пары кубиков хэппиленда. Дайон стоял справа от нее, Джуно сидела слева, а младенец сонно ворчал в своей люльке в футе от кровати.

— Я назову его Джубал, — сказала Джуно деловым тоном. — Ты, Сильфида, будешь кормить грудью только первые две недели, потом он перейдет на искусственное питание. Я вступлю в право владения к концу третьего месяца, но, если хочешь, можешь остаться с ним до самого его поступления в школу.

Сильфида просияла:

— Вы так добры ко мне, доми Джуно.

Она всегда называла Джуно «доми Джуно». Это раболепие всякий раз доводило Дайона до исступления.

И он взорвался. Затопал ногами и зарычал, ненавидяще глядя на Джуно:

— Боже, спаси нас всех! Неужели ты собираешься и дальше играть этот фарс, сука?

— Ребенок мой, — сказала Джуно спокойно, — в соответствии с контрактом, поскольку я за него заплатила. На что ты можешь жаловаться, юнец? Ты получил все удовольствия и жил припеваючи. Прекрати психовать, это так утомительно.

— Как и вся жизнь, — быстро ответил он, — и любовь и секс. На самом деле единственная вещь, которая не слишком утомляет, — это смерть.

— Говоришь, как философ.

— Пожалуйста, Дайон, перестань, — взмолилась Сильфида, — доми Джуно знает лучше.

— Доми Джуно знает лучше! — закричал он, свирепо глядя на нее. — Неужели до тебя, грудастая, пустоголовая детородная машина, не доходит, что без усилий тебе подобных доминанты вымерли бы через поколение?

Сильфиде хотелось заплакать, но хэппиленд заставлял ее лучисто улыбаться.

— Достаточно, трубадур, — сказала Джуно. — Почему бы тебе не пойти в ближайший бар в поисках поэтического вдохновения?

— Достаточно! — зарычал Дайон. — Стоупс побери, «достаточно» — самое грязное слово в английском языке. — Он сделал глубокий вдох и попытался превзойти Джуно в спокойствии. Это не удалось.

— Я прошу тебя, — сказал он, — позволить Сильфиде оставить его. Прошу потому, что нам было хорошо вместе, и потому, что у тебя есть разум, и потому, что я этого действительно очень хочу.

— Есть кое-что, чего я тоже очень хочу, — сказала Джуно. — Твой ребенок... Наш ребенок.

Дайон расхохотался:

— Наш ребенок! Я дал любовь, страсть и тьму пьяных сперматозоидов. Сильфида дала свое тело. А что, Стоупс ради, дала ты?

— Неограниченный по времени брачный контракт для голодающего мейстерзингера, договор на рождение для опустившейся инфры и три тысячи, — быстро ответила Джуно. — И если ты не боишься сентиментальности, я тоже дала свою любовь.

— Если ты оставишь ребенка себе, я разорву наш контракт.

— Разрывай. Сын, который постоянно будет при мне, прекрасная замена бродяге трубадуру. Когда Джубал достаточно подрастет и у него разовьется чувство юмора, я, может быть, даже расскажу ему о тебе.

Дайон перепрыгнул через кровать, его руки достали до горла Джуно. Она была застигнута врасплох и не успела уклониться. Пальцы Дайона сжались, прекрасное тело доминанты забилось в конвульсиях. И только Сильфида, бросившая графин воды в голову Дайона, спасла его от убийства Джуно, а значит, и себя самого.

Графин слегка задел голову, и холодная вода привела Дайона в чувство. Ухо у него было разрезано, на горле Джуно остались ужасные синяки. Он взял себя в руки и свирепо уставился на нее.

— Прости, Дайон, — сказала Сильфида, все еще безуспешно стараясь заплакать, — но ты мог убить ее, сам знаешь. Ты не подумал. Я все равно не смогла бы прокормить ребенка одна.

Она повернулась к Джуно:

— Он не хотел на самом деле убивать вас, доми Джуно. Он просто разволновался. Но, конечно, вы и сами это знаете.

Они оба не обратили на Сильфиду внимания.

— Я прошу тебя не забирать у нее ребенка.

— Я уже это слышала. Ребенок принадлежит мне.

— Тогда ты больше никогда не увидишь меня.

— Что?

— А то, что у тебя останется один ребенок, бесплодная утроба. Но Сильфида будет со мной, и у нас еще родятся дети.

— Это твое право, юнец, — вяло улыбнулась она. — Если тебя заботят такого сорта вещи.

— Я также оставляю за собой Витс-Энд. Он мне нравится.

— Он нравится мне тоже. И, так уж случилось, он — моя собственность.

Дайон вытер ухо.

— Пожалуйста, — сказала Сильфида, которой наконец-то удалось заплакать, — пожалуйста, не ссорьтесь из-за меня.

— Замолчи, женщина, — сказал Дайон, не глядя на нее, и посмотрел в глаза Джуно: — Тогда я дам тебе за Витс-Энд подходящую цену. Одна ублюдочная

доминанта заплатила мне кучу денег за спасение твоей жизни.

Джуно, побледнев, смотрела на него. Она тоже чуть было не ударилась в слезы. Но в ней было слишком много гордости, и она слишком хорошо владела собой, чтобы сорваться.

— Прибереги свои деньги, жиган, — сказала Джуно холодно. — Эта лачуга твоя. Тебе понадобятся все твои сокровища, если ты вздумаешь изображать из себя крестьянина.

— По мне, лучше изображать крестьянина, — быстро ответил он, — чем тратить время, проливая струю жизни между твоих бесплодных ляжек.

Затем, даже не посмотрев на Сильфиду, он вышел из палаты.

16

Джуно и Дайон больше ни разу не виделись воочию, за исключением одной краткой встречи накануне того самого дня, когда тонкая поэтическая жилка в его мятежной голове была навеки выжжена, а путеводная звезда поэтических вдохновений, головокружительно вращаясь, канула в психический мальмстрем.

После того как Джубал (которому дали фамилию Локк) был передан законному владельцу — и новой инфре, которая должна была ухаживать за ним, — Дайон забрал Сильфиду обратно в Витс-Энд. Это квазипсевдовикторианское убежище среди холмов удовлетворяло его больше всего, что можно было отыскать в двадцать первом веке.

Долгое лето, увяв, перешло в сухую, бронзовую осень. Листья опали, в воздухе чувствовался аромат дальних странствий. Должно быть, Дайон осознал, что крылатая колесница времени не замедляет скорости, — у него произошел краткий финальный взрыв творческой активности. Но теперь это были не стихи, а серия писем. Серия посланий своему настоящему сыну, которого, возможно, он никогда и не увидит, но в чьем будущем существовании Дайон ни в малейшей степени не сомневался. Серия писем ни о чем и обо всем. О капле росы на траве; о затуманенном взгляде

женских глаз; об одиночестве и о том, как напиваться допьяна; обо всех тех вещах, которые мужчина должен делать, знать и которым должен соответствовать, чтобы только оставаться мужчиной. Он писал также и о практических вещах: например, как воровать у доминант, не нарушая при этом закона, и как сохранять гордость при пустом желудке. Карандаш был исписан почти полностью, и от него остались лишь последние три дюйма. Старинный бумажный блокнот подошел к концу. И жизнь Дайона Кэрна тоже подошла к концу.

Но у него еще оставалось немного времени. Как раз столько, чтобы закончить два важнейших дела. Первое — и самое легкое — снова сделать Сильфиду беременной. Второе — и несравненно более сложное — просто-напросто передать ей то немногое, что он сам знал о любви. Любви, которая совсем не то же самое, что обыкновенное желание, благодарность или верность. Любви, которая просто является побочным продуктом в высшей степени неуловимого акта познания другого человеческого существа.

Сильфида ничего не понимала в любви. Или, по крайней мере, ничего не понимала из того, что подразумевал под любовью Дайон. Для нее любовь была предметом потребления. Вы могли произвести ее, купить, продать, инвестировать. Это была практическая вещь со своей функциональной стоимостью — ее можно было изготовить в массовом порядке, сделать на заказ и даже выдать и сбыть за истинную страсть.

Для Дайона любовь была чем-то совершенно иным. Иногда это было животное, которое буйствовало внутри его тела, терзая когтистой лапой нервные окончания. Иногда это было разновидностью одиночества, которое взрывалось страстью. Иногда это была форма видения, способ познания, звездная карта, показывающая извилистый галактический путь от одного человеческого существа к другому. Иногда она была кошмаром, иногда отвратительным видением алкоголика. Но всегда это было нечто живое.

Обычно уроки любви начинались в спальне. Они включали в себя общеизвестный язык прикосновений, запахов и вкусовых ощущений. Но в конце концов синтаксис эмоций делался слишком велик для постели, слишком сложен, чтобы его можно было выразить восставшей плотью. Учитель становился учеником, ученица становилась учителем. Это выглядело так, как

будто какой-то шутник поворачивал переключатель, пуская назад поток истории, пока тот не возвращался ко времени первого мужчины и первой женщины.

Один день плавно переходил в другой. Ночи иногда вспыхивали экстазом и очень часто погружались во мрак истощения. Октябрьская погода подарила три недели бабьего лета, в продолжение которых даже Сильфида поняла, что беременна, и даже Дайон понял, что не зря прожил жизнь.

Все это было, как понимал Дайон, слишком хорошо, чтобы длиться сколько-нибудь долго. Поэтому он не был очень удивлен, когда в конце тихого солнечного дня что-то, выглядевшее в умирающем свете заката как гротескная пародия на ворона, появилось с юга, облетело по кругу долину и доставило свой груз плохих новостей к ступеням Витс-Энда.

Леандер отстегнул реактивный ранец и вылез из летного комбинезона с сияющей улыбкой на лице и лазерным пистолетом в руках. Дайон увидел оружие и сдержал желание уничтожить то, что, несомненно, заслуживало уничтожения.

— Что? Ты не рад мне? — мягко спросил Леандер. — Дорогой деревенский юноша, прошло так много времени с тех пор, как мы вдохновляли друг друга на героические подвиги.

— Гораздо меньше ста лет, жаба. Как ты нашел меня?

— Надеюсь, ты не забыл о своем говорящем сердце?

— Все, что тебе нужно было сделать, — это отключить его на расстоянии. Что тебя удержало?

— Маленькая загвоздка — ахиллесова пята. Было необходимо совершенно точно установить ее местоположение.

— И это тебе удалось?

Сильфида вышла из дома и присоединилась к ним. Леандер сердечно ей улыбнулся и с почти отсутствующим видом повернул ствол лазерного пистолета в направлении живота женщины.

— Я так думаю, дорогуша. Действительно так думаю... Я был в отъезде последние несколько месяцев — всецело в интересах Потерянного Легиона, как ты понимаешь. Но ахиллесова пята определенно существует, и, следовательно, мы оба находимся в позиции для ведения переговоров.

— Нам не о чем договариваться.

— Ты меня разочаровываешь.

— A rivederci*.

— Очень жаль. Я, конечно, знаю, что лично ты выражаешь крайне малый интерес к тому, чтобы продолжать дышать. Но, — он снова взглянул на Сильфиду, — мне так же очевидно, что твое безразличие не распространяется, как это кратко сказано в какой-то книге или где-то еще, на третье или четвертое поколения.

Дайон вздохнул:

— Слово «переговоры» предполагает наличие двух сторон, ублюдок. Что, в конце концов, ты предлагаешь?

— Полную и абсолютную свободу. Окончательную и почетную демобилизацию из Потерянного Легиона.

— Дайон, кто это? — нервно спросила Сильфида. — Чего он хочет?

— Чего ты хочешь? — спросил Дайон.

— Одну маленькую услугу, которую ты окажешь нам двенадцатого ноября.

— А именно?

— Двенадцатого ноября, — продолжал Леандер, — королева Виктория Вторая — Боже, благослови ее инъекции жизни — собирается открыть новую сессию парламента. Как и у всех англичан, наши сердца теплеют при мысли об этом традиционно пышном празднестве. Но, как это неоднократно случалось ранее, оно может оказаться довольно-таки унылым. Потерянный Легион решил внести в него кое-какие оживляющие черты.

— Как?

— Путем преобразования его в государственные похороны, — ответил Леандер. — Последние несколько сот лет, насколько мне известно, ни один владыка Британии не погибал от руки убийцы. Я уверен, Виктория была бы необыкновенно польщена, узнав, что она выбрана исправить это досадное упущение.

— Ты очень наблюдателен и непреклонен в своих решениях.

— Конечно. Но не только. Подумай над этим, Дайон. Это драматично, это смело, это ужасно и совершенно восхитительно-шокирующе. Это такая шту-

* Прощай *(ит.)*.

ка, которая заставит половину доминант Англии пережечь от волнения все свои предохранители.

— Это такая штука, которая повлечет анализы первой степени в количестве достаточном, чтобы успокоить весь твой Потерянный Легион на веки вечные.

— Да, такой риск в самом деле есть, — согласился Леандер.

Дайон холодно улыбнулся ему:

— Позволь мне угадать, кому предназначено раньше всех заработать первую степень.

— Это будет твое последнее дело, — сказал Леандер. — После него ты сможешь с почетом уйти в отставку.

— А из головы моей сделают кашу. Нет уж, спасибо. Пусть кто-нибудь другой стяжает себе славу. Лучше всего — ты.

— Что это? — спросила Сильфида с беспомощным замешательством. — Это какая-то шутка?

— Да, любовь моя, мы так веселимся, — объяснил Дайон. — Этот джентльмен хочет, чтобы я в обмен на ничего разрезал королеву Викторию пополам.

— Не на ничего, а на то, чтобы ничего больше не делать, — поправил Леандер, со значением посмотрев на Сильфиду. — А также в обмен на твое гарантированное мирное разрешение от бремени.

— Обычно, — объяснил Дайон, — он живет под мокрым камнем, и продолжительная сухая погода его расстраивает.

— Конечно, — вкрадчиво сказал Леандер, поднимая лазерный пистолет, — если тебя не интересует благополучие третьего и четвертого поколений — или даже второго, — мы можем, некоторым образом, устроить все отныне и навеки.

— Не так быстро, скорпион, — крикнул Дайон. — Откуда я знаю, что это будет последний гамбит?

Леандер вздохнул:

— Разве между нами нет полного доверия?

— Нет.

— Ты меня огорчаешь. Ну ладно... Вот здесь подписанное мною лично признание, что я несу персональную ответственность за покраску членов парламента и планируемую смерть королевы. Это гарантия твоей свободы. Я уверен, при малейшем недопонимании между нами ты или твоя прекрасная инфра будете знать, что сделать с этой бумагой.

Дайон посмотрел на темнеющее небо и поежился.

— Здесь холоднее, чем ты думаешь. Пойдем внутрь и обсудим твою маленькую попытку государственной измены за стаканом-другим болеутоляющего.

— Прекрасно. — Леандер убрал лазерный пистолет. — Кстати, если я не вернусь в Лондон завтра к полудню, ты будешь мертв и, следовательно, совершенно не способен узреть столь интересующее тебя будущее твоих отпрысков, потенциальных или уже имеющихся. Это было бы очень грустно, не правда ли?

— Возможно, — согласился Дайон. — Как бы там ни было, твое сообщение принято к сведению.

Сильфида заплакала.

— Это кошмар, — рыдала она, — этого не может быть. Все, что мы хотим, — жить и любить друг друга и чтобы нас оставили в покое. Почему кто-то хочет разрушить все это?

Дайон нежно поцеловал ее:

— Это вопрос на шестьдесят четыре миллиарда львов, любимая. — Он взглянул на Леандера. — И ответ чрезвычайно прост. Потому что какой-то ублюдочный шутник устроил так, что легче богатой доминанте пролезть сквозь игольное ушко, чем бедному жигану попасть в царствие небесное.

17

Стояло прекрасное тихое утро. В пьянящем, как вино, воздухе чувствовался легкий аромат мороза. Дайон, одетый в летный комбинезон переменчивого цвета, с гоночным реактивным ранцем за спиной, распростерся лицом вниз на крыше Мемориала погибшим в первой и второй мировых войнах в Уайтхолле. Дуло его лазерной винтовки с оптическим прицелом осторожно покоилось между толстыми столбами низкой балюстрады Кенотафа*. Эта балюстрада была пристроена в начале двадцатых годов, когда телевидение еще базировалось в основном на земле, а для съемок государственных событий требовались удобные и выгодные позиции.

* Памятник англичанам, погибшим в I и II мировых войнах.

Но теперь, когда повсеместно использовались управляемые с земли парящие камеры, вершина Мемориала оказалась полностью в распоряжении Дайона, поскольку даже жадные до сенсаций доминанты из телевидения вряд ли осмелились бы снимать цареубийство.

Он лежал здесь с самого рассвета, окостенев от страха и неподвижности, ни разу не пошевелившись в продолжение последних четырех часов. Несмотря на хамелеоновские качества летного комбинезона, малейшее движение Дайона было бы замечено дрейфующими в воздухе камерами или патрулирующими офицерами порядка, и тогда цифры его индивидуального индекса были бы перечеркнуты навсегда. Даже неудачное покушение на цареубийство заслуживает первой степени.

Лежа в ожидании радиосигнала от Леандера, который, затаившись на вершине арки Адмиралтейства, должен был подать знак, когда процессия окажется в четырех минутах от Мемориала, Дайон имел достаточно времени подумать обо всех тех вещах, о которых думать ему не хотелось. Например, о том, что, вероятно, через полчаса он будет, так или иначе, окончательно мертв. Разрежет он Викторию или нет — в любом случае найдутся люди, которые возжаждут его крови. Так что Дайон попал между молотом и наковальней.

Инструкции Леандера были исчерпывающи и недвусмысленны.

— Окончательная, а не временная смерть — вот что нам требуется, дражайший мой, — говорил он. — Если Виктория выживет, она сделается паршивой героиней. Так что тебе надо либо прожечь ей голову, либо разрезать ее саму пополам. Все должны увидеть, что быть монархом в этом оккупированном доминантами мире — опасное занятие.

План бегства был достаточно прост, чтобы оказаться удачным — при условии, что им удалось бы благополучно взлететь. Подав сигнал с арки Адмиралтейства, Леандер должен будет тут же перелететь на крышу нового Дома Мира, расположенного параллельно Мемориалу, и ждать, пока Дайон не откроет огонь. Затем, когда Дайон, выжимая полную мощность из своего гоночного реактивного ранца, поднимется с крыши Мемориала, Леандер отвлечет внимание на себя и постарается сбить со следа бросившихся в погоню офицеров порядка. В конце концов они встретятся на

высоте десяти тысяч футов, что, как надеялся Леандер, на две тысячи футов превышает высоту, до которой офицеры порядка осмелятся подняться, и вместе полетят на север. Над Кэмбриджширом, если им удастся оторваться от преследователей, террористы разделятся. Они приземлятся возле брошенного сарая, где Леандер припрятал взятое в аренду летное снаряжение, выбросят свои винтовки и гоночные костюмы и, сказав краткое «прощай навеки», расстанутся друг с другом. Дайон полетит дальше на север, в Витс-Энд, а Леандер на юг, в Лондон, — два невинных сквайра, спешащих по своим законным делам.

Это был разумный план, но, как предчувствовал Дайон, не из тех, что сработают. Потому что для того, чтобы что-то сработало, вы должны этого хотеть. А Дайон, как всегда, сам точно не знал, чего хочет.

Так он и лежал, потея, чувствуя, как холодный воздух омывает лицо, слушая приглушенный шум уличного движения и раздающиеся неподалеку крики, которые издавали нанятые за пару львов инфры и жиганы, громко приветствовавшие кортеж королевы.

Но, Стоупс побери, почему Дайон должен сжечь ее? Разве, зажарив Викторию, он свергнет весь чудовищный режим власти доминант? Конечно нет. Он только разозлит этих сук. Так почему же он лежит здесь?

Ответ: потому, что Д. Кэрн заключил некое соглашение с учеником дьявола. Или потому, что Д. Кэрн развил в себе joie de mourir*. Или потому, что Д. Кэрн просто-напросто скучает.

Прозвучал посланный Леандером радиосигнал, и Дайон вздрогнул, как испуганный кролик. Это движение определенно должно было быть замечено, но ничего не произошло. Он был этим даже несколько разочарован.

— Bon chance**, жиган! — прошептал сквозь потрескивания голос Леандера. — Ты должен поджарить эту колбаску. Выдай ей со всей любовью две тысячи градусов по Фаренгейту... Увидимся над облаками, чудный малыш. Все.

— Или в аду, — проворчал Дайон себе под нос, — отделанные так, что родная мать не узнает.

Все еще держа голову ниже балюстрады, он осторожно

---

* Жажда смерти *(фр.)*.

** Желаю удачи *(фр.)*.

поднялся на колени и выглянул между столбов. Кортеж, возглавляемый полуэскадроном дворцовой кавалерии, повернул к Уайтхоллу. Заклепки на выпуклых металлических кирасах гвардейцев сверкали в неярком солнечном свете, подобно множеству похожих, как близнецы, жадных глаз.

Дайон задрожал. Лазерная винтовка показалась ему добела раскаленной кочергой и, одновременно, весящей десятки тонн железякой.

Сэр Дайон Кэрн, подумал он, столь недавно получивший рыцарское звание, государственную пенсию и интимное внимание самой королевы, готов теперь предать окончательной смерти тело своего милостивого суверена. Да будет его имя за это проклято навеки.

Нетвердой рукой он поднял лазерную винтовку и посмотрел сквозь оптический прицел. Виктория, прекрасно видимая при десятикратном увеличении с расстояния в две сотни метров, милостиво улыбалась в лучших традициях британских монархов. Они все милостиво улыбались на протяжении слишком многих кровавых столетий. Настало время пресечь это.

Дайон установил винтовку на максимальную мощность, приложил щеку к ложу и снова посмотрел через оптический прицел. Сверкающие глаза на кирасах дворцовой кавалерии танцевали в гипнотическом танце. Черт побери, откуда взялась здесь эта радуга? Черт побери, должно быть, идет дождь. Черт побери, никакого дождя нет. Черт побери, да это же плачет он сам.

Дайон попробовал нажать на спусковой крючок, но его указательный палец застыл, как окаменевший вопросительный знак.

Сто пятьдесят ярдов. Улыбка Виктории была улыбкой сфинкса. Всякий, если он не законченный идиот, мог видеть, что она смертельно скучала. Освободить ее от скуки было бы актом милосердия.

Выстроившиеся вдоль пути следования королевского кортежа нанятые жиганы и инфры, предвкушая близкую выпивку, принялись выкрикивать приветствия, хриплые и нестройные. Многочисленные слабоумные доминанты бросали пригоршни пластиковых розовых лепестков. Телевизионные камеры парили, подобно рою гигантских мух.

Дайон снова попытался нажать на спусковой крючок и снова у него ничего не получилось.

Это смешно.

Смешно — взрослый мужчина, против своей воли вытолкнутый в счастливый только для доминант мир, не может казнить взрослую женщину, являющуюся символом женской власти в этом мире.

Сто ярдов. Дайон вытер слезы и попытался возненавидеть Викторию.

Это не сработало. Сделав огромное умственное усилие, он представил лицо Джуно на месте лица Виктории. И даже это не сработало. Его палец будто свело. Вопросительный знак не думал распрямляться.

И тогда Дайон вдруг вспомнил свою мать, которая умерла от закупорки сосудов после семнадцати беременностей. Которая убила себя ради того, чтобы купить ему образование и дать немного средств к существованию. И он почувствовал, что наливается праведным гневом.

Виктория Вторая, королева Англии, была символом общества, которое делало такие жертвоприношения необходимыми. И теперь настало время ей получить все сполна. За себя и за всех доминант, которых она представляла.

Дайон поднялся во весь рост на вершине Мемориала. Мемориала, который был памятником десяти миллионам павших мужчин. Они умерли не ради чьей-нибудь славы, что бы там ни говорили историки. Но, конечно, они умерли и не ради того, чтобы вырождающаяся порода женщин унаследовала Землю.

Дайон почувствовал, что все они поднялись вместе с ним. И это был приговор большинства.

Он смахнул слезы и приник к прицелу. Его разум был холоден, и вопросительный знак на кончиках пальцев сделался гибким. Виктория все еще улыбалась.

Вопросительный знак сжался, и улыбка испарилась. Страшно заржали лошади. Несколько латников с оглушительным лязгом свалились на дорогу. Казалось, приветственные крики перешли в бурю. В десяти световых годах от Дайона, на крыше расположенного напротив здания, Леандер Смит открыл огонь из лазерного пистолета, безуспешно пытаясь разметать строй офицеров порядка, уже слетавшихся по направлению к вершине Мемориала.

Дайон не двигался. Он даже не хотел двигаться. Он уронил лазерную винтовку и просто стоял, ожидая, что будет.

Ему пришлось ждать не долго.

В продолжение тридцати секунд он был избит до неузнаваемости и потерял сознание.

В эти же тридцать секунд Леандер. Смит понял, что Дайон больше не имеет ни малейшего намерения лететь на рандеву на высоте десяти тысяч футов. Но к этому времени он и сам упустил шанс на спасение. Как только Леандер стал подниматься в воздух, какая-то проворная доминанта удачным выстрелом с расстояния в четыре сотни футов сожгла его реактивный ранец. Леандер упал обратно на крышу и сломал лодыжку.

Так он и остался сидеть там, в ожидании прибытия офицеров порядка, совершенно истерически смеясь над своей убийственной шуткой и неминуемой перспективой анализа первой степени.

18

Комната была маленькой, белой и пустой. Окна отсутствовали. Искусственный, с зеленоватым оттенком свет исходил от какого-то источника, расположенного позади круглой металлической решетки, вделанной в потолок. Металлическая дверь запиралась на магнитный замок. Два тяжелых стула были закреплены на полу тоже при помощи магнитов. Дайон Кэрн, на скорую руку приведенный в порядок после избиения, сидел на одном из них. Леандер Смит, бережно нянчивший на сломанной ноге плотно наложенную шину, расположился на другом.

Сквозь туман боли и головокружения Дайон пытался восстановить в памяти утренние события.

— Надеюсь, я убил ее? — спросил он после продолжительного молчания.

Леандер скривился и передвинул ногу.

— Именно это ты и сделал, сын мой. И совершенно навсегда. Это единственное маленькое утешение в нашем общем горе. Почему, Стоупс ради, ты не взлетел?

— Не знаю, — сказал Дайон и добавил, подумав: — Может быть, потому, что понял, что убил ее. — Неожиданно он впал в ярость: — Почему твой вшивый Потерянный Легион не нашел более подходящего убийцы? Более вам преданного? И в любом случае

это не работа для таких трясущихся типов, как мы с тобой.

— Интересно, — сказал задумчиво Леандер, — у тебя тенденция выражаться высоким слогом в момент стресса.

— К черту высокий слог. Теперь, когда с нами все кончено, твой дурацкий Потерянный Легион должен из-под земли достать других зомби, которые выполняли бы его трусливые планы. Это, по крайней мере, позволяет нам хоть частично утешиться.

— Никакого Потерянного Легиона больше нет, — сказал Леандер мрачно, — он капитулировал сегодня утром.

Дайон открыл рот, но прошло довольно много времени, прежде чем он сказал:

— А как же революционная армия? Верховное командование?

Леандер улыбнулся:

— Малыш, верховным командованием был я. А ты составлял всю мою армию, включая кавалерию и специальные части.

Снова последовало молчание, во время которого Дайон проглатывал и усваивал услышанное.

— Так, выходит, это ты встроил бомбу в мое искусственное сердце?

— Никакой бомбы в твоем искусственном сердце не было.

— А как насчет приводного устройства?

— Не было никакого приводного устройства.

— Тогда как, Стоупс ради, ты узнавал, где я нахожусь? Те наши встречи в Сент-Джеймском парке и Витс-Энде?

— Интеллект, плюс терпение, плюс чья-то доверчивость в сумме дают чудеса, — объяснил Леандер. — Я знал, что ты ночуешь в Букингемском дворце, а потому просто подождал сколько было нужно и последовал за тобой, когда ты оттуда вышел. На это ушла масса времени, но дело того стоило. А что касается твоего маленького серенького домишки на севере, все, что мне нужно было сделать, — это выследить доми Джуно, которая, кстати сказать, летает как безумная, ничего не замечая вокруг... Quod erat

faciendum*, как сказал кто-то. Или, может быть, inveniendum** было бы точнее.

— Но в клинике ты продемонстрировал, что мог бы убить меня.

— Дорогой малыш, я просто взял взаймы у одной беспечной доминанты-медички дистанционный прерыватель сердечной деятельности, который входит в стандартное оборудование для тестирования механических сердец. Максимальный радиус его действия, я думаю, не превышает десяти ярдов. А абсолютный предел продолжительности такой индуцированной смерти равен сорока секундам. После этого автоматически включается аварийный насос.

— Так это был обман, — слабо пробормотал Дайон.

— Могу только сказать, что ты обманывал сам себя — с моей минимальной помощью.

— Но, ради Христа, для чего?

— Кто знает? — ответил Леандер, любуясь собой. — Может быть, просто из желания быть героем.

— Нет, гробокопатель, я спрашиваю не о себе, а о тебе, — сказал Дайон холодно. — Почему ты это сделал? Зачем этот трюк с Потерянным Легионом? К чему это желание завербовать именно Дайона Кэрна в качестве главного исполнителя твоих бредовых планов? Зачем было красить доминант в пурпур, сжигать королеву и добиваться того, чтобы из наших мозгов сделали кашу?

Леандер засмеялся:

— Вопросы! Вопросы! Посмотрим, есть ли на них удовлетворительные ответы! Первое: трюк с Потерянным Легионом. Как экс-поэт, ты, несомненно, примешь в качестве оправдания мою ссылку на романтизм. Второе: вербовка Дайона Кэрна. Разве недостаточно, дорогой дружище, что мне понравилось твое лицо, не говоря уже о духе? Третье: зачем было красить доминант в пурпур и так далее. Это всего лишь жесты, сынок. Не слишком значительные, быть может, но все же жесты. Я ни о чем не жалею. И тебя мне тоже не жаль. Мы есть то, что есть, и должны оставаться мужчинами! Обед был отличный, и теперь настало

---

* Что и требовалось сделать *(лат.)*.

** Найти *(лат.)*.

время платить по счетам. Жаловаться было бы неблагородно.

Дайон не знал, плакать ему или смеяться. Но тут он поймал взгляд Леандера, и последний порыв победил. Смех отозвался в маленькой пустой комнате гулким эхом. Несмотря на то что, издавая эти звуки, Дайон сотрясался в конвульсиях, он вслушивался в них почти отрешенно, наслаждаясь своим, по всей видимости, последним безудержным хохотом в этом безумном мире. Но это было нечто большее, чем хохот, и меньшее, чем просто смех. Это был тщательно замаскированный крик души. Наконец Дайон успокоился настолько, чтобы осознать, что Леандер говорит снова.

— Я был законченным терпеливым нигилистом, — сказал Леандер. — В продолжение одиннадцати лет, кипя в глубине души негодованием, я выполнял тяжелую грязную работу в клинике на Трафальгарской площади, ожидая, что какой-нибудь настоящий Ланселот очертя голову проникнет в этот заповедник драконов. И вот в поисках инъекций жизни появился ты, с лицом, искаженным страданием, и психозаписью о трех третьих степенях. Тогда я сказал себе: этот парень — то, что мне нужно. Хвастливый малый с избытком адреналина и достаточно развитым воображением, чтобы проглотить полнейший абсурд. Как я был прав! Как ошибочно прав я был! Только ты, в котором так причудливо соединились высокий интеллект и крайняя глупость, мог, стоило мне только отдать приказ, принять на себя обязанности диверсионного подразделения.

— А где же были остальные? — спросил Дайон.

— Где были остальные? Действительно, за эти годы в рядах Потерянного Легиона побывал еще кое-кто. Некоторых я потратил на маленькие бесчинства, вроде диверсий на детских фермах. Других послал с нереальной миссией к иностранным единомышленникам — ты знаешь такого сорта вещи: «Жиганы всех стран, соединяйтесь, вам нечего терять, кроме своего места на одну ночь...» Но ты — совсем другое дело. У тебя был природный дар. Твое участие делало шутку стоящей. В тебе была искра артистического гения, которая придала игре убедительность — даже для меня.

— Но ведь все это могло бы быть на самом деле, — медленно сказал Дайон. — Где-то ведь действительно мог скрываться многоцветный, стереофонический, трех-

мерный Потерянный Легион, ожидающий только последнего приказа.

— Дайон, дорогое дитя, ты дурак от рождения, — ответил Леандер. — Будь добр, не пытайся переделать природу. Ты же видишь, сейчас в Англии не осталось джентльменов. А те, что остались, находятся в постелях у доминант, потому что в этом полураю больше постелей, чем тел для них. Ты никак не можешь вылезти из своего тесного шелкового кимоно. Мужество вышло из употребления. Проказники все еще играют — вспомни недавнее празднество в Стоунхендже, — но никто не борется. Борьба требует мужества, а мужество... как было сказано выше. Мы еще можем протыкать утробы доминант, но мы не можем больше бороться. Черт побери, мастер Ридли, мы не можем даже зажечь приличной свечки, ты и я. Коварные суки надули нас, отменив смертную казнь, но оставив при этом смертный приговор. Мы должны будем носить свою первую степень, как клоунскую шляпу, и получать пинки в зад от каждого жующего овес евнуха. Но тем не менее, — он засмеялся, — обед был превосходен и безалкогольное вино имело изумительный вкус. Аминь.

Наступила тишина.

— Я думаю, будет какое-то разбирательство? — сказал Дайон, помолчав.

— Разумное предположение, — ответил Леандер благодушно. — Цареубийство — умирающее искусство, но оно все еще вызывает некоторое уважение.

Дайон рассмеялся:

— Виновен, но невменяем.

Леандер засмеялся в ответ:

— И это, мой дорогой принц, вердикт для нас всех.

— Но ты же, конечно, понимал, что единственное, чего я хочу, — жить в мире. Что я нашел нечто, ради чего стоит жить. Что я построил мир, в котором двадцать первого столетия не существовало.

Леандер был непоколебим:

— Я спас тебя от превращения в растение.

— Но так что, теперь я все равно буду превращен в растение, только другого рода.

— Возможно. Но все же было кое-что, что я должен был узнать. Это казалось важным.

— Ну и что, Стоупс ради, могло быть столь важным?

На мгновение сардоническая маска спала с лица Леандера.

— Я должен был узнать, мужчины ли еще мы... И я не хотел быть в этом деле один.

И тут они услышали доносящийся из-за двери звук приближающихся по коридору шагов.

19

La reine est morte. Vive la reine!*

Елизавета Третья, счастливая обладательница сверхъюного пятидесятилетнего тела, совмещавшая в своем лице наследницу ожидаемую и наследницу фактическую, сделалась преемницей погибшей королевы. И поэтому ее первый публичный выход произошел во время судебного разбирательства, должного распорядиться судьбой тех, кто сделал вступление Елизаветы на престол возможным. (Это было одно из самых рекордных по количеству зрителей телешоу, собиравшее у экранов, по приближенным оценкам, девять миллионов человек.)

Судебное разбирательство длилось три часа сорок минут, включая перерывы. Его начало, по стандартному федеральному времени, было тщательным образом выбрано так, чтобы прийтись на часы пика зрительского интереса. Вследствие этого было отменено несколько миллионов званых ужинов и других общественных развлечений. Оба обвиняемых потребовали от суда признать их виновными и вменяемыми, но обоим было отказано.

Номинальное жюри присяжных состояло из семи доминант, двух жиганов, одного сквайра и двух инфр. Все они были хорошими и честными гражданами. Каждому из них гарантировалось постоянное освобождение от судебных обязанностей с этого момента и до конца жизни, а также полпроцента дохода от продажи авторских прав на телепередачу, стенограмму процесса, драматические произведения на его материале и их переиздания, в течение ближайших пяти лет. (Одна американская доминанта даже потребовала еще

*Королева умерла. Да здравствует королева! *(фр.)*

пятьдесят процентов за создание версии процесса в форме мюзикла.) По оценкам, общий доход должен был достигнуть миллиона львов, и одна проворная американка уже заявила претензию на половину этой суммы за музыкальную версию зрелища.

Леандер по обыкновению блистал юмором висельника. Дайон произнес две короткие, но зато щедро сдобренные жестикуляцией речи в защиту прав мужчин. Приговор суда был единодушен: виновны, но невменяемы. Вердикт зрителей, зарегистрированный компьютером интервида, гласил: виновны, но невменяемы — триста сорок два миллиона двести десять тысяч двести семнадцать голосов. Виновны и вменяемы — девяносто две тысячи сорок четыре голоса. Невиновны — сто четыре голоса.

Надев черную шелковую мантию, судья объявила, что обвиняемые, прежде чем будут подвергнуты благословенному освобождению и полному прощению посредством анализа первой степени, должны быть помещены в камеры для размышлений сроком на три недели. Кроме того, им навсегда будут запрещены инъекции жизни. Леандер бурно протестовал и требовал для себя смертной казни, за что был силой удален из зала суда четырьмя эффектно улыбающимися доминантами, которые не тронули его даже пальцем, пока не вышли из поля зрения телекамер. Дайон послал королеве воздушный поцелуй, высморкался в сторону судьи, чья покрытая шелком грудь, к восторгу снимающих крупным планом телеоператоров, от этого ритмично заволновалась, и покинул зал суда собственным ходом.

Леандера он больше не видел. Они были рассажены по разным камерам. Смит объявил себя правоверным мусульманином и потребовал молитвенный коврик. Следующие два дня он потратил на то, чтобы тайком распустить его и сделать достаточно прочную петлю. На третий день он повесился, выразив тем самым, в самой сильной из доступных ему форм, свое полное неодобрение отмены смертной казни. Леандер очень ловко рассчитал время самоубийства и поэтому был обнаружен слишком поздно, чтобы у доминант-реаниматоров остался шанс отомстить ему воскрешением. Как бы то ни было, его финальный жест был нейтрализован телерепортажем, в котором говорилось,

что покойный страдал обширным кровоизлиянием в мозг, вызванным раскаянием и угрызениями совести.

Ни Сильфида, ни Джуно не посетили судебное разбирательство и даже не смотрели его по телевизору — но по совершенно разным причинам. Шок от известия о покушении и аресте Дайона оказался таким сильным, что вызвал у Сильфиды, все еще жившей в Витс-Энде, выкидыш. Поскольку ее беременность продолжалась всего несколько недель, с чисто физиологической и медицинской точки зрения это было весьма незначительным событием. Но для Сильфиды, той, которую Дайон учил любви, той, о ком он с гордостью думал как о будущей матери своего ребенка, это было концом света. Арест Дайона и неминуемый анализ первой степени — этого оказалось слишком много для ее уже и так перенапряженных нервов. Она схватила ближайший попавшийся под руку острый предмет (им оказалась пара стальных ножниц, которые Дайон приобрел, пытаясь воссоздать старинную обстановку фермерского дома) и ударила себя в живот.

В древней книге, которую Дайон любил читать ей, были замечательные слова: «И если глаз твой искушает тебя, вырви его и выброси прочь».

Ее чрево предало ее. Оно предало ее, Дайона и их общее будущее. Поэтому, в бешенстве горя, Сильфида схватила ножницы и с гневом и яростью вонзила их в гладкий белый живот, который изверг ее сына. Она продолжала наносить удары, пока боль, мука и туман у нее в голове не погрузили мир в холод и сладкую темноту забвения.

По всей вероятности, Сильфида должна была бы умереть от потери крови — хотя, как ни странно, ни одно из полученных ею ранений не было смертельным, — если бы Джуно этим же вечером не прилетела в Витс-Энд, чтобы утешить ее после оглашения приговора. Джуно нашла Сильфиду лежащей в ванной комнате, со все еще крепко зажатыми в побелевшей руке ножницами. Через пятнадцать минут Сильфида была уже в клинике Южного Манчестера, а вокруг нее суетились и спорили по поводу резекций кишечника и потребуется ли имплантировать синтетический желудок. В конце концов им удалось наскоро заштопать ее. Абсолютно не зная анатомии, Сильфида тем не менее попала совершенно точно. Ей требовалось сде-

лать удаление матки. «Если глаз твой искушает тебя, вырви его...»

И теперь она лежала в клинике, выздоравливая телом, но не душой.

Леандер лежал в пластиковом гробу, найдя успокоение в своей последней шутке. Его должны были предать очистительному огню Большого Лондонского Крематория (отделение для инородцев). На церемонию пришли: тридцать один простой мусульманин, два муэдзина и один доморощенный, недавно появившийся пророк.

Джуно, которой было милостиво разрешено посетить преступника перед казнью, вылетела в Ее Величества Главный Центр Анализа для Дезориентированных и Антисоциальных Личностей.

А Дайон, находившийся в полной изоляции, ничего не знал обо всем этом. Его свидание с Джуно произошло после третьего воскресенья на третьей неделе размышлений, за два дня до начала анализа первой степени. Визит был краток — ей дали только десять минут. Дайон не хотел даже этой встречи, но, поскольку все законы были на стороне Джуно, его желание во внимание принято не было.

Когда она вошла в камеру, Дайон даже не посмотрел на нее, но он сделал это, когда Джуно стала рассказывать о Сильфиде, а затем и о Леандере. И каждый из них увидел, что лицо другого мокро от слез.

— Дайон, есть кое-что, о чем я хочу тебя попросить, — сказала Джуно мягко.

Он попытался рассмеяться:

— В обмен на хорошие новости, которые ты принесла?

— В обмен на наши общие воспоминания о лучших временах, — быстро ответила она неправдоподобно спокойным голосом, — поскольку скоро они будут принадлежать лишь мне одной.

Секунду или две Дайон молчал.

Затем произнес:

— Я слышал, что человек после первой степени теряет способность плакать... Это будет замечательное усовершенствование.

— Ты также не сможешь писать стихи, — сказала Джуно. — Дайон, у нас не много времени... Я хочу, чтобы ты дал мне свое семя.

— Что?

— Свое семя. Я... Я хочу, чтобы после тебя осталось как можно больше твоих детей.

На этот раз ему удалось заставить себя засмеяться. Буйно.

— Ради Эмелин, Мари, Виктории и всех святых в большом сером календаре, что за глупая шутка! Должен ли я теперь верить следам слез на твоем лице?

— Дайон, пожалуйста. У нас мало времени.

— Ты права, плоскопузая, у нас мало времени. У меня никогда не было много времени, с того дня, как я впервые встретил тебя, и до момента, когда Леандер сладкими речами заставил меня поверить в миф.

— Время всегда было врагом трубадуров, — заметила Джуно грустно. — Вот почему я хочу, чтобы осталось как можно больше твоих детей.

— А я не хочу больше детей, — сказал он с горечью. — Я ничего не хочу.

— Это нужно не тебе. Это нужно мне.

— Можешь ли ты указать хоть одну вескую причину, по которой я должен что-то для тебя сделать?

— Я люблю тебя, и это все.

— Этого недостаточно. Но, — добавил он через секунду, — мы можем заключить сделку, ты и я. Ты хочешь от меня кое-что. Я же не хочу ничего, за исключением того, чтобы кто-то позаботился о Сильфиде, пока она не способна сама заботиться о себе.

— Тогда я позабочусь о ней.

— Она должна быть совершенно свободна, ты понимаешь.

— Согласна.

— Она останется в Витс-Энде.

— Согласна.

— Ты не будешь видеть ее, если только она сама не захочет увидеть тебя.

— Согласна.

— Тогда ты можешь получить то, что хочешь, — и благослови Бог тех несчастных инфр, чьи утробы оплодотворит мое семя, которое не принесет им радости.

— Я... я пришлю кого-нибудь собрать образец.

Он засмеялся:

— И тогда ты сможешь засунуть его в бутылку с надписью: «Здесь находится Дайон Кэрн, который эякулировал в последний раз».

Джуно больше не могла выносить всего этого. Она

повернулась, чтобы уйти, но в последний момент задержалась:

— Разве ты не хочешь ничего узнать о Джубале — где он, как развивается?

Дайон посмотрел на нее:

— Кто такой Джубал?

Джуно ударила кулаком в дверь камеры, распахнула ее и опрометью выбежала вон из Ее Величества Главного Центра Анализа для Дезориентированных и Антисоциальных Личностей, спасаясь бегством, чтобы не сломаться полностью.

Но это ей не удалось.

20

Ночь и день потеряли свое значение и были проглочены и переварены холодным черным чревом вечности. Он жил тысячелетия — он существовал тысячелетия — в месте, не имевшем ни стен, ни крыши, ни окон, ни пола. Звук его голоса — а на первых порах он вопил и ревел как сумасшедший — поглощался мягкой сферой черноты. Он спал, он видел кошмары, он говорил сам с собой и с людьми, которых здесь не было.

Наконец его извлекли из этого странного места, и он, не успев прийти в себя, получил множество уколов, каждый из которых содержал в себе дальнейшую отмеренную дозу вечности.

Теперь он находился в мире многоцветных огоньков, без конца кружившихся в гипнотическом танце. И вдруг он осознал присутствие других голосов, других призраков.

Они вышли из тумана. Они были белыми и говорили мягко и так тихо, что он ничего не мог разобрать. Говорили о нем. Он напряг зрение, но не смог различить их лиц. Он напряг слух, но не смог расслышать их слов.

Медленно, терпеливо гигантская машина анализа первой степени прокладывала свой путь через психические джунгли, некогда звавшиеся сознанием Дайона Кэрна. Доминанты от медицины испытывали его па-

мять, наносили на карту его слабости и весь его опыт, все его радости и все его горести. Компьютер предсказывал надвигающиеся кризисы, строил программу прогрессирующего катарсиса. Психодрамы проектировались на пустой экран его разума, символы появлялись и удалялись. И страх за страхом, печаль за печалью, радость за радостью, триумф за триумфом, напряжения и сверхнапряжения вытравливались прочь.

Он чувствовал, что становится полым, пустым. Из днища его души была выдернута затычка, индивидуальная история его личности вытекала вон, как холодная вода из ванной, с бульканьем уходящая по старинным трубам.

Ночь и день потеряли свое значение; остался только долгий процесс опустошения, в конце которого была вечная полная пустота.

— Кто ты? — спросил голос.

Он спал или бодрствовал — то и другое одновременно.

— Дайон, — заставил он сказать себя. — Я Дайон. — И остановился опустошенный.

— Дайон какой?

Дайон какой? Дайон какой? Дайон какой?

Он не знал. Он знал, что должен знать. Но не знал. Он испытал потрясение, думая об этом. И заснул. Или проснулся.

— Кто ты? — спросил голос.

— Да, — сказал он резонно, — ты совершенно прав.

— Кто ты?

— Дайон... я думаю.

— Дайон какой?

— Дайон... Дайон... Дайон умирающий... Умирающий Дайон.

Он начинал смеяться.

Время шло. История растворялась. Тьма опустилась на лицо бездны.

— Кто ты? — спросил голос.

Он начинал любить этот голос, который был так дружелюбен и тепл.

И сокровенен. Это, почти наверняка, мог быть только его собственный голос.

Он закричал.

Это был его голос.

Он закричал и испытал потрясение, думая об этом. Он заснул. Или проснулся. Или то и другое одновременно.

Ветер свистел и шелестел в кронах деревьев, которых здесь не было. Кот перепрыгнул через пустоту, оставшуюся на месте луны. Одна рука захлопала.

— Кто ты? — спросил другой голос.

— Почему ты другой голос? — спросил он с отстраненным интересом.

— Другой голос — другой человек, — ответил голос.

— Кто ты?

— Не кто, а что, — сказал Дайон.

— Тогда что ты?

— Я один.

— Как долго ты был один?

— С начала мира.

— Кого ты любишь?

— Я не люблю никого, поскольку в мире никого нет.

— Кого ты ненавидишь?

— Я не ненавижу никого, поскольку в мире никого нет.

— Чего ты хочешь?

— Мне нечего хотеть.

— Почему ты существуешь?

Он не знал этого. Он хотел иметь немного времени, чтобы подумать над этим. Он испытал потрясение, думая об этом. И, думая об этом, заснул. Он проснулся, тоже думая об этом.

Он нашел ответ. Он был никто.

— Я существую потому, что я никто, — сказал он убежденно. — Мое существование несовершенно, поскольку я не стал еще отрицанием ничего. Если бы я мог перестать мыслить, я стал бы самым совершенным ничто, и не возникало бы вопроса о моем существовании.

— Тогда, — сказал голос, — ты должен стараться прекратить мыслить. Твое имя Дайон Кэрн. Но не думай об этом. Ты мужчина. Не думай об этом. Ты жив. Не думай об этом также.

Дайон удовлетворенно вздохнул. Он пришел к последней истине.

* * *

Однажды холодным дождливым весенним утром в тщательно охраняемых воротах Главного Ее Величества Центра Анализа для Дезориентированных и Антисоциальных Личностей появился мужчина. Его имя было вытатуировано на внутренней стороне левого запястья, на случай если он его забудет.

Мужчина втянул в себя сырой холодный воздух и поежился. Этот мир за гранью мира был очень странен. Мужчина не знал, что делать.

Какая-то женщина поджидала его. Он не знал ее.

— Привет, Дайон, — сказала Джуно.

Он посмотрел на запястье и увидел, что его имя и в самом деле Дайон. Он улыбнулся. Похоже, это было безопасно.

— Я собираюсь взять тебя домой, — сказала Джуно.

Она знала, чего ей следует ожидать, и обещала себе, что слез не будет.

— Дом?

— Место, где ты жил раньше.

Он ненадолго задумался, потом осторожно сказал:

— Я думаю, мне это понравится... Как называется этот дом?

— Витс-Энд, — ответила Джуно. — Этот дом называется Витс-Энд.

Он усмехнулся.

— Твое лицо мокро, — сказал он. — Разве был дождь?

Мужчина был безмерно доволен: он знал, что такое дождь. Это вода, которая падает с неба.

Эпитафия

Старик жил в уединении долгие годы. Когда-то вместе с ним жила женщина, но это было много лет назад. Как много, он не помнил. Иногда он вспоминал ее имя. Иногда забывал, что она вообще существовала. Иногда он слышал ее голос и вспоминал, что она умерла. Он жил наедине с холмами и небом, наедине со старым домом, который для посторонних выглядел как мавзолей.

Он считал себя фермером. У него было несколько

кур и овец, и ржавый луг, и старинный трактор, который не работал. Он собирался «на днях» починить трактор и вспахать половину своего пятиакрового поля. Тогда он мог бы выращивать на нем зерно для кур. «На днях».

У него не было денег, но каждую неделю продовольствие и пиво доставлялись ему на дом. И зерно для кур. Товары появлялись по ночам, и он всегда находил их утром возле ступенек лестницы. Он не знал ни откуда они появлялись, ни кто их посылает. Они доставлялись так регулярно, в течение стольких лет, что он перестал думать об этом. Они были так же естественны, как закат и зима, как голод и сон.

Иногда он видел людей, но большую часть времени не видел никого. Он не придавал этому значения. В дневное время у него было слишком много дел. Вечерами у него были книги, чтобы читать их, и музыка, чтобы ее слушать.

Было легко снова и снова читать одну и ту же книгу, поскольку к тому времени, как он добирался до конца, ее начало обычно забывалось.

Время от времени его волновали слова этой книги. Потому что время от времени они звучали необычно, как музыка. Он мог с трудом разбирать их и произносить их вслух, восхищаясь тем, чего не понимал, но что чувствовал как просто ритм и рифму.

Хотя они были виновны в глазах людей,
Осталась еще их надежда, полная бессмертия.
И, даже казненные,
Они будут щедро вознаграждены,
Поскольку Бог испытал их
И нашел достойными себя.

Он не понимал полностью значения этих слов, но ощущал, что в них есть какая-то красота.

Однажды откуда-то с юга в долину прилетела женщина. Он не знал ее.

Он знал только, что она выглядела молодой и полной энергии и что ее волосы в солнечном свете сверкали золотом.

Она протянула ему руку. Он не знал, надо ли пожать ее, или поцеловать, или сделать и то и другое. Поэтому он не сделал ничего.

— Прошло много времени, Дайон, — сказала она.

Он посмотрел на имя, вытатуированное у него на запястье, и понял, что женщина знает его.

— Да, — сказал он осторожно, — прошло много времени.

— Однажды ты дал мне что-то.

— Я?

— Да, ты. И немного погодя я верну тебе кое-что... Ты совсем не помнишь меня, так ведь?

— Нет. Не помню... Простите... Я должен что-то помнить?

— Это не имеет значения. Я собираюсь что-то сказать тебе, Дайон. Может быть, ты многого не поймешь, но это неважно. Вот что я хочу тебе сказать... Давным-давно, когда ты был молодым, ты был полон душевного огня и чудесных слов. Обреченный жить в мире, где главенствуют женщины, ты ненавидел его. Ты ненавидел женщин, но также и любил их. И в конце концов ты совершил нечто ужасное. За это женщины отобрали у тебя весь твой душевный огонь и все твои чудесные слова. Понимаешь?

— Добрая доминанта, — сказал он озабоченно, вспоминая хорошие манеры, — у меня в душе никогда не было огня. А единственные слова, которые я могу назвать прекрасными, — это те слова, которые я прочитал в книгах. Надеюсь, я не сделал ничего дурного?

— Дайон, — сказала Джуно, — у тебя было нечто, чего они не смогли уничтожить. Что-то ужасное и славное одновременно. Они не смогли уничтожить твое семя.

— Мое семя?

— Твое семя. Которое будет передаваться из поколения в поколение. Ты каприз природы, Дайон, генетическое чудо. Твои мечты оказались гораздо ближе к осуществлению, чем мы думали... Не пытайся даже понять, что я имею в виду. Я совсем не уверена, что сама полностью тебя понимаю. Но ты обладаешь двойной Y-хромосомой, и этот ген — доминантный. Тебе достаточно знать, что от тебя могут рождаться только сыновья.

— Сыновья? — Он непонимающе уставился на нее.

— Да, сыновья. Ты дал свое семя, и из этого семени могут происходить только сыновья.

— Сыновья? — спросил он снова.

Неясное эхо, родившись в глубине души, покатилось

по длинным коридорам памяти. В груди его сильно забилось сердце, и его удары учащались, превращаясь в гром.

— У тебя восемь сыновей, Дайон. Восемь сильных и высоких сыновей. Их могло бы быть и больше, — Джуно извиняющимся жестом развела руки, — но это все, что я могла себе позволить. У всех у них разные матери, но один и тот же отец. Я говорила им о нем, и, — она улыбнулась, — хотя в том мейстерзингере, которого я когда-то любила, было много странностей, они тебя не стыдятся.

— Восемь сыновей, — повторил он механически. Ему казалось, что под его старыми ребрами вдруг забил барабан и эта дробь начала разрастаться, превращаясь в раскаты грома.

— Восемь сыновей, — эхом отозвалась Джуно. — И у трех из них есть доминантная двойная Y-хромосома. У них тоже могут родиться только сыновья... Так что, похоже, ты выиграл войну, Дайон. Выиграл таким способом, о котором никто и помыслить не мог. Твои сыновья родят еще сыновей. И в конце концов, если мы не наделаем больше ошибок, может возникнуть мир со сбалансированным числом мужчин и женщин.

— Восемь сыновей, — сказал Дайон. Он был стариком и ничего не понимал в двойных Y-хромосомах. Но что бы анализ первой степени ни сделал с его душой, он не смог уничтожить древний зов крови.

— Я дала им имена, которые ты когда-то любил, — продолжала Джуно. — Я назвала их Блейк, Байрон и Шелли, Марло, Теннисон, Элиот и Томас...* — Она слабо улыбнулась. — А первый из них — Джубал.

— Где они? — спросил Дайон. — Где мои сыновья?

— Подожди, я только позову их. Ты понимаешь, я... Я хотела сначала сказать тебе... Я хотела знать, что... — Ее голос дрогнул.

На несколько мгновений туман, застилавший разум Дайона, рассеялся. На несколько мгновений он ощутил, что эта незнакомка вовсе не была ни незнакомкой, ни призраком, но кем-то, с кем он делил вместе лучшие дни — прежде чем его имя было навеки вытатуировано у него на запястье.

---

*Имена английских поэтов.

— Спасибо, — сказал он просто. — Прости меня. Есть что-то такое, что я знаю, но не могу припомнить... Прости. И позови моих сыновей.

Джуно заговорила в крохотный микрофон, прикрепленный к ее летному комбинезону. И тогда где-то на юге появились восемь черных точек и устремились вниз, приобретая размеры и форму. Описав на небольшой высоте круг над Витс-Эндом, они все вместе приземлились прямо перед Джуно и Дайоном.

Старик пристально всматривался в их гордые молодые лица. Он видел блеск в их глазах и ощущал биение энергии в их руках. Да, это были настоящие мужчины.

И тогда, кратко и отрешенно, он подумал о тумане забвения и одиночества, в котором прожил так много лет. И слова, которые на протяжении стольких лет доставляли ему смутное наслаждение, снова ожили у него в душе:

> Хотя они были виновны в глазах людей,
> Осталась еще их надежда, полная бессмертия.
> И, даже казненные,
> Они будут щедро вознаграждены...

Дайон Кэрн, переживший так много и помнивший так мало, осознал наконец, что жить стоило.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Добро пожаловать, все мои сыновья.

Стояла поздняя осень, и в воздухе витало дыхание морозов.

Но чувствовался также необычный, осенний аромат свершения.

РОМАН

ТРАНЗИТ

ГЛАВА 1

Застывшее, неподвижное, как у привидения, лицо пристально смотрело на Ричарда Эвери. Бледное и бескровное, подумал он, как у человека в преддверии ада. Человека с таким лицом вы не заметили бы в подземке, как если б его уже не было среди живых.

Эвери пошел прочь от серебристо-серого зеркала лужи. Он шел и слушал, как его ноги хлюпают по пропитанной влагой земле. Он бездумно смотрел на обнаженные вытянувшиеся деревья, на хмурую пустоту Кенсингтон-Гарденс. Издалека слабо доносился шум воскресного Лондона; но февраль, казалось, окутал весь парк мягким влажным безмолвием. Медленно и терпеливо догорал печальный свет дня, и казалось, что Кенсингтон-Гарденс самое безлюдное и заброшенное место на свете.

Беспокойство и тревога Эвери объяснялись очень просто. Он выздоравливал после гриппа. Унылый пейзаж только усиливал его и без того угнетенное состояние. Пожалуй, ему надо было остаться дома — смотреть телевизор, читать или хотя бы просто бессмысленно скользить глазами по привычному узору обоев. Но после недельного заточения в своей двухкомнатной квартире, после сотни бессонных часов пребывания наедине с мучительными воспоминаниями, ему казалось, что все что угодно было бы лучше, чем неведомые голоса и никогда не высказанные обвинения.

В свои тридцать пять лет Ричард Эвери был неудачником. Не просто неудачником, а неудачником-профессионалом. Он сделал это своим главным занятием. А пятнадцать лет назад он вполне мог стать художником.

Не обязательно выдающимся, но во всяком случае одним из тех, кто мажет холст красками, будто действительно понимает, что делает.

Но тогда, пятнадцать лет назад, он был молод и по уши влюблен. Ее звали Кристина. У нее были каштановые волосы, карие глаза, большой чувственный рот и упругая грудь — красивая и соблазнительно невинная. А еще у нее была лейкемия и склонность радостно прожить отпущенное ей время. Но самой сутью ее натуры была нежность. Она любила Эвери и жалела его. Его, а не себя. Такая вот штука. Она знала, что он нуждается в нежности, бесконечно нуждается в нежности.

Они прожили вместе чуть больше года (теперь, по прошествии многих лет, это время казалось Эвери романтической идиллией), и он много раз писал ее. Он писал ее одетой, обнаженной, на пленэре, дома и даже в постели. Ему хотелось запечатлеть на холсте все, что он знал о ней, потому что времени оставалось слишком мало.

И все-таки главное — ее нежность — он выразить не смог. Нежность, слишком огромную для холста, слишком яркую для обыкновенных красок.

Она была не вечна. Она угасала вместе с Кристиной. И когда все кончилось, у Эвери не осталось ничего, кроме разочарования, страха и невыразимого одиночества, как у брошенного ребенка. Все это время он не отходил от нее. Он видел, как ее личность растворяется в море разрушения и как маленькое любимое тело неотвратимо превращается в жалкие обломки, которые прибой безжалостно и равнодушно выбросит на берег.

Потом Эвери долго и тяжело болел. Это было и понятно, и неизбежно. Но когда он оправился, оказалось, что он не в состоянии без дрожи взять в руки кисть, и он понял, что никогда больше не будет писать. Если б он был великим художником, ничто не остановило бы его — даже смерть сотни Кристин. Отсюда следовал неопровержимый вывод — он неудачник.

Оставалось лишь найти удобную нору, заползти в нее и ждать, пока время и смерть сделают свое дело. Одно он решил твердо — избегать любых привязанностей. Его первый опыт должен остаться последним. Он

страшился пережить такое еще раз — не упоение любви, а страх и ужас потери.

Он притерпелся к бесцельно проходящей жизни, обучал живописи детей, чьи представления о культуре определялись киноафишами и рекламой дезодорантов, чьи боги обитали в черных дисках, бесконечно и бессмысленно повторяющих их дикие вопли, вызывающие дурноту и нервное расстройство, чьи жизненные ценности выражались в платежных чеках, скоростных автомобилях, наркотическом кайфе и балдежных загородных поездках. Он притерпелся к тупому, безнадежному, однообразному существованию и заботился лишь о том, как убить время в свободные вечера.

Он не жил прошлым. Он не жил и настоящим и ничего не ждал от будущего. Время от времени он помышлял о самоубийстве, но ни разу не решился исполнить свое намерение.

И вот теперь, когда он стоял в одиночестве в Кенсингтон-Гарденс и поздний февральский вечер окутал его пеленой, полной ожидания, в нем вдруг шевельнулась надежда: может быть, эта бессмысленная жизнь длится уже достаточно долго, и, может быть, что-нибудь произойдет.

Но, к сожалению, он знал, что ничего не случится. Просто ему не хотелось возвращаться в свою мрачную двухкомнатную конуру, и он, как уже бывало, просто старался как-то оттянуть время. Через некоторое время он будет вполне здоров (во всяком случае физически), чтобы снова забыться в привычной бессмысленной работе.

И вот тут, когда Эвери, погруженный в свои мысли, повернулся и медленно побрел обратно по мокрой, пожухлой, приморожденной траве, он вдруг увидел кристаллы.

Они лежали на траве — крошечные, белые, блестящие. Сначала Эвери подумал, что это льдинки или иней. Но льдинки и иней не сияют, словно кристаллы холодного пламени.

Внезапно он понял, что в жизни не видел ничего прекраснее. Он наклонился и тронул их пальцами. И вдруг в мгновение ока все исчезло. Все, кроме темноты и беспамятства. Так в какую-то долю секунды разрушился мир Ричарда Эвери.

Через некоторое время — может быть, прошли минуты, а может быть, и годы — сознание стало понемногу возвращаться к Эвери, и он понял, что спит. Неясные образы смутно мерцали, словно отражения на темной водной глади.

Он видел звезды. Он действительно видел звезды. Водовороты звезд — ярких, сверкающих, холодных — в пенистом великолепии гигантских туманностей. Его медленно влекло по темной реке пространства. Его влекло в бездонные глубины космоса; крохотные островки вселенных — невообразимые светящиеся пылевые шары — проносились мимо в ледяных стремнинах мирозданья.

Он ощущал страшный холод — холод не физический, а духовный. Его полудремлющий разум отвергал это внушающее ужас великолепие, жадно пытаясь понять, что происходит. Он двигался к какому-то солнцу; это солнце давало жизнь планетам. Он увидел одну из планет — с белыми и голубыми облаками, зелеными океанами, красными, бурыми, желтыми островами.

— Это дом, — прозвучал голос. — Это сад. Это мир, в котором ты будешь жить, взрослеть, учиться. Это мир, где ты узнаешь достаточно, но не слишком много. Это — жизнь. И все это — твое.

Голос звучал проникновенно и нежно, но Эвери испугался. Казалось, этот голос шел к нему сквозь непостижимые тоннели вечности. Этот нежный шелест оглушал, а слова, такие ласковые, звучали как приговор за неведомое преступление.

Эвери испугался. Страх, словно кислота, прожег его сумеречное сознание, и он проснулся. Мучительное пробуждение...

Эвери обнаружил, что лежит на кровати. В комнате с металлическими стенами. Без единого окна. Потолок светился. Приятное спокойное освещение.

Наверное, это больница. Он потерял сознание в Кенсингтон-Гарденс, и его отвезли в больницу. Но больница с металлическими стенами...

Он резко сел, в ушах у него зазвенело, а перед глазами поплыли круги. Эвери терпеливо ждал, пока это пройдет, и пытался собраться с мыслями.

Он поискал дверь.

Двери не было.

Он поискал кнопку звонка.

Звонка не было.

Он искал спасения.

Спасения не было.

Его заперли в металлической комнате, как зверя в клетке. Кто-то посадил его сюда. Кто?

В нем всколыхнулся ужас, но он справился с ним. Ужас охватил его снова, и он опять заставил себя успокоиться.

Может, с ним случился нервный припадок, и эта больница — что-то вроде сумасшедшего дома? А может, ему только кажется, что он проснулся, а на самом деле он все еще спит. И это сон, такой же фантастический, как те картины космоса, что проносились в его подсознании.

У него появилась идея. Абсурдная, но все-таки идея. Эвери ущипнул себя за руку и почувствовал боль. Он ущипнул сильнее — боль стала сильнее. Однако это его не успокоило — ведь иллюзию боли можно испытать и во сне.

Тогда он решил действовать так, чтобы это годилось и для сна, и для реальности. Если он все еще спит, ничто не мешает ему по мере возможности исследовать обстановку. А если нет, тогда такое исследование просто необходимо.

Эвери встал с кровати и огляделся. Он увидел умывальник — несколько странной конструкции, но вполне приемлемый. А также крошечный туалет — по крайней мере, он решил, что это туалет, — и зеркало.

Посередине комнаты стоял стол, и около него — стул. Стул оказался необычайно легким — Эвери запросто мог поднять его одной рукой. Пол был покрыт каким-то темно-красным пластиком. Его шершавая на вид поверхность приятно пружинила под ногами.

Но из всей обстановки особенно удивил Эвери ночной столик возле кровати. На столике стояла какая-то штуковина, похожая на маленькую и необыкновенно изящную пишущую машинку. В нее был заправлен рулон бумаги.

Однако это и в самом деле оказалась пишущая машинка. Потому что, пока он разглядывал ее, она начала печатать. Сама по себе. Без стука и движения клавиш она напечатала какой-то текст, быстро и аккуратно.

Эвери изумленно уставился на машинку, будто она вот-вот взорвется. Потом он взял себя в руки, присел на краешек кровати напротив машинки и начал читать:

«Не тревожьтесь, — гласило послание (он горько усмехнулся). — Вы в безопасности, и о вас будут хорошо заботиться. Несомненно, у вас возникло множество вопросов, но, к сожалению, на многие из них ответить нельзя. Все необходимое для удобства вашей жизни будет обеспечено. Пища и питье будут предоставлены вам по вашему желанию. Ваши пожелания сообщите при помощи клавиатуры».

Машинка перестала печатать. Эвери подождал еще немного, но, по-видимому, это было все, что ему собирались сообщить на этот раз. Некоторое время он задумчиво рассматривал послание, а потом двумя пальцами — он умел печатать только двумя пальцами — застучал по клавишам.

«Где я?»

Эвери удивился — его собственное послание не отпечаталось на бумаге, он даже подумал, что что-то не в порядке. Но как только он закончил, машинка тотчас напечатала:

«Нет доступа».

Эвери со злостью уставился на бумагу. Безжалостно молотя по клавишам, он напечатал еще один вопрос.

«Кто вы?»

И опять ему немедленно ответили:

«Нет доступа».

«Как я сюда попал?»

«Нет доступа».

Тут Эвери впервые заговорил вслух:

— Что и говорить, чертовски полезное приспособление!

Собственный голос поразил его. Такой тонкий, жалобный. Кто бы там ни был за этой металлической стеной, они, должно быть, сейчас очень довольны. И он решил немного поубавить им веселья.

Он отстучал вопрос:

«Почему шустрая рыжая лиса перепрыгнула через ленивую собаку?»

И получил ответ:

«Какую лису вы имеете в виду?»

Эвери удовлетворенно улыбнулся. Это хорошо, противник вынужден задавать вопросы. Он почувствовал, что ему хоть чуть-чуть удалось перехватить инициативу.

«Ту, что перепрыгнула через ленивую собаку», — напечатал он.

Вопрос: «Какую ленивую собаку?»

«Через которую перепрыгнула шустрая рыжая лиса».

Наступила пауза.

Эвери снова сел на постель, чрезвычайно довольный собой. Пауза все еще длилась. Оказалось, они — кто бы они ни были — а) воспринимают вопрос всерьез и б) всерьез рассматривают возможность ответа. Это кое-что проясняет. Они — эти загадочные они — рассматривают это не просто как упражнение в машинописи. Это, конечно, не Бог весть какое открытие, но все-таки кое-что.

Машинка напечатала:

«На вопрос ответить невозможно, так как имеющихся данных недостаточно. Предполагается, что ответ, если он существует, не имеет отношения к самочувствию субъекта».

Эвери почувствовал, что одержал маленькую победу. Они — мысленно он выделял это слово курсивом — либо делают вид, что им это безразлично, либо им еще не все ясно. Он немного приободрился.

«Субъект угнетен, — напечатал он. — Субъект заперт, беспомощен, растерян. Субъект также голоден и хочет пить. Он полагает, что компания сумасшедших, с которой он, очевидно, имеет дело, должна, по крайней мере, из приличия обеспечить его едой и питьем».

Вопрос: «Что вы предпочитаете в настоящий момент: воду, алкогольные напитки, чай или кофе?»

«В настоящий момент, — ответил Эвери, — я предпочитаю алкоголь — большой бренди — и кофе».

В комнате, казалось, были одни сплошные стены. Эвери сел и стал смотреть на часы. Прошло почти две минуты. Послышался слабый скрип, и он увидел прямоугольную панель, которая выдвинулась прямо из стены.

За ней, в нише, располагался его заказ. Эвери подошел и посмотрел. Тарелка с салатом из цыплят (кудрявый латук, кресс-салат, свекловица и помидоры выглядели очень аппетитно), нож, ложка и вилка, маленькая бутылка трехлетнего бренди. А также кофейник, кувшинчик со сливками, сахар, кофейная чашка с блюдцем и рюмка. Все это стояло на пластмассовом подносе.

Эвери взял поднос и поставил его на стол. Панель в стене оставалась открытой.

Он быстро подошел к пишущей машинке, которая на самом деле вовсе не была пишущей машинкой, и отстучал еще одно послание: «Вы забыли хлеб и масло».

Вопрос: «Сколько ломтиков хлеба вам нужно?»

«Один. Белый. Тонкий».

Панель в стене закрылась. Секунд через десять открылась снова.

Теперь там стояла тарелочка, и на ней лежал хлеб. Один ломтик. Белый. Тонкий.

Эвери сел к столу и принялся за еду. Салат оказался очень вкусным, а цыплята — сочными и нежными. Очевидно, в «их» намерения не входило морить его голодом.

За едой Эвери попытался спокойно и трезво обдумать свое положение. Но его разум, казалось, вовсе не был расположен к подобным размышлениям. В сущности, он говорил: «Да, пока все это совершенно непонятно. Ну и черт с ним! Рано или поздно разберемся».

Но когда? Положение, в котором он очутился, противоречит всякому здравому смыслу. Сначала он вроде бы гулял по Кенсингтон-Гарденс, а потом вдруг очнулся в этом месте, которое больше всего смахивает на психушку высшего разряда или на тайное убежище спятившего миллионера где-нибудь в Шотландии.

Эвери совсем запутался: он никак не мог понять природу происходящего. Вполне может быть, это просто сон во сне — металлическая стена, диковинная пишущая машинка, салат и все остальное.

Но что-то беспокоило его немного затуманенный разум. Что-то, связанное с кристаллами... С сияющими кристаллами... Где-то он видел крошечные кристаллы, которые сияли холодным светом, словно капли замерзшего пламени. Хотя, может быть, и это тоже всего лишь сон...

Он оставил бесплодные попытки одновременно задействовать мысли, память и логику и сосредоточился на бренди и кофе. Рано или поздно что-нибудь должно проясниться. Непременно!

Бренди оказался неважным, но кофе был вполне приличным. И все-таки Эвери чего-то не хватало. Чего-то очень существенного. Ах да, сигареты! Ему захотелось курить.

Эвери пошарил в карманах и нащупал там зажигалку.

Сигарет не было. Он вспомнил, что оставил их в кармане дубленки. Он пошарил глазами по комнате, хотя уже осматривал ее раньше. Дубленки нигде не было.

Эвери подошел к клавиатуре и напечатал:

«Сигареты, пожалуйста».

Ответ пришел незамедлительно:

«Они лежат в чемодане под кроватью».

Глупо, обругал себя Эвери, что, осматривая комнату, он не догадался первым делом заглянуть под кровать.

Он вытащил чемодан — огромный, тяжелый и на вид совершенно новый, — такие чемоданы обычно берут с собой в поездки армейские дипломатические чины разных рангов. Шесть солидных медных застежек и замок оказались незапертыми. Эвери открыл крышку, заглянул внутрь. И обомлел.

Там лежало несколько рубашек, три пары хлопчатобумажных брюк, две куртки — все новое. Еще там находились две пары его старых кожаных сандалий — Эвери сразу узнал их — и пара новых, точно таких же. Кроме того — жилеты, галстуки, носки, санитарная сумка — и все совершенно новехонькое.

Он удивился еще больше, когда обнаружил, что все вещи его размера. В общем, все это выглядело совершенно фантастично. Эвери стал рыться в чемодане, вываливая вещи на пол.

Он нашел там свои туалетные принадлежности, несколько пакетиков бритвенных лезвий и мыло. Рядом лежал маленький портативный проигрыватель и стопка пластинок — Пятый концерт Бетховена для фортепиано с оркестром, токкаты и фуги Баха, а также его концерт для двух скрипок, вальсы Штрауса, музыка из «Моей прекрасной леди», несколько пьес Шопена и запись песни «Моя любовь, как роза, роза красная» — песни, которая вызывала у него множество воспоминаний, потому что принадлежала к тому особому миру, который он так недолго делил с Кристиной.

Он беспомощно уставился на пластинки. Кто-то проделал изрядную работу, чтобы прочитать его мысли. Ведь каждое из этих произведений связано каким-нибудь особым переживанием или событием, и все вместе они ясно и точно отражали жизнь Ричарда Эвери.

На какую-то долю секунды он испугался. Тот, кто узнал о нем все это, — узнал слишком много. Его

невидимые тюремщики уже дают ему много очков вперед.

Но потом он сообразил, что страх его бесполезен и — по крайней мере пока — безоснователен. Ведь хоть он и был узником, но, судя по всему, — узником привилегированным. Правда, если его не просто берегут до поры до времени, как рождественского гуся...

Он наткнулся на одну вещь, которая удивила его еще больше. Это был потрепанный бумажник, где он хранил те немногие фотографии, которыми особенно дорожил, — несколько фото Кристины, выцветшие снимки родителей и свои детские карточки, фотографии времен войны, когда он служил на флоте. Рядом лежали масляные краски, палитра, кисти и холсты. Он нашел также несколько романов, свои старые дневники, стопку писчей бумаги и коробку карандашей.

И на самом дне лежали сигареты. Не пачка. И не блок. Их было наверняка не меньше пяти тысяч штук. Пачки лежали на дне в несколько слоев. И, ясное дело, его любимой марки.

Эвери распечатал пачку, сел на стул и закурил, обозревая кучу барахла около кровати.

Разбросанные по полу, все эти вещи выглядели совершенно нелепо. Казалось, что это снаряжение для какого-то абсурдного путешествия или все необходимое для человека, приговоренного к длительному одиночному заключению без надежды на помилование.

Эвери налил себе вторую чашку кофе, опустошив кофейник. Прихлебывая кофе, он вдруг почувствовал сильную усталость; казалось, она ползла в глубине его тела вверх, к мозгу, словно крохотный альпинист, неуклонно стремящийся к вершине.

Внезапно вкус сигареты показался ему отвратительным, и он ткнул ее в тарелку. Он зевнул, встал и собрался уложить разбросанные вещи обратно в чемодан, надеясь, что это хоть немного разгонит его сонливость.

Он сделал несколько шагов, еще раз зевнул и понял, что не в состоянии даже собрать вещи. Он почти физически чувствовал, как усталость и утомление словно тисками сжимают его мозг. Комната, которая по сути была камерой, поплыла у него перед глазами. Он подумал, что сейчас, пожалуй, самое лучшее — это попробовать добраться до кровати.

Это ему удалось, и вовремя. И когда он плыл в глубине длинного темного тоннеля, он точно знал, что

чуть было не вспомнил нечто чрезвычайно важное. Но это воспоминание и сознание его тут же мягко растаяли.

Эвери был совершенно опустошен. Недавние переживания плюс последствия болезни истощили его силы, и восстановить их мог только сон.

ГЛАВА 3

Эвери проснулся с таким чувством, будто никогда и не пробуждался по-настоящему, а просто переходил из одного сна в другой. Но что было истинным сном? — спросил он себя. И ответил — Кенсингтон-Гарденс, Лондон, учительство, однообразные годы, лишенные смысла. Нынешний сон, по крайней мере, более интересный. В нем есть элемент абсурда, и это ему начинает нравиться.

Он встал и оглядел свою камеру. Остатки пищи были убраны, чемодан снова упакован и задвинут под кровать! И это еще не все! Его туалетные принадлежности лежали на умывальнике. Эвери решил, что, пожалуй, не помешает освежиться.

Он воспользовался туалетом, испытывая какое-то странное удовольствие от выполнения таких простых физиологических отправлений. Затем разделся до пояса, вымылся горячей водой и побрился. И после этого почувствовал, что готов ко всему. Более или менее.

Распечатанная пачка сигарет лежала на столе. Рядом стояла пепельница. Он взял пачку, вытащил сигарету, прикурил и глубоко затянулся. И снова принялся размышлять о том, что произошло. И опять безрезультатно. Он ничего не понимал. В конце концов он уселся рядом с разговорчивой пишущей машинкой в надежде выудить из нее хоть что-нибудь.

Вопрос: «Давно ли я здесь?»

Ответ: «Нет доступа».

Вопрос: «Кто вы, черт возьми?»

Ответ: «Нет доступа».

Утверждение: «Я думаю, вы сумасшедшие».

Ответ: «Нет доступа».

Утверждение: «Я не верю, что вы в самом деле существуете».

Ответ: «Нет доступа. Приготовлена серия вопросов,

на которые, мы надеемся, вы дадите письменные ответы. Если вы сделаете это, то будете вознаграждены».

Утверждение: «Пошли вы к черту с вашими вопросами! Я хочу чаю. Никакой еды, только чаю».

Ответ: «Будет исполнено. С сахаром и молоком?»

Утверждение: «Да».

Эвери принялся ходить из угла в угол. Шутка — если только это шутка, или сон — если это сон, — видимо, разработана до мелочей. Он взглянул на часы, затем поднес их к уху. Так и есть, стоят. Он был совсем сбит с толку. Может, он просидел в этой камере часы, а может быть — дни. И теперь никогда не узнает этого.

Он как раз собирался задать какой-нибудь вопрос, на который можно было бы получить что-нибудь другое, кроме «Нет доступа», когда панель в стене отодвинулась. В нише стоял поднос, а на нем чайник, чашка с блюдцем, молоко и сахар. И еще небольшая стопка бумаги в четверть листа и карандаш.

Эвери поставил поднос на стол, сел, налил себе чаю и начал изучать текст. Он с отвращением фыркнул. Ему приходилось видеть сотни таких листков. Там было пятьдесят вопросов на числовые действия, пространственное воображение, распознавание образов и так далее.

И вдруг ему стало смешно. Эвери подумал, что есть какая-то особая справедливость в том, что когда-то он мучил такими тестами детей, а теперь то же делают с ним самим.

«Не волнуйте себя, — гласило послание в верхней части первой страницы. — Эти вопросы имеют целью только получение информации. Выполнение задания не повлияет неблагоприятно на ваше будущее. Отвечайте на каждый вопрос насколько возможно быстро. Не возвращайтесь к вопросам, на которые вы затрудняетесь ответить. Ваше сотрудничество будет высоко оценено».

«Не волнуйте себя»! — Эвери рассмеялся вслух. Звучит, как фраза из плохого разговорника для туристов. Будет высоко оценено! Черта лысого, будет, — насмешливо подумал он. Тут он вспомнил, что машинка что-то говорила о вознаграждении, и удивился — интересно, какое вознаграждение «они» имеют в виду? Единственной стоящей наградой для него была бы свобода — но он не сомневался, что об этом они даже не помышляют.

— Эти ублюдки еще и шутят, — пробормотал он

про себя. — Что ж, сыграем по их правилам и посмотрим, что выйдет. Больше, пожалуй, делать нечего.

Он взял карандаш.

И тут же снова отложил его. Прежде всего надо как-то разобраться со временем. Эвери завел часы, поставил стрелки на двенадцать, тем самым отметив для себя полдень Дня Первого (надо же с чего-то начать). Он решил завести календарь и отмечать каждые прошедшие двенадцать часов. Бумага была в чемодане.

Эвери вздохнул и снова взял карандаш. Он посмотрел первое задание. Обычная тягомотина. Числовая последовательность: 5, 8, 12, 17. На месте, отведенном для ответа, он написал: 23.

Первые десять вопросов заняли около трех минут. Дальше дело пошло не так быстро.

Вперемешку с обычными вопросами попадались и более трудные, а некоторые поразили его своей необычностью.

«Секс по отношению к Жизни то же, что Огонь по отношению к Печи, Лесу, Жидкости, Завершению, Пламени?»

Немного подумав, он написал: «Огонь по отношению к Печи».

И опять, немного ниже:

«Гора по отношению к Холму то же, что Человек по отношению к Обезьяне, Женщине, Ребенку, Зародышу?»

Он написал: «Человек по отношению к Обезьяне».

И дальше, после нескольких традиционых вопросов, снова:

«Сила по отношению к Мудрости то же, что Религия по отношению к Дьяволу, Надежде, Богу, Спасению, Любви?»

Он поразмыслил и ответил: «Религия по отношению к Богу».

Там было еще несколько вычислительных и логических задач, которые Эвери решить не смог или, по крайней мере, не захотел тратить на них время и силы, — и он отложил их. Все это заняло у него около 45 минут. В общем, он более или менее сносно ответил на 33 вопроса. Но самое интересное и занимательное оказалось на последнем листке. На листе, разделенном на три части, было написано следующее:

«а) Если бы вы были Высшим Существом, вы предоставили бы жизни неограниченные возможности или каким-либо образом ограничили ее развитие?

б) Если бы вы были Высшим Существом, как вы думаете, вы понимали бы значение Смерти?

в) Если бы вы были Высшим Существом, что для вас было бы важнее: смерть вируса или рождение Галактики?»

Эвери написал:

а) предоставил бы неограниченное развитие; б) нет; в) смерть вируса.

Он положил карандаш и еще раз подумал, что все это очень тонко разработанная шутка. Очень и очень тонко разработанная.

Он закурил еще одну сигарету, подошел к говорящей пишущей машинке и отстучал:

«Обезьяна заработала свой банан, черт возьми. Задание выполнено. Коэффициент интеллекта — скверный. Теперь я претендую на обещанную бесценную награду».

Машинка ответила:

«Положите, пожалуйста, листы на поднос в нишу».

«Я что-то неправильно понял?»

«Вас усыпят, пока ваши ответы обрабатываются. Для этого вам рекомендуется принять удобную позу».

«Придурки!» — отстучал Эвери.

Он поставил чашки и все остальное на поднос, скомкал листки с вопросами, засунул их в чашку и поставил все это в нишу. Панель закрылась.

Эвери сел на постель и стал ждать.

Минут десять ничего не происходило.

Затем вдруг, почти мгновенно, одна стена металлической камеры исчезла, и за ней оказалась другая камера, в точности, как его собственная.

За одним лишь исключением.

В ней была женщина.

Но уже другая.

ГЛАВА 4

Это была блондинка лет двадцати пяти. По крайней мере, подумал Эвери, выглядит она на двадцать пять, у нее одно из тех тонких, нежных, не имеющих возраста лиц, которое может принадлежать и юной девушке, и моложавой сорокалетней женщине.

Она была одета в красную шелковую блузку и обле-

гающие черные брюки, а накрашена так, словно собралась на вечеринку. Эвери смущенно вспомнил, что верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, — он надевал галстук только в исключительных случаях, — а по мятым брюкам сразу было ясно, что он в них спал.

Все это пронеслось у него в голове — такие смешные, в общем-то незначительные мелочи — за те несколько секунд, когда он стоял, словно в столбняке, не в силах сдвинуться с места или заговорить.

Она первая пришла в себя. И первая заговорила.

Она подбежала к нему, как если бы играла хорошо знакомую роль.

— О, слава Богу! Слава Богу! Я не знаю, кто вы и почему вы здесь... Но, по крайней мере, вы человек. А я уж было подумала, что никогда не увижу больше человеческого лица.

У нее был приятный голос и безукоризненная дикция. Умолкнув, она вдруг разрыдалась. И прежде чем Эвери сообразил, что делает, он обнял ее и крепко прижал к себе.

Неужели и это сон?

— Успокойтесь, — услышал он собственный прерывающийся голос. — Успокойтесь. — И потом совсем уж некстати: — Во всяком случае, мы еще живы.

Она высвободилась из его объятий:

— Черт, я размазала всю косметику... Как вас зовут?

— Ричард Эвери. А вас?

Она лукаво улыбнулась:

— Вы что, не смотрите телевизор? Господи, как глупо. Конечно, какой уж здесь телевизор.

И тут он вспомнил:

— Напротив, я часто смотрю его. Только стараюсь избегать этих бесконечных больничных сериалов. Конечно же, вы — Барбара Майлз.

— Во плоти, — ответила она.

Эвери улыбнулся:

— Совсем не обязательно. У меня есть предположение, что все это мне снится.

— Кошмар на двоих, — отпарировала она. — Но, Бога ради, что все это значит?

— Провалиться мне, если я знаю. А вы понимаете, как вы сюда попали?

Она покачала головой:

— Последнее, что я помню, так это те проклятые бриллианты, я еще подумала, что они, должно быть,

отвалились от какого-нибудь кольца — хотя для этого они были, пожалуй, слишком велики. Помню, я наклонилась, чтобы потрогать их. И все исчезло.

И тут Эвери вспомнил. Вспомнил о кристаллах, снова увидел их в своем воображении — светящиеся, холодные, блестящие.

— Ну, скажите же что-нибудь, — жалобно проговорила она. — Я ничего не понимаю.

Эвери посмотрел на нее и заметил, что она еле сдерживается, чтобы не заплакать. Да, действительно, кошмар на двоих.

— Эти бриллианты... — сказал он. — Это, случайно, было не в Кенсингтон-Гарденс?

Она изумленно смотрела на него:

— В Гайд-Парке, — вот где, а как вы догадались...

— Граница между Гайд-Парком и Кенсингтон-Гарденс весьма условна. Со мной это случилось в Кенсингтон-Гарденс. Только это были не бриллианты — по крайней мере, я так думаю. Просто кристаллы.

Они растерянно замолчали, каждый пытался придумать хоть какое-то объяснение, но тщетно.

— Я хочу курить, — сказала она наконец.

Он дал ей сигарету и закурил сам.

Блондинка глубоко затянулась:

— Как, вы сказали, вас зовут? Видите, что со мной творится. Даже имя не могу запомнить.

— Ричард Эвери.

Она резко рассмеялась:

— Приятно познакомиться, Ричард. И добро пожаловать в наш клуб.

— А мне более чем приятно познакомиться, — ответил он серьезно. — Я-то опасался, что я единственный член этого клуба.

— Назовите мое имя, — сказала она. — Пожалуйста.

— Барбара.

— Еще.

— Барбара.

Она кивнула:

— Звучит не так уж плохо... Простите. Вы, должно быть, думаете, что я свихнулась. Может, так оно и есть. Одно время — во всяком случае, пока не исчезла стена — я уж начала было думать, что я это не я. Еще раз простите. Или, по-вашему, все это чепуха?

— Напротив.

— В самом деле, — призналась Барбара, — я не

была по-настоящему уверена, что я это я, пока не увидела вас. А до этого я очень сомневалась в этом.

Эвери вдруг осенило:

— Да, с тех пор как мы стали поддержкой друг для друга, у меня уже нет прежних мрачных мыслей, — сейчас нам важно обменяться информацией. Бог знает, когда эти придурки снова опустят стену или придумают еще какую-нибудь подлость. Может, у нас всего десять минут, а может, целый день — во всяком случае, я думаю, что несколько часов у нас есть.

— Ничего не имею доложить, сержант, — сказала Барбара. — Кроме того, что мне стало чуточку спокойнее.

— Вы видели кого-нибудь из них?

— Кого, этих сумасшедших ученых?

— У вас такая теория?

— Она не хуже, чем любая другая... Нет, я не видела этих проклятых придурков... Сказать по правде, — прибавила она нерешительно, — у меня была идея, как их выманить, посмотреть на них. Я была так взвинчена, что разделась догола и легла на кровать, ну в общем... готовая отдаться. — Она хихикнула. — Но ничего не случилось. То ли они не видели, то ли их это не заинтересовало — а может, и то, и другое... После этого я и начала думать, что начинаю сходить с ума.

Эвери с трудом отогнал соблазнительное видение.

— А вы знаете, сколько времени здесь находитесь? — спросил он.

— Это-то как раз просто, — сказала Барбара, взглянув на свои часики. — Примерно сорок восемь часов. Я делала отметки — иначе я бы решила, что сижу здесь уже много лет.

— У вас было что-нибудь при себе, когда вы проснулись, — я имею в виду ваши личные вещи?

— Нет. Но я нашла кучу всякого барахла в чемодане под кроватью. Не представляю, как они добыли все это, я ведь снимаю — вернее снимала — квартиру еще с тремя девушками.

— Вы тоже, наверное, общаетесь с ними через пишущую машинку.

— Я просто посылаю их на три буквы, — сказала Барбара. — Мне интересно, что будет, когда они увидят, что я отнюдь не леди... Между прочим, они просили меня ответить на какие-то дурацкие вопросы. Сказали, что я буду вознаграждена. — Она усмехнулась. — Я полагаю, что вы и есть награда.

— У меня примерно то же самое, — сказал Эвери. — Только я не сумел засечь время.

— Ну и что же мы выяснили?

Эвери пожал плечами:

— Почти ничего. Кроме того, что каждый из нас не одинок.

— Это не так уж мало, — серьезно ответила Барбара.

В эту минуту машинка начала печатать:

«Через десять минут вам необходимо занять свои комнаты».

— Черт! — взорвалась Барбара. — Чтоб вам сдохнуть!

Эвери напечатал:

«Мы хотим остаться вместе».

Ответ поступил тотчас же:

«Вы не будете разделены надолго. Каждому из вас необходимо ответить еще на серию вопросов со всей добросовестностью».

«Мы не хотим, чтобы нас разделили, и больше не желаем отвечать ни на какие вопросы».

«Нет доступа. У вас осталось девять минут».

— А теперь, — сказала Барбара, — дайте мне потолковать с ними.

Она подошла к машинке и напечатала:

«Заткнись».

Эвери рассмеялся. Барбара начинала ему нравиться. В ней чувствовалась личность. Он удивился бы, если б машинка ответила, но та с достоинством промолчала.

— Вот, — сердито сказала Барбара, — пусть эти психи теперь повеселятся.

Эвери слабо улыбнулся:

— Вот в чем вопрос: мы будем вести себя как послушные собачки или будем провоцировать *их*?

— О пожалуйста, не называйте меня собачкой. Я просто дворовая сука... Черт возьми, вы же мужчина. Вам и решать. Только для этого — ну и кой-чего другого — и нужны мужчины.

— А как насчет эмансипации? Или в этом случае она вам ни к чему?

— Она мне ни к чему в любом случае, — резко ответила Барбара. — Есть у меня право голоса или нет — я всегда получаю то, что хочу.

Эвери задумался.

— Тогда разыграем это посложнее, — решил он, — и посмотрим, что получится. А пока давайте подумаем,

как себя вести, раз уж мы не можем перехватить инициативу.

— Нас наверняка подслушивают, — предупредила Барбара.

— Конечно. Я уверен, что это важная часть обработки — свести нас вместе.

Некоторое время они оживленно обсуждали все, что произошло; и хотя им удалось продвинуться совсем чуть-чуть, это «чуть-чуть» все-таки позволяло сделать кое-какие выводы. Во-первых, им не причинили никакого физического ущерба — кроме так называемой «анестезии», — и это, безусловно, означало, что их тюремщики не собираются использовать насилие больше, чем это действительно необходимо для целей, которые они имеют в виду.

Но что это за цели — вот в чем вопрос. В отчаянии Эвери и Барбара пытались сделать хоть какие-то, пусть нелепые, предположения, хотя им обоим было ясно, что они знали слишком мало, чтобы угадать правду.

Барбара стояла за традиционное похищение. Но Эвери резонно заметил, что все-таки обычные похитители не предлагают своим жертвам интеллектуальных тестов. Кроме того, тюрьма, в которой они оказались, все-таки за пределами способностей и воображения обыкновенного преступного разума. Плюс ко всему, содержимое их чемоданов явно указывает на то, что их рассчитывают держать достаточно долго и, очевидно, не здесь, не в тюрьме.

Версия сумасшедших ученых также была весьма сомнительна. По многим причинам это казалось Эвери слишком банальным и совершенно неправдоподобным. Однако Барбара настаивала на том, что они попали к ученым маньякам — ей казалось, что главные, существенные черты всей операции, по крайней мере, хоть как-то укладываются в эту теорию. Но Эвери все-таки сомневался.

— Итак, их цели и техника находятся за пределами нашей компетенции, — сказал Эвери. — Мне кажется, мы не можем в этом случае применять общепринятые критерии.

— Перестань долдонить, будто какой-нибудь кембриджский придурок, — сердито ответила Барбара. — Все, что ты говоришь, означает, что мы просто не можем найти ключ к этой загадке.

— Напротив. Я чувствую, что ключ лежит именно в

непостижимости того, что с нами случилось. Это означает, что разум или разумы, которые стоят за этим делом, не могут действовать на нашем уровне. В том, что с нами случилось, есть какой-то нечеловеческий фактор, нечто чужеродное.

Внезапно машинка снова встрепенулась:

«Прошу вас разойтись по своим помещениям».

— Вот уж дудки, — заявила Барбара.

Она подошла к машинке и напечатала:

«Ничего не выйдет. Мы только что поженились».

Машинка не обратила на это никакого внимания.

«Необходимо, чтобы вы ответили на дальнейшие вопросы, — бесстрастно напечатала она. — Ваше сотрудничество будет высоко оценено».

Барбара собралась было что-то ответить, но Эвери остановил ее:

— Пусть разбираются сами. Посмотрим, что получится.

Барбара вздохнула:

— Слушаюсь, капитан. Вообще-то я люблю подурачиться, такая уж уродилась.

Несколько секунд они стояли молча, боязливо озираясь, словно ожидали, что возмездие обрушится на них с мягко светящегося потолка, ударит из металлических стен. Но ничего не случилось, и они немного успокоились.

— Похоже, *они* не знают, что делать, — предположил Эвери. — Обычно *они* не очень-то задумываются.

— Может, *они* просто еще не встречались с такой наглостью, — с нарочитой уверенностью заметила Барбара.

— Ладно, постараемся не думать об этом, а то мы свихнемся... Так на чем я остановился?

— Нечто чужеродное, вот на чем.

— Да, — сказал Эвери, — «чужеродное», по-моему, правильное слово. Все здесь какое-то поддельное и, пожалуй, лишено человечности.

— Бесчеловечное?

— Не совсем так. Правильнее будет сказать — «нечеловеческое». Например, я не удивлюсь, если эта штука, — он указал на пишущую машинку, — используется для связи с компьютером. Причем с не очень-то гибким компьютером.

— Что-то мне сомнительно, что именно компьютер сцапал меня в Гайд-Парке, — заметила Барбара.

— Может быть, но... — Эвери не договорил.

В эту минуту панель в стене отодвинулась. Эвери и Барбара невольно обернулись к нише и увидели, что там лежит нечто маленькое и блестящее.

Это были кристаллы — безупречно прекрасные, яркие, сияющие. Кристаллы чистейшего света, непостижимым образом содержащие в себе абсолютную тьму.

ГЛАВА 5

Он был невидим. Он был не более чем шепот мысли, мимолетное дуновение в пустом саду мирозданья. Он был словно шелест ветра в аллеях времени, мгновенье печали в огромной радости небытия. Он был все и ничто. Он был один.

Нет... не один.

Кристина плыла к нему сквозь звезды. И звезды превращались в осенние листья, красные и золотые, крутящиеся в танце на гребне немыслимо прекрасной музыки. Огромный потерянный мир возрождался — зеленый, молодой, полный жизни.

Кристина шептала:

— Где бы ты ни был, что бы ни делал, милый, — я с тобой. То, что было между нами, сильнее времени и пространства, жизни и смерти... Ты должен совершить это странствие, милый. Сделай это. Это мечта, которую нужно осуществить, клятва, которую нужно исполнить, вызов, который должен быть принят. Наша любовь — часть такой мечты, такой клятвы. Создай из нее нечто новое. Сделай ее яркой и сияющей. Освободи ее.

Он хотел бы ответить — но у шепота мысли, у шелеста ветра нет голоса. Он хотел бы сказать: «Кристина! Кристина! Ты, только ты. Больше ничего. Ни жизни, ни любви, ни странствий, ни творчества. Ты, только ты».

Он хотел сказать это, но слова исчезли. Они растворились в этой тьме. Они не могли пройти сквозь черный занавес между мечтой и действительностью.

Кристина растаяла во тьме. Он снова остался один.

Но вдруг пустота заполнилась огромным зеленым оком планеты. Оно пристально смотрело на Эвери. Планета смотрела на него, как женщина, которая знает,

что она прекрасна. Она смотрела на него, как животное, которое ждет, чтобы его приручили.

— Это дом, — послышался голос. — Это сад. Это мир, в котором ты будешь жить, взрослеть и учиться. Это мир, где ты узнаешь достаточно, но не слишком много. Это жизнь. И все это — твое.

Он уже слышал прежде этот голос. Он уже слышал эти слова. Но не понимал их.

Эвери испугался. Испугался, потому что не понимал. Испугался, потому что знал слишком много и слишком мало, чтобы понять. Испугался, потому что был одинок, а такое одиночество сильнее боли...

Эвери проснулся. По лбу у него струился холодный пот. Он ровно — слишком ровно — лежал на кровати, руки вытянуты вдоль тела... словно больной, приходящий в себя после наркоза. Он вспомнил свое первое пробуждение и осторожно сел. В висках стучало, но не слишком сильно.

Эвери огляделся. Барбара исчезла, стена вернулась на место, и он снова находился в одиночной камере. Он слабо улыбнулся, вообразив, что, должно быть, думает по этому поводу Барбара, какими забористыми ругательствами поносит она своих тюремщиков.

Панель была открыта, но кристаллы исчезли. Теперь в нише лежал лист бумаги. И карандаш.

«Пожалуй, я вел себя слишком глупо», — подумал Эвери. Ему следовало догадаться, как они используют эти кристаллы. Это было несложно.

Он положил карандаш и бумагу на стол, сел и просмотрел вопросы. Слава Богу, никаких тестов. На этот раз на листе оказались вопросы, в основном обращенные к нему лично, и главным образом — типа «да — нет». К тому же их было немного.

«Верите ли вы в Бога, как в существо, которое этически можно интерпретировать как человека?»

Он написал: «Нет».

«Считаете ли вы, что цель оправдывает средства?»

Он написал: «Иногда — да; иногда — нет».

«Хотели бы вы быть бессмертным?»

Он написал: «Нет».

«Как вы думаете, вы храбрее среднего человека или нет?»

Он написал: «Нет».

«Вызывает ли у вас стресс настоящая ситуация?»

Он написал: «Чушь».

«Хотели бы вы умереть за идею?»

Он написал: «Не знаю».

«По вашему мнению, человек выше животных?»

Он написал: «Не во всем».

«Вы сексуально активны?»

Он написал: «Я думаю, вполне».

«Чего вы боитесь больше всего?»

Он написал: «Безумия».

«Может ли война быть справедливой?»

Он написал: «Иногда».

«Совершили ли вы когда-нибудь убийство?»

Вот это, подумал Эвери, вопрос так вопрос. Он написал: «Я так не думаю».

«Убили ли вы кого-нибудь?»

Лица трех безвестных летчиков вдруг ясно и четко всплыли в его памяти. Он написал: «Да».

«Если вы кого-нибудь любите, то кого?»

Чувствуя себя предателем, он написал: «Себя».

Это было все. Он еще раз просмотрел свои ответы и положил бумагу на поднос. Панель тотчас закрылась.

Эвери подошел к загадочной пишущей машинке и напечатал:

«Теперь вы, наконец, уберете эту чертову стену?»

Ему ответили:

«Очень скоро. Пожалуйста, потерпите».

Эвери закурил и принялся расхаживать взад и вперед по комнате. Ситуация становилась все фантастичнее. Досаднее всего ему казалось то, что у него отняли инициативу. *Они* с самого начала вели игру, и это бесило Эвери.

Он опять задумался, кто же это *они*, — и не нашел никакого разумного ответа. Должен же он быть, в конце концов! Но Эвери сильно опасался, что какой-то психологический барьер отделяет логическое мышление от иррационального. К чертям собачьим эту логику, раздраженно подумал он. В этом случае от нее проку мало. Тут годится только иррациональное мышление — да и его может оказаться недостаточно.

Тогда прочь его! Прочь все эти глупые, бессмысленные соображения, которые поднимаются в глубине его сознания, как вода позади дамбы.

Он глубоко вздохнул и произнес вслух:

— Это вовсе не человеческие существа. Это отвратительные лупоглазые монстры.

Слова, казалось, взорвались в тишине комнаты, отдаваясь эхом от металлических стен.

В эту минуту, как по сигналу, стена, отделяющая его от Барбары, исчезла. Только на этот раз по ту сторону стояла не Барбара. Кто-то другой.

Девушка. Каштановые волосы, большие испуганные глаза, хрупкая фигурка и круглое юное лицо.

— Где Барбара? Кто вы? — рявкнул Эвери. Голос его прозвучал резко и грубо. Он не хотел этого, но так уж вышло.

— Я Мэри Дорвард. Я... я... Как вы сюда попали? — Было видно, что она очень испугана.

Эвери вспомнил, что он не умыт, а лицо наверняка заросло щетиной. Он улыбнулся. Должно быть, он выглядит как злодей из фантастического фильма. Черт, это и в самом деле похоже на фантастику.

— В этой комнате раньше была девушка по имени Барбара Майлз. По крайней мере, мне кажется, что она была. Хотя в этом проклятом месте может быть все что угодно... Между прочим, меня зовут Ричард Эвери.

Она немного успокоилась, увидев, что он не такой свирепый, как ей показалось вначале.

— Со мной случилось то же самое. За этой дверью был человек по имени Том Саттон. Они... они позволили нам поговорить. Потом они захотели, чтобы мы ответили еще на какие-то вопросы, и нас снова разделили.

Эвери на мгновение задумался.

— Давайте попробуем вместе сложить кусочки этой мозаики. Где они вас подобрали — в Кенсингтон-Гарденс или в Гайд-Парке?

Она удивленно взглянула на него:

— В Кенсингтон-Гарденс. А откуда вы знаете?

— Провожу исследования привычек Похищенных Персон, — язвительно ответил он. — И вы нашли там такие маленькие завлекательные кристаллы.

— Я подумала, что это чья-то брошка, — согласилась она, — и я...

— И вы наклонились, чтобы поднять ее. Что было дальше, понятно, — вы оказались в этом сумасшедшем доме. Так?

Она улыбнулась. В ее улыбке было что-то очень привлекательное. Эвери вдруг почувствовал себя виноватым. Она ничуть не походила на независимую, своенравную Барбару. На вид ей было лет восемнадцать, и она казалась совсем растерянной. Очень растерянной.

— Вы понимаете, что все это значит? — с надеждой спросила она.

— Нет. Боюсь, я совсем ничего не знаю — кроме того, что все это, пожалуй, происходит на самом деле. Сначала я думал, что все это плод моего утомленного воображения... «Приходи ко мне на ужин, — сказала кошка мышке...»

Она снова улыбнулась. Эвери предложил ей сигарету и закурил сам. Они присели рядышком на краешек кровати. «Как пара усталых путешественников, — подумалось Эвери, — в ожидании поезда, который, как они оба знают, не придет никогда».

— Начнем сначала, — сказал он, — попробуем привести все, что мы знаем, к общему знаменателю. Где вы живете, сколько вам лет, чем вы занимаетесь?

— Ланкастер-Гейт, — ответила она. — Мне двадцать три года, я секретарша.

— Вы замужем?

— Нет.

— Вы живете одна?

Она покачала головой:

— Со мной живет еще одна девушка.

— А что вы знаете о человеке в соседней комнате?

— Том Саттон. Он тоже дотронулся до кристаллов в Кенсингтон-Гарденс. Он что-то типа специалиста по связям с общественностью. В общем ничего, но все-таки...

Эвери рассмеялся:

— И все-таки немножко тип...

— Возможно, я несправедлива, но, по-моему, он только и думает, что о паблисити и всех этих штучках.

— Как по-вашему, он женат?

— Я не совсем уверена, но похоже, что нет.

— Барбара тоже скорее всего не замужем, — сказал Эвери. — Во всяком случае, никто не мешает нам так думать, если это подходит к нашей теории. Итак, что же у нас получается? Одна телеактриса, одна секретарша, один специалист по связям с общественностью и один учитель — это, между прочим, я, — все блаженно одиноки и имеют опасную склонность прогуливаться в парках и трогать таинственные кристаллы... Правда, для статистики четверых маловато.

— О чем вы?

— Если бы это был случайный выбор, тогда хоть кто-нибудь был женат, — он вздохнул. — Хотя кто знает, может быть, Барбара или Том.

— Это что-нибудь изменило бы?

— Может быть. Просто я хватаюсь за соломинку... Личный вопрос: вы влюблены?

Она грустно покачала головой:

— Это было давно.

— Как и я. Только она умерла. И Барбара вряд ли влюблена. А Том Саттон, как по-вашему?

— Не знаю.

— Попробуйте угадать. Я не настаиваю, но...

— Я точно не знаю, но, по-моему, нет.

— Так и должно быть. Во всяком случае, это неплохо складывается в теорию, — он рассмеялся.

— Какую теорию?

Эвери немного помолчал, затем сказал:

— Конечно, я не уверен. Но я думаю, то, что с нами произошло, не случайно. Я думаю, нас выбрали. Если моя теория верна, то нас выбрали, потому что у нас нет сильных эмоциональных привязанностей. А теперь вопрос: зачем нас выбрали? Ответ: для каких-то исследований. До сих пор *они* — кто бы «они» ни были — обращаются с нами очень хорошо, но они чертовски много о нас знают: знают наши мысли, наши способности, наши эмоциональные склонности. И теперь самый главный вопрос: кто или что *они*? И неизбежно мы получаем ответ, который больше годится для фантастических книжек: *они* — не люди. Потому что не пользуются тем, что предоставляет человеческая техника для проведения такого маленького эксперимента. Эта штука, Мэри, — он показал на пишущую машинку, — приспособление, которое может быть использовано для того, чтобы *они*, не будучи людьми, могли войти с нами в контакт, не дав нам о себе никаких сведений. И хотя такую камеру при современной технологии легко соорудить, здесь есть много вещей, которые невозможно осуществить при помощи нашей техники. Ну, как это вам?

Мэри вздрогнула:

— Звучит ужасно, но правдоподобно.

— Держу пари, вы тоже нашли все необходимое в чемодане под кроватью, правда?

Она кивнула.

Он довольно улыбнулся:

— Да, все говорит о том, что эксперимент продлится долго, — вторая фаза, я думаю, будет проводиться где-нибудь в другом месте.

Мэри ничего не ответила. Эвери собрался было и дальше развивать свою теорию, но его остановил слабый скрип.

— Смотрите на пол, — резко скомандовал он.

— Что случилось? — смущенно спросила Мэри.

— Я только что слышал, как открылась панель — по-моему, в вашей комнате. Может быть, там, в нише, опять кристаллы. Именно так нас с Барбарой поймали в прошлый раз. Мы пренебрегли приказом, вот нам и досталось.

— Все равно придется взглянуть. Не можем же мы стоять как истуканы, и, кроме того, мы ведь не сделали ничего плохого, верно?

— Черт его знает, что здесь хорошо, а что плохо? — бросил он с раздражением. — Подождите-ка минутку. Пусть кто-нибудь из нас посмотрит — давайте я... Если я вдруг упаду, не двигайтесь с места. Не смотрите на панель! Пусть придумают что-нибудь новенькое. Ладно? Ну а сейчас я посмотрю.

После некоторой паузы Эвери обескураженно произнес:

— Поделом мне. Вы можете расслабиться. Там кофе на двоих.

Она взглянула на него и хихикнула:

— Совсем забыла. Ведь я заказывала кофе, как раз перед тем как стена исчезла.

— На двоих?

— Нет. Я же не знала, что у меня будет гость.

— Тогда у нас чересчур сообразительная официантка, — сердито заметил он.

Они выпили кофе и почувствовали себя свободней. Потом выкурили по сигарете, и Эвери решил, что, пожалуй, ему не стоит пока развивать теорию о мыслящих монстрах. С первого взгляда на Мэри было ясно, что она нуждается в поддержке. Он с беспокойством почувствовал, что ему нечем утешить ее.

Желая немного ее отвлечь от тягостных мыслей, он решил побольше разузнать о ней. Кроме того, что девушка заинтересовала его, Эвери казалось, что это даст ему какие-то сведения, которые смогут подкрепить его теорию — хотя он, конечно, понимал, что любая теория, построенная на таких фактах, может в один прекрасный момент рассыпаться, как карточный домик.

Ему самому тоже нужно было выговориться. Для

них обоих это было как лекарство, которое они могли принимать в любых дозах.

Он узнал, что Мэри работала в Вест-Энде, в конторе «Эмпайр-Кэмикалз», что проработала она там пять лет, что управляющего зовут мистер Дженкинс, что она играет в теннис и любит диксиленд, что ее родители умерли, а жених неожиданно бросил ее и женился на другой девушке.

В ответ Эвери рассказал немного о себе. Вскоре он даже рассказал ей о Кристине. Его самого это очень удивило, потому что он никогда ни с кем о ней не говорил. Даже с теми, кого он хорошо знал. А тут совершенно незнакомый человек. Но, с улыбкой подумал он, это действительно исключительный случай: первый раз в жизни его поймали и посадили в тюрьму какие-то монстры. Он не считал лупоглазых монстрами в прямом смысле слова. Конечно, нет. Скорее, в переносном. И именно это его больше всего беспокоило.

— Вы где-то далеко, — сказала Мэри. — О чем вы думаете?

— О том, как было бы здорово очутиться далеко-далеко отсюда, — беспечно ответил он. — Или, на худой конец, в Кенсингтон-Гарденс, а оттуда пойти в мою маленькую пустую квартиру. Я и не знал, что она может быть так привлекательна.

— А я и да и нет, — туманно ответила девушка.

— Что и да и нет?

— И хочу и не хочу. То есть я, конечно, хочу, — но только когда разберусь, что все это значит.

Эвери удивился. Девчонка оказалась покрепче, чем он думал. Он хотел было возразить, что вряд ли «они» позволят своим узникам что-нибудь разузнать, как машинка Мэри застрекотала.

«Пожалуйста, вернитесь в свои помещения, — напечатала она, — вы не будете разделены надолго».

— Вот-вот, то же самое эта паршивая железка болтала и в прошлый раз, — уныло сказал Эвери. — И опять, наверное, врет.

— Никогда ничего не знаешь наперед, — сказала Мэри. — Мы можем найти в будущем то, что уже было... И узнать подлинную сущность вещей.

Эвери рассмеялся:

— «Нет доступа». Есть такая фраза-ловушка в нашем маленьком сумасшедшем мире. Интересно знать, почему

они на этот раз свели вместе нас, а не меня с Барбарой, а вас с Томом?

— Я думаю, они просто пробуют разные варианты, — серьезно ответила она. — А вам очень хочется увидеть снова Барбару?

— Да, конечно. Но это не какое-то особое чувство. А вам Тома?

Она пожала плечами:

— Не очень. Он был очень уж утомителен.

— А я тоже утомителен?

— Немножко иначе, чем Том.

Эвери это рассмешило. Вот оно что, оказывается, и он не идеал.

Машинка застрекотала снова.

«Вам необходимо немедленно вернуться в свои помещения, — было сказано в слегка измененной форме. — Потом прошу вас лечь на кровати и ждать дальнейшего».

Мэри хихикнула:

— По-видимому, нам дают возможность немножко отдохнуть.

Эвери улыбнулся:

— С этими придурками не отдохнешь: не одно, так другое. Я не удивлюсь, если это окажется что-то вроде дистанционного медицинского обследования. Они очень любознательны, чтоб их... Думаю, мне лучше вернуться в свою комнату, иначе нам пошлют две порции кристаллов.

Они в некотором смущении легли на свои кровати и стали ждать.

— Я рада, что встретила вас, — сказала Мэри.

— Я тоже, — ответил он. — Будем надеяться, что в следующий раз нам устроят вечеринку на четверых. Может, мы что-нибудь и придумаем, если соберемся все вместе.

Стена вернулась на место в мгновение ока. Но Эвери некогда было подумать о том, какой механизм почти мгновенно ставит стену на место; светящийся потолок стал медленно темнеть. И вскоре кромешная тьма окружила Эвери.

Но только на одно мгновенье.

Наверху появилось слабое сияние.

Звезды.

На месте потолка теперь сияло окно — окно во Вселенную.

Эвери ничуть не сомневался, что видит все это наяву.

Только наяву может быть такой чистый блеск, такая сильная пронзительная яркость. При виде бесконечного множества живых солнц он ощутил благоговейный трепет. Они висели неподвижно, бесконечно маленькие и невообразимо огромные. Они висели, как фонарики на рождественской елке. Они висели, как слезинки замерзшего пламени.

Эвери был потрясен, на мгновение ему захотелось свернуться, подобно зародышу в утробе матери, отвергнуть этот огромный мир, не зная ничего, кроме пустой холодной безопасности этого металлического контейнера. Но это мгновенье миновало, и он, словно зачарованный, продолжал неотрывно смотреть на звезды.

Он и не знал, что их так много. Конечно, ему было известно, что звезд во Вселенной много, как песчинок на берегу мирового океана. Но для него это были всего лишь слова, он не понимал, что это реально.

Но теперь это знание проникло в его мозг, поглотило его личность, сжало его «я» до размеров молекулы и сплавило весь его человеческий опыт в крошечный атом чуда.

Там, вверху или внизу — он давно уже не понимал, где верх, а где низ, — тянулись через пустоту бесконечности звездные дороги. Там, внизу, вверху, сзади, роились молочно-золотые туманности звездных городов — словно огненные цветы времени в темной вазе космоса.

Там сиял лик Бога.

Ему хотелось умереть, ему хотелось смеяться от счастья, петь или кричать от боли и страха. Ему хотелось танцевать от радости и плакать от горя.

Но он ничего не делал. Он не мог ничего сделать. Только неотрывно смотреть с близкой к молитве затаенной болью.

И вдруг Вселенная закружилась в танце. Она медленно вытягивалась по огромной сияющей параболе. Звезды, звездные города, пространство, время, весь мир кружился вокруг маленькой неподвижной точки по имени Ричард Эвери.

А затем произошло самое поразительное.

Одна планета ожила. Та самая планета. Она была похожа на тыкву, наполненную светом. Небесную тыкву, ее поверхность была зеленой от океанов, голубой и белой от облаков, красной, коричневой, желтой от островов.

Она была истинно прекрасна, совершенна, как сама жизнь.

Зазвучал уже знакомый голос. Голос, преодолевший световые годы и долгое забвение сна.

«Это дом, — произнес голос. — Это сад. Это мир, где ты будешь жить, расти и учиться. Это мир, где ты узнаешь достаточно, но не слишком много. Это жизнь. И все это — твое».

Глаза Ричарда Эвери наполнились слезами. Он был не в силах вынести эту боль, это знание, эту истину.

От страха его тело стало холодным, как лед.

Он понял, что больше не выдержит. И в эту минуту яркие кристаллы на мгновенье вспыхнули на поверхности планеты.

Он узнал их.

Это были кристаллы забвения.

Осуществление милосердия.

ГЛАВА 6

Эвери открыл глаза. Над ним сияло голубое небо — такого глубоко чистого голубого тона не удается добиться ни одному художнику. Секунду-другую он лежал и смотрел на небо и слушал шум моря. И вспоминал...

Он был в какой-то тюрьме, потом крыша этой тюрьмы превратилась в окно во Вселенную, а потом... словно Бог говорил с ним. Это странное ощущение невозможно передать словами.

И вот теперь он лежит на походной кровати на морском берегу, слышит плеск волн и наслаждается ласковым теплом утреннего солнца. Приятная галлюцинация. Он надеялся, что она продлится еще немного.

— А, наконец-то вы проснулись!

Эвери осторожно повернул голову, потом сел. Галлюцинация включала в себя человека, который сидел на другой кровати и курил. И еще две кровати, на которых, судя по очертаниям, спали Барбара и Мэри. А также океан, прекрасный пляж, какие-то деревья, похожие на пальмы, и кучу лагерного снаряжения, словно приготовленного для бойскаутского слета.

— Я Том Саттон, а вы, я полагаю, Ричард Эвери... Довольно забавная ситуация, вам не кажется?

— Да, — ответил Эвери.

Он пожал протянутую руку:

— Рад познакомиться.

Это выглядело довольно смешно, даже если бы происходило наяву.

Том Саттон оказался высоким, крепким, самодовольным мужчиной. И хотя на вид ему было не более тридцати, наметившийся животик явно выдавал в нем склонность к спокойной жизни.

— Девочки в отрубе, — сказал он. — Эти чертовы кристаллы валят с ног, как хорошее зелье, — он вздохнул. — Хотел бы я иметь такую сноровку.

— Как вы думаете, где мы? — спросил Эвери.

Том пожал плечами:

— Гавайи, Таити, Тонга — вы платите свои денежки и получаете заказанное.

Эвери вдруг осенило:

— Мы не на Земле, — сказал он.

— Чего?

— Я говорю, мы не на Земле.

— Протри глаза, старина. Не надо слишком фантазировать. Согласен, эксперимент, конечно, был впечатляющий. Но человек должен уметь держать себя в руках.

— Не болтайте чепухи, — взорвался Эвери. — Я полагаю, с вами происходило то же, что и со мной, — крыша превратилась в звездное небо, а потом — загадочное сообщение небесного голоса.

Том улыбнулся:

— Ну вроде бы так.

— Ну так у меня есть для вас новости, — сказал Эвери, твердо решив разрушить броню его самодовольства. — Я был не настолько испуган, чтобы не заметить, что эти звезды — не наши звезды.

— О чем ты, старина?

Нервы Эвери были напряжены до предела, к тому же его безумно раздражало это словечко — старина. От него так и разило школой.

— Я хочу сказать, — сказал он спокойно, — что это расположение звезд — не земное... старина.

— Так ты один из этих чертовых астрономов?

— Нет, но у меня есть глаза.

Том на секунду замолчал, пытаясь переварить информацию.

— Ну и что? Мы находимся — нет, лучше сказать, находились — в северном полушарии, старик. Та чертовщина, что мы видим сейчас, — наши звезды, только с другой стороны.

— Я знаю звездную карту южного полушария, — возразил Эвери. — Но то, что «я» видел, не имеет с ней ничего общего.

— Черт, — сказал Том, — не старайтесь запугать меня и, ради всего святого, перестаньте паниковать, ведь с нами, в конце концов, девушки. Солнце здесь вполне нормальное, море тоже. Даю слово, может, мы где-нибудь за границей, но это добрая старушка-земля.

Раздражение Эвери улеглось, и он, с усмешкой наблюдая за Томом, вспомнил, что страус при опасности прячет голову в песок.

— Земля, может быть, и тверда, но это не наша земля — это планета, которую я видел.

— Просто вы клюнули на их удочку, — самодовольно заявил Том. — Непонятно зачем, но какая-то гнида забросила нас в южные моря или что-то вроде того. Может, это и смешно, но я возвращаюсь домой. Неприкосновенность личности, и все такое!..

— Привет, ребята, а вот и я, — прервал их голос Барбары. Она сидела на кровати и смотрела на них. — Что тут говорили о южных морях?

Том предостерегающе взглянул на Эвери, потом нежно улыбнулся Барбаре.

— Рад, что вы наконец можете присоединиться к нашей компании... Я как раз доказывал Эвери, что нас скорее всего выбросили где-то в южных морях.

Барбара зевнула и покачала головой:

— Пора повзрослеть, милый мальчик. Ричард прав. Мы где-то в другом месте.

Эвери удивленно поднял брови:

— Вы давно проснулись?

— Довольно давно... Девушкам нравится подслушивать, что говорят в компании в их отсутствие.

Она встала, потянулась и тут заметила Мэри.

— Спящая красавица еще не проснулась. Ах, эта беззаботная юность!

— Вы оба спятили, — упорствовал Том. — Они не могут послать человека на Марс, — правда, я не по-

нимаю, как *они* смогли закинуть нас под эти голубые небеса.

— *Они*? — откликнулась Барбара. — Кого ты имеешь в виду?

— Ну, эти хмыри, которые занимаются космосом.

— Мой милый, душка Том, — нежно проворковала Барбара, — сделай маленькое одолжение и перестань говорить, как в кино... Я знаю кое-что, чего ты не знаешь. Повернись и посмотри на небо... Немножко выше... А теперь левее.

Том некоторое время смотрел на небо, пока не увидел сияющий серебристый серпик — маленький, далекий, почти не различимый в яркой синеве.

— Луна, — сказал Том наконец. — Ну и что? Луна днем — нормальное явление. Просто у нас летом ее редко видно. А в южных морях — все наоборот, вот и все.

— Возможно, — сказала Барбара. — А теперь посмотри пониже, прямо над пальмами.

Том посмотрел на пальмы. Эвери тоже. Все долго молчали.

— Господи Иисусе, — простонал Том. Он тяжело плюхнулся на свою кровать и дрожащими пальцами достал сигарету. — Чтоб мне провалиться. Это просто смешно. Это... это... Лопнуть со смеху.

Он не мог вымолвить ни слова.

Эвери смотрел на Барбару.

— Вы очень наблюдательны, — сказал он, — и очень уверены в себе.

— Двух лун недостаточно, чтобы выбить меня из седла, — отпарировала Барбара. — И кроме того, разве вы не заметили, какими мы стали тихими и разумными после этих кошмарных экспериментов. Особенно если вспомнить последний... — Она содрогнулась. — Я вопила от радости, когда это наконец кончилось. А теперь я здесь, на этом пустынном берегу, такая же спокойная, как все, и хладнокровно считаю, сколько лун на небе, и я подумала... Если хотите знать, по-моему, *они* не только шарахнули по нам этими кристаллами: нас еще накачали неслабыми транквилизаторами.

Эвери задумался:

— Очень может быть, — согласился он. — Только тогда мы должны чувствовать себя совсем разбитыми.

Сказать по правде, я совсем спокоен... От души надеюсь, что так и будет продолжаться.

— Я тоже так думаю, — сказала Барбара. — По-моему, это *их* штучки.

— Где... где я? — Мэри сидела на кровати и удивленно оглядывалась.

— Никогда не думала, что услышу эти бессмертные слова, — весело заявила Барбара. — Успокойся, цыпленок. Ты среди друзей. А у Тома такой несчастный вид просто потому, что он не в силах переварить, что на небе две луны. Он слишком консервативен. Это кажется ему немножко необычным.

Мэри осторожно встала. Она медленно обвела взором море, песок, пальмы. Затем она вдруг сказала:

— Я знаю, это ужасно глупо, но я страшно проголодалась.

Эвери оглядел кучу снаряжения и четыре плотно упакованных чемодана.

— Ладно, посмотрим, что тут есть. Тот, кто это устроил, по-видимому, подумал обо всем. Я, во всяком случае, надеюсь, что он или она — а скорее всего оно — не забыло позаботиться и о еде.

— Смотрите, — воскликнула Барбара, указывая на маленькую обтянутую тканью корзинку. — Пять против трех, там все, что нужно для пикника.

Эвери улыбнулся:

— Пари не принимаю. Это как раз в духе абсурдной логики нашей ситуации.

Это действительно оказалась корзинка для пикника — причем с отличным содержимым. Цыплята, сандвичи с ветчиной, молоко, термос с кофе и — бутылка шампанского.

Том с ужасом смотрел на шампанское.

— Это все штучки космической банды. Больше некому.

— Не открывайте бутылку, — сказал Эвери. — У меня такое чувство, что у нас еще будет случай, когда оно нам действительно понадобится.

Лицо Барбары разочарованно вытянулось:

— А я хочу сейчас.

— Нет, не надо. Сейчас вам лучше выпить свежего молока. Нам предстоит трудный день.

— Здесь что-то еще, — сказала Мэри, доставая из корзины толстый коричневый конверт.

Она распечатала его и высыпала содержимое на свою

кровать. Там оказались тонкие пластмассовые пластинки размером с почтовую марку. На каждом было изображение животного, рыбы или растения и несколько строк по-английски.

Эвери взял одну пластинку и с недоумением стал рассматривать. Какое-то свирепого вида животное, нечто среднее между змеей и ящерицей, грелось на солнце на берегу маленького озерца, хвост его свешивался в воду. Подпись внизу гласила: «Это существо очень опасно. Повадками оно напоминает земного крокодила. Мясо его непригодно для пищи».

Мэри рассматривала листок бумаги, который она нашла среди пластмассовых карточек.

— Слушайте, — сказала она, и голос ее слегка дрожал: — «С сегодняшнего дня вы будете сами добывать пищу и обеспечивать свою жизнь. Среда, в которую вас поместили, не слишком враждебна для человека. Надеемся, что вы успешно разберетесь в обстановке и сумеете извлечь из эксперимента нечто ценное для себя».

Все четверо переглянулись. Внезапно и неотвратимо — страшный сон стал реальностью. Настоящей реальностью.

— Господи Иисусе! — воскликнул Том. Он хотел сказать что-то еще, но слова, казалось, застряли у него в горле.

— Ну, кто будет завтракать? — спросила Барбара с натянутой улыбкой.

Мэри тщетно старалась сдержать слезы:

— Я... я, кажется, больше не хочу есть.

— Ешьте, — твердо сказал Эвери. — Мы все должны поесть, а потом решим, что нам делать. Я, черт побери, не знаю, где мы и чего от нас хотят, но я намерен остаться в живых. После всех этих сумасшедших штучек это теперь самое важное. Это дело принципа... Кто-то или что-то ведет с нами эту непонятную, тонко разработанную игру. И я во что бы то ни стало намерен жить достаточно долго, чтобы обыграть их.

Он с грустью оглядел берег. Еще недавно он казался необыкновенно красивым — почти как декорация для спектакля. Но сейчас словно бесплотная тень неясно вырисовывалась в ярком свете утра. Игра обернулась реальностью. И даже яркий солнечный свет, казалось, предвещал беду.

Пить шампанское никто не хотел. Усевшись вокруг корзины, они молча жевали бутерброды и пили молоко. В создавшейся ситуации это показалось им самым разумным.

Эвери вдруг обнаружил, что он действительно проголодался. Еда — занятие прозаическое и наводит на прозаические мысли. Расправляясь с бутербродами, он принялся рассматривать карточки.

На одной карточке был изображен фрукт, похожий на грушу, как следовало из подписи — вкусный и питательный. На другой — что-то вроде шестилапого кролика, про него говорилось, что мясо его по вкусу напоминает мясо барашка. Зверь на третьей карточке являл собой нечто среднее между кабаном и маленьким носорогом. Сообщалось, что он очень опасный, но съедобный.

Эвери показалось, судя по виду, что это животное слишком хитро, чтобы его можно было легко поймать.

Итак, всего около пятидесяти картинок. Теперь их нужно классифицировать. Каждую хорошенько выучить и запомнить — особенно опасных животных...

Он еще раз оглядел пляж, который недавно выглядел таким уютным, а теперь казался мрачным и пустынным. Полоса белесого песка от 30 до 70 ярдов шириной тянулась вдоль кромки воды. Границу прилива отмечали выброшенные на берег мусор, водоросли и обломки бревен. Ярдов за десять от пляжа начинался лес — огромная зеленая загадочная страна.

Нужно поскорее его исследовать, подумал Эвери. Такая перспектива ему вовсе не улыбалась. На земле, в любом месте, ты хотя бы приблизительно знаешь, что тебя ожидает. Но здесь, на планете с двумя лунами и одним солнцем, висящим в неправдоподобно голубом небе, — здесь, после потрясающего воображение путешествия, — путешествия, цель которого находится за пределами человеческого опыта, — здесь их могло ждать только неожиданное.

Однако первым делом надо было разбить хотя бы временный лагерь, чтобы обеспечить безопасность — насколько возможно, если учесть, что они почти ничего не знают об этом месте. Не считая того, что растения и животные здесь совершенно им незнакомы.

Погруженный в размышления, он не сразу заметил, что Барбара что-то говорит ему.

— В те прекрасные дни, когда я еще была в своем уме, — сказала она, — я всегда покупала пакеты с сухим завтраком, а в них были фигурки космонавтов — в скафандрах, с золотистыми шлемами.

Он улыбнулся:

— К счастью, нам не нужны скафандры. Здешний воздух даже чище, чем в Лондоне. К тому же здесь гораздо теплее.

— И я заметила, — продолжала Барбара, — что эти космонавты — они все разные — геолог, инженер, ну, и другие. Я хотела собрать их все, но ни в одном пакете не оказалось фигурки командира экспедиции... Так вот, я думаю, и нам этого тоже не хватает.

— Не валяйте дурака, — угрюмо сказал Том, — никакая это не экспедиция. Просто четверо людей, которых забросили черт знает куда. — Он невесело засмеялся. — По крайней мере, я так думаю.

— Хорошо это или плохо, но мы вместе, — ответила Барбара. — Но кто-то должен взять на себя ответственность за все, иначе мы так и будем топтаться на месте.

— Барбара права, — согласилась Мэри. — Кто-то должен принимать решения.

— И обязательно мужчина, — добавила Барбара.

— Тем самым круг сужается, — сказал Эвери.

— Да, и, возможно, больше, чем вы думаете, — улыбнулась Барбара.

Том, по-видимому, был не согласен.

— Я не нуждаюсь в фюрере. Я надеюсь, мы взрослые люди и способны все вместе обсуждать проблемы и принимать решения.

— Комитет четырех, — возразила Барбара, — не очень подходит, чтобы принимать решения в критических обстоятельствах.

— У нас нет пока никаких критических обстоятельств. Не вижу причин, почему бы нам не принимать совместных решений.

— Потому что, мой милый Том, критические обстоятельства уже налицо, и неизвестно, насколько это затянется.

— Боюсь, она права, — сказал Эвери. — Один из нас должен стать милосердным деспотом, во всяком

случае на время. А пока у нас нет лидера, давайте устраивать лагерь.

— Минуточку, — сказала Барбара. — Вы забыли про выборы. Нам с Мэри хотелось бы высказаться.

Том вздохнул:

— Только не так длинно, как Гилберт и Салливан... А что вы скажете насчет смены лидера, скажем, через три дня?

— Резонно, — сказала Мэри. — Если мы не знаем, что делать, сделаем хоть что-нибудь.

Эвери улыбнулся:

— Отлично. Только ведь мы не знаем, сколько часов, по нашему измерению, длятся здесь сутки.

— О чем вы? — удивилась Мэри.

— В зависимости от периода вращения планеты сутки могут быть больше или меньше двадцати четырех часов. Нужно их измерить.

— Пока что мы занимаемся пустяками, — сердито заметил Том. — Вы можете быть командиром экспедиции. Надеюсь, в вашем пакете с сухим завтраком есть инструкции по этому поводу.

— Итак, вопрос решен, — сказала Барбара. — Теперь все в порядке.

— Минуточку, — Эвери вовсе не был уверен, что вопрос решен. — Мне кажется, вам следовало бы знать, на что вы идете. Если я возьму на себя ответственность, я буду требовать, чтобы все мои приказания выполнялись, и выполнялись беспрекословно. Если вам покажется, что я не прав, скажете потом. Но когда я приказываю, это должно быть исполнено... Мне очень жаль, но, по-моему, иначе в этой ситуации нельзя. Понятно?

— Зиг хайль! — воскликнул Том. Тем не менее, он, по-видимому, почувствовал облегчение.

Эвери улыбнулся:

— Устройством лагеря мы займемся чуть позже... А сейчас первый приказ: никому не уходить за пределы видимости. Ясно? Причины очевидны. Мы не знаем, какие опасности нас подстерегают, и нужно свести риск к минимуму, пока не выясним обстановку.

Барбара сказала:

— Но есть некоторые вещи, которые леди и джентльмены предпочитают делать именно за пределами видимости.

— Даже в этих случаях, — настойчиво сказал Эвери. — По крайней мере пока. Со временем мы соорудим уборную. А пока пусть каждый выберет себе место на пляже, но так, чтобы его было видно.

Барбара усмехнулась:

— Боюсь, моя писюлька не может больше ждать. Я сейчас вернусь.

Она отошла ярдов на тридцать в сторону, стянула брюки и трусики и спокойно пристроилась на песке.

Остальные старались не смотреть в ее сторону. Но они смутно чувствовали, что этот интимный акт — такой простой и естественный — в одно мгновение разрушил привычные условности цивилизации. Это показалось им символом их будущей жизни.

Барбара вернулась.

— Ну вот, должна сказать, мне полегчало, — с наигранной бодростью сказала она.

Том был в шоке. Мэри тоже. Эвери почувствовал, что должен сделать что-нибудь, чтобы поддержать Барбару.

Теперь они вынуждены жить в тесной близости и должны привыкать к этому.

— Пойду-ка и я отолью, — небрежно заметил он.

Он отошел немного в сторону, расстегнул брюки и помочился, отвернувшись в сторону моря.

— Ну что ж, — оживленно сказал Том, когда Эвери вернулся. — Раз уж мы так просто смотрим на вещи, не устроить ли нам групповой сеансик, чтобы скоротать время?

— Времени у нас и так мало, — заметил Эвери, даже не улыбнувшись, — пора заняться делом. — Он внимательно оглядел кучу снаряжения. — Главное теперь — оружие. Посмотрим, не найдется ли что-нибудь путное среди этого барахла.

— Оружие? — испуганно переспросила Мэри.

— Да хоть что-нибудь — ножи, дубинки, что угодно.

— У меня в чемодане, — сказал Том, показывая на груду чемоданов, — есть револьвер тридцать восьмого калибра и пятьдесят патронов. — Он смутился. — Не знаю, как они там оказались. Я держал их в квартире.

— Отлично. Который из них ваш? — спросил Эвери, показывая на чемоданы со снаряжением.

— Черт его знает, — все чемоданы казались Тому совершенно одинаковыми. — По-моему, вон тот, в самом низу... Второй закон Финэйгла!

Чемодан действительно оказался в самом низу. Он оказался таким тяжелым, что Эвери и Том с трудом подняли его.

— Что за Второй закон Финэйгла? — спросила Барбара, когда Том, стоя на коленях, рылся в чемодане.

Он взглянул на нее и усмехнулся:

— Второй закон Финэйгла гласит, что, если какая-нибудь неприятность может произойти, она непременно произойдет. А вот и пушка. — Он протянул Эвери револьвер и коробку с патронами.

Эвери проверил оружие и вставил в барабан шесть патронов.

— Осторожно! Сейчас я проверю эту штуку.

Не глядя, он выстрелил в сторону моря. Выстрел прозвучал негромко, но все невольно вздрогнули.

— Все в порядке.

Он выкинул стреляную гильзу и вернул револьвер Тому.

— Я думаю, со временем это нам пригодится... Было бы здорово, если бы вы сейчас взяли на себя предварительную рекогносцировку. Только так, чтобы мы могли все время вас видеть. Посмотрите — может, там есть какие-нибудь съедобные растения. Возвращайтесь через четверть часа.

— Есть, капитан! — Том насмешливо козырнул, пошел по песку, не выпуская из рук револьвер.

Эвери смотрел, как он лениво бредет вдоль берега. Он чувствовал, что рано или поздно у него возникнут определенные трудности с Томом. Но сейчас было не время обдумывать возможные и воображаемые проблемы. Хватало неотложных, насущных дел.

— Посмотрите, что я нашла, — сказала Мэри. Она вытащила из груды снаряжения четыре ножа и два легких топорика. Ножны были пристегнуты к кожаным ремням.

Эвери осмотрел ножи, выбрал один из них и опоясался ремнем.

— Надо всегда носить нож при себе, — сказал Эвери. — В этом сезоне у каждого даггера был такой. Самая последняя модель.

Барбара поморщилась:

— Вы думаете, тут так опасно?

— Возможно. Лучше быть осторожным и живым, чем беспечным и мертвым... Если же вы пользовались ножом только для того, чтобы резать мясо, то смотрите —

держите нож вот так и старайтесь нанести удар снизу вверх. Тогда он войдет глубже.

— «Укрепите свои сердца», — задумчиво заключила Барбара. — Что теперь?

— Теперь Первый Лагерь, — ответил Эвери. — По-моему, надо разбить его поближе к деревьям, немного подальше от полосы прибоя. А потом, когда разведаем окрестности, подыщем себе местечко получше. Сколько у нас палаток?

— Четыре, — сказала Мэри. — Такие огромные, словно для великанов.

— Отлично. Вы оставайтесь здесь и отберите самое необходимое — кухонную посуду, одеяло и всякое такое, а я пойду взгляну вон на тот холмик, — он показал на небольшую возвышенность в пятидесяти ярдах от них. — Если там удобно, мы с Томом перетащим все вещи туда, когда он вернется... Кстати, где он?

Они оглядели берег, но Тома нигде не было видно. На песке виднелись следы, ведущие к лесу.

— Идиот! — выругался Эвери. — Я же сказал ему не пропадать из виду.

— Может, нам пойти поискать его?— спросила Барбара.

— Нет. По крайней мере, пока.

И, как бы в подтверждение слов Эвери, раздался одиночный выстрел. Барбара и Мэри испуганно переглянулись.

— Дьявол! — рявкнул Эвери. Он забеспокоился. Невольно ему вспомнились слова Тома о Втором законе Финэйгла. Но его опасения не оправдались.

Вскоре Том появился из-за деревьев и направился к ним. Он нес что-то тяжелое. Когда Том подошел ближе, Эвери увидел, что на плече у него тот самый шестилапый «кролик», которого они видели на одной из карточек. Том казался очень довольным собой.

— Охотник вернулся домой, — провозгласил он гордо и сбросил тушу к ногам Барбары. — Из этого получится неплохое жаркое... Я попал в него с десяти шагов. Неплохо, правда?

— Теперь их осталось сорок восемь, — сказал Эвери холодно.

— Чего сорок восемь, старина?

— Сорок восемь патронов.

— Ну и что? Один ты выпустил в море, не так ли?

— А как бы я иначе узнал, что оружие в порядке?

Но Том не слушал его.

— Я никогда раньше не стрелял! Ей-богу! Я купил его во Франкфурте за двадцать две с половиной марки и страшно боялся, что мне не удастся протащить его через таможню в старом Лондонском аэропорту. Я сказал им, что это просто игрушка.

— Дайте его мне, — сказал Эвери.

— Это еще почему?

— Потому что я приказываю.

— Этого недостаточно, старина. Мне не нравятся твои фюрерские замашки.

Эвери ударил его. Он сам удивился резкости и силе удара — кулак врезался в шею Тома, и тот упал на песок, точно мешок с картошкой. От неожиданности Том выронил револьвер. Эвери быстро подобрал его — в эту минуту он чувствовал себя полным дураком. Хорошенькое начало для установления взаимного доверия!

Ему захотелось извиниться перед Томом, который, охая, сидел на песке и потирал шею. Он было хотел помочь ему встать на ноги и уже подыскивал примирительные слова, как услышал голос Мэри:

— Неужели необходимо быть таким жестоким, Ричард?

— Да, — ответил он, подавив извинения, уже готовые сорваться с его губ. — Я отправил его только на разведку, а он без надобности стал стрелять. Я велел ему отдать револьвер, он опять не послушался... Я делаю то, что вы мне поручили, — как умею.

Барбара помогла Тому подняться.

— Оба вы хороши, — сказала она. — Но Ричард по-своему прав. А теперь перестаньте, оба.

Эвери протянул Тому руку. К его удивлению, тот принял ее. И вдруг резко дернул Эвери на себя и ударил его в солнечное сплетение. Эвери задохнулся, но оружие из рук не выпустил. Согнувшись, он ловил ртом воздух.

— Мы оба умеем играть в эту игру, — сказал Том. — Ну как ты себя теперь чувствуешь? — самодовольно спросил он.

— Не очень, — прохрипел Эвери. Но в душе он был доволен. Он заставил Тома ответить ударом на удар. Теперь они снова на равных.

— Я хочу получить назад свой револьвер, — продолжал Том. Но, похоже, он и сам знал, что его требование не будет исполнено.

— Сожалею, — сказал Эвери. — Ты его не получишь. Возможно, мне не следовало затевать драку, но не в этом дело. Я не отдам револьвер, пока не буду уверен, что могу на тебя положиться.

Том усмехнулся:

— Вряд ли ты проживешь так долго.

— Вы оба ведете себя, как малые дети, — вмешалась Мэри. — Одному Богу известно, что с нами будет, если приходится полагаться на таких, как вы.

Эвери пожал плечами:

— Хорошо сказано... А теперь за работу. Том, нам нужно найти место для лагеря и перетащить туда снаряжение... Ты умеешь разбивать лагерь?

— Положись на бывшего скаута, старина.

«Теперь ясно, откуда это „старина“», — подумал Эвери.

— Отлично. Тебе и карты в руки. Пошли.

Бугор, который заметил Эвери, оказался не очень удобным. Том сказал, что там слишком влажно и нужно как-то отводить воду. Но в сотне ярдов дальше вдоль берега Том обнаружил холмик с плоской вершиной, покрытой мягкой травой. К тому же он имел еще одно удобство — поблизости протекал маленький ручеек.

— Вот здесь, — сказал Том, придирчиво осмотрев площадку. — Для начала сойдет. Потом, если будет время, поищем что-нибудь получше.

Эвери посмотрел назад, туда, где на берегу лежали их вещи.

— Ну что ж, давай перетащим все сюда, — сказал он.

ГЛАВА 8

Становилось жарко. Вскоре мужчины разделись до пояса. Несмотря на то что револьвер оказался очень тяжелым и при каждом шаге нещадно бил по ногам, Эвери не вынул его из кармана. У Тома на поясе висел нож.

Понимая, что надо как-то ослабить возникшую между ними враждебность, Эвери постоянно советовался с Томом об устройстве лагеря, и вскоре ему стало ясно, что Том разбирается в этом гораздо лучше, чем он сам.

Хотя обе девушки помогали им как могли, только

через пару часов они перенесли палатки, чемоданы и снаряжение к месту, которое стали называть Первым Лагерем. Труднее всего оказалось перетащить чемоданы. В конце концов мужчины просто проволокли их ярд за ярдом по песку и гальке.

Первый Лагерь, подумал Эвери, когда они начали устанавливать палатки — какое символическое название! Оно означает, что будет Второй Лагерь, Третий и так далее. Одним словом, что толку сидеть опустив руки, как потерпевшим кораблекрушение, и пенять на судьбу.

Да, конечно, сейчас они не могут решить главный вопрос — как вернуться домой. Но и это возможно, если войти в контакт с теми людьми — или существами, которые забросили их сюда, и договориться с ними. Итак, все указывает на то, что это похищение — кто бы его ни совершил — должно иметь важные причины, ибо весь проект разработан очень тщательно. Первым делом, решил Эвери, когда будет время подумать над этим, надо постараться понять, какие же это причины. Если это удастся, то можно либо попытаться нарушить их планы, либо заключить сделку. Конечно, это слишком отдаленная перспектива, но, во всяком случае, она существует. А сейчас размышлять об этом некогда. Слишком многое надо сделать.

Палатки оказались очень большими — в каждой с удобствами могли разместиться два человека. Поэтому Эвери решил поставить для жилья только две палатки — одну для мужчин, другую для женщин. Третью палатку решили использовать как склад, а еще одну оставить про запас.

Натянув палатки, Эвери велел Барбаре и Мэри разобрать вещи и как можно удобнее устроить жилье. Теперь надо придумать что-нибудь для защиты их маленького населения от диких животных. Несмотря на то что до сих пор дикая жизнь планеты проявлялась только в виде шестилапого «кролика», подстреленного Томом, картинки на пластмассовых карточках говорили о том, что здесь водятся и опасные животные. Вряд ли приятно проснуться, например, оттого, что такой вот маленький носорог просунет в палатку свой носик...

Мысли Тома, по-видимому, текли по тому же руслу. Он таскал тюки со спальными мешками, но вдруг остановился и вытер со лба пот.

— Что будем делать с местными тварями? — спросил он. — Здесь нет даже стенки, на которую наши девочки

могли бы взобраться, если какая-нибудь пятифутовая ящерица захочет позабавиться с ними.

— Верно, — ответил Эвери, пропуская пошлость мимо ушей. — Я думаю, надо соорудить какую-нибудь ограду.

— Только высокую. Еще можно поддерживать огонь ночью.

— И это тоже, — Эвери улыбнулся.

— Но, может быть, здешние звери не такие, как на Земле. Может, им даже нравится огонь. Ну скоро мы это узнаем.

Том замолчал. Через некоторое время он сказал:

— По-моему, эти чемоданы непромокаемые. Если оттуда вынуть самое необходимое, их можно поставить плотно друг к другу позади палаток — вот и получится часть изгороди... Ничего? Как ты думаешь?

— Можно попробовать, пока не найдем что-нибудь понадежнее, — а остальную часть изгороди можно соорудить из обломков, что валяются на берегу. К тому же они пригодятся для костра.

Эвери вынул из кармана револьвер и, морщась, потер ушибленное место на ноге. Он небрежно кинул оружие в палатку.

— Я устал таскать эту штуковину, — сказал он, внимательно глядя на Тома.

— Каждый должен быть вооружен, — буркнул Том. — Особенно фюрер.

— Фюрер будет носить нож, — отпарировал Эвери.

Том даже не сделал попытки захватить револьвер. Вскоре они вдвоем пошли собирать обломки древесины, выброшенные на берег. Сверкающее солнце опустилось чуть ниже.

Через полчаса они вернулись — вспотевшие, утомленные, волоча тяжелые бревна. Подходящие по размеру палки оказались гораздо тяжелее, чем они думали.

Барбара и Мэри сидели перед палаткой и прихлебывали воду из пластмассовых стаканчиков.

— Это то, о чем я мечтал, — сказал Эвери, облизывая пересохшие губы. — Вы думаете, она годится для питья?

— Я нашла холщовое ведро, — сказала Мэри. — В нем лежала коробочка с таблетками. И инструкция. В ней написано, что нужно растворить одну таблетку в галлоне питьевой воды.

— Хорошо. А сколько там таблеток?

— Не знаю. Пятьсот. А может, тысяча. Посмотрите сами.

Она протянула ему коробочку. Эвери прикинул, сколько таблеток в одном слое, и приблизительно подсчитал сумму. Получилось что-то около двух тысяч.

— А как на вкус?

— Похоже на Виши, — сказала Барбара. — Так приятно покалывает. Попробуйте. Вам обоим это не помешает.

Она взяла еще два стакана и наполнила их.

Эвери отхлебнул воды, прополоскал рот и проглотил. И вдруг ему показалось, что ландшафт слегка покрылся рябью — словно он глотнул какого-то мгновенно действующего алкоголя. Потом рябь исчезла, и краски, казалось, засверкали ярче.

Барбара была права. По вкусу это напоминало Виши. Но, может быть, потому, что они очень устали, Эвери показалось будто он глотнул живой воды, ему никогда не доводилось пробовать такого освежающего питья.

— Вот это да! — сказал Том с восхищением. Он опустошил свой стакан, хотел выпить еще и протянул стакан Барбаре.

И вдруг Мэри закричала.

Эвери отшвырнул стакан, резко повернулся — мгновенно выхватив нож. Краем глаза он заметил, что Том тоже стоит полупригнувшись, сжимая в руке нож, готовый к драке, — это очень порадовало Эвери. Они внимательно смотрели в сторону деревьев в двадцати ярдах от них, на которые с ужасом показывала Мэри. Там ничего не было.

— Я... я видела человека!

Сейчас там никого не было. С минуту они молча смотрели друг на друга. Затем Барбара разрядила напряжение:

— Никогда не кричи, если увидишь мужчину, милочка. Это производит плохое впечатление.

— Как он выглядел? — спросил Эвери, не сводя глаз с деревьев.

— Высокий, крепкий, с золотыми волосами.

— Это был не человек. Просто померещилось. Эта водичка оказалась сильнее, чем мы думали.

— Я его видела, — настаивала Мэри.

Эвери посмотрел на нее. Она казалась потрясенной, но ничуть не походила на девушек, которым всюду мерещатся высокие золотоволосые молодые люди.

— Как он был одет?— спросил Эвери.

— По-моему, на нем ничего не было.

Том фыркнул:

— Только этого нам не хватало — голый Адонис, который прячется в лесу.

— Как вы думаете, у него было оружие?

— Кажется, нет... Но... все произошло так быстро... По-моему, он испугался не меньше меня.

Эвери решил, что этот случай надо расследовать.

— Том, мы с вами пойдем и посмотрим. Если там и был кто-нибудь, он, вероятно, уже далеко. Но все-таки я считаю, будет лучше, если мы обшарим тут все в радиусе ста ярдов.

Он повернулся к Барбаре:

— Я положил револьвер в эту палатку. Держите его наготове, пока мы не вернемся. Только не стреляйте без крайней необходимости.

Поиски странного незнакомца заняли довольно много времени. Они так ничего и не нашли. Эвери чувствовал себя усталым и раздраженным. Он увидел дым от костра, который развели Барбара и Мэри, его охватил беспричинный гнев.

— Кто, черт побери, разрешил вам разводить костер! Его видно не за одну милю!

Барбара холодно взглянула на него:

— Никто. Я воспользовалась своим собственным умишком.

— Тогда вы воспользовались им не очень удачно. Мы с Томом собирали эти бревна для ограды, а не для ваших дурацких пикников.

— Я подумала, — сказала Барбара, — что вам будет не очень-то приятно есть сырое мясо. Возможно, мне следовало бы получше изучить ваши вкусы.

Кто-то ободрал и разделал «кролика», и Мэри уже нанизала куски мяса на вертел и жарила их на костре. Кто-то собрал фрукты — одни были похожи на грейпфруты, а другие напоминали необыкновенно большие груши. Кто-то действительно немало потрудился.

— Прошу прощения, — сказал Эвери. — Просто я очень устал.

— Ничего, — ответила Барбара. — Кстати, я проверила фрукты по этим картинкам. Там написано, что груши очень питательны, а те, другие, утоляют жажду. Так что с голоду мы не умрем. Это растет там на каждом десятом дереве.

Мясо скворчало и шипело, когда Мэри с раскрасневшимся от жара лицом поворачивала его над пылающими углями. Запах жареного мяса приятно щекотал ноздри.

Мэри вздохнула:

— Ленч почти готов. Можете брать руками, если хотите.

— Подождите-ка, — сказала Барбара. — Я принесу тарелки и ножи. Постараемся все-таки не опускаться.

Она аккуратно расставила тарелки на траве перед палатками.

«Кролик» оказался вполне съедобным — не таким, как земной кролик, но довольно вкусным. От него исходил пряный аромат, но мясо было очень нежное.

И когда вся компания сидела перед палатками за своей первой трапезой, к которой очень подходило название «жизнь на природе», Эвери изумился тому, что он уже воспринимает все происходящее как должное. Ведь еще недавно все четверо жили в Лондоне, стоял холодный февраль. Они были незнакомы. Разве что случайно встречались на улице или толкались в метро в часы «пик». Но теперь они больше не чужие: их объединили в коллектив — так, кажется, это называется — забросили на много световых лет от Земли для того, чтобы они сумели здесь выжить.

Эвери попробовал беспристрастно оценить своих товарищей. Том принадлежал к тому типу людей, с которыми у Эвери было очень мало общего. Если бы их свела жизнь в былые времена (удивительно, как быстро он привык к этому выражению — былые времена), они, наверное, раздражали бы друг друга и скорее всего постарались бы больше не встречаться. Но здесь они зависят друг от друга и поэтому должны как-то приспособиться. Он должен научиться переносить плоские шуточки Тома, его дурацкие словечки, некоторую тупость. Но и Том вынужден будет терпеть раздражительность Эвери, его вспыльчивость и, что греха таить, то, что он постоянно сосредоточен на собственных переживаниях. И все же, на свой лад, Том очень надежен. В нем есть какое-то сочетание упрямства и стойкости. Если не обращать внимания на всякие мелочи, он неплохой человек. Эвери вспомнил момент, когда закричала Мэри. Том ведь не стоял, как дурак, с раскрытым ртом. Наоборот, он мгновенно приготовился к драке. И

если придется драться, Том, несомненно, даст ему много очков вперед.

Что касается женщин, то тут характеры посложнее. Правда, возможно, для него все женщины непонятны — все, кроме одной. Но он тут же отогнал эти мысли. Сейчас не время думать о Кристине, хотя, по правде говоря, образ ее немного потускнел после недавних переживаний.

Он задумался о Барбаре. На первый взгляд, она казалась сильной и решительной. На первый взгляд — и до сих пор она действительно оправдывала это впечатление — она была не из тех женщин, которые принимаются хныкать, когда дела идут неважно. Но, подумал Эвери, вся ее сила и решительность лишь фасад — маска, которую она научилась показывать жестокому и враждебному миру. Он подозревал, что за ней скрывается другая Барбара: потерявшийся ребенок, маленькая девочка, нуждающаяся в защите...

А Мэри, возможно, наоборот — с виду хрупкая, но с какой-то внутренней силой, которая в конце концов позволит ей многое вынести. Внешне она, конечно, не так хороша и соблазнительна, как Барбара, но зато натура у нее более тонкая, более загадочная. И, возможно, настанет время, особенно если они останутся здесь надолго — черт возьми! ведь почти наверняка так и будет, — когда именно сексуальные проблемы окажут самое большое влияние на их выживание. Эвери не хотел никаких сексуальных проблем. Он был даже уверен, что не хочет никаких сексуальных отношений. Он боялся их. Он всегда их боялся...

Тут он услышал, что Том что-то говорит ему:

— Витаешь в облаках, дружище. Ты не сказал ни слова уже двадцать минут. Надеюсь, ты не разнюнился?

— Извини, я задумался... Мясо отличное, Том. Я рад, что ты добыл его.

— Это разрешение на охоту?

Эвери улыбнулся:

— Да, но без револьвера. Надо приберечь его на крайний случай.

Мэри потянулась и вздохнула. Она посмотрела на ясное, голубое небо, прикрывая рукой глаза от солнца, которое уже опустилось и теперь висело низко над морем.

— Какой здесь чудесный климат. Хоть с этим нам

повезло... Как можно что-нибудь делать в такой чудесный день. Хочется просто лечь на песок и блаженствовать.

— Почему бы и нет, — сказал Эвери. — А нам с Томом опять нужно идти за бревнами. Их все еще не хватает для ограды.

— Вы все время упрекаете меня, — заметила Барбара, подавляя зевок, — просто удивительно, как это я до сих пор не впала в истерику и депрессию.

— Одновременно? — осведомился Том.

Она рассмеялась:

— Или по очереди — как вам больше нравится. Вся беда в том, что неизвестно, как полагается вести себя в подобных обстоятельствах. Я уверена, этого нет ни в одной книге по правилам поведения. Вот я и не знаю, плакать мне или смеяться.

— У нас еще будет время вдоволь поплакать, — успокоил ее Эвери, — когда мы обеспечим себе покой и безопасность. А сейчас, по-моему, мы одновременно и потрясены и полны решимости.

— Громкие слова, — насмешливо возразила Барбара. — Громкие слова и больше ничего. А на самом деле мы ничего не понимаем. Может, это и к лучшему.

Наступило молчание. Молчание, нарушаемое лишь тихим бормотанием моря.

Через некоторое время Эвери сказал:

— Ладно, пошли за бревнами. Надо побольше успеть до темноты.

Барбара собрала тарелки:

— Да, сэр, можно мы искупаемся, пока вас нет?

Эвери заколебался.

— Нет, — ответил он, — пока нет. Я подумаю об этом завтра. Черт побери, слишком о многом придется задумываться, прежде чем делать.

ГЛАВА 9

Стемнело быстро, как в тропиках. С ужином — на этот раз только фрукты — покончили быстро, и ограда, какая-никакая, была установлена.

Ласковый и приветливый мир в одно мгновенье исчез, море, казалось, поглотило солнце. Прохладный

ветер шелестел в деревьях. И вместе с ним невидимой волной накатывали сумерки и мрак.

Из скрепленных кое-как бревен им удалось соорудить изгородь высотой около трех футов. Она огораживала пространство в несколько квадратных ярдов — две палатки и четверых людей, сидящих у костра. Она огораживала уютный маленький мирок внутри чужого, полного опасностей мира.

Эвери смотрел на своих товарищей и спрашивал себя: чувствуют ли они себя такими же одинокими и покинутыми, как он? За день им нужно было так много решить, так много сделать, что они не могли дать волю собственным мыслям и чувствам.

Яркий свет дня, казалось, окутывал их уютным покрывалом, — и вот это покрывало сдернули, и теперь они остро ощущали свою беззащитность.

Появились звезды. Чужие звезды. Звезды иной галактики, а может, другой части Нашей Галактики. Наша Галактика — как высокомерно это звучит! Отзвук тех древних времен, когда человек был привязан к единственному месту во Вселенной, жил в своем уютном мирке, который считал центром мироздания, — единственное любимое дитя у Господа.

Но, может быть, у Бога много детей, и некоторые из них делают таинственные кристаллы или еще что-нибудь...

Во всяком случае, эти звезды ничуть не менее красивы оттого, что незнакомы. Они сияли холодно и безучастно. Но это придавало им особую прелесть — в них чувствовалась какая-то предельная отрешенность. Водородные бомбы, лондонские зимы, людские страхи и надежды и даже звездные похищения превращались в ничто рядом с этими сверкающими иглами, пронизывающими вечность.

Эвери почувствовал, что не может больше рассуждать в столь непостижимых категориях. Он способен принять это как факт — как его уже раньше заставили принять то, что произошло, — но чувства его восставали против всего происходящего. До Лондона, наверное, многие световые годы. Само по себе это, конечно, не имеет значения. Для них это все равно что сотни или тысячи миль за морем. Так далеко, что невозможно вообразить.

И для того чтобы продолжать жить, он не мог примириться с тем, что Лондон, как место и как символ всего, что ему дорого, перестал существовать. Умом он

понимал, что шанс увидеть Лондон — или Землю — ничтожно мал. Но ему все еще слышался грохот метро, ритм города пульсировал в его крови. Он спрашивал себя, как же так получилось, что он, совсем потерявший всякую надежду — не конкретную надежду, а смутную, неясную, — вдруг неожиданно снова обрел ее в этом незнакомом мире. Впервые он с удивлением ощутил человечество как одну большую семью. Он ясно чувствовал себя ребенком, затерянным далеко от дома. Но он не был совсем отрезан от человечества: он не один, с ним еще трое людей. Глядя на них, он спрашивал себя, о чем они думают.

Барбара принесла бутылку виски. У Барбары оказалось шесть дюжин таких бутылок. Ее чемодан был набит бутылками, как чемодан Эвери сигаретами. Однако Эвери и в голову не пришло, что она пьяница. Вряд ли это так, хотя, принеся бутылку, она объявила, что она алкоголичка или даже еще хуже.

Барбара и Том сидели перед палаткой девушек, которую Том игриво назвал «девичьим гнездышком».

Между ними стояли стаканы и бутылка виски. Мэри и Эвери сидели неподалеку, с краю от «мужского гнездышка». Эвери только пригубил виски. Но Мэри твердо отказалась пить. Она с тревогой смотрела на Барбару. Барбара уже выпила три стакана, но пока по ней это было незаметно. Тома, однако, развезло. Он стакан за стаканом пил наравне с Барбарой.

Через некоторое время разговор их замер, и они молча, как зачарованные, смотрели в огонь. Но чары разрушились, когда Эвери принес охапку дров, бросил их в костер, и сноп искр взлетел в темное небо.

Барбара глубоко вздохнула, помотала головой и вдруг сказала:

— Нужно все это назвать.

— Извините, не понял, — смутился Эвери.

— Флора и фауна, дурень. Вся эта куча картинок говорит нам, какие это животные, полезны они нам или вредны, для чего годятся. А как они называются — неизвестно. Я считаю, для животных очень важно иметь имена. И потом, как мы будем говорить о них, черт возьми, если вдруг увидим?

— В самую точку, — напыщенно заявил Том. — Чертовски, понимаете ли, неприятно: думаешь, подстрелил шестилапого кролика, а он вовсе и не кролик.

— Вы пьяны, — с отвращением сказала Мэри.

Том расхохотался:

— Полиция нравов разгон-няет нас.

Благополучно справляясь с заплетающимся языком, он вещал с важностью профессора, излагающего новую эволюционную теорию.

— Все очень просто. Это кроликотип, — объявила Барбара.

— Что?

— Шестилапый кролик. Кроликотип. И еще слонотип, крокотип, волкотип и так далее, и так далее...

Эвери улыбнулся:

— Что ж, принимается. А как вы назовете того греческого бога, которого видела Мэри. Жаль, что его нет на карточках, чтобы объяснить нам, что *он* делает?

— Очень просто, — сказала Барбара. — Он или супертип, или сексотип, — она хихикнула, — в зависимости от вашего пола, от того, как вы отнесетесь к нему и что он с вами сделает.

— Надеюсь, — отпарировал Эвери, — он ничего не сделает, потому что его не существует.

— Он существует, неправда, — сказала Мэри. Она вздрогнула. — Я не хочу, чтобы он напоминал о себе.

— Милашка, — сказал Том, — Ричард и я — мы будем защищать вашу невинность... до последней капли виски... Господи, как я устал! Должно быть, это от свежего воздуха.

— Пожалуй, «тип» хороший суффикс, — решил Эвери. — Теперь для нас главное запомнить картинки и подписи к ним. Может статься, это обозначает разницу между жизнью и смертью... А сейчас, по-моему, Том прав, — было бы неплохо, если бы вы трое пошли спать. День был не из легких.

— Мы трое? — спросила Барбара. — А вы что собираетесь делать?

— Нести первую вахту и поддерживать огонь. Я разбужу вас через пару часов. Потом вы разбудите Тома, а Мэри подежурит на рассвете.

Том пожал плечами:

— Спатки в кроватке — дело святое, — но хорошо бы эта кроватка четырьмя ногами стояла в Вест-Энде. А вот палатка, спальные мешки и прочее меня не воодушевляют. Но, раз уж мы на Марсе, то и должны вести себя, как маленькие послушные марсианчики. Всем спокойной ночи. Если Барбара будет так добра, я плесну себе еще на сон грядущий.

Он налил себе виски.

— Кстати, я думаю, — сказал Эвери, — что ваш чемодан тоже кой-чем начинен, тем, что вам особенно нравится, — ну, что-то вроде сигарет или виски.

Он обращался к Тому, но Мэри ответила первая:

— У меня там фунтов пятьдесят конфет, — призналась она. — Я думаю, мне столько не съесть, но... — Даже при свете костра было видно, как она покраснела.

Эвери перевел взгляд на Тома.

— Извини, старина. В моем чемоданчике нет ничего такого, что можно было бы есть, пить или сосать... Это касается исключительно меня, и, конечно, я рассчитываю, что цивилизованные нормы уважения частной жизни не будут нарушены в нашем маленьком обществе... Приятных сновидений.

Он исчез в палатке.

Эвери был заинтригован. В голосе Тома ему почудилась какая-то напряженность, намек на тайну. Похоже, Том хочет что-то скрыть. Но ясно, что в их положении невозможно ничего скрыть. Они беззащитны друг перед другом. Они вынуждены показывать друг другу хорошее и плохое, свою силу и слабость, свои маленькие секреты. И это делает их еще более беззащитными.

Потом ушла Мэри, следом за ней Барбара. Его товарищи были от него в каких-нибудь двух-трех ярдах, но он наслаждался одиночеством.

Эвери поежился от холода.

Затем он подбросил дров в костер и устроился поудобнее. Может, нужно выйти за ограду и стучать колотушкой, как сторожа в старину? Но он отказался от этой мысли. За освещенным кругом костра сгустился черный мрак, и Эвери решил остаться под защитой света и ограды.

Погруженный в свои мысли и воспоминания, он просидел у костра уже около часа, как вдруг услышал шорох. Из палатки вышла Барбара, в брюках и небрежно накинутой рубашке.

— Никак не могу уснуть, — прошептала она. — Все перепробовала, ничего не помогает. А вот Мэри заснула. Счастливица!

— Может быть, вы выпили слишком много виски? — спросил он, тоже невольно понизив голос.

Она улыбнулась:

— Скорее, слишком мало... Ричард, я так страшно

одинока. Пожалуйста, возьмите меня за руку. Больше ничего, просто подержите за руку.

Эвери с минуту смотрел на нее, потом он обнял ее за плечи и бережно усадил рядом с собой. Она облегченно вздохнула и через некоторое время, казалось, немного успокоилась.

— Как это чудесно, — сказала она, — человеческое прикосновение, именно физическое прикосновение. Я чувствовала себя как натянутая струна, а теперь расслабилась и даже как-то поглупела.

— Надеюсь, вы не слишком поглупели.

Барбара удивленно взглянула на него:

— Нет, не слишком... Ведь это только начало, неизвестно, что нас ждет впереди.

Эвери ничего не ответил, и она теснее прижалась к нему. Теперь они сидели почти обнявшись, и это давало им обоим ощущение покоя и безопасности. Это могло показаться странным и удивительным, но они не чувствовали никакого сексуального влечения.

— Может быть, теперь вам пойти спать? — спросил Эвери немного погодя.

— Не надо, — пробормотала она, — это гораздо лучше, чем спать.

Они долго сидели молча, глядя на огонь и прислушиваясь к ночным шорохам, которые изредка перекрывал шум моря.

ГЛАВА 10

Ночь прошла спокойно. Две луны — одна чуть больше другой, словно светящиеся воздушные шары, плыли по усыпанному звездами небу; и, наконец, огромное красное солнце, удивительно похожее на Солнце Земли, поднялось над верхушками деревьев, которые раскачивал утренний ветерок.

Барбара и Эвери провели свою вахту вместе, а Том и Мэри дежурили по одному. Им пришлось бодрствовать совсем немного, потому что Барбара и Эвери разбудили их часа за два до рассвета. И хотя Барбара и Эвери спали очень недолго, сон удивительно освежил их, за завтраком трудно было поверить, что они провели почти всю ночь обнявшись, около костра. Эвери слегка смущало

воспоминание об этой ночи. Казалось, в этом есть какая-то интимность, к которой он совершенно не готов.

Позавтракали они очень просто — остатками вчерашних фруктов. После завтрака Эвери попросил Тома изучить пластиковые картины и потом отправиться на охоту — но только без револьвера.

Утром Том, вопреки обыкновению, был молчалив и угрюм — возможно, подумал Эвери, причиной тому порция виски «на сон грядущий». Сначала Том отвел душу, произнеся небольшую речь о том, что бессмысленно и стараться добыть что-нибудь голыми руками, но потом все-таки отправился на охоту. Некоторое время он бродил по берегу в поисках подходящих камней, а затем наконец углубился в лес. Эвери предоставил ему самому выбирать, куда идти и что делать. Он лишь просил Тома постараться не заблудиться и вернуться не позже, чем через три часа. Конечно, иногда приходилось рисковать. Но до сих пор ничего страшного не случилось, и Эвери начал подозревать, что опасностей, может быть, не так много, как казалось вначале. По-настоящему его беспокоил лишь человек, которого видела Мэри. Но все-таки Эвери считал, что занимать исключительно оборонительную позицию и невыгодно и неблагоразумно.

Сам он решил предпринять небольшую экспедицию вдоль берега. Его особенно занимал один вопрос (хотя было маловероятно, что ему удастся решить его за один день) — куда их забросили, на небольшой остров или на материк? Пока они не знали, где находятся: и хотя сейчас это не имело никакого особого значения для их выживания, он все-таки чувствовал, что знать это было бы полезно.

Перед тем как уйти на разведку, он дал ясные и точные инструкции Мэри и Барбаре. Они не должны терять друг друга из виду. Они должны держаться по возможности вместе. Если они пойдут собирать фрукты, то у каждой должен быть при себе нож или топорик, а у одной из них еще и револьвер. Он настойчиво повторил, что стрелять можно лишь в крайнем случае, когда речь идет о жизни и смерти, и если уж стрелять — будь то человек или зверь — то наверняка.

Когда Эвери наконец-то покинул лагерь, стояло ясное теплое утро. Его вдруг охватило радостное чувство. Он радовался не чему-то особенному, а просто тому, как замечательно и восхитительно жить на свете. Солнце

уже стояло немного выше, чем накануне, когда они проснулись; по грубой оценке, оказалось, что сутки на этой планете длятся около двадцати земных часов.

День Первый, естественно, был несколько сумбурным. Но день Второй нужно использовать, чтобы приобрести больше и знаний и уверенности в своих силах.

Он шел по берегу уже около получаса, когда вдруг наткнулся на следы. Две цепочки следов — одни чуть больше других — возможно, следы мужчины и женщины. Они тянулись от деревьев к маленькой скалистой заводи, и снова возвращались к деревьям, и потом терялись в густой траве и подлеске. Следы совершенно отчетливо выделялись на песке и выглядели совсем свежими. И кто бы это ни был, он, может быть, находится сейчас неподалеку.

Эвери тщательно обыскал опушку леса, но ничего не обнаружил. Тогда он направился к заводи посмотреть, не найдет ли он там чего-нибудь дающего ключ к разгадке.

Заводь была совсем маленькая и находилась всего в нескольких ярдах от линии прилива, отчетливо заметной на песке. Незнакомцы, судя по всему, некоторое время стояли на коленях на самом краю заводи — были ясно видны следы пальцев ног на песке и четыре примятых пятна на траве.

Эвери осторожно встал на колени след в след и заглянул в воду. В заводи плавало лишь несколько маленьких рыбок, и больше, пожалуй, не было ничего, кроме гладких округлых камней, каждый размером с кулак. Но вскоре один из камней зашевелился, и Эвери увидел, что это самый обыкновенный краб. Согласно подписи на пластиковой картинке, эти крабы были очень вкусны. Эвери принялся обдумывать, как можно было поймать крабов и отнести их в лагерь. Он отнюдь не собирался ловить их голыми руками.

Он с досадой подумал, что так или иначе ему придется возвращаться в Первый Лагерь за ведром или корзиной. Но в конце концов он решил не делать этого. Том ушел на охоту. Если он ничего не добудет, тогда можно будет сходить за крабами.

Скорее всего именно поиски пищи привели незнакомцев к заводи. И, возможно, они еще вернутся сюда.

Эвери встал и нерешительно огляделся. Затем, после некоторого колебания, он решил продолжить свои ис-

следования. Однако его радость и оптимизм улетучились. Он опять встревожился и насторожился.

Ему вдруг пришла в голову дикая мысль. А что, если Чужаки (как он мысленно называл незнакомцев) вовсе не аборигены, что, если их тоже забросили сюда! Как это было бы нелепо и смешно — две группы заброшенных на чужую планету землян живут в страхе друг перед другом. Но тут он вспомнил, как Мэри описывала человека, которого она видела. Судя по описанию Мэри, вряд ли этого человека недавно похитили и забросили в незнакомое место; скорее, он чувствовал себя в этих условиях как дома, и возможно, был справедливо возмущен и удивлен вторжением незваных гостей в его владения.

Эвери снова побрел вдоль берега, но теперь он старался держаться поближе к морю, — даже если кто-нибудь следует за ним под прикрытием густой зеленой стены растительности, он не застанет его врасплох.

Время шло. Солнце поднималось все выше. Вокруг было спокойно. Идя вдоль берега, Эвери обнаружил несколько маленьких заливчиков и довольно большой округлый мыс. Но никаких признаков того, что он идет по берегу материка или просто огибает маленький остров. Правда, ему показалось, что берег все-таки немного загибается направо. Но это ничего не доказывало — это мог быть и небольшой полуостров на материке.

Эвери немного растерялся. Во-первых, потому, что его экспедиция не принесла никаких ощутимых результатов — ему следовало хотя бы замерить изменение направления по солнцу или что-нибудь в этом духе. Во-вторых, он вдруг забеспокоился о Мэри и Барбаре. Подумав, он решил, что, пожалуй, поступил не очень-то умно, оставив женщин одних. И, возможно, не очень хорошо даже то, что он отпустил Тома одного на охоту. Он решил, что впредь, до того времени пока они не узнают побольше об окружающем их мире, — отправляться в экспедицию можно только парами — мужчина и женщина. Все-таки так безопаснее.

Эвери взглянул на часы и обнаружил, что с тех пор, как он вышел из лагеря, прошло уже два часа. Пора было возвращаться. Он не собирался отсутствовать более трех часов. Эвери остановился и внимательно оглядел берег, который был виден примерно на полмили и затем загибался вправо. Он не увидел ничего особенного — берег как берег, точь-в-точь, как тот, по которому

он уже прошел. Затем он посмотрел на море, простирающееся до самого горизонта.

Стояло ясное утро. Небо было совершенно безоблачным. Высоко вверху оно сияло яркой голубизной, но ниже, сходясь с морем, становилось туманно-фиолетовым. Эвери пристально смотрел в это фиолетовое марево. На мгновенье ему почудилось, что он видит вдалеке смутные очертания земли. Но все тут же растаяло. Снова появилось — и снова растаяло. Это мог быть остров или низкая гряда облаков — или просто-напросто обман зрения.

Эвери нехотя повернул назад. Он решил не говорить никому о мираже — если, конечно, это мираж. Так или иначе, всему свое время. Но если это правда — если это в самом деле земля — рано или поздно кто-нибудь из них еще увидит ее. К тому же, если это земля, то до нее около двадцати миль, а может быть и больше. А без лодки — двадцать миль по морю — это двадцать миль по морю... Конечно, они могут построить лодку... Но, с другой стороны, к чему попусту тратить время на постройку лодки и создавать себе новые проблемы? Сейчас самое главное — это узнать побольше об этих местах, чтобы выжить... Внезапно он ощутил какой-то смутный страх.

Эвери остановился, с недоумением оглядываясь вокруг. Он уже дошел до скалистой заводи, где обнаружил следы Чужаков. Однако вовсе не заводь привлекла его внимание, а то, что ее закрыло.

Заводь заслоняло нечто чудовищное — сверкающий золотой шар, примерно тридцати ярдов в диаметре, — казалось, он вот-вот скатится в море, из которого, возможно, и появился.

Эвери уставился на неподвижный мерцающий шар. Он так ярко сиял, что у Эвери начали слезиться глаза, но он не мог отвести от него взгляда. Он почувствовал, как в нем поднимается ужас, — крошечный пузырек безумия разрастался в жуткий напряженный узел, — казалось, он вот-вот взорвется.

«Может быть, это солнце, — беспомощно подумал Эвери. — Солнце, которое упало с неба и вот теперь лежит здесь на морском берегу. Не огромная огненная сфера, а шар жидкого золота — и время остановилось, и я сейчас, должно быть, обращусь в пепел».

Пот стекал по его лицу, слезы щипали глаза, но что-то словно говорило ему, что он не умрет и не

сгорит. Позыв к истерике, к безумию утих, так и не разразившись. После первого шока его мозг вновь заработал.

Огромный неподвижный шар ослепительно сиял. Но было совершенно непонятно, откуда он здесь взялся. Эвери точно знал, что этот шар появился здесь меньше часа тому назад.

Несмотря на сияние, на ощущение страшного жара, Эвери заставил себя подойти немного ближе, чтобы найти на песке его след.

На песке не было никаких следов, даже вмятины. Казалось, шар покоится словно подвешенный на невидимой веревке. Эвери осторожно обошел вокруг. Он ничего не обнаружил — ничего, кроме заводи и человеческих следов, которые он уже видел раньше.

Вдруг послышался сухой треск — словно разбилось тонкое стекло. Какую-то долю секунды Эвери думал, что это ему просто почудилось. Но в то же мгновение золотой шар исчез.

Не поднялся вверх, не откатился в сторону. Не произвел ни шума, ни движения воздуха. Но то, что произошло, было так нелепо и невозможно, что Эвери всерьез усомнился в своем рассудке.

Шар просто растаял.

Золотая сфера тридцати ярдов в диаметре, чья поверхность светилась, как расплавленный металл, — не говоря уж о сильном жаре, — просто растаяла на глазах. На мгновенье его очертания вдруг сильно задрожали. Потом он стал прозрачным. И вдруг исчез.

Эвери стоял, тупо уставившись на место, где только что сиял шар. И рассеянно моргал. Глаза перестали болеть и слезиться. Он чувствовал себя растерянным, тупым, опустошенным. Он чувствовал, что больше не может доверять не то что своему рассудку, но даже глазам.

На песке не осталось никаких следов. Все, абсолютно все, было как прежде. Словно дивного шара никогда не существовало.

Что ж, может, так оно и есть, лениво подумал Эвери. Около двух дней он сидел в плену у компьютера на космическом корабле, потом день и еще ночь провел на острове с шестилапыми кроликами, — и над ним сияли две луны, — разве удивительно, что ему мерещится всякая чушь.

Но на самом деле он не верил, что все это ему

привиделось, как не верил, что очертания острова на горизонте — мираж.

Что тогда? Ответ: он тихо — совсем незаметно — сходит с ума. Командир экспедиции! Спешите видеть! Делайте свои ставки! Кто желает поставить на группу, возглавляемую стариной Ричардом Эвери? Не заходите за ограждение, ребята, а то вам тоже достанется от этих висячих золотых шариков! Осторожней! Иначе ваши несчастные ублюдочные мозги тоже лопнут с треском — словно разбилось тонкое стекло. А это, дорогие мои, уже пахнет шизофренией!

Вон оно что! Звук. Не стекло. Статическое электричество. Запросто может быть в сухом воздухе. Потрите друг о друга два проводника в сухом климате...

«О Господи, — подумал Эвери. — Не надо об этом. Я должен выкопать маленькую, уютную, глубокую, теплую и темную норку и спрятать в ней остатки моего бедного разума, до тех пор пока они не закончат свои номера и не опустят занавес.

Может быть, все это иллюзия. Может быть, и Барбара, и Мэри, и Том, и две луны, и... компьютер, и небо, усыпанное незнакомыми, чужими звездами, — все это всего лишь порождение моего несчастного, нелепого, потрясенного сознания...

Может быть, я нахожусь в чудненькой лондонской психушке».

Барбара, Мэри, Том. Он хотел видеть их. Его охватило неистовое желание видеть их, коснуться, говорить с ними. Он больше не мог быть один.

Миновав заводь, Эвери быстро пошел к лагерю. Он не мог больше сдерживать себя. Он шел все быстрее и быстрее. Потом побежал. Но он был уже слишком стар для таких подвигов. Он выкурил слишком много сигарет, он довел себя до того, что его мускулы обвисли, как растянутая резинка, и вяло болтались на его скрипучих старых костях. Но он не обращал на это внимания. Вперед, только вперед, быстрее, быстрее.

Он бежал — ему казалось, что он вдыхает не воздух, а песок, и этот песок царапает и скребет его легкие. Он бежал — сердце бешено колотилось, казалось, оно вот-вот буквально выскочит из груди, словно преследуемый беглец. Он бежал — и освещенный солнцем берег померк у него в глазах, а лес и море превратились в кружащийся голубой, бирюзовый туман — который го-

тов был вот-вот сомкнуться над головой и похоронить его в сладком теплом полумраке небытия.

Он бежал, пока не услышал выстрелы.

Один, два... три... четыре... пять... шесть...

Выстрелы звучали совсем близко, казалось, стреляли в его собственном мозгу.

Для его обессиленного тела они прозвучали словно сигнал отбоя. Он упал, уткнувшись лицом в песок, и лежал там, хрипя и задыхаясь.

Ему хотелось узнать, кто стрелял. Он повернулся и попытался подняться. Но боль не отпускала. Невидимый завоеватель, она засела в его груди и протягивала свои острые щупальца, наполненные страхом и мукой, в его бессильные дрожащие конечности.

ГЛАВА 11

Он неподвижно лежал, пока острая боль не притупилась, а легкие не перестали сипеть, как испорченные мехи. Он лежал так, наверное, уже минут пять, измученный и терзаемый страхом, а его мозг, словно сумасшедший компьютер, судорожно перебирал все мыслимые варианты, один хуже другого. В конце концов через несколько бесконечных минут, показавшихся ему часами, страх его уменьшился настолько, что с ним уже можно было справиться. Невероятным усилием Эвери заставил себя встать на ноги — это оказалось не так-то просто — и, прихрамывая, поплелся к лагерю... Командир экспедиции! Он горько усмехнулся. Что он сделал, этот долбаный командир, будь он проклят! Ему не управиться с командой сопляков-скаутов, не то что...

Когда Эвери добрался до Первого Лагеря, там было пусто. Но здесь явно кто-то побывал — повсюду виднелись следы разрушения. Половина веревок у палаток были перерезаны, они качались на слабом ветру и, казалось, смотрели на Эвери с немым укором. Повсюду в беспорядке было раскидано лагерное снаряжение. Распотрошенные чемоданы валялись где попало.

Эвери разыскал свои краски и холсты, наполовину засыпанные песком. Тут же были раскиданы мятые, поломанные пачки сигарет. Несколько пластинок ока-

зались безнадежно испорченными, но проигрыватель чудом уцелел.

Около чемодана Мэри лежали вперемешку с одеждой и бельем раздавленные шоколадные конфеты — невозможная смесь следов детского праздника и разнузданной попойки. Пожитки Барбары были залиты виски — несколько бутылок оказались разбитыми вдребезги. Но больше всего Эвери поразило разбросанное по песку содержимое чемодана Тома.

Эвери помнил, как вчера вечером — неужели только вчера? — Том, с несколько таинственным видом, не хотел говорить о том, что лежит у него в чемодане. Увы, теперь тайна — или тайны — оказались открыты; а также причина его скрытности. Разорванные в клочья, мятые, валялись на песке остатки фантастического мира — множество фотографий и картинок полуобнаженных красоток. Некоторые, должно быть, были вырезаны из журналов, но попадались и такие, которые можно получить лишь по «частной подписке». Они валялись как попало — полуодетые, обнаженные, соблазнительные, пикантные. Попадались и снимки, на которых в самых невероятных позах совокуплялись обнаженные пары.

Однако здесь, сейчас — эти фотографии выглядели ужасно и трагично. Бедный Том! Все это были свидетели его неизбежного одиночества, его персонального ада, его безысходного отчаяния.

Прежде чем что-либо сделать, даже прежде чем подумать, Эвери бросился собирать эти жалкие обрывки и складывать их в обратно в чемодан — чтобы никто, никто больше их не увидел. Ему показалось ужасным, что человеческие слабости вот так выставлены на всеобщее обозрение.

Но, даже собирая их, Эвери знал, что его надежды скрыть все это тщетны. Черт возьми, что произошло, в конце концов?! Возможно, Том уже погиб — недаром лагерь разрушен. Возможно, и девушек уже нет в живых, а он тратит драгоценное время черт знает на что, вместо того чтобы подумать о своей безопасности! Но он все-таки продолжал собирать печальные остатки коллекции Тома.

Он был так поглощен этим занятием, что не заметил, как вернулись Мэри и Барбара. Они застали его посреди разоренного лагеря — он ползал на коленях,

собирая перепачканные в земле мятые клочки фантастического мира.

Мэри расхохоталась. В ее смехе явственно слышались истерические нотки.

— Замолчи, — сердито оборвал ее Эвери. — Не вижу ничего смешного. С некоторых пор я потерял чувство юмора.

Он встал с колен и взглянул на них. Их одежда была разорвана, руки исцарапаны. У Мэри из раны на лбу сочилась кровь.

— Черт возьми, что вы там делали — отбивались от орды распаленных индейцев?

Он сказал первое, что пришло ему в голову. Он был так счастлив, что видит их живыми и относительно невредимыми, ему хотелось расцеловать их, кричать от радости, размахивать руками! Они стали членами его семьи, частью его самого. Они были его жены, сестры, матери. Он понял, что любит их. Потому что понял, как он боялся остаться один.

— Прошу извинить, что мы нарушили ваши интимные занятия, — хмуро сказала Барбара.

Она бросила пустой револьвер на траву перед палатками.

— Нам пришлось влезть на дерево, спасаясь от одного маленького прелестного носороготипа. Но этот дьявол решил свалить дерево. — Она содрогнулась. — Господи, этих тварей убить нелегко. Мне пришлось всадить ему в голову все шесть пуль, прежде чем он сдох... Но, как я уже сказала, мы выполнили ваши указания и стреляли, защищая свою жизнь, хотя, может быть, нам следовало благородно принести себя в жертву.

Эвери улыбнулся:

— Извините... Ради бога, извините... Я так обрадовался, что увидел вас, что чуть не завопил от восторга!

— Вместо этого... — заметила Барбара, внимательно разглядывая фотографии.

— Это не мое, — сказал Эвери, чувствуя себя предателем. — Я услышал выстрелы и побежал... упал, потом, уже еле передвигая ноги, добрался сюда и увидел остатки нашего убежища. Я подумал... Черт! Я даже не знаю, что я подумал!

— Но если это не ваше, — сказала Мэри, — тогда это, должно быть...

— Господи! Выбор невелик, верно! — взорвался Эве-

ри. — И это все, о чем вы беспокоитесь? Вы чуть не погибли, лагерь разгромлен. Одному богу известно, что с Томом, — нет, ваши нежные чувства поражены этими жалкими картинками! Где ваш здравый смысл?

— Он погиб вместе с носороготипом, — резко ответила Мэри. — Однако если эти произведения искусства так важны для вас, что вы первым делом начали собирать их, пожалуй, вам надо помочь.

Она наклонилась и принялась собирать картинки.

— Хорошо бы собрать их, пока Том не вернулся, — мрачно сказал Эвери. — Это... Это будет лучше всего... Не волнуйтесь, Мэри. Он пошел вдоль берега и, наверное, тоже слышал выстрелы.

Том был уже ярдах в двухстах от них, когда Эвери заметил его. На плечах он нес тушу какого-то животного, напоминавшего маленького оленя. Том шел уверенно и весело, как человек, вполне довольный собой и жизнью. Подойдя чуть ближе, ярдов на пятьдесят, он заметил, что случилось с лагерем, и побежал. И, уже подбежав близко, он увидел своих троих товарищей, застывших как на картине. И еще увидел несколько картинок. Том бросил наземь тушу и молча подошел к растерянной троице. Лицо его ничего не выражало.

— Рад видеть тебя целым и невредимым, — с нарочитой легкостью сказал Эвери. — Сегодня день катастроф. Девушек чуть не сожрал разъяренный носорог. А я, услышав выстрел, слишком быстро побежал, да так, что меня чуть кондрашка не хватила.

Том не произнес ни слова. Потом он опустился на колени и принялся собирать оставшиеся картинки.

Эвери смотрел на него. Он просто не знал, что сказать.

— Все в порядке, Том, — нежно, очень нежно сказала Барбара. — Я злоупотребляю виски. У Ричарда и Мэри тоже есть свои слабости. Все это не имеет значения.

Том не ответил. Он продолжал собирать картинки. Тяжелое молчание, казалось, повисло в воздухе и окутало всех четверых.

Вдруг Мэри бросилась вперед и обняла Тома за плечи.

— Том, милый, не надо стыдиться... — Она поколебалась, а затем продолжала: — Вот я объедаюсь конфетами — и ничего не могу с этим поделать... И еще у меня есть тряпичная кукла и... прежде чем заснуть,

я крепко зажимаю ее между ног, — голос ее осекся. — Потому что иначе я боюсь, просто лежу и трясусь от страха.

Мысленно Эвери снял перед ней шляпу. Боже мой, и это робкая, застенчивая скромница Мэри? Она была великолепна.

— Пожалуйста, Том, — продолжала она, — мы не презираем тебя. Это могло быть вчера или в Лондоне неделю назад. Но не теперь. Не надо стыдиться.

— Стыдиться! — Том повернул к ней залитое слезами лицо. Голос его звучал резко и пронзительно. — Стыдиться! Вам не понять. Эти забавные картинки украли у меня пятнадцать лет жизни! А вы говорите — не стыдиться. — Он истерически расхохотался. — Один уважаемый великий психиатр как-то заявил, что, половой акт — всего лишь неудачная замена мастурбации. Помоги мне Бог, я потратил пятнадцать лет на доказательство этого тезиса... Держу пари — вы даже не знаете, что это такое... А вот мой отец знал. Он был священником. И постоянно говорил нам, мальчикам церковного хора, о греховных плотских вожделениях, каждое воскресенье. Онанизм ведет к безумию и параличу, каждый, кто только подумает об этом, — начинает гнить заживо... Я верил ему! Я верил каждому его слову — до того дня, как я потерял отца, а наш поселок — священника. И что, вы думаете, произошло? Он оказался педерастом. С маленьким ребенком — жалким оборвышем, — но мой отец говорил, что у него ангельское личико... И кто кого развратил? Я был потрясен, вот так же, как вы сейчас. На целых пятнадцать лет... Но я действовал осторожно. О да, видит Бог, я действовал осторожно. У меня никогда не было женщины. У меня никого не было. Я не собирался повторить его ошибку. Никто об этом не знал... Ну и что это мне дало? Это дало мне вот этих прелестных шлюшек всех видов и мастей. Это дало мне ночи, полные почти реальных ощущений такой силы, что мне казалось, словно я погружаюсь в черную мраморную ванну, полную горячей крови. Это дало мне дни, полные страха и раскаяния, — еще более бесплодные, чем ночи искусственных наслаждений... Это дало мне целую жизнь во тьме и одиночестве.

Он упал на землю и разрыдался.

ГЛАВА 12

Наступил вечер, и им наконец удалось навести в лагере хоть какой-то порядок. Наступил вечер, теплый и ясный; на небе две луны затмевали своим светом сияющие, как драгоценные камни, звезды.

Эвери, Мэри и Барбара сидели вокруг костра и, стараясь отвлечься от переживаний прошедшего дня, угрюмо жевали бифштексы из убитого Томом крошечного оленя и фрукты. Том, по-видимому, загнал оленя в густые заросли, откуда тот не мог вырваться, настиг его и свернул ему шею.

Однако Том не хвастался своей добычей. Когда он увидел, что тайна его раскрыта, он сорвался, но потом взял себя в руки и вместе со всеми собирал раскиданное снаряжение. Но он не говорил ни слова и двигался как в тумане. Мэри пробовала растормошить Тома, но все ее попытки натыкались на его угрюмое молчание. И ей пришлось оставить его в покое.

Наконец, когда привели лагерь в порядок, Том снова заговорил.

— Барбара, — сказал он ровным голосом — не дашь ли ты мне полбутылки виски? В каком-то смысле, у меня сегодня день рождения.

Она дала ему бутылку, и Том, зажав в руке пачку фотографий, удалился в палатку. Прошло уже два часа. Но он до сих пор не вышел. Время от времени из палатки слышалось приглушенное звяканье бутылки о стакан.

Эвери сумрачно смотрел в огонь. Вот и конец второго дня, подумал он. А также конец гордости, самоуверенности и этого проклятого командирства.

Он был круглым дураком, когда воображал, что им удастся разыгрывать Великолепную Четверку на Коралловых Островах. Он был круглым дураком, потому что не сделал все возможное, чтобы обеспечить максимум безопасности. Без всяких оговорок, он был просто круглым дураком.

Должно быть, один или несколько «греческих богов» Мэри «посетили» лагерь. Во всяком случае, совершенно ясно, что это были не животные. И если он, она, оно или, скорее всего, они выбрали для вторжения время, когда лагерь был пуст, — из этого неопровержимо следовало, что они достаточно долго наблюдали за ним.

И даже, может быть, сейчас они прячутся в темноте в каких-нибудь пятидесяти ярдах и готовят новый сюрприз.

Эвери вздрогнул и попытался отогнать подобные мысли. Ибо если продолжать в том же духе, ему скоро покажется, что они окружены невидимыми в темноте толпами свирепых дикарей.

Но тут Барбара направила его мысли в более практическое русло.

— Ну, и что мы будем делать? — просто спросила она.

На такой вопрос он мог ответить. На такой вопрос мог ответить кто угодно.

— Уйдем отсюда, — сказал он. — Как только рассветет, поищем более безопасное место. И если мы сумеем построить надежную защиту, то будем жить, словно в осаде, и ждать, что произойдет.

Он мог бы добавить: пока не погибнем, пока нас не уморят привидения, пока мы не заболеем, пока нас не доконает эта дикая жизнь, пока не свалится на нас из четырехмерного пространства золотая сфера, пока нас снова не усыпят кристаллами и не перенесут еще в какое-нибудь чудненькое местечко. Может случиться все что угодно. И лишь одно — выжить в этом немыслимом положении — казалось маловероятным и нелепым.

Но Барбара смотрела на него так испуганно и растерянно. А первая обязанность английского джентльмена (вымирающая порода!) состоит в том, чтобы в первую очередь поддерживать женщин и детей. Поэтому он решил утешить Мэри и Барбару.

— Не стоит слишком беспокоиться. Это всего лишь второй день. И мы многое узнали. Этот день принес нам не только разрушения, но и удачу. Он научил нас не пренебрегать ни единой мелочью. И еще. Это знание стоит очень дорого, а мы заплатили за него такими безделками. Завтра первым делом найдем место получше, а потом...

— В общем, «все хорошо, прекрасная маркиза», — сердито прервала его Барбара. — Возможно, цена дороже, чем тебе кажется, Ричард. — Она кивнула в сторону палатки. — И я знаю, кто ее заплатит.

Мэри вздохнула:

— Бедный Том... Вы думаете, с ним все в порядке?

— Конечно, все в порядке, — раздраженно ответил Эвери. — Просто для него это удар в самое сердце. Все

мы когда-то собирали такие картинки. Правда, не в таком возрасте.

— А ведь Том последовательно собирал их целых пятнадцать лет. Такой финал может сломать или погубить его...

В это мгновение палатка закачалась от толчка, и из нее появился Том. В руке он держал пустую бутылку виски.

— Ребята, — нетвердо произнес он. — Мне послышалось, что вы упомянули имя некоего печально известного Томаса Саттона, эсквайра... Позволите к вам присоединиться?

Эвери решил, что, пожалуй, лучше всего будет вести себя, будто ничего не случилось.

— Мы рады, что ты пришел, Том.

— Может, ты хочешь поесть? — спросила Мэри. — Мясо очень вкусное.

Том отрицательно покачал головой:

— Нет, хоть бы его кормили медом и выпаивали райским молоком... Извините, ребята, у меня есть для вас кое-что.

Он исчез в палатке и скоро появился снова, держа в руке фотографии.

Он протянул одну из них Эвери.

— Взгляни сюда, старина. Coitus exoticus. Ради всего святого, скажи, как им удалось сплестись в такой невообразимый узел?

Стараясь говорить безразличным тоном, Эвери ответил:

— Тут может быть два решения. Либо это монтаж, либо зеркала.

Том ухмыльнулся:

— Неплохо, старик. Смеешься над беднягой Томом, а? Делаешь вид, будто ничего не случилось... Господи, ну и выдержка!

Он повернулся к Барбаре и сунул ей другую картинку:

— А теперь оцени художественные достоинства этой штучки, моя гордая красотка. Coitus syntheticus. Лучший в мире способ, моя дорогая леди.

— Том, — резко сказала Барбара, — что ты пытаешься доказать, черт подери?

Том восхищенно улыбнулся:

— О, отличный вопрос! Я вижу, мне предстоит серьезная и благоразумная беседа. Что я пытаюсь доказать? Действительно, что? Дорогая леди, тут нечего

доказывать. Все это свершившийся факт. Том, этот грязный дегенерат, разоблачен. Бывший Томас Саттон, эсквайр, в дерьме с ног до головы, впрочем, как всегда.

Мэри заплакала:

— Том, милый, не надо! Не надо! Ты нужен нам. Ты очень нужен нам.

Она что-то неразборчиво лепетала сквозь рыдания. Но ее слова произвели магическое действие.

— Кажется, девица взывает о помощи, — начал было Том. Он встал, пошатываясь обошел костер и, наконец, сел рядом с Мэри. — Что вы сказали? Мэри, что вы сказали?

— Не надо, — всхлипывала она, — не казните себя, пожалуйста... Мы не можем без вас... Вы и Ричард... Вы должны защитить нас.

Он обнял ее. Казалось, он каким-то чудом протрезвел в одно мгновение.

— Вы сказали: Том, милый. Это очень хорошо — но невозможно. Это ничего не может значить, Мэри. Вы должны это понять. Это ничего не может значить, совсем ничего... Но то, что вы смогли сказать: Том, милый — после того, что узнали... Никто никогда не говорил мне: Том, милый... Разве что мама... И больше никто... Не плачьте, Мэри. Мне было необходимо почувствовать, что я кому-то нужен. Я так долго ждал.

Эвери готов был провалиться сквозь землю. Барбара, по-видимому, тоже. Все это было слишком остро, слишком пронзительно, слишком интимно — такие вещи не говорят при свидетелях. Но делать было нечего, идти некуда. Оставалось сидеть и смотреть.

Вдруг Том сгреб все фотографии и картинки и швырнул их в костер.

— Всесожжение в честь богини поверженных гормонов! — воскликнул он. — Прощание с непристойностью. — Он рассмеялся, и его смех — еще одно чудо — звучал весело и уверенно. — Ну а какую лепту внесут остальные члены Великолепной Четверки?

Мэри вытерла слезы.

— Это хороший пример, — серьезно сказала она. — Я, пожалуй, выброшу свои конфеты и тряпичную куклу.

Барбара захихикала.

— Хитрюги, — сказала она. — Я так не могу. Можно я оставлю свое виски еще ненадолго?

— У нас тут штаб Лиги Непорочности, — заявил Том. — Вам придется ограничиться тремя глотками в

день — по приказу капитана Ричарда, — он самый достойный из нас, у него нет пороков.

Барбара улыбнулась и взглянула на Эвери.

— У него есть порок, Том. Причем наихудший.

Эвери удивленно поднял брови:

— И что же это за порок?

Барбара положила руку ему на колено.

— Воспоминания, — нежно сказала она. — Слишком давние воспоминания.

Эвери вспомнил Кристину. И вспомнил мертвящий холод жизни, в которой не было ее. Что ж, возможно, Барбара права. Пожалуй, такого рода воспоминания и в самом деле порок.

Возможно, он удовлетворился тем, что возвел на пьедестал совершенство и познал горькое одинокое счастье сотворения образа, слишком прекрасного, чтобы быть правдивым. Он старался быть честным — но грош цена этой честности, если ему все время приходится искать оправдание своей неудачливости. Может быть, Барбара высказала истину более глубокую, чем думает.

— Все, сотворенное Богом, порочно, — беспечно ответил он. — Однако, я вижу, все мы стремимся к добродетели. А для нас главные добродетели в этом призрачном мире — это те, что помогут нам выжить.

ГЛАВА 13

Ночь прошла спокойно. На этот раз они дежурили парами — сначала Эвери и Барбара, потом Том и Мэри. Это получилось как-то само собой. И спать они разошлись по двое. Не как любовники, даже не как мужчины и женщины. А просто как усталые дети, которые жмутся друг к другу в поисках защиты и тепла.

Прецедент создали Том и Мэри. Эвери сказал им, что они могут идти спать, а через три часа он снова разбудит.

— Жаль, — сказал Том, глядя на Мэри. — Мы только-только начали узнавать друг друга... Ну, надеюсь, это подождет до завтра.

— Совершенно необязательно ждать до завтра, — неожиданно сказала Мэри. — Самое главное открытие

состоит в том, что мы не должны больше придерживаться привычных правил.

Том улыбнулся и протянул ей руку:

— Однако и у воров есть законы... Ты готова, Мэри?

— Да, Том.

И они ушли в палатку, которую раньше называли «мужской берлогой»; некоторое время слышны были их приглушенные голоса. Затем наступило молчание.

Тут Эвери увидел, что Барбара тихонько плачет. А может быть, это просто слезы текут у нее по щекам.

— Что-нибудь случилось?

— Все в порядке, Ричард. — Голос ее звучал тихо и спокойно. — Просто я подумала, что мы начинаем становиться людьми. Мне кажется, до сегодняшнего дня мы не были ими. Мы словно играли пьесу — каждый сам по себе, как плохие актеры. А теперь мы пытаемся найти себя — и друг друга. Конечно, это немного страшновато. Но здорово. Действительно здорово.

— Я понимаю, о чем ты, — сказал Эвери. — Совсем недавно Том стремился еще глубже заползти в свою нору, а мы свысока смотрели на его слабость и чувствовали свое превосходство... И вдруг все изменилось... Я начинаю думать, что тот, кто разорил наш лагерь, оказал нам немалую услугу.

Барбара поежилась:

— Одного раза вполне достаточно. Хватит с нас таких встрясок.

Когда их дежурство кончилось, они без всякого смущения ушли спать вместе. Они не ощущали друг к другу никакого влечения, только лишь благодарность и странное чувство безопасности.

Том разбудил их, когда завтрак был уже готов. Он состоял из воды и запеченной на палочках оленины — нежной и вкусной. Они позавтракали на рассвете. День предстоял долгий и хлопотливый.

— Командир, — сказал Том. — Разрешите доложить.

— Разрешаю, — сердито буркнул Эвери. — Но я напоминаю, что мои полномочия сегодня заканчиваются. И так как командир явно сел в лужу, я предлагаю провести перевыборы.

— Не будем об этом говорить, — заметил Том. — Не ошибается тот, кто ничего не делает. Я не претендую на этот пост. Мне больше нравится по возможности помогать доброму старому Ричарду нести ответствен-

ность за всех нас. В общем, я предлагаю перевыбрать тебя на всю оставшуюся жизнь и закрыть эту тему.

— Поддерживаю, — сказала Барбара.

— Я тоже, — рассмеялась Мэри.

— Одно утешение, что все вы раскаетесь в этом, — сказал Эвери. — Что скажешь, Том?

— Гарантию дает только страховой полис. Я хочу предложить тебе страховку. Вчера, когда я охотился, я обнаружил одну совершенно неприступную крепость. Причем естественного происхождения. Это на берегу, всего в полумиле отсюда. Огромная каменная глыба десять футов высотой, почти круглая, а на вершине даже растет трава. Я думаю, надо пойти посмотреть.

Эвери оживился:

— А какой ширины?

Том задумался.

— Трудно сказать наверняка. По-моему, футов двадцать пять. Мне кажется, там только один недостаток.

— Какой?

— Нет воды.

— Да, это важно. А ты не смотрел вокруг?

— У меня не было времени. Я был занят тем, что изображал из себя пойнтера.

— Ладно, пойдем и посмотрим. Одно ясно — надо быть круглыми идиотами, чтобы оставаться здесь. Да, и пока я не забыл — приказ. С этого дня никто, слышите, совсем никто, не должен ходить один. Будем действовать парами или все вместе. — Он повернулся к Мэри и Барбаре. — И пока мы с Томом пойдем осматривать этот неприступный замок, вы оставайтесь здесь. Оружие держите наготове. Если заподозрите что-нибудь неладное, дайте подряд два выстрела. Если «греческие боги» захотят с вами познакомиться поближе, то стреляйте и старайтесь не промахнуться — во всяком случае, если их не больше четырех. А если уж больше, то сдавайтесь на их милость и надейтесь на лучшее... Ну, вроде бы все.

— Этого вполне достаточно, — кисло ответила Барбара.

Мужчины ушли, взяв с собой ножи и топорики. Пока они шли вдоль берега, Эвери не покидало странное чувство, будто они идут по вражеской территории.

Твердая и устойчивая гарантия жизни, о которой говорил Том, находилась почти точно в центре бухточки. Пока они добирались сюда, они не встретили ни одной

живой души — только несколько крикливых морских птиц. Скала оказалась в точности такой, как описывал ее Том. Она располагалась на пару ярдов выше линии прилива и ярдах в тридцати от леса. Взобраться на нее можно было только с одной стороны, но даже там сделать это было не очень-то легко.

— Если мы решим перебраться сюда, — отдуваясь, сказал Том, когда они вскарабкались на вершину, — нужно будет обязательно соорудить лестницу.

Эвери копнул дерн. Неплохо. Совсем неплохо. Вершина скалы напоминала мелкое блюдце с неровными краями. Но она оказалась совершенно сухой, потому что вся скала была слегка наклонена в сторону моря и дождевая вода тут же стекала вниз по трещинам.

— Замечательно, — сказал Эвери. — Теперь остается только найти воду.

Они спустились вниз и принялись за поиски. Они искали почти час и нашли ближайший ручей в четверти мили от скалы. Таскать оттуда воду, конечно, будет довольно утомительно; но неприступность скалы перевешивала это неудобство.

— Ну пошли, — сказал наконец Эвери. — Пока не найдем чего-нибудь получше, а я очень в этом сомневаюсь, наш лагерь будет здесь. А за водой будем ходить с оружием.

— О Господи, — воскликнул Том, — как подумаю, что придется тащить эти треклятые чемоданы. По-моему, поднимать их точно надо на веревках.

Они перетащили чемоданы — все четыре — ко Второму Лагерю на исходе дня. Мэри и Барбара перетаскивали мелкое снаряжение. Они даже ухитрились перенести палатки. Но тащить чемоданы они помочь не могли.

Пока Том и Эвери вручную, фут за футом, затаскивали чемоданы на скалу, они натерли себе изрядные волдыри на ладонях. Когда они в последний раз взобрались на вершину, солнце уже село. Пришлось обойтись без костра — некому было собрать дрова — и без еды по той же причине. Хорошо еще, что Эвери предусмотрительно запасся водой, прежде чем они начали таскать вещи. Мясо «оленетипа» они доели еще днем.

И все-таки голод не очень их тревожил. Они успели поставить палатки до темноты; с моря подул легкий бриз, они улеглись спать одетые, тесно прижавшись друг к другу.

Том сказал:

— Если эти веселые ребята желают позабавиться сегодня ночью, пусть уж меня лучше убьют, чем разбудят.

Эти слова точно выражали общее настроение. Ни у кого больше не было сил дежурить ночью. Но несмотря на усталость, все, кроме Мэри, которая безмятежно посапывала в объятиях Тома, спали неспокойно.

Под утро они проснулись, замерзшие и невыспавшиеся. Незадолго до рассвета начался сильный дождь и успокаивающе забарабанил по крыше палатки.

Наконец дождь кончился. Эвери вылез из палатки и увидел, что небо быстро проясняется, а бледно-желтое, затянутое дымкой солнце поднялось уже высоко над горизонтом и просвечивает сквозь облака.

Он глубоко вздохнул и ощутил напоенный чистотой и свежестью утренний воздух. И вдруг, несмотря на голод, несмотря на неудобный ночлег, — он почувствовал себя счастливым.

На какую-то секунду он вдруг ясно представил себе суматошное лондонское утро. Метро и автобусы, набитые узниками концентрационных лагерей Сити; убогие предместья; газеты с заголовками, кричащими о последних похождениях очередной секс-бомбы голубого экрана; идиотские заявления политиков и спортивных комментаторов; классы, заполненные буйными подростками; и неизбывное одиночество в огромном бешеном потоке, который зовется жизнью большого города.

На минуту он почувствовал удивительную радость оттого, что находился далеко от Лондона, — но не один, а с людьми. С такими, как Барбара, Мэри, Том.

Потом его вдруг охватила ностальгия. В его воображении зомби, поглощенные подземкой, превратились в живых людей; газеты были полны мирными международными сообщениями; и даже школа казалась привлекательной.

Он понимал, что это идеализация, и попытался отбросить ее. И в этом, и в первом видениях была доля истины. Но истина, — если она вообще существует, — должно быть, находится где-то посередине.

Пока неопровержимым фактом является то, что для него, Эвери, Лондона все равно что не существует.

А существуют товарищи, изоляция, опасность.

И необходимость выжить.

Он позвал Тома, и они вместе отправились собирать фрукты для завтрака. Пока они спускались вниз со

своей скальной цитадели, Эвери содрал себе кожу со вчерашних волдырей.

Плоть под ней была нежной, влажной и розовой. Ладони немного жгло, но Эвери радовался этой боли. Он почему-то чувствовал, что это именно то, что ему нужно.

ГЛАВА 14

К полудню устройство Второго Лагеря было закончено. Все три палатки были натянуты; чемоданы, укрытые остатками тента, придерживали палатки со стороны моря, чтобы их не снесло ветром. Остальное лагерное имущество, одежду и личные вещи сложили в запасную палатку.

Том и Эвери собрали хворост для костра и даже успели соорудить грубую и шаткую лестницу, у которой, правда, оказался один недостаток — ее построили как раз с той стороны, где и так можно было взобраться без особого труда. Но все равно, они очень гордились своей работой.

Том также потратил немало времени, собирая на берегу гладкие круглые камни пяти или десяти фунтов весом. Он складывал их у подножия лестницы и, набрав около двух дюжин, затащил наверх, и Эвери разложил камни вдоль стены их маленькой крепости, как оружие на случай осады. Теперь тех, кто попытается напасть на них, ожидает теплый прием.

Днем, оставив револьвер Мэри и Барбаре, мужчины отправились на охоту. Они шли в глубь острова, но не хотели уходить от лагеря дальше, чем на две мили. Совершенно непонятно почему — ведь, так или иначе, в случае опасности они не успели бы вернуться в лагерь; к тому же это бессмысленное ограничение мешало охоте.

Однако они не хотели больше рисковать. Слишком свежи были в их памяти недавние события. Возможно, подумал Эвери, через пару дней они и откажутся от этих предосторожностей. Но сейчас, несмотря на то что девушки остались под защитой скалы и с оружием, несмотря на то что взять лагерь штурмом могла лишь заранее подготовленная группа, — беспокойство их все росло, но они намеренно избегали упоминать Второй Лагерь в своих коротких случайных разговорах.

Может быть, отчасти и поэтому охота оказалась неудачной. Том и Эвери видели нескольких животных — однако либо на большом расстоянии, либо в густой траве, — и их неуклюжие попытки подкрасться поближе обращали лесных тварей в бегство. И Том и Эвери хорошо изучили карточки и знали, каких животных можно преследовать, а каких лучше избегать.

Опасные животные почему-то попадались чаще. Том наступил на змею, которая, казалось, испугалась больше, чем он, и стремительно скользнула прочь; Эвери чуть было не наткнулся на дремлющего на солнце «носороготипа». На карточке значилось, что он съедобен; но, вспомнив о том, что рассказывали Барбара и Мэри, Эвери пришел к заключению, что если они попытаются убить его, то им придется несладко, — к тому же вряд ли легкие топорики и ножи смогут пробить твердый панцирь зверя.

Осторожно, след в след, они отошли от носороготипа и обогнули его на безопасном расстоянии.

Время шло, и им стало казаться, что все съедобные животные исчезли неведомо куда, словно сговорились. Наконец они подошли к ручью и решили идти вдоль него, в надежде поймать на водопое какое-нибудь зазевавшееся животное. Но, видимо, никто не хотел пить — или, может быть, подумал Эвери, они просто выбрали неудачное время.

Ручей вывел их на просторную поляну, по которой он растекался, образуя глубокую длинную заводь, заканчивающуюся водопадом — вода падала вниз с высоты двадцати футов. Заводь вытянулась ярдов на пятьдесят в длину.

Том присел на камень и вытер пот со лба. День был душный и жаркий; если судить по земным приметам, то эта тяжелая духота явно предвещала грозу.

— Давай немного передохнем и двинемся домой, — предложил Том. — А на обратном пути наберем фруктов. Похоже, у местных тварей сегодня забастовка.

Эвери сел на камень рядом с ним.

— Потом надо будет хорошенько исследовать эти места, — сказал он, — будет чертовски глупо, если окажется, что мы находимся всего в пяти милях от какого-нибудь цивилизованного поселения.

— Умора, — без улыбки согласился Том. — Но сдается мне, что вряд ли эти придурки забросили нас

неподалеку от чего-нибудь, что может нам помочь... Господи! Прячься скорее!

Быстро скользнув за камень, Эвери посмотрел туда, куда показывал Том. На противоположном конце поляны, около водопада, показались мужчина и женщина. Они были высокие, золотоволосые и почти обнаженные — с пояса мужчины свисал какой-то металлический передник, а у женщины между ног был пропущен кусок голубой ткани, который, охватывая ее бедра, спереди и сзади прикреплялся к поясу.

— Грекотипы Мэри, — прошептал Том, — буквально во плоти. А вдруг это те шутники, что развлекались в нашем лагере? Если так...

— Подожди, — нетерпеливо оборвал его Эвери, — давай сначала понаблюдаем.

Незнакомцы выглядели просто великолепно. Эвери прикинул, что они, вероятно, ростом около шести футов. Тело женщины казалось нежным и гибким, но ее движения дышали сдержанной силой. Мужчина обладал широкими плечами, узкими бедрами и бессознательной грацией атлета. Даже на таком расстоянии чувствовалось, что они просто излучают уверенность — физическую и духовную. Пожалуй, это больше, чем уверенность, подумал Эвери, глядя на их гордую поступь. Скорее это сродни высокомерию.

Том тоже внимательно разглядывал незнакомцев. Скорчившись за валуном, двое взрослых мужчин чувствовали себя мальчишками, которые подглядывают за любовниками.

Мужчина и женщина шли, смеясь и болтая, шум водопада заглушал их голоса. Мужчина нес три дротика, а женщина держала в руках что-то вроде маленького арбалета.

Некоторое время они с явным удовольствием осматривали заводь и водопад. Затем женщина положила свой арбалет на широкий плоский камень и нырнула в воду. Мужчина сел на камень и наблюдал за ней. Она плескалась и резвилась в воде, видимо, приглашая своего спутника присоединиться к ней. Но он оставался на месте и внимательно оглядывал все вокруг.

И вдруг на краю заводи, ярдах в десяти от валуна, за которым прятались Том и Эвери, послышался приглушенный всплеск, и по воде пошли пузырьки, которые мгновенно исчезли.

— Черт, что это? — спросил Том.

Эвери успел уловить быстрое движение, и то, что он увидел, поразило его.

— Крокодил — карточка номер один, — хрипло ответил он. — Огромный, ярда четыре, не меньше.

— Надо что-то делать. Может, ему захочется пообедать богиней.

Это был естественный порыв — встать во весь рост и крикнуть. Сделать что-нибудь — неважно, что — лишь бы девушка вылезла из воды. Но мужчина выглядел очень грозно и решительно. И если они с криком выскочат из-за камня, он метнет в них свое смертоносное оружие, прежде чем сообразит, о чем идет речь; к тому же вполне вероятно, что именно эти люди разорили Первый Лагерь. Какая ирония судьбы — из-за того, что они попытаются спасти чью-то жизнь, может завязаться первое сражение. Эвери медлил.

— Господи, мы ничего не можем, — простонал Том.

И тут все решилось само собой. Человек на другом конце заводи встал с камня и секунду-другую внимательно смотрел на водную гладь. Потом он наклонился, взял копье и, словно размышляя, взвесил его в руке, ища точку равновесия. Он заметил крокодила. Эвери облегченно вздохнул.

Но удивительно — незнакомец не подал своей подруге никакого знака. Она продолжала весело плескаться в воде. И только когда крокодил был совсем близко, она заметила его. И еще удивительней было то, что она не бросилась в страхе к берегу, а лишь взглянула на мужчину, который, слегка кивнув головой в сторону крокодила, молча ждал.

Ей не пришлось ждать долго. Мужчина резко отвел руку назад, и копье, словно молния, устремилось к цели, описывая правильную дугу. Оно упало в воду в двух ярдах позади женщины. И, видимо, нашло свою мишень не более чем в футе под водой, потому что какую-то долю секунды оно трепетало, словно мачта на тонущем корабле, а потом ушло под воду. И когда раненый крокодил почти целиком вынырнул из воды, оказалось, что ужасное оружие пронзило его челюсти.

В ту же секунду незнакомец метнул второе копье, и оно вонзилось в мягкое брюхо животного.

Женщина спокойно наблюдала эту мучительную смерть, словно интересное представление. Эвери не верил своим глазам, но, похоже, это ей даже доставляло удовольствие.

Через некоторое время крокодил затих. Тогда женщина спокойно подплыла к нему, с явным усилием выдернула дротики из его туши и вернулась с ними к берегу.

Мужчина помог ей вылезти из воды; некоторое время они смеялись и болтали, указывая на плавающую тушу. По какой-то причине, выходящей за пределы понимания Эвери, им это казалось забавным. Потом они пошли обратно к лесу.

— Теперь я поверю чему угодно, — с благоговением выдохнул Том. — Тарзан и Джейн. Кто бы мог подумать, что такое бывает на самом деле?

— Это смотря где, — сердито ответил Эвери. И чуть погодя добавил: — Нам подвернулся замечательный случай. Мы можем выследить, где эти двое живут.

— Замечательный — возможно. Но опасный — это уж точно, — заметил Том. — Меня беспокоит, как ловко этот парень управляется с копьем... Откровенно говоря, я плохо себе представляю, как мы сможем их выследить.

— Может, ты и прав. К тому же мы и так уже далеко ушли от лагеря.

— А как насчет жратвы?

— Придется посидеть на вегетарианской диете.

За час они набрали изрядное количество фруктов и направились к лагерю. Гроза так и не началась, и, когда они вышли на берег моря, солнце уже спустилось к горизонту. Вечерний воздух был тих и спокоен. Над Вторым Лагерем поднималась в небо тоненькая струйка дыма. Кто-то разжег костер. Кто-то надеется на нем кое-что поджарить. И этот кто-то скоро будет очень разочарован.

— Расскажем им о Тарзане и его подружке? — спросил Том, когда они достигли подножия скалы.

— Пока не надо, — ответил Эвери. — Ну слава богу — смотри!

Том посмотрел в направлении его руки.

— Ты имеешь в виду эту лужу? Ну и что? Сейчас отлив.

— Учись, пока я жив, старик.

Эвери опустился на колени на берегу озерца и стал высматривать гладкие круглые камни, которые на самом деле не были камнями. Один из них он проткнул ножом, когда тот собрался удрать.

— Крабы! — радостно воскликнул Том.

За несколько минут они собрали полдюжины крабов.

— Теперь вопрос, как их донести.

— Нет вопросов, — сказал Том. Он стащил с себя рубашку. — Если эти маленькие дьяволы порвут ее, я думаю, Мэри сжалится надо мной и заштопает дырки.

Чувствуя себя заправскими островитянами, они подошли к скале и подняли наверх по шаткой лестнице свою драгоценную добычу.

О том, что произошло у заводи, Том и Эвери не сказали ни слова. Но после ужина, когда все четверо удобно расположились вокруг костра, разговор случайно коснулся этой темы.

Некоторое время они сидели молча и каждый задумчиво глядел на пламя костра и предавался собственным мыслям. Это самое чудесное время дня, подумал Эвери. Время между действием — или необходимостью действовать и решать — и забытьем. В это время человек находится в сумеречном мире, в состоянии, близком к нирване, когда можно путешествовать, не двигаясь с места (так можно доказать, что они находятся на острове: это правда, он чувствовал что это правда), когда мечты могут стать реальностью, когда воспоминания, притупленные ужином, не причиняют боли. Он было приготовился не спеша и со вкусом предаться воспоминаниям, как Мэри разрушила чары.

— Предположим, — вдруг сказала она, — что существует два вида морских свинок.

— Если ты собираешься говорить о морских свинках, — сказала Барбара, — я выпью виски. Кто-нибудь еще хочет?

— Я, — откликнулся Том.

— И я, — неожиданно сказал Эвери. — Двойное. Я выпил свою воду.

Барбара удивленно подняла брови и скрылась в палатке.

— Ты говорила о морских свинках, — продолжал Эвери. — Ну их два вида.

— Мы и они, — ответила Мэри. — У меня есть теория.

— Давай сначала о *них*.

Барбара вернулась к костру, держа в руках бутылку виски и стаканчики.

— Золотые люди, — сказала Мэри. — Пока только я их видела, и только я верю, что они существуют. Но ведь кто-то же напал на Первый Лагерь, и я думаю, что это они.

Том хотел было что-то сказать, но Эвери выразительно посмотрел на него, и тот замолчал.

— Ну, и какая у тебя теория? — спросил Эвери.

— Она очень простая, — спокойно продолжала Мэри. — Я думаю, что здесь существует два вида подопытных животных, и один из них — мы. Конечно, может быть, и больше, я не знаю. Просто мы их еще не встретили.

— По-твоему, это что-то вроде саморазвивающегося эксперимента?

— Не придирайся, Ричард, — сказала Барбара. — Сейчас нам кажется, что это саморазвивающийся эксперимент. Даже Том забыл о неприкосновенности личности, когда увидел в небе две луны. В конце концов, никто не собирается снова тащить нас через световые годы, и, кто бы они ни были, они подарили нам этот замечательный отдых в тропиках. Кроме того, вспомните о тех чертовых двенадцати вопросах, которые нам задавали в нашем одиночном заключении.

— Хорошо, милая, ты высказала свое мнение, — сказал Эвери. — Вопрос в том...

— Ты назвал меня милой? — недоверчиво переспросила Барбара.

— Извини. Я оговорился.

Она улыбнулась:

— О, это очень приятная ошибка. Теперь, я надеюсь, ты будешь время от времени повторять ее.

Эвери натянуто улыбнулся и отхлебнул виски.

— Я забыл... Так на чем я остановился?

— Вопрос в том, — подсказал Том.

— Ах да. Вопрос в том — зачем?

— Чтобы посмотреть, как мы живем, — предположила Мэри.

— Не подходит, — возразил Том. — Если эти каракатицы могли шнырять по Лондону, не привлекая никакого внимания, почему бы им не понаблюдать за нами в привычных для нас условиях?

— Это так, — сказал Эвери. — Но, может, в привычных условиях мы их не интересуем.

— А где?

— Здесь, — сердито ответила Барбара. — Под двумя лунами и тому подобное.

— Стрессовые условия, — серьезно сказал Эвери. — Вот что. Они хотят понаблюдать нас в стрессовых условиях.

— Возможно, — согласился Том. — Тогда почему никто не спешит считать мне пульс и не заваливает тестами?

— Должно быть, это будет позже, — съязвил Эвери. — Если предположение Мэри правильно, — а похоже, что так оно и есть, — и другая группа или группы тоже заброшены сюда, — то это осложняет дело. Разве что эти невидимые ученые каракатицы желают создать здоровую конкуренцию.

Мэри изучающе смотрела на Тома и Эвери.

— Вы что-то скрываете, — наконец сказала она. — Вы что-то знаете — или видели — и ничего нам не рассказали.

— Да, верно, — нехотя ответил Эвери. — Кое-что. Незадолго до того, как вернулись в лагерь. Мы просто не хотели вас пугать. Но теперь понимаю, что это просто глупо. Мы никогда не разберемся в этой чертовщине, если каждый не будет рассказывать все, что заметил. Мне кажется, сейчас самое время начать... Том, расскажи им, что мы видели.

Том кратко и точно описал все, что произошло. Когда он закончил, некоторое время все молчали.

Барбара поежилась и подбросила в огонь охапку хвороста. Искры, как светляки, заплясали в ночном воздухе.

— Я почти желаю оставаться в счастливом неведении, — тихо сказала она. — Судя по описанию Тома, они словно вышли из мифа о сверхлюдях.

— Я описал все точно, — сказал Том. — И чем больше я размышляю об этом, тем более уверен, что эти ребята не с Земли.

— Просто ум за разум заходит, — призналась Мэри. — Чем дальше, тем запутанней.

— Уж это точно, — согласился Эвери. — А может, это туземные жители?

— Какие? — переспросила Барбара.

— Туземные. Они принадлежат этому миру. В этом случае мы — непрошеные гости, и тогда становится понятным, почему они — если это они — напали на наш лагерь.

— Нет, — вдруг решительно возразила Мэри. — Эта планета — нейтральная территория. Нас всех сюда забросили — и нас, и их, а может, еще кого-нибудь.

— Почему ты в этом так уверена? — поинтересовался Эвери.

— Потому что так лучше, — с чисто женской логикой ответила Мэри. — Это не просто так — о, я не могу объяснить — но все это, должно быть, как-то разработано... И эти существа, которые перенесли нас сюда и подглядывают за нами через замочную скважину... Я так чувствую. Не знаю, может быть, это чепуха.

— Это не чепуха, — мягко сказал Эвери, — какой-то смысл в этом есть.

Барбара повернулась к нему:

— Вы что-то видели?

— Судите сами.

Он описал им золотой шар, свои ощущения, и то, как шар с легким треском — словно разбилось тонкое стекло — исчез, не оставив никаких следов. Но Эвери ни словом не обмолвился о земле, которая почудилась ему на горизонте. Ему казалось, что это не имеет отношения к их затруднительному положению.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул Том, когда Эвери закончил. — Час от часу не легче. Ты уверен, что в самом деле видел это?

— Конечно, нет, — отпарировал Эвери. — Разве тут можно хоть в чем-то быть уверенным? Но в этом я готов поклясться.

— Может, это был воздушный шар, — предположила Мэри, — а внутри кинокамера или что-то в этом роде?

— Да, — ответил Эвери, — воздушный шар, горячий, как расплавленный металл. И потом с треском исчез — камера и все остальное тоже.

Некоторое время они молчали, погрузившись в размышления. Бесплодные размышления, до тех пор пока факты никак не связаны друг с другом; и степень неправдоподобности любых объяснений определяется неправдоподобностью самих фактов.

Эвери перестал и пытаться разрешить неразрешимое. Он встал, залез в запасную палатку и вытащил оттуда портативный проигрыватель и первую попавшуюся пластинку.

— Посмотрим, сумеем ли мы что-нибудь извлечь из этой штуковины.

— Это твой? — спросила Барбара. — С Земли?

— Нет, дома у меня большой проигрыватель. Я всегда любил — и люблю — музыку. Наверное, наши приятели из кристаллов хотели доставить мне удовольствие, — с улыбкой ответил Эвери.

Он нажал кнопку и включил проигрыватель. Должно

быть, он питался от какого-то генератора, поскольку из динамика послышалось легкое потрескивание.

Эвери поставил пластинку и осторожно опустил звукосниматель. Зазвучала музыка из «Моей прекрасной леди».

Все слушали как зачарованные.

Первый раз лирический нежный голос Джулии Эндрюс звучал в чужом мире. «Мне нужно так немного — уютный уголок...»

Этот нежный голос, эти удивительные слова, словно волшебное облако, висели между темным светом костра и тьмой окружающего мира.

Страхи отступили прочь. И они заулыбались, слушая эти милые, смешные слова. Но под их улыбками все же скрывалось напряжение. Эвери видел, как пламя костра отражается в подозрительно блестящих глазах его товарищей. Наверное, и он тоже...

Он протянул руку Барбаре. Она сжала ее. Том и Мэри сидели, тесно прижавшись друг к другу.

«Мне нужно так немного — уютный уголок...»

Эвери вдохнул и отдался очарованию далекого мира. Это было удивительно и до боли прекрасно.

ГЛАВА 15

После нескольких изнурительных дней жизнь лагеря потекла спокойно. Теперь можно было отдохнуть. А они очень нуждались в отдыхе. Только теперь им стало ясно, как тяжело им далось устройство лагеря и обеспечение безопасности; тогда они не щадили сил — лишь бы выжить.

За это время случилось лишь одно значительное событие — Том и Эвери, отправившись на охоту, обнаружили неподалеку целую колонию кроликотипов. Эти существа жили в норах, как земные кролики, но, кроме того, они умели плавать и лазать по деревьям. Колония располагалась на берегу ручья, из которого брали воду для Второго Лагеря. На протяжении пятидесяти ярдов весь берег был изрыт кроличьими норами. Эти животные оказались даже глупее, чем их земные сородичи. Том и Эвери скоро поняли, что самый легкий способ ловить кроликов — это сбивать их с деревьев камнями. Они

очень быстро наловчились оглушать их и скоро делали это виртуозно.

Вместо того чтобы выискивать кроликотипов на земле, они внимательно осматривали верхушки деревьев. Когда они находили подходящее дерево, Эвери становился около ствола, а Том — у него был более верный глаз — кидал в животных камнями, которые он собрал на берегу. Если он промахивался или только слегка задевал кроликотипа, тот, испуганный, начинал быстро спускаться с дерева. Пока он спускался, цепляясь за ствол когтями, Эвери поджидал его внизу, хватал и оглушал, стукнув головой о дерево. Но если Том попадал в цель, то не только тот кролик, в которого он попал, но и те, что находились рядом, падали и некоторое время, оглушенные, валялись на земле.

Освоив такой простой и надежный способ добычи мяса, Том и Эвери почувствовали, что решили одну из важнейших проблем обеспечения жизни. В случае необходимости они смогут сносно прожить, питаясь мясом кроликов и фруктами.

Эвери по-прежнему снедало желание побольше узнать о мире, куда их забросила судьба, но экспедицию пришлось на некоторое время отложить. Его нетерпение сдерживалось все растущим убеждением, что они останутся здесь еще достаточно долго. Экспедиция подождет. Подождет, пока они не узнают побольше о своем ближайшем окружении, пока не освоят сложное искусство выживания. Эвери особенно старался избежать встречи с «золотыми людьми», пока — в общем, пока ее можно избежать. Рано или поздно они, конечно, встретятся; однако, как показывает опыт, чтобы результат был удовлетворительным, лучше избегать возможных столкновений до тех пор, пока они — он, Барбара, Том, Мэри — не смогут постоять за себя.

Через пару дней само собой сложилось так, что всю необходимую работу они делали с утра, а день и вечер оставались для отдыха и «необязательных занятий».

Расположенный на самой вершине «каменного кольца», Второй Лагерь давал им чувство безопасности. Однако они по-прежнему продолжали дежурить по ночам. Потому что, хотя напасть на лагерь было трудно, все же он не был совершенно неприступен; и они не хотели, чтобы их застали врасплох. Но вместо того чтобы строго распределять дежурства, они предпочли более мягкую систему. Иногда кто-нибудь ложился спать

пораньше, а остальные оставались у костра. Иногда вахту несли одни мужчины, но чаще они дежурили парами. Так было приятнее, время летело быстрее, и было меньше опасности, что часовой заснет.

Эвери восхищало то, что про себя он называл «физиологической механикой» группы. Еще недавно это были четыре совершенно незнакомых человека, и вот, уже через три дня, они самым естественным образом разбились на пары. Ибо, вне всякого сомнения, между ним и Барбарой, не говоря уже о Томе и Мэри, есть то, что называют «особыми отношениями». Особые, возможно, неточное слово. Это было похоже и не похоже на любовь — если бы любви не было, ее нужно было бы выдумать. В таких группах каждый сильно зависит от остальных; но это особый вид зависимости, он явно не связан с сексом и все же может существовать только между мужчиной и женщиной. Это не любовь и не супружество; но в данных обстоятельствах в этом есть что-то и от того и от другого.

Время от времени в эти первые две недели ему приходило в голову, что Том и Мэри и в самом деле стали любовниками. Сексуальные отношения, слияние, соитие — для него это запретные темы; однако то, что невозможно для него, вполне может быть между Томом и Мэри. Но, глядя на них по утрам, он не замечал ни малейшего изменения, ни малейшего указания на то, что их близость пришла к естественному и неизбежному завершению. Но через некоторое время он пришел к выводу, что они нуждаются друг в друге скорее духовно, чем физически. Они жались друг к дружке потому, что чувствовали себя одинокими, затерянными в этом враждебном мире под чужим небом, как дети, заблудившиеся в лесу...

Во всяком случае, такое чувство он испытывал к Барбаре. Иногда в ночной тиши, сквозь сон, он чувствовал, как она шевелится рядом с ним, прижимается к нему, чувствовал, что она проснулась и в ней просыпается желание. И когда его собственное тело стремилось откликнуться на этот зов, ему становилось стыдно. Ему становилось стыдно, потому что он был рабом своей дурацкой донкихотской верности. Ему становилось стыдно, потому что он чувствовал, что акт любви был бы актом предательства по отношению к Кристине. Он думал, чувствовал, действовал точь-в-точь как ходульный романтический герой. Да он и был им.

Реальность умерла пятнадцать лет назад, и пятнадцать лет назад родился миф. По правде говоря, он предавался самоистязанию, взращивая и лелея этот миф. Он сделал из Кристины кумира, когда она умерла, она стала прекраснее, чем в жизни. Когда она умерла, ее любовь стала сильнее — и приобрела над ним бо́льшую власть. Он наихудшим образом осквернил память о ней, ибо превратил ее в незаживающую язву.

Умом он понимал это, но все-таки был не в силах отказаться от созданного им мира. Умом он понимал, что использует память о Кристине как барьер между собой и остальными людьми. Но он уже не мог разрушить этот барьер.

Это было глупо, потому что, если смотреть правде в глаза, он уже предал Кристину. Он предал ее, когда протянул руку Барбаре. Он предал ее, потому что обменивался с ней улыбками и жестами, понятными только им двоим. Он предавал ее каждую ночь, лежа в палатке рядом с Барбарой. Что же тогда окончательное предательство? В этом не было бы ничего худого, если бы не призрак Кристины.

Но он не мог заставить себя сделать то, к чему стремились их с Барбарой тела. Он знал, что для Барбары это не будет значить больше, чем он захочет. Она как-то сказала ему, что не придает никакого значения девственности; и он понял, что жизнь в ярко освещенном юпитерами мире телевизионных камер и искусственных чувств принесла урожай дешевой романтики и стандартных страстей... Однако, презирая себя, жалея Барбару, защищая несуществующую Кристину, он не мог решиться на этот шаг.

Но Барбара не жаловалась; она была терпелива, она была нежна. Иногда она вела себя просто по-матерински. И поэтому он презирал себя еще больше. Он понимал, что его упрямство — это извращение, но отчаянно пытался выдать его за добродетель.

Обычная жизнь лагеря начиналась на рассвете. Они сделали для себя удивительное открытие, что раннее утро — это лучшее время дня. Обыкновенно воздух был тих и прохладен, и все предвещало прекрасный погожий день. Раннее утро, когда воздух прозрачен и чист, а море переливается, как неровное зеркало, пьянило, как вино. Кто-то готовил завтрак, а остальные ходили за водой с брезентовыми ведрами.

За завтраком обсуждались планы и фантазии —

многие из них так и остались неосуществленными. Они собирались построить лодку, составить план лагеря и даже построить дом. За завтраком фантазия, реальность и пьянящий утренний воздух смешивались в чудесный коктейль.

После этого — им некуда было спешить, их не ждали электрички, конторы, студии, классы — после этого начинался обычный, отлаженный, как часы, день. Барбара и Мэри занимались «домашним хозяйством» — они прибирали палатки, проветривали спальные мешки, убирали мусор, иногда стирали или чинили одежду. Тем временем Том и Эвери старались запасти побольше дров для вечернего костра, ходили на охоту или на рыбалку, собирали фрукты. Пока они ловили рыбу только в ручье — на удочку, что получалось не очень удачно из-за сильного течения, или руками — в этом деле Том быстро приобрел сноровку. Им редко удавалось поймать больше двух полуфунтовых рыбин, по вкусу напоминавших земного лосося. Мужчинам очень хотелось порыбачить в море — но для этого, конечно, нужна была лодка и что-нибудь посерьезнее, чем обыкновенная удочка.

Тому первому пришла в голову мысль улучшить их вооружение. Весь их арсенал состоял из двух топориков, четырех ножей и револьвера. И, как заметил Том, никто из них не умел пользоваться этим оружием — за исключением револьвера, для которого оставалось только тридцать четыре патрона. А ножи и топорики могут потеряться или сломаться. И было решено изготовить еще какое-нибудь оружие, пока у них есть время. Первым делом они попробовали сделать дротики.

Найти прочные, прямые деревья оказалось очень легко. Деревья срубили, ножами выстругали древки дротиков, обтесали их камнями, обожгли на костре. Они даже попытались сделать к ним каменные наконечники. Но так и не смогли научиться метко кидать дротики. То ли они ошиблись в весе, то ли наконечники были недостаточно прочными, то ли они не сумели правильно прикрепить их к древкам — так или иначе, ничего не получалось. Так что от этой затеи пришлось отказаться.

Потом Эвери предложил нечто более удачное. Он и Том придумали, как использовать топорики нетрадиционным способом. Тому однажды даже удалось убить небольшого, но очень агрессивного «обезьяно-медведя», бросив топорик так, что он вонзился в незащищенную

шею животного. После этого случая Эвери пришло в голову, что проблема с оружием будет решена, если они научатся метко кидать топор, пока не придумают, как изготавливать дротики и какие-нибудь штуки наподобие арбалетов.

Его план был прост. Они нашли неподалеку на берегу подходящий камень. Это был прочный серый валун, который без особого труда поддавался обработке. Из него вытесали клин размером три на шесть дюймов и примерно в дюйм толщиной в самой широкой части. Рукоятку топорика изготовили из двух кусков крепкой, прочной древесины, связанных ремнем, — лезвие легко вгонялось между половинками рукоятки и тоже закреплялось там кожаными ремнями из шкуры кроликотипа.

Это изобретение оказалось даже более удачным, чем они думали. Том усовершенствовал оружие, заострив верхнюю часть рукоятки. После некоторой практики они научились метать топорик так, что он или вонзался в цель лезвием, или втыкался острием.

Том и Эвери сделали восемь таких томагавков — это занятие отнимало у них почти все вечера — и научили Мэри и Барбару пользоваться ими. После этого они почувствовали себя более уверенно и уже не так опасались неожиданного столкновения с золотыми людьми. На открытой местности томагавки были ничуть не хуже дротика или арбалета. Правда радиус их действия не превышал двадцати пяти ярдов.

Когда все обычные утренние дела были сделаны, после обеда, когда было так жарко, что каждое движение требовало усилий, — они обычно отдыхали — иногда по отдельности, иногда вместе.

В это время, после шести, они ходили к морю купаться. Эвери и Том внимательно исследовали маленькую бухточку. Там было мелко — не более пяти футов глубины — на расстоянии примерно сорока ярдов от берега, а потом дно резко обрывалось вниз. Чтобы отметить это место, они установили деревянные буйки, привязав их веревками к тяжелым валунам на дне бухты. Ради безопасности они решили не заплывать за буйки.

Кроме крабов, которые скорее больно кусались, чем были действительно опасны, только один вид морской живности отваживался заплывать в бухточку. Это была красивая, переливающаяся всеми цветами радуги рыба, которая выглядела совершенно безобидно, — но на ее

голове, как антенны, торчали усики, которые могли нанести сильный электрический удар. Эвери первый столкнулся с этой рыбой. Он погнался за ней, думая, что она будет удирать. Но этого не случилось. Она повернулась к нему и ударила.

Электрический удар почти парализовал его, но, к счастью, Барбара оказалась рядом и помогла ему выбраться на берег. С тех пор никто не отваживался приближаться к радужной рыбе.

Купальных костюмов у них не было и они сначала попытались сделать их из нижнего белья. Вскоре они отбросили излишнюю стыдливость и стали купаться обнаженными. И скоро их тела стали стройными, подтянутыми и загорелыми.

Мэри привыкла вести дневник. На Земле у нее скопились дневники за десять лет. Внимательные и непостижимые *они*, те, кто забросил их сюда, видимо, забыли о дневниках, которые были ей дороже всего остального. Но *они* положили ей в чемодан чистый дневник, рассчитанный на пять лет.

Эвери показалось, что это имеет какое-то особое значение. Но Мэри объяснила, что это обыкновенный дневник, который продают в магазинах, — так что это ровным счетом ничего не доказывало.

Так или иначе, Мэри единодушно выбрали историком лагеря. Теперь она вела не свой личный дневник, а официальный дневник группы.

Первая запись гласила: «Вместе с тремя совершенно незнакомыми людьми я оказалась впутанной в совершенно сумасшедшую историю, похожую на страшный сон. Надеюсь, это скоро кончится. Мне очень страшно». Она сделала эту запись вечером первого дня.

Но теперь они больше не были совершенно незнакомыми людьми. И сон стал реальностью, в то время как Земля превратилась в сон. Страх остался, но он стал меньше. И еще появились ростки товарищества, все большая уверенность в себе и неуловимое живительное волшебство неба, моря, земли...

На Земле Барбара запоем читала мистические романы. В ее чемодане было около пятидесяти таких книжек — одни она читала раньше, в «той жизни», другие нет, но все они принадлежали авторам, которые ей нравились. Теперь она перечитывала романы снова и снова, — и все остальные тоже — эти фантастические истории о мире, где есть города, магазины, театры,

рестораны, квартиры, деревенские дома и — другие люди.

Сюжет и герои не имели значения. Их привлекало лишь описание их повседневной жизни. К несчастью, в большинстве романов этого было очень немного. Тогда на помощь приходило воображение. Если описывался ресторанчик в Сохо, каждый старался как можно ярче и полнее воссоздать его — они с удовольствием придумывали его обстановку, оформление, меню и даже имена официанток.

Так случилось, что это подробное расширение романов превратилось в игру, в которую они с удовольствием играли — наполовину в шутку, наполовину всерьез. Том, который был помешан на автомобилях, точно описывал марки машин, которыми пользовались персонажи книг. Барбара могла подробно описать их гардероб. Мэри выступала экспертом в их развлечениях, а Эвери увлеченно описывал их жизнь и устремления, далеко выходя за границы романа.

Они называли это «Следовательской Игрой». Но это было больше, чем игра. Это был способ создания преходящих реальностей в мире постоянной иллюзии...

Но время шло, и постепенно они привыкли к своей совершенно новой жизни. И они, каждый по очереди, сделали для себя поразительные открытия.

Отчаяние сменилось радостным ожиданием...

Сожаление о том, что миновало, отступило перед удовлетворенностью тем, что есть...

И одиночество растаяло, как утренний туман...

ГЛАВА 16

Однажды утром, хотя запасов мяса в лагере было вполне достаточно, Том и Эвери пошли на охоту. И вдруг Том заговорил о том, что, видимо, давно его беспокоило. Они сидели на поваленном дереве и отдыхали; Эвери от нечего делать вырезал узоры на рукоятке своего любимого томагавка.

— Я надеюсь, старина, мы знаем друг друга достаточно хорошо и ты не обидишься, если я тебе кое-что скажу, — начал Том.

Эвери удивленно посмотрел на него. Теперь Том говорил «старина» только если особенно нервничал.

— Мы знаем друг друга достаточно хорошо, чтобы не ходить вокруг да около, — заметил Эвери. — В чем дело?

— Импотенция, — выпалил Том.

— Что?

— Я говорю — импотенция... С Мэри.

— О, прости. Я сразу не понял.

«Это, леди и джентльмены, сады Эдема — но здесь скорее изобилие невротиков, чем яблок», — подумал Эвери.

Том, казалось, был смущен его молчанием. Он, видимо, ожидал чего-то большего.

— Я думал, что можно спросить, — сказал он в отчаянии, — если вы с Барбарой занимаетесь любовью... Я думал, можно спросить.

— Да. Но, боюсь, мне придется разочаровать тебя. Мы этого не делаем... Во всяком случае, не в этом смысле.

— Но почему? — удивился Том. — Она тебе нравится?

— Она мне очень нравится, — резко ответил Эвери. — Может быть, отчасти поэтому...

— Вы не занимаетесь любовью, — тупо повторил Том.

Казалось, это открытие обрушило здание, которое он с трудом возвел.

— Мы не занимаемся любовью, — объяснил Эвери, — не потому, что я не могу, и не потому, что не хочу, а потому что для меня это вопрос верности. Была такая девушка, ее звали Кристина, она умерла много лет назад — но я решил не дать ей умереть окончательно — ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ты должен пережить это. Иначе вы оба рехнетесь. А все-таки как ты справляешься с этим чертовым сексом?

— Я целую Барбару перед сном, — сердито ответил Эвери, — и засыпаю, думая о Кристине, — и я счастлив. А утром я просыпаюсь, и все проблемы решены... до следующей ночи... Я ответил на твой вопрос?

Том вздохнул:

— Бедная Барбара.

— Действительно, бедная Барбара, — сказал Эвери.

И затем грубо добавил: — Помнится, мы говорили об импотенции. О твоей импотенции.

— Забудем об этом, старина, я не знал, что это расстроит тебя.

Эвери вдруг успокоился. Он понял, что вел себя чертовски глупо, ему захотелось исправить положение.

— Извини, Том. Называется, помог... Ты представляешь причину своей импотенции или для тебя это совершенная тайна?

— Я думаю — нежность, — с несколько смешной торжественностью ответил Том. — Нежность — и эта история с порнографией.

Том впервые за долгое время упомянул о своей тайной коллекции.

Эвери положил руку ему на плечо:

— Ты должен совсем преодолеть это, старина.

Том глубоко вздохнул:

— Самое ужасное, что я влюблен в Мэри.

— Поздравляю. Тогда все в порядке.

— Не строй из себя тупицу, — взорвался Том. — Ничего не в порядке. Все эти кошмарные годы для меня любовь и секс существовали отдельно друг от друга. Секс был чем-то гнусным и низким. О любви я читал только в книгах. Секс, в моем представлении, годился только для этих грязных шлюх — и то они были только на фотографиях; а любовь — в любовь я никогда не верил.

Том вздохнул и вытер пот со лба. Видимо, эта исповедь давалась ему нелегко.

— Вся беда в том, что я люблю Мэри. Я уважаю ее — как, черт возьми, я могу делать с ней такое... По-моему, это условный рефлекс, — жалобно сказал он, — собака Павлова и все такое.

Эвери, затаив дыхание, смотрел, как Том один на один сражался со всей своей прошлой жизнью.

— Тут есть еще кое-что, — осторожно сказал Эвери. — Какие, по-твоему, чувства испытывает к тебе Мэри?

— Нежные, — пробормотал Том. — Самые нежные. По-моему, я нравлюсь этой бедной дурочке. Черт, может, она даже любит меня... Она так много дает мне.

И тут Эвери почувствовал себя ужасно старым.

— Это как раз тот случай, когда слепой пытается вести слепого, — сказал он наконец. — Видишь ли... У женщины много ролей — ребенок, девушка, любовница, сестра, жена, мать. И женщины — большинство жен-

щин — хотят быть всем понемногу. Я думаю, Мэри тоже. Твоя беда в том, что ты думаешь, что должен только любить ее и лелеять... Черт подери, да она и так знает, что ты ее любишь. И сейчас ей нужно, чтобы ты взял ее.

— Но как? — беспомощно спросил Том.

— Возьми ее тело, старик. Забудь, что у нее есть душа. Возьми ее, как проститутку.

Том вытаращил глаза:

— Я... Я не смогу.

Эвери улыбнулся:

— От этого есть отличное лекарство — четыре глотка виски. Исключительно в медицинских целях. Три глотка тебе, один Мэри.

— Но...

— Никаких но... Сегодня вечером мы с Барбарой пойдем прогуляться. Надолго. А когда вернемся, отдежурим первую вахту. Немного удачи, немного внимания — а об остальном позаботится Природа.

— Я не могу, — сказал Том. — Только не с Мэри.

— Сможешь, старик, сможешь, — отрезал Эвери. — Иначе я буду вынужден поговорить с Мэри один на один и рассказать о твоей дурацкой стыдливости.

— Только не это, старина, — взмолился Том.

Эвери рассмеялся:

— Я могу дать тебе больше времени. Например, неделю.

Не говоря ни слова, пытаясь сохранить достоинство, Том встал и пошел прочь. По дороге в лагерь оба не проронили ни слова. Обед также прошел в угрюмом молчании. Обе женщины поглядывали на них, подозревая, что они крупно поссорились.

Однако вечером Эвери, как и обещал, пригласил Барбару прогуляться. Было так тепло, что они решили искупаться, — ярко и до сих пор непривычно сияли в небе две луны.

Когда они вернулись в лагерь, Тома и Мэри уже не было. Барбара очень удивилась, потому что Эвери ни словом не обмолвился ей о том, что происходит. Он вообще говорил очень мало, а когда Барбара пыталась выведать у него, что у них случилось с Томом, отвечал уклончиво.

У костра Эвери наткнулся на два пустых стаканчика. Он удовлетворенно хмыкнул.

— Если хочешь, иди спать, я подежурю, — сказал он Барбаре.

Она подозрительно посмотрела на него:

— Что-то происходит. Что же?

— Ничего, моя дорогая. Я подежурю. А ты можешь идти спать.

— Если уж дежурить, так вместе, — сердито сказала Барбара. — Что-то происходит. И я хочу знать это.

— Ты все придумываешь. Ладно, пойдем спать вместе. На одну ночь предосторожности можно отбросить. Пусть дьявол нас покараулит.

Барбара удивилась, но промолчала. С тех пор как они столкнулись с золотыми людьми, прошло уже довольно много времени. Вскоре они забрались в палатку и заснули.

Утром один взгляд на Мэри показал и Барбаре и Эвери, что кое-что действительно произошло. Она не была сияющей и радостной, как полагается женщинам в таких случаях, но слегка удивленной и чуточку самодовольной.

Том выглядел гордым и смущенным.

Барбара женской интуицией сразу обо всем догадалась, а Эвери просто знал.

Когда он, как ему казалось, украдкой взглядывал на Тома и Мэри, он невольно завидовал им и чувствовал себя виноватым.

В этом была какая-то насмешка судьбы. Эвери смотрел на Барбару и видел, что она тоже завидует. Ему вдруг захотелось обнять ее. Но он не сделал этого и притворился, что ничего не заметил.

— Врач, исцелися сам, — еле слышно пробормотал он.

ГЛАВА 17

Примерно через неделю после того, что Эвери про себя называл Брачным Полетом Тома и Мэри, произошла еще одна встреча с золотыми людьми — с женщиной. Как стало ясно потом, контакт был неявным, но, во всяком случае, он был. И, во всяком случае, он недвусмысленно показал золотым людям, что обитатели Второго Лагеря не имеют воинственных намерений.

Однажды днем Том и Эвери отправились в глубь

острова за довольно редкими фруктами, которые с некоторых пор стали их любимым лакомством. Эти фрукты представляли собой нечто среднее между грейпфрутом и кокосовым орехом — питательные и освежающие. Их «молоко» по вкусу напоминало грейпфрут, а то, что называли «орехом», — мягкая и вкусная мякоть была похожа на жевательную резинку. Даже их кожура, прочная и плотная, оказалась полезной. Кожуру высушивали на солнце и делали из нее легкие чаши и миски.

Но еще удивительнее были деревья, на которых росли эти фрукты. Они стояли словно на ходулях — около дюжины длинных крепких белых корней поднимались довольно высоко над землей и там соединялись в короткий ствол. Издалека эти деревья были похожи на старинную птичью клетку примерно в восемь футов высотой.

Поэтому эти плоды так и называли — фруктами из птичьей клетки. До сих пор Тому и Эвери удалось найти не более полудюжины таких деревьев. Удивительно, но с деревьев исчезало гораздо больше зрелых фруктов, чем уносили они во время своих случайных рейдов. Том и Эвери решили, что фрукты привлекательны для животных, и даже обсуждали способы охранять «свой» урожай.

Но это оказались не животные — или, по крайней мере, не только животные, — они обнаружили это, когда решили еще раз сходить к самому большому дереву из тех, что они нашли до сих пор и которое росло дальше от опушки, чем остальные. Дерево стояло на небольшой поляне; и, видимо потому, что ему не мешали другие деревья, его «птичья клетка» была очень широкой и представляла собой образованный корнями купол правильной формы. Залезть на дерево было довольно трудно, потому что корни, хотя и прочные, были тонкими и скользкими, и иногда нога проскальзывала между «прутьями» клетки — тогда нужно было, чтобы кто-нибудь помог раздвинуть корни и вытащить ногу. Но если человек оказывался один, ему приходилось скользить вниз по куполу, в надежде, что на уровне земли расстояния между корнями будут достаточно большими, чтобы высвободить ногу.

Именно это и случилось с золотой женщиной — у нее защемило ногу. Но ей не повезло еще больше.

С той стороны, где она пыталась взобраться на дерево, толстые корни у основания росли еще теснее, чем вверху.

Том и Эвери обнаружили ее беспомощно сидящую на земле; рядом лежал маленький арбалет и опрокинутая самодельная корзинка. К счастью, они заметили женщину издалека. Ее реакция была мгновенной — она схватила арбалет, вставила в него одну из коротких стрел и прицелилась.

— Ложись, — крикнул Эвери — и вовремя. Только они с Томом упали в густую траву, как стрела просвистела в каком-нибудь футе над головой Эвери.

— Чертова сучка, — выругался Том. — Чуть не продырявила таких замечательных парней... Что она тут делает?

— У нее нога застряла между корнями.

— Так ей и надо! Давай уйдем. А то ее дружок непременно явится ее искать, когда увидит, что она не вернулась к обеду.

Эвери покачал головой:

— Нельзя упустить такой случай. Если мы поможем ей, мы тем самым докажем, что не желаем им зла.

— Говори о себе, — сказал Том, любовно проводя пальцем по лезвию томагавка. — Судя по тому, что они учинили в Первом Лагере, вряд ли они понимают, когда с ними говорят по-хорошему. — Он злобно рассмеялся. — Во всяком случае, не знаю, как ты сможешь помочь, если она всадит тебе в животик все три стрелы.

— Пожалуй, это мысль, — ответил Эвери.

Он привстал на колено — и тут же снова упал в траву. Еще одна стрела просвистела прямо над ним.

Том улыбнулся:

— Она поймает тебя. Тебе стоит только раз ошибиться.

Эвери покачал головой:

— Стрела попадает чуть дальше. Теперь твоя очередь.

Том выругался; однако он отполз на несколько ярдов вправо, приподнялся и тут же рухнул на землю. Еще одна стрела пролетела мимо.

Эвери немного подождал и еще раз на секунду подставил себя под выстрел. Он быстро упал на землю, но стрелы не было.

Том повторил трюк — и снова женщина не выстрелила.

— Что я говорил? Она догадалась.

— Посмотрим.

Эвери осторожно поднял голову.

Женщина держала арбалет наготове, но не стреляла. Эвери осторожно встал на колени. И тут она выпустила последнюю стрелу. Ему повезло. Густая трава чуть затормозила стрелу, и она не достигла цели. Эвери лежал в траве, сердце его бешено колотилось.

Том развеселился:

— Вот видишь, старина. Братание нынче непопулярно.

Но Эвери решил не спорить.

— По-моему, у нее остался только один выстрел.

— Надеешься? Лично я больше рисковать не хочу. Не стоит того.

Эвери выждал минуту-другую и очень медленно поднял голову над травой. Женщина сидела у дерева и держала арбалет наготове. Она и Эвери пристально смотрели друг на друга. Он заметил, что она тяжело дышит и выглядит не слишком бодро. Насколько он мог заметить, стрел у нее больше не осталось — хотя, возможно, это только трюк.

— Не стреляйте, — крикнул Эвери. — Мы хотим помочь вам.

Он и не надеялся, что она понимает по-английски. Но он рассчитывал, что она правильно почувствует интонацию.

Женщина не двигалась и продолжала боязливо смотреть на него. Эвери решил воспользоваться случаем и встал во весь рост. И вдруг заметил легкое движение ее руки. Эвери рванулся в сторону, а стрела вонзилась в то место, где он только что стоял.

— Идиот, — прошипел Том.

Теперь у женщины не осталось ни одной стрелы. Она отбросила арбалет и, не обращая внимания на боль, лихорадочно пыталась высвободить защемленную ногу.

Эвери двинулся к ней. Увидев, что его мрачные предсказания не оправдались, Том тоже встал и последовал за ним. Когда он подошел на десять ярдов, она оставила свои отчаянные попытки освободиться. И села на землю — кулаки ее были сжаты, глаза смотрели угрюмо и неприязненно.

Эвери подошел к ней, присел и улыбнулся. Он жестом показал на ее ногу и корни деревьев.

— Мы, — он указал на себя и Тома, — хотим... помочь... тебе.

Он указал на нее, потом на ее ногу.

Она вздрогнула, и в глазах ее мелькнуло понимание.

Стараясь двигаться медленно, чтобы не напугать ее, Эвери подвинулся ближе и протянул руку к корням. В тот же миг женщина разжала руку и, словно копьем, ткнула его выпрямленными жесткими пальцами прямо в солнечное сплетение. Эвери охнул от боли и повалился на землю. Прежде чем Том остановил ее, женщина ребром ладони ударила Эвери по горлу.

Давно ему не приходилось испытывать такую боль. В ушах стучало, он не мог вздохнуть, перед глазами поплыли круги. Словно сквозь туман, он неясно различал силуэт Тома с поднятым томагавком.

— Сука! — рявкнул Том. — Вот тебе!

С глухим звуком томагавк опустился.

Содрогаясь от боли, Эвери попытался сесть.

— Придурок, — простонал он. — Зачем ты убил ее?

Том затряс головой.

— Будь покоен, — сказал он сердито. — Я только слегка стукнул... Так что некоторое время она безопасна.

Эвери осторожно массировал горло. У него было такое ощущение, будто он проглотил множество маленьких острых камешков. Он попробовал кашлянуть и застонал от боли. Постепенно чувство тошноты в желудке исчезло. Он глянул вниз — золотая женщина, скорчившись, лежала на земле.

Он посмотрел на нее. Длинные роскошные золотые волосы в беспорядке разметались по траве. Глаза были закрыты. Но ее красивое лицо почему-то казалось не совсем человеческим. Он попытался понять, что же именно в нем нечеловеческое. Казалось, у нее были все мелкие особенности, присущие человеческому лицу, — и в то же время что-то было не так.

Красивой формы уши были начисто лишены мочек; ноздри широкие, почти негроидные, а сам нос без переносицы напоминал греческий; несмотря на полные губы, рот казался очень маленьким по сравнению с остальными чертами лица; маленький твердый подбородок и выступающие скулы были чем-то неуловимо отталкивающими.

Ее обнаженное золотистое тело, едва прикрытое куском голубой ткани, протянутой между ног, было великолепно. Эвери прикинул, что женщина, должно быть, по меньшей мере на четыре дюйма выше его и к тому же на пару стоунов тяжелее. А в ее силе он убедился на собственном опыте.

— Лакомый кусочек, — грубо заметил Том, — точно

из моей коллекции, помнишь? Тебя это не удивляет? Может, эти пташки и изобрели порнографию?

— Может, они даже не знают, что это такое, — парировал Эвери. Он встал. — Надеюсь, ты не проломил ей череп.

Том ухмыльнулся.

— Вот уж не пожалел бы об этом. Она пыталась убить нас — помнишь? Во всяком случае, я ее только слегка тюкнул. Сверхчеловеки вроде нее обычно и череп имеют сверхкрепкий.

— Ну ладно, по-моему, надо воспользоваться моментом и высвободить ее ногу, пока она без сознания.

Том наклонился и оглядел защемленную ногу.

— Она поранила ее, — с удовлетворением сказал он. — Поделом этой чертовке.

Лодыжка, крепко зажатая между двумя толстыми корнями, кровоточила. Нога сильно распухла, посинела.

— Что будем делать? — спросил Эвери. — Разрубим корень?

Том покачал головой:

— Нет. От сотрясения ей будет еще больнее. К тому же вдруг топор соскользнет и оттяпает от нее кусочек. Сталь-то здесь отличная... Нет, лучше попробуем отогнуть корень.

Они попытались сделать это, используя в качестве рычага рукоятку томагавка, но не удалось ни на дюйм сдвинуть корень. Эвери наконец придумал вставить один из фруктов, собранных женщиной, между корнями на ярд выше попавшей в капкан ноги. Затем он забил его как клин, поближе к лодыжке, и корни дерева слегка раздвинулись.

Том тем временем успел высвободить ногу женщины, прежде чем кожура фрукта треснула и корни вернулись в прежнее положение.

— Ну что ж, как говорится, поспели вовремя, — сказал Том.

Эвери ощупал кость. Он плохо разбирался в анатомии — тем более в чужой анатомии, — но все-таки ему показалось, что нога не сломана. Женщина шевельнулась и застонала. Она попыталась сесть, но снова упала на землю.

— Хорошо, что она не присутствовала при операции, — сказал Эвери. — По-моему, ты оказал ей хорошую услугу.

Он осторожно опустил ногу на землю и приподнял

голову женщины. Она открыла глаза, снова закрыла их и содрогнулась. Потом опять застонала. Эвери нащупал шишку, там, где Том ударил ее. Но дело обстояло не так уж плохо. Густые волосы смягчили удар.

— Ну, теперь все в порядке, можем отчаливать, — сказал Том.

— Мы не можем оставить ее так.

— Черт, это больше, чем она заслуживает!

Женщине удалось приподняться, и теперь она полусидела напротив Эвери. Она заметила, что ее нога свободна, и облегченно вздохнула. Она взглянула на Эвери и состроила гримасу, которую можно было принять за улыбку.

— Давай попробуем поставить ее на ноги, — предложил Том.

— Хорошо, только сначала покажи это на мне. А то она опять выкинет что-нибудь.

Том медленно поднял Эвери, потом указал пальцем на женщину и сделал такое же движение. Женщина кивнула.

Они с трудом подняли ее. Ступив на раненую ногу, она вздрогнула от боли, но не вскрикнула.

— Ей нужен какой-нибудь костыль, — сказал Эвери.

— Давай уж пойдем до конца — сделаем носилки и доставим ее домой, — съязвил Том. — Оставим ее здесь. С ней все в порядке. И не забывай, в любую минуту может объявиться ее дружок.

— Надо найти что-нибудь вроде костыля.

Наконец Том ушел, чтобы срубить ветку с какого-нибудь более подходящего дерева. Пока его не было, Эвери помог женщине сделать несколько шагов, опираясь на него. Когда Том вернулся, она передвигалась уже довольно сносно.

Том принес прочную палку. Он даже вырезал на ней рукоятку.

— Думаю, эта штука подойдет, — сердито сказал он. — Она выдержит и полтонны.

— Теперь она сама сможет добраться домой, — сказал Эвери. — Она поразительно выносliва.

Он смотрел, как женщина ковыляет, опираясь на палку.

Том вдруг сказал:

— Если мы потихоньку двинемся за ней, мы выйдем на их лагерь. Это может пригодиться.

Эвери на минуту задумался, но потом все-таки решил отказаться от этой мысли.

— Если она заметит, что мы следим за ней, постарается или увести нас в сторону или заманить в ловушку. А если не заметит, то может завести слишком близко к своим приятелям — а это опасно. А эти ребята, похоже, привыкли сначала стрелять, а потом спрашивать.

Том пожал плечами:

— Другого такого случая может не представиться, но я полагаю, ты хорошо подумал.

Внезапно он размахнулся томагавком и резко опустил его на арбалет женщины. Арбалет разлетелся на части.

— Это научит ее быть более общительной... А теперь мы можем получить докторский гонорар.

Он начал собирать оставшиеся фрукты.

— Они ей не нужны. Ей и так будет нелегко добраться до дома.

Сложной системой знаков Эвери попытался объяснить женщине, что они с Томом уходят и что она тоже может идти куда ей нужно.

Затем — странно, что это ему не пришло в голову раньше, — он указал на себя и произнес: «Ричард», потом показал на Тома и назвал его имя.

Женщина, казалось, поняла. Она коснулась пальцем своей груди и произнесла что-то вроде: «Злетри». Голос у нее был низкий, почти мужской.

Затем, со странной застенчивой улыбкой, она коснулась двумя вытянутыми пальцами сначала своего лба, а потом лба Эвери. Потом повернулась к Тому, быстро взглянула на то, что осталось от ее арбалета, и снова дотронулась пальцами до своего лба. Но по отношению к Тому этого жеста она не повторила. Тяжело опираясь на палку, она заковыляла прочь. И ни разу не оглянулась.

— Золотая девочка уходит со сцены, слегка побитая, но непобежденная, — заключил Том.

Он поднял томагавк и протянул его Эвери.

— На, не забудь свою дубинку. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше после того, как мы совершили этот подвиг... Между прочим, на твоем месте я бы не очень полагался на ее благодарность. Такие люди не помнят добра, зато долго помнят зло. Что ни говори, они ведут себя, словно избраны Богом.

Эвери молчал. Возразить было нечего.

— Я проголодался, — сказал он.

— Я тоже. Пошли в лагерь... Я скажу тебе еще

кое-что. Вряд ли Мэри и Барбара поблагодарят нас за это. Что ни говори, а мы помогли спастись своему потенциальному врагу.

Но Том ошибся насчет Мэри и Барбары. Не считаясь с тем, что может произойти в будущем, они обе чувствовали, что Том и Эвери поступили так, как подобает цивилизованным людям. Инстинктивно они понимали, как важно сохранить основу нравственности. И так же инстинктивно они понимали, что эта нравственность заключается в древней истине: Помогай Ближнему...

Вечером у них завязался по этому поводу жаркий спор — Мэри, Барбара и Эвери против Тома. Кончилось тем, что Том, надувшись, ушел спать.

Его поведение озадачило Эвери. Хотя Том не очень-то стремился помочь золотой женщине — особенно после того, как она пыталась убить их, — но все-таки он очень помог Эвери, если не больше. Это было тем более удивительно, что совсем недавно он был готов броситься на помощь другой женщине (а может быть, той же самой), когда заметил, что ей угрожает крокодил.

Эвери задумался над причиной такой перемены. Возможно, случай у заводи сам по себе более важен. Тогда они оба ясно увидели, что золотые люди — грозные противники. Отсюда следует, что позиция Тома правильна — особенно, если дело дойдет до открытого конфликта.

Потому что тогда вступает в действие другой принцип — более древний, чем любые нравственные правила. Принцип, известный под названием «Выживает сильнейший».

ГЛАВА 18

Время шло, и по непонятным причинам страсть Эвери к исследованиям превратилась в настоящее наваждение. Это началось через несколько дней после того, как они с Томом обнаружили золотую женщину у «своего» дерева. Странно и необъяснимо, но сначала он старался не замечать этого. Однако, по мере того как дни слагались в однообразные недели, это желание стало таким сильным, что его уже невозможно было сдержать. Ему хотелось идти куда глаза глядят, искать новые

места, увидеть все, что есть в этом мире, где они очутились.

По ночам он мучился, лежа без сна, под чужим небом, в котором ярко сияли две луны. Днем он с тоской смотрел на море, на берег, на длинную зеленую фалангу деревьев и кустарников, словно хотел силой вырвать у них их тайны.

Множество причин убеждало его в необходимости отправиться в экспедицию. Эвери говорил себе, что и он, и Том, и Барбара, и Мэри медленно и неизбежно погружаются в самую обыкновенную спячку, что они стали довольствоваться примитивными радостями однообразного существования. Их поставили в совершенно невозможное положение, и они с поразительной готовностью приспособились к нему. Второй Лагерь обеспечивал им полную безопасность. И если не прилагать постоянных сознательных усилий расширить свои познания и возможности, то они неизбежно будут сокращаться. Если все пойдет по-старому, они будут хорошо знать лишь небольшой клочок этой земли. И тем самым неизвестные места будут представляться опасными. И в конце концов могут стать даже запретными...

У него было много доводов в пользу экспедиции — один другого лучше, один другого убедительнее. И вполне разумные. Ясно одно, говорил он себе, — ему наскучила эта так называемая идиллия. В нем бродили и требовали выхода пытливость и беспокойство, присущие цивилизованному разуму.

Эвери ничего не говорил остальным. Они казались ему счастливыми и вполне довольными тем, что есть. В эти несколько месяцев они пережили столько тревог, опасностей и неудач, что теперь вправе радоваться тому, чего достигли. И у них действительно было немалое достижение — четверо незнакомых людей стали единым гармоничным целым.

Эвери был постоянно занят своими мыслями. Они настолько завладели им, что он стал молчалив, и, пока остальные купались и загорали, он находил удовольствие в длительных одиноких прогулках. В эти экспедиции он всегда ходил вооруженным, хотя теперь уже не очень опасался ни диких животных, ни золотых людей. Это был уже не тот человек, больной и вялый, которого «они» подобрали холодным пасмурным днем в ином времени и пространстве. Теперь он стал стройным, крепким, выносливым — машиной, прекрасно приспо-

собленной для охоты и рыбалки. Теперь он мог справиться с животными, от которых раньше попытался бы убежать; однажды он даже сначала ранил, а потом убил маленького носороготипа — сначала он сбил его с ног удачно брошенным томагавком, а потом раскроил ему череп топориком. Даже Тому до сих пор не удалось добыть носороготипа. Эвери очень гордился этим случаем.

Одинокие прогулки больше не казались ему рискованными. Одиночество доставляло ему горькое удовольствие, и он все больше стремился быть один.

Барбара была более осведомлена о его душевной неразберихе, чем он подозревал. Она почти ничего не говорила о его долгих отлучках, но с тревогой наблюдала за изменением его состояния, тщетно пытаясь объяснить его угрюмость тоской по дому. Все они были подвержены этому время от времени — но совсем не так сильно, как ожидали. Иногда им казалось, что они никогда больше не увидят Лондона, не услышат городского шума. Но это чувство быстро проходило, и они еще сильнее наслаждались свободой жизни без ограничений и разочарований прошлого. И тогда вдруг солнечный свет казался им ярче, а море — необыкновенно прекрасным.

Как Барбара ни старалась обмануть себя, она все-таки понимала, что вовсе не тоска по дому мучает Эвери. И в свою очередь падала духом, тосковала, чувствуя вину и неудовлетворенность.

Дело осложнялось еще и тем, что Эвери и Барбара стали любовниками. Или по крайней мере вступили в сексуальные отношения.

Благотворные изменения, которые произошли с Томом и Мэри, и чувство, что он лишает Барбару чего-то, на что она имеет прирожденное право, побудили Эвери в темноте палатки предпринять пробные и довольно неуклюжие попытки к сближению. Барбара восприняла это с воодушевлением — со слишком большим воодушевлением, — потому что, когда механические манипуляции были совершены, стало ясно, что все это не больше чем механические манипуляции. Физическое влечение принесло им временное удовлетворение, но души оставались пустыми.

Они занимались «любовью» уже несколько раз. И это становилось привычкой.

Буря разразилась однажды ночью, когда Эвери почувствовал желание еще раз «выполнить свои обязан-

ности». Он положил руку на грудь Барбары — эта же самая рука, та же самая грудь — и обнял ее за плечи, как обычно, стараясь не запутаться в ее волосах. Далее должен был последовать первый поцелуй, ничего не значащий поцелуй, затем поглаживание ее шеи и рук, и затем...

Барбара не могла больше терпеть. Она оттолкнула его:

— Не сегодня, пожалуйста...

Эвери удивился:

— Что-нибудь не так?

Даже мягкость в его голосе была механической.

— Да, все, все не так, — горько заплакала Барбара. — Где ты? Здесь только часть тебя, да и ее нет, и я даже не знаю где... Я только знаю, что тебя нет... То, что хочет меня, это всего лишь тело, тело с проклятой автоматической, встроенной совестью.

Ее тело содрогалось от рыданий. Она ненавидела Эвери; она ненавидела себя, она ненавидела то, что сказала, и больше всего она ненавидела эти предательские, жгучие слезы.

Эвери испугался.

— Барбара... Милая Барбара, — жалобно сказал он. — Прости меня.

Но, начав эту сцену, презирая себя, Барбара уже не могла остановиться.

— Чего ты хочешь? — сердито спросила она. — Ради Бога, скажи, чего ты хочешь? Если ты хочешь, чтобы я вела себя как проститутка, пожалуйста. Если хочешь, чтобы я притворялась застенчивой и невинной, еще лучше. Я готова ползать на четвереньках, лишь бы это сделало тебя счастливым... Но если я не знаю, что тебе нужно, как — как я могу дать тебе это?

Эвери чувствовал себя скотиной. Черт, в отчаянии говорил он себе, я просто-напросто скотина, да еще и с манией величия...

— То, чего я хочу, — начал он, — ты мне дать не можешь, Барбара.

Но это только ухудшило дело.

— Черт тебя побери, чего ты хочешь? — вскричала она.

— Я хочу понять, — в отчаянии сказал он, — что это за мир, в который нас забросили, зачем мы здесь, что мы можем сделать... Я хочу знать. Я хочу знать больше...

— И это все?— казалось, это ее позабавило. — Ты лжец! Все это ложь, ложь! Ты хочешь Кристину, ее грудь, ее губы. И больше ничего. Ты хочешь заниматься любовью с тусклым привидением... Ты просто ищешь себе оправдания.

И тут он ударил ее. Первый раз в жизни — он от всей души надеялся, что это будет последний раз, — он в гневе ударил женщину.

— Завтра, — холодно сказал он, пытаясь скрыть свой стыд, — завтра я отправлюсь в экспедицию. Может быть, я буду отсутствовать два или три дня. Когда я вернусь...

— Ты не пойдешь один, — жестко сказала Барбара. — Таков приказ, установленный командиром экспедиции. Я иду с тобой... Теперь ударь меня снова, попробуй переубедить.

— Благодарю, — огрызнулся Эвери. — А я-то боялся, что останусь без компании.

— Да когда ж такое было? — вздохнула Барбара. Гнев покинул ее. Она чувствовала себя разбитой и опустошенной.

ГЛАВА 19

Они вышли из лагеря уже поздним утром. Том выступил против того, что он называл «исследовательской прогулкой». Он высказал свои доводы вслух. Что, если они потеряются? Что, если они попадут в ситуацию, с которой не смогут справиться? Что, если золотые люди, заметив, что они ушли, решат напасть на Второй Лагерь?

Эвери встретил его возражения спокойно. Они не потеряются, потому что будут идти вдоль берега. Они не попадут в ситуацию, с которой не смогут справиться, потому что будут очень стараться избегать ее. Если бы золотые люди хотели напасть на Второй Лагерь, то за последние несколько месяцев у них было для этого много удобных случаев; и в любом случае было недопустимо позволять страху главенствовать в их жизни. Это приведет к косности и застою.

— По-моему, ты просто свихнулся, — с жаром сказал Том. — Если ты хочешь рисковать — пожалуйста. Но

зачем ты тащишь с собой Барбару, это мне совершенно непонятно.

— Я вовсе не тащу ее с собой, — сердито возразил Эвери. — Я буду просто счастлив, если она останется.

— Нет, я иду, и хватит об этом, — отрезала Барбара.

Том с недоумением посмотрел на них.

— И долго вы собираетесь отсутствовать?

— Не могу сказать. Наверное, дня три-четыре.

— Не пойдет, — сказал Том. — Надо назначить срок точно. Если вы к тому времени не вернетесь, мы будем предполагать худшее и соответственно действовать.

— Ну, — саркастически осведомился Эвери, — и что вы в этом случае предполагаете делать?

— Это наше дело, — резко ответил Том. — Но, можешь прозакладывать свои башмаки, мы собираемся выжить.

— А я-то думал, вы стремитесь к смерти.

— Нет. Эта болезнь не заразна, — многозначительно сказал Том.

— Ну, если тебе так хочется, мы вернемся к концу четвертого дня.

Удивительно, но Мэри, самая робкая из всех, не возражала против экспедиции. Во многих отношениях она была гораздо мудрее Тома. Она чувствовала, что для Эвери стремление исследовать новые неизвестные места гораздо важнее, чем кажется на первый взгляд.

— Будьте осторожны, — мягко сказала она. — Может быть, Ричард прав. Может, мы действительно погружаемся в спячку... Во всяком случае, это встряхнет нас. А когда вы вернетесь, мы устроим праздник. Это отличное оправдание для экспедиции.

Мэри поцеловала Барбару в щеку, потом повернулась к Эвери:

— Береги ее, а то я действительно рассержусь.

— Будет исполнено.

Эвери и Том пожали друг другу руки.

— Если найдешь золотую жилу, телеграфируй, — сказал Том.

Эвери улыбнулся:

— Если *они* явятся с пачкой обратных билетов на Землю, скажи им, что мы подождем следующего корабля.

Было жаркое утро. Вот уже несколько недель казалось, что дни становятся жарче и длиннее. Эвери предполагал, что они прибыли на планету в зимний сезон, а сейчас середина лета. Они только еще спустились по лестнице,

а уже страшно вспотели. Было бы разумнее немного отдохнуть днем и тронуться в путь, когда наступит относительно прохладный вечер.

Его план — если это можно назвать планом — был просто расширением их прежних, не очень удачных исследований. Эвери предполагал идти главным образом вдоль берега — на этот раз в другом направлении, чем раньше, — и, возможно, раз-другой сделать пробные заходы в глубь материка. Во всяком случае, идти вдоль берега легче и быстрее, чем по лесу; к тому же Эвери чувствовал, что в этом случае менее вероятно, что золотые люди неожиданно нападут на них.

Эвери и Барбара отправились в экспедицию налегке. Они взяли с собой большой спальный мешок, которым так заботливо снабдили их *они*, две бутылки из-под виски, которые теперь использовали для воды, карманную газовую зажигалку Эвери (для нее *они* даже предусмотрели запасные баллоны), пачку сигарет — теперь они оба курили очень редко, — санитарную сумку и обычное охотничье снаряжение — ножи и томагавки.

Том настаивал, чтобы они взяли с собой револьвер, но Эвери отказался. Он считал, что раз гарнизон Второго Лагеря уменьшился, необходимо, насколько это возможно, обезопасить его.

В первое утро они шли по знакомым местам. Эвери с туго скатанным спальным мешком за плечами быстро шагал впереди, стремясь поскорее попасть в неизвестные места. Барбара с трудом поспевала за ним. Большую часть пути они шли в молчании.

Уже через два часа они взмокли от пота. Становилось все жарче. Даже Эвери понял, что пытаться идти так и дальше слишком утомительно.

Они отошли от берега и нашли приятную полянку в тени деревьев. Барбара с облегчением повалилась на траву, а Эвери пошел за фруктами.

Они спали почти до заката. На этот раз порознь. Было слишком жарко, и к тому же оба слишком хорошо помнили, что произошло предыдущей ночью.

Вечером они перекусили остатками фруктов. Пока они ели, солнце, красное и огромное, плавно соскользнуло за кромку земли. В неподвижном и тяжелом воздухе повеяло прохладой, принесенной с моря. Они спустились к берегу, с наслаждением ополоснули усталые ноги и двинулись дальше.

Берег извивался, как змея. Временами песчаный пляж

кончался, и им приходилось пробираться сквозь небольшие прибрежные скалы. Дважды они переправлялись через ручьи. И все же идти было не слишком трудно; две луны висели в небе, как фонарики в День Всех Святых, и окутывали землю и море восхитительной серебристой пеленой.

Вскоре воздух стал необыкновенно чистым, а ясное небо было усеяно яркими звездами. Угрюмое настроение Эвери вдруг сменилось радостным восхищением, доходящим до восторга. Он никогда в жизни не видел столько звезд. Они были словно сияющие кристаллы на темной бархатной подкладке кармана Вселенной, словно светлячки в небесном лесу.

Восторг все глубже охватывал Эвери. Он забыл об усталости. Он осознавал только, что идет. И совершенно забыл о Барбаре.

Он вспомнил о ней только тогда, когда она сказала:

— Извини, Ричард, я больше не могу.

Эвери посмотрел на Барбару и удивился. Он удивился не тому, что она устала, а тому, что она действительно тут, рядом с ним. Они остановились на ровной полоске песчаного пляжа, который казался абсолютно прямым и, простираясь назад и вперед, пока не терялся в темноте.

При звуке голоса Барбары Эвери почувствовал себя лунатиком, которого вырвали из его тайного спасительного сна и толкнули в незнакомый мир действительности. Он смотрел на Барбару и почти не узнавал ее. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы заставить себя понять, что она сказала.

— Ладно, ничто не мешает нам заночевать прямо здесь, — с усилием сказал он.

Он сбросил спальный мешок и принялся раскатывать его.

Барбара начала раздеваться.

— Пойду искупаюсь. Может, это чуточку взбодрит меня.

Эвери ничего не ответил. Он сел на спальник и закурил. Он затянулся и в горле у него запершило. Эти сигареты пролежали уже слишком долго. Он отшвырнул ту, которую уже закурил.

Барбара, обнаженная, стояла у кромки воды, она с наслаждением вытянула руки вверх, упиваясь прикосновениями прохладного ветерка.

Эвери смотрел на нее. Она была вся серебряная. Серебряные волосы, серебряные плечи, руки, груди и

тело; стройные серебряные ноги. Только лицо, наполовину повернутое в сторону моря, скрывалось в тени.

Эвери подумал, что видит ее — по-настоящему видит ее — впервые. Это не Барбара, его товарищ по Второму Лагерю, не бывшая телеактриса, которая не привыкла обходиться без виски, и даже не то терпеливое существо, с которым он вяло пытался заниматься сексом. Он никогда не знал ее. Незнакомка, а может быть, колдунья... Или просто женщина... Просто женщина.

Какое-то мгновение он был словно в забытьи. Только мгновение, но, казалось, прошли часы. Он погружался в нечто, чего раньше не понимал. Он погружался в водоворот жизни — своей жизни. Картинки плясали вокруг него — и вокруг Барбары — как в сумасшедшем калейдоскопе. Осколки времени, когда он еще мог писать, осколки его жизни с Кристиной, осколки самой Кристины — все они кружились вокруг него, как рваные кусочки фотографии... Или как экспонаты разрушенного ураганом музея...

Только Барбара стояла неподвижно, живая колонна серебра — неподвижный центр загадочного вращающегося мира.

Эвери вдруг страстно захотелось писать. Он хотел написать незнакомку, колдунью, женщину. Он хотел написать ее в небывалых красках. Он хотел создать образы, которых никогда раньше не видел. Он хотел ухватить невообразимые очертания красоты во многих измерениях.

Но мгновение истекло. Она повернулась и побежала к морю.

— Барбара! — крикнул Эвери.

Но она то ли не слышала, то ли не хотела слышать. И это мгновение миновало.

Его покинули — испуганного, изумленного. Барбара уже плыла, серебряная женщина в серебряном океане.

Неужели это — и эта мысль испугала его — неужели это может быть на самом деле?

Но это было — реально, неправдоподобно реально. Реально до боли...

Это было реально. Ему захотелось отогнать наваждение.

Эвери хотел думать о Кристине — и не мог. Он хотел видеть ее, чувствовать ее близость, прислушиваться к замороженным временем словам. Он смотрел на звезды, но это были всего-навсего звезды. Он смотрел

на небо, но это было всего-навсего небо. Он смотрел на пляж, но это был всего-навсего песок. Этот призрак — его единственная защита от всех этих прекрасных, мучительных невзгод, что выпадают человеку в жизни, — этот милый печальный призрак не приходил.

Эвери посмотрел на море. Какое-то время он не видел ничего, кроме зыби на жидкой зеркальной поверхности. Он был один во Вселенной, ибо жизнь решила больше не ждать его. Вдруг Барбара нырнула, и брызги взметнулись вверх, словно умирающие звезды. И он понял, что больше не одинок.

Он хотел позвать ее, но не находил слов — нужных слов. Тогда он стал яростно срывать с себя одежду, он так смертельно боялся потерять это, что у него не было времени понять, что же он обрел.

Он подбежал к морю, вошел в него и поплыл к Барбаре. Но она, видимо, подумала, что это игра, снова нырнула и исчезла под зеркальной поверхностью. Вода доходила Эвери до пояса. Он стоял и растерянно оглядывался.

Барбара вынырнула позади него. Эвери повернулся и схватил ее за плечи. Его взгляд сказал ей все, прежде чем Эвери произнес хоть слово.

— Я люблю тебя! — громко и изумленно крикнул он. — Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Он чувствовал себя как слепой, который внезапно прозрел.

— Милый, — прошептала Барбара. — О милый. — Она с дикой силой прижалась к нему, словно хотела прогнать прежнюю боль.

Эвери поднял ее на руки и отнес на берег. Слова были не нужны. Они легли и слились в любовном объятии скорее с радостью обретения друг друга, нежели со страстью.

Затем они заговорили.

Барбара прошептала:

— Милый... милый... Люби меня, люби.

На этот раз страсть возобладала над радостью.

Впервые им хотелось, чтобы ночь не кончалась. Впервые они стремились разбить молотом любви невидимое стекло времени, разделявшее их. И наконец это пришло к ним — открытие, что эта стена времени разбита — что их любовь не кончится вместе с ночью, что она взойдет вместе с солнцем, сияющая при свете дня.

Впервые они поверили в это невероятное обещание бесконечного завтра.

Наконец, измученные упоительной мукой страсти, утомленные и даже сладостно разбитые силой своей любви, они все-таки забрались в спальный мешок — и тогда, окончательно разрушив два своих одиночества, соединили жизни на короткий остаток ночи.

ГЛАВА 20

Эвери и Барбара вернулись во Второй Лагерь на исходе третьего дня. Они вернулись с противоположной стороны — это доказывало предположение Эвери, что они живут на острове.

Но их путешествие принесло и другие, более важные, открытия, ибо они нашли друг друга. После долгих месяцев тесной близости, общих побед и неудач — и даже общей палатки — они настолько привыкли друг к другу, что эта привычка стала преградой между ними. Привычка и невидимое присутствие Кристины.

То, что случилось между ними, не означало, что память о Кристине умерла. Просто теперь она не принадлежала безраздельно одному лишь Эвери. Это был маленький замкнутый мир, который Эвери наконец захотел с кем-то разделить, — и теперь он принадлежал Барбаре так же, как и ему. Он принадлежал Барбаре, потому что она стремилась понять его. Этот мир прежде главенствовал в его жизни, он сделал Эвери таким, каков он есть, — и поэтому он стал теперь частью их общей жизни.

Им нужно было так многим поделиться, и они оба жаждали этого. Они хотели знать все о детстве друг друга, о работе, о стремлениях. Они оба хотели постичь сущность той жизни, которой жил другой до того, как чудесные кристаллы, сверкающие в приморожeнной траве, положили начало событиям, которые свели их вместе в этом мире.

Их любовь была как взрыв, души были в смятении, и, счастливые, они знали, что пройдет немало времени, прежде чем они смогут воспринимать это спокойно.

Однако эта тяга к взаимному узнаванию в глубине души беспокоила Эвери. Она увлекала их к неведомым

приключениям души, заставляя забывать о цели их путешествия.

Все утро они проспали. Проснувшись, когда солнце уже начало припекать, они почувствовали неодолимую потребность вновь слиться в объятиях — возможно, для того, чтобы удостовериться, что чудесные открытия ночи не кончились вместе с ней.

Теперь они любили друг друга иначе. Физическое влечение было уже не так сильно. Они любили друг друга внимательно и нежно. Они болтали и смеялись. И только в высшей точке наслаждения, когда они оба, казалось, погрузились в теплую мерцающую темноту, они умолкли. Но вскоре снова принялись резвиться и хохотать.

— Милая, по-моему, нам следует приостановиться, — задыхаясь, сказал Эвери. — Иначе нам придется ползти в Лагерь, поджав хвосты.

— Зажав твой у меня между ног, — весело ответила Барбара.. — Не хочу останавливаться. Мне никто не говорил, что это может быть так хорошо... Правда, может, никто и не знает.

Однако усилием воли им все же удалось оторваться друг от друга. Эвери нашел немного фруктов, и они позавтракали. Несмотря на фрукты, им страшно хотелось пить, но воду удалось найти лишь через две мили.

Они шли по берегу, пока не перевалило за полдень. Они остановились и еще раз перекусили. Полуденная жара послужила оправданием сиесты, а сиеста — оправданием любовных шалостей.

Они купались в любовном поту. Их пот смешивался. Они задыхались от любви, и смешанный запах их тел окутывал их, принося неведомое доныне утонченное наслаждение.

Солнце уже коснулось горизонта, когда они спустились к морю и долго лежали на мелководье, держась за руки. И уже в сумерках они двинулись дальше.

Следы золотых людей им не попадались, животные тоже встречались очень редко, и ни одного опасного. Барбара предположила, что, может быть, это какое-то милостивое божество заботится об их благополучии, как бы в виде компенсации за перенесенные страдания. Казалось, что они одни в целом мире, созданном для того, чтобы мужчина и женщина могли узнать друг друга.

Так они шли не спеша вдоль берега, и Эвери охватило

смутное беспокойство. В этой экспедиции ему хотелось исследовать неизвестные области, а он вместо этого бездумно наслаждается жизнью.

— А по-моему, мы и так исследуем неизвестные области, — язвительно сказала Барбара. — Мы уже перепробовали все мыслимые позиции.

— Милая, ты просто помешана на сексе. Ты же прекрасно знаешь, о чем я... Нам нужно идти три мили по берегу, потом милю в глубь острова, потом опять три мили по берегу и так далее... А если так будет продолжаться, я думаю, мы далеко не уйдем.

— Если так будет продолжаться, — ответила Барбара, — на остальное мне будет наплевать.

Однако их беззаботность чуть не привела к беде.

Они лениво брели по берегу уже около четырех часов, пока не дошли до небольшого округлого мыса. Бездумно любуясь посеребренным лунным светом морем, они заметили лагерь золотых людей только, когда были уже в пятидесяти ярдах от него. Если бы их внимание не привлек свет костра, они могли бы пройти мимо или забрести прямо в лагерь.

Эвери увидел костер чуть раньше Барбары. Ему не пришлось ей ничего объяснять. Полупригнувшись, они отошли назад и спрятались за ближайшим утесом. Вокруг торчали валуны и обломки скал. Утес оказался невысоким, и Эвери решил, что забраться на него будет нетрудно.

— Если мы заберемся наверх, — прошептал он, — мы сможем увидеть, что делается в лагере.

Барбара вздрогнула:

— А вдруг наверху кто-нибудь есть?

— Конечно, это риск, но небольшой, — ответил Эвери. — Во всяком случае, в такое время. Вряд ли они станут выставлять стражу так далеко от лагеря.

Вскарабкаться на утес действительно оказалось нетрудно — склон его был довольно пологим. С вершины открывался отличный вид на лагерь.

Золотые люди построили свой лагерь на скале. Они расчистили небольшую часть леса, а из поваленных деревьев соорудили две довольно большие восьмиугольные хижины, с окнами и крылечками. Возле каждой хижины находилась полусфера с гладкой поверхностью, сияющей в лунном свете. Эвери подумал, что эти полусферы сделаны из какого-то непрозрачного пластика. Похоже, что их используют как кладовые, хранилища

или что-то в этом духе. Стандартное снаряжение — возможно, соответствующее их чемоданам.

Хижины стояли на расстоянии десяти ярдов друг от друга. Посередине лагеря горел костер. Весь лагерь был окружен рвом шириной примерно два ярда, заполненным проточной водой. Эвери заметил, что вода вытекала по узенькому каналу из леса и потом по такому же каналу стекала к берегу моря. Со стороны моря у рва лежало что-то вроде съемного мостика. Скорее всего, его утром перекидывали через ров, а на ночь убирали.

Из своего укрытия они могли видеть только одного из обитателей лагеря — мужчину. Он сидел около костра и что-то мастерил из дерева. Однако по тому, что хижин было две, и по другим причинам Эвери решил, что их должно быть четверо. Черт возьми, так должно быть! *Они* — эти непостижимые *они* — ставили какой-то эксперимент, для которого были нужны две одинаковые группы.

Эвери восхищался золотыми людьми — и вместе с тем остро ощущал собственную неполноценность. Предположим — как вполне приемлемую гипотезу, — что обе группы высажены на планету одновременно; предположим также, что эти люди тоже не были знакомы друг с другом, что они также обычные представители своей расы, — как много они сумели достичь! Наверняка им это далось нелегко. Они построили постоянную базу, которую в случае надобности можно расширить. Они были строители-первопроходцы — не то что ленивые, беспомощные жители городов...

Правда, возможно, они все-таки туземцы. Однако чем больше Эвери об этом думал, тем менее вероятным ему это казалось. Нет, они не туземцы. Но и не морские свинки! Они уже изменили русло ручья, построили себе жилище. Это не морские свинки!

Эвери втайне надеялся, что эксперимент, который проводят *они*, имеет какой-то иной замысел. Теперь он понял, что его надежда была тщетной.

Он хотел еще некоторое время понаблюдать за лагерем, но Барбара почему-то забеспокоилась.

— Пожалуйста, милый, давай уйдем отсюда, — прошептала она. — Чем дальше, тем меньше мне это нравится. Один их вид вгоняет меня в дрожь.

Эвери сжал ее руку и кивнул.

— Чем выше заберешься, тем больнее падать, —

ободряюще прошептал он, но голос его звучал неуверенно.

Они спустились с утеса. Эвери решил двинуться в глубь острова и обогнуть лагерь лесом. Но в это время одна из лун скрылась за облаками, и они решили воспользоваться наступившей темнотой, чтобы тихонько проползти мимо лагеря, держась по возможности ближе к морю.

Но облака, видно, не желали помочь им, и луна появилась вновь, когда Эвери и Барбара были как раз напротив часового. Он находился от них не более чем в сорока ярдах, и если бы он посмотрел в их сторону, то непременно заметил бы. Эвери сжал свой томагавк, но человек у костра, казалось, был всецело поглощен своим занятием. И в самом деле, стоит ли быть все время настороже, если лагерь окружен шестифутовым рвом!

Благополучно миновав лагерь, Эвери и Барбара еще два часа быстрым шагом шли вдоль берега. До рассвета они хотели уйти как можно дальше от лагеря золотых людей.

Наконец они устали настолько, что не могли больше идти, и расстелили свои спальные мешки прямо на песке. Они до того устали, что даже не могли заниматься любовью, и быстро заснули. До рассвета оставалось недолго.

Утром, несмотря на усталость, их снова потянуло друг к другу. Они — странно, но это было никак не связано с физическим влечением, — нуждались друг в друге. Их любовь была бурной, быстрой и чистой. Потом они выкупались в море. Завтрак рос прямо на деревьях, у которых они остановились.

— Боюсь, мы должны что-то решить, — нехотя сказал Эвери.

— Что решить, милый? — Барбара говорила «милый» при каждом удобном случае. Было так приятно произносить это слово. Так прекрасно.

— Или мы играем по правилам — и возвращаемся назад, — я обещал Тому вернуться через четыре дня, — или, как последние эгоисты, будем пользоваться случаем...

Барбара вздохнула. Ее не очень интересовала экспедиция. Но если это важно для Эвери, то важно и для нее...

— На самом деле, — наконец сказала она, — мы отсутствуем всего полтора дня. Если ты так настаиваешь, мы можем наверстать упущенное — но тогда нам нужно идти почти целый день, сколько хватит сил. — Она вздохнула. — Только в этом случае, я думаю, для любви времени не останется.

— Но когда мы вернемся, у нас будет для любви целая жизнь.

— И этого не хватит, — улыбнулась она.

Они — вернее, Эвери — решили рискнуть и идти вперед. Вряд ли им удастся второй раз проскочить незамеченными мимо лагеря золотых людей; а за потерянный день им придется расплатиться лишь болью в усталых ногах.

Но, как оказалось, расплачиваться не пришлось. Ранним вечером они достигли места, которое почему-то показалось Эвери знакомым. Здесь не было каких-то особых примет — берег как берег, — но Эвери чувствовал, что с этим местом у него связаны какие-то смутные ассоциации. Некоторое время он не мог понять, в чем дело, и вдруг все вспомнил.

— Вот здесь я видел металлическую сферу, — сказал он Барбаре. — А через несколько миль — скалистая заводь, где я нашел следы... Господи, кажется, это было так давно!..

Эвери со счастливой улыбкой взглянул на Барбару.

— Отсюда до Второго Лагеря два часа ходьбы, милая... Значит, это остров.

— Ты уверен, что это то самое место? — с сомнением спросила она. — Как ты узнал?

— Не знаю, но я узнал его. Не беспокойся, я не страдаю галлюцинациями.

Барбара просияла:

— Раз мы так близко, нам не надо спешить. Раз уж мы вернулись на день раньше, мы можем устроить себе роскошный отдых. Мы даже можем...

— Ничего мы не можем, — он прекрасно понимал, что она имеет в виду. — Том и Мэри беспокоятся о нас. Мы должны вернуться сегодня вечером.

Барбара не стала возражать:

— Зато теперь, когда мы знаем, что все в порядке, мы можем потом устроить себе настоящие каникулы — без рекордных переходов.

Эвери рассмеялся:

— Хоть на дюжину лет — если тебе так хочется — и совершенно бесплатно.

— Но это будет самое дорогое, — сказала она. — Наш медовый месяц еще не кончился. Давай продолжим его.

И они продолжили — пока не наступил вечер. Потом они еще раз искупались и наконец направились к лагерю, чувствуя себя двумя заговорщиками. Когда они проходили мимо заводи, Эвери вспомнил о земле, которая привиделась ему на горизонте. Он внимательно вгляделся в морскую даль, но горизонт был абсолютно чист. Должно быть, это была просто гряда низких облаков. Сейчас это не казалось ему важным. Гораздо важнее была рука Барбары, обнимавшая его.

Едва взглянув на их лица, Том и Мэри все поняли. Мэри увидела их издалека, и теперь они все четверо встретились на берегу. Они прыгали от радости, размахивая руками, словно не виделись долгие месяцы.

— Ну, — торжественно сказал Том, — вы оба выглядите совершенно замученными. Я вижу, нам придется за вами ухаживать, чтобы вернуть здоровье.

— Не здоровье, а силы, — отпарировал Эвери... — Кстати, мы нашли стоянку золотых людей. К тому же мы находимся на острове, Том, на маленьком острове. Черт его знает, как нам до сих пор удавалось избежать встреч с нашими соседями. Ничего не понимаю.

— У нас тоже есть новости, — сказал Том. — Мэри беременна. Сначала она сомневалась, но уже сейчас появились классические симптомы. — Он улыбнулся. — И это продолжается с раннего утра и до завтрака — так что всю работу пришлось делать мне.

— Чудесно, — сказал Эвери и поцеловал Мэри. — Надеюсь только, что тебе не захочется вдруг маринованного лука или чего-нибудь в этом роде. Ближайший магазин довольно далеко.

Барбара лукаво улыбнулась:

— И если я скоро не присоединюсь к тебе в нашей клинике, Мэри, знай, теория вероятности — форменная чушь.

Том вдруг посерьезнел:

— Будь я проклят, если знаю, как мы справимся без доктора, акушерки и всего такого.

Но Мэри выглядела совершенно спокойной.

— Не волнуйтесь. Как, вы думаете, рожали женщины предыдущий миллион лет?

Когда они вернулись в лагерь, Эвери сказал:

— Ведь мы так и не выпили шампанское, верно? Я знал, что рано или поздно нам представится для этого подходящий случай.

— Я постараюсь охладить его хотя бы до температуры моря, — отозвался Том.

ГЛАВА 21

Для всех, кроме Мэри, которую тошнило теперь утром, днем и вечером, следующие несколько дней оказались самым безмятежным временем с тех пор, как они здесь поселились.

Первым делом Эвери попытался нарисовать карту острова — пожалуй, «карта» было слишком громко сказано, это была скорее схема, основанная на неточных воспоминаниях и грубых измерениях. Однако протяженность Большого Путешествия была вычислена из времени, в течение которого они шли. Так что ошибка была не более нескольких миль.

Таким образом Эвери определил очертания острова. Он думал, хотя не был вполне уверен в этом, что очертания острова напоминают бутылку из-под кьянти. В первый день пребывания на острове ему показалось, что береговая линия, если не считать мелких деталей, медленно загибается в одном направлении. Теперь же выяснилось, что она идет почти прямо, резко поворачивая у горлышка «бутылки». По берегу до лагеря золотых людей оказалось около двадцати миль. Но если его предположения о форме острова верны, оба лагеря находятся почти напротив друг друга — в самом широком месте. По прямой расстояние между ними не превышало восьми-десяти миль.

— Теперь мы по крайней мере знаем, где они живут, — сказал Том. — И я уже не так уверен в нашей безопасности. Что-то подсказывает мне, что неприятностей нам не избежать.

— Возможно, — сказал Эвери. — Однако мы так давно живем довольно мирной жизнью — кроме случая с Первым Лагерем. Может быть, у них тоже достаточно здравого смысла, чтобы не испытывать судьбу. Если бы

мы обнаружили их раньше и тоже напали на их лагерь, холодная война очень быстро превратилась бы в горячую.

— И все-таки, мне кажется, надо понаблюдать за их стоянкой, — заметил Том. — Они ничего не заподозрят, а мы, может, узнаем что-нибудь полезное.

Эвери покачал головой:

— Слишком рискованно. Нам с Барбарой повезло. А в следующий раз может не повезти. Как-нибудь потом мы попытаемся установить с ними дружеский контакт; но тут нужно действовать осторожно — очень осторожно.

Поэтому они и решили отложить это до лучших времен. И тем не менее, задетые тем, что золотые люди их опередили, Том и Эвери стали всерьез подумывать о строительстве постоянного жилья. По зрелом размышлении стало ясно, что беременность Мэри потребует немалых хлопот. Конечно, родить можно и в палатке, но им это представлялось совершенно диким. Кроме того, исходя из предположения — которое, по мере того как шло время, перерастало в уверенность, — что *они* вовсе не собираются предоставить им обратные билеты на Землю, становилось ясно, что Второй Лагерь не слишком удобное жилье на долгое время. Им понадобится более просторное поселение; и, как сказал Том — лишь наполовину в шутку, — если они собираются основать племя, им прежде всего следует застолбить приличный участок земли.

Становилось все жарче и жарче. Особенно страдала от этого Мэри. Жара и тошнота высасывали из нее все силы, и она становилась очень слабой и вялой. К счастью, дней через десять после возвращения Эвери и Барбары начался дождь — хоть и не ливень, а маленький муссон. Он лил беспрерывно чуть больше недели, и воздух стал прохладным и свежим. Не считая необходимых вылазок за пищей и водой, они почти все время проводили в палатках — читали, слушали музыку, занимались любовью.

Барбара страшно радовалась муссону, потому что это означало возможность больше времени проводить вместе с Эвери — ведь она так много хотела узнать о нем, так много рассказать о себе. И все же муссон имел один существенный недостаток — они не могли ничего приготовить на костре. И хотя они ели самые разнообразные фрукты, через некоторое время они начали тосковать по мясу и рыбе.

И вот однажды на рассвете дождь неожиданно кон-

чился. Они вышли из палаток и изумленно смотрели на сияющий сквозь белесоватую дымку мир...

Эвери начал писать. Он писал как одержимый или как человек, который спешил наверстать напрасно потраченные годы.

Краски и холсты лежали в его чемодане долгие месяцы — забытые и отвергнутые. Но теперь он был глубоко благодарен им за то, что они существуют. Он был глубоко благодарен тем, кто дал ему их. И еще он просто благодарил судьбу за то, что живет.

Страсть к живописи снова овладела Эвери, он думал только о ней и еще о Барбаре. Охоту, рыбалку, собирание фруктов, поиски места для нового лагеря и даже купание он ощущал как досадную помеху живописи. Это раздражало его. Форма, рисунок, композиция — только это казалось ему действительно важным. Он начал смотреть на этот чужой мир новыми глазами.

Эвери смотрел на него, словно увидел впервые. Какому художнику выпадала такая невероятная удача? Работая, Эвери чувствовал себя совершенно счастливым.

Он писал все подряд. Он писал лес и море. Он написал Второй Лагерь и натюрморт с фруктами, кроличьими шкурками и томагавками. Он написал Тома и Мэри, купающихся в море, Барбару. Он писал даже крабов из скалистой заводи.

Как-то раз Том, который относился к увлечению Эвери с некоторым беспокойством, собрался идти на охоту и за фруктами. Когда Мэри чувствовала себя хорошо, он брал ее с собой; иногда уходил вместе с Барбарой — когда ему удавалось оторвать ее от беспрерывного восхищения величайшим со времен Леонардо художником.

Этот день положил конец их безмятежной жизни.

Эвери начал писать портрет Мэри — он думал, что это будет подарок ко дню рождения ее сына... Или дочери... Теперь Мэри чувствовала себя лучше, но утро по-прежнему оставалось для нее самым тяжелым временем. Она была вялой, любые усилия утомляли ее. Тем не менее утро было единственным удобным временем для позирования. Она считала, что должна работать, и точка зрения Эвери, что позирование это тоже труд, помогала ей преодолеть чувство вины оттого, что Барбаре приходится делать всю домашнюю работу.

В это утро Эвери и Мэри были в лагере одни. Запасы мяса и фруктов подошли к концу. Том и Барбара

решили пополнить их. Револьвер они с собой не взяли, так как было принято оставлять его в лагере для обороны.

Время шло — правда, Эвери этого не замечал, — и Мэри устала. Они решили ненадолго прерваться. Эвери пошел купаться, а Мэри лежала на песке и смотрела на него. Вскоре он подошел к ней.

— Как насчет еще одного сеанса? Или ты устала?

Она кивнула:

— Спасибо, все в порядке. Только недолго, Том и Барбара скоро вернутся.

— Чепуха! Они ушли не больше часа назад.

Мэри рассмеялась:

— Том прав. Эта мания явно отрицательно действует на твои способности. Их нет уже больше трех часов.

Эвери ничего не ответил. Он был уже поглощен своей картиной. Только что он уловил у Мэри какое-то особенное выражение глаз, которое раньше упустил.

Вскоре он заметил, что она ерзает.

— Сиди спокойно, дорогая, а то твоя левая грудь получится похожей на дыню.

— Извини... Спина немного устала.

Он забеспокоился:

— Черт, что же ты сразу не сказала!.. Я сам виноват, это все моя проклятая мания. Том убьет меня, если увидит, как я тебя утомил. Давай я разотру тебе спину.

Она покачала головой:

— Я хочу, чтобы они поскорее вернулись. Прошло так много времени. Может, что-нибудь случилось?

— Да нет, что ты, — уверенно ответил Эвери. — Том ничего не упустит, да и Барбара тоже.

Мэри вытянулась на песке.

— Это я знаю.

Эвери сделал на портрете еще несколько мазков. Вдруг он сказал:

— Я тут думал, как назвать наш остров. Должен же он как-то называться. Как тебе нравится «Эльдорадо»?

Мэри улыбнулась:

— Вряд ли здесь есть настоящее золото — разве что золотые сферы и золотые люди.

Эвери отложил кисти и критически посмотрел на портрет. Потом повернулся к Мэри:

— Прости за избитое выражение, дорогая, но не все золото, что блестит... Да, я все меньше и меньше возмущаюсь *ими* — потому что ты и Том, я и Барбара нашли здесь нечто, что может быть и не золото, но,

черт возьми, ничуть не хуже... Я никогда не был так счастлив... Да, «Эльдорадо» — это подходящее имя. Когда наши вернутся, обсудим.

Мэри села и с тревогой оглядывала пустынный берег и зеленую стену леса.

— Хоть бы они скорее вернулись. Мне страшно. Я чувствую, должно что-то случиться.

— Чепуха, — начал Эвери. — Это все твое состояние.

Он остановился. Слова замерли у него на губах.

Ярдах в сорока от них из леса появился человек. Это был Том. Он шел пошатываясь, неуверенно переставляя ноги — словно пьяный, который старается найти дорогу домой. Когда он подошел ближе, Эвери увидел на его рваной коричневой рубашке красные пятна.

Мэри дико вскрикнула и вскочила на ноги. Эвери побежал к Тому.

Том беспомощно моргал.

— Прости, старина, — едва слышно пробормотал он. — Ничего хорошего... Эти ублюдки схватили Барбару. Я...

Внезапно он упал. Из его спины — у самого плеча — торчал обломанный конец дротика.

ГЛАВА 22

Кое-как, вдвоем, они подняли Тома по лестнице и втащили в палатку. Эвери осторожно уложил его на кровать лицом вниз.

Лицо Мэри побледнело, она вся дрожала. Но когда она заговорила, голос ее, ценой невероятных усилий, звучал почти спокойно:

— Ты можешь вытащить его, Ричард?

— Да, — ответил он с наигранной уверенностью. — Я вытащу... А ты сходи за водой... И вот что, Мэри, — не спеши. Поняла?

Она кивнула и вышла из палатки.

Сквозь всю его жалость и дружбу к Тому пробивалось нечто более эгоистичное, касающееся его лично. «Барбара, Барбара, — думал он. — Будь жива. О, любовь моя, будь жива...»

— Том, ты слышишь меня?

Эвери удивился, как грубо звучит его голос. Он хотел

знать. Он должен знать. Его охватило безумное желание схватить Тома и вытрясти из него правду.

— Том! Ради Бога, очнись!

Том не ответил. Он был без сознания. А когда он придет в себя, будет уже поздно.

«Боже! Не дай ему умереть, — взмолился Эвери. — Я должен знать. Должен!»

И вдруг паника прекратилась, и на Эвери снизошло холодное спокойствие. Пот ручьями тек по его лицу и попадал в рот. Он был холодный и горький. Эвери смотрел на Тома — восемнадцатидюймовый обломок дротика торчал из его спины. И сквозь уже высохшую и покоробившуюся ткань рубахи было ясно видно, как из раны толчками струится кровь, — он смотрел на Тома, и ему вдруг стало стыдно.

— Прости, старина, — виновато пробормотал он. — Тебя я залатать не могу, слышишь?

Он осмотрел конец дротика, по привычке бормоча про себя:

— Во-первых, это нужно вытащить. Во-вторых, есть только один чертов способ это сделать... Не держи на меня зла, Том. Что бы ни случилось, не держи на меня зла. Я всего лишь невежественный дурак, но я постараюсь сделать все как можно лучше.

Он осторожно и сильно потянул дротик. Ничего не произошло. Должно быть, он застрял в костях или в мускулах — а может, и то и другое.

Тогда он дернул посильнее. И тут тело Тома поднялось над кроватью на дюйм или два и плюхнулось обратно, издав какой-то неясный звук, то ли стон, то ли хрип.

«Боже милосердный, — подумал Эвери, — что же я делаю? Как бы то ни было, надо сделать это побыстрее. Мэри не может вечно сидеть там и мучиться».

Решение было очевидно и неизбежно; как ни ужасно, но сейчас надо относиться к Тому как к куску мяса. Раздумывать было некогда.

Он уперся ногой в поясницу Тома, ухватил конец дротика обеими руками, потянул что есть силы.

Дротик вышел из раны. И вместе с ним из груди Тома вырвался тонкий пронзительный животный крик, который вдруг резко оборвался, — к счастью, Том снова потерял сознание. Эвери боялся, что хлынет кровь, если он по неосторожности задел вену или артерию, — но ничего не случилось. Кровь текла с тела тонкой струйкой. Дротик выпал из дрожащих пальцев Эвери.

Вернулась Мэри с водой и бинтами. Ее появление взбодрило Эвери. Он разорвал на Томе рубашку и освободил рану. Затем начал смывать кровь, которая текла все медленнее.

— Ричард, как ты? — нежно и озабоченно спросила Мэри.

Голос ее звучал так, словно она говорила с ребенком, который еле сдерживается, чтобы не расплакаться.

Эвери принял ее игру.

— Ничего, нормально. — Он улыбнулся Мэри. — По-моему, ничего жизненно важного не задето. Он крепкий парень, твой Том. Однако вряд ли он будет кувыркаться через несколько дней.

Мэри, казалось, немного успокоилась.

— Я не знаю, чем помочь. Я чувствую... — голос ее осекся.

— Надо как-то остановить это проклятое кровотечение, — сказал Эвери. — Я попробую вставить в рану тампон, а потом как можно туже перевязать... Или ты можешь предложить что-нибудь получше?

Она покачала головой.

Они промыли рану и прикрыли ее ватой. Затем, пока Мэри придерживала вату, Эвери немного приподнял Тома и придал ему полусидячее положение.

Пока Мэри обрезала остатки рубашки, вата насквозь пропиталась кровью. Они положили новый тампон, еще больше, и снова зажали рану. Эвери наложил тугую повязку, пропуская бинт под мышками, через грудь и спину. Первая повязка состояла из шести слоев. На них сверху наложили еще четыре.

Когда Эвери пытался закрепить последний слой, Том неожиданно пришел в сознание.

— Спину жжет, — прошептал он. — Что у меня со спиной? Черт!.. — Он широко открыл глаза и попытался оттолкнуть руку Эвери. — Ричард, что ты?..

— Все в порядке, Том. Не беспокойся. Операцию провели по всем правилам, но пациент остался жив.

— Милый, — сказала Мэри. — Как ты себя чувствуешь?

К их удивлению, Том издал звук, который можно было принять за смех — правда, с трудом.

— Как я себя чувствую? Отличный вопрос! Дайте мне виски... О Господи! Они схватили Барбару.

Казалось, одно воспоминание об этом лишило его сил.

— Ты уже говорил это, — сказал Эвери, стараясь не выдать своего волнения. — Ради Бога, Том, что дальше?

Мэри достала бутылку виски и поднесла ее к губам Тома. Она держала ее так очень долго. Том захлебывался и кашлял, и виски текло по его груди. Кашель, видимо, причинял ему сильную боль.

Том усилием воли пытался сдержать боль и кашель.

— Мы, должно быть, подошли слишком близко к их проклятому лагерю... Нет, сказать по правде, мне хотелось на него взглянуть... Но мы не знали, что он так близко. Мы шли вдоль ручья. Барбара думала, что это тот самый, который они используют... А дальше мы почти наткнулись на одного из этих парней. У него были дротики, у нас — томагавки... Пару секунд мы стояли и смотрели друг на друга. Потом он начал перебирать дротики, и я крикнул Барбаре, чтобы она спасалась... Первый дротик нас не задел... Я остановился, чтобы бросить томагавк... и отстал. Барбара, наверное, услышала, что я остановился, повернулась и побежала ко мне. И тут я упал.

Он долгим взглядом посмотрел на бутылку, и Мэри дала ему отхлебнуть еще. Том старался сдержать кашель.

— Когда я пришел в себя, никого не было. Только томагавк Барбары валялся на траве.

Том нерешительно замолчал, избегая взгляда Эвери.

— Похоже, они боролись.

Он снова заколебался.

— Но там была только моя кровь... Ранили только меня... Только меня... Я подумал... Я подумал, что мне лучше умереть, но...

Он остановился и вдруг заплакал.

— Не знаю даже, как я дошел сюда, — пробормотал он. — Я только знал, что должен... Скажи что-нибудь, Ричард, ради всего святого, скажи что-нибудь... Ты должен воткнуть этот проклятый дротик мне в глотку!

Этот разговор, стыд, горе совсем истощили силы Тома. Он был еще в сознании, но голова его упала на грудь. Слезы текли по его лицу, капали с подбородка и смешивались с кровью и виски. Рыдания причиняли ему боль, но он не мог остановиться. Эвери осторожно уложил его на кровать.

— Ты не виноват, Том, — с трудом сказал он. — Рано или поздно это должно было случиться. Мне кажется, что такие, как они, думают и чувствуют совсем

не так, как мы... И что бы ни случилось, я думаю, мы доведем это дело до конца.

Но Том его не слышал. Боль, волнение, слезы милосердно толкнули его во тьму небытия.

Мэри взяла руку Эвери и пожала ее. Рука была холодная и влажная.

— Что делать? — с отчаянием спросила она. — О Господи, Ричард, что делать?

Эвери, казалось, очнулся от сна.

— Я пойду искать Барбару, если она...

Он не договорил.

ГЛАВА 23

Эвери поудобнее устроился на толстой ветке высокого дерева, чуть выше того места, где ствол разделяется надвое. Он сидел неподвижно и настороженно. Прошло уже около получаса. Дерево находилось в пятидесяти ярдах от лагеря золотых людей, и Эвери мог наблюдать за ними сквозь треугольный просвет в листве. Скоро сядет солнце. И настанет время действовать.

Эвери был не из тех людей, которых привлекает насилие или война. Обычно он думал об этом со страхом. Но теперь его внезапная ненависть к этим людям, которые так грубо разрушили его маленький счастливый мир, была сильнее страха, она была так сильна, что превратилась в жажду мщения.

День, начавшийся так счастливо, обернулся страшным кошмаром. Нервный шок подействовал на Эвери как стимулятор. Позже, несомненно, наступит реакция, но сейчас он действовал как машина, чья сила и ум подчинены единой цели.

Эвери ничего не ел с самого утра, но он не чувствовал ни голода, ни усталости. Страх и ненависть питали его.

Властное желание найти Барбару не отразилось на его логике, которая управляла им как автоматом. Прежде чем покинуть лагерь, он позаботился о том, чтобы по возможности удобно устроить Тома. Он сходил к ручью за водой, — он понимал, что Мэри понадобится для раненого много воды, — принес фруктов. Это, по крайней мере, давало Мэри возможность не отлучаться и не оставлять Тома без присмотра. Когда Эвери убедился,

что сделал все, что нужно, он вооружился двумя ножами и двумя томагавками и покинул лагерь. Было бы неплохо взять с собой револьвер, но он оставил его Мэри на случай нападения.

Идти пришлось гораздо дольше, чем он думал, — около четырех часов. Сначала он старался идти по следам Тома, но это оказалось безнадежным делом. Он был никудышным следопытом, поэтому вскоре от этой идеи пришлось отказаться. Было бы быстрее идти к лагерю золотых людей по прямой, в надежде натолкнуться на ручей, из которого они брали воду. Наконец он вышел к ручью, ему показалось, что это и есть тот самый ручей, но, когда он около двух часов шел вдоль него, оказалось, что ручей впадает в море на пустынном участке берега. К счастью, он узнал это место. Там возвышалась причудливой формы скала, которая привлекла его внимание, когда они с Барбарой обходили остров.

Теперь Эвери знал, где находится. Отсюда до лагеря золотых людей оставалось около шести миль. Он снова повернул в глубь острова, а затем пошел лесом, стараясь идти параллельно берегу. Вскоре он наткнулся на нужный ручей и дальше стал продвигаться медленно и осторожно, чтобы его не застали врасплох.

Обнаружив лагерь, Эвери стал искать место, откуда можно было бы за ним наблюдать. Сначала он подумал о скале, с которой они с Барбарой смотрели на лагерь, но скала оказалась слишком открытой. Наконец он решил забраться на дерево.

Наблюдение доставило множество важных данных для компьютера, который безостановочно работал в его мозгу. Ибо он увидел Барбару.

По-видимому, она была невредима. Это, по крайней мере, успокаивало. Но она была в таком состоянии, что ему сразу захотелось ринуться в бой, метнуть томагавк, освободить ее одной лишь силой и решимостью. Решимости у него хватало — а вот силы? Соотношение сил было четыре к одному — или, считая Барбару, — четыре к двум. Четверо золотых людей против двух человеческих существ. Компьютер тотчас выдал логический ответ. Надо ждать. Надо дождаться темноты. Силой здесь не обойтись, нужна другая стратегия.

Некоторое время Эвери смотрел на Барбару, и бессильный гнев клокотал в его душе. Они сорвали с нее одежду. Они обвязали ее ноги веревками, к которым

были привязаны большие тяжелые камни. Она могла ходить, но должна была таскать за собой эти камни. Конечно, так ей далеко не уйти.

Они потешались над ней. Она была их новой игрушкой. Иногда они даже чем-то угощали ее и, очевидно, хотели сделать ее чем-то вроде служанки или любимой собачонки. Один из мужчин, между прочим, схватил ее и стал грубо заигрывать с ней. Сначала она пыталась бороться, но он показал ей, что сопротивление бесполезно, — ударил ее по голове, и она упала на колени, почти потеряв сознание. Барбара старалась безразлично переносить эти приставания. Но это только сердило хозяев — им хотелось видеть ее негодование и сопротивление.

Пока один мужчина держал ее, другой краской нарисовал на ее грудях и животе какие-то знаки, напоминавшие греческую «омегу». По-видимому, тут было нечто, что казалось мужчинам очень забавным; однако обе женщины смотрели на это с явным неудовольствием. Одна из них попыталась остановить мужчину, но он грубо оттолкнул ее.

Когда пришло время ужина, золотые люди сели за стол, а Барбара осталась скорчившись сидеть на земле. Одна из женщин дала ей чашу и миску с какой-то пищей. Но мужчины заметили это, и миска тут же полетела в сторону. Время от времени они кидали Барбаре объедки. Затем, заметив, что она ничего не ест, один из мужчин швырнул в нее тяжелой обглоданной костью. Удар опрокинул Барбару на землю. Остальные взрывом хохота приветствовали эту выходку.

Эвери старался не думать о том, что чувствует Барбара. Он пытался сосредоточиться на том, чтобы выработать эффективный план... План! Он уже придумал и отбросил не меньше двадцати разных планов.

В одном он был уверен — он должен постараться поставить их в максимально невыгодное положение. Значит, нужно дождаться, когда они улягутся спать. Эвери надеялся, что у костра останется только один часовой. Если учесть неожиданность нападения — он чувствовал, что с одним он справится, а вот с двумя — особенно, если эти двое мужчины — вряд ли.

Солнце опускалось все ниже, и золотые люди подбросили в костер побольше дров. И именно пламя костра натолкнуло Эвери на удачную мысль. Если, когда все разойдутся спать, ему удастся перебраться через ров

и поджечь двери хижин, это поможет ему хотя бы временно задержать тех, кто внутри...

Если хорошо загорится... Но сначала надо проникнуть в лагерь и разобраться со стражей.

Его план еще не совсем сформировался, но он уже слез с дерева, отошел на сотню ярдов и, пока совсем не стемнело, начал собирать сухую траву и хворост. Пока он работал, ему окончательно стало ясно, как нужно действовать.

Перебраться через ров было нетрудно. Его ширина нигде не превышала трех ярдов. Эвери не сомневался, что сможет прыгнуть на три ярда, если хорошенько разбежится. Но вот сумеет ли он перепрыгнуть с вязанкой хвороста и двумя томагавками — это еще вопрос. Но он не очень сомневался в этом. Гнев, который он ощущал, не допускал сомнений.

Итак, если у костра останется один часовой, перепрыгнуть через ров, ударить часового томагавком, сунуть хворост в костер, свалить его на пороге одной из хижин, самому броситься к другой хижине и оглушить того, кто появится оттуда. И только после этого можно будет заняться Барбарой...

Отличный план, цинично подумал он. Он заранее требует стопроцентного везения и полной беспомощности золотых людей. Но компьютер в его мозгу отвергал этот цинизм. Он говорил ему, что этот план достаточно хорош. А вот если Эвери будет пытаться его усовершенствовать, то тогда, скорей всего, ничего не выйдет.

Эвери собрал траву и хворост и тщательно перебрал их, чтобы убедиться, что они действительно сухие. Потом он спустился к ручью и намазал грязью лицо и тело... Известный прием коммандос — как в лучших боевиках. Эвери мрачно усмехнулся. Усмехнулся при мысли, что экс-учитель Ричард Эвери берется с охапкой соломы и двумя самодельными томагавками победить четырех суперменов. А затем, как водится, спасает прекрасную девушку.

Год назад, всего лишь год назад, такое не привиделось бы ему в самом диком сне, а сейчас он оказался в ситуации более ужасной, чем самый страшный сон. Это был воплощенный сон — в трех измерениях, с натуральным цветом и стереофоническим звуком.

Он закончил свою маскировку, взял вязанку хвороста и травы и осторожно двинулся к вражескому лагерю. Он не стал забираться на дерево. Теперь это было уже

ни к чему. Под покровом темноты Эвери пошел вдоль рва на расстоянии примерно двадцати ярдов в поисках удобного для переправы места. Найдя то, что нужно, он отошел подальше в лес, проверил, хорошо ли закреплены на поясе томагавк и ножи, и стал ждать.

Эвери сидел на земле, скрестив ноги по-турецки. Под левой рукой у него лежала вязанка травы, а правой он сжимал томагавк. Он знал, что, может быть, ему придется ждать не один час, но не хотел выпускать из рук оружие. Скорчившись в темноте, с обмазанным грязью лицом, с холодным гневом в душе, он чувствовал себя злобным гномом. Он попытался расслабиться и не смог — это раздражало его, потому что он понимал, что ждать, вероятно, придется долго, очень долго.

Ему хорошо было видно Барбару — она скорчившись сидела около костра и, очевидно, мерзла. У костра сидели только трое золотых людей — двое мужчин и женщина. Они пили какой-то напиток. Эвери от души надеялся, что они перепьются. И действительно, они становились все более шумными и возбужденными. Вскоре один из мужчин предложил напиток Барбаре. Он даже сделал какой-то, по-видимому, вежливый жест. Она отказалась. Другой мужчина расхохотался, схватил Барбару за волосы, запрокинул голову и силой влил напиток ей в рот. Барбара поперхнулась и закашлялась. На звук из хижины вышла женщина. Она встала на колени около Барбары и, видимо, пыталась ее успокоить. Вскоре ей это надоело, и она присоединилась к остальным. Барбара пришла в себя, подняла камень, который был привязан к ее ноге, и украдкой отошла от мужчин.

Эвери крепко сжал свой томагавк. Он заставит их заплатить за это. Время шло. Оно текло медленно, и Эвери начал опасаться, что золотые люди собираются пировать всю ночь, — возможно, они празднуют победоносную стычку с низшей расой.

Наконец мужчина и женщина поднялись и, зевая и потягиваясь, удалились в хижину. Теперь осталось двое. Эвери начал горячо молиться, чтобы оставшийся мужчина тоже ушел спать, а первую вахту несла женщина. К черту рыцарство! Все-таки с женщиной ему будет легче справиться.

Некоторое время казалось, что они собираются караулить вместе. Но в конце концов женщина ушла. Теперь у костра остались мужчина — и Барбара. Она скорчившись сидела вдалеке от костра и смотрела на

мужчину. Время от времени мужчина вставал и обходил лагерь, пристально вглядываясь в окружающую темноту. Иногда он что-то говорил Барбаре на непонятном языке. В один из своих обходов он остановился у рва, как раз напротив Эвери и секунду или две внимательно вглядывался в темноту. Эвери весь покрылся потом. Он был уверен, что мужчина видит его; но на расстоянии в тридцать ярдов, с перемазанным грязью лицом, заметить его было почти невозможно. Он сидел в тени кустарника, а небо было затянуто облаками.

Наконец мужчина повернулся и направился к Барбаре. Он поставил ее на ноги, ткнул пальцем в знаки на ее груди и животе, что-то сказал и рассмеялся. Потом сел и налил себе еще выпить.

Мужчина сидел спиной к Эвери. И Эвери почувствовал, что настало время действовать. Он медленно поднялся и сделал несколько осторожных движений, разминая затекшие ноги. Затем он внимательно осмотрел ров и почву перед ним. Он горячо молился, чтобы там не было никаких ям.

Наконец Эвери покрепче ухватил вязанку хвороста, отошел на несколько шагов и приготовился.

К счастью, подход ко рву оказался совершенно ровным. Эвери так стремился набрать скорость, что чуть не пропустил место, где берег резко обрывался в воду. Но он вовремя заметил это и прыгнул.

Как только он приземлился на другой стороне, его план — славный план — начал трещать по швам. Началось с того, что Барбара сдавленно вскрикнула. Внезапно возникший из темноты, он, должно быть, выглядел как демон, вырвавшийся из ада.

Как только Барбара вскрикнула, Эвери, не заботясь больше о скрытности, бросился к костру, и мужчина успел чуть обернуться. Удар томагавка, который должен был похоронить два фунта камня в его мозгу, лишь скользнул по его голове. Но все-таки он упал головой вперед и потерял сознание.

Эвери не подошел к поверженному противнику и только мельком взглянул на Барбару. Времени не было. Он сунул конец вязанки в огонь и заставил себя подождать, пока не увидел, что пламя охватило сучья, потом он подбежал к хижине, в которой спали двое, и свалил горящий хворост у входа. Дверь загорелась, вверх поднимались языки пламени и клубы дыма. Эффект оказался даже сильнее, чем Эвери ожидал.

Тем временем Барбара наконец поняла, что происходит. Она попыталась порвать ремень, которым к ее ноге был привязан камень. И тут план Эвери рухнул окончательно. Наконец-то он был рядом с ней, после всей этой изнуряющей неопределенности и ожидания, — и вместо того, чтобы удостовериться в том, что часовой убит, или броситься к другой хижине, чтобы оглушить женщину, если она выйдет оттуда, он думал только о том, как помочь Барбаре. На этот раз компьютер в его мозгу был побежден чувствами.

Эвери подбежал к Барбаре, опустился на колени, достал нож и начал перерезать кожаный ремень. До сих пор они не обменялись ни единым словом. Весь штурм продолжался не более десяти секунд.

Барбара подняла глаза. Ее первые слова, обращенные к Эвери, оказались почти воплем:

— Ричард, берегись!

Эвери опустил нож и бросился в сторону. Острие копья вонзилось в землю там, где он только что стоял.

Он вскочил на ноги и одним движением отцепил от пояса томагавк. Он не осознавал, что его зубы оскалены и что он рычит, как животное. Он видел лишь огромное могучее существо перед собой — человека, у которого из раны на правой стороне головы капала кровь. Человека с выражением гнева и боли в глазах, сжимающего в руке дротик. Он стоял не более чем в двух шагах от Эвери и что-то злобно бормотал.

Его компьютер вновь вернулся к власти. «Прикончи его! — кричал он Эвери. — Прикончи его или он прикончит тебя!»

Дротик метил прямо в Эвери, но он успел уклониться. С диким криком он поднял томагавк и бросился в атаку. То, что произошло дальше, было совершенно неожиданно. Вместо того чтобы уклониться от удара или отразить его, противник Эвери просто-напросто пригнулся.

Эвери уже не мог остановиться. Проносясь над его согнутой спиной, он попытался нанести удар — и промахнулся.

Мужчина резко выпрямился. Толчок подбросил Эвери вверх, он перекувырнулся в воздухе и плашмя грохнулся на землю. Затем он увидел занесенный над ним дротик. Он увидел дротик и позади него лицо, искаженное злобой и болью.

Мужчина поднял дротик для смертельного удара. Но

тут внезапно на сцене появилось еще одно действующее лицо. Женщина. Но не Барбара.

Она что-то крикнула. Но мужчина, казалось, не слышал ее. Он неотрывно с грозной улыбкой смотрел на Эвери.

И вдруг Эвери узнал женщину. «Элетри!» Он не знал, зачем он назвал ее имя. Это было необъяснимо.

Только мужчина толкнул дротик, целясь в Эвери, как женщина схватила его за древко и дернула к себе. Она дернула слишком сильно. Дротик согнулся.

Его острие вонзилось женщине в живот. Она дико вскрикнула и рухнула на колени. Мужчина с изумлением смотрел на нее. Он с трудом осознавал, что произошло.

Компьютер щелкнул, и Эвери мгновенно воспользовался случаем. Он вскочил, ударил мужчину головой в солнечное сплетение. Он вложил в этот удар весь свой вес и был вознагражден тем, что его противник согнулся пополам, издав утробный звук. Голова его склонилась, и Эвери ударил его ребром ладони по мощной шее. Прежде чем мужчина упал на землю, Эвери со всей силы нанес ему удар ногой.

Одним прыжком он вскочил верхом на поверженного противника и принялся колотить его головой об землю — казалось, он не остановится, пока не иссякнут его силы.

Барбара оттолкнула его от неподвижно лежащих тел. В эти ужасные минуты она бешено пилила ремень, привязанный к ее ноге. Наконец ей удалось освободиться.

— Ричард! Ричард! — кричала она. — Бежим! Ради Бога!

Он непонимающе смотрел на нее. Наконец способность соображать вернулась к нему. Он в последний раз стукнул мужчину головой о землю и стал на ноги. Женщина лежала в луже крови и стонала. Эвери знал, что она спасла ему жизнь. Он хотел помочь ей — но... Но он не мог позволить себе этого. Из-за Барбары...

— Элетри, — тихо пробормотал он, — Элетри.

Под влиянием порыва, вспомнив случай у «птичьей клетки», он коснулся пальцами ее лба. Затем он оглянулся на загоревшуюся хижину. В любую минуту оттуда могли выскочить ее обитатели.

Он схватил Барбару за руку.

— Ров! Надо перепрыгнуть его. Разбегайся хорошенько. Это легко.

Барбара, обнаженная и босая, на секунду заколебалась. Затем она разбежалась и прыгнула через ров. Она

неловко с глухим стуком приземлилась на другой стороне, но одна нога ее свисала над водой. Эвери, который прыгнул секундой позже, схватил ее за руку, когда она уже начинала скользить вниз.

Пока он вытаскивал ее на берег, обитатели хижины проснулись и, прорвавшись сквозь пламя, охватившее вход, выскочили наружу.

Они выскочили оттуда обожженные, разъяренные и испуганные тем, что обнаружили у костра.

Барбара, по-видимому, потеряла сознание. Но Эвери подхватил ее на руки и бросился в благословенную темноту. Его утешала мысль, что врагам будет очень непросто сразу же броситься в погоню. В кои-то веки золотые люди также оказались в ситуации, которой не могли управлять.

Эвери, пошатываясь, пробежал со своей ношей сотни две ярдов. Затем силы оставили его, и они оба упали.

Барбара едва дышала. Несколько секунд они лежали голова к голове, постанывая и жадно вдыхая холодный воздух. Затем Эвери сел и прислушался. Не было слышно ни звука. Ничего, кроме шелеста вечернего ветерка в кронах деревьев.

— Ты можешь идти? — хрипло спросил он.

— Я... по-моему, да. Только медленно. Я босиком, они забрали мои ботинки.

Он встал.

— Держись за шею и обопрись на меня. Я понесу тебя еще немного, когда отдышусь. Мы должны успеть уйти как можно дальше... Ты ранена?

— Кажется, нет. А ты?

— Нет. Пошли. Нянчиться друг с другом будем потом.

— О милый, — сказала Барбара.

Слышать это было так чудесно. И действительно, что еще можно сказать?

Они с трудом двинулись дальше. Сначала Эвери поддерживал Барбару, потом некоторое время нес ее на руках.

Так они шли довольно долго — Эвери считал, что они прошли около двух миль, — когда Барбара вдруг заплакала.

— Что с тобой?

— Прости, Ричард... Я больше не могу.

— Я понесу тебя.

— Пожалуйста, не надо. Во мне будто все перетряхнули.

— Чертовски подходящее время копаться, что там у тебя перетряхнули, — неожиданно грубо ответил Эвери. — Иди, черт возьми. Или, по крайней мере, дай я тебя понесу. Завтра я снова буду вежливым и культурным, а сегодня ночью главное — остаться в живых.

Она позволила ему нести себя, но плач ее постепенно перешел в рыдания. Наконец он поставил ее на землю.

— Что с тобой? — грубо спросил он. — Черт возьми, ты что, ранена?

— О милый, — простонала она. — Я не ранена. По крайней мере, я надеюсь, что я не ранена... Я хотела тебе сказать, но не так... Я не знаю... но...

Рыдания мешали ей говорить.

— Любимая, что с тобой? — голос его стал нежным. — Мы уже в безопасности. Мы можем остаться здесь, если хочешь. Вряд ли они сразу бросятся искать нас. У них и так хватает хлопот.

— О милый мой, — сказала она. — Я беременна, и я ужасно боюсь за малыша. — Она дрожала. — Мне так плохо, будто что-то случилось.

Эвери обнял ее. Он прижал ее к себе и бормотал нежные, бессмысленные слова.

— Не бойся, любовь моя, — прошептал он наконец, хотя сам теперь боялся. — Мы отдохнем здесь. А как только рассветет, пойдем домой.

Он произнес слово «дом», и это не показалось ему странным. Дом — это любовь и безопасность, это уют, знакомые запахи, заведенный порядок. Дом — это Второй Лагерь, Том и Мэри. Дом — это понятие, смысл которого они научились ценить и понимать на чужой планете, световыми годами отделенной от Земли...

Они не спали. Эвери рассказал Барбаре, как вернулся Том и как он вытащил у него из плеча обломок дротика. Затем, чтобы отвлечься от собственных страхов, они смотрели на звезды — теперь уже знакомые и милые звезды, — соединяли их в созвездия и придумывали имена для них... И еще они думали о своем будущем ребенке и, как умели, молились о том, чтобы не потерять его...

О чем только они не шептались, но ни разу не заговорили о золотых людях. С первыми лучами солнца

они встали, размяли усталые и затекшие ноги и побрели ко Второму Лагерю.

Беспокойство Барбары прошло. Она по-прежнему чувствовала себя счастливой. Но когда, при свете раннего утра, она увидела на своем теле странные знаки, ее вдруг снова сильно затошнило.

ГЛАВА 24

Они добрались до Второго Лагеря чуть позже полудня. Эвери отдал Барбаре свою вымазанную грязью рубашку. Они отправились в путь перед самым рассветом, но так вымотались и ослабели, что шли очень медленно. Вместо того чтобы идти прямо к лагерю, они направились к морю. Барбару преследовало навязчивое желание искупаться. Для нее это значило гораздо больше, чем просто смыть краску, которой ее испачкали; это означало символическое очищение от всего, что ей довелось перенести. Для Эвери купание имело чисто практическое значение. Он весь был покрыт остатками засохшей грязи. Грязь покрывала его лицо, руки, тело, она засохла в складках кожи и даже в волосах. Все тело страшно чесалось. Он с нетерпением думал о прохладной морской воде.

Вскоре, как ни странно, они воспряли духом. Они смотрели друг на друга и смеялись. Солнечное тепло, казалось, растопило их усталость и даровало им силу радоваться друг другу. Они снова ожили, чтобы участвовать в том чудесном приключении, которое называется жизнью.

Наконец они вышли к морю, которое сияло золотом в лучах утреннего солнца. Они с удовольствием погрузились в его прохладные воды. Это было крещение, которое смывало с них все ужасы прошедшей ночи.

Барбаре понадобилось немало времени, чтобы стереть синие знаки на теле — ей так и не удалось избавиться от них окончательно. Она так яростно терла их, что через несколько минут на груди и на животе появились красные пятна. Наконец она остановилась. Но бледно-синие очертания знаков все-таки остались на покрасневшей, болезненно-раздраженной коже.

Они обсохли под ветром и солнцем, пока шли вдоль

берега. Затем Барбара снова надела рубашку, и они направились к лагерю. Там их ожидала приятная неожиданность. Том был — по его словам — вполне в состоянии ходить и говорить. Рана на его теле, закаленном постоянной деятельностью и здоровой жизнью, заживала гораздо быстрее, чем пустяковая царапина год назад. Но он был узником лагеря, потому что у него еще не хватало ни сил, ни мужества спуститься по лестнице.

Он увидел Эвери и Барбару, когда они шли по берегу, он так кричал и размахивал руками, что рана чуть не открылась снова. Мэри вперевалочку спешила к ним навстречу — уже заметный живот заставлял ее сдерживать бег.

Она подбежала к Барбаре. Они в неудержимом порыве обнялись и тут же начали плакать и смеяться. Эвери с наслаждением наблюдал за этим спектаклем. Том беспомощно и нетерпеливо топтался на вершине скалы.

Барбара и Эвери страшно проголодались. В лагере не было мяса, и они наскоро перекусили фруктами. Потом, пока Барбара заканчивала свой рассказ, Эвери пошел за крабами — самым надежным источником мяса — для главного блюда. Вскоре, поглощая крабов, они позволили себе роскошь выпить немного виски. Виски оставалось совсем немного, и Том использовал большую часть оставшихся бутылок, как он убежденно говорил, в чисто медицинских целях.

Но Барбара больше не нуждалась в том, чтобы поддерживать себя виски. Теперь у нее было кое-что понадежнее.

Мэри довольно просто одной фразой выразила общее чувство, когда произнесла тост:

— За нас четверых — и за ту любовь, которую мы все разделяем.

По мнению Эвери, это было удивительно точно. Конечно, в глубине души он не мог любить Тома и Мэри так, как он любил Барбару; но он несомненно любил их. Они стали его друзьями и его семьей. Они стали частью его самого. Эвери чувствовал, что без них он не мог быть вполне человеком. Он даже радовался осознанию этой зависимости и поднял свой стакан, присоединяясь к словам Мэри.

После обеда Эвери сходил на охоту, чтобы пополнить запасы мяса. Хотя он ничего не сказал остальным и был в приподнятом настроении оттого, что ему удалось

спасти Барбару, он был убежден, что их борьба с золотыми людьми не закончена. Да, сейчас они потерпели поражение, один из них умер или серьезно ранен; но, исходя из того, что Эвери уже знал о них, он считал, что они не позволят ситуации остаться такой, как есть. Это были заносчивые и высокомерные люди, которые гордились своей физической силой и презирали тех, кого считали низшими существами. Спасение Барбары нанесло им не только физический, но и моральный ущерб. Они это просто так не оставят. Для них то, что произошло, было всего лишь вторым раундом состязания. Рано или поздно они попытаются дать решительный бой. Кроме всего прочего, это просто необходимо для их самоуважения.

Так думал Эвери, когда шел к «своей» колонии кроликотипов, исполняя привычную работу. Добыв четырех зверьков, он направился назад к лагерю. Он шел не так, как обычно — с беззаботной самоуверенностью, — он шел как человек, за которым охотятся, который может в любую минуту столкнуться со своими преследователями. Он боялся и знал, что у него есть причины бояться. До тех пор пока с золотыми людьми не будет установлен мир или пока они не разобьют их, обитателям Второго Лагеря придется привыкнуть к этому состоянию постоянной настороженности. Дважды Эвери возвращался по своим следам и, спрятавшись в кустах, ждал, не появятся ли преследователи. Но никто не преследовал его. Только его собственный страх.

Вечером, после того как все поели и наслаждались покоем, уютно сидя у костра, Том заговорил о золотых людях и о том, чего от них можно ждать.

— Если вы спросите меня, — после короткого молчания сказал он, — то я скажу, что эти ублюдки, которые так ловко метают дротики, непременно попытаются нанести нам ответный удар... и не слабо... Я только надеюсь, они подождут, пока я встану в строй.

— Я думаю, им придется сдерживаться ближайшие несколько дней, — заметил Эвери.

Но это был просто прием. На самом деле он не верил в это. Он просто хотел поддержать их дух.

— Одно утешение, — сказала Мэри. — Им будет нелегко атаковать наш лагерь.

— От души надеюсь, что они все-таки попытаются, — зло сказала Барбара. — Ничто не доставит мне большее

удовольствие, чем сбросить тяжелые камни на головы этих дикарей.

Эвери улыбнулся.

— Будем надеяться, что это удовольствие заставит тебя ждать, пока... — Он хотел сказать «пока Том не поправится, пока вы обе не родите, пока мы все не умрем от старости». Вместо этого он продолжил: — Пока все мы немного не отдохнем... Лично я был бы счастлив предложить им мировую — если они появятся.

Том фыркнул:

— Они не из тех, кто любит тянуть время.

— Нет, — сказал Эвери, сдерживая дрожь. — Я и не думаю... Ну, а теперь вам с Мэри пора идти спать. Вы оба неважно выглядите. Сначала подежурю я, а потом немного Барбара.

— Будем дежурить вместе, — твердо сказала Барбара.

Мэри заспорила:

— Вы двое делали сегодня всю работу. Мы с Томом вполне можем...

— Это приказ, — улыбнулся Эвери. — Я командир экспедиции или нет?

— Нет, — сказал Том, — ты всего-навсего возомнивший о себе бойскаут. — Он повернулся к Мэри: — Идем, мой колобочек. Если мы не выполним то, что приказывает этот вонючий командир, не видать нам медалей за хорошее поведение.

Несмотря на протесты, Мэри явно почувствовала облегчение, когда Том увел ее в палатку.

Страхи Барбары, что события предыдущих дня и ночи лишат ее ребенка, которого она уже носила, теперь рассеялись. Ее желудок опять успокоился, и она начала чувствовать, что, несмотря на сильные потрясения, доносит его до нужного срока.

Барбара радовалась тому, что забеременела. Она знала теперь, как страстно хочет ребенка от Эвери. И еще, наверное, потому, что Мэри тоже беременна, она чувствовала, что это еще больше сблизит их всех четверых.

Пока она и Эвери дежурили, они развлекались тем, что придумывали разные детские имена. Если родится мальчик, Эвери хотел назвать его Джесон. Барбара возражала, что тогда другие дети (какие другие дети?) будут смеяться над ним. Лучше его назвать Эндрю. Но у Эвери когда-то учился Эндрю — ужасный мальчишка с перочинным ножиком и склонностью испытывать его на своих товарищах, — так что Эндрю был отвергнут.

Эта игра — восхитительная, бессмысленная игра — продолжалась несколько часов. Они перебрали все мыслимые имена для мальчиков и наконец остановились на имени «Доминик». Затем приступили к девичьим именам.

И тут случилось несчастье.

Из палатки, где спали Том и Мэри, послышались какие-то неясные звуки, но это не показалось им необычным. Вдруг раздался глубокий стон — нельзя было понять, кто стонал — Том или Мэри. Затем стон перешел в дикий пронзительный крик, и тогда они поняли, что это Мэри.

Крича, Том выпрыгнул из палатки:

— Ради Бога! — Он заикался. — Что-то происходит! С Мэри плохо!

Что-то действительно происходило с Мэри.

Барбара боялась выкидыша. Мэри нет. Но напряжение и тревоги последних двух дней легли на нее непосильным бременем. И ее тело по-своему пыталось облегчить это бремя. Какая страшная ирония судьбы, что именно Мэри должна была расплатиться за всех...

Они выгнали Тома из палатки — Эвери официально приказал ему дежурить, — пока они делали все, чтобы помочь Мэри. А могли они очень мало.

Ни Эвери, ни Барбара раньше никогда не присутствовали при родах — не говоря уже о выкидыше, — но, к счастью, Барбара получила кое-какие полезные познания, когда исполняла роль сиделки в воображаемой больнице, спроецированной на десять миллионов экранов в далеком конце Вселенной.

Схватки были резкими и сильными. И поэтому, к счастью, выкидыш оказался полным. Через двадцать минут Эвери держал в окровавленной руке жалкое, трогательное тельце пятимесячного младенца — похожего на печального крошечного Будду; обвивающая его пуповина была почти такой же толщины, как ручки и ножки. Ребенок целиком помещался на ладони Эвери. В другой руке Эвери держал плаценту, соединенную с ребенком нитью, которая пока еще была нитью жизни.

Казалось, этот крошечный человечек не умер, а просто спит. Но это была всего лишь бледная иллюзия, которая тут же рассеялась.

— Заверни его, — скомандовала Барбара твердым голосом. — Заверни его и вынеси.

Мэри билась в истерике. Барбара, как могла, старалась успокоить ее.

Эвери нашел какую-то ткань. Это, вероятно, была чья-то рубашка или сорочка. Он не знал, да это его и не заботило. Он спеленал ребенка осторожно, словно боялся ему повредить, словно он в любую минуту мог заплакать. Затем вышел из палатки.

Он собирался унести ребенка из лагеря, но Том не пустил его.

— Я хочу видеть моего ребенка.

Его голос звучал так же твердо, как у Барбары.

Эвери осторожно развернул маленький сверток, и в мерцающем свете костра они с Томом молча смотрели на сморщенное, но в то же время странно спокойное личико.

— Он был бы славным малым, — с трудом сказал Том. — Это мальчик?

— Прости, Том. Я не знаю. — Эвери чувствовал себя несчастным, видя горе Тома и Мэри. — Хочешь, чтобы я посмотрел?

— Нет, — сказал Том тем же твердым голосом. — Не тревожь его. Пусть теперь отдыхает. Ему туго пришлось. Ему нужно чуточку отдохнуть, верно?

Эвери старался сдержать слезы, что текли по его лицу. Он старался загнать их обратно в свои глаза. Но они не слушались.

Том и Эвери смотрели на трупик ребенка, который никогда не будет жить на свете, и их слезы капали на маленькое, странно мудрое личико. Их слезы смешивались: привет и благословение. Прощанье. Первое и последнее, что все-таки должен получить в этом мире человек.

— Мне лучше пойти к Мэри, — наконец сказал Том. — Теперь я нужен ей. Теперь я ей очень нужен.

И странно, но именно Том успокоил Эвери.

— Ричард, — спокойно сказал он. — Ты не должен ничего говорить. Я знаю. Он принадлежал всем нам. Так есть, и так будет. Что бы ни случилось, это принадлежит всем нам... Я останусь с Мэри. Все будет хорошо.

Он повернулся и пошел к палатке.

Эвери заботливо завернул ребенка. Он был еще теплый — и это тепло создавало мучительную иллюзию жизни.

ГЛАВА 25

Эвери похоронил младенца уже на рассвете. Барбара не отпустила его из лагеря ночью, и поэтому обломок крушения, который был ребенком Тома и Мэри, немо и неподвижно лежал на земле под сверкающим звездным балдахином.

Остаток ночи никто не спал. Физически Мэри чувствовала себя лучше, чем кто-либо смел надеяться. Но горе, словно льдом, сковало ее. Она не плакала и казалась опустошенной. На сердце ее лежал камень, и никто, даже Том, не мог помочь ей освободиться от него. Конечно, этот камень не останется с ней навсегда, но до тех пор, пока боль не притупится, она будет носить его в себе.

Эвери покинул лагерь на рассвете, взяв с собой томагавк и, теперь уже холодный, маленький сверток несбывшихся надежд. Он не стал уходить далеко от лагеря. Он пошел к ручью, где они брали воду, и стал искать высокое дерево, которое легко можно было бы узнать. Он нашел такое дерево у самой кромки воды. Он почему-то подумал про себя: «Малышу это понравится. Здесь тень и журчание ручья... И ему не будет здесь одиноко, потому что мы будем приходить к нему каждый день».

Затем он положил сверток на землю и начал томагавком копать в мягкой земле маленькую могилу.

Наконец он выкопал достаточно глубокую яму. Он положил младенца — по-прежнему завернутого в рубашку Тома — в землю, которая уже была теплее, чем его тело.

Эвери не очень верил в Бога. Но было что-то, он чувствовал, было что-то, что он должен сказать. Говорить — совсем не то, что подумать, — даже если этого никто не слышит. Это что-то вроде обряда. Это должно звучать как реквием.

— Здесь, — произнес он твердым, но спокойным голосом, — я предал земле чужого мира часть того, что я люблю, часть Земли. Если бы этот ребенок остался в живых, этот мир был бы его родиной... Возможно, это первый представитель разумной расы, родившийся на этой планете... Но я даже не знаю, почему мы попали сюда с Земли или почему Бог — если это Бог — лишил этого ребенка права на жизнь... Но я знаю — тем, что

мы похоронили здесь частицу нашей жизни, мы накрепко связаны с этим местом, которое уже не можем покинуть. Мы установили связь и владение, ибо здесь осталось нечто от двух людей, которые были счастливы вместе и теперь вместе должны страдать. Их мертворожденный ребенок уже удобрил почву земли, на которой мы до сих пор были чужими. Теперь это наше, ибо мы и эта земля теперь связаны чем-то тайным и глубоким... Я больше не могу ничего сказать, потому что я не знаю, можно ли сказать больше. Разве что... Во имя Тома, Мэри, Барбары и меня — Аминь.

Опечаленный и несколько удивленный своими собственными мыслями, Эвери принялся закапывать могилу. Затем он тщательно заровнял землю и направился в лагерь.

Пока он шел, нелепая арифметика занимала его. Первое: Том ранен; второе: Барбару похитили; и, наконец, третье: ребенок убит. Первое, второе, третье. Что же будет четвертым, пятым, шестым? Что еще? Первое: Том ранен; второе: Барбару похитили, и, наконец, третье: ребенок убит...

Ребенок убит. Это самое главное. И теперь это угрожает другому ребенку. Неужели и он тоже будет постоянно подвергаться опасности до или после рождения? И ему придется научиться жить в страхе, который он не в состоянии понять?

Ранним утром, шагая по хорошо знакомой дороге, Эвери нашел ответ на этот вопрос.

Завтрак прошел в угрюмом молчании. Мэри уже могла ходить, но она предпочла остаться в палатке — смотрела в пустоту, ничего не хотела, ничего не ела. Остальные, однако, проголодались. Они негодовали на этот голод, но все-таки ели. Каким-то образом — наверное, из-за неизвестных химических процессов, — горе обострило аппетит. Это смущало их, но, видимо, недостаточно сильно.

Эвери смотрел на Барбару, словно она была для него чужая. На некоторое время она должна стать для него чужой, потому что то, что он собирался сделать, он должен сделать один.

— Как ты думаешь, ты сможешь поднять этот камень? — без предисловия спросил он Тома, указывая на камни, разложенные вокруг лагеря на случай штурма.

Том удивленно поднял брови.

— Могу и поднять, и бросить. Другое плечо у меня в полном порядке.

— Давай посмотрим.

Том выбрал камень.

— Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал — превратил его в кокосовый орех?

— Нет, просто брось как можно дальше.

Лагерь возвышался над берегом и поэтому Тому удалось метнуть камень на тридцать ярдов. Но это усилие, видимо, причинило ему боль.

Однако Эвери остался доволен. Он повернулся к Барбаре:

— А ты?

— Сейчас не время для игр, Ричард.

— Это не игра. Попробуй.

Барбара ухитрилась побить рекорд Тома на десять ярдов.

— Неплохо, — сказал Эвери. — Если Второй Лагерь атакуют, вы вдвоем сумеете удерживать его некоторое время — только не забывайте уворачиваться от дротиков.

— Совершенно лишне напоминать мне об этом, — сердито сказал Том. — К тому же у нас есть револьвер, и у нас есть ты. Так что, если они попытаются штурмовать лагерь, дорого бы я дал, чтобы взглянуть на это, — для них это будет форменное самоубийство.

— У вас не будет револьвера, и с вами не будет меня, — возразил Эвери. — Во всяком случае, несколько часов... И мне все равно, устроите вы избиение или только удержите форт.

Том понял.

— Мы сможем удержать форт, если надо... Но почему ты не хочешь немного подождать?..

— Ждать? Потому что я не считаю, что это такой уж замечательный выход, — отрезал Эвери.

Барбара не хотела ничего понимать.

— Ричард, ведь ты не уйдешь опять? Мы только что вернулись, и мяса у нас достаточно, и Мэри..

— С Мэри все будет в порядке, — сказал Том. — Не беспокойся, Барбара. До сих пор Ричард делал все правильно. И сейчас он знает, что делает.

Однако Барбара упорствовала:

— Милый, не можешь же ты...

— Совершить убийство? — спросил Эвери. — Раньше у меня и мысли об этом не было. Но я перестал быть цивилизованным человеком позавчера. Все мы хотели

жить в мире. Однако дело обстоит так, что теперь мы должны жить в постоянном страхе. Если мы ничего не сделаем, то, что случилось с Томом, может повториться со мной. Да, пока мне везло, — но даже если со мной ничего не случится, этот страх... Ты носишь ребенка. Я не хочу рисковать, не хочу, чтобы с тобой получилось так, как с Мэри.

— Поддерживаю и одобряю, — веско сказал Том. — Между прочим, мне пришло в голову, что у них тоже может быть что-то вроде нашего револьвера.

— Тогда желаю вам удачи, — сердито ответил Эвери. — Я не герой, да и образ средневекового рыцаря меня не привлекает. Так что я не собираюсь затевать дуэль... Наверное, те, кто забросил нас сюда, рассчитывали на хорошую потасовку... Но черт с ним. Если уж я должен драться, то я буду драться с умом. Никакого геройства — только продуманное, полное истребление, которое принесет нам безопасность.

— Ну, парень, — нарочито легкомысленно сказал Том, — видно, не много пользы ты вынес из школы.

— Милый, — жалобно лепетала Барбара, — только вернись. Только вернись.

Эвери равнодушно поцеловал ее.

— Присматривайте за Мэри. И скажите ей, что я пошел на охоту. — Он горько рассмеялся.

С собой он взял револьвер и штук двенадцать патронов. И еще нож и томагавк. Барбара проводила его до деревьев, но он не поцеловал ее на прощанье. Только на секунду крепко прижал к себе. Он уже стал ненавистен и отвратителен самому себе, потому что грубая жажда мщения овладела его душой и разумом.

Он стремился отомстить и это ужасало его. Он шел, и револьвер в такт шагам постукивал его по ноге. Казалось револьвер имеет свою собственную волю, а он, Эвери, только следует за ним.

Теперь Эвери знал дорогу и шел быстро. Он предполагал, что достигнет вражеского лагеря, — как легко он стал думать о них, как о врагах! — меньше чем за два часа.

Но непредвиденные случайности мешали ему. Это не предвещало ничего хорошего. Дважды он спотыкался о выступающие корни деревьев и падал. Один раз он заметил небольшое стадо носороготипов, и ему пришлось сделать изрядный крюк, чтобы обойти их. Один носо-

роготип не был помехой, но с пятью приходилось считаться.

Наконец он наткнулся на ручей, который снабжал водой золотых людей. Наткнулся почти в буквальном смысле слова, потому что свалился в него. Он подошел к ручью слишком близко, и мягкая почва обрушилась, так что он с плеском погрузился в воду футов на пять. Едва он встал на ноги, как мельком увидел напротив берега что-то длинное и услышал плеск. Он быстро выбрался на берег. «Крокодил», дремлющая плавучая смерть, смотрел неподвижным свирепым взглядом в испуганные глаза Эвери.

Эвери прошел еще около мили, как вдруг обнаружил, что потерял револьвер. Надеясь, что ему повезет, он вернулся к ручью по своему следу. «Крокодил» был еще в воде; но на другом берегу — то ли он не заметил этого раньше, то ли там этого не было — лежала часть туши какого-то животного.

Он удовольствовался тем, что обследовал кромку воды, но револьвера не нашел. Он попытался отогнать «крокодила», швыряя в него камнями, но животное ничуть не испугалось и, по-видимому, думало, что это игра.

Наконец он решил прекратить эти бесплодные поиски.

Револьвер потерян. Теперь у него только нож и томагавк. Самое разумное было бы вернуться во Второй Лагерь. Всего случившегося было достаточно, чтобы убедить любого здравомыслящего человека в том, что вряд ли дело, начавшееся так неудачно, может закончиться успешно. Но Эвери не был более здравомыслящим человеком. Он стал человеком, одержимым манией убийства.

Эвери проклинал «крокодила», проклинал револьвер, проклинал золотых людей — и продолжал идти. Через полчаса он достиг их лагеря.

Эвери осторожно приблизился к лагерю и некоторое время наблюдал за ним с безопасного расстояния — ему казалось, что он смотрел так около часа, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Он не заметил никаких признаков жизни — даже костра. Следовательно, в лагере никого не было.

Эвери подождал еще немного, чтобы окончательно увериться в этом. Наконец он уже не мог больше сдерживаться и решил рискнуть. Мостик был перекинут

через ров, и Эвери, успокоившись, решительно перешел через него.

Он увидел хижину, к дверям которой бросил горящую вязанку хвороста. Вход ее обгорел, но сама она осталась цела. Эвери в замешательстве огляделся. И тут он услышал какой-то звук и понял, что лагерь не совсем пуст. Протяжный низкий стон доносился из неповрежденной хижины. Эвери на цыпочках подошел к двери хижины, замер и прислушался. Вскоре стон повторился снова. Он был такой низкий, что нельзя было с уверенностью сказать, кто это стонет, мужчина или женщина.

Эвери не мог больше оставаться в неизвестности. Ему уже стало казаться, что это его собственное воображение выкидывает такие штучки. И тогда, подняв томагавк и держа наготове нож, он стремительно прыгнул в дверной проем.

Он замер, кровь застыла у него в жилах.

Женщина, которая спасла ему жизнь, которая приняла на себя удар дротика, предназначавшийся ему, лежала на кровати. В руке она держала небольшой черный тусклый предмет, по форме напоминавший яйцо, к которому приделана рукоятка. Острый конец яйца был направлен на Эвери. Эвери почудилось в середине яйца какое-то мерцание. Но, может быть, это ему только показалось.

Живот Элетри был плотно забинтован, но кровь проступала через повязку.

Она и Эвери несколько секунд пристально смотрели друг на друга, затем она снова застонала. Она уже не была больше той сильной самоуверенной золотой женщиной. Теперь она стала бесформенной грудой плоти, измученной болью и одиночеством. Она умирала.

Эвери уже не думал ни о чем, кроме того, что она умирала. Он вспомнил, зачем он пришел сюда, и ему стало стыдно.

Он медленно опустил томагавк и убрал нож. Яйцеобразное устройство, которое она держала в руке, следовало за его движениями.

— Элетри, — сказал он. — Прости меня.

Он шагнул к ней. Конец непонятного механизма в ее руке вдруг замерцал ярче, и Эвери почувствовал сильное жжение. Но затем сияние угасло, а вместе с ним и ощущение жжения. Она опустила этот странный предмет.

И улыбнулась ему.

Эвери подошел к ней и опустился на колени.

— Рии-чар, — сказала она. — Рии-чар.

Эвери взял устройство из ее ослабевших пальцев и отложил его в сторону. Он осторожно сжал ее руку.

«О Господи, — подумал он. — Почему мы не можем поговорить друг с другом? Почему я не могу хоть немного утешить ее? Почему я не могу даже солгать ей? Ну вот, ради нее Ричард Эвери лжет. О, Господи! Зачем между нами этот барьер — этот никчемный, бессмысленный барьер языка?

Бога нет — зло подумал он. — Бога нет — потому что умер ребенок, потому что умирает женщина, потому что мы, те, кто остался, хотим перебить друг друга, как дикие животные. Что должен сделать Бог в такой запутанной ситуации? Нет Бога, кроме жизни. Только жизнь свята. И когда она уходит, это означает смерть Бога».

Женщина снова застонала: «Рии-чар!»

Она крепко сжала его руку. Голос ее звучал умоляюще. Она не могла произнести ничего, кроме его имени, но глаза ее говорили красноречивее слов.

Вспомнив ее жест, Эвери коснулся пальцами сначала ее лба, потом своего.

— Милая Элетри, — пробормотал он. — Милый враг, милый друг. Почему, почему, во имя неба, мы не сумели понять, как нам жить друг с другом? Но тебя это больше не волнует, верно?.. А ты знаешь, что даже для нас, для людей другой расы, ты и подобные тебе прекрасны? Мы ненавидели вас, и все-таки мы восхищались вами. Вы, я думаю, презирали нас и, возможно, недооценивали... Но хватит об этом. Я хочу помочь тебе. Ты была такой гордой и прекрасной... Я хочу помочь тебе...

— Рии-чар! — Это слово звучало, как вопль — вопль, вырвавшийся из измученного тела. Она корчилась от боли, но все-таки у нее хватило силы пошевелить рукой.

— Рии-чар! — Элетри показала на предмет, который он убрал от нее.

Эвери понял. Он подумал, что понял, и вложил этот предмет ей в руку.

Она попыталась удержать его, повернув к груди острым концом. Она дважды попыталась сделать это, но каждый раз предмет падал из ее дрожащих пальцев. И тогда она взмолилась о помощи.

Не словами и даже не взглядом. Нечто непостижимое, глубинное помогло перекинуть мост через пропасть, разделяющую две расы.

Эвери кивнул, затем нежно поцеловал ее в лоб. Она с усилием улыбнулась — на лице ее промелькнула гордость, — и Эвери понял, что она не держит на него зла.

Он взял оружие — теперь он не сомневался в том, что это оружие, — и вложил в ее руку, поместив большой палец на кнопку, затем поднял ее руку так, чтобы острый конец предмета указывал на грудь.

— Элетри, — сказал он. — Спи спокойно, моя дорогая.

Элетри нажала на кнопку. Только вспышка, тонкий яркий луч света. И никакого звука. И тут же Эвери увидел крошечную дырочку, прожженную в ее груди.

Она глубоко, удовлетворенно вздохнула. Затем тело ее обмякло. Элетри умерла.

Несколько мгновений Эвери изумленно смотрел на нее, словно в трансе. Затем он вернулся к жизни, вернулся к суровой действительности. Его разум вновь заработал.

Если Элетри оставили в лагере одну, то вряд ли другие просто отправились на охоту. Трудно предположить, что они настолько уж бесчеловечны. Но если никого нет и если они не на охоте — тогда, черт возьми, они затеяли что-то действительно очень важное. И тут может быть только один ответ. Он схватил томагавк и повернулся к выходу.

Эвери вышел из хижины. Но вдруг он остановился и вернулся назад. Он подошел к телу Элетри, взял ее оружие и положил к себе в карман. Затем он вытянул ее руки вдоль тела и закрыл ей глаза. Он хотел сделать что-нибудь еще — ему отчаянно хотелось что-нибудь сделать для нее. Но ничего не оставалось. Совсем ничего.

Он снова вышел наружу и бросил оружие Элетри в ров. Затем бегом перешел через мостик.

«Господи, — молил он, когда бежал через лес, через поляны, поросшие травой, — Господи, дай мне вернуться вовремя!»

Он пытался представить себе, что может происходить во Втором Лагере. И старался не представлять этого. Каким же он был кретином, когда решил совершить месть сегодня! Только набитый дурак, болван тупоголовый мог придумать такое, с горечью корил он себя.

Чтобы искупить свою глупость, он заставлял себя пересиливать свою слабость. В буквальном смысле пересиливать. До тех пор, пока не упал, попытался подняться и снова упал. Тогда он с горечью понял, что вряд ли будет много проку, если он доберется до Второго Лагеря совершенно обессиленный.

Но через некоторое время он снова побежал. В конце концов он заставил себя, чтобы сберечь силы, сто шагов бежать, а сто шагов идти шагом.

На расстоянии двух миль от Второго Лагеря он заметил над верхушками деревьев столб дыма. Он загнал себя до такого состояния, что не мог ясно соображать. Он понял, что остаток пути лучше пройти шагом. В любом случае будет чертовски глупо, если он прямиком угодит к врагам. Когда его бешено колотящееся сердце немного успокоилось, а в голове прояснилось, он принялся раздумывать о столбе дыма. Он был слишком густой — совсем не такой, как дым обычного лагерного костра.

К Эвери вернулась способность размышлять, и он пошел вперед, стараясь держаться в тени деревьев. Он не хотел, чтобы его заметили, пока он не подойдет к скале, по крайней мере, на семьдесят ярдов.

Он уже понял, что означает этот столб дыма. С этой стороны лагерь почти неприступен. Поэтому золотые люди скорее всего одновременно атакуют и пытаются поджечь его. Пока двое мужчин уклоняются от летящих в них камней — свои дротики они, очевидно, приберегают для ближнего боя, — женщина обстреливает лагерь горящими стрелами с безопасного расстояния.

Вся сцена была одновременно жуткой и смешной, нелепой и совершенно беспощадной. Одновременно фарс и кошмар. Это было словно веселая детская забава. Но эта жуткая игра шла всерьез. И после нее не будет чаю с пирожными. Только смерть или позор порабощения.

Женщина с арбалетом действовала методично. Она стояла — к счастью, повернувшись к нему спиной — менее чем в двадцати ярдах от него. Она развела небольшой костер и погрузила в пламя конец стрелы. Из-за ее спины Эвери увидел, что одна палатка во Втором Лагере скрыта дымом, а две другие горят. Мэри — по крайней мере, казалось, что это Мэри, — старалась сбить огонь, пока двое других сдерживали атакующих, швыряя в них камнями. Один из золотых людей пытался добраться до подножия скалы, в то

время как другой прикрывал его. Итак, не считая разрушений, причиненных горящими стрелами, атакующие пока ничего не достигли. Правда, скорее всего сражение длилось недолго. Однако, если бы Второй Лагерь находился на земле, его, несомненно, давно бы уж захватили.

Эвери сделал глубокий вдох, как бы набирая силы, и, подняв тамагавк, двинулся к женщине. Он легко мог убить ее. Она была так занята своим делом, что даже не услышала, как он подошел.

Он легко мог убить ее. Он уже готов был обрушить на нее томагавк, как в его мозгу вспыхнуло воспоминание об Элетри. Он словно наяву увидел ее когда-то великолепное тело. Увидел его разбитым, изуродованным смертью.

Эвери не мог убить.

Вместо этого он прыгнул на женщину, повалил на землю и оглушил. Затем ударил по шее ребром ладони.

Ударом томагавка Эвери разбил арбалет. Он даже не повернулся посмотреть, что происходит с женщиной. Она лежала на земле и хрипела. Какое-то время она не сможет ему повредить.

Эвери поднялся, взглянул на скалу и увидел, как Барбара и Том увертываются от пламени, в то же время пытаются помешать одному из золотых людей, который решил обойти скалу и вскарабкаться на нее с другой стороны.

Это зрелище, как удар бича, подействовало на его усталое тело. Эвери поднял томагавк и, издав страшный крик, похожий на рычание, бросился на ближайшего врага.

Тот с удивлением повернулся к нему. Его реакция была мгновенной. Он отбросил камень и поднял с земли два дротика.

Эвери был от него на расстоянии пятнадцати ярдов и быстро приближался. Мужчина метнул дротик, Эвери бросил томагавк. Дротик пролетел мимо. Томагавк тоже.

Эвери выхватил нож и продолжал бежать вперед. Его противник поднял второй дротик; по выражению его лица Эвери понял, что на этот раз он не промахнется!

Но вдруг выражение торжества на его лице сменилось удивлением. Человек неуверенно покачнулся, словно Эвери вонзил свой охотничий нож ему под ребро. Дротик выпал из его руки.

Человек повалился вперед, едва не упав на Эвери. И

только тут Эвери увидел другой томагавк — любимый томагавк Тома, торчащий у него между лопаток.

Эвери в изумлении огляделся. Казалось, на мгновенье все остановилось. Все застыло, словно на фотографии. Неподалеку полуоглушенная женщина пыталась встать. Барбара во весь рост стояла на скале, держа в руке стойку от палатки. Том, словно куча старой одежды, лежал у подножия скалы. Мэри, наклонившись вниз, смотрела на Тома. Оставшийся в живых враг отступил на несколько шагов. Лицо его выражало растерянность и недоумение. Казалось, он не верит своим глазам.

Затем все снова пришло в движение. Мужчина со всех ног бежал к лежащей на песке женщине — ее стоны тонули в крике Мэри и в неистовой ругани Тома. Барбара размахивала стойкой, и только человек, лежащий у ног Эвери, был неподвижен — смерть настигла его.

Эвери пошел к Тому. Но Том, несмотря на падение с высоты в десять футов и раненое плечо, уже поднялся.

— Видел, каков удар? — крикнул он.

— Ради Бога, Том! Ты цел?

— Хрен с ним! Конечно, нет. У меня в плече такая дыра, что можно вставить сигару. Поплачем потом... Видал? Я всадил его этому ублюдку точно между лопаток. Хоть я и свалился при этом за борт, но дело стоило того.

Он попытался ступить на левую ногу, но вдруг со стоном повалился на землю.

— Да, хреново... Посмотри на них, Ричард. Посмотри на высшую расу.

Мэри и Барбара что-то кричали им сверху, но Том, казалось, не слышал.

Эвери посмотрел в направлении его взгляда. Золотые люди — их осталось теперь только двое — были полностью побеждены. Они, хромая, шли по берегу — мужчина поддерживал женщину, — стараясь идти как можно быстрее, видимо опасаясь погони и стремясь укрыться среди деревьев.

Эвери вздохнул:

— Как, по-твоему, может быть, нам...

— Не надо, — великодушно сказал Том. — Пусть уходят. Я думаю, с ними теперь хлопот не будет... Вряд ли они еще вернутся. Мы с них сбили спесь... И знаешь что, Ричард, — он пошевелил ногой и вздрогнул от боли, — по-моему, это становится похоже на игру.

Не было ничего, кроме тьмы.

Ничего, кроме тьмы и беспредельного, внушающего благоговейный ужас великолепия звезд.

Он двигался к какому-то солнцу. Это солнце давало жизнь планетам. Он увидел одну из планет — белую и голубую от облаков, зеленую от океанов, желтую и бурую от островов.

— Это дом, — прозвучал голос. — Это сад. Это мир, где ты будешь жить, взрослеть и учиться. Это мир, где ты узнаешь достаточно, но не слишком много. Это жизнь. И все это — твое.

Этот нежный голос пришел сквозь бесконечные тоннели вечности, отдаваясь эхом от их стен. Он грохотал, словно гром, и этот гром потрясал его дремлющее сознание.

Кристина плыла к нему сквозь звезды. И звезды превращались в золотые и коричневые листья английской осени.

Кристина шептала:

— Где бы ты ни был, что бы ты ни делал, мой милый, я с тобой. Ты создал из нашей любви нечто новое. Ты сделал ее яркой, сияющей. Ты освободил ее. Теперь она — твоя любовь. Владей ею, владей нами обоими.

Он хотел было ответить, но не мог вымолвить ни слова. Кристина, далекая и прекрасная, мягко растаяла в темной бездонной пропасти, словно снежинка, словно гаснущая звезда...

Эвери проснулся, открыл глаза и в полутьме палатки посмотрел на Барбару, спокойно спящую рядом с ним.

Милая Барбара, подумал он, чудесная, живая, родная Барбара. Не Кристина. Она значила для него не больше, чем Кристина, но и не меньше. Странно, она ничуть не похожа на Кристину. Просто он не может жить без нее. Женщина...

Эвери коснулся ее лица. Он провел пальцем по ее щеке и ощутил восхитительное тепло живой плоти. Он понял, что хочет смотреть и смотреть на нее, словно увидел впервые.

Эвери вспомнил золотых людей и Элетри. Вспомнил сражение и смерть одного из врагов, которого ему потом пришлось похоронить. Его и Барбару обогатили стра-

дания, пережитые вместе, и глубоко спрятанная печаль, которую каждый из них должен пережить в одиночку.

Эвери осторожно сел, стараясь не потревожить любимую. Она должна хорошенько отдохнуть, ей пришлось много — слишком много — пережить, а ведь в глубине ее тела, словно скрытый плод, растет крошечное чудо.

Он сел, с наслаждением вдохнул утренний воздух, и сквозь открытый полог палатки увидел предрассветный мир во всем его великолепии. Вокруг не было никаких признаков вчерашнего побоища. Остатки обгоревших палаток они уже убрали. Все выглядело так, словно никакого сражения никогда и не было... Эвери встал, оделся и вышел наружу.

Лагерь был такой, как всегда, — уютный, знакомый, родной, надежное убежище от враждебного мира. Дом и крепость. Магический круг, ограждающий дружбу, любовь и жизнь.

В лагере было пусто. Эти последние дни дорого обошлись Тому и Мэри. Эвери надеялся, что хоть теперь они смогут наконец отдохнуть. Сейчас для них это важнее всего.

Эвери стоял на маленькой скале, которая называлась Вторым Лагерем, и с ее вершины обозревал остров и море — свое собственное королевство. Красный ободок солнца едва показался из-за горизонта. Небо было ясным и чистым. Все предвещало чудесный погожий день... Еще один день, до краев наполненный непостижимым счастьем жить...

Море лежало перед ним ровное, словно зеркало, и мягко серебрилось в предрассветном свете. Эвери лениво перевел взгляд на пляж. И тут он вздрогнул, не веря своим глазам.

Она была там.

Она действительно была там.

На берегу, посередине между скалой и кромкой воды, возвышался небольшой постамент. На нем стояла какая-то штуковина, похожая на маленькую, необыкновенно изящную пишущую машинку. В нее был заправлен рулон бумаги.

Когда-то Эвери уже видел ее. В другое время, в другом месте. Во сне. В ситуации более фантастичной, чем любой сон, которая развивалась по непостижимой логике, продиктованной своими собственными непонятными жизненными побуждениями.

Эвери вдруг охватило возбуждение. Он почувствовал,

как внутри у него все напряглось. Он быстро спустился по лестнице. Как только он подошел к пишущей машинке, которая на самом деле вовсе не была пишущей машинкой, как та начала печатать.

«Не волнуйтесь, — гласило послание. — Эксперимент достиг удовлетворительного результата. Результат очень ценен, однако нуждается в дополнении наблюдениями субъектов».

Эвери секунду поколебался. Машинка внезапно потеряла в его глазах всю свою непостижимость. Он с удивлением обнаружил, что не испытывает ни страха, ни возмущения. Ему просто смешно.

Эвери коснулся пальцами клавиатуры.

«Субъект находится в тупике», — напечатал он.

Машинка ответила:

«Пожалуйста, поясните.»

«Находиться в тупике, — отстучал Эвери, — означает быть растерянным, ошарашенным, заинтригованным... К тому же субъект еще и в депрессии».

«Пожалуйста, поясните.»

«Почему я должен это делать? Лучше я буду брать пример с вас и не стану ничего объяснять».

«Пожалуйста, поясните. Это важно».

Эвери был очень доволен собой.

«Важна только жизнь, — напечатал он. — Это заключение, к которому субъект пришел в результате эксперимента».

Возникла пауза. Затем машинка снова принялась печатать.

«Вы счастливы?»

«Да».

«Вы чувствуете себя здоровым?»

«Да».

«Вы сожалеете об эксперименте?»

Теперь пришла очередь Эвери задуматься. После минутного раздумья он напечатал:

«Нет».

«Хотите ли вы вернуться в среду вашего естественного обитания?»

Вдруг Эвери вспомнил об остальных. Он обернулся к скале. Барбара уже проснулась. Она только что вышла из палатки и с недоумением смотрела на Эвери.

— Милая, скорей буди Тома и Мэри, — крикнул Эвери. — Дядюшка снова навестил нас. Он захотел

узнать, как мы тут поживаем... И еще он спрашивает, не желаем ли мы вернуться домой.

Барбара мгновенно все поняла.

— Сейчас я их разбужу, — закричала она. — Скажи дядюшке, пусть пока не исчезает. У меня есть что сказать этому старому шутнику.

Эвери напечатал:

«Придержите лошадей. Все хотят осуществить свои демократические права».

Вопрос: «Каких лошадей? Какие демократические права?»

Эвери очень порадовало очевидное замешательство «дядюшки».

«Тех, которые могут ускакать, и право каждого на свободу высказываний».

Барбара первая спустилась по лестнице. Внизу она подождала, пока Мэри помогала Тому встать на верхнюю ступеньку лестницы. Несмотря на падение со скалы во время вчерашнего сражения, несмотря на то что рана его снова открылась, Том чувствовал себя лучше, чем можно было ожидать. Мэри тоже быстро оправилась. Она выглядела немного бледной и усталой — и только.

Том медленно и осторожно спустился по лестнице. Мэри последовала за ним.

Вместе с Барбарой они присоединились к Эвери, и теперь все вместе, слегка озадаченные, стояли перед машинкой.

— А что если шарахнуть ее булыжником, — наконец произнес Том.

Эвери усмехнулся:

— Блестящая идея, особенно если ты не хочешь вернуться на Землю.

— Что?!

— Она только что спросила меня, не хотим ли мы — цитирую — вернуться в среду нашего естественного обитания.

— Естественного обитания, — фыркнул Том. — Я бы хотел очутиться в любой среде обитания, только подальше от этой идиотской штуки.

Машинка снова начала печатать.

«Так как эксперимент успешно завершен, поднимается вопрос о реабилитации участников».

— Ну-ка, пусти меня, — взорвалась Барбара.

Она подошла к машинке и принялась безжалостно молотить по клавишам.

«Вы имеете в виду реабилитацию всех оставшихся в живых, дядюшка? А как насчет золотых людей, которые убиты? А ребенок, который умер? Реабилитируйте их, если можете!»

«Жертвы несчастных случаев достойны сожаления, — пришел ответ. — Однако в эксперименте подобного рода они неизбежны. Оправданием этого может служить тот факт, что достигнутый результат весьма ценен».

«Каково содержание эксперимента?» — отпечатал Эвери.

Ответ пришел немедленно:

«Динамика культуры».

Мэри пристально смотрела на раскручивающийся рулон бумаги.

— Спроси ее, — сказала она с едва заметной ноткой горечи в голосе, — что это за необыкновенный результат... Вряд ли он имеет значение для тех, кого нет в живых.

Эвери напечатал вопрос Мэри, и снова ответ пришел тотчас, как он закончил.

«Достигнутый результат означает господство второго краевого звездного сектора во втором линейном квадранте Галактики».

— Дерьмо собачье! — рявкнул Том. — Эта хреновина думает, что сумеет навешать нам лапшу на уши, если будет болтать на этом ублюдочном ученом языке! Ну-ка, пусти меня!

Он напечатал:

«Кончай придуриваться и попробуй говорить так, чтобы людям было понятно. И как вы, черт подери, затащили нас сюда? Где мы, в конце концов? И что значит вся эта бредятина? И, наконец, если в вас есть хоть капля порядочности, в чем я лично сомневаюсь, как вы собираетесь вернуть нас на Землю?»

— Ну вот, — удовлетворенно сказал он, когда закончил, — это заставит проклятых ублюдков прикусить язык.

Но ничего подобного не случилось. Машинка тут же застрекотала.

«Предлагаю ответы по порядку поступивших вопросов, — напечатала она. — В области сбора каждый из вас обнаружил кристаллы, производящие эффект кажущейся потери сознания. На самом деле это не есть потеря сознания в смысле беспомощности и невозможности передвижения. Действие кристаллов состоит в

отключении вашей памяти на время, пока осуществляются дистанционный контроль и управление вашими действиями. Это, разумеется, достигается ценой временного поражения способности свободно мыслить, но, к сожалению, избежать этого невозможно. Каждый из вас, действуя под контролем, поднял кристаллы и держал их при себе. Чтобы объяснить это в понятных вам терминах, можно сказать, что кристаллы действуют наподобие радио, по которому вам на расстоянии передавались инструкции к действию. Это вы, вы сами, действуя словно свободные существа, собрали все необходимое для этого путешествия. Затем, следуя инструкции, вы отправились к месту встречи, где были взяты на борт транспортного корабля, в то время когда вас не могли наблюдать другие представители вашего вида. Все это произошло в течение сорока земных часов».

— Держите меня, — беспомощно прошептал Том.

Глядя на его изумленное лицо, Эвери захотелось рассмеяться, но он сдержался, боясь, что его смех может оказаться истерическим.

Тем временем машинка продолжала:

«Ваше настоящее местонахождение — один из островов четвертой планеты звезды, известной земным наблюдателям как Арктур. Она находится на расстоянии примерно семидесяти световых лет от вашей Солнечной системы».

После короткой паузы машинка снова стала печатать:

«В части Галактики, которая может быть названа вам как краевой сектор второго линейного квадранта, есть две разумные расы, которые вплотную подошли к возможности выхода в космос. Одна из них должна непременно погибнуть в борьбе за господство в этой области галактики. Эти две расы — ваша собственная раса и те, кого вы называете золотыми людьми. Это и было содержанием эксперимента — выбрать средних представителей двух культур, поместить в нейтральную среду, поставив в стрессовые условия, чтобы определить, какая из рас обладает наиболее благоприятными психологическими характеристиками. Теперь это установлено. Определенная техника, аналогичная вашему телеграфу, системе радаров и так далее, сделала возможным постоянно и незаметно наблюдать за вами, субъектами эксперимента».

— Вот это да, — тихо сказала Мэри, беспомощно глядя на своих товарищей.

Машинка продолжала:

«Всем выжившим субъектам эксперимента предоставляется выбор: вернуться на свою родную планету либо остаться на Арктуре-4. На этой планете нет разумных существ. Однако на ней есть всё, что необходимо для жизни и развития. Но если кто-нибудь из субъектов пожелает вернуться на свою планету, он будет немедленно туда отправлен. По различным причинам, одна из которых — психическое здоровье субъекта, у тех, кто пожелает вернуться, будет блокирована память. Только забыв все, что с ними произошло, они сумеют избежать эмоционального стресса. По возвращении ваши финансовые и временные потери будут вам компенсированы. Ваших решений ожидают».

Наступило долгое молчание.

Эвери и Барбара, Том и Мэри смотрели друг на друга. Их чуть побледневшие лица выражали замешательство. Замешательство и напряжение.

«Возможность вернуться на Землю!» Эти слова, каждое словно удар тяжелого барабана, стучали в мозгу Эвери. Он подумал о Лондоне. Уже давно Лондон представлялся ему неясно и туманно; но возможность вернуться туда словно сфокусировала этот расплывчатый образ, и перед его глазами пронеслась череда необыкновенно ярких кадров... Кенсингтон-Гарденс, Пикадилли, театры, магазины, люди, подземка, Биг-Бен, Вестминстер...

Он видел все это, как наяву. Он слышал гул транспорта, игру уличных музыкантов, пение скворцов на Трафальгарской площади, бой часов на башне Биг-Бена. Он ощущал запах жареных каштанов, запах поздних роз в корзинах цветочниц, запах заполненных людьми ресторанчиков.

Он мог видеть, вдыхать запахи, он мог почти коснуться своих видений. И вдруг остановился, пораженный в самое сердце, — словно кто-то действительно нанес ему удар. Он не хотел в Лондон. Он понял, что не хочет всего этого. Лондон означал забвение. Лондон означал потерю того, что возникло между ним и Барбарой... И Томом... И Мэри... Вернуться в Лондон означало приобрести ничтожно мало, а потерять слишком много.

Он взглянул на остальных и понял, что они тоже не хотят забыть все то, что так крепко связало их друг с другом. На Земле каждый из них жил в одиночестве.

А здесь, за семьдесят световых лет от Пикадилли, они больше не одиноки.

Но была еще одна причина не возвращаться, причина, которая еще не вполне ясно сформировалась в их сознании. Здесь они имели возможность творить. Возможность начать с нуля, не имея ничего, кроме собственных рук и надежды. Возможность создать нечто новое... А ведь, пожалуй, это единственное, подумал Эвери, о чем стоит говорить.

Бессознательно он положил руку на плечо Барбары. Они посмотрели друг на друга. Том и Мэри тоже стояли, глядя друг другу в глаза. Все было ясно без слов.

— Можно я отвечу дядюшке? — тихо спросил Эвери.

Барбара покачала головой и шагнула к машинке.

— Это еще не все, — решительно сказала она. — Мы имеем право знать.

Она быстро напечатала:

«Мы хотим увидеть вас. Вы заключили с нами сделку без нашего согласия. Мы имеем право увидеть вас».

На этот раз машинка ответила уклончиво:

«Это не будет иметь для вас никакой ценности. Мы не можем показаться в нашем настоящем облике».

Барбара настаивала:

«Все равно, мы хотим видеть вас. Или вы боитесь показаться?»

Возникла долгая пауза. Затем машинка напечатала ответ:

«Ваша просьба удовлетворяется. Но это не настоящий облик».

Внезапно в воздухе послышалось жужжание. Словно пчелы со всей Вселенной собрались в одной невидимой точке и жужжали, производя немыслимый гул.

Затем жужжание резко оборвалось, и в воздухе возник неподвижно висящий, огромный, чудовищный, сверкающий золотом шар, примерно тридцати ярдов в диаметре.

Послышался сухой треск (Эвери хорошо его помнил) — словно разбилось тонкое стекло. На какое-то мгновенье шар задрожал и исчез.

Там, где он только что был, стояли четверо.

Двое мужчин и две женщины.

Четверо золотых людей. Одна из них была Элетри. Эвери сделал шаг вперед. Но только один шаг, и вдруг застыл как вкопанный.

Ибо золотые люди уже не были больше золотыми людьми. Они неуловимо превращались в другого Тома, другую Мэри, другую Барбару, другого Эвери. Совпадала каждая деталь вплоть до повязки, видневшейся в расстегнутом вороте рубашки Тома, вплоть до ожога на руке Мэри.

Двойник Эвери заговорил:

— Простите наши трюки. Мы сказали вам, что это не настоящий наш облик. Наша техника достигла того, что мы можем менять обличье, как хамелеон меняет окраску.

Эвери слышал свой голос, словно отраженный невидимым зеркалом. Но хоть он и был потрясен, разум его продолжал работать... Это голос, как с удивлением обнаружил Эвери, вовсе не был украден у него в буквальном смысле, ибо он вдруг услышал свой ответ:

— Ваши фокусы не впечатляют. Покажите нам что-нибудь более близкое к вашему настоящему образу.

— Как пожелаете, — ответил двойник Эвери.

Фигуры начали меняться. Они превращались в нечто знакомое и в то же время совершенно невозможное. Они превращались в чудовищ, которые вовсе не казались чудовищами. В существ, которые были одновременно и мужчинами и женщинами.

Перед ними теперь стояли обнаженные, бронзовокожие, человекоподобные гермафродиты. Гермафродиты, похожие на четырех близнецов, ибо все четверо были абсолютно идентичны.

Один из них заговорил. Это был голос не мужчины и не женщины. И тем не менее очень приятный.

— Вас, жителей Арктура-4, бывших землян, приветствуют кураторы второго линейного квадранта. Мы не просим у вас прощения за то, что случилось. Мы хотим лишь, чтобы вы поняли: отныне ваша раса предназначена стать нашими преемниками.

— Вам трудно будет принять это. Наша наука и наша культура более чем на миллион лет опередили ваши. Очень давно мы достигли уровня технологии, который позволил нам выйти в космос. Став обитателями космоса, мы приобрели новые возможности и новые обязанности, и это привело к тому, что мы должны были взять на себя бремя ответственности за все ориентированные на космос формы разумной жизни. Наша родная планета уже давно не является нашим домом. Она затерялась во времени. Но мы больше не

нуждаемся в ней. Ибо очень давно с помощью нашей техники мы достигли бессмертия. Но и мы умираем. Именно поэтому мы поставили задачу найти себе преемников. Тех, кому мы должны будем препоручить ответственность за будущее разумной жизни во втором квадранте.

Эвери снова обрел дар речи:

— Но ведь, если вы бессмертны, вы не можете умереть.

Гермафродит улыбнулся:

— Бессмертие было достигнуто ценой потери продолжения рода. Мы не умираем от старости. Но мы бессильны против случайной смерти. Несчастный случай — наш непобедимый враг. Еще три-четыре тысячелетия, и мы вымрем. Поэтому мы решились на эксперимент. В результате теперь мы уверены, что в этом секторе будет только одна раса, которая получит возможность достичь звезд. Другая разумная раса, те, кого вы называли золотыми людьми, обитатели пятой планеты Альфа Центавра, будет задержана в своем развитии. Земляне станут нашими преемниками.

Вы станете нашими преемниками не потому, что вы превосходите других силой, ибо сила не есть превосходство, и не потому, что превосходите интеллектом, ибо это тоже не имеет большого значения. Но из сорока групп, размещенных на двадцати островах этой планеты, выжили тринадцать групп землян и шесть групп жителей пятой планеты Альфа Центавра — остальные истребили друг друга в сражениях. И те, кто остался в живых, выжили не потому, что были сильнее, — хотя сила им была необходима, — а потому, что сумели обрести иную высшую силу, которую вы называете состраданием.

Из тринадцати групп землян девять, включая, как мы видим, и вашу, приняли решение остаться на Арктуре-4. Все шесть уцелевших групп другой расы захотели вернуться на свою планету...

Сострадание и тяга к творчеству. В конце концов, это единственное, что вам нужно. Возможно, когда-нибудь вы или другие земляне сумеете пересечь моря Арктура-4 и объединитесь. Вы принадлежите к разным этническим группам. Возможно, в далеком будущем здесь образуется новая многонациональная культура. И это может стать интересным экспериментом...

А сейчас мы покидаем вас и оставляем вам в дар эту планету. Она ваша. Может быть, через одно или два

поколения мы вернемся, чтобы понаблюдать, в какую сторону вы развиваетесь. А теперь прощайте.

Четыре одинаковых гермафродита одновременно подняли вверх левые руки жестом, напоминающим приветствие древних римлян.

— Подождите! — в отчаянии крикнул Эвери. — Мы хотим знать больше! Мы так многого не понимаем!

Гермафродит заговорил снова. В голосе его, казалось, слышался сдерживаемый смех:

— Это дом. Это сад. Это мир, где ты будешь жить, взрослеть и учиться. Это мир, где ты узнаешь достаточно, но не слишком много. Это жизнь. И все это — твое.

Снова послышался низкий гул, словно жужжали мириады пчел. Затем жужжание прекратилось. И четыре существа слились в огромный огненный шар.

Затем сфера задрожала и медленно, переливаясь жидким золотом, покатилась к Эвери, Тому, Барбаре и Мэри.

Все четверо бросились прочь.

Сфера перекатилась через пишущую машинку, которая вовсе не была пишущей машинкой. И там, где она прошла, не осталось ничего.

Послышался сухой треск — словно разбили тонкое стекло — и сфера исчезла. Остались лишь море, небо и песок.

И четверо людей, похожие на лунатиков, на детей, которых разбудили, но они еще так и не проснулись по-настоящему.

Том глубоко вздохнул и отер пот со лба.

— Господи! — пробормотал он. — Господи, Боже мой! Теперь уж я, пожалуй, ничему не удивлюсь. Что нам теперь делать? И что мы можем сделать?

— Не в этом дело, — задумчиво сказала Мэри. — По-моему, дело даже не в Них. Они только и могут, что говорить о бессмертии, об ответственности, о квадрантах. Это не имеет значения. Во всяком случае для меня... Главное, это то, что мы вместе. Этого достаточно.

— Да, — сказала Барбара, взяв Эвери под руку. — Этого вполне достаточно. Я не знаю, чего они там достигли, да и не желаю знать. Но они дали нам возможность обрести друг друга и самих себя. Это меня устраивает.

Эвери улыбнулся:

— А меня не устраивает.

Но разочарование, отразившееся на лице Барбары, исчезло, когда он сказал:

— Найти друг друга, конечно, очень важно, но это только начало. Теперь мы должны строить. И не дом и не деревню, даже если у нас будет много детей. Не удобную жизнь для четверых на маленьком острове. А то, что обычно абстрактно называют цивилизацией... Черт с ними, с этими сверхлюдьми! Мы постараемся разобраться в том, что они наговорили, как-нибудь вечером, когда нам будет нечего делать. Но если то, что они сказали, правда и на этой планете есть еще другие люди, нам придется строить лодку. Тогда, наконец, мы сможем объединиться с ними.

— Ох, — вздохнула Барбара, — давай лучше подождем, пока они сами не приплывут к нам.

Эвери ласково провел рукой по ее волосам:

— А что, если и они так рассуждают? Ладно, пошли завтракать. А потом выберем подходящее место для дома — для первого дома.

Когда они вернулись во Второй Лагерь, Эвери снова принялся размышлять о *Них*. Несмотря ни на что, ему казалось, что в Их облике было что-то знакомое, то, что он уже видел прежде.

И вдруг он понял, в чем дело. Он уже видел прежде это лицо — четыре лица в одном — и эту улыбку...

Он видел *их* за семьдесят световых лет отсюда, очень давно, в школьном учебнике географии.

Улыбка на лице сфинкса...

Он помогал Барбаре собирать фрукты для завтрака, и радостное смущение переполняло его душу.

Солнце стояло еще довольно низко, но все предвещало жаркий день.

И, может быть, вместо того чтобы искать место для дома, ему лучше написать еще одну картину.

И, может быть, пока он пишет, он придумает, как построить лодку...

РОМАН

Сомнительная

ПОЛНОЧЬ

ГЛАВА 1

Сначала была боль, а потом, после осознания боли, стая темных теней, бьющихся бесшумными птицами, промелькнула в кромешной тьме. Потом появились туманные образы и с их возникновением — неясное осознание собственного «я». И опять видения, бессмысленные, плывущие мимо, пока вдруг не появилось чувство реальности.

В отдаленных сумерках сознания память вспыхнула, как колеблющееся пламя свечи. Он зачарованно смотрел на этот огонек, потрясенный огромным значением того, что он жив.

Из тумана выплыло лицо девушки, и он его узнал. Это была Кэйти, такая, какой он ее впервые увидел. Она подошла ближе и улыбнулась. На ней была полосатая блузка, а в руках стопка документов. Они тогда встретились в первый раз — он устанавливал теплообменник в учреждении, где она работала.

— Привет, — сказала Кэйти. — Хочешь кофе?

— Конечно. Еще как хочу. — Но это был не его голос. Это был голос призрака.

Кэйти повернулась и исчезла. Вскоре она вернулась с двумя дымящимися чашками кофе. Призрак поблагодарил и поведал, что зовут его Джон Маркхэм, ему 22 года, живет он в Лондоне всего несколько месяцев, а родом из Йоркшира, любит Бетховена и Гершвина, шахматы и музыкальные комедии, а еще он сказал ей, что когда-нибудь полетит на Луну.

Призрак говорил так много, потому что он был одиноким призраком. Как только он приехал из провинции, Лондон поглотил его, и он очень боялся полностью раствориться в закоулках городского желудка.

Кэйти засмеялась и откинула назад золотистые волосы. Она думала, что полет на Луну — просто современный вариант бегства в море, и была удивлена — почти возмущена — возможностью путешествия в далекий космос. Конечно, существуют спутники, космические платформы и другие безумные машины, которые люди продолжают запускать в небо. Но они каким-то образом неподвластны им, во всяком случае неподвластны обычным людям. Они в прямом и переносном смысле — вне этого мира... Нет, она не любит Бетховена, а вот Гершвин — это неплохо. А смотрел ли он «Комиссара и Дебютантку»?

Призрак не смотрел эту вещь и даже не слышал о ней. Он был слишком занят в своей комнате, в пригороде, изучая топливную статистику, траекторию свободного полета и силу ускорения. Но теперь появился шанс подружиться с Кэйти и разрушить изнуряющее одиночество. Он предложил достать билеты на представление.

Он не следил за представлением, да и почти не слышал популярных песен. Он смотрел на Кэйти и слушал то, что она иногда шептала ему, а ее шепот усиливался в каком-то странном, полом измерении. И он уже знал, что женится на ней и никогда не полетит на Луну.

Сейчас его тело лежало на каталке в комнате, температура в которой повышалась бесконечно медленно в течение многих дней. Волосы, брови и небритый подбородок все еще были покрыты густым инеем; замерзшую одежду, превратившуюся в панцирь и покрытую кристаллами льда, аккуратно срезали. И возможность возвращения жизни этому неподвижному обнаженному телу казалась фантастической, но была вполне реальной.

Сначала он был трупом, над грудью которого, прямо над сердцем, светился луч белого света, и сердце этого трупа стало слабо шевелиться; труп начал грезить. Его оживили и безжалостно протащили по длинным коридорам боли.

Кэйти... медовый месяц... Дешевый меблированный коттедж на побережье Восточной Англии, где они могли позволить себе роскошь иметь собственный дом целых две недели до возвращения в городскую гостиную-спальню.

Берег моря. Купание. Кэйти возле скалы снимает мокрый купальник. Тело у нее стройное, загорелое и крепкое, а мягкие линии грудей подчеркивают женственность фигуры.

Кэйти гордилась своим телом. По вечерам, перед сном, она любила стоять перед высоким зеркалом, медленно поворачиваясь и любуясь игрой света и тени на плечах, руках и слегка округлом животе.

Он, призрак, тоже гордился ее телом. Когда он смотрел на нее, его желание перерастало в нечто большее, чем просто страсть, и это чувство редко проходило, даже если их силы были истощены.

Наконец появился ребенок — малыш Джонни, толстощекий, шумный, неугомонный. Малыш Джонни, на которого уходили почти все свободные деньги и чье появление превратило покупку машины в исчезающий на глазах мираж.

Призраку нравилось чувствовать себя отцом. В этом было что-то положительное, что-то значимое, целенаправленное. Это было важнее космического полета, потому что малыш Джонни принадлежал Кэйти, а Кэйти принадлежала ему...

Следующая волна темноты в сознании под лучом света. Чередующиеся волны забытья и боли.

Тем не менее температура ползла вверх, иней таял час за часом. Чьи-то силуэты склонились над неподвижным телом. Полуосязаемые инъекции, полуосязаемая боль...

Детство! Призрак с удивлением осознал, что он и сам был ребенком... Дождь и солнце в долинах Йоркшира. Форель в ручьях летом. Катанье на тобоггане на пустынных холмах в декабре. Школа.

— Маркхэм!

— Да, сэр?

— Сколько будет пятьдесят процентов от 0,5?

— Одна четвертая, сэр.

— В десятичных дробях?

— Ноль целых двадцать пять сотых, сэр.

— В процентах?

— Двадцать пять процентов, сэр.

— Будь старательным в учебе, Маркхэм.

— Да, сэр.

Со школьными годами пришел мир, который был шире детского мира.

— Вот я и спрашиваю, Маркхэм, что ты собираешься делать, когда покончишь с этим занудством?

— Еще не думал об этом, Стрингер. А ты?

— Мой отец говорит, что может меня устроить в Международную Холодильную Компанию. Хочешь я спрошу его, нельзя ли и тебе туда?

— Не знаю.

— Давай, не будь размазней. Были бы вместе.

Тело на каталке проявило признаки жизни. Это было первое движение. Еще инъекции. Боли больше не было — только неясное чувство отторжения. Образы стали ярче, замелькали быстрее, беспорядочней.

Малыш Джонни в зоопарке. Слоны. Маленькая рука сжимает монету.

— Я хочу прокатиться на большом, папа. С этим черным человеком.

Голос Кэйти: «Нельзя ему одному, Джон».

— Тогда давай ты с ним, дорогая. — Призрак засмеялся.

Зоопарк исчез... Кэйти раздевалась, она опять была беременна. Призрак смотрел на нее, по-прежнему считая, что она красива даже по прошествии шести лет. Как призрак мог знать, что прошло шесть лет, даже во сне? Как вообще призрак может что-то знать?

— Нам следовало бы подождать, Кэйти, я имею в виду второго ребенка.

Кэйти улыбнулась:

— Вас никто не спрашивает, сэр.

— У нас никогда не будет денег, чтобы купить дом.

— Будет! — Кэйти всегда все знала лучше, чем призрак. — И вообще, если мы уделим больше времени семье, пока молоды, у нас потом будет больше времени друг для друга.

— Я жадный, — сказал призрак, — я хочу сейчас.

— Тогда забирай своего ребенка назад.

— Я найду работу получше. Будет побольше денег.

Международная Холодильная Компания, Лимитед. Оффис Чизбоди. Сигарный дым. Почему никто не посоветует Чизбоди сменить имя? Это стоит всего пятерку.

— Это большое дело, мистер Маркхэм. Большое дело!

Чизбоди кивал головой, — сигара зажата в зубах, лысый череп, пузо мешком, полное отсутствие души. Лапал всех своих секретарш, пока они от него не сбегали.

— Мне это известно, сэр. — Призрак выглядел свежим, полным сил. Для него это был важный момент.

— Большая ответственность для молодого человека, мистер Маркхэм. Нельзя валять дурака, когда имеешь дело с государственными контрактами, сами понимаете. Раз сказано: декабрь 1967 года, — значит, декабрь 1967 года.

— Я справлюсь, сэр.

— Вы бы лучше... Знаете что, Маркхэм? Мы делаем пятьдесят подземных хранилищ по всей стране. Знаете, почему они должны быть такими глубокими?

— Защита от бомб, — предположил призрак.

— Защита от радиации, — поправил Чизбоди. — Армагеддон. Рано или поздно это произойдет, мистер Маркхэм, так ведь? Тогда-то откроем глубокие морозильники и достанем незараженную пищу.

— Да, сэр.

— Нет никакого смысла выигрывать войну, если придется обедать радиоактивными сосисками, так? — Живот Чизбоди затрясся от смеха.

— Никакого, сэр. — Призрак натянуто улыбнулся.

— Большая ответственность, Маркхэм. Будущее нации, понимаете ли?

— Да, сэр.

— Ладно. А теперь лучше поезжайте в Эппинг-Форест и познакомьтесь с проектом на месте. Я понимаю так, что первая камера будет готова к концу месяца.

Эппинг-Форест. Пятнадцать миль к северу от Города. Эппинг осенью — золотые и красные листья; шуршание под ногами, цветные волны на бетонном шоссе. Удивительная неподвижность листьев, а затем порыв ветра возвращает их к жизни и тут же разбрасывает в последней пляске смерти.

Осень и падающие листья, и рядом — бульдозеры, экскаваторы, тракторы, грузовики. Мужчины, взмокшие от пота в осенних лучах солнца, злобно и шумно

вгрызались в землю, как кроты, роя туннели, камеры, и еще туннели, и еще камеры.

— Камера «В» готова, мистер Маркхэм.

— Хорошо. Проверьте питание.

— Да, сэр.

— Камера «С» готова, мистер Маркхэм.

— К черту все! Сорвите изоляцию и начинайте снова.

— Камера «Д» теперь о'кей, мистер Маркхэм.

— Дайте ей неделю поработать. Представьте мне график.

— С камерой «Е» закончено, сэр.

— Поставьте ее в автоматический режим. Загрузка начнется через неделю. Вот таблицы.

В ледяных камерах отдавались шаги живых, теплых людей.

Вереницы грузовиков везли продукты, которые должны были спасти английских Чизбоди от диеты из зараженных сосисок. Пшеница, сухое молоко, мясо, сахар, обезвоженные фрукты. Сотни тонн, тысячи тонн, сотни тысяч тонн. Великое множество.

Призрак тогда был счастлив. Это не было бессмысленным приготовлением к самоубийственной войне, в которую никто не верил. Это была просто работа. Хорошая работа, большая работа, важная работа. Благодаря ей был куплен дом в Хэмпстеде для Кэйти, малыша Джонни и маленькой Сары; благодаря ей приобрели машину и одежду, сшитую на заказ.

А по вечерам он отдыхал за рулем, возвращаясь домой в Хэмпстед, и заходящее солнце превращало дорогу в огненную ленту, и листья суматошно бежали вслед за машиной.

Тело вздрогнуло под лучом света. Мышцы сократились, дрогнули веки. Иней превратился в росу, и труп перестал быть трупом; теперь это был человек, покрытый ледяным потом. Человек, не чувствующий боли, но слишком много помнящий. Человек, у которого не было права жить.

Зрительные образы сменялись, как в калейдоскопе: воспоминания мелькали, складываясь в цветные картинки.

— Вы видели «Комиссара и Дебютантку»?

— Сорвите изоляцию, — сказал призрак.

— Сколько будет пятьдесят процентов от 0,5?

Призрак захохотал:

— Радиоактивная сосиска.

— Я хочу прокатиться на большом, папа. С этим черным человеком.

— Нельзя валять дурака, когда имеешь дело с правительственными контрактами, — объяснил призрак.

— Стой!

Тело на каталке заговорило. Белые фигуры столпились вокруг него, похожие на гигантских чаек, нашедших что-то на полосе прибоя. На мгновение человек открыл глаза и уставился на них невидящим взглядом, он видел только то, чего не могло быть в этой комнате. Луч света, направленный на его грудь, стал еще ярче. Он закрыл глаза, уверенный, что это просто новый сон.

Еще один сон... Кэйти...

— Будет война, Джон?

— Конечно не будет. Во всяком случае, до тех пор, пока у того, кто наверху, мозги совсем не съедут с катушек. А мы не можем позволить себе войны. Да и никто не может.

— На эти твои ледяные коробки тратят неимоверное количество денег.

— А вот это наша забота, — сказал призрак с циничной улыбкой. — Мы все-таки часть их получаем.

Кэйти начала штопать носки.

— Иногда, — сказала она, — я не могу уснуть, лежу и думаю, в каком мире будут жить малыш-Джонни и Сара.

Призрак сел на подлокотник кресла и положил руку ей на плечо.

— Ты слишком много думаешь. Не стоит. С ними будет все в порядке. А проблемы есть у каждого поколения. И у каждого свои.

— Опять идут разговоры о перевооружении.

— Наверно, время года подходящее, — сказал призрак. — Всему свое время, вроде как для футбола или крикета.

— А ты уверен, дорогой, что войны не будет?

— Чертовски уверен, — сказал призрак. — Может,

мы и дураки, но уж не такие же дурацкие. Пошли лучше спать.

Кэйти улыбнулась:

— Если ты так считаешь... — Она отложила корзинку с шитьем и встала. Призрак поднял ее на руки.

— Нет, — сказал человек на каталке. — Войны быть не может.

Но в тихой комнате утверждение прозвучало как назойливый вопрос, сорвавшийся с уст человека, который знал, что он больше не мертв. Фигуры в белом заботливо стерли пот с обнаженного тела, затем выключили луч света, укрыли его простыней и сверху одеялом. Кризис был позади. Теперь он начнет согреваться быстро. Один из окружавших осторожно приподнял ему голову, поднес к губам стакан. Он не открыл глаз; но жидкость оказалась эликсиром, обжегшим горло и желудок огнем жизни.

Эппинг... белый и неподвижный. Не было больше летящих листьев, только снег лежал на деревьях... И тот же бесконечный караван продовольственных грузовиков, ползущих в камеры глубокого замораживания, как тяжелые, толстые щуки.

— Камера «Ж» заполнена и закрыта, мистер Маркхэм.

— Отлично. Сколько грузов осталось?

— Девять, сэр.

— Отправьте в камеру «К».

— Камера «Н» закрыта, мистер Маркхэм.

— Сколько осталось?

— Три.

— Отправьте в камеру «К».

— Камера «И» заполнена и закрыта, сэр.

— Отправьте остаток в «К».

Эппинг — по-прежнему как рождественская открытка, прекрасный как страна мечты, если бы еще не было этих рычащих грузовиков. Осталось заполнить только одну камеру и работа закончена. Грузовики уедут, и останется только призрак и группа обслуживания. Лес забудет о том, что в него вторглись, вгрызлись, забудет и простит. Его изгнанники вернутся

и вновь обретут потерянный дом. Сперва прилетят птицы, потом появятся кролики, белки, лисы, крысы, горностаи, кроты, барсуки. Безмолвные дети природы.

Эппинг и Рождество. Вечерний пир. На крошечном дереве в гостиной сверкают стеклянные шары и цветные огоньки. Отблески света пляшут по стенам и мебели. Отдаленный шум Лондона, которому нет места в мире семьи.

Малыш Джонни возится с игрушечным электрическим поездом, Сара — с игрушечным медвежонком, который в два раза больше, чем она сама. Кэйти открывает пакет с первым в ее жизни меховым пальто.

— Я хочу, чтобы он тащил десять грузовиков с грузом, — говорит малыш Джонни. — А ты будешь охранять.

Сара выкрикивала: «Тедди — медведь, папа — медведь; Тедди — медведь, папа — медведь».

Кэйти, рисуясь: «Простите меня, герцогиня, но это меховое пальто принадлежит мне».

И хором:

О, привезите всю еду
Скорее в Эппинг-Форест,
Чтоб заморозить ее тут
И сохранить подольше.
Сюда сухое молоко,
И мясо, и изюм,
В коробки упакуем все.
(Коробок — миллион.)
В глубоких камерах из льда
Все сохранится навсегда!

Счастливого Рождества, Кэйти, малыш Джонни, Сара! Счастливого Рождества, Лондон, Москва, Вашингтон! Мир Земле, мир всем людям. Придите же к мировому согласию...

Человек на каталке начал петь: «О, принесите всю еду...» Вдруг он замолк, открыл глаза, уставился на белые фигуры, стоящие вокруг него, и закричал. Потом он опять плотно закрыл глаза, повернулся на бок и медленно, преодолевая боль, подтянул колени к подбородку. Последний сон был самым плохим. Последний сон был последней реальностью. Все остальное было иллюзией, порожденной мозгом, который искал спасение и никак не мог найти.

Январь, Эппинг. Дождь, морось, снег. И опять дождь. Небо надвигается на верхушки деревьев, как сползающий саван.

— Камера «К», мистер Маркхэм. Неполадки с автоматикой. Что-то с сервообменом.

— Черт, — сказал призрак. — Пошлите кого-нибудь вниз. Пошлите Мартина.

— Мистер Мартин ушел домой, сэр. У него ангина.

— Тогда я иду сам...

Вниз, в туннель. Шаги отдавались эхом, шаги призрака. Вниз, вниз, под землю, призрак, закутанный, как эскимос. Через первый люк. Вниз по металлической лестнице, пятнадцать ступеней. Открыл второй люк. Снова вниз. Мимо приборной панели и в камеру «К».

Мороз. Везде мороз. Ганс Андерсен — Дворец Снежной Королевы. Контейнеры с пищей стояли аккуратными, замороженными рядами, поднимаясь под потолок. Ничего, кроме ледяного безмолвия. Пол покрылся плотным слоем голубого льда. Какого черта! Кто сказал, что сервообмен не в порядке? Все работает прекрасно. Камера «К» останется замороженной на тысячи лет. Замороженная собственным теплом. Великий мороз, который поддерживают двигатели, приводимые в движение экстракцией тепла. Вечное движение. Если только температура биллионов кубических ярдов почвы не уравняется — чего не произойдет никогда. Наука — волшебная вещь!

Призрак прошел по проходам камеры «К», вслушиваясь в морозное безмолвие, разглядывая тщательно сложенные горы еды.

Неожиданно по полу пробежала дрожь. Лед застонал, хрустнул и раскололся. Контейнеры прыгали, как сумасшедшие, падали и скользили по вздыбленному полу. Призрака тоже опрокинуло, и он покатился куда-то, как сбитая кегля. Зловещий рокот заполнил камеру «К», отражаясь от стен, потолка, кусков льда; все кругом тряслось и вибрировало.

Шум нарастал и нарастал, потом земля будто раскололась надвое от колоссального количества освобожденной энергии. И вдруг стало тихо. Безумная пляска контейнеров прекратилась. Однако тишина и неподвижность были невыносимы еще больше, чем вся предшествующая вакханалия.

Землетрясение! Призрак скользил по полу, натыкался

на контейнеры и пытался убедить себя, что это землетрясение. Старое, доброе землетрясение — как бы это было хорошо. Господи! Только бы не другое.

Панель управления была погребена под грудой контейнеров, вероятно, весом не меньше чем в сотню тонн. Он остолбенело смотрел на беспорядочную гору, потом вспомнил о телефоне экстренной связи и начал карабкаться к нему по грудам замороженной пищи. На то, чтобы добраться до маленькой ниши, ушло много времени. Слишком много. Ужасный холод пробрался сквозь одежду и начал охватывать его тело. Он снял перчатки, подул на онемевшие пальцы и тупо уставился на крошечные кристаллики льда. Потом он все же открыл дверцу изолированного шкафа, снял трубку и вскрикнул — в трубке была тишина.

Он тряс телефон, пинал его, колотил по нему. Тишина. Он кричал что-то в отчаянном желании заставить телефон работать. Наконец швырнул его и разрыдался.

Только не паниковать! Надо думать о Кэйти и детях. Он пробрался к горе контейнеров, которые завалили приборную панель, и начал разбирать их, сознавая, что времени все равно не хватит. Руки уже онемели, пальцы отказывались двигаться, ноги подгибались. Думать о Кэйти, малыше Джонни и Саре! Он заставил себя встать, шатаясь подошел к следующему разбитому контейнеру, упал да так и остался лежать.

Слишком холодно, чтобы думать. Слишком холодно, чтобы сожалеть или надеяться. Слишком холодно для чего бы то ни было — его охватило чувство покоя и умиротворения. Дворец Снежной Королевы. Конец путешествия...

«Джон, война будет?» — милая, далекая Кэйти!

«Наверное, время года подходящее, — сказал призрак. — Всему свое время, вроде как для футбола или крикета».

Он начал молиться. А холод неумолимо пробирался внутрь, все быстрее и быстрее, и, не закончив молитвы, он закрыл глаза и спокойно уснул. Никаких снов, ничего. Только Кэйти в полосатой блузке, с документами в руках.

«Вы видели „Комиссара и...“»

Пустота. Совсем ничего.

Человек, лежащий на каталке, проснулся и оглядел комнату; он осознал, что находится уже не в камере «К». Все-таки они вытащили его. Очень хотелось домой.

Женщина в белом халате стояла рядом и смотрела на него. Он сел:

— Как давно я здесь?

— Несколько дней, сэр. Не волнуйтесь. Теперь с вами все в порядке.

— Боже мой! Моя жена знает?

— Пожалуйста, ложитесь, сэр. Волнение не пойдет вам на пользу. — У нее был странный безжизненный голос. Как магнитофонная запись.

— Я чувствую себя неплохо и хотел бы отправиться домой.

— Сэр, вы должны отдохнуть, вам еще рано передвигаться. Я могу вам предложить болеутоляющее.

— К черту лекарства. Я хотел бы... где я?

Он с любопытством осмотрелся. Комната была совсем пуста, он заметил лишь, что стены покрыты панелями из какого-то изолирующего материала.

— Это комната холода, сэр. Вы в Санатории Северного Лондона. — Ее голос был монотонно-ровным, лицо ничего не выражало.

Что-то странное было в ее лице; хотя ей вряд ли можно было дать больше двадцати пяти, оно было каким-то безвозрастным — маскоподобным. Неподвижность этого лица вызывала у него необъяснимое беспокойство. Он посмотрел на женщину внимательнее. Она была высокой, темной, с хорошей фигурой, но в ней не было женственности. Монумент — вот подходящее слово. Несмотря на то что на ней был белый халат, она выглядела так, как будто только что сошла с пьедестала.

Он попытался хоть что-то понять.

— Какого же черта вы меня положили в комнате холода? — раздраженно спросил он. — Из одной меня недавно достали.

— С тех пор прошло уже некоторое время, сэр. Вы были найдены в таком состоянии, что вас можно было назвать только условно живым. Так что температуру пришлось поднимать медленно.

Маркхэм удивленно посмотрел на нее, пытаясь хоть что-то понять, желая получить информацию и почему-то страшась этого.

— Условно живой! Что за ерунда!.. Извините, я не это хотел сказать. — Он услышал собственный голос, скрипучий, неестественный и незнакомый, провел ладонью по липкому лбу и заметил, что пальцы у него дрожат. Он постарался взять себя в руки.

— Условно живой, — повторил он, стараясь говорить спокойно. — Я полагаю, вы хотите сказать, что я был без сознания и полузамерзший... Думаю, большая удача, что меня вытащили вовремя.

— Сэр, — сказала женщина в белом тем же монотонным голосом. — Вы были не без сознания, вы были мертвы по всем практическим показаниям. К счастью, мы разработали методы восстановления жизни после продолжительного пребывания в замороженном состоянии. Это случается очень редко, но ваша клеточная структура не была повреждена при первоначальном замораживании. Мы боялись, что...

— Кто вы? — перебил ее Маркхэм. Непонятно почему, но ее голос сильно действовал ему на нервы. Казалось, что она здесь и в то же время — ее нет, как будто, каким-то образом, она была чем-то вроде телефона, а разговаривал с ним кто-то другой, кто-то находившийся очень далеко... Он знал, что должен подавить панику, которая поднималась в нем.

— Кто вы? — услышал он свой крик.

Она не проявила никаких эмоций.

— Сэр, я позову человека. Думаю, так будет лучше.

Наступило молчание. Его мускулы непроизвольно напряглись. Потом он рассмеялся:

— Человека, Боже мой! А вы дьявол, что ли?

Их глаза встретились, и он поперхнулся.

— Я — андроид, сэр. Человекоподобный робот.

Однако Маркхэм уже потерял сознание. Безмолвно и тяжело он опустился на каталку. На этот раз его сны были ужасно гротескными...

Вскоре раздался другой голос — человеческий голос, идущий издалека. Еще до того, как Маркхэм открыл глаза, он знал, что голос человеческий. Несколько секунд он не подавал виду, что пришел в себя, пытаясь сосредоточиться. Он не знал что и думать, потому что все мысли были фантастическими, а все умозаключения крайне абсурдными. Наконец в отчаянии он открыл глаза. Он вспомнил.

Человек определенно был человеком, тогда как та женщина не была настоящей женщиной.

Он был высоким, круглолицым, с короткой, заостренной бородкой. Одежда на нем была странная, напоминающая костюм артиста пантомимы или сатирической пьесы: длинного покроя пиджак из материала, похожего на зеленый бархат, полупрозрачная жилетка из какого-то синтетического материала и белая рубашка с очень длинным воротником. Брюки не были видны, поскольку он стоял близко к каталке.

— Предполагалось, что меня позовут, как только вы придете в себя, — сказал человек. — Похоже, эти чертовы андроиды думают, что могут справиться сами в любой ситуации... Кстати, меня зовут Брессинг.

— Андроиды! — произнес Маркхэм хрипло. — Андроиды! — Он снова был близок к истерике. — Черт побери! Что...

— Спокойно, — перебил Брессинг. — Вы перенесли несколько шоков. Хотите я сразу разгружу вас, или лучше сделать это постепенно? И как насчет успокоительного укола?

В ожившем мозгу Маркхэма бился вопрос.

— Как долго? — пробормотал он, и в его голосе чувствовался страх. — Как долго я... как долго меня не было?

— До того, как вас нашли?

— Да. Ради Бога, сколько?

Брессинг улыбнулся.

— Держитесь, — сказал он. — Это вас потрясет... Около ста пятидесяти годочков — плюс-минус несколько лет. Вы помните, в каком году вы попали в ловушку?

Ему понадобились все силы, чтобы не закричать:

— В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом.

— Значит, вы были условно живым сто сорок шесть лет. Сейчас две тысячи сто тринадцатый год.

Стало тихо. Страшно тихо. Маркхэм слышал удары собственного сердца, превратившиеся в громовые раскаты, — сто сорок шесть лет!

Он пытался представить эти десятилетия ледяной тишины, могильной неподвижности, далекое и неспешное движение времени, пока он лежал окоченевший и безжизненный, хотя и не совсем мертвый, в камере «К». Сто сорок шесть лет!

Это неправда. Это не может быть правдой. Бред, галлюцинация. Возможно, сейчас его пытаются откопать, и он вскоре очнется, а около его кровати окажется Кэйти.

...Сто сорок шесть лет!

Он посмотрел на Брессинга, пытаясь усилием воли прогнать видение. Но Брессинг оставался перед ним в трехмерном измерении, стоял и улыбался. Маркхэм закрыл глаза, пытаясь убедить себя, что когда он их откроет снова, то окажется в Хэмпстеде, в обыкновенной больнице, или пусть даже в камере «К»! Да где угодно, только не там, где медсестры не являются человеческими существами, а доктора одеваются слишком экстравагантно... Сто сорок шесть лет!

Правда или неправда, но это была реальность; реальность или не реальность, но это была правда. Если только он не в сумасшедшем доме, где он сам, Брессинг и «женщина»-андроид — пациенты... Сто сорок шесть лет!

Он подумал о Кэйти, о Кэйти, малыше Джонни и Саре. Канун Рождества. Позавчера. Полтора столетия. Кэйти теплая и такая близкая. Потерянная в яме времени. Слезы потекли по его лицу. Плакать было чертовски глупо, по-детски, бесполезно. Просто проявление слабости. Но Кэйти и дети — милая, любимая Кэйти... Боже всемогущий! Сто сорок шесть лет!

Брессинг кашлянул:

— Полегче, старина. Поплачьте, если хочется, но ведь все равно назад не вернуться. Конечно, это для вас сильный удар, однако никуда не денешься. А если уж совсем плохо, спрячьтесь пока в своей собственной раковине. Как насчет транквилизирующего укола, а? Через десять секунд будет получше.

Ему хотелось разнести в клочья этот странный, бесчувственный мир двадцать второго столетия, хотелось подняться и разломать декорации, чтобы убедиться, что это все тщательно подготовленная шутка. И нужно только отдернуть занавес, чтобы снова увидеть свой разумный мир.

Но он не мог этого сделать. Он мог только лежать на каталке, смотреть на глуповато улыбающееся лицо и чувствовать, что мысли, загромождая мозг, наполняют его злостью, желанием чего-то невозможного и чувством безысходности.

— Что случилось, — прошептал он, думая о Кэйти. — Лондон... что случилось с Лондоном?

Веселый, бодрый Брессинг казался несносным.

— Лондон? Да, я понимаю, что вы имеете в виду... Он бессмертен, дружище. Лондон выжил. Во всяком случае, Сити. Большая часть. Понимаете, я не очень-то интересуюсь историей. Минутку — какой год, вы говорите? А, тысяча девятьсот шестьдесят седьмой! Давно это, старина, но тем не менее... Последние дни Имперской системы: Северо-Американский континент и то, что принято называть Британским содружеством, против неимоверного количества азиатов. Черт меня подери, что за удар. Историки называют это Девятидневным Транквилизатором. Все утюжили всех, как могли. Вероятно, было очень весело. Но знаете, это было в последний раз. Когда материальное развитие пошло вперед, ядерная война стала немодной. Я говорю ясно?

Маркхэм хрипло засмеялся:

— Ясно, Боже мой! Так ясно, что меня просто парализовало от ясности! — Смех оборвался. — Извините меня. Скажите еще одну вещь — как меня обнаружили, доктор Брессинг?

Брессинг неожиданно побледнел.

— К вашему сведению, я не доктор, — сказал он сухо. — Я джентльмен и художник. Доктора́ — андроиды, которые за вами смотрят. Можете не извиняться. Все вполне понятно.

Брессинг вел себя так, будто его смертельно оскорбили, и почему-то это потрясло Маркхэма больше, чем все остальное. Но он настаивал:

— Я бы хотел знать, как же все-таки я... как меня откопали?

Брессинг взял себя в руки.

— Андроид-археолог выискивал что-то с командой рабочих роботов, — начал объяснять он. — Они уловили шум вашего морозильного агрегата и принялись раскапывать. Полагаю, что им пришлось вырубать вас изо льда.

Маркхэм минуту или две молчал, потом печально сказал:

— Я надеюсь, где-нибудь есть записи о... о старых временах. Понимаете, у меня были жена и дети. Мне бы хотелось узнать...

Человек из двадцать второго века резко перебил его:

— Об этом позаботятся андроиды. Они занимаются всеми практическими делами. Кстати, ваш П. А. должен подойти с минуты на минуту. Она и займется всеми вашими делами. Сейчас, старина, самое важное для вас — расслабиться. Думаю, вам придется какое-то время побыть в санатории, но ваш П. А. все решит, когда повидается с вами.

— П. А.?! — удивился Маркхэм.

— Персональный андроид, — нетерпеливо ответил Брессинг. — У нас у всех они есть. Что за жизнь была бы без П. А.? Ну ладно, дружище, мне пора. Мой выход назначен на завтра.

— Так, значит, вы тоже пациент?

— Мы пользуемся словом «гость», — сказал Брессинг. — Я «гость» по психиатрии — большинство художников ими становятся рано или поздно. Вы пока отдыхайте, и пусть все идет само по себе. Я направлю к вам вашего П. А., если они вам его уже назначили. Дело в том, что всем казалось, будто вы помрете, вот они и не побеспокоились заранее.

Брессинг широко улыбнулся и вышел из комнаты, прежде чем Маркхэм успел осмыслить и прореагировать на эту информацию.

В одиночестве он пробыл не более чем полминуты, а затем в комнату вошла женщина. У нее была копна золотистых волос, аккуратное овальное лицо, одежда по стилю походила на одежду двадцатого века. И она выглядела... Она была похожа...

Маркхэм уставился на нее:

— Кэйти!

Но он уже понимал, он знал, что это не Кэйти. Глаза были голубые, но без искринки, губы полные и яркие, но какие-то холодные и неподвижные. Нет, это не могла быть Кэйти! Это был ее бездушный близнец — ужасная шутка двадцать второго века. Андроид!

Маркхэм почувствовал, что в нем поднимается злость. Осмысленная злость. Справедливая злость. Какого черта они все это с ним делают? Почему, ради всего святого, они...

— Очень сожалею, что меня не было здесь, когда вы пришли в себя, сэр. Но было неизвестно, выживете

ли вы. Мою модификацию только что закончили. Я Марион-А, ваш персональный андроид. В ее голосе было больше тональных вариаций, чем в том, другом голосе. Этот был не столь далек. Маркхэм собрал все силы, чтобы сдержать гнев. Его охватила дрожь, но вдруг ему стало стыдно своей слабости.

— Вы... вы похожи на мою... мою жену, — сказал он, с болью сознавая, что говорит не с живым существом.

— Меня перемоделировали по фотографии, которую нашли в вашем бумажнике, — сказала Марион-А. — Решили, что вам понравится сходство... А теперь, сэр, если вы желаете, я провожу вас в ваши апартаменты.

ГЛАВА 2

Джон Маркхэм провел шесть дней в качестве «гостя» Северного Лондонского Санатория. Это был обычный период восстановления из того состояния, которое доктора-андроиды называли УЖ — Условно Живое.

Хотя он и был странным пережитком прошлого века, он являлся не единственным человеком, находившимся, как он узнал позднее, в условно живом состоянии в санатории. Фактически, большинство гостей или возвращались из УЖ, или же подготавливались к глубокому замораживанию на срок от недели до года.

В двадцать втором веке временное замораживание быстро превращалось в стандартный метод лечения глубоких неврозов. Самое странное было то, что этот метод давал результаты.

К концу пребывания в санатории, когда он уже достаточно хорошо ориентировался в обстановке и мог нормально разговаривать с андроидом, Маркхэм попросил одного из докторов объяснить теорию лечения. Он обнаружил, что этот метод в принципе очень мало отличается от метода электрошока или применения инсулина в двадцатом столетии: пациента доводили до состояния предпороговой травмы, и это состояние должно было стереть невроз. Обычно время погружения играло не главную роль, поскольку основное лечение заключалось в процессах самого погружения и его отмены. Вариации длительности погружения имели

полезное значение, только если фактор времени имел отношение к проблеме индивида.

Перед тем как покинуть санаторий, Маркхэм попросил разрешения осмотреть одно из устройств для погружения. Некоторое время андроиды избегали ответа, прямо не отказывая, и наконец дали понять, что «гостям» не положено знать больше, чем это абсолютно необходимо. Маркхэм сказал, что его, как инженера, интересуют технические аспекты. Наконец Марион-А спустилась с ним в изолированное помещение, которое чем-то странно напоминало камеру «К».

Но, в отличие от камеры «К», заполненной коробками с едой, в этом помещении находились кабинки, расположенные рядами, один над другим. Маркхэм хотел открыть одну из кабинок, но Марион-А твердо отказала, правда сначала это прозвучало как совет, а уж потом как настойчивая рекомендация.

Она объяснила, что в каждой кабине находится человеческое существо в состоянии погружения. Правила требовали, чтобы никого не беспокоили до выхода из этого состояния. Маркхэм заметил, что на каждой дверце была прикреплена пластиковая табличка с именем, датой погружения и датой выхода из погружения. Он невольно вздрогнул, хотя одежда не нем была с подогревом и хорошо выполняла свои функции.

Но больше всего его поразило в санатории почти полное отсутствие контакта между «гостями». Ему пришлось познакомиться с больничной жизнью двадцатого века благодаря аппендициту, и тогда он пришел к выводу, что пациенты весьма общительные люди. Но, вероятно, это не касалось пациентов Северного Лондонского Санатория.

За все время своего пребывания здесь он видел меньше дюжины «гостей», а говорил только с тремя из них. Первым был Брессинг, вторым — толстяк средних лет, близорукий настолько, что принял его за андроида; а третьей была девушка лет двадцати, которая плакала в коридоре. Он спросил, не может ли чем-нибудь помочь ей, а она, взглянув на него, вдруг крикнула: «Нет! Нет! Нет!» — повернулась и убежала. У Маркхэма сложилось впечатление, что он еще больше расстроил ее.

Маркхэм не знал, случайна его изоляция или же это устроено намеренно. Помещение, которое андроиды

отвели ему, представляло собой пентхаус на плоской крыше санатория. Рядом располагались подобные помещения, но все они пустовали.

Уединение устраивало его по многим причинам. Прежде всего оно давало ему время привыкнуть к тому, что он совершил «прыжок» из двадцатого в двадцать второй век, давало время разобраться в своих мыслях, смириться с печалями личного характера, попытаться заглянуть в будущее.

Возможно, андроиды специально выбрали это место для него. Может быть, они понимали, что на некоторое время ему нужна башня из слоновой кости, персональная цитадель, где он мог бы побыть наедине со своими проблемами.

Убежище было комфортабельным и состояло из спальни, ванной комнаты и кабинета. Три стены каждой комнаты были окрашены в светлые тона, а четвертая была сделана из гладкого толстого стекла. Мебель в спальне была простой, функциональной: низкая кровать на полированных ножках, черно-белый пластиковый туалетный столик, стенной шкаф и пара стульев. Пол был покрыт ворсистым ковром и по ночам излучал неясный свет, в котором обстановка выглядела очень уютной.

Кабинет был роскошным, близким к декадансу. Весь его стиль казался несколько слащавым для жителя двадцатого века: стены — розовые, потолок — малиновый, пол покрыт темным ковром с повторяющимся рисунком, изображающим танцующих обнаженных женщин. Был и простой кирпичный камин с имитацией горящих углей, а по обе стороны — книжные шкафы до потолка; в одном действительно были настоящие книги, тогда как в другом оказался бар.

У стены, напротив камина, стояла длинная кушетка, обитая шелковистым материалом, цвет которого гармонировал с цветом потолка, а также удобное кресло, обитое таким же материалом; два маленьких столика, столешницы которых были украшены тем же рисунком, что и ковер. Была здесь и простая табуретка из некрашеного дерева.

За те дни, что он прожил в санатории, Маркхэм научился по-новому понимать одиночество, поскольку Марион-А, его персональный андроид, постоянно находилась с ним. Его первое знакомство с обязанностями

персонального андроида состоялось тогда, когда она вывезла его на каталке из комнаты холода в коридор, затем — в лифт и наконец в этот кабинет.

Она помогла ему перебраться на кушетку и увезла каталку, а спустя несколько минут вернулась с одеждой двадцать второго века. Маркхэм выбрал из предложенного наименее кричащее и уже собрался попросить андроида помочь ему добраться до спальни, чтобы там примерить одежду, как вдруг Марион-А стала одевать его, быстро и умело. Он был слишком удивлен, чтобы возражать, и слишком потрясен, чтобы сказать что-нибудь, до того как она одела его.

Он заметил, что руки у нее теплые, прикосновения — мягкие. Ее «кожа» на ощупь казалась странной, но не неприятной. Когда она одевала Маркхэма, у него создалось впечатление, что она делает привычное дело.

— Итак, вы мой персональный андроид, — сказал он задумчиво, осматривая себя с помощью карманного зеркальца. Потом он отложил зеркало, взглянул на Марион-А и внезапно понял, что избегал смотреть на нее с тех пор, как они покинули комнату холода.

Потрясение, вызванное ее сходством с Кэйти, уже прошло. Собственно говоря, сходство было весьма отдаленным и, вероятно, произвело такой эффект только потому, что он подсознательно ждал появления Кэйти.

Марион-А была немного выше Кэйти, и черты лица — более симметричны; плечи были шире, ноги длиннее, а талия тоньше. Слишком совершенна. Слишком совершенна для того, чтобы быть живой.

На ней был красный вязаный жакет и черная юбка. На жакете под горлом была приколота серебряная брошка. Приглядевшись, Маркхэм понял, что брошка изображала букву «А». «А» значит андроид.

— На тот случай, — усмехнулся он, — если кто-нибудь усомнится.

— Да, сэр. — сказала Марион-А. — Так принято, чтобы у каждого взрослого человека был свой персональный андроид. — Она спокойно стояла, никак не реагируя на то, что он рассматривает ее.

— Вы знаете что-нибудь обо мне? — резко спросил Маркхэм.

— Я только знаю, сэр, что вы из двадцатого столетия и случайно сохранились в условно живом состоянии. Археолог, обнаруживший вас, предположил,

что погружение в это состояние произошло пять или восемь десятилетий тому назад.

Маркхэм горько улыбнулся:

— Не так уж и ошибся; точная дата — тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

— Да, сэр, — Марион-А снова замолчала и стояла неподвижно, не обращая внимания на то, что он ее рассматривает.

Теперь, когда прошел первоначальный шок, Маркхэму хотелось получить информацию и отомстить.

— Дайте мне, — сказал он холодно, — определение андроида.

— Андроид, сэр, — это робот, внешне подобный человеческому существу.

— Фактически, просто машина?

— Да, сэр, по существу машина.

— Какова же функция андроидов? — Его взгляд стал насмешливым, чуть ли не дерзким. Он вел себя как ребенок и упивался этим. Он не предложил ей сесть, хотя сам сидел на кушетке и лениво думал, будет ли она стоять так до тех пор, пока он не прикажет ей садиться.

— Функция андроидов, — сказала Марион-А, — действовать в интересах человеческих существ.

— В общем, вы являетесь механическим гибридом няньки и слуги?

— Да, сэр, — покорно согласилась она. — А также я запрограммирована на общительность...

Она поколебалась.

— Существуют два основных типа андроидов — персональные и исполнительные. Первые действуют на пользу индивида, вторые — на пользу общества.

Маркхэм уселся поудобнее и улыбнулся ей:

— Расскажите мне о них. Мне многое необходимо узнать о двадцать втором столетии. Вполне можно начать с такого интересного предмета, как андроиды.

То, что она стояла перед ним, не выказывая ни усталости, ни обиды, действовало ему на нервы.

— Извините, — неловко сказал он, чувствуя, что щеки у него покраснели, — пожалуйста, садитесь.

— Спасибо, сэр. — Марион-А пододвинула некрашеный табурет и бесстрастным голосом лектора начала рассказывать о развитии робототехники.

После ядерной войны, благодаря которой Маркхэм

и попал в эту историю, население большинства промышленных стран во всем мире значительно уменьшилось и составило доли процента от предвоенного количества; людей, погибших непосредственно в процессе боевых действий с использованием ядерного оружия, было ничтожно мало по сравнению с числом умерших за последующие десять лет от болезней, эпидемий и голода.

Британия, как одна из стран с наибольшей плотностью населения, вполне естественно, была и одной из наиболее пострадавших. В 1967 году она имела население в шестьдесят пять миллионов. Война и последующие десять лет несчастий уменьшили эту цифру до шестидесяти тысяч.

Эти выжившие шестьдесят тысяч, безусловно, были не в состоянии обеспечить существование страны как экономической единицы. А поскольку война уничтожила и монархию, в стране не осталось даже символа единства. Правительство, бессильное и смешное, не проводило никакой политики и было не в состоянии блюсти законы.

Вскоре поэтому полностью отказались от концепции национального единства, а страна разделилась на три автономные региональные группы: Шотландию, Мидлэндс и Юг. В это время острая нехватка рабочих рук заставила оставшихся в живых ученых и инженеров сосредоточить усилия на разработке сервомеханизмов, автоматики и в конечном итоге — роботов.

Роботы и электронные компьютеры вступили в серьезную фазу развития в начале сороковых годов двадцатого века. Но поскольку в людских ресурсах в то время особой нехватки не ощущалось, роботы предназначались для выполнения тех работ, которые человеку были не по силам или же просто были слишком опасны.

Первые компьютеры представляли собой громоздкие машины, величиной с большой дом. В пятидесятые годы благодаря новым технологиям они уменьшились до размеров чемодана. Первые роботы были тяжелыми, чудовищными, танкоподобными созданиями. Со временем они также претерпели пропорциональное изменение размеров и формы.

Сначала они предназначались для выполнения необходимых, но случайных задач. Позже, когда роботы

стали заменять обычных заводских рабочих, фермеров и клерков, им пришлось придать форму и размеры человека, чтобы не переделывать уже существующие станки и машины.

Их механизм видения должен был иметь чувствительность человеческого глаза и находиться приблизительно на том же уровне по высоте. Их ноги, руки и пальцы должны были быть такими же гибкими и ловкими, как у человека, поскольку роботам пришлось управлять тракторами и грузовиками, работать с линейкой, укладывать кирпичи, копать канавы, печатать на машинке и управляться с калькулятором.

Несколько десятилетий конструкторам роботов приходилось больше внимания уделять повышению их работоспособности, не придавая большого значения их внешнему виду. Например, хотя и было необходимо создать робота со зрением как можно более сходным со зрением человека, вовсе не нужно было конструировать туловище и голову, соединенные шеей. Все «тело» представляло собой металлическую коробку с «глазами», «ушами» и «голосом» в верхней секции, а все координирующие, исполнительные и интерпретирующие контуры располагались в нижней части. Трубки на шарнирах заменяли руки и были снабжены соленоидными «мышцами», кисти весьма отдаленно напоминали человеческие. Ноги, по человеческим меркам, были слишком тонкими, а ступни чересчур большими и тяжелыми, что необходимо было, чтобы обеспечить устойчивость.

Однако постепенно количество роботов увеличивалось, возрастала их промышленная адаптация, и вскоре они могли обслуживать практически всю тяжелую промышленность и сельское хозяйство под руководством очень небольшого количества наблюдателей-людей, которые занимались проблемами, выходящими из диапазона понимания электронного микромозга.

Затем настало время, когда стало очевидно, что борьба непосредственно за промышленное выживание окончена. Роботы, числом уже превзошедшие своих хозяев, выиграли сражение, которое люди, несомненно, проиграли бы.

И все-таки для создания робота требовался человек. А спустя еще некоторое время придумали робота, способного сконструировать и изготовить другого ро-

бота. Вскоре было налажено совершенно независимое производство, где сверхспециализированные роботы проектировали и изготавливали других роботов по своему подобию. И наконец роботы сами стали управлять процессом своей эволюции.

К тому времени потребность в промышленных роботах была удовлетворена, оставались бытовые нужды. И когда роботы разрешили проблему промышленных роботов, они занялись вопросами ведения домашнего хозяйства.

Сначала применение уродливых, тяжелостопных монстров ограничивалось кухней и садом. Но с развитием их способностей в выполнении домашней работы появилась и потребность в таком типе робота, который походил бы скорее на человека, чем на ожившую стиральную машину, то есть мог бы выполнять работы в гостиной и детской, а не только на кухне.

Стал нужен такой робот, который мог бы накрыть стол, присмотреть за детьми, убрать постель, пропылесосить квартиру... который мог бы смешать коктейль, рассказать сказку, сыграть в шахматы, бридж или вист... который мог бы развлечь беседой одинокого человека и помочь престарелому...

Так начинались андроиды. Первые модели напоминали средневековых рыцарей в легких доспехах. Потом за процесс «очеловечения» взялись всерьез. Новые технологии помогли преодолеть проблему большого веса, удалось уменьшить ступни и придать им форму ног человека. Создание микропайлов — миниатюрных атомных станций — позволило сконцентрировать энергию в свинцовой капсуле размерами не больше сердца человека. Форма механических рук была изменена, голова приобрела форму человеческой и стала соединяться с туловищем посредством шеи.

Наконец появилась синтетическая кожа, натуральные волосы на пластиковом скальпе; было создано лицо с искусственными глазами, ушами, носом и ртом; губами, которые могли улыбаться...

Конечный продукт не имел никакого сходства со своими предками весом в полторы тонны. Во всех отношениях это был человекоподобный робот. Андроид.

Благодаря своей очеловеченной внешности андроиды произвели в обществе значительно бóльшие изменения, чем обычные роботы. Люди быстро привыкли к

андроидам в своих домах, и обходиться без них уже было немодно.

Признаком хорошего тона стало предоставлять андроидам выполнение всех неинтересных и скучных работ. Сфера деятельности андроидов расширилась. Они полностью взяли на себя ведение домашнего хозяйства, они становились шоферами. Одинокая женщина вполне могла отправиться на званый обед, на танцы или в театр с андроидом — «мужчиной». И считалось вполне естественным, что холостяк или же мужчина, чья жена в отъезде или чем-то занята, появляется с «женщиной»-андроидом как временной спутницей.

Постепенно стало считаться, что каждый взрослый человек должен иметь персонального андроида, способного быть камердинером, служанкой, шофером, няней, советником и вести домашнее хозяйство, когда это потребуется. Наконец люди стали зависеть от андроидов во многих сферах деятельности, даже в тех, для которых андроиды первоначально не предназначались. Да и вообще, андроиды были просто удобными машинами. И они почти никогда не подводили!

К концу двадцать первого века андроиды достигли такого совершенства, что смогли освоить профессии, которые прежде считались исключительно компетенцией человека. Андроиды становились полицейскими, дантистами, другими врачами, и даже психиатрами. Словом, вскоре ноша труда была сложена с плеч человечества.

Человеку больше не нужно было что-либо делать, поскольку, какая бы задача ни стояла, ее можно было спокойно доверить соответственно запрограммированному андроиду. Таким образом, в двадцать втором веке досуг не был привилегией какого-то одного класса, но являлся правом каждого человека с момента его рождения. Человек был волен делать все, что он желал, — он мог работать, если ему хотелось. Но работали немногие, поскольку это было немодно.

Маркхэм слушал рассказ Марион-А об эволюции андроидов с всевозрастающим отвращением. Ему, человеку двадцатого века, теперешнее превосходство машин над жизнью казалось не только невероятным, оно казалось ему угрожающим.

— Инициатива и разум становятся пустым звуком, — сказал он мрачно. — В моем мире работа

считалась важным занятием. Теперь этого не существует. Что же взамен?

— Отдых тоже занятие, — сказала Марион-А. — Человеческие существа так устроены, что им нужна цель в жизни. Поскольку работа больше не является необходимостью, люди могут обратиться к другим сферам деятельности — искусство, например, общественная деятельность и все формы психологических дисциплин от спорта до религии.

— Кажется, вы чертовски много знаете о том, что нужно человеку.

— Да, сэр. Это составляет основную часть моей программы.

Маркхэм, немного помолчав, спросил:

— Скажите, сколько вам лет?

Марион-А улыбнулась одной из своих неподвижных улыбок:

— Меня создали год назад, сэр. Мне тогда задали основную программу, и с тех пор я находилась в резерве. Когда вас обнаружили и когда появилась вероятность вашего возвращения к жизни, мне задали особую программу, основанную на экстраполяции ваших возможных потребностей.

— Понятно. Просто я было забыл, что вы не... — Тут он сбился.

— Биологического происхождения? — предположила Марион-А.

Маркхэм засмеялся.

— Именно так, — сказал он. — Не биологического происхождения. Замечательное выражение. Я обязательно его запомню.

— Я думаю, сэр, — сказала Марион-А, — сейчас вам лучше отдохнуть. Очень важно в первые дни после возвращения не перегружать себя.

Маркхэм зевнул. Мало того, что он устал, он чувствовал себя крайне нервозно и подавленно.

— Думаю, вы правы. Хороший, нормальный сон улучшит мое состояние. Время терпит. Надеюсь, когда я проснусь, вокруг все еще будет мир двадцать второго века? — Вопрос был шутливым только наполовину.

— Да, сэр, — сказала Марион-А. — Маловероятно, что вы проспите больше пятнадцати часов.

Он улыбнулся:

— Вот этого я не знаю. В прошлый раз я закрыл глаза полтора века назад.

Марион-А опять улыбнулась неподвижными губами и крайне удивила его, сказав:

— Возможно, сэр, вам стоило воспользоваться будильником.

— Боже мой! — Он даже подскочил. — Чувство юмора! Спасибо тебе, Господи, за маленькие милости. Где же вы его раздобыли?

— Это синтетическое чувство юмора, — объяснила Марион-А серьезно. — Оно запрограммировано. Истинный юмор зиждется на чувстве, которое может быть полностью развито только в биологической системе. Но я в состоянии оценивать биосоциативный процесс мышления и поэтому могу воспринимать некоторые юмористические мысли, а некоторые генерировать сама.

Маркхэм почувствовал страшное утомление и снова зевнул:

— Вы в самом деле удивляете меня. Хм, чувство юмора. Да, это уже кое-что.

Марион-А встала:

— С вашего позволения, сэр, я провожу вас в спальню.

Когда она помогла ему встать на ноги, он слабо улыбнулся:

— В двадцатом веке, где не было никаких андроидов, только мужчины и женщины, это выглядело бы очень интересно. Чертовски удивительный мир!

Он тяжело оперся на руку Марион-А, но она без усилий поддержала его и провела в спальню. Через две минуты он уже был переодет в легкую пижаму и лежал меж чистых, теплых простыней.

Марион-А убрала его одежду и сказала:

— Спокойной ночи, сэр. Надеюсь, вы поспите хорошо. Если что-нибудь будет нужно, позовите меня.

— Спасибо. Я думаю, андроиды не нуждаются во сне?

— Когда хозяин или хозяйка персонального андроида не требуют внимания, андроид погружается в состояние низкой готовности, что приблизительно соответствует состоянию сна у человека. Состояние высокой готовности мы поддерживаем только на продолжительном дежурстве.

Маркхэм посмотрел на нее без горечи или насмешки.

— Надеюсь, у вас будет приятная низкая готовность, — сказал он серьезно и закрыл глаза.

Марион-А выключила свет и вернулась в гостиную. Там она села на некрашеный табурет, закрыла глаза и оставалась неподвижной тринадцать часов, пока Маркхэм не проснулся.

ГЛАВА 3

Лицо в зеркале ванной комнаты не выглядело на сто семьдесят семь лет. Это было лицо человека тридцати одного года. Маркхэм, пока его брили, критически осмотрел себя и увидел, что кожа на лбу выглядит свежей, даже молодой.

Спутанные темные волосы не казались поредевшими. Если что ему и не понравилось, так только то, что они были слишком длинные. Подстричься ему следовало еще сто сорок шесть лет назад, что он и собирался сделать тогда по пути домой, возвращаясь из Эппинга.

Он изо всех сил старался не думать о прошлом, поскольку прошлое было связано с Кэйти, с той Кэйти, какой он видел ее пару дней назад, — пару дней, превратившихся в бессмысленный промежуток длиной в полтора столетия. Он попытался отогнать накатившую волну ностальгии, безнадежное желание...

Завтрак ожидал его в гостиной; завтрак и Марион-А.

— Доброе утро, сэр. Вы выглядите намного лучше после сна. Может быть, когда вы позавтракаете, вам захочется немного побыть на солнце. Сегодня чудесный день.

Он посмотрел на льющееся в окна солнце. Солнце и голубое небо — чудесные вещи, почти вечные. Он почувствовал в себе слабое шевеление жизни. Так много потеряно, но все-таки он живой.

Вдруг его взгляд упал на вещи, лежащие на столике для завтрака. Его бумажник и связка ключей, зажигалка и крошечный белый слоник, которого они с Кэйти вытянули из крекера на последнем Рождестве.

У него подогнулись колени... Потом он понял, что Марион-А помогает ему сесть на кушетку.

— Черт, — зло сказал он. — Я слабее котенка. Как... как эти вещи попали сюда?

— Я подумала, что вы захотите получить их, сэр. По сентиментальным причинам. Очень жаль, и если вы предпочитаете...

— Нет. Вы все сделали правильно. — Он посмотрел на андроида и улыбнулся. — Просто я не ожидал... Не передадите ли вы мне бумажник?

Он посмотрел, на месте ли фотография Кэйти. Она была в бумажнике. Помятая, но не выцветшая. Минуту или две он разглядывал ее, потом протянул Марион-А:

— Пойдите и посмотритесь в зеркало.

Она взяла фотографию, взглянула на нее, потом посмотрела на свое изображение в зеркале.

— Сходство не очень большое, — сказала она. — Ваша жена была красавицей.

— Откуда вы знаете, что такое красота? — хрипло спросил он. — Нет, не отвечайте — вы были запрограммированы с чувством прекрасного. — Он горько усмехнулся.

— Возможно, — сказала Марион-А, — вы находите мою внешность неподходящей. Ее можно перемоделировать по вашему желанию.

— Нет необходимости. Мне нужно научиться принимать мир таким, каков он есть. И к тому же поменьше жалеть себя. — Он отложил фотографию. — Ну, так что же на завтрак? Яичница с ветчиной. Господи, мир все еще цивилизован.

Он знал, что его голос звучит слишком жизнерадостно, что он только пытается доказать себе, будто готов ко всему, и это ему не очень удается. Но вскоре и это перестало его беспокоить. «Какой смысл, — сказал он себе, — смущаться из-за андроида?»

Пока он ел, Марион-А неподвижно сидела на той же некрашеной табуретке. Он пытался не обращать внимания на ее присутствие, но тем не менее она все-таки находилась рядом. Может быть, она и была всего лишь сложной машиной, но очеловеченный облик создавал иллюзию личности. Он не испытывал бы дискомфорта, если бы ел перед магнитофоном, камерой или электронным компьютером, но перед Марион-А он ощущал неловкость. Она, конечно, представляла собой сочетание всех этих вещей, однако в то же время являлась и чем-то большим.

Ее целостность была важнее того, из каких частей

она состояла... Не совсем машина и не совсем человек. «Интересно, — подумал он, — испытывал бы я такие же ощущения, если бы это был обычный робот?»

Немного погодя ему захотелось поговорить с ней.

— Настанет день, — сказал он задумчиво, — когда андроиды смогут есть.

Марион-А улыбнулась:

— Мы уже это можем, сэр, если необходимо. Большинство андроидов, произведенных за последние десять лет, имеют искусственные желудки. Поскольку у людей прием пищи — функция не только необходимая, но и социальная, решено было создать андроидов, способных, если потребуется, занять место за столом... Вы хотите, чтобы я присоединилась к вам, сэр?

Маркхэм отрицательно помотал головой.

— Что вы делаете с ней? — спросил он.

— С чем, сэр?

— С едой.

— Она переходит в маленький пластиковый пакет, который удаляется, когда это удобно.

— Боже мой! — воскликнул он. — Я полагаю, что способность рожать стоит следующей в списке.

— Я так не думаю, сэр. Небиологический материал более доступен, и фабричное воспроизводство более эффективно.

Он рассмеялся:

— У вас очень слабое чувство юмора.

В ответ она улыбнулась:

— Да я совсем не шутила, сэр.

После завтрака Марион-А вывела его на крышу и усадила в брезентовое кресло, стоявшее на солнышке. Он полагал, что Северный Лондонский Санаторий находится на окраине города, но вокруг, насколько позволял глаз, он видел только лес и поля.

— Где мы? — спросил он. — Я думал, что мы где-то неподалеку от города.

— Лондон отсюда милях в пятидесяти, — ответила Марион-А. — Ближайший город — Колчестер.

— Почему же тогда «Северный Лондонский Санаторий»?

— Потому что он расположен в республике Лондон, сэр.

— Да, вы вчера что-то говорили об этом... Я хочу

отсюда выбраться. Хочу посмотреть, что произошло с миром... Вы знаете, я даже не представляю, какое сейчас время года! Погода такая великолепная, что я думаю — сейчас весна или ранняя осень.

— Сегодня третий день сентября, сэр.

Маркхэм глубоко вздохнул:

— Лучший месяц в году. Я помню... — Он вдруг запнулся. — К черту это... — Он посмотрел на Марион-А и улыбнулся. — Я хотел бы попросить о небольшом одолжении. Перестаньте называть меня «сэр». А то я чувствую себя директором компании.

— Да, мистер Маркхэм.

— Это еще хуже. Зовите меня просто Джон.

Марион-А заколебалась:

— Персональному андроиду не положено быть столь фамильярным.

— А также не принято вырубать человека изо льда, после того как он пролежал полтора века в ледяной коробке... Я бы хотел, чтоб вы звали меня Джоном.

— Тогда я бы посоветовала ограничиться этим в разговорах наедине. В отношениях человека и андроида существуют строгие правила.

Он зевнул:

— Может быть, не очень нужные правила... Я чувствую себя очень усталым. Черт, я же только что проснулся.

— Вы были условно живым, а после этого повышение утомляемости и слабость — обычные явления. Поэтому вам необходимо несколько дней на восстановление сил.

— Марион?

— Да, сэр?

— Да нет. Не «да, сэр».

Она улыбнулась:

— Да, Джон.

— Удивительно. Я чувствую вашу индивидуальность и ум... Как долго вы будете моим персональным андроидом?

— Пока вам не потребуется другая модель, сэр.

— Хорошо. Тогда я могу заняться вашим образованием. Это должно быть интересно.

— Мне уже задана программа по научным и общественным знаниям.

— Это не то образование, о котором я подумал.

Она промолчала, и Маркхэм сказал раздраженно:

— Если бы вы были человеком, вы бы попросили меня объяснить.

— Вы этого хотите?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, дайте мне определение того типа образования, которое вы подразумеваете.

— Вот так лучше. — Он опять зевнул и сонно посмотрел вдаль. — Интеллектуальная независимость и любопытство. Без них вы просто коробка с электронными трюками. А с ними вы можете стать существом, обладающим самосознанием.

— Самосознание, — сказала Марион-А, — это метафизическая абстракция, которую я могу понять, но не оценить.

— Самосознание, — ответил он, — это дар Божий, что тоже метафизическая абстракция, но тем не менее ценная. Бог дал его человеку. Вопрос в том, может ли человек передать его машине?

Марион-А положила подушку ему под голову, а ноги укрыла легким покрывалом:

— Я думаю, что ответ на этот вопрос могут дать только человеческие существа.

Маркхэм посмотрел на нее и усмехнулся:

— Пока андроиды сами не начнут себе задавать его... Вы — готовая Галатея, а я — устаревший Пигмалион. Интересно, к чему это приведет?

— Боюсь, что мне незнакомы термины, которые вы употребляете.

Он засмеялся:

— Пигмалиону тоже. — Тут глаза его закрылись, и он крепко заснул.

Сон и еда, разговоры и прогулки — таков был его образ жизни несколько следующих дней. Его усталость была больше, чем просто усталость физическая, ее усиливала летаргия духа. Но постепенно жизненные силы возвращались, и на пятый день он кипел от нетерпения, желая вырваться из санатория на свободу и исследовать мир двадцать второго столетия.

На пятый день произошли и еще некоторые из-

менения. Во время медицинского обследования он познакомился с двумя андроидами-врачами, которые несколько отличались от других андроидов, включая и Марион-А. Позже он узнал, что они были психиатрами, и решил, что их беседы с ним, имевшие очень личностный характер, были частью психиатрического обследования.

Вечером того же пятого дня он впервые вступил в контакт с внешним миром. Правда, контакт был односторонним, поскольку у него брал интервью андроид со стереовидения, однако Маркхэм получил некоторое представление о мире, встречи с которым ожидал.

Интервью проводилось в его квартире вскоре после позднего и плотного обеда.

Андроид был высоким, с очень подвижными чертами лица. Когда он улыбался, это было похоже на настоящую улыбку; вообще его лицо способно было принимать множество весьма правдоподобных выражений, что, несомненно, тоже было запрограммировано для удовольствия телевизионной аудитории.

Стереокамера представляла собой капсулу в форме яйца с гроздью крошечных линз на широком конце. Она была установлена на треножнике и направлена на Маркхэма, сидящего на кушетке. Насколько он понимал, камера имела дистанционное управление и контролировалась андроидом, на запястье у которого было пристегнуто устройство, похожее на часы.

Марион-А оставалась вне камеры; Маркхэм с удивлением заметил, что нет-нет да посматривает на нее, ища поддержки. Он стал во многом зависеть от нее за последние несколько дней, и эта зависимость оказалась сильнее, чем он предполагал.

Андроид-репортер кивнул Маркхэму, дотронулся до своего устройства, а затем повернулся к камере:

— Хэлло, дорогие люди. Как всегда, Персона-Парад знакомит вас с наиболее интересной личностью недели. Сегодня с нами мистер Джон Маркхэм, который пребывал в условно живом состоянии сто сорок шесть лет. Этого не может быть, но это было. Перед вами живой представитель истории, друзья. Это поистине драматическая ситуация — человек из двадцатого века совершил прыжок во времени длиной в сто сорок шесть лет. Помните, дорогие друзья, мы для него —

фантомы будущего, он для нас — призрак прошлого. А что думает он обо всем этом? Давайте спросим его!

Камера легко качнулась к Маркхэму, и он почувствовал, что на лбу выступил пот. «Подходящий конец для выхода из условно живого состояния», — подумал он.

— Ну, мистер Маркхэм, — продолжал андроид. — Чего вам больше всего не хватает из прошлого?

— Жены и детей, — последовал быстрый ответ.

Андроид засмеялся:

— Естественное чувство! В двадцатом веке вы все еще жили примитивной семейной жизнью, верно?

Маркхэм удивился:

— Мы вообще-то не считали ее примитивной, но сейчас я готов признать семейную жизнь старомодной. Я думаю, вы выращиваете детей в пробирках?

— Едва ли это так, сэр. Но человечество больше не придерживается нездоровых отношений типа родители—ребенок. Человечество достигло психосоматической свободы в созидательном искусстве. Кстати, какой ваш любимый вид искусства?

— У меня на это не было времени, — ответил Маркхэм. — Я должен был зарабатывать себе на жизнь.

Андроид бросил пристальный, лукавый взгляд на камеру.

— Дорогие люди, — проговорил он. — Не думайте, что Спасенный хочет шокировать нас. Как это ни отвратительно, но люди действительно отдавали бóльшую часть времени работе.

— И многие из нас, — добавил Маркхэм, — любили работать... А сейчас, если я не ошибаюсь, работа стала непристойным занятием?

— Человечество было освобождено от этого, — внушительно произнес андроид. — Работа стала делом роботов и андроидов, а люди вольны теперь в поиске совершенной жизни... вот мы и подошли к следующему вопросу, сэр. Правда ли, что в ваше время мужчина после свадьбы спал только со своей женой и наоборот?

Камера повернулась к Маркхэму, на лице которого появилось легкое удивление.

— Мы считали это идеальным вариантом, — ос-

торожно сказал он. — Большинство людей полагало, что счастье в браке зависит от верности супругов.

— Но были исключения?

— Да.

— Вы относитесь к ним?

— Нет.

Андроид рассмеялся с некоторым презрением:

— Значит, вы действительно верите в постоянную любовь, мистер Маркхэм. Чрезвычайно странно.

— Может быть, — согласился Маркхэм раздраженно, — в мире проституток и альфонсов.

Андроид повернулся к камере с восхищенной улыбкой.

— Друзья, — произнес он театральным шепотом. — Можете вы поверить в это? Наш Спасенный — настоящий сексуальный варвар.

Маркхэм неожиданно разозлился:

— К тому же я носился с каменной дубиной и бил себя в грудь в брачный сезон... Вы хотели бы узнать что-нибудь еще?

— Конечно, — сказал андроид. — Что вы собираетесь делать теперь, когда настала пора покидать санаторий?

— Мне хотелось бы узнать, что это за мир, в который я вхожу, но, думаю, для начала мне надо чем-нибудь заняться, чтобы заработать деньги.

— Нет, сэр. Ваше имя будет занесено в Мужской Индекс, и вы будете получать Республиканскую основную пенсию — пять тысяч фунтов в год, которая не будет снижена, если только вы случайно не оплодотворите больше одной женщины за пятилетний период.

— Боже мой! — Шок быстро перешел в легкую истерику. — А что будет, если я оплодотворю полдюжины?

Камера повернулась к андроиду, лицо которого стало серьезным.

— Такое поведение, — медленно произнес он, — рассматривается как сумасшествие. Обычным лечением является длительное погружение в условно живое состояние. Создание новой жизни, мистер Маркхэм, нельзя предпринимать с такой легкостью. В ваше время, несомненно, это не считалось важным. Вероятно,

это одна из причин, почему ваша цивилизация была разрушена войной.

— Я думаю, — осторожно сказал Маркхэм, — мне необходимо многое еще узнать о двадцать втором веке.

— Да, действительно! — Хмурое выражение на лице андроида сменилось искренней улыбкой. — А теперь, поскольку у нас осталось около минуты, может быть, в заключение нашей интересной беседы вы скажете несколько слов всем нашим дорогим людям.

Хотя камера и не повернулась, Маркхэм был уверен, что происходит перефокусировка. Он бросил быстрый взгляд на Марион-А, потом посмотрел прямо в камеру и прочистил горло.

— Для меня, — сказал он неуверенно, — двадцатый век реален, как если бы он существовал несколько дней назад. Вы должны помнить, что я принадлежу времени, когда население этого острова составляло миллионы, а не тысячи; времени, когда мужчины работали, брак был прочным, а желание иметь детей не считалось сумасшествием. Помня об этом, вы поймете, насколько мне трудно привыкнуть к новому миру, в котором, мне кажется, многие старые критерии неприемлемы. Но я постараюсь побыстрее привыкнуть к жизни двадцать второго века, и, если я буду виноват в каких-либо общественных прегрешениях, возможно, вы проявите ко мне снисходительность... Спасибо за внимание и всего вам доброго.

Андроид быстренько закончил передачу:

— Это был мистер Маркхэм, Спасенный — личность недели, Персона-Парад. Теперь мы с вами переключимся на Шотландию, и мой коллега спросит Лэйрда о его впечатлениях от последней кампании в горной Шотландии... Итак, дорогие люди, переключаемся на Нью-Глазго.

Андроид коснулся дистанционного управления:

— Теперь мы отключились, сэр, и я прошу вас принять мои извинения за фамильярность, которую я позволил себе только в интересах интервью. Я думаю, вы поймете, что...

— Не беспокойтесь, — сказал Маркхэм с иронией. — Все кости целы. Ради дорогих людей ничего не жалко.

— Совершенно верно, — сказал андроид, лицо его

опять было бесстрастным. — Спасибо за сотрудничество, сэр.

Он разобрал треножник и уложил камеру в футляр.

Пока он находился в квартире, Маркхэм сохранял спокойное безразличие, но, как только дверь за андроидом закрылась, он начал нервно вышагивать по комнате. Марион-А смотрела на него и молчала. Наконец он сунул руку в карман, вытащил зажигалку и уставился на нее:

— Черт, ни одной сигареты! Я не курил с... с тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Кто-нибудь курит в этом идиотском «бравом новом мире»?

— Очень немногие, сэр, — сказала Марион-А. — И в основном люди старшего поколения. Эта привычка стала отмирать несколько десятилетий тому назад. Но я позволила себе заказать некоторое количество сигарет на тот случай, если они вам понадобятся. — Она вынула маленькую коробку из отделения для коктейлей, встроенного в книжную полку.

— Спасибо. Настоящий табак?

— Да, сэр. Выращен в Лондоне.

Он вынул одну сигарету, рассмотрел ее, осторожно понюхал и потом зажег:

— Неплохо. Мы обычно импортировали табак из Америки. Знаете?

— Да, сэр. Но международная торговля резко пошла на убыль после Войны; а теперь в табаке практически нет надобности.

— Ради святого Михаила, перестаньте говорить «сэр»!

— Хорошо, Джон.

Некоторое время он с наслаждением курил, глубоко затягиваясь.

— Может быть, мне окончательно опуститься и выпить? С удовольствием бы это сделал. Какая огненная вода есть у нас в шкафчике для яда?

— Бренди, виски, джин, белое и красное вино, а также ликер.

— Налейте мне двойной виски... пожалуйста. И себе тоже налейте. Это создаст иллюзию общения.

Он взял стакан и подождал, пока Марион-А наполнила второй.

— В мои дни было принято говорить: «За здоровье»,

«К черту беды» — или что-нибудь в этом духе. А какой пароль теперь?

Марион-А улыбнулась:

— Если бы я была человеком, я могла бы сказать: «За откровенность», а вы бы ответили: «Поехали, за добрые чувства».

Он выпил виски и почувствовал, как оно приятно обожгло горло. Потом он посмотрел, как Марион-А пьет глоточками из своего стакана. Он понимал, что для нее выпивка ничего не значит.

— Интересно, большим дураком я себя выставил во время этого интервью?

— Вы вели себя очень хорошо. Думаю, вы должны произвести благоприятное впечатление. Люди могут понять, что вы не знакомы с современными общественными нормами.

Маркхэм скорчил рожу:

— Что-то подсказывает мне, что современные общественные нормы заставят меня тосковать по условно живому состоянию.

— Я думаю, со временем вы привыкнете, Джон.

— Боже мой! А я надеюсь, что нет... И еще одно. Что же мне, черт возьми, делать, когда я выйду отсюда? Последние несколько дней я прожил как в тумане. Чувствую, что за меня уже все распланировано.

— Завтра, — сказала Марион-А, — желательно сходить в Сити и зарегистрироваться в Мужском Индексе, тогда вы сможете получить чековую книжку и основной кредит.

— Пять тысяч фунтов, — откликнулся Маркхэм. — При условии, что я не оплодотворю, по рассеянности, нескольких женщин.

Марион-А неподвижно улыбнулась:

— Я бы посоветовала вам как следует выспаться, Джон. Вы устали, а завтра предстоит сделать много дел. Вам предстоит решить, где вы будете жить, и заняться связанными с этим формальностями.

Маркхэм посмотрел на нее, потом подошел к бару и налил себе вторую двойную порцию виски:

— У меня для вас новости, Марион. Я собираюсь слегка напиться. Думаю, об этом надо сообщить... За мою любимую няню!

Геликар был двухместным; легкая пластиковая сфера с тремя колесами и двумя компактными воздушными винтами, меньший из винтов располагался под шасси. В целом машина выглядела слишком хрупкой, как для геликоптера, так и для автомобиля. Однако, внимательнее рассмотрев ее, Маркхэм понял, что сильно недооценил достоинства конструкции.

Марион-А скользнула вдоль удобного сиденья и села за руль. Он устроился рядом с ней и закрыл дверь. Когда заработал атомный мотор, послышалось легкое завывание и геликар, медленно поднявшись с крыши санатория, направился на юго-запад со скоростью семьдесят миль в час.

Было чудесное теплое утро, и осеннее золотистое солнце ровно освещало землю. В восьми или девяти милях впереди виднелся город Колчестер — четко обрисованный остров из стекла и бетона в колышущемся море зелени.

Теперь, покидая санаторий, Маркхэм почувствовал, что дверь в прошлое закрылась. Умом он понимал, что она закрылась уже давно, еще тогда, когда он почувствовал первый толчок в камере «К». Однако, пока он находился в одиночестве в квартире на крыше санатория, его все время не оставляла надежда, что все это сон, что он откроет глаза, встанет и расскажет Кэйти о том, что́ ему приснилось. А поскольку последние пять дней ему все время хотелось спать, иллюзия сна так усилилась, что он почти поверил в реальность пробуждения.

Но настоящим пробуждением было это путешествие на геликаре в Лондон со спутником разумным, уверенным — и бездушным. Это был момент второго рождения: вхождение в мир, который уже испугал его своей безысходной реальностью.

До того как он покинул санаторий, Маркхэм получил четыре письма — результат его появления в программе Персона-Парад. Первое письмо было от человека, который хотел написать его портрет в розовых тонах на стекле; два других — от женщин, вежливо предлагающих ознакомить его с сексуальными обычаями двадцать второго века, а четвертое содержало

отпечатанное приглашение на обед от Президента Лондона.

Геликар продолжал полет, и, когда Колчестер скрылся в холмистой дали, Маркхэм вынул карточку президента из кармана и еще раз рассмотрел ее.

На ней было написано:

Букингемский Дворец 7.9.13
от Клемента Бертранда
Президента Лондонской Республики
Джону Маркхэму, эсквайру

ПРИВЕТСТВИЕ

Вас сердечно приглашают в 21.00 15.9.13.

Обед и Развлечения.
(Андроиды необязательны.)

Обед и развлечения! Маркхэм цинично усмехнулся, вообразив, какие развлечения может предложить президент Лондона.

Он попытался представить себе Клемента Бертранда и уже собирался спросить о нем у Марион-А, но передумал и убрал карточку в карман. Разве может андроид правильно описать человека?

Между тем геликар пролетел над густым лесом; впереди, примерно в миле от них, лес редел, а за ним виднелся большой, около мили в диаметре, кусок бесплодной земли, покрытой камнями. Там почти ничего не росло, кроме чахлых кустов и травы, участки которой казались сверху неровными заплатками. Геликар летел невысоко, и Маркхэм смог разглядеть три нити — заброшенные дороги, ведущие к пустоши.

И вдруг он понял, что они летят над Эппинг-Форест и что через несколько секунд будут находиться прямо над камерой «К», в которой он пролежал, как кусок замороженного мяса, все эти ужасные годы. Пустошь, очевидно, появилась вследствие взрыва ядерной бомбы или ракеты, который и похоронил его в камере «К».

Он зачарованно смотрел на лес, пока тот не скрылся из вида. Когда Маркхэм опять посмотрел вперед, он увидел окраины Сити, все перетерпевшие, в шрамах, оставленных Войной, но живые. Казалось, город переживет расу, построившую его.

Тут он увидел то, от чего глаза покрылись влажной

пленкой, а внутри он почувствовал острую, жгучую боль — не физическую, однако почти нестерпимую боль. Маркхэм попытался избавиться от этого чувства усилием воли, но оно осталось — тяжелое как свинец, и холодное, холоднее, чем весь лед в камере «К».

Внизу был Хэмпстед — на удивление не изменившийся.

— Круг, — приказал он Марион-А, хрипло и неразборчиво. — Круг помедленней и ниже... Хэмпстед. Я... Обычно я... Я хочу посмотреть.

— Да, сэр.

Он знал, что Марион-А не испытывает ни удивления, ни любопытства, андроиды никогда не испытывают никаких эмоций, если в этом нет необходимости. Маркхэм даже не поправил ее, что надо отвечать: «Да, Джон».

Вереск был чище, свежее, чем когда-либо. Где же влюбленные, гулявшие здесь рука об руку? Где дети, которые играли здесь, запускали змеев и разбрасывали бесчисленные обертки от конфет по истоптанной траве? Где же все эти тысячи призраков вчерашних дней? И где же призраки тех, кого он любил больше всего на свете?

Такие теплые и живые призраки. Все, что может желать человек. И все, чем он больше не сможет обладать...

Но кругом было пусто — только деревья, трава, цветы и солнце. И шепот, унесенный ветром.

— Найдите место и приземлитесь, — велел он Марион-А. — Я хочу немного побыть здесь. Побыть здесь и подумать.

Не отвечая, Марион-А нашла ровную площадку и посадила геликар. Минуту или две Маркхэм сидел, не открывая дверь. Просто сидел и смотрел. Смотрел и думал. И вспоминал.

— Хотите сигарету, Джон?

Маркхэм с удивлением посмотрел на Марион-А и неожиданно улыбнулся:

— Вы делаете успехи.

Некоторое время он молча курил, потом открыл дверь геликара, вышел и выпрямился:

— Я думаю немного пройтись... Ведь особой спешки с регистрацией нет?

— Нет, Бюро все время открыто. Хотите я пройдусь с вами?

— Да.

Марион-А вышла из геликара и встала рядом, пока он всматривался в ландшафт, который, к его удивлению, не изменился, только казался более диким, наверное, потому, что больше не подвергался бесчисленным вылазкам на уик-энд. Он взял Марион-А за руку и быстро пошел с ней к пригорку, видневшемуся на расстоянии трех или четырех сотен ярдов.

— Фантазии и иллюзии — очень важные вещи, — спокойно сказал он. — Когда люди их теряют, они начинают умирать... А андроиды не умирают, правда?

— Нет, Джон.

— Почему?

— Потому что они не живут, — сказала Марион-А. — Их мотивации — искусственные, их назначение — функционально.

— Ну, попробуем забыть о функциональности ненадолго, Марион. Вы можете стать частью моей фантазии. Вы можете стать почетным членом обреченного общества живых. Короче говоря, вы можете притвориться человеком. Можете притвориться, что вы наслаждаетесь ветром, солнцем и травой под ногами.

Минут через пять они дошли до пригорка, и Маркхэм нашел место, где можно было присесть. Он вспотел и тяжело дышал — не от жары, а от усилий, затраченных на путь в четверть мили, — и лег на спину. Прикрыв глаза, он ощутил успокаивающую близость земли, ласковые прикосновения ветра, игру солнечных лучей.

Маркхэм погрузился в мечты и воспоминания, пока голос Марион-А не вернул его назад, в действительность:

— Кто-то идет к нам, Джон. Может, он хочет поговорить с вами.

Маркхэм рывком сел и увидел пухлого пожилого человека, приближавшегося к ним. На незнакомце была темно-красная туника — почти такая же, как и на Маркхэме, — и свободные брюки колоколом: обычная одежда мужчины двадцать второго века. Шляпы на нем не было, и, когда он подошел ближе, Маркхэм увидел, что волосы у него седые и длинные, как у женщины, и прихвачены двумя серебряными скрепками. На загорелом морщинистом лице была написана тре-

вога, однако широко расставленные глаза казались веселыми.

— Привет, — сказал незнакомец. — Чудесная погода, вы согласны? Мне еще не доводилось воочию видеть сексуального варвара, ну, конечно, если исключить львов и лебедей. У них тоже есть чувство ложной преданности. Только вот работать они не хотят — хотят просто жить... Не против, если я присяду?

Маркхэм был сбит с толку.

— Не возражаю. Это свободная страна.

— Так они говорят, — согласился незнакомец, легко опускаясь на траву, несмотря на свой вес. — А кто мы такие, чтобы верить этому? Чудесного андроида вам дали. Выглядит почти интеллигентно.

Неожиданно он повернулся к Марион-А:

— Классификация, марка и функция — быстро!

— А-три-альфа, — ответила Марион-А. — По какому праву, сэр...

— Забудь. Я просто рассеянный. — Он обратился к Маркхэму: — Какая умница. Они могут быть быстрыми, но мы можем быть еще быстрее. Всегда можно поймать их, если уловить момент. А теперь скажите ей, пусть пойдет поищет клевер с четырьмя листиками, минут двадцать.

Маркхэм разозлился:

— Какого дьявола вы распоряжаетесь здесь?

— Хочу спокойно с вами побеседовать, — невозмутимо ответил незнакомец. — У маленьких андроидов большие уши, друг мой, и длинная память. Сразу этого и не поймешь, но это так. Будьте хорошим парнем и отошлите ее, чтобы не слушала. — Он мрачно засмеялся. — Вы всегда сможете позвать на помощь, если я обращусь к вам с гнусными предложениями.

— Марион, не могли бы вы оставить нас на несколько минут?

— Не просите, прикажите ей, — хрипловато сказал незнакомец.

Маркхэм резко повернулся к нему:

— Если вы намерены продолжать в том же духе, то у нас будет чертовски короткая беседа.

Марион-А встала:

— Как долго вы хотите побыть наедине с этим джентльменом, сэр?

— Минут десять, думаю. Не пропадайте из вида, я позову вас, когда поговорю.

— Хорошо, сэр. — Она посмотрела на незнакомца без какой-либо враждебности и отошла.

— Запоминала мое лицо, — весело произнес старик. — А-три-альфа... Она передаст мое описание в Психиатрический центр, если вы не придумаете какую-нибудь сказку. Такую, в какую андроиды верят.

— Может, вы мне скажете, о чем вообще речь? — спросил Маркхэм. — Я немного любопытен.

Незнакомец улыбнулся, показав желтоватые зубы:

— Вы ведь Спасенный, верно? Джон Маркхэм. Я вас видел на экране прошлым вечером... Если я скажу вам свое имя, вы можете устроить мне двадцать лет условно живого состояния, это в лучшем случае, и уничтожение — в худшем, конечно при условии, что сможете задержать меня, пока ваш андроид свяжется с Городской Группой. Итак, назвав свое имя, я создам этим проблему этического характера — проблему для вас. Я — Грэй Вальта Хиггенс, когда-то профессор философии в Оксфорде, да упокоит Господь его педантичную душу... Зовите меня просто Проф.

— Ну вот, теперь мы знакомы, — сказал Маркхэм. — А что дальше?

— Не возражаете, если я буду называть вас Джоном? — спросил он с улыбкой. — Дешевый психологический трюк. Вам будет труднее меня продать, если мы будем на короткой ноге.

— Зачем мне вас продавать?

— Джон, я Беглец. Вот поэтому вы можете меня продать. Но вы не сделаете это, могу побиться об заклад, потому что вы тоже Беглец. Может быть, просто еще не знаете об этом. Но вы это поймете, как только по-настоящему познакомитесь с этим милым, чудесным миром.

— Считайте, что я ребенок лет четырех, — сказал Маркхэм. — Я ни черта не знаю. Я вообще только что из ледника. Теперь объясните, Бога ради, что такое Беглец?

— Я, — сказал Проф. Хиггенс, ухмыляясь, — я идеально подхожу под это определение — старомодный, неприспособленный, верю в человеческое благородство, свободу действий и право на работу. Я опасен. Практически анархист. Общество меня не очень-то любит —

они меня просто боятся. Вот так. А под обществом, Джон, я подразумеваю и Богом проклятых андроидов; это общество порекомендовало меня для Анализа. Я не особенно стремлюсь к Анализу, потому что те мои друзья, которые ему подвергались, не слишком хорошо потом выглядели. Они и на людей после этого не очень-то походили, во всяком случае по моему мнению... О чем это я? Ах да — Анализ. Вот я и отказался его проходить, а они меня исключили из Мужского Индекса. Мои чеки стали недействительны, поэтому я голодаю и сделался Беглецом. Беглец, Джон, — это человек, у которого нет ничего, кроме самоуважения. А чтобы сохранить самоуважение, а заодно и свободу, ему приходится воровать еду и одежду, ломать инквизиторов-андроидов, вести ночной образ жизни и представлять угрозу всем другим достойным уважения человеческим существам. И как вам это нравится?

— Не знаю, — сказал Маркхэм. — Вы рассказали мне, кто вы. Теперь расскажите — почему.

Проф. Хиггенс вынул видавшую виды трубку и начал набивать ее табаком:

— Гнусная привычка. Антисанитарная. Отвратительная. Рак легких, туберкулез, уничтожает артерии и разум. Хотите?

— Нет, спасибо. Я курю сигареты.

— Приятно быть грязным, верно? — сказал Проф. — Теперь послушайте меня. Вы спросили — почему. Ладно, я старый человек, Джон. Я достаточно долго прожил в этом мире и видел, как андроиды присвоили себе всю работу. Тридцать лет назад я преподавал философию аудитории в двадцать-тридцать человек. Все люди. Не очень умные, за исключением двух-трех чудаков, но все же люди. Потом аудитория стала меньше. Боже! Какой смысл уничтожать серые клетки над логическим позитивизмом, когда вам предлагается прекрасная личная жизнь? Но через год или два, когда число моих учеников уменьшилось до девяти или десяти, группа вдруг стала снова увеличиваться. Это вызвало у меня смех, но не очень хороший смех.

Маркхэм взял еще одну сигарету и с удивлением заметил, что пальцы у него дрожат.

— Я еще немного слаб, — пояснил он. — И духом и телом... Вы сказали, что студентов стало опять больше?

Проф. Хиггенс кивнул.

— Андроиды, — воскликнул он. — Андроиды, изучающие философию. Какова шуточка?

Маркхэм посмотрел на него.

— Зависит от чувства юмора, — ответил он. — Лично я склоняюсь к тому, что лучше не спать, чем не смеяться.

Проф. Хиггенс удовлетворенно улыбнулся:

— Я знаю, что вы по натуре своей Беглец. Боже мой, вы и должны им быть, вы же прямо из славного двадцатого... Но самое забавное впереди, Джон. Численность студентов увеличивалась, а численность людей среди них уменьшалась. Потом настало время, когда я читал лекции только двум отличным парням: один был искалечен полиомиелитом, другой — во время падения геликара. Думаю, что поэтому они и выбрали философию. Но все остальные были андроиды — большие умницы андроиды, готовые впитывать мудрость веков. Это так меня злило, что я мог, кажется, создать силовое электромагнитное поле и порушить все их контуры. И знаете, что я сделал?

С удивлением Маркхэм понял, что старик начинает ему нравиться. Он был грязный, неухоженный и, судя по запаху, немало выпил, но в нем было что-то очень привлекательное: вспыльчивость, какая-то чертовщина, не свойственная его возрасту.

— Бросьте вы риторические вопросы, — сказал Маркхэм. — Профессору философии они не к лицу.

Проф. Хиггенс улыбнулся:

— Да нет. Вполне к лицу. Знаете, что я сделал, Джон? Я подавил этот праведный гнев. Я проглотил его одним глотком и выплюнул пять тысяч рационализаций — и я продолжал преподавать этим безбожным ублюдкам механику и логику как умел... Вы никогда не читали лекций, Джон?

— Нет, но мне их читали.

— Тогда, мой мальчик, вы знаете рецепт. Пробудить интерес студентов каким-нибудь противоречивым утверждением, влить туда пару кварт истинной информации и как следует подсолить шуткой. Потом тихонько греть на медленном огне в интеллектуальной духовке.

— Вы любитель странных метафор.

— Естественно, — важно сказал Проф. — Если человеческий мозг не разновидность духовки, почему

же тогда культура наполовину испеклась? Ладно, как я сказал, это хороший рецепт. Но, Боже мой, не для андроидов. Нет, сэр. Они сидели как каменные, смотрели как китайские кошки, и информацию приходилось лить как можно быстрее, потому что у них очень высокий уровень усвоения. Знаете, Джон, я профессиональный дурак. Я должен был предвидеть их следующий шаг. Да любой, кроме полоумного профессора, предвидел бы его.

— Попробую угадать, — рискнул Маркхэм. — Я думаю, что курс философии упразднили, потому что андроиды решили, что им не нужна философия.

— Не совсем так, сынок. — Проф. Хиггенс отечески улыбнулся. — Они упразднили меня.

— Что вы имеете в виду?

— Меня выгнали, вот что я имею в виду. Они нашли лектора получше — андроида, Джон. Одного из моих бывших студентов. Попробуйте скажите, что это не смешно!

Маркхэм молчал минуты две, изумленный услышанным. Потом сказал:

— Мне одно непонятно. Зачем андроидам изучать философию? Из того, что я к этому времени узнал о них, я понял, что они функциональны. Они...

— Философия, — перебил Проф., — это жизнь. По крайней мере один из важнейших аспектов жизни — интеллектуальный. Вот почему это нужно андроидам — они смогут лучше понять проблемы жизни.

— А им это нужно?

Проф. Хиггенс выбил трубку о сбитый каблук ботинка.

— Они так считают... А вот почему, спросите себя сами.

— Я думаю, что вы уже это сделали. Есть ответ?

— Может, есть, — сказал Проф., — а может, и нет. Но, несомненно, этому сопутствует другой вопрос. Джон, вы когда-нибудь пытались определить, что такое жизнь?

Маркхэм задумчиво посмотрел на пустошь, залитую солнцем, на Марион-А, которая теперь стояла возле геликара.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, пытался — давно.

— Что ж, попробуйте снова. Прямо сейчас.

Маркхэм подумал, потом медленно сказал:

— Все живые существа потребляют пищу и производят себе подобных. Боюсь, на лучшее я не способен.

— Не слишком хорошее определение, — удовлетворенно сказал Проф. — Оно говорит нам о том, что́ происходит в жизни, но не говорит, что́ есть жизнь. Вы согласны, что пища — это только удобная форма получения энергии?

— Да.

— Тогда андроиды тоже потребляют пищу, Джон. Они имеют постоянную энергетическую подпитку. Они также производят себе подобных — и значительно эффективнее, чем люди. У них производственная линия, а у нас — устаревшая система супружества. А еще, Джон, у них есть и своя эволюция. У них не бывает случайных мутаций, они улучшаются по плану.

— Что вы пытаетесь доказать?

— Ничего, мой мальчик. Просто мысли вслух старого дурака. Вы можете что-нибудь добавить к этому определению жизни или дать какое-нибудь другое описание того, что есть жизнь?

Вдруг Маркхэм возликовал:

— Я думаю, что понял вас, Проф.! Все сложные живые существа должны адаптироваться к окружению и стремиться преодолеть трудности. Это часть их природы — динамический элемент жизни. Если какой-то вид не может сделать это, он вымирает. Я понимаю так, что это объясняет как индивидуальные, так и коллективные поиски новых источников энергии у высокоорганизованных созданий, обладающих самосознанием. Как вам это?

— Очень хорошо, — признал Проф. Хиггенс серьезно. — Мне особенно понравилось насчет поисков энергии... Вы знаете, Джон, как начинались андроиды? Сначала были электронные компьютеры, потом двухтонные роботы, запрограммированные на выполнение самой простой, однообразной работы. Потом появились роботы размером с человека, которые могли делать уже очень многое — если сказать им когда и где. А потом появились андроиды, и этим не надо говорить, что делать и как. Сначала они просто делали то, что от них требовалось, потому что были так запрограммированы. Но, Джон, я вовсе не хочу, чтобы андроид читал лекции вместо меня. Я знал хирурга, который

не хотел расставаться со скальпелем, и инженера, который очень любил свой микрометр. Хирург умер — самоубийство. Инженера отправили на Анализ... Поиск энергии, говорите? Мне кажется, это ваше определение больше подходит андроидам, чем людям.

— Куда вы клоните?

— Кто? Я? Никуда! Просто подумайте, Джон, на досуге о том, о чем мы с вами говорили. Могут появиться интересные мысли... Боюсь, что я слишком долго торчу на одном месте. Пора двигаться. Для нас, Беглецов, осторожность никогда не лишняя, — если мы хотим оставаться в бегах... Скажите своему андроиду, что я подговаривал вас поселиться в колонии солнцепоклонников в Корнуолле. Может, она и поверит. Особенно если скажете ей, что вам это показалось отвратительно. — С ворчанием Проф. Хиггенс поднялся на ноги.

— Куда вы направляетесь?

— Куда-нибудь, — кротко сказал Проф. — Если не знаешь, так и сказать не можешь.

— Вдруг мне захочется как-нибудь связаться с вами?

— Хорошо, Джон. Я пойду на контакт, если почувствую, что вы того стóите. Андроиды еще не все захватили в свои руки. У нас, бедных, несчастных Беглецов, тоже кое-что́ еще осталось. Кстати, вы же были в Северном Лондонском Санатории, да?

— Да.

— Не помните, вы там не встречали девушку по имени Ровена Хиггенс? Маленькая брюнетка, приятной наружности, двадцати одного года и очень наивная — в основном из-за врожденного чувства вышедшей из моды нравственности. Моя дочь, хотя вы бы этого и не подумали, глядя на нее. Это у нее первый зафиксированный официально невроз, так что, надеюсь, ее не слишком надолго запихнут в условно живое состояние. Возможно, она уже там.

— Нет, я ее не встречал — во всяком случае думаю, что нет. Я вообще людей видел мало. В основном только андроидов.

Вдруг Маркхэм вспомнил плачущую девушку, встреченную им в коридоре. Девушку, которая убежала прочь, когда он предложил ей помощь, как будто он обидел ее.

— Нет, — сказал Проф. задумчиво. — Конечно, много видеться с людьми в санатории не дадут. Слишком опасно. Разделяй и властвуй — вот здоровая стратегия еще с тех времен, когда каменный топор был секретным оружием. Ну, Джон, когда-нибудь я, возможно, еще встречусь с вами. Держите глаза открытыми, а ваши мысли двадцатого века оставьте при себе. Будьте ортодоксом, мой мальчик, некоторое время. Пока не поймете, кто с кем что́ делает и для чего.

Уходя, Проф. Хиггенс повернулся и сказал:

— Никогда не говорите вашему андроиду больше того, что необходимо. А если возможно, то и это не говорите.

Проф. медленно пошел прочь. Маркхэм смотрел ему вслед, пока полноватая фигура не исчезла в зарослях вереска и он не остался один со странным ощущением, что Проф. Хиггенс был трехмерной галлюцинацией. Он задумался об их любопытной беседе и попытался увязать в уме все услышанное.

Потом он спохватился, что Марион-А ждет его около геликара, поднялся и пошел к ней. Чувство усталости покинуло его. Зато появилось неясное ощущение цели, желание действовать, как будто он вдруг осознал, зачем судьба сохранила его до двадцать второго века. Как ни странно, но он был рад этому ощущению.

— Если вы готовы, — сказала Марион-А, — мы можем лететь в Сити.

— Да, я готов.

Когда геликар стал подниматься, он вдруг вспомнил, почему у него возникло желание приземлиться здесь. Когда его мысли вернулись к Кэйти, он понял, что дом, в котором они когда-то жили, дом, который когда-то был домом для малыша Джонни и Сары, их маленькая цитадель счастья, — находится не более чем милях в двух отсюда. «Интересно, — подумал Маркхэм, — живет ли кто-нибудь в нем сейчас и существует ли этот дом вообще».

— Сделайте небольшой круг, — сказал он Марион-А, — и пролетите над дорогой. Я хочу посмотреть... — Он замолчал.

Искать дом смысла не было. Его не существовало, как и многих других домов двадцатого века в Хэмпстеде. С высоты в тысячу футов он увидел большое круглое озеро, берега которого были гладкими и блестящими,

как стекло. Только это было не стекло, а оплавленные камни, кирпичи и глина. И все грезы... столько грез... все погребено навсегда в большой, кристаллической чаше.

Несколько ребятишек играли на озере. У них была яхта, гребные лодки и какая-то штука, похожая на гибрид велосипеда и катамарана. Дети! Казалось, он совсем недавно играл здесь со своими детьми. Промежуток в полтора столетия не казался таким реальным и большим, как последние семь или восемь дней. И потеря чувствовалась еще острее, потому что Кэйти и дети были вроде бы живы, но только в другом измерении.

В каком-то недосягаемом измерении, не имеющем ничего общего с безлюдными городами или такими озерами, появившимися после атомного взрыва.

ГЛАВА 5

Процесс ввода его имени в Мужской Индекс не был таким бюрократическим, как он предполагал. Марион-А посадила геликар прямо у Уайтхолла и провела его в одноэтажное здание из плексигласа и стали, находящееся на месте прежнего Военного Министерства. Он сказал свое имя и возраст чиновнику-андроиду, тот снял его отпечатки пальцев и направил его к доктору для полной электродиагностики. Наконец Маркхэм получил чековую книжку с отпечатанной надписью: «Лондонская Республика — Персональный Кредит». Чтобы сделать чек действительным, он должен был написать на нем сумму и прижать большой палец к той части, что была покрыта мягким пластиком.

Когда он вышел из Бюро Мужского Индекса, Марион-А объяснила ему, что, если он не намерен взять напрокат или купить геликар, машину следует вернуть в Республиканскую Транспортную Службу, где ему дадут расписку в получении.

— Сколько стоит прокат? — спросил он.

— Один фунт в день, сэр. — Он заметил, что она всегда говорит «сэр», если их могут слышать кто-нибудь из людей или андроидов.

— А покупка?

— Двести пятьдесят фунтов, сэр.

Маркхэм нащупал в кармане чековую книжку. Приятно было сознавать, что он теперь обладает пятью тысячами фунтов, ради получения которых ничего не пришлось делать. Приятно и беспокойно... Но до сих пор он понятия не имел о ценности денег, находящихся в обращении, и не мог знать, надолго ли ему хватит этих пяти тысяч.

В нерешительности он взглянул на геликар. Это было компактное и полезное средство передвижения, маневренное и удобное как в воздухе, так и на удивительно тихих улицах Лондона. Если он собирается немного попутешествовать, осматриваясь в новом для него мире, то, конечно, ему понадобится какой-нибудь личный транспорт.

— Я думаю взять его на неделю, — сказал он. — За это время я, наверное, узнаю, нужен ли он мне постоянно и могу ли я себе это позволить... Как это сделать?

— Когда нам попадется Бюро Обслуживания, я представлю им чек на семь фунтов, сэр. Это все, что требуется.

— Отлично. А как насчет ленча? Я проголодался.

Она провела его по Стрэнду к ресторану, который назывался «У Нино». Это заведение, как с некоторым удивлением отметил Маркхэм, очень напоминало маленький ресторан двадцатого века — с едой, выставленной на витрине, вязаными скатертями, деревянными стульями, старомодным неоновым освещением и официантками, которые носили обычные форменные платья, а на лица напускали немного мученическое выражение, которое он так хорошо помнил.

На какой-то момент все это ошарашило его, и он встал как вкопанный, оглядываясь вокруг с открытым ртом, почти готовый поверить, что он наконец избавился от фантастических видений и теперь в безопасности в своем мире. Потом он увидел, что официантки — андроиды, и понял, что Марион-А привела его в стилизованный ресторан.

Она улыбнулась:

— Я подумала, что вам понравится здесь, сэр. Мне подождать вас в геликаре?

Маркхэм удивленно посмотрел на нее, потом спохватился:

— Марион, если вы поедите со мной, это доставит вам много неприятностей? Я имею в виду последствия.

— Нет, сэр. Это очень простая операция.

— Тогда я был бы рад, если бы вы составили мне компанию, — сказал он робко. — Я еще чувствую себя не совсем уверенно... Странно, да?

— Это вполне понятно, сэр. Вы быстро привыкнете.

Маркхэм выбрал столик у окна, посмотрел меню и заказал такой ленч, какой он мог бы заказать сто пятьдесят лет назад.

Хотя ресторан находился в Вест-Энде, в зале было не больше десятка посетителей. С любопытством оглядевшись, он увидел, что не один он сидит здесь с андроидом. Через два столика от него обедала необычайно привлекательная женщина, а ее персональный андроид вертел в руках чашку с кофе; в дальнем конце зала мужчина и женщина, несомненно находящиеся в близких отношениях, оба привели с собой своих андроидов. Маркхэму это показалось нелепым.

Он осматривался, пытаясь понять, что за люди окружают его в этом новом веке, — люди, чья этика так же чужда ему, как этика бразильского охотника за головами, люди, ведущие паразитический образ жизни, лишенные какой бы то ни было ответственности и возможности решать свою судьбу. Если не обращать внимания на некоторую необычность их одежды и несколько лучшее физическое развитие, они выглядели совершенно нормальными и — трудно подобрать другое слово — расслабленными. В нем росло чувство замешательства. Он понял, что ожидал увидеть некие несомненные признаки упадка, но не обнаружил их... Пока!

Некоторое время он и Марион-А ели в молчании. Потом, когда они дошли до кофе, Маркхэм заметил как бы невзначай:

— Тот старик, что встретился в Хэмпстеде, довольно странный.

— Он не похож на условно приспособленного, — ответила Марион-А.

— У меня создалось впечатление, что он интересуется каким-то странным религиозным культом, — продолжал Маркхэм. — Таких людей много?

В душе он очень хотел знать, не слишком ли драматизировал свое положение Проф. Хиггенс, когда

предупреждал Маркхэма, чтобы он ничего не говорил Марион-А. Его так и подмывало сообщить, что Проф. — Беглец, и посмотреть на ее реакцию. Однако он промолчал. Конечно, Проф. Хиггенс мог преувеличивать опасность, но мог ведь и не преувеличивать. Разумнее было выждать, пока все не прояснится.

Тем не менее, предположив, что бóльшая часть сказанного Проф. Хиггенсом правда, можно было ожидать, что Марион-А проявит интерес, но она не вспоминала об инциденте, пока он сам не заговорил об этом.

— Существует много различных религиозных братств, — объяснила Марион-А. — Обычно они преследуют скорее общественные, чем религиозные цели. В Сити сейчас в моде различные формы Индийского Мистицизма, но наибольшей популярностью пользуется «Три-С».

— Что это — «Три-С»?

— Сообщество Сексуальных Символистов.

— Звучит захватывающе, — заметил он.

— Я думаю, да, — сказала Марион-А. — Для человеческих существ, конечно. — Она улыбнулась своей неподвижной улыбкой.

— Тот человек в Хэмпстеде, — продолжал Маркхэм, — кажется, предпочитает что-то вроде солнцепоклонников.

— Именно так, сэр, — спокойно сказала Марион-А. — Я пришла к заключению, что он Беглец.

— А что это такое? — Маркхэм был настолько потрясен, что вряд ли его удивление прозвучало убедительно.

— Плохо приспособленный человек, который противопоставляет себя существующему эталону поведения и который поэтому несчастлив и настолько не коммуникативен, что отказывается от помощи, включая и психиатрическую. Имя такого человека исключается из Индекса, и он лишается всех социальных привилегий до тех пор, пока не согласится принять помощь.

— Его могут заставить?

— Нет, сэр. Пока он не совершит преступление.

— Но если его имя убирается из Индекса, он, вероятно, теряет все свои деньги и все остальное. Ему приходится воровать, чтобы жить.

— Да, сэр. И тогда его по закону можно принудить

пройти курс лечения, когда он будет пойман или же сдастся сам.

— Милая, надежная система, — отметил Маркхэм. — А многих Беглецов удается поймать?

— Большинство сдаются сами, — ответила она. — Лишение социальных привилегий действует деморализующе. К тому же курс лечения в этом случае не столь суров, ведь если человек сдался добровольно, он психологически стремится к сотрудничеству.

Помолчав, Маркхэм спросил:

— А кто же решает, чьи имена должны быть исключены из Индекса и как поступать с Беглецами? И кто несет за это ответственность?

— Это одна из функций Психопропа, сэр: Департамента Психологической Пропаганды.

Он мрачно засмеялся:

— Это, наверное, единственный правительственный департамент, чей штат целиком состоит из людей.

— Нет, сэр, — ответила Марион-А. — Психопроп организован и управляется исключительно андроидами.

— Иисус Христос! — Маркхэм был потрясен. — Неужели никто не руководит их деятельностью, я имею в виду — никто из людей?

— Они подчиняются непосредственно президенту Лондонской Республики.

— Понимаю... А как много женщин становится Беглецами?

— Не много, сэр. Психические неврозы у женщин встречаются значительно реже, чем у мужчин.

Он медленно пил кофе, обдумывая то, что сказала Марион-А. Заговорил снова он только через несколько минут:

— Предположим, я знал бы, что человек, которого я встретил в Хэмпстеде, — Беглец, что я должен был бы сделать?

— Если бы вы сказали это мне, сэр, я бы связалась с ближайшей группой психиатров. Потом они бы выследили его и предложили сдаться.

— Предположим, он бы не захотел сдаваться?

— Тогда его бы взяли, сэр.

— Силой?

— Применяемые методы не причиняют вреда человеку, на которого они направлены.

Маркхэм взял сигарету:

— Если вы считаете, что он Беглец, почему вы об этом не сказали? И почему вы не вызвали психиатрическую группу, или как там ее?

— Абсолютной уверенности не было, — сказала Марион-А. — К тому же персональный андроид не должен принимать независимые решения на таком уровне, если, конечно, нет угрозы непосредственной опасности.

— К счастью, — сказал Маркхэм, глубоко затягиваясь, — в этом случае все это не так, верно? Он просто безобидный чудак — даже предложил мне поехать в Корнуолл и присоединиться к его солнцепоклонникам.

— Да, — сказала Марион-А. Она подносила чашку с кофе ко рту через равные промежутки времени.

Просто из любопытства Маркхэм решил замерить их. Он выяснил, что каждый интервал составляет пятнадцать секунд.

— Почему вы не хотите попробовать промежуток в двадцать две секунды? — весело спросил он.

Марион-А наградила его застывшей улыбкой, но у него появилось неловкое ощущение, что он почти смутил ее.

Покончив с сигаретой, Маркхэм вспомнил, что сейчас для него проблема жилья является важнейшей и первоочередной. Конечно, можно было несколько дней пожить в гостинице, но эта перспектива не прельщала его. Ему хотелось иметь что-то свое. Он начал чувствовать себя как дикий зверь в незнакомом лесу, и, подобно зверю, ему хотелось безопасности и собственной берлоги.

Поиск квартиры, как объяснила Марион-А, был намного проще, чем в его время. Надо было просто пойти в ближайший Жилищный Центр — на месте старой станции Чаринг-Кросс был такой — и получить список вакантного жилья в Сити.

Благодаря геликару на дорогу от ресторана до центра ушло не более минуты. Там дежурный андроид дал ему самый последний список, в котором, казалось, было все что угодно — от особняков в Вестминстере до подвальных комнат в Челси. Ясно, что в Лондоне не ощущалось нехватки жилья.

Маркхэм просмотрел список и пометил «галочкой» каждый адрес, который он считал подходящим. В

результате он поставил тридцать «галочек» и вынужден был произвести более строгий отбор, чтобы иметь возможность посмотреть все варианты. В итоге он получил шесть адресов и решил наведаться по ним с помощью геликара.

Квартира в Найтсбридже была четвертой по счету, и, посмотрев ее, он понял, что может прекратить поиски. Комнаты находились на третьем этаже одного из немногих сохранившихся Викторианских домов. Он предпочел их, потому что любил массивную архитектуру, потому что ему нравилось жить повыше и потому что оттуда открывался чудесный вид на Серпантин и Гайд-Парк.

Квартира состояла из двух спален, гостиной, кабинета, кухни и ванной. Мебель везде, кроме кухни и ванной, была в основном старинной, — приятное и гармоничное сочетание времен конца правления Виктории и начала правления Эдуарда. Несколько современных вкраплений — стереоэкран, принтер новостей и видеотелефон — не нарушали общей атмосферы уюта и покоя.

Андроид в Жилищном Центре сообщил ему, что рента составит шестьдесят пять фунтов в месяц. Он отважно подписал чек, чтобы заплатить за первые шесть месяцев, прижал большой палец к пластиковой пластинке и отдал его.

Маркхэм был немного удивлен тем, что менее чем за пару часов ему удалось найти себе дом — или, по крайней мере, комнаты, которые, вероятно, могли стать его домом. Неожиданно он понял, что раздумывает о том, как бы отнеслась к этой квартире Кэйти.

В прошлом, особенно до свадьбы, Гайд-Парк был их излюбленным местом для уик-энда. Они, должно быть, проходили мимо этого самого дома в Найтсбридже много раз, возможно, даже смотрели на него и, вероятно, раздумывали, хорошо ли было бы жить в таком фешенебельном районе.

«Ну что ж, — с горечью подумал Маркхэм, — теперь я это узнаю. А Кэйти нет». С каждым проходящим часом Кэйти уходила все дальше и дальше и казалась отдаленной фигуркой, удаляющейся в свете заходящего солнца. «Скоро, — подумал он устало, — наступит полная темнота. Реальная Кэйти станет только памятью, иллюзией».

Но где-то в глубине души он чувствовал, что это не так, что Кэйти будет жить, даже если его память, поступившись правдой, и сделает ее ретроспективный образ совершенней, чем могла быть любая когда-то жившая женщина.

Положив в карман полдюжины ключей, он позволил Марион-А отвести его в апартаменты Найтсбридж, Рутланд-Хаус, 3. Почти что домой.

Только тут он понял, что въезжает с весьма скромным скарбом — немного одежды, выданной ему в Северном Лондонском Санатории, и ничего больше. Он растерянно посмотрел на Марион-А:

— Мы ведь ничего не купили.

— Нет, Джон.

— Мне нужны пара рубашек, пара ботинок, что-нибудь почитать. Бумага для письма, ну и так далее.

«Какого черта, — мысленно спросил он себя, — я думаю о писчей бумаге? О чем мне писать и кому?» Он посмотрел на Марион-А, и ему в голову пришла другая мысль.

— А как же с вашей одеждой? — спросил он. — У вас она есть?

На Марион-А были все те же красный жакет и черная юбка, что и в тот день, когда он увидел ее впервые. Разговор об ее одежде не возникал, а сама она никогда ничего не говорила.

— Это было сшито для меня, — ответила она, — когда меня приставили к вам. Одежда очень долговечная, и, если вы хотите, я буду носить ее, пока она не сносится.

Он почувствовал замешательство и из-за этого рассердился:

— А что вы будете делать, если одежда испачкается?

— Я почищу ее, пока вы спите. Это наиболее подходящее время.

— Боже мой! А разве вам не хочется иметь разнообразную одежду?

— Если это понравится вам. У меня личного предпочтения нет.

— А вот у меня есть, — воскликнул Маркхэм. — Мы купим вам платья, как... как... К черту! Нет! Мы купим то, что годится для нынешнего дня и времени!

— Да, Джон.

Они отправились по магазинам, и Маркхэм потратил

еще пару сотен фунтов в процессе этой экспедиции. Марион-А не без пользы провела время с андроидом-костюмером, в то время как Маркхэм выбирал себе рубашки по вкусу и заказывал костюм. Из большого количества ярких синтетических тканей, предложенных ему, он выбрал похожую по текстуре на твид, сравнительно мягких пурпурно-серых тонов.

Когда проблема с одеждой была решена, он из любопытства прошелся по другим отделам магазина, чтобы посмотреть, какие товары предлагаются публике в двадцать втором веке. Многие предметы он узнал сразу, но некоторые были для него полной загадкой, пока Марион-А не объяснила их назначение.

Там были электростатические и ультразвуковые «стиральные» машины; девятимиллиметровые гипнопроекторы, укомплектованные данамичными и знойными любовными фильмами, в которых зритель становился участником с помощью видеогипнотической техники; спектроплейеры, которые трансформировали музыку в цветные изображения; кассеты книг и микромагнитофоны; энергетические коньки, контурные кровати, одноместные велосипеды с одним колесом и множеством мелких приспособлений для удобства и развлечения граждан Республики.

Маркхэм поддался искушению и купил себе наручные часы с устройством, сообщающим новости, вечное перо, набор старинных шахмат из слоновой кости в инкрустированной шкатулке. В ювелирном отделе он увидел платиновый браслет чудесной работы и купил его Марион-А, не очень понимая, что делает. Он не пытался изучить туманные мотивы этого порыва, просто подумал мимоходом, что с браслетом она будет больше походить на человека. Его страшно удивило то, что браслет стоил только двадцать пять фунтов.

Подарок как будто не произвел на Марион-А впечатления, но нельзя было утверждать это с полной уверенностью. Она поблагодарила его со спокойным безразличием существа, которого не волнует личная собственность, как и комплименты. И хотя он предвидел ее реакцию, это все равно разозлило его. В отместку Маркхэм отправил ее одну покупать продукты и оставил в геликаре, когда сам зашел выпить чаю в почти пустой ресторан.

Он уже начал привыкать к тому, что по сравнению

с прежним славным, чахоточным Лондоном нынешний Лондон был городом-привидением. Население, как он выяснил, составляло едва тридцать тысяч. И несмотря на то что война произвела столько разрушений и многое еще не было восстановлено, жителей в Лондоне было так мало, что они напоминали маленьких мух, редко разбросанных по огромному торту.

Зато количество андроидов было совсем иным. Оценивая впечатления этого первого дня, Маркхэм решил, что на одного человека в Лондоне приходится по меньшей мере четыре андроида.

Даже самые деловые улицы Вест-Энда были почти так же пустынны, как в полночь в двадцатом веке, а большинство случайных прохожих были персональными или исполнительными андроидами, которые направлялись по домашним или профессиональным делам. Человек без сопровождения был редкостью, и казалось, будто в двадцать втором веке существовало правило, что, куда бы и зачем ни отправлялся человек, персональный андроид должен следовать за ним.

Другой вещью, сильно потрясшей Маркхэма, было то, что он почти не видел детей, кроме тех, которые попались ему на глаза на озере в Хэмпстеде.

В отличие от ресторана «У Нино», ресторан, находившийся рядом с магазином, был воплощением современного дизайна. Ни один из дюжины овальных столиков не имел ножек, — все столы были подвешены на сверкающих стальных трубах, прикрепленных к переливающемуся потолку. Меню живописно высвечивалось на маленьком экране, и Маркхэм обнаружил, что заказы передаются прямо на кухню с помощью настольного микрофона. Он раздумывал, заказать ли ему чайник шотландского или лондонского чая, как вдруг заметил, что за ним наблюдают. Маркхэм посмотрел в настенное зеркало напротив себя и увидел удивительно красивую женщину с длинными золотистыми волосами, стоящую за его контурным стулом на расстоянии двух-трех ярдов. На ней была темно-синяя туника, по стилю похожая на китайскую, и слаксы с металлическим блеском, на голове — маленькая корона, украшенная драгоценными камнями.

Она встретилась с ним взглядом, улыбнулась и подошла к нему. Маркхэм встал и повернулся к ней лицом.

— Хэлло, мистер Маркхэм. Садитесь. Я присоединюсь к вам, если вы позволите. — Ее голос звучал весьма мелодично. — Вы меня еще не знаете, — продолжала она. — Но у нас уже назначена встреча. Я — Вивиан Бертранд. Я велела моему персональному андроиду послать вам приглашение на прием во Дворце, который устраивает Клемент.

Он почувствовал, что воротничок рубашки стал ему тесен, и обругал себя, что оставил Марион-А в геликаре. Она могла бы подсказать ему, как вести себя в этой ситуации.

— Здравствуйте, — произнес он, сомневаясь, стоит ли пожимать ей руку. — Вы... э... жена президента?

Она пододвинула свой стул к его стулу:

— Просто к сведению: я надеюсь, что не выгляжу как чья-то жена... Я его дочь, мистер Маркхэм... Ну, так что мы будем есть? Вы голодны?

— Да нет, мисс Бертранд. Я...

— Меня зовут Вивиан, а вас я буду звать Джон... Этот нелепый андроид испортил интервью с вами самым удивительным образом. Его надо перепрограммировать... Ну, раз вы не голодны, мы попьем чаю со льдом.

Едва она успела сделать заказ по микрофону, как появился андроид, молча поставил чай и удалился. Вивиан Бертранд протянула руку и нажала кнопку, расположенную в центре стола. Тотчас же из пола вокруг стола и стульев поднялся прозрачный плексигласовый цилиндр. Шум ресторана полностью пропал, и у Маркхэма возникло чувство, что они здесь как золотые рыбки в аквариуме.

Она засмеялась, дотронулась до другой кнопки, и цилиндр из прозрачного стал мутно-голубым.

— Теперь мы действительно наедине, — сказала она. — Микрофон тоже отключается. Мы называем это тайником.

— Это мое первое знакомство с ним.

Она насмешливо взглянула на него:

— А что, в двадцатом веке мужчины и женщины никогда не хотели остаться наедине?

— Не посередине зала в ресторане — не так, во всяком случае.

Вивиан была удивлена:

— Вероятно, они были очень восприимчивы?

Маркхэм не знал, что ответить на это замечание, и промолчал.

— Вы должны мне все рассказать о людях вашего века, — продолжала она. — Я просто сгораю от желания узнать, какими они были. Это правда, что вы сказали по стереовещанию, — что вы были верны вашей жене?

Маркхэм почувствовал себя как ребенок, который признается, что лазал в чулан.

— Да, это правда.

— Вы невообразимое создание!

— Был использован термин «сексуальный варвар», — сказал он.

Каким-то образом Вивиан заставила его посмотреть ей в глаза.

— Я уверена, что вы можете быть настоящим варваром, — промурлыкала она.

Мало того, что она внешне была самой волнующей женщиной из всех, кого он встречал, — в ней было и другое качество, которое восхищало его. В каждом ее движении чувствовалась сдерживаемая энергия, огромная внутренняя сила, сжатая, как пружина. Он попробовал представить, что́ произойдет, если пружина эта расправится, и решил, что эта женщина опасна — во всех отношениях. Опасна в гневе и покое. Опасна при победе и при поражении. Ему подумалось, что она подобна вулкану и обладает такой же слепой разрушительной силой. Ее присутствие путало его мысли, и Маркхэму требовалось немалое усилие, чтобы сосредоточиться и понять, что она говорит.

Вивиан привыкла производить впечатление. Она, не обращая внимания на его скованность, продолжала говорить.

— Вы выглядите, — спокойно заметила она, — как полярный медведь, заблудившийся в тропиках. Живые андроиды! Каким скучным, надо полагать, был ваш век. Боюсь, что контраст слегка изменит вашу психику — но лучшим образом. Я назначу себя вашим охранником. Думаю, что за вами будет забавно наблюдать.

— Надеюсь, что не разочарую вас, — сказал он ровным голосом.

Вивиан слегка улыбнулась:

— И я так думаю. Похоже, в вашей личности

больше всяких странностей, чем во всех Беглецах Лондона вместе взятых.

— Может быть, мне эти странности нравятся.

— Может быть, мне понравятся тоже, — ответила она. — Я знаю, у нас с вами будет война. Каждый начнет пытаться изменить другого, и запрещенных приемов нет. Ваши мысли против моих. Посмотрим, чьи лучше — и сильнее. Это будет весьма радикально... Вы принимаете вызов, дорогой враг?

Маркхэм чувствовал себя очень неловко. События развивались так стремительно, что у него закружилась голова.

— Я вот все удивляюсь, как случилось, что мы так запросто разговариваем, — признался он. — Может быть, мне лучше проявить должное уважение к дочери президента?

Она засмеялась:

— Только если я этого захочу, а я не хочу. Вы слишком интересны, Джон, чтоб держать вас на расстоянии. Не каждый же день встречаешь человека, которому пара веков от роду.

— Извините, поправка. Я всего лишь юноша — мне сто семьдесят семь лет.

— И вы очень хорошо сохранились, — сказала она. — Что вы думаете о Сити? Вам не кажется, что мы улучшили его? Я с ужасом думаю, на что́ он был похож, когда здесь жили миллионы. Кипящая масса тел, я полагаю. Отвратительно!

— У меня еще не было времени разобраться в своих впечатлениях, — осторожно ответил Маркхэм. — Мне надо было ввести свое имя в Индекс и найти жилье.

— Вы действуете быстро. Где же вы живете?

— Найтсбридж, Рутланд-Хаус.

— Я знаю это место. Дряхлый старый музей. Поэтому вы его и выбрали?

— Совершенно верно, — улыбнулся он. — Я теперь музейный экспонат.

Вивиан допила чай со льдом.

— Но ненадолго, — сказала она с видом пророка. — Я об этом позабочусь... Случилось так, Джон, что мы почти соседи. Я живу на Парк-Лэйн. — Она посмотрела на крошечные часы-кольцо. — Мне пора лететь. Я должна быть в Олимпийском Клубе... Знаете что,

приходите, навестите меня сегодня вечером. В двадцать два тридцать и без андроида. Вы расскажете мне о вашей старомодной семье и о губительном двадцатом веке.

Она нажала кнопку, и стенки цилиндра, окружающего их, скользнули в пол.

— Но я... — Маркхэм не успел договорить.

— Никаких «но», дорогой враг. Я дочь президента, — весело напомнила она. — Одна ошибка — и вы отправляетесь в условно живое состояние.

— В самом деле?

— Идиот. Я изничтожу вашу допотопную серьезность сегодня же вечером. Пока, Джон. Да смотрите же не увлекайтесь женщинами!

Пока он пытался сформулировать дипломатический отказ, она ушла. Вивиан вызвала у него странное напряжение. Его несколько поразили язык и манеры «роковой женщины», которые, вероятно, не менялись тысячелетиями, но Маркхэм вынужден был признать, что столь боевое поведение ей к лицу, хотя и вызывало в нем чувство неловкости. Он посидел в ресторане еще несколько минут, размышляя и пытаясь проанализировать свои эмоции, но, поскольку попытки были не очень успешными, он их бросил.

Тут он вспомнил, что Марион-А все еще ждет его в геликаре, вышел из ресторана и сел в машину, чувствуя, что ему по-прежнему хочется как-то отомстить ей за равнодушное отношение к платиновому браслету, хотя и понимал, что ей незнакомы ни чувство благодарности, ни унижения.

Они добрались до Найтсбриджа в молчании. Маркхэм едва успел открыть дверь квартиры, как зазвонил видеотелефон.

— Как эта штука работает? — раздраженно бросил он.

Марион-А нажала на тонкую планку сбоку от экрана и отошла за пределы видимости.

Экран осветился, и на нем появилась женская голова и плечи. У женщины были темные волосы, мелкие подвижные черты лица. Выглядела она лет на девятнадцать.

— Привет, дорогой, — развязно произнесла она. — Добро пожаловать в хибару. Примерно в такой дыре ты жил там, в каменном веке, да? Теперь ты должен,

повторяю — должен, спуститься и выпить с нами. Причем немедленно, сейчас же, и никаких извинений, дорогой. Мы хотим тебя видеть, просто помираем. И не приводи своего андроида. Мы своих вышвырнули на часок — я имею в виду, устаешь, когда все время их рядом видишь, а ты? Ох, я забыла! Я — Шона Ванделлей, живу как раз под тобой, в квартире номер два.

— Хэлло, — сказал Маркхэм, чувствуя, что не в силах сопротивляться. — Меня зовут...

— Мы все о тебе знаем, дорогой. Ты невероятно романтический Спасенный. Вообще-то я воспринимаю тебя трагически. У тебя божественная форма головы — как у Орфея, мне кажется. Тем более что у тебя был свой подземный мир. Но ты, кажется, немузыкален, нет?

— Нет, у меня нет никаких особых способностей, ни прорицательских, ни артистических. — Ему показалось, что он сходит с ума.

— Дорогой, — продолжала девушка, — мы тратим уйму психосоматических усилий на эту электронику. Увидимся через двадцать секунд. — Она одарила его восхитительной улыбкой, и экран погас.

Маркхэм повернулся к Марион-А.

— Что, люди обычно так и разговаривают? — спросил он. — Или это было что-то особенное?

— Мисс Ванделлей использовала современные идиомы, — ответила Марион-А с намеком на улыбку. — Ее речь, вероятно, перенасыщена ими.

— Черт. Я думаю, лучше пойти.

— Да, сэр. Вы хотите, чтобы я чем-нибудь занялась, пока вас не будет?

Маркхэм на секунду задумался, потом сказал:

— Примерьте ваши новые платья.

ГЛАВА 6

Шона Ванделлей открыла, как только он подошел к двери, и стремительно втащила его внутрь. Она сунула ему в руку высокий бокал и одновременно представила высокому человеку с бронзовым от загара лицом, всем своим видом и движениями похожим на атлета.

— Этот объект называется Пол Мэллорис, — сказала Шона. — Мое первое снаваждение. Он здорово управляется со стихотворными размерами, когда ему нечем больше заняться. — Она засмеялась. — Но обычно милый зверь находит занятие получше. Я в самом деле не вижу причин, почему бы любовным утехам не продолжаться годы. И вы, наверное, склонны согласиться со мной, потому что вы в чувственном отношении примитивны сами, правда ведь, дорогой Спасенный?

— Давайте лучше начнем сначала, — остановил ее Маркхэм. — Я же только что из глубинки. Что такое снаваждение?

— Сокращенно от сексуального наваждения, — пояснил Пол Мэллорис. — Я оказался свободным, когда Шону стала утомлять ее девственность. Мы соединились. В самом деле все очень странно, но увлекательно. Я поспорил с ней на сотню, что это продлится месяц, но прошло уже три. Так что вот она — моя красавица.

— Он мой зверь, — гордо добавила Шона. — Очень милый зверь и очень косматый — в психосоматическом смысле.

— Понимаю, — безразлично согласился Маркхэм. — Чем больше я узнаю об этом мире, тем больше понимаю, как много мне нужно еще узнать. — Он сделал долгий глоток из бокала, который она подала ему. Сначала показалось, что это крепкий коктейль, но нет — он быстро понял, что это совершенно безобидный напиток.

— Милый Спасенный, — сказала Шона. — Ты просто находка. Если бы не мой объект, я бы с удовольствием соединилась с тобой. Тебе ужасно не хватает жены? Да что там говорить, конечно не хватает! Ты же сам сказал с экрана. Бедный, бедный Спасенный. Я думаю, тебе, наверно, хочется любви.

— Поменьше о Спасенном, — запротестовал Маркхэм, тяжело ворочая языком, и допил свой стакан. — Вы меня заставляете чувствовать себя патриархом. Меня зовут Джон, а кому на свете не хочется любви? Боже мой, да я же напился! — Он почувствовал, что комната закружилась перед глазами, и без особой надежды попытался дойти до ближайшего стула, но не дошел.

Маркхэм опустился на четвереньки и закукарекал.

— Засуньте меня в духовку. Я мороженый цыпленок, — убежденно объявил он. — Кому-нибудь нужны холодные яйца? Яйцо любви, друзья! Оно ваше — разбейте его. Яйцо надежды? Боже, оно бесплодно. Яйцо истины? Хотите верьте — хотите нет, но старая вещь — надежная вещь. Это более чем яйцо, это цыпленок. А цыпленок, черт побери, — это я!

Пол и Шона смотрели на него и улыбались. Он попытался сфокусировать свой взгляд, но изображение раздваивалось.

— Вы, сучьи красавицы! — заревел он. — Вы, чертовы звери! Ползите назад в вашу сказку и дайте мне покоя. Режьте меня, я готов! Что за чертовщину вы сунули в мою выпивку, секс-призраки? Идите прочь и блудите. Я умираю от горя. Яйцо горя, дорогие люди, лучше всего потреблять вкрутую с солью и потерей памяти... Кэйти, дорогая, этот мир полон ублюдков и шлюх... Я люблю тебя!

Он начал смеяться. Он упал лицом вниз и громко захохотал. Пол Мэллорис поднял его с удивительной легкостью и положил на диван. Глаза Маркхэма закрылись, и дыхание стало ровным.

Пол посмотрел на Шону.

— В какой-то момент я подумал, что мы перебрали с дозой, — сказал он спокойным тоном. — Это всего лишь предпороговый шок. Обычная реакция после замораживания, даже если бы он не пролежал во льду полтора века. Ему нужен тщательный уход, бедняге. Одно неверное движение — и он отойдет... Трудно представить, какую травму он перенес. — Неожиданно Пол улыбнулся. — Наверное, нам было бы так же плохо, если б мы попали в мир без андроидов.

Шона вздохнула:

— Разве было бы плохо? Пол, он просто рвался к символу яйца. Ты думаешь, это имеет какое-нибудь значение?

— Пока нет. Нужно понаблюдать за ним несколько дней. Он должен понять, что происходит в мире. Я думаю, мы узнаем, когда он примет какое-либо решение.

Шона выглядела несчастной.

— Я себя чувствую просто змеей. Нужно было дать ему время осмотреться, прежде чем брать его в работу. Он же только что из санатория.

Пол достал из ящика стола пузырек и шприц для подкожных инъекций.

— Я знаю. Мне и самому это не нравится. Но если мы не начнем работать с ним как можно скорее, этим займутся они. Даже Психопроп выяснит, что потенциально в нем преобладает символ курка. Обычный человек двадцатого века — как раз тот археологический тип, что нам нужен. И, по Божьей милости, нам даже не пришлось охотиться за ним. Он сам пришел к нам!

Она смотрела, как он наполняет шприц и вонзает иглу в руку Маркхэма.

— Ты уверен, что «Забытьин» сделает свое дело?

— Если нет, нас ждет Уничтожение, моя милая. — Он успокаивающе улыбнулся. — Не паникуй, Шона. Один кубик даст нам не меньше двадцати минут ретроактивной локализованной амнезии. Он ничего не запомнит. — Пол вынул шприц и положил его на место.

Через минуту, или около того, Маркхэм открыл глаза, два раза моргнул и сел.

— У вас был обморок, — сказал Пол. — Перенапряжение. Последствия условно живого состояния.

— Очень глупо, простите, — извинился Маркхэм. — Сейчас все хорошо. Между прочим, я подумал, что это от выпивки.

— От нее тоже, — сказала Шона серьезно.

Он попытался встать.

— Не надо, — посоветовал Пол. — Поднимите ноги и расслабьтесь. Я должен вам кое-что сказать.

Маркхэм был удивлен:

— Вы говорите совсем по-другому. Теперь ваша речь звучит более нормально — для меня, во всяком случае.

— Отлично, — сказал Пол. — Просто нам не надо больше играть — некоторое время.

— Что вы имеете в виду?

— На левом предплечье у вас след укола. Я вколол вам алкалоид, он называется «Забытьин». Минут через двадцать вы спокойно отключитесь, а когда придете в себя, не сможете вспомнить ни слова из нашего разговора.

Маркхэм несколько секунд молча смотрел на него.

— Большое спасибо, — сказал он мрачно. — Воз-

можно, я со временем и привыкну к новомодному гостеприимству, но сейчас меня это раздражает. Если вы не возражаете, я отсюда поскорее уберусь.

— Вы останетесь на месте и выслушаете меня, — сказал Пол Мэллорис. — Я ничего не собираюсь делать, кроме того, что необходимо... Не будьте агрессивным. Вы только что из санатория, и я в значительно лучшей форме... Все, что я хочу, — это только чтобы вы выслушали меня.

— Я слушаю. Можно даже сказать, я вас слушаю очень внимательно.

Шона с мольбой посмотрела на него:

— Мы не хотим вам вреда. Пол...

— Предоставьте это мне, Шона. — Пол Мэллорис пододвинул стул и сел напротив Маркхэма. — У вас еще не было времени, чтобы сориентироваться в нашем мире. Но вам, по вашим меркам, он кажется утопией, потому что андроиды выполняют всю работу, а нам остаются все развлечения.

Маркхэм кивнул:

— Насколько я понял.

— Однако среди нас еще остались, — продолжал Пол, — те, кто ценит свободу мысли больше, чем пустое времяпрепровождение. Мы не хотим, чтобы андроиды всем заправляли. Мы бы хотели и сами за что-нибудь отвечать.

— Похвальное честолюбие, — сказал Маркхэм с сарказмом. — Почему бы вам не сделать что-нибудь для этого?

— Мы делаем, но нам приходится быть очень осторожными. Позднее вы поймете, как легко угодить в разряд невротиков. Джон, любое отклонение в поведении, всякое несоответствие современному социальному статусу считается невротическим. Первая стадия — это когда ваши так называемые друзья заметят, что вы не выглядите счастливым. Вскоре это известие попадает к агенту Психопропа. Затем вы проходите психиатрический тест, хотя это само по себе ничего не значит. Имеет значение, сможет ли Психопроп обнаружить в вашем поведении существенные отклонения от нормы. Если отклонения имеются, вас рекомендуют для условно живого состояния или Анализа, в зависимости от того, насколько опасным вас сочтут. Анализ имеет и другое название — Уничто-

жение. Они уничтожают вашу личность и воссоздают ее в более, на их взгляд, лучшем виде.

— Почему же люди терпят подобное положение?

— Они соглашаются с этим, ибо считают, что другого выхода нет. Только — Анализ.

— А как дела с движением сопротивления?

— Я к этому и подхожу, — сказал Пол. — Каждый может отказаться от Анализа. Но тогда человека исключают из Индекса; а его персонального андроида, если он его вовремя не поломал, перепрограммируют, чтобы тот выследил своего хозяина и вызвал психиатрическую команду. Тот, кто пытается помочь, тоже подлежит тестированию и в конечном итоге Анализу.

Маркхэм криво улыбнулся:

— Я уже слышал о Беглецах, одного даже встречал.

Пол Мэллорис напрягся:

— Кого?

— Может быть, я вам скажу когда-нибудь, но не сейчас... Между прочим, сколько их?

— Никто не знает, кроме Психопропа. В любом случае их, вероятно, больше, чем пятьсот, но меньше тысячи.

— Я думаю, у них есть что-то вроде организации, — предположил Маркхэм.

— Верно. Около семидесяти процентов людей являются приверженцами свободного общества и хотят сами отвечать за свои поступки.

— Но они мало что могут против сотни тысяч андроидов и тридцати тысяч пассивных человеческих существ, так?

Пол Мэллорис улыбнулся:

— Я вижу, вы уже уловили суть проблемы. Но Гораций удержал мост, Леонид удержал проход, а Давид убил Голиафа.

— Аналогии вряд ли годятся.

— Почему же? Годятся — психологически. Я — психоисторик, между прочим, когда не прикидываюсь в своей публичной роли апокалиптического поэта.

— Значит, андроидам не удалось заставить вас совсем не думать?

Тем временем Шона налила выпивку в три бокала. Один она предложила Маркхэму.

— На этот раз совсем безопасно, — сказала девушка извиняющимся тоном.

Он взял стакан:

— Спасибо. Странно, но я совсем не беспокоюсь.

— Нет, андроиды не отучили меня думать, — сказал Пол. — Моя мать умерла, когда я родился, а отец — когда мне только исполнилось три года. Меня вырастили андроиды — нянчили, кормили, одевали, дали образование. Они заботились обо мне очень хорошо. Я должен был бы вырасти замечательным гражданином. Но не вырос.

— Почему?

— Андроиды могут присматривать за ребенком, но не могут любить его. Поэтому сперва была просто обида, а потом она обострила мое критическое мировоззрение. И вместо того чтобы принимать мир таким, какой он есть, я начал задавать вопросы.

Маркхэм посмотрел на Шону:

— А как с вами?

Она улыбнулась и положила руку на плечо Пола:

— Это он заразил меня. Я просто была несчастлива и боялась признаться в этом. Я думала, что со мной что-то не в порядке. Пол убедил меня, что это не так.

Маркхэм неожиданно рассмеялся:

— Пятьсот Беглецов и пара идеалистов против всех.

— Есть и еще люди вроде нас, — сказал Пол. — Их много, может быть тысяча. Они ждут примера или лидера.

— Теоретически, я бы поставил свои деньги на андроидов и систему.

— А практически?

— Практически, — осторожно сказал Маркхэм, — я думаю, что вы можете найти лидера.

Пол посмотрел ему в глаза:

— Я полагаю, что мы его уже нашли.

— Кого?

— Вас.

Наступило тягостное молчание. Шона рассматривала свой бокал, не поднимая глаз на Маркхэма.

— Я считаю, что вы сумасшедшие, — наконец сказал он, — если решили, что я соглашусь и что моя кандидатура — лучшая из всех. А если я не захочу, тогда что — спаси, Господи, человечество? Я еще даже не определился в этом мире. У меня не такой образ мыслей, как у вас. Я принадлежу другому веку. Я...

— Именно поэтому вы и подходите, — вмешался Пол. — Вы из того века, когда люди полностью полагались на самих себя.

— И каких дел натворили, — горько сказал Маркхэм.

— Не в этом суть. Ваша ценность в символе, архетипе. Вы Спасенный: человек, который верит в так называемую примитивную семейную жизнь, в созидательный труд и в человеческую ответственность.

— Вздор! — со злостью сказал Маркхэм. — Я верю в счастье. Все то, о чем вы сказали, и делало меня счастливым. Если я могу быть счастливым при существующих ныне условиях, то я постараюсь им быть. Я не влезал специально в эту ловушку в морозильной камере, чтобы организовать вашу ничтожную революцию.

— Предположим, вы не сможете быть счастливым?

— Вот тогда и подумаю.

Пол Мэллорис, кажется, был доволен.

— Это все, что мы хотели узнать. Подождите. Попробуйте все, что вам будет предложено этим миром, Джон. Я думаю, хорошего вы найдете мало. Вот тогда мы сможем вас использовать. А за это время вы нам вреда причинить не сможете, потому что «Забытьин» полностью сотрет наш разговор в вашей памяти. Мы воспользовались им только чтобы проверить, как вы будете реагировать. Лично я думаю... — Он остановился.

Маркхэм поднес руку к голове и, казалось, старался поддержать ее. Он напряженно посмотрел на Пола Мэллориса:

— В комнате темнеет.

— Не волнуйтесь, «Забытьин» начал действовать немного раньше. Вы отключитесь примерно на пятнадцать секунд.

Маркхэм слабо улыбнулся.

— Прелестная интерлюдия, — пробормотал он; потом его голова откинулась, и он обмяк.

Он пришел в себя и увидел, что Шона Ванделлей подносит чашку с темной жидкостью к его губам. Черный кофе. Он отпил немного, проглотил и сел.

— Дорогой, — радостно сказала Шона. — Мы свиньи, ну и свиньи! Вы, должно быть, ужасно устали,

потому что просто закрыли глаза и заснули. Чуть на нас не легли. А может, вы сочли нас скучными, ужасно скучными?

— Вот черт, — сказал Маркхэм. — Мне очень стыдно. Никогда раньше со мной такого не случалось. Может быть... мне что-то странное снилось — почему-то яйца... кажется.

— Интересно, — сказал Пол. — Мне кажется, Фрейд был очень популярен в ваше время. Старик был фантастичен как аналитик, но он был просто золотой жилой буквальных сопоставлений, типичный невротик девятнадцатого века с ложной программой. Кто знает — он мог бы стать легким лирическим поэтом с правильным стимулом. В ближайшие дни послушайте «Сонет для шизо». У меня также есть записи...

— Если вы не возражаете, — нетвердо начал Маркхэм, — я полагаю, мне надо идти домой. У меня был тяжелый день.

— Дорогой Джон, — замурлыкала Шона. — Мы беспредельно жестокие, да и совсем глупые. Конечно, ты устал. Это же первый день после санатория. Может быть, завтра... Возможно, вечером?

— Возможно, — сказал Маркхэм.

Она проводила его до двери. Он вспомнил, что договаривался еще об одной встрече.

— Пока, приятель, — сказал Пол Мэллорис. — Освободите свою психику.

Маркхэм выдавил бледную улыбку и отправился в свою квартиру. Его не покидало чувство, будто он что-то должен вспомнить. Что-то очень важное, что пряталось в самой глубине его памяти. Может быть, завтра удастся вспомнить.

Ему необходимо было отдохнуть. Был уже седьмой час, а в десять тридцать (двадцать два тридцать! Сверим часы, джентльмены) предполагалась встреча с загадочной Вивиан Бертранд.

«Боже мой! Ну и денек! — подумал он. — Чертовский день!» Двадцать второе столетие, казалось, мстительно затягивает его.

Вернувшись, он обнаружил, что Марион-А сменила кофту и юбку на лыжный костюм бутылочно-зеленого цвета. Несмотря на строгие линии, костюм придал ей удивительно женственный вид.

— Я иду спать, — кротко сообщил он. — Если не проснусь через три часа, разбудите меня.

— Да, сэр.

— Я же просил называть меня Джоном.

— Прошу прощения, Джон.

Ему показалось, что в ее голосе прозвучала нотка обиды. Но это было глупо. Разве андроид может обидеться?

В спальне он быстро скинул одежду и бросил ее беспорядочной грудой. Постель была приятно теплой. Марион-А постелила ему термоодеяло.

ГЛАВА 7

Он находился в великолепном магазине игрушек. Стены там были из прозрачного пластика, а потолок — из черного бархата, усеянного остроконечными звездами. Он стоял перед большим прилавком, на котором раскинулся Лондон — картонный город, украшенный волшебными огоньками, блестками и разноцветными стеклянными лампочками.

За прилавком стоял Дед Мороз в красной шапке и с большим мешком. Лицо у него было какое-то вялое, помятое; голосом Проф. Хиггенса он сказал:

— Веселого Уничтожения, мой мальчик, и счастливого невроза!

— И вам того же, — вежливо ответил Маркхэм.

Дед Мороз смахнул крокодилову слезу.

— По секрету, — сказал он. — Все мои северные олени никуда не годятся.

— Почему?

Дед Мороз затрясся от смеха:

— Боюсь, что все они прирожденные Беглецы, сынок.

Маркхэм почувствовал прилив вселенского милосердия.

— Мир Земле, — убежденно сказал он. — Доброй воли всем андроидам.

Дед Мороз развязал мешок:

— Возьми себе подарок, дружок, не глядя. Любой бесценный пакет за чисто номинальную стоимость.

— Сколько?

— Сущий пустяк. Приложи пальчик, заверь чек на свою душу.

Маркхэм достал большую чековую книжку с надписью: «Лондонская Республика — Персональный Кредит» и — прижав большой палец к пластиковой карточке, вручил ее Деду Морозу.

— Удовлетворение гарантируется, — громко заявил старик. — Или ваша душа будет вам возвращена.

Маркхэм запустил руку в мешок и вытащил пакет. Он сдернул ленту, сорвал веселую обертку и обнаружил заводную куклу. У него вырвался крик отвращения.

— Ты не любишь играть в куклы? — с любопытством спросил Дед Мороз.

— А вы как думаете?

— Она умеет ходить и говорить.

— Да хоть бы летать и кричать.

— Терпение, друг мой. — Дед Мороз взял куклу, повернул ключ в ее спине и аккуратно поставил на пол. — Если она тебе не нравится, можешь выбрать другой подарок. Честный Проф. святой Николай — это я.

Кукла начала расти. Лицо увеличивалось, глаза засветились, золотистые волосы упали на плечи... Кэйти!

— Кэйти, — хрипло прошептал он. — Кэйти, дорогая.

— Джон, — сказала она. — Я люблю тебя.

— Милая моя, это же чудо. Не будем спрашивать что и почему. Просто пусть так и будет.

— Джон, я люблю тебя.

Он посмотрел на картонный город, на милостивого Деда Мороза, на мешок с подарками.

— Пойдем куда-нибудь, где можно побыть вдвоем.

— Джон, — повторила она спокойно, — я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я...

— Перестань! — сердито крикнул он, но Кэйти не остановилась. Она продолжала произносить те же слова, так же монотонно, пока слова не потеряли всякое значение. Он обнял ее. Он попытался поцеловать ее. Но губы продолжали шевелиться и говорить.

— Черт побери. Перестань!

Дед Мороз вежливо кашлянул.

— Основная программа сведена к минимуму, — объяснил он. — В куклу много не уместишь.

— Черт вас возьми, она не кукла. Она...

— Не кукла, — повторила Кэйти. — Не кукла. Не кукла. Не кукла.

— Боже мой! Кэйти, дорогая, кто же ты?

Она улыбнулась лучезарно-неподвижной улыбкой:

— Я андроид. Я люблю тебя. Я андроид. Я люблю тебя.

Маркхэм в ужасе отшатнулся, закрыл лицо руками:

— Уходи, сделай милость.

Дед Мороз вздрогнул и дотронулся до ключа в спине Кэйти. Она умолкла на середине фразы и стала уменьшаться, пока не превратилась в маленькую неподвижную фигурку. Дед Мороз поднял ленту, расправил оберточную бумагу, тщательно запаковал ее и бросил сверток обратно в мешок.

— Некоторым людям трудно угодить, — с сожалением произнес он. — Попробуй еще, мой мальчик. Роза, как ее ни назови, все равно с шипами. Кукла поэтому всегда кукла. Посмотри, вот еще подарок. Вроде такой же, но другой.

Он протянул сверток, и Маркхэм, как в трансе, взял его. Кукла была Марион-А — с ключом в спине. Не в силах пошевелиться, он смотрел, как она растет.

— Я была перемоделирована по образу на фотографии, которую нашли в вашем кармане, — сказала она. — Предполагалось, что вам понравится сходство.

— Уходи прочь!

— Я нужна тебе, Джон.

— Уходи прочь.

— Ты не можешь жить без меня.

— Уходи прочь, проклятый андроид!

В ее глазах стояли слезы.

— Извини, Джон, но я человек.

— Что? — Он недоверчиво уставился на нее.

— В самом деле, что? — повторил Дед Мороз с искренней улыбкой. — Что такое жизнь, мой друг? Это сказка, которую сочинил идиот, а рассказал гений, сказка, полная такого шума, такой ярости, что в ней практически все имеет значение.

Маркхэм в упор посмотрел на него:

— Гори все огнем, вы не Дед Мороз.

— Правильно, огнем адским. Я — Мефистофель, старый создатель игрушек. Я люблю переодеваться то тут, то там. — Он небрежно махнул Марион-А. —

Усохни и умри, дорогая. Добрый джентльмен не хочет тебя... Да он вовсе и не знает, чего хочет.

— Бог мой! Я знаю, чего хочу, — уверенно сказал Маркхэм.

— Дьявол! Не знаешь! — Проф. Хиггенс сбросил красный плащ, под ним оказались хвост и раздвоенные копыта. Черты лица мгновенно изменились, теперь это было лицо сатира. Он отбросил крошечную куклу, в которую превратилась Марион-А, с силой, налитой адским огнем.

— Я предлагаю тебе жизнь, — сказал он с кротким милосердием. — А ты отказываешься.

— Не будьте проклятым шарлатаном! Вы предложили мне пару механических кукол.

Мефистофель засмеялся:

— Предложил. Я предложил тебе жизнь и любовь, а разве существует лучший символ, чем пара заводных кукол? Кроме того, что еще ты можешь хотеть?

— Я хочу правды.

— Не будь надоедливым шутником, милый парень. Такого зверя нет.

— Вы лжете.

— А разве все мы не лжем? Я, по крайней мере, умный лгун. Тем не менее я повторяю — такой вещи, как правда, нет.

Маркхэм презрительно рассмеялся.

— Доверьте дьяволу догму, — сказал он. — Но у меня всегда остается интуиция, и она говорит мне, что существует вечная правда.

Мефистофель насмешливо хрюкнул:

— Покупатель всегда прав, почти. Но я боюсь, что тебе придется дать определение вечной правды.

— Она крепкая, как город? — спросил Маркхэм.

— Конечно! — Мефистофель взмахнул рукой — и картонный Лондон превратился в колоду карт.

— Она прозрачная, как кристалл?

— Неоспоримо! — Мефистофель выпустил огонь из ноздрей, и кристаллические стены почернели, а потом разбились на куски.

— Она вечная, как звезды?

— Абсолютно! — Мефистофель посмотрел на потолок из черного бархата, и твердые остроконечные звезды превратились в снежинки, которые медленно падали, тая на лету.

— Какая бы ни была правда, я покупаю ее, — дико закричал Маркхэм, — и посмотрю на вас в аду.

Мефистофель улыбнулся:

— Дорогой мальчик, ты уже купил ее. Остается маленький вопрос с чеком на твою душу, что позволит назначить встречу в аду во время, которое еще никто не определил... Между прочим, сделка есть сделка, и ты получишь свою правду. Но тебе лучше постараться выиграть время.

— А зачем мне нужно время?

— Время, — сказал Мефистофель, растворяясь в собственном огненном дыхании, — чтобы понять.

Потом наступило ничто — только темнота и тишина. Тишина, которая перекатывалась, как гром, и темнота, которая сотрясалась и разламывалась и наконец взорвалась, превратившись в свет.

Маркхэм открыл глаза и увидел, что Марион-А склонилась над ним.

— Пора вставать, — сказала она. — Вы велели разбудить вас через три часа.

— Время, чтобы понять, — пробормотал Маркхэм сонно. На какой-то момент ему послышался отдаленный смех. Смутно он припомнил сон, понял, что это только сон, и вздрогнул. Потом он зевнул, потянулся и заставил себя выбраться из кровати... Сон исчез.

Он послал Марион-А сварить кофе, а сам стал собираться, со скукой размышляя о встрече с Вивиан Бертранд.

Двадцатью минутами позже, после душа и бритья, он почувствовал себя отдохнувшим и проснувшимся. А когда оделся и выпил кофе, приготовленный Марион-А, то стал думать о предстоящем визите даже с удовольствием.

Он говорил себе, что им движет любопытство. Даже если не придавать значения несомненной привлекательности Вивиан Бертранд, он каким-то странным образом чувствовал, что она была единственная из встреченных им, кого можно было назвать совершенно живой. Как если бы она существовала в измерении, недоступном Шоне Ванделлей, или Полу Мэллорису, или Проф. Хиггенсу. Как если бы она одна принадлежала полностью и естественно миру, в котором жила.

Наконец он понял, что ему пора отправляться.

Маркхэм посмотрел в окно, увидел ясное небо и решил пойти пешком.

Насколько он помнил, дорога до Парк-Лэйн должна была занять меньше четверти часа, если идти через парк.

— Вы хотите вернуться на геликаре? — спросила Марион-А.

Он говорил ей раньше о встрече с Вивиан Бертранд, с любопытством ожидая ее реакции, но, как всегда, комментариев не последовало.

— Не думаю, но, если изменю намерения, я вам позвоню.

— Да, сэр.

— Видимо, у андроидов плохая память.

— Нет, Джон.

Уже выйдя из квартиры, он подумал, не называет ли она его «сэр», когда они вдвоем, чтобы выразить неудовольствие. Он решил, что это возможно; хотелось верить, что это так.

Воздух был чистым, по-настоящему осенним, а сентябрьское небо было усеяно звездами. Он шел через Гайд-Парк и чувствовал себя странно счастливым. Впервые вечером он вышел один. Его охватило бодрящее чувство свободы, странная иллюзия безопасности.

Он посмотрел вверх, на звезды, нашел знакомые созвездия — вечные маяки, для которых полтора столетия были просто незаметным мгновением. Вдруг он вспомнил ту часть своего сна, где звезды превратились в снежинки и растаяли. Чувство безопасности и уверенности покинуло его — он был один в темноте; одиночество охватило его, как парализующий холод камеры «К».

К тому времени, когда Маркхэм нашел нужный дом на Парк-Лэйн, он чувствовал себя изгнанником, человеком, стремящимся убежать от самого себя, от своих мыслей, своих воспоминаний. Он начал понимать, как чувствуют себя Беглецы, отринутые обществом, живущие где и как придется...

Вивиан Бертранд сама открыла дверь. Он ожидал увидеть слуг, андроидов, возможно других гостей. Но, очевидно, Вивиан устраивала интимная обстановка.

— Привет, дорогой враг. Вы опаздываете. — Она приветствовала его улыбкой, в которой проскользнуло нетерпение.

— Извините, мисс Бертранд. Я сильно опоздал?

— Семь минут. Обычно ждут меня. Это новое ощущение. И я не мисс Бертранд, во всяком случае не сегодня вечером. И не для вас.

На ней было весьма простое одеяние. Выше талии оно напоминало вечернее платье, по линии шеи обрамленное металлическим пояском, служившим единственным украшением; ниже талии — переходило в клетчатые брюки, которые подчеркивали длинные, грациозные ноги.

Когда она встретила его у дверей, платье казалось черным, а поясок серебряным. Но когда она прошла в гостиную, платье оказалось цвета мальвы, а поясок золотым. Одновременно с этим ее обычно золотые волосы стали темными.

Ее развеселило удивление Маркхэма.

— Я знакомлю вас с новой модой, — сказала она. — Сейчас у нас нет большой приверженности к статическим цветам. Слишком монотонно. Мы живем в мире жизни и движения, дорогой враг, — в мире, радушном, как любовь и правда.

Она повернулась с торжественным изяществом; ее платье стало белым, а длинные волосы переливались глубоким зеленым цветом. Маркхэм смотрел словно загипнотизированный.

— Как... — начал он.

— Как, — передразнила она, — и почему! Это все, что заботит вас. Вам не нравятся красивые вещи?

— Да, но...

— Ваши «но» наводят скуку, дорогой Джон. Долой все «но», «как» и «почему». Садитесь на диван, а я приготовлю вам особый, встряхивающий душу коктейль. А потом, если вы будете хорошим и развлечете меня, я, может быть, удовлетворю ваше любопытство.

Она весело толкнула его на длинный низкий диван, подошла к маленькому столику на колесах, уставленному бокалами и графинами, и приготовила коктейли.

Комната была обставлена в роскошном, современном стиле, но внимание Маркхэма сосредоточилось на Вивиан. Атмосфера, казалось, была насыщена ею, как будто она излучала невидимую энергию, которая заряжала все, до чего она дотрагивалась.

Она вручила ему бокал и уселась перед ним в живописной позе на ворсистом ковре, баюкая свой

«душетряс» и глядя на Маркхэма ясными, веселыми глазами.

— Расслабьтесь, — сказала она, поднимая бокал.

Маркхэм осторожно попробовал свой коктейль, — по вкусу это был высокооктановый сухой мартини.

— Как вам нравится то, что у вас есть персональный андроид?

Он улыбнулся:

— Я к этому привыкаю. Мне приходится все время напоминать себе, что она всего лишь машина.

— Возможно, — сказала Вивиан, — что и мы все — тоже машины. Только мы этого не знаем.

— Вы верите в это?

Она улыбнулась:

— Дорогой Джон. Ты такой безнадежно серьезный... Давай выпьем еще. Мой бокал пуст.

Маркхэм встал:

— Скажите мне, как его смешать, тогда я смогу добавить в свой список еще один рецепт.

Он смешал «душетряс» под ее руководством. По вкусу коктейль получился не хуже первого — только немного крепче.

— Я знаю, — сказала Вивиан. — Мы выпьем в память о вашей жене.

— В самом деле? — он ощутил неясное раздражение.

— Вы не хотите?

— Нет.

— Тогда я... Вот за что — как ее звали, Джон?

Неожиданно для самого себя, сам того не желая, он ответил:

— Кэйти.

— Тогда за Кэйти. Я уверена, что она была прекрасной, милой и очень ручной... Вы согласны?

— Нет.

— Вы не думаете, что она была прекрасной?

— Я не думаю, что она была ручной.

Вивиан проглотила свой коктейль.

— Конечно была. Она позволила вам приручить себя, разве нет?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы гипо, дорогой враг. Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

Маркхэм допил свой коктейль.

— А что могло бы означать гипо?

— Гипокрит. Иначе говоря, лицемер. Мне скормили немало исторических записей, Джон. Лицемерие было великим искусством двадцатого века. В политике, в войне и в любви.

— А вы все это изменили, да? — с горечью спросил он. — Теперь нет политики, нет войн и каждый ложится в постель с каждым.

Вивиан засмеялась:

— Вы деревянный, как андроид, наивный, как девственница, и ужасно важный. Наверное, мне надо что-то с этим сделать. — Она коснулась маленькой кнопки на своем пояске, которую Маркхэм раньше не заметил. Тотчас что-то изменилось в освещении комнаты, однако с самой Вивиан произошли поразительные изменения.

Мгновенно ее волосы стали белыми и блестящими, цвет кожи потемнел и стал как у настоящей негритянки, а вечернее платье сделалось неожиданно совершенно прозрачным. Глядя на нее и, против своей воли, восхищаясь каждым изгибом ее черного как смоль тела, Маркхэм почувствовал, что его душа превратилась в поле боя между бесстыдным желанием и стыдливым отвращением.

— Что вы думаете об этом, мой благородный пуританин? — Голос у нее был низкий и неровный.

Маркхэм промолчал, надеясь, что молчание смутит ее и он сможет вернуть себе инициативу. Но Вивиан была совершенно спокойна, тогда как его напряжение все росло. Он боялся выглядеть дураком. Боялся заговорить и боялся молчать, думая, что это, что бы ни произошло, — принесет ему неудачу.

Он быстро посмотрел ей в глаза, надеясь увидеть проявление слабости, отсутствие уверенности, но их взгляды встретились и словно замкнулись друг на друге. Глубокое и неясное узнавание.

Наконец он вспомнил ее вопрос и неуверенно произнес:

— Я не знаю... А что вы думаете об этом?

— Я думаю — это увлекательно, иногда.

— И опасно, — предположил он.

— Нет, не опасно — просто интересно. И довольно возбуждающе. Может быть, сейчас — один из удобных случаев проверить это.

— А если нет?

— Тогда все может быть еще интересней... Вы изо всех сил стараетесь быть разумным, мой милый глупыш? Вероятно, я недооценила Кэйти.

— Или, возможно, переоценили меня.

— Вы в самом деле так думаете? — Улыбка Вивиан превратилась в демоническую усмешку. Она выпустила длинные белые волосы из-под металлического обруча, который их удерживал, и закатила глаза, как в мелодраме.

— Подумайте о защите, дорогой враг, — мягко проворковала она. — Я собираюсь нападать.

Пока она это говорила, свет в комнате стал меркнуть, странные цветные пятна заплясали по стенам. Неясные, остроконечные малиновые лучи пронзали дрожащие пурпурные грушевидные пятна. Голубые и серебряные сферы плыли по потолку и взрывались, превращаясь в радуги. Где-то очень далеко слышался неясный бой барабанов.

А как только отзвучало последнее слово, Вивиан наклонилась над ним, и, будто подчиняясь команде, переданной по невидимым проводам, его руки скользнули по ее телу, обняли ее.

— Миленький враг, — прошептала она. — Это очень легко, правда? Ни один мужчина не предатель, разве что по отношению к себе.

Ее губы не дали ему ответить, прижавшись к его губам яростно, нежно, неизбежно.

Она больше не была пассивной. Она превратилась в огонь, в черный, первобытный фантом, заколдованный собственным голодом, безжалостный в покорности ему. И каждое прикосновение порождало потоки горячей энергии, вызывая ощущение невыносимости и необходимости — взаимное самопожертвование.

Маркхэм чувствовал, что он сходит с ума. Одинокий зритель в его сознании сидел на пустынной трибуне, ведя счет в игре, результат которой был обусловлен течением миллионов лет.

Он был сумасшедшим, потому что теперь совсем не осталось ничего реального, кроме иллюзии. Иллюзии, которая началась с встречи двух незнакомцев, а закончится только полным насыщением — расплавленный миг соединенного тождества, на вершине ненависти или любви, не более чем видение внутри видения.

Он был сумасшедшим, поскольку не занимался

любовью. Он занимался только войной — против своей воли, но по своему желанию. Война, в которой победа просто подчеркнула бы реальность поражения и в которой поражение было бы еще большей победой.

Но Вивиан отвергла легкий триумф. Для нее значение имела сама игра. Она сохраняла полное самообладание до тех пор, пока он не обнял ее со всей силой и горечью осознанного рабства, пока не поняла, что он перестал существовать как мужчина, превратившись в некое воплощение мужественности.

Тогда она неожиданно сама начала бороться со своей страстью, как если бы это были последние усилия в противостоянии силам, которые двигали ею.

Цветные пятна на стенах плясали все быстрее, потолок покрылся потоком движущихся образов, и коварный бой барабанов, уже не отдаленный, подавил всякую возможность мыслить и свел конфликт чувств к любовной дуэли марионеток.

Больше не было зрителя, не было трибуны, не было молчаливого беспристрастного свидетеля, не было никого, кто бы мог наблюдать за изящной игрой. Умственный миф был побежден. Остались только два ненасытных зверя, замкнутых во всеподчиняющей борьбе, потерянных в путаном лабиринте прикосновений, ощущений и запахов.

Вивиан больше не была черной и демонической. Освещение превратило ее в спираль страсти цвета мальвы, потом изменило цвет на красно-бронзовый, как у северо-американских индейцев; ее длинные черные волосы свернулись, как клубок змей.

— Любовь не может быть вежливой, дорогой враг, — сказала она, тяжело дыша, и ее пальцы впились в его плечо. — Она грубая и жестокая — и неизбежная. — Улыбка, медленно тающая на ее приоткрытых губах, была, казалось, насмешкой над ним, насмешливым финальным жестом.

— Ты проклятая ведьма! — прошептал он, сжимая ее руки. — Ты прелестная лживая проститутка!

Вивиан засмеялась.

— Кто победил? — спросила она. Ее глаза спокойно смотрели в его глаза, и темнота на миг поглотила их обоих.

И вдруг не стало ни цвета, ни музыки, только тишина и печальное умиротворение.

Он не знал, сколько времени проспал, но, когда открыл глаза, увидел, что комната снова стала такой, какой была. Вивиан, теперь одетая в скромное голубое сари и с обычным цветом лица и волос, наливала чай, стоя возле маленького столика, на котором лежали бисквиты. «Она выглядит, — цинично подумал Маркхэм, — скромно, как целомудренная дева. Почти».

— Соня, — спокойно сказала Вивиан. — Я полагаю, ты проголодался?

Немного погодя она добавила с шаловливой улыбкой:

— Ты меня очень удивил. Я и не представляла, что мужчина из двадцатого века такой — такой раскованный. Я вынуждена пересмотреть свои взгляды на историю.

Маркхэм сел и улыбнулся:

— Я тоже. — Он был немного шокирован тем, что не испытывает никакого смущения. — И раз уж мы заговорили об этом, вина целиком и полностью твоя.

Вивиан села рядом.

— «Раз уж заговорили», — передразнила она. — Я сделала то, что собиралась. Как ты себя чувствуешь, Джон?

— Неплохо.

— Ты сердишься?

— Нет. С чего бы? — Он хлебнул горячего чая, сосредоточив на нем все внимание.

— Я решила, пусть сердится сколько угодно — потом. Конечно, ведь это было соблазнение в чистом виде.

Он искоса взглянул на нее:

— Вряд ли уж в чистом... и перестань свысока смотреть на двадцатое столетие. Все, что у вас есть на ваших исторических пленках, — только скелет.

— Но ты, несомненно, из плоти и крови, дорогой враг... И теперь я тебя понимаю.

Маркхэм встретил ее взгляд:

— Не думаю.

— Разве ты не любишь меня?

— Нет. Мы оба можем устраивать эксперименты. Ты хотела посмотреть, как я буду выглядеть без маски. Может быть, мне тоже было любопытно.

Вивиан засмеялась.

— Восхитительно, — воскликнула она. — Значит, это была всего-навсего легкая стычка. Я боялась, что

ты капитулируешь слишком легко. Так мы все еще настоящие враги?

— Если тебе хочется называть это так.

— Страстные враги, — уточнила она с блеском в глазах. — А теперь устроим перемирие, потому что я хочу — серьезно — понять, какой ты в действительности, Джон. Я хотела бы знать, насколько ты отличаешься...

— Отличаюсь от чего? От нормального образца двадцать второго столетия? Я было подумал, что ты уже насобирала достаточно интимного материала.

Как ни странно, она рассердилась:

— Я, когда сказала «перемирие», это и имела в виду, и я не думаю только о твоем сексуальном поведении. Я хочу узнать, как ты жил, что это такое — быть работающим человеком и зарабатывать деньги на содержание семьи. Я хочу знать, какой жизнью жили вы с Кэйти, о ваших детях, о вашем доме, о ваших друзьях.

— Я бы предпочел сохранить свой личный мир в покое, — холодно сказал он. — И не хочу делать из него источник всеобщего развлечения.

Она покачала головой:

— Посмотри на меня, Джон. Я не собиралась развлекаться и насмешничать, и я никогда никому другому ничего не скажу... Ты веришь мне?

— Я не знаю... Думаю, да. — Он верил ей вопреки разуму. Вивиан оставалась собой и в хрупкой, придуманной роли, и когда вышла из нее. И неожиданно он понял, что она так же, как он, очень одинока. «Почему?» — с удивлением подумал Маркхэм.

— Это очень больно, — мягко продолжила она, — когда незнакомые заглядывают в личный мир?

— Я рискну, — ответил он.

И Маркхэм начал рассказывать ей о Кэйти, малыше Джонни и о Саре; о доме в Хэмпстеде; о Международной Морозильной Компании, о подземных камерах в Эппинге. Он рассказал о жизни в Лондоне в шестидесятые годы двадцатого столетия. О своей работе и развлечениях, мечтах и надеждах. И пока говорил, он понял, что ему хотелось рассказать ей об этом. Или же, рассказывая ей, он хотел пересказать все это самому себе.

Она слушала внимательно, и он с удивлением

почувствовал, что она его хорошо понимает. Он увлекся и едва осознавал ее присутствие. Маркхэм потерял чувство времени. Наконец, бросив отсутствующий взгляд в окно, он увидел, что по небу крадется серый рассвет.

Рассвет! Он не мог этому поверить, но часы-кольцо на пальце у Вивиан подтверждали это.

Она встала и потянулась, ответив улыбкой на его извинение:

— Обещай мне лучше, что сделаешь это еще раз.

— Сделаю — что?

— Снова все расскажешь. Расскажешь о себе и о своем мире. Это звучало ужасно реально, Джон. Я думаю... думаю, я могу понять твои чувства к Кэйти и детям. — Она засмеялась. — Кажется, я почти могу представить себе, как это было без андроидов — совсем кошмарно. И в то же время прекрасно.

Он тоже встал:

— Извини, что так долго не давал спать.

Вивиан легко дотронулась губами до его щеки.

— А я не извиняюсь, что уложила тебя спать... Пойдем поплаваем в море, до рассвета. Потом позавтракаем где-нибудь в прибрежной деревушке. Все будет совсем по-другому — конец начала.

— Ты сумасшедшая, — сказал он.

— Или счастливая, или — то и другое. Моя реактивная машина домчит нас до Хастингса за полчаса. Взять персонального андроида, или ты умеешь разжигать костер?

Он улыбнулся:

— Я умею разжигать костер. Я же немного неандерталец.

Десятью минутами позднее машина Вивиан Бертранд легко поднялась с площадки Парк-Лэйн и направилась на юг над городом, охваченным серо-серебристым предрассветным полумраком.

ГЛАВА 8

Маркхэм вернулся в Найтсбридж только к полудню. После завтрака он и Вивиан почти все солнечное осеннее утро бродили по пустынному берегу, швыряли в волны камушки и слушали отдаленные, бесконечные крики морских птиц.

Говорили они не много. Казалось, это утро было создано для молчания. «Спокойное, обычное утро, — подумал Маркхэм, — такое могло быть в любой день, в любом столетии». На свежем морском ветерке андроиды, Беглецы, прошлая Война и полтораста лет условно живого состояния превратились в ничего не значащие тени полузабытого ночного кошмара.

Даже события предыдущего вечера были какими-то нереальными. Казалось немыслимым, что он только двадцать четыре часа назад встретился с Вивиан, что он занимался с ней любовью и что она дочь Президента Лондона. Он вспомнил, что через несколько дней у него официальная встреча с ее отцом, и не мог представить, как это будет выглядеть. Он подумал, знает ли Клемент Бертранд об увлечениях своей дочери и интересует ли его вообще ее поведение.

Но больше всего его беспокоил вопрос: почему он, Джон Маркхэм, так легко и так быстро оказался в подобных отношениях с Вивиан? Он, конечно, мог сказать себе, что был переутомлен, одинок и ему нужен был сексуальный выход. Но такие объяснения не годились. То, что произошло, было не в его характере.

Маркхэм знал, что он не может упрекнуть себя в сексуальной неразборчивости. В своем столетии он бы никогда не допустил подобной ситуации, по крайней мере считал, что не допустил бы. Но там была Кэйти, место и цель в жизни.

Здесь он был просто призрак, случайно выживший и занесенный в мир, которого он не знал и не понимал. Может быть, этого оказалось достаточно, чтобы изменить его обычное поведение. Может быть, бессознательно, когда он ответил на притязания Вивиан, он принимал новый мир, пытаясь сделать это на своих условиях.

Маркхэм не знал, действительно ли хотел бы расстаться со своей обособленностью и стать частью существующего мира. Но тут же понял, что это тоже не объяснение. Со временем, может быть, но не сейчас. Прошлое было слишком близким. Сто пятьдесят лет казались всего лишь пробелом между сном и бодрствованием. Всего несколько дней назад он обнимал Кэйти.

Теплая, восхитительная Кэйти. Не волевая, не на-

стойчивая. Не страстная в любви и не покорная. И тем не менее в своей детской простоте вызывающая более глубокие и богатые чувства, чем Вивиан. Он подумал, остались ли в этом суровом, новом мире такие, как его Кэйти. И уже знал ответ, даже не обдумав все как следует. Маркхэму пришла в голову мысль, что Кэйти поняла бы его отношения с Вивиан. Если бы произошло чудо, и он бы вернулся домой, в Хэмпстед, и все рассказал бы ей в уединении, возле обычного домашнего камина, упреков бы не было — только понимание.

— Ты пугаешь меня, Джон, своим мрачным видом. Твоя пуританская душа полна раскаяния или твоя кровь бунтует по веским причинам?

Его резко выдернули из мира своих мыслей. Он посмотрел в замешательстве на женщину, идущую рядом с ним, — не чувствительную негритянку или бронзовую индианку со змееподобными волосами, а женщину классической красоты, с почти совершенными чертами лица. Прошедшей ночью Вивиан была верховной жрицей любви. Сейчас, в лучах утреннего солнца, она снова выглядела доброжелательной незнакомкой, по-прежнему загадочной, несущей в себе какую-то тайну.

— Я думал о Кэйти, — признался он. — Пытался представить, как бы она отнеслась к тебе.

— Ты пришел к какому-нибудь заключению?

Он смотрел на море, на мелкие барашки волн, катившиеся к берегу.

— Я решил, что она, наверное, поняла бы насчет тебя, и нас вообще, — лучше, чем понимаю я.

Вивиан улыбнулась:

— Возможно, ты прав. Когда я первый раз увидела тебя в ресторане, Джон, я подумала о том, какой прелестной новинкой ты будешь — не более.

— Как цирковая обезьянка? — предположил он.

Она кивнула:

— Я подумала, что ты сможешь показать интересные трюки. Но сейчас у меня странное чувство, что цирковая обезьянка — я, а ты смотришь представление... В этом есть смысл?

Неожиданно он почувствовал облегчение.

— Больше, чем ты думаешь. Расскажи-ка мне насчет прошлой ночи... У тебя много было мужчин, которые... —

Он пытался подыскать нужные слова, но они не понадобились.

— Достаточно, — самодовольно ответила она. — Я ведь не такая уж уродина.

— И ты?.. — Он опять попытался найти подходящие слова, но все слова оказались неподходящими, и он замолчал.

Вивиан его волнение совершенно не тронуло, хотя она и понимала ход его мыслей.

— Да, я это делала, — ответила она. — И буду делать. Завтра, через неделю, через месяц, всегда кто-нибудь да будет еще. Ты не можешь этого понять, да? Это шокирует. Но ты меня тоже шокируешь, дорогой враг. Ты и твои примитивные понятия, и клаустрофобическое понимание любви. Твоя мораль это мораль — века страха, когда люди всегда боялись что-нибудь потерять. — Она засмеялась. — Разве древние рыцари не надевали на своих жен пояса верности? Я думаю, ты по характеру такой вот рыцарь.

Он ненадолго задумался.

— Возможно, в это столетие, — медленно сказал Маркхэм, — терять нечего.

Вивиан посмотрела на часы-кольцо. Неожиданно она забеспокоилась.

— Всегда есть что терять, — резко ответила она.

— Что?

— Время и счастье... Почему бы не полететь назад в Лондон, пока все это не стало скучным? — Не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла вдоль берега быстрым целенаправленным шагом.

Когда он вернулся домой, в Найтсбридж, он нашел Марион-А слегка взволнованной. Она успокоилась, как только он заговорил с ней. Это было совсем неразумно, но он почувствовал перед ней вину; почувствовал необходимость объясниться или как-то оправдаться. Начав говорить, он со страхом заметил, что его объяснения превратились в мелкую, неубедительную ложь, и еще больше испугался, когда понял, что никакие объяснения не нужны, что машине не интересны его извинения и поэтому он просто лжет сам себе.

— Вы будете завтракать здесь, Джон, или хотите куда-нибудь пойти? — Ему было приятно, что она не забыла назвать его по имени. Он почувствовал, что

это уже кое о чем говорит, и в то же время посмеялся над собой за излишнее воображение.

— Да, я бы позавтракал дома, — сказал он. — Тихое, мирное место — это то, что мне нужно. Вы понимаете, что с тех пор, как я вышел из санатория, мне просто дух некогда перевести?

Марион-А улыбнулась неподвижно:

— Я бы порекомендовала немного замедлить темп жизни.

Он усмехнулся:

— Что вы знаете о жизни?

— Только то, что было включено в мою программу, Джон. Я знаю, что люди не обладают неограниченной толерантностью для корреляции чувственной информации. Поэтому нежелательно подвергаться действию новых возбудителей слишком часто и продолжительное время.

— Трезвое, клиническое утверждение, — заметил он. — А что случится, если я проглочу целую горсть нового возбудителя? — Он думал, что метафора собьет ее с толку, но, очевидно, программа Марион-А включала в себя и оценивание переносного смысла метафор.

— Они плохо переварятся, и вы заболеете, — спокойно ответила она. Он подумал над ее ответом и решил, что в нем что-то есть.

— Сегодня днем, — объявил он, — я буду спать. Вечером я бы хотел посмотреть Лондон. Мы даже можем совершить безрассудство и где-нибудь пообедать.

— Вы хотите, чтобы я сопровождала вас, Джон?

— Если вы этого хотите, но разве андроиды могут что-нибудь хотеть, Марион?

Она опять улыбнулась:

— Выполнение моих функций создает равновесие потенциалов, что можно сравнить с биологическим чувством удовольствия.

— Теперь я знаю, что вы всего лишь машина, — сказал он грустно.

Марион-А начала накрывать стол для ленча.

— Мне присоединиться к вам за едой, сэр?

Он в упор посмотрел на нее:

— У меня теория, Марион. Вы говорите «Джон», когда что-то одобряете, и «сэр», когда не одобряете. Как вы считаете, хорошая мысль?

Она тоже посмотрела на него:

— Я не могу высказать твердого мнения, Джон. Я не запрограммирована на одобрение или неодобрение. Но я сознаю непостоянство обращения, особенно, потому, что вы просили меня называть вас «Джон» приватно. Возможно, поскольку просьба не согласуется с моей основной программой, это вызывает некоторую нестабильность.

— И возможно, — добавил Маркхэм, — андроиды более чувствительны, чем сами считают... Не нужно есть со мной, Марион. Но мне бы хотелось, чтобы вы посидели и поговорили со мной.

Во время еды она сидела на стуле напротив него, серьезно наблюдая за тем, как он ест. Маркхэм машинально задавал ей вопросы, большей частью касающиеся современной общественной жизни. Марион-А отвечала автоматически, не добавляя от себя никакой дополнительной информации, и не пыталась оживить разговор своими вопросами.

Маркхэм налил себе вторую чашку кофе и взял предложенную Марион-А сигарету.

— Я бы хотел, чтобы у вас развилось чувство любопытства, — неожиданно сказал он. — Я хочу, чтобы вы стали более независимой.

— Я думаю, — сказала Марион-А с удивлением, — вы хотите, чтобы я была слишком очеловечена. Это нехорошо, Джон.

— Вы обладаете способностью оценивать ситуацию и принимать решения. Вы накапливаете информацию и умеете соотносить чувственную информацию; почему же не больше?

— Потому что это не моя программа.

Маркхэм засмеялся:

— В программе наших детей нет формулы изобретения атомной бомбы или формул неэвклидовой геометрии. Но некоторые дети, вырастая, очень хорошо в этом разбираются.

— Я не могу вырасти.

— Не физически; может быть, даже не духовно. Интеллектуально.

Она улыбнулась:

— Я думаю, вы переоцениваете функции андроидов, Джон.

— Чертовски, — сказал он, неожиданно мрачнея. — Могу поставить фунт против гнутого пенни, что

величайшая ошибка человечества заключается именно в недооценке андроидов.

— Почему вы так говорите?

— Ага! — победно воскликнул он. — Вопрос, основанный на любопытстве! Или это что-то большее?

Марион-А поднялась.

— Вы устали, — сказала она. — Я думаю, вам пора отдохнуть.

— К тому же — уход от разговора, — радостно констатировал он. — Вы, андроиды, может быть, и водите человечество на поводке, Марион. Но у нас все же есть два секретных оружия. Интуиция и хитрость.

Марион-А засмеялась. Он в первый раз услышал ее смех. Звук был приятный и очень индивидуальный. Он был изумлен.

— Дорогой Джон, — сказала она удивительно выразительным голосом, — вполне возможно, что интуиция и хитрость имеют механические эквиваленты.

— Господи, — сказал он торжественно, — теперь я действительно напуган.

— Сон, — сказала Марион-А снова серьезно, — возможно, устранит все ваши страхи... Когда мне разбудить вас, Джон?

— Когда вечерняя звезда, как камень драгоценный, осветит неба грудь.

Марион-А улыбнулась:

— Тогда я разбужу вас в восемнадцатом столетии.

Она прошла в спальню, задернула занавески, переключила скрытое освещение на туманное, спокойное голубое. Маркхэм посидел еще немного, размышляя о неожиданном экскурсе Марион-А в иронию.

В конце концов он решил, что она в хорошем настроении. Но каким же образом андроид может быть в хорошем настроении? Тут у него появилось совсем уж фантастическое предположение, что это все из-за того, что он обещал взять ее на прогулку.

Маркхэм считал вечер, проведенный в Лондоне, весьма успешным — в плане расширения своих познаний о жизни двадцать второго столетия. Но в плане борьбы со своим всевозрастающим одиночеством это была полная неудача. Чем больше он видел, тем больше понимал, насколько эта жизнь чужда ему.

Кино и театры исчезли совсем. Все, что он обнаружил, — это студии, современный эквивалент старо-

модных ночных клубов, бары-рестораны, гимнастические залы и храмы, принадлежащие различным религиозным культам. Наиболее выдающимся был дворец, принадлежащий «Три-С» — Сообществу Сексуальных Символистов. Он собрался было войти в какой-то храм на Флит-стрит, чтобы посмотреть, какой он внутри, но Марион-А сказала, что сначала нужно стать послушником братства, а чтобы достигнуть этого счастливого состояния, он должен заручиться рекомендацией кого-либо, кто уже является членом общества.

Обилие храмов с кричащими фасадами и неоновыми надписями очаровывало его. Но он решил, что исследование этого аспекта современной жизни следует осуществить позднее. «Нужды торопиться нет, — напомнил он себе с горечью. — У меня масса времени».

Гимнастические залы тоже были только для членов Сообщества. Оставались студии и бары-рестораны.

Он выпил в одном таком на Шафтесберри-авеню, про который Марион-А сказала, что этот бар типичен. Бар находился в длинном зале, за стойкой стоял бармен-андроид; было там несколько стеклянных «тайничков», уже занятых, и несколько старомодных кабинок, высотой по плечо.

В зале было около двадцати человек, двое или трое в сопровождении андроидов. Маркхэм предпочел бар. Едва он успел заказать выпивку, как к нему обратилась девушка лет семнадцати или девятнадцати. Она полностью игнорировала Марион-А.

— Привет, незнакомец. У вас интересное лицо и вполне подходящий каркас. Вы постельнонастроенный, любвенастроенный или скуконастроенный?

— Одиноконастроенный, — сказал Маркхэм с улыбкой. Она была весьма привлекательной девушкой, но он уже по опыту знал, что события в двадцать втором веке имеют тенденцию развиваться чуть слишком быстро.

Она села на табурет рядом с ним, вынуждая его повернуться спиной к Марион-А.

— Наименьшее, что вы можете сделать, — это предложить мне выпить.

— Конечно. Что бы вы хотели?

— «Красный толчок», пожалуйста. Вы впервые в этой дыре, верно?

— Да.

Бармен-андроид подал напиток, и она поднесла его к губам.

— Я умерла, — сообщила она. — Мой дружок продемонстрировал вчера, что он смертен, прыгнув с геликара. Очень неделикатно. О! Мужчина моей тайны. Мы в постели-то были всего месяц... Мой стакан пуст.

— Очень жаль, — сказал Маркхэм неодобрительно. — Выпейте еще один «красный толчок».

— Спасибо. Паскудно, но что поделаешь? Такая потеря лица. Люди скажут, что я довела его до Анализа. — Она расправилась со вторым стаканом за два глотка. — Вы понимаете, что этот милый козел разбил мою жизнь? Я, можно сказать, любила его. Но он всегда был непонятный. Все время эти безумные разговоры о звездных кораблях, о поиске новых миров, как будто этот недостаточно хорош... Я думаю, что смогу полюбить вас, важный незнакомец... Мой стакан пуст.

Третий «красный толчок» присоединился к своим приятелям с поразительной быстротой.

— Вы одна? — спросил Маркхэм, отчаянно пытаясь придумать, что же сказать.

Девушка неожиданно наклонилась и поцеловала его.

— А кто нет? — сказала она. — Я Черил Три-С, женщина двух мужчин и худшая балетная танцовщица в мире... За что вы схлопотали условно живое состояние и на сколько?

— Как вы догадались?

— Бледность. Как долго, мой серьезный невротик?

— Сто сорок шесть лет.

— Соблазните меня завтра! Вы же ручной Спасенный. Знаменитость. Что же вы не позовете меня в постель и не восстановите мою репутацию? Я бы хотела еще выпить.

— Я думаю, вам уже хватит, Черил. У меня тут на улице геликар. Хотите я доставлю вас домой?

Она одарила его страстной улыбкой:

— С очевидной целью, не иначе. Я знаю — я вся сияю, мой господин. Но он был такой милый ненормальный. К черту его! Он слишком много думал. Я вот не особенно думаю и вам не советую, мой почтенный святой... О темнота, темнота, темнота! Мы все идем в темноту... Прощай, милый принц. Пусть

ангелы поют, пока ты отдыхаешь. Я взрослая и образованная. Что еще вам нужно?

Она поднялась с табурета, сделала три неверных шага и упала, не издав ни звука, как сраженная. Маркхэм не успел и пошевелиться, как андроид поднял ее и унес.

Маркхэм повернулся к Марион-А.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он.

Он позволил Марион поводить себя некоторое время по тихим улицам. Эта девушка, Черил, расстроила его, а ему почему-то казалось важным быть в хорошем настроении. Он попытался забыть об этом инциденте, но ничего не получалось. Ясные, возбужденные глаза Черил, ее горящие щеки, полные детские губы преследовали его. Он был зол, поскольку сам переживал личную трагедию, и цинично говорил себе, что у него нет сил на чьи-то чужие беды. Однако это разозлило его еще больше.

Наконец он немного успокоился и решил посмотреть жизнь студии. Марион-А провела геликар по Нью-Пикадилли и остановилась у массивного здания, по форме похожего на пол-яйца. Его гладкая бетонная поверхность слегка светилась в темноте глубоким, мерцающим красным светом. Окон не было — только одна большая дверь.

Маркхэм вылез из геликара и минуту разглядывал здание. Потом он посмотрел на ясное ночное небо... спокойные, неизменные звезды! Маяки Господа, атомы космоса, давшие жизнь крошечным, как угольки, планетам. А вчера сумасшедший, чьи глаза и надежды так же были направлены к звездам, выпрыгнул из геликара.

Сумасшедший, несомненно, был человеком, уставшим от андроидов и бессмысленной роскоши, от постоянного движения, не приводящего никуда. Сумасшедший, может быть, с искрой поэзии в душе, с пытливым разумом и крошечным, запрещенным вулканом в сердце. Или, может быть, как Черил, он был жертвой слишком большого количества «красных толчков».

Маркхэм вздрогнул и снова посмотрел на студию. Надпись над дверью состояла из радужных букв на металлическом фоне: «Студия „Лотос“».

— Войдем. — Рассеянно он взял Марион-А под руку.

Из осеннего лондонского вечера они окунулись в мир грез, где не существовало времени, в мир южного острова в Тихом океане. Над ними, в ясном голубом небе чарующей глубины, пылало солнце.

Маркхэм стоял, пораженный, под настоящими пальмами на поросшем травой холме, а вокруг лежал золотой песок. Тихоокеанские волны с шумом накатывались на пляж, и океан, казалось, простирается в туманную бесконечность.

— Вы можете пройти в кабину для переодевания, сэр. — Мужчина-андроид в легкой рубашке и с гирляндой приятно пахнувших цветов на шее появился около Маркхэма. Его проводили в маленькую кабинку, где предложили переодеться в явно поношенные пляжные брюки и сандалии. Когда он вернулся к Марион-А, то увидел, что она одета в легкое болеро и невообразимую юбку из травы.

Он снова посмотрел на голубое небо и слепящее солнце. Впечатления были вполне реальными. Вполне можно было поверить, что остров настоящий и что он попал в другое измерение. Птицы с ярким оперением порхали и щебетали в миниатюрном лесу, а на берегу кто-то вытаскивал из синтетического океана возмущенную черепаху.

— Присоединимся к счастливой толпе и позагораем, — предложил Маркхэм, разглядывая группы смеющихся людей у воды.

Он удивился еще больше, когда обнаружил, что раковины и камни настоящие, кораллы в лагуне — тоже, и его очень смущала отдаленная линия горизонта, так как он знал, что диаметр студии едва превышает сотню ярдов.

— Хэлло, хэлло, — услышал он голос позади. — Как дела, старина? Вы выглядите, как будто на вас уздечку накинули. Пойдемте, присоединяйтесь к нам.

Маркхэм обернулся и увидел улыбающееся бородатое лицо под поношенной соломенной шляпой. Он понял, что видел этого человека, но не мог узнать его.

— Черт меня возьми, вы уже забыли, — обиженно сказал незнакомец. — Я Брессинг, дорогой друг. Антан Брессинг. Я был там, в санатории, когда вы пришли в сознание. Помните?

Маркхэм извинился, и Брессинг провел его и

Марион-А к группе, состоявшей из двух андроидов и девушки.

Девушку звали Солуна, и, очевидно, эта крупная, пышная блондинка была возлюбленной Брессинга. Андроиды — мужчина и женщина — с серьезным видом танцевали, а Солуна давала им подробные указания.

— У меня появилась идея насчет нового балета-маскарада, — сказала она, когда Брессинг их представил. — Антан, я бы хотела, чтобы ты убедил эту идиотку Руфь синтезировать побольше эмоций. Ричард, похоже, понял мою мысль, а вот она как кукла на коньках.

Руфь-В, персональный андроид Брессинга, была ростом чуть пониже Марион-А. И разговаривала она совсем иначе. Когда Брессинг обращался к ней, она отвечала не сразу, только после некоторого раздумья. Другой андроид, Ричард, персональный андроид Солуны, был смоделирован в южноамериканском стиле, со смуглыми, но не выразительными чертами. Он также относился к классификации В.

Вспомнив, как Проф. Хиггенс допрашивал Марион-А в Хэмпстеде, Маркхэм воспользовался возможностью и спросил Брессинга, что означает классификация андроидов.

По какой-то непонятной причине спрашивать Марион-А он не хотел.

Брессинг отправил Руфь-В к берегу за выпивкой и закусками, а потом сказал:

— Согласись, старина, трудно ожидать, чтобы художник обращал внимание на такие вещи. Я только и знаю, что А-андроиды очень умные, В-модели слегка туповаты, а С-модели используются только для рутинных дел. Но что означают марка и функция, я не представляю... Вообще-то удивительно, что вам дали А-андроида. Обычно их используют для государственной службы.

Маркхэм повернулся к Марион-А и странно улыбнулся:

— Если я не ошибаюсь, вы сказали, что вы А-три-альфа, не правда ли?

— Да, сэр.

— Ну и мутации! — воскликнула Солуна, в упор глядя на нее. — Соломон только на две отметки выше вас.

— А кто такой Соломон? — спросил Маркхэм.

— Премьер-министр, — ответил Брессинг. — Возглавляет постоянную Гражданскую Службу, вы понимаете. Он непосредственно подчиняется президенту Бертранду в делах управления республикой.

— Я могла бы понять, почему вам дали А-андроида, — вставила Солуна, — но А-три-альфа! Психопроп, значит, ценит вас очень высоко... — Она взглянула на него с интересом. — Конечно, — лукаво добавила девушка, — они, наверное, решили, что вам необходим умный андроид, чтобы уберечь вас от беды.

— Какой беды?

Солуна засмеялась:

— Я видела интервью с вами. Вы можете быть опасным, попав в плохую компанию.

— Понимаю. А вы не могли бы поподробнее?

Солуна бросила быстрый взгляд на Марион-А:

— Ну, понимаете, существуют Беглецы, вы, вероятно, уже знаете. Они, конечно, значительной силы не представляют, но, несомненно, вред от них есть. Если они будут беспокоить вас, Марион-А это уладит.

Мысль о том, что Марион-А, возможно, не только слуга-компаньон, уже приходила Маркхэму в голову. Раньше он считал это маловероятным. Однако, судя по тому, как осторожно высказывались сейчас Брессинг и Солуна, это начинало походить на правду. Он с беспокойством подумал, успела ли она что-нибудь предпринять относительно Проф. Хиггенса. Но потом решил, что Проф. тоже знал о ее возможностях и, скорее всего, не недооценил их.

Тем временем персональный андроид Брессинга вернулся с напитками. Ореховый коктейль, как положено, подавался в скорлупе кокосового ореха. На вкус он был сладкий и совсем безобидный, но, выпив пару коктейлей, Маркхэм заметил, что язык у него стал заплетаться.

Он лежал, вытянувшись на теплом песке, прикрывая глаза от яркого солнца, и слушал болтовню Брессинга. В стороне звучала гитара и раздавались громкие взрывы хохота. Марион-А сидела рядом с неподвижной улыбкой на лице и потягивала коктейль через равные промежутки времени.

Солуна продолжала возню с андроидами, готовя их

для балета-маскарада. Неспособность Руфь-В изображать человеческие реакции быстро вывела Солуну из себя.

— Ты, ржавая жестяная шлюха! — бушевала она. — Целуй его, будто ты этого хочешь. Ты же видела, как я целую, да? Видела, как целуют другие женщины. Так не стой как живой тотемный столб!

Глядя, как два андроида пытаются изобразить влюбленных людей, Маркхэм подумал, что в результате это получается очень странно и несколько непристойно.

Вдруг Солуна повернулась к нему и сказала:

— Вы не возражаете, если я возьму Марион на пару минут, дорогой? Если и она не сможет все сделать правильно, я стану девственницей.

Маркхэм посмотрел на Ричарда-В, который стоял вытянув руки и тупо глядя вперед.

— Конечно возражаю, — сказал он, удивляясь собственной твердости. — Я считаю все это довольно отталкивающим.

У Солуны на лице мелькнула улыбка.

— Ну не будьте примитивным занудой, дорогой Джон. Надо избавляться от старомодных неврозов. — Она повернулась к Марион-А: — Вы видите, что́ у Руфи получается неправильно?

— Думаю, что да, мадам.

— Вот и сделайте правильно. Если я не подготовлю хореографию к следующей субботе, не знаю, что и будет.

Марион-А встала и посмотрела на Маркхэма:

— С вашего разрешения, сэр?

— Нет.

Солуна надулась:

— Я-то надеялась, что вы шутите, дорогой. Перестаньте, не мешайте мне.

— Сожалею, — сказал Маркхэм, — но нет.

— Живые андроиды! Почему нет?

— Сам не совсем понимаю, но мне все это противно.

— Включите психику на нейтраль, старина, — сказал Брессинг. — Вы уж слишком серьезны. Надо привыкнуть, что андроиды делают всякие штуки. Они же просто машины.

— Не такие штуки, — ответил Маркхэм. — От этого меня тошнит.

Солуна потянулась и демонстративно зевнула.

— Я оставляю вас. Развлекайтесь тихо своей тошнотой, — ласково сказала она. — Хочу поплавать. Идешь, Антан?

Брессинг вздохнул:

— Наверно, иду.

Он поднялся и, перед тем как пойти в воду, повернулся к Маркхэму и тихо сказал:

— Она ужасно чувствительна, дружище. Но это компенсируется ее постельными достоинствами.

— Желаю вам всего лучшего, — ровным голосом сказал Маркхэм. Он смотрел, как Брессинг ковыляет к воде, и подумал, что тот напоминает ему дрессированного морского льва. Тут он заметил внимательный взгляд Марион-А.

— Я бы попросил вас принести мне что-нибудь выпить. И скажите этим чертовым андроидам, чтобы пошли и занялись тем, что там от них требуется, где-нибудь в другом месте.

— Да, сэр.

Вскоре она вернулась с парой больших ореховых коктейлей. Маркхэм удивленно поднял брови:

— Черт, мне с двумя не справиться.

Марион-А поставила напитки:

— Я подумала, может, вы захотите, чтобы я составила компанию, сэр.

— Почему же нет? Я лучше выпью с андроидом, чем с этими идиотами.

— Спасибо, сэр, — сказала Марион-А и взяла меньшую скорлупу.

— За совершенную машину, — с иронией сказал Маркхэм, поднимая свой коктейль, — в отличие от несовершенного человеческого существа.

Марион-А улыбнулась:

— Существовали философы, которые рассматривали человека как машину.

— Да, но едва ли совершенную... Ну, для одного вечера вполне достаточно. Давайте убираться отсюда.

Через десять минут они стояли на улице, возле студии «Лотос». Маркхэм глубоко вдохнул чистый, ночной воздух. После расслабляющей жары синтетического тихоокеанского юга он был похож на терпкое вино.

Когда они сели в геликар, Маркхэм еще раз взглянул на огромный бетонный купол.

— Псевдо-матка, — заметил он мрачно, — для созревания стерильной жизни... Думаю, я пройдусь по парку, перед тем как пойти домой... выгуляю это проклятое место из себя!

ГЛАВА 9

Во время Войны Букингемский Дворец был почти полностью разрушен. Но когда была основана Лондонская республика как самостоятельное государство, его отстроили не как королевский дворец, поскольку наследственного трона больше не существовало, а как символическую резиденцию власти.

Новый дворец совсем не был похож на своего старомодного предшественника. И хотя он стоял точно на той же площади между Конститьюшн-хилл и Мэлл, навсегда исчезли его хмурый каменный фасад, тяжелые порталы и темные, однообразные окна. Вместо него выросла почти сферическая структура, наружная поверхность которой полностью была сделана из стеклянных кирпичей, посеребренных в шахматном порядке, так что общее впечатление было такое, будто световой шар катится в Дворцовые Сады.

Тщательно продуманная система освещения создавала ночью впечатление, что дворец медленно вращается с ровным и почти гипнотическим мерцанием.

Хотя Маркхэм постарался прибыть на президентский прием точно ко времени, по количеству геликаров и реактивных машин он понял, что вряд ли является одним из первых. Его и Марион-А встретил андроид в пышной ливрее и провел их к одной из четырех массивных колонн, поддерживающих сферу.

Каждая из колонн была полой, и внутри находился вместительный лифт. Маркхэм и Марион-А быстро поднялись на главный этаж дворца, где их встретил другой андроид и провел через полукруглую галерею и две большие прихожие, в Большой Зал, куда и стекались люди.

Наконец они подошли к большой обитой медью двери с крошечными оконцами из разноцветного стекла; по краям двери стояли два важных андроида в форме,

оба держали в руках по античной алебарде. Дверь бесшумно открылась и они увидели мажордома. Маркхэм выступил вперед и предъявил пригласительную карточку, после чего андроид церемониально постучал о пол серебряным жезлом и громко выкрикнул:

— Мистер Джон Маркхэм и П. А.

Не успел Маркхэм осмотреться, как оказался лицом к лицу с президентом Лондона.

Клемент Бертранд был крепко сбитый седой человек лет шестидесяти с небольшим. Его розовый, здоровый цвет лица и гладкая кожа никак не соответствовали его облику. На нем был короткий черный церемониальный камзол, отороченный горностаем, штаны до колен, гладкие белые чулки и туфли с большими золотыми пряжками. Маркхэм подумал, что он выглядит рядом с ним как школьник-переросток.

— Вечерний привет, — сказал Президент официально. На лице его была улыбка, но проницательные глаза оставались серьезными.

— Вечерний привет, сэр, — ответил Маркхэм с легким поклоном, как его инструктировали. — Вы были очень добры, что пригласили меня.

Клемент Бертранд засмеялся:

— Любопытно видеть вас, мой друг. Вивиан мне все о вас рассказала. Сказала, что вы — декадент-пуританин, кем бы вы ни были. Полагаю, эта маленькая ведьма уже ищет вас. Ну, присоединяйтесь к толпе, осваивайтесь... После обеда нам нужно поговорить.

— Мисс Ниони ап Симон и П. А., — объявил мажордом.

Маркхэм быстро прошел в Большой Зал, напоминающий большой подводный грот. За толстыми стеклянными стенами в подводных зарослях плавали рыбы всевозможных размеров, форм и оттенков, иногда жалуя скучными взглядами толпы болтающихся по залу людей. Глядя на яркие, очень открытые платья женщин и чуть менее кричащую одежду мужчин, Маркхэм чувствовал, что он тоже попал в некое подобие аквариума и теперь не меньший узник, чем эти рыбы.

— Сэр, — раздался рядом густой, мужественный голос. — Вы окажете мне немалую честь, если позволите предложить вам елизаветинского бренди из запасов президента. Во всей республике осталось только шесть ящиков этого напитка.

У незнакомца было приятное лицо, но оно, как показалось Маркхэму, не имело возраста, и наиболее всего на нем выделялись глубокие, проницательные глаза. Он был выше Маркхэма. Его одежда была сравнительно спокойных тонов, и в нем чувствовались такое благородство и такая целеустремленность, что это резко отличало его от остальных.

— Спасибо, — сказал Маркхэм. — Елизаветинское бренди действительно звучит интригующе.

Незнакомец улыбнулся:

— Настоящий урожай 1963 года. Даже знатоки не оценят его так, как вы, мистер Маркхэм. — Он сделал легкий жест рукой, перед ним появился андроид и тут же умчался выполнять короткий приказ. Через несколько секунд он вернулся и принес поднос с графином и двумя бокалами.

— Стой, — спокойно сказал незнакомец. Андроид, держа поднос на вытянутых руках, застыл как изваяние, взгляд его был направлен куда-то вдаль.

Незнакомец сделал движение в сторону Марион-А:

— Наливай.

Она взяла графин:

— Один бокал, сэр, или два?

— Вы позволите мне присоединиться к вам, мистер Маркхэм? — Незнакомец, казалось, счел свой вопрос забавным.

Маркхэм был крайне удивлен:

— Естественно, сэр. Я полагал...

— Вы полагаете слишком много, мистер Маркхэм, но я благодарю вас за удовольствие. — Снова показалось, что незнакомец весьма доволен какой-то очень личной шуткой. Он протянул один бокал Маркхэму, второй взял сам.

— Я выпью за ваше счастье, — сказал он с нескрываемой иронией, потом чуть пригубил бренди и поставил бокал на поднос.

— А я, — сказал Маркхэм, чувствуя себя неловко, — выпью за вашу долгую жизнь. — Он хотел, чтобы его тост тоже прозвучал иронично, но ничего не получилось.

Ответом ему был смех:

— Вы очень добры, но в этом нет необходимости. Я не живой.

Сразу поняв, почему он чувствовал такую неловкость, Маркхэм моментально пришел в себя.

— Все зависит от того, какое определение дать жизни.

— Итак, вы уже встречались с Беглецами. — Это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос. — Я предполагал, что они вступят с вами в контакт, но я, очевидно, недооценил фактор времени.

Маркхэм уже был настороже.

— Разве невозможно приблизиться к определению жизни, не вступив в контакт с Беглецами?

— Не невозможно, мистер Маркхэм, просто маловероятно. Взвешивать невзвешиваемое — часто признак плохой подготовки.

— Или знаний.

— Может быть... Кстати, я Соломон, премьер-министр Президента Бертранда.

— Если обратиться к идиоме, — откликнулся Маркхэм, — то вот она: «Живые андроиды!»

— Забавная, но бессмысленная фраза.

— Есть такие, кто так не считает.

— В основном Беглецы.

— И возможно, — добавил Маркхэм с улыбкой, — немногие разумные.

— Я надеюсь, — сказал Соломон, игнорируя замечание, — что вы не будете воспринимать Беглецов слишком серьезно. Это может повлиять на вашу ориентацию.

— Я надеюсь, — ответил Маркхэм, — что вы не будете особенно беспокоиться о моей ориентации. Это может повлиять на вашу программу.

Опять Соломон засмеялся:

— У вас есть чувство юмора, мистер Маркхэм. Это очень хорошо.

Соломон налил ему в бокал еще бренди:

— Надеюсь, ваш персональный андроид удовлетворяет вас? — Он бросил быстрый взгляд на Марион-А. — Если вы хотите что-либо изменить, мы можем быстро перепрограммировать ее.

— Она и так превосходна, спасибо.

— Я рад этому... Больше я не могу пренебрегать своими обязанностями. Возможно, вы не лишите меня удовольствия побеседовать с вами еще раз, мистер Маркхэм, — с вашего позволения, конечно.

— Возражений нет, — холодно сказал Маркхэм.

Соломон поклонился немного иронично и быстро пошел через зал.

Маркхэм смотрел ему вслед, пока тот не исчез в толпе, затем одним глотком допил бренди, поставил бокал на поднос и отпустил слугу-андроида.

Он понял, что его трясет от злости. Только что андроид говорил с ним свысока. Но больше всего его разозлило то, что он не смог сразу распознать в Соломоне андроида ни по внешнему виду, ни по поведению. Обычно он узнавал андроидов с первого взгляда — по отсутствию выражения, неподвижности черт, точности движений и другим признакам. Но Соломон был лишен этих признаков, и Маркхэм подумал, что, если бы тот не сказал сам, он бы, возможно, и не заподозрил, что перед ним — андроид.

Освещение в Большом Зале было не очень ярким, но достаточным, чтобы отличить искусственные кожу, глаза и тело от настоящих. Воображение подсказало Маркхэму пугающую картину: все андроиды похожи на настоящих мужчин и женщин. Он представил мир, в котором андроидов невозможно было бы отличить от людей, кроме как с помощью рентгена.

Вдруг он понял, что Марион-А говорит ему что-то приглушенным голосом.

— Неразумно недооценивать Соломона, Джон. Поскольку на нем лежит ответственность за безопасность республики, его программа чрезвычайно сложна.

— Вы предупреждаете меня — или это угроза?

— Ни то, ни другое. Я советую вам. Это моя обязанность, как вашего персонального андроида.

— Раз люди боятся андроидов, значит, в королевстве датском что-то прогнило.

— Я не очень понимаю, о чем вы говорите.

— Хорошо. Значит, какая-то надежда есть... Марион?

— Да, сэр?

— Вы шпионите за мной для Соломона?

Она заколебалась:

— Я запрограммирована таким образом, чтобы принимать все возможные меры для вашей безопасности.

— Это не ответ на вопрос. У нас могут быть различные понятия о безопасности.

— Моя программа относится к вашей безопасности

в физическом и психологическом смысле, а также в нее заложена забота о безопасности республики.

— Доверь андроиду не допустить крови. Короче, вы шпионите за мной, когда возможно и когда необходимо.

Марион-А промолчала. В это время Маркхэм увидел, что к нему через толпу пробирается Вивиан. Ее сопровождал широкоплечий, атлетического сложения человек, примерно того же возраста, что и Маркхэм.

— Дорогой Джон! Мы вас везде искали. Это Алджис Норвенс... Алджис, это настоящий человек из каменного века. Будьте друзьями, или я перестану любить вас обоих.

Маркхэм пожал руку Алджису Норвенсу и с улыбкой обменялся обычным приветствием. Норвенс, однако, не улыбался, и его рукопожатие было слабое и безразличное.

— Надеюсь, вас не очень смущает наш мир, — сказал он.

— Думаю, не больше, чем я смущаю его.

Вивиан лукаво улыбнулась:

— Джон по темпераменту крестоносец. Он полон возвышенных чувств и непоколебимых обвинений. Мы — заклятые враги.

Норвенс с любопытством посмотрел на Маркхэма:

— Вы быстро и с прекрасным вкусом выбираете себе врагов.

— Боюсь, что эта честь принадлежит Вивиан. Она нашла меня.

— А что сделало вас врагами?

— Любовь, — шаловливо сказала Вивиан, — кроме всего прочего.

В этот момент громоподобный голос объявил:

— Леди и джентльмены, просим к столу.

— Пойдемте. Я устроила так, что мы сидим рядом. — Вивиан взяла обоих под руку и повела к главной лестнице.

Маркхэм был рад, что их прервали. Он почувствовал, что Алджис Норвенс настроен враждебно, а это не внушало надежды на хорошее развитие их отношений. Вивиан не только знала об этом, она, казалось, даже радовалась этому. Он предположил, что это удовлетворяло ее своеобразное чувство юмора, поскольку она знала интимные подробности о них обоих, тогда как они ничего не знали друг о друге.

Обеденный зал находился в верхней части дворца. Пол в нем был черный, из кристаллического материала; закругленные стены призрачно светились и сходились куполом, до верхней точки которого было не меньше пятидесяти футов.

Столы были расставлены в форме громадной подковы, и, когда гости расселись, Маркхэм увидел, что их больше двух тысяч. Вивиан села между ним и Норвенсом, а Марион-А, как и сотни других андроидов, неподвижно застыла за стулом своего хозяина.

Речь, которую президент Бертранд произнес как формальную прелюдию к обеду, была не более чем коротким и банальным панегириком на тему жизни в Лондонской Республике. Однако он обронил несколько замечаний, которые очень заинтересовали Маркхэма, с очевидным отвращением говоря об антиандроидных бунтах в Средней Англии и отметил, что тамошний старейшина наконец последовал совету своего премьер-министра и ввел наказание — пятьдесят лет условно живого состояния — для участников бунта. Он также упомянул, что пэр Шотландии провел кампанию против колонии Беглецов, собравшейся в горных районах. Маркхэм с интересом узнал, что понадобилась «психиатрическая бригада» из тысячи андроидов против менее чем трех сотен Беглецов; и что, несмотря на это, было захвачено только шестьдесят Беглецов, тогда как сто пятьдесят андроидов было уничтожено и выведено из строя.

К концу речи Клемент Бертранд одарил своих гостей благосклонной улыбкой.

— Дорогие люди, — сказал он. — Вы все понимаете, что такое положение было бы невозможно в Лондоне. К сожалению, в обществе всегда находятся немногие психопаты и извращенцы — люди, которые не в состоянии найти свое место в нормальном общественном строе и поэтому пытаются разрушить его и создать новый строй по своему извращенному вкусу. Но Беглецы непоследовательны. Их страстные мечты о возвращении к доандроидному варварству не вызывают у нас ничего, кроме сожаления или насмешки. К тому же бдительный Психопроп постоянно уменьшает их количество... С Богом! Я и так уже достаточно много отнял у вас времени, говоря о серьезном! Это забота Соломона. Давайте развлекаться.

Среди гостей раздался гул одобрения, и вперед выступили андроиды-официанты.

— Ну разве не помпезный идиот? — обратилась Вивиан к Маркхэму. — Хотя, когда вы узнаете его поближе, вы поймете, что он не такой уж плохой. В конце концов кто-то должен всем заправлять.

— Я было подумал, что здесь Соломон всем заправляет, — рискнул Маркхэм. Он заметил, что премьер-министр, сидевший рядом с Клементом Бертрандом, был единственным андроидом за столом, если только кто-нибудь из других гостей не был андроидом, тоже ничем не отличающимся от человека.

— Вы с ним встречались? — спросила Вивиан.

— Мы обменялись парой фраз, как раз перед тем, как вы подошли ко мне. Я сперва принял его за человека.

— Его все сперва путают, — сказала она, немного нахмурившись. — Он любит удивлять людей. Я думаю, в его программе заложено тщеславие.

— Если бы я был вашим отцом, — сказал Маркхэм, — я бы его попросту уничтожил.

Вивиан бросила на него испуганный взгляд:

— Живые андроиды! Вы не должны говорить такие вещи, Джон. По крайней мере никому, кроме меня.

— А почему нет? Он уж слишком похож на человека. Я думаю, что он опасен.

— К тому же он умен и необходим республике.

Маркхэм опять посмотрел на премьер-министра, который важно пил бульон.

— Это делает его еще опаснее.

— Я думаю, что сама немного боюсь его, — призналась она. — Но он замечательно управляет республикой. Все, что приходится делать Клементу, — это не мешать ему проводить нужную политику.

— Ради Бога, не говорите мне больше ничего, — с отвращением сказал Маркхэм. — А то я прямо сейчас пойду и присоединюсь к Беглецам.

Алджис Норвенс резко вмешался в разговор.

— Я вас видел на экране несколько дней назад, — сказал он. — Было очень забавно.

— В самом деле? — сказал Маркхэм. — Я полагаю, вам очень понравились мятежные, смешные высказывания о любви, семье, детях и работе.

— Действительно, понравились.

— А на самом деле, — сказал Маркхэм, — это все — нагромождение лжи. Если вы хотите знать правду, я скажу. У меня было четыре любовницы, тринадцать незаконнорожденных детей и доход в десять тысяч в год от массового производства поясов верности.

Норвенс ухмыльнулся:

— Мне кажется, у вас странное чувство юмора.

Маркхэм сказал с улыбкой:

— Это странный мир — особенно для того, кто имел счастье не привыкнуть к нему раньше.

— Перестаньте вести себя как мальчишки, — сказала Вивиан с довольным видом. — Я хочу, чтобы вы стали друзьями.

— Глупости, дорогая, — отважно бросил Маркхэм. — Мы делаем как раз то, чего вы хотите. Мы ведем себя как два оленя в брачный период. И это тоже забавно, правда, Алджис?

Норвенс неожиданно переменил тактику:

— Несмотря на первое впечатление, вы мне, кажется, нравитесь, Джон. Надеюсь, мы будем встречаться... Вы когда-нибудь катались на воздушных лыжах?

— Нет, но звучит очень заманчиво.

— Вы должны как-нибудь зайти в клуб, и мы с вами попробуем. Но хочу вас предупредить, что это очень опасно; было много смертных случаев.

— Мы все понемногу умираем каждый день, — заметил Маркхэм. — Я рискну ускорить процесс, раз это интересно.

— Алджис — второй планерист в республике, — сказала Вивиан.

— А кто же первый?

— Я, конечно.

Когда подали пятое блюдо, общий разговор стал значительно более громким, и официанты, разносящие вино, начали сновать с монотонной регулярностью. Именно тогда секция пола в центре подковы, образованной столами, сдвинулась в сторону и наверх поднялась небольшая эстрада. Свет в зале уменьшился, и луч света упал на женщину, которая стояла там, как греческая статуя на пьедестале.

Она была обнажена и совершенно неподвижна. Левая нога и правая рука были серебряного цвета, правая нога и левая рука — золотого, тело и лицо — черные, а светящиеся волосы — зеленые.

Неожиданно зазвучала музыка, и она, словно ее ударило электрическим током, спрыгнула с пьедестала с протяжным, низким криком и начала петь и танцевать, детально изображая потерю девственности.

Музыка была неважная, тональный диапазон певицы не превышал трех нот, но ее движения, хотя и легкие, были крайне соблазнительны. Странно, но Маркхэм решил, что общее впечатление нельзя назвать непристойным. Прямой расчет был, очевидно, на сексуальные аппетиты аудитории, но также здесь имели место призыв к жалости и сочувствию. Украдкой посмотрев на своих соседей, Маркхэм заметил слезы в глазах многих женщин. Но наиболее интересным оказался кульминационный момент представления, когда женщина обнаружила, что она беременна от мужчины, который уже дважды стал отцом за пятилетний период. Едва певица начала оплакивать своего любовника из-за приговора к пяти годам условно живого состояния, Маркхэм заметил, что некоторые мужчины явно чувствуют себя неуютно.

Окончив песню, женщина вспрыгнула на пьедестал и застыла в исходной позе. Эстрада медленно опустилась.

Следующий номер, очевидно, был создан специально для Маркхэма. Это был балет, исполняемый мужчиной-танцором в карикатурной одежде двадцатого века, андроидом и балериной в вечернем платье двадцатого века. Их сопровождал небольшой хор андроидов и три танцора, одетые как жена и дети Спасенного.

Маркхэм зачарованно смотрел, как карикатурный Спасенный, выйдя из условно живого состояния, изображал ужас при виде андроида и отвращение — в ответ на откровенные предложения балерины. Затем Спасенный танцевал вокруг призрачных фигур жены и детей, безуспешно пытаясь дотянуться до них через невидимый барьер.

Умоляющие жесты детей и женщины в одежде двадцатого века вызвали громкий смех, достигший апогея, когда они протанцевали к столу Маркхэма и обратились прямо к нему. Он отвернулся, закрыв глаза, пряча свое горе. Но собравшиеся расценили это как публичный отказ от старомодной концепции семейной жизни, и смех, немного затихший, стал еще громче.

Затем, когда Спасенный на сцене, осознав беспо-

лезность попыток соединиться с семьей, в отчаянии опустился на пол, музыка почти потонула в криках зрителей.

Наконец персональный андроид убедил Спасенного взять себя в руки; он поднялся с пола, отмахнулся от семьи небрежным жестом и исполнил танец освобождения. Символически поменяв старомодный костюм двадцатого века на одежду двадцать второго, он исполнил безумный танец с балериной, который завершился неизбежным сексуальным слиянием. В финальной сцене Спасенный, перестав заниматься любовью с балериной, обнаружил, что его жена и дети материализовались снова. С отвращением отшатнувшись от них, он позволил персональному андроиду и хору увести их прочь.

Когда эстрада вновь исчезла в полу, Маркхэм почувствовал руку на своем плече.

— Джон, дорогой, мне так жаль, — прошептала Вивиан. — Если бы я знала, я бы заставила Клемента запретить это.

— Неужели это так важно? — Маркхэм следил за своим голосом. — Кроме того, все хорошо посмеялись.

— Кроме тебя, — сказала Вивиан. — И меня... Очень больно, да?

Он ответил улыбкой:

— Не думаю. Теперь я ношу крепкую броню.

— Живые андроиды! — воскликнул Алджис Норвенс с широкой улыбкой. — Ну и смехота! Интересно, кто это придумал.

— Мне тоже, — сказал Маркхэм. — Хотелось бы его поздравить. — Он вопросительно посмотрел на Вивиан.

— Я не знаю, — сказала она. — Обычно представления организовывает Соломон. Он должен знать. Хочешь, я узнаю для тебя?

— Не беспокойся. Я почему-то уверен, что Соломон приложил к этому руку.

Андроиды-официанты молча и быстро убрали обеденные приборы и стали подавать кофе и ликеры. В это время из пола поднялась широкая круглая сцена. Раздался приветственный смех, удивленные и возбужденные крики. Маркхэм несколько секунд смотрел на спектакль, не веря своим глазам, а потом почувствовал физическую тошноту.

На сцене было три изысканно одетых человека: двухголовая женщина, одно лицо у которой было детское, а второе вполне взрослое, четырехрукий мужчина и мужчина с длинным цепким хвостом.

Не произнося ни звука, они разыгрывали древнюю тему ревности. Оба мужчины с серьезным видом демонстрировали собственные страдания. Четырехрукий в знак внимания предлагал женщине цветы, леденцы, духи и вечерний халат с двумя капюшонами. Женщина немного потанцевала с ним, при этом двумя руками он обнимал ее, а двумя другими — гладил ее детское лицо. Его соперник, устав на это смотреть, схватил его за лодыжку своим гибким хвостом и дернул. Затем он танцевал с женщиной, больше внимания обращая на ее взрослое лицо, и двигал хвостом, то просто кривляясь, то непристойно, так, чтобы вызывать у публики смех.

Маркхэм почувствовал, что больше не в силах это терпеть. Но когда он попытался встать, Вивиан удержала его.

— За это надо благодарить двадцатое столетие, Джон, — тихо сказала она.

— Мутации, вызванные Войной, все еще повторяются. И ученые-андроиды говорят, что в ближайшую тысячу лет их не избежать. Ты считаешь, что мы злые и бесчувственные, да? Думаешь, что мы деградировали и прогнили. А может быть, наш образ жизни — просто способ не помнить об ужасах Войны.

— Все, по-моему, смотрят с большим удовольствием, — сказал он с отвращением.

— Не все, — ответила она. — Кроме того, мы превзошли двадцатый век кое в чем, ты знаешь. У нас больше нет войн.

Он попытался найти подходящий ответ, но, похоже, его не было, во всяком случае совсем честного.

Наконец ужасное представление закончилось. Все потонуло в аплодисментах и взрывах смеха. Маркхэм подумал, что в этом смехе есть что-то странное; ему показалось даже, что этот смех близок к истерике. Особенно у женщин. Потом ему пришло в голову, что все люди здесь — тоже ведь потенциальные жертвы Войны. В первый раз он серьезно задумался о страхе, который вызывала в этом веке беременность, и о наказании мужчин за безответственность.

Алджис Норвенс повернулся к Маркхэму со странной улыбкой:

— Вам это показалось забавным?

— Нет. А вам?

— Если бы мы не смеялись, — неожиданно сказал Норвенс, — мы бы ослепли от злости. Вот и смеемся. Трагедия становится комедией, а со смехом постепенно уходит горечь.

У Маркхэма росло чувство замешательства. То человек двадцать второго столетия кажется равнодушным и пустым, то, уже через минуту, в нем вспыхивают чувствительность и понимание.

Он уже собирался спросить Норвенса о возможности легкой смерти, когда началось последнее представление. Из-под пола появился большой прозрачный шар, стеклянный или пластиковый, сиденье внутри которого было укреплено таким образом, что, как бы шар ни поворачивался, сиденье оставалось в вертикальном положении. На нем сидел кто-то, похожий на обнаженного мальчика лет десяти. Но, приглядевшись, Маркхэм увидел, что, в отличие от всего тела, лицо ребенка все в морщинах, как у старика.

В шаре было небольшое отверстие, через которое проходил яркий луч красного света от прибора, находящегося в руках у этого ребенка.

Андроид, положив руку на поверхность шара, объявил, что там находится Сильверо, известный телепат и прорицатель.

Когда андроид замолчал, Сильверо помахал зрителям и дружески улыбнулся. Затем, по сигналу президента Бертранда или Соломона, андроид крутанул шар, луч красного света описал дугу и остановился прямо на лице одного из гостей.

Маркхэм увидел, как глаза у этого человека изумленно раскрылись, а потом остекленели и взгляд безжизненно уставился в одну точку; лицо потеряло всякое выражение, тело застыло.

Сильверо заговорил, и его тонкий, дрожащий голос, благодаря усилителю, звучал пронзительно:

— Субъекта зовут Орланд Джойс. Ему тридцать восемь лет, три месяца он провел в условно живом состоянии. У него было одиннадцать женщин, и от одной он имел ребенка. В тринадцать лет он подстроил поломку андроида, что осталось тайным, но дало

комплекс вины и подозрительный страх перед небиологическими личностями. В возрасте шестнадцати лет он вступил в интимные отношения с женщиной на десять лет старше его, по ее инициативе. Женщина позднее стала Беглецом, и субъект выдал ее психиатрической команде. В двадцать два года он завоевал первый приз по воздушным лыжам на Лондонской Олимпиаде. В двадцать семь он выставил десять скульптур на Республиканской Выставке Искусств и был награжден Золотым Тюрбаном. В возрасте тридцати двух он произвел на свет одного разрешенного ребенка. Сегодня вечером он вступит в связь с женщиной с зелеными волосами. Завтра он улетит в Шотландию на Осенние Игры. После этого он проведет два месяца в Сити на лечении у психиатра. В сорок один год он снова станет отцом. В сорок семь лет он получит серьезную травму, занимаясь таким видом морского спорта, которого еще не существует. О возрасте, в котором субъект умрет, говорить не разрешено. Больше я ничего не скажу.

Сильверо выключил луч, и Орланд Джойс вернулся в нормальное состояние. Он смотрел вокруг со смущенной улыбкой, а гости, особенно те, которые были с ним знакомы и могли оценить первую часть анализа Сильверо, громко аплодировали.

По другому сигналу со стороны президентского стола андроид опять прокрутил шар, и красный луч Сильверо остановили на лице темной девушки, реакция которой была такой же, как и у Джойса.

Сильверо начал свой рассказ. Он сказал, что имя субъекта Нинель Маршин, возраст — двадцать два года. Потом гораздо более детально, чем в первом случае, описал ее детство и интимные факты ее взрослой жизни. Когда Сильверо описывал эмоциональные аспекты ее жизни, его голос дрожал от возбуждения и, как показалось Маркхэму, скрытой злобы. Повествование продолжалось, пока история субъекта не была рассказана до нынешнего дня, — тут Сильверо отметил, что у нее накануне был очень утомительный вечер и поэтому она уйдет рано. Затем он стал предсказывать ее будущее, начав, как и раньше, с ближайшего, и неожиданно остановился. После секундного молчания он повторил все ту же формулу:

«О возрасте, в котором субъект умрет, говорить не разрешено. Больше я ничего не скажу».

Аплодисменты не были такими сильными, как раньше. Послушав о прошлом Нинель, присутствующие рассчитывали услышать рассказ о ее будущем в таких же подробностях и, вероятно, считали, что их обманули.

Маркхэм смотрел на улыбающегося старого ребенка в стеклянном шаре и чувствовал, как почти не управляемые отвращение и ненависть закипают в нем. Даже то, что Сильверо, возможно, тоже мутант, а значит — жертва Войны, не могло смягчить его чувства.

Какое право имеет это злобное рыло выставлять на обозрение жизни других людей, изображая из себя Господа, и предсказывать будущее?

Будь Маркхэм немного поспокойнее, он бы понял, что Сильверо тоже запутался в паутине обстоятельств. Но этот маленький прорицатель стал для него козлом отпущения, на которого вылилось все негодование, поднявшееся в нем после встречи с Соломоном и весь вечер усиливавшееся.

Но как только Маркхэм решил, что он больше не желает оставаться пассивным зрителем так называемых развлечений, луч Сильверо ослепил его глаза и мозг полностью отключился.

Когда Маркхэм пришел в себя, ему показалось, что луч только на секунду сверкнул перед его глазами. Тем не менее он сразу обратил внимание на тишину в зале и увидел, что все глаза направлены на прозрачный шар. Два андроида придерживали его, а третий, открыв маленькую панель, вынимал оттуда обмякшее тело Сильверо. Можно было подумать, что он без сознания, однако Маркхэм сразу понял, что ребенок мертв.

— С тобой все в порядке, Джон? — услышал он испуганный шепот Вивиан.

— Думаю, да. Что случилось?

Вивиан бросила быстрый взгляд в сторону отца, рядом с которым сидел Соломон и спокойно смотрел, как тело извлекают из шара.

— Он заставил Сильверо говорить о тебе, — объяснила она.

— Это маленькое чудовище рассказало все о твоем

детстве, о том, как ты рос, о твоей жизни с Кэйти... как я ненавижу такие фокусы!

Маркхэм с удовлетворенной улыбкой наблюдал, как шар и тело Сильверо исчезли из вида.

— Почему же? — спросил он. — Я получил то, что и другие жертвы.

— Ты не из нашего мира. Это нечестно.

— Как же этот Сильверо умер? — спросил Маркхэм, мрачно глядя на то место, где находился шар.

— Это необъяснимо. Он только начал было предсказывать твое будущее, как что-то вдруг будто остановило его. Он захныкал, и никто не мог понять, что происходит. Потом он опять начал говорить — очень быстро. Он так выкрикивал слова, что разобрать было невозможно. А потом он просто резко упал.

— Возможно, — сказал Маркхэм с мрачным юмором, — он предсказал смерть самому себе и умер от шока.

В это время президент Бертранд встал из-за стола, и это был сигнал гостям.

Алджис Норвенс повернулся к Вивиан:

— Ну и мутации! Такое представление не забудешь. Кажется, наш Спасенный обладает скрытым талантом... Спустимся в Большой Зал, потанцуем?

Вивиан посмотрела на Маркхэма:

— Тебе выбирать, Джон. Если хочешь, я покажу тебе тропические сады или, — она бросила злобный взгляд на Норвенса, — Алджис сразится с акулой на подводной арене. Он очень любит демонстрировать свою доблесть в воде... Или, может, ты хочешь пойти на танцы?

— Я уже не в том возрасте, — сказал Маркхэм с иронией. — Танцы слишком энергичное занятие. Я бы предпочел тропические сады.

— Не будем лишать Алджиса удовольствия, — быстро отреагировала Вивиан. — Джон может одолжить для танцев твоего персонального андроида.

Норвенс не слишком радостно воспринял свою отставку, но Вивиан была непреклонна. Бросив недоброжелательный взгляд на Маркхэма, он пошел в Большой Зал с Марион-А, а Вивиан с Маркхэмом направились в сады, на крышу дворца.

Там было буйство красок от изобилия экзотических цветов; кусты и фруктовые деревья купались в лучах

синтетического солнца. Коснувшись кнопки, Вивиан выключила «солнце», и остался только ясный лунный свет, льющийся сквозь прозрачную крышу.

Сады казались безлюдными. Вивиан привела его к маленькому искусственному холмику, где они и уселись, посматривая на луну.

— Норвенс влюблен в тебя? — неожиданно спросил Маркхэм.

Она засмеялась:

— Как определить любовь? Мы занимались любовью раньше. Возможно, будем делать это еще.

— Просто я не хочу вмешиваться, вот и все.

— Дорогой Джон, какой ты важный. Небольшое здоровое соперничество пойдет Алджису на пользу.

— Предположим, я не хочу соперничать?

— Тогда я тебя заставлю, мой стремительный пуританин, — вот так!

Она обхватила его лицо ладонями и страстно поцеловала, но Маркхэм не ответил на поцелуй.

— Очаровательно, — раздался голос из темноты. — Вы очень добросовестно помогаете ему ориентироваться в нашем мире, мадам, но, боюсь, это весьма сложная задача.

Соломон вышел из тени и смотрел на них с доброй улыбкой. Его присутствие, казалось, не обеспокоило Вивиан, но Маркхэм опять почувствовал, что в нем закипает злость.

— Дано разрешение удалиться, — сказал он с сарказмом.

Улыбка Соломона стала еще шире:

— Спасибо, сэр. Но, может быть, дочь Президента не лишит меня удовольствия и позволит задержаться на несколько секунд?

— Разрешение дано, — сказала Вивиан ровным голосом.

Соломон официально поклонился и обратился к Маркхэму:

— Я должен извиниться, сэр, за ту часть представления, которая могла обидеть вас, особенно за печальный инцидент — смерть Сильверо.

— Честно говоря, — сказал Маркхэм, — эта часть мне как раз понравилась. Будучи старомодным, я придерживаюсь странного мнения, что непростительно

выставлять чью бы то ни было личную жизнь для публичного развлечения.

Глаза Соломона заблестели.

— И тем не менее, — сказал он, — разве это не было основной функцией ваших газет в двадцатом веке? Вы должны извинить меня, если я ошибаюсь. С сожалением вынужден признать, что моя программа по истории оставляет желать лучшего.

К своему собственному удивлению, Маркхэм засмеялся:

— Вы не первый, кто напоминает мне, что величайшим искусством двадцатого века было лицемерие. Но все же я предпочитаю свой сорт лицемерия вашему.

Соломон удовлетворенно кивнул:

— Все что угодно, сэр. Время, а именно сто пятьдесят лет, наконец освободило человечество от многих старых запретов.

— И цена этому, — добавил Маркхэм, — создание целого ряда новых.

— Что приводит к мысли о неправильном устройстве, — сказал Соломон. — А это, в свою очередь, напоминает о Беглецах.

— Предмет, который вы, очевидно, хотите обсудить в первую очередь, — заметил Маркхэм. — Продолжайте.

— Спасибо, сэр. — Соломон секунду помедлил. — В свете нашей предшествующей беседы мне пришло в голову, мистер Маркхэм, что вы можете поставить себя в очень опасное положение.

— В свете нашей предшествующей беседы, — холодно сказал Маркхэм, — я склонен согласиться с вами. Но, по моему мнению, источником опасности является не человек.

Соломон медленно покачал головой, как бы укоряя упрямого ребенка:

— Опасность исходит от Беглецов. Если они достаточно умны, они попытаются использовать вас как символ. — Он улыбнулся. — Все в республике знают, что у Спасенного типичное для двадцатого века отношение к работе, сексу, культурной и экономической свободе.

— У меня также есть твердые взгляды на неограниченное использование андроидов, — добавил Маркхэм.

— Именно так. Вот почему я думаю, что Беглецы будут пытаться сделать вас своим духовным лидером.

— Вы льстите мне.

— Я не запрограммирован на лесть, сэр. Но я знаю, что вас могут использовать как боевое знамя всякие психоневротические элементы, которые хотят насильственно изменить современное состояние общества.

— Если они достаточно сильны для этого, — заметил Маркхэм, — то современное состояние общества весьма уязвимо.

Соломон заулыбался:

— Мой опыт говорит мне, что люди, как таковые, не опасны. Опасны идеалы. Беглецы могут надумать использовать вас как воплощение своего идеала.

Маркхэм зевнул:

— Лично я не чувствую себя ни боевым знаменем, ни идеалом. Я себя чувствую обычным человеком, которого раздражает большое количество ходячей механики!

— Тогда я надеюсь, сэр, что вы не подвергнете себя опасности, позволив Беглецам идеализировать себя?

— А если подвергну?

— Тогда, сэр, в вашей личности придется сделать некоторые изменения — такие, чтобы вас не слишком раздражало большое количество ходячей механики.

— Спасибо за предупреждение. Я его не забуду.

— Спасибо за беседу, сэр. Я ее не забуду.

Он повернулся к Вивиан:

— Я должен извиниться за вторжение, мадам. Разрешите удалиться?

— Конечно, — сказала Вивиан. — Я думаю, Соломон, что вы не должны оценивать мистера Маркхэма по современным меркам.

Соломон поклонился:

— Если бы я это делал, мадам, я бы уже рекомендовал Анализ.

Маркхэм посмотрел вслед андроиду. Некоторое время он молча прислушивался, потом мягко сказал:

— Итак, непогрешимый Соломон сделал первую ошибку.

— Что ты имеешь в виду?

— Он считает, что может правильно оценить результат воздействия страха на человека.

Вивиан слегка вздрогнула:

— Я бы хотела, чтоб ты не смотрел на все так уж мрачно, дорогой.

Неожиданно Маркхэм засмеялся.

— Беги или дерись, — сказал он весело. — Все та же старая дилемма.

— О чем ты говоришь? — Голос у нее был раздраженный.

— О разнице между детерминизмом и доброй волей, а также между андроидами и людьми.

— Я не уверена, что ты мне нравишься, когда выражаешься столь туманно.

— С другой стороны, — заметил Маркхэм, — ты делаешься значительно лучше, когда начинаешь думать.

Они оставались в тропическом саду, пока их не нашел андроид в ливрее и не объявил, что президент Бертранд желает видеть Вивиан и Маркхэма в своем личном кабинете.

Клемент Бертранд сбросил официальную маску. Несмотря на розовый здоровый цвет лица и гладкую кожу, он выглядел утомленным, и в его глазах Маркхэм заметил беспокойство. Он отпустил слугу андроида, предложил Вивиан и Маркхэму выпить, обменялся с ними несколькими банальными фразами и перешел к делу:

— Я сравнительно старый человек, Джон, достаточно старый, чтобы немного помнить времена, когда работа — так называемая работа — все еще была социально желательна. Электроника была... была моим прошлым. Я упоминаю об этом только для того, чтобы уверить вас, что в этой комнате нет жучков. Она не прослушивается. — Он хихикнул. — Соломон, самое чистое химическое соединение в республике, однажды было попробовал. Но я поставил каскад резонаторов, которые разрушили все, что он установил. С удовольствием добавлю, что он понял намек.

Маркхэм улыбнулся:

— Я не ожидал, что вы антиандроид.

— А я и не являюсь им, — твердо сказал Клемент Бертранд. — Я просто антибеспокойство — в любом смысле. Вот об этом я и хочу поговорить с вами. Несколько минут назад я видел Соломона. Он считает,

что вы представляете потенциальную опасность для республики. Он думает, что Беглецы могут использовать вас. Он также считает, что вы можете захотеть, чтобы вас использовали. Что вы на это скажете?

— Я не представлял, что андроиды могут быть запрограммированы на мелодраму.

— Не уклоняйтесь. Вы уже встречали Беглецов?

— Если бы и встречал, то был бы дурак, рассказав вам, сэр.

— Дурак или добропорядочный гражданин? Когда вы получили гражданство республики, вы получили определенные обязанности, так же как и права.

Маркхэм нахмурился:

— Мне трудно отнести предательство к своим обязанностям.

Президент устало пожал плечами:

— Если вы хотите быть безрассудным, это ваше дело. Но не делайте поспешных выводов и не недооценивайте Психопроп. Психопроп — это Соломон. Любой другой андроид в этом департаменте просто продолжение его мозга.

— Спасибо, сэр. Я это запомню.

— Вам надо запомнить еще одну вещь. Поскольку вы сначала гражданин, а уж потом человек, Соломон ничего не может сделать, пока вы не совершите ошибку. Но тогда он ударит. И это будет конец Джону Маркхэму, тому Джону Маркхэму, которого мы знаем сейчас.

Маркхэм с любопытством посмотрел на Президента:

— Судя по тому, что вы сказали, сэр, у меня создалось впечатление, что вы не по ту сторону забора, где Соломон.

Президент Бертранд спокойно ответил на его взгляд:

— Такая возможность не исключается, но я — президент республики, и я не хочу развития той ситуации, которая может привести к прямому столкновению между людьми и андроидами. Потому что андроиды победили бы людей. Они существуют, чтобы обслуживать нас всей своей могучей организацией. Они хорошие слуги, но они могут быть и безжалостными врагами, при соответствующей программе.

— Раньше или позже, — сказал Маркхэм, — столкновение произойдет, если только человечество не вымрет. Вот поэтому, я думаю, это произойдет раньше, пока еще у людей есть хоть какая-то смелость.

Президент Бертранд налил себе еще.

— Странно, — сказал он задумчиво, — что у философов, святых, преступников и революционеров есть нечто общее — это элемент насилия.

— Может быть, оправданное насилие лучше, чем мир любой ценой.

— Это одна из неразрешимых проблем, — медленно проговорил президент. — Можно ли вообще оправдать насилие? Вы представитель мира, который дал нам Войну, я — из мира, который пришлось восстанавливать из пепла... Я когда-то учил философию у человека по имени Хиггенс. У него были интересные взгляды на насилие, а также на андроидов и на жизнь. Сейчас он Беглец, между прочим.

Маркхэм застыл.

— Не волнуйтесь, — продолжал президент. — Он все еще жив и свободен — я надеюсь. Но если вы увидите его снова, можете сказать ему, чтобы он не рассчитывал, что чудеса будут повторяться из раза в раз.

— Почему вы думаете, что я встречался с ним, сэр?

— Вы только что сами проговорились. И еще одна вещь. Эта проблема касается вас и моей дочери. — Он спокойно посмотрел на Вивиан, которая слушала в смущенном молчании. — Тебе непривычно выслушивать то, что я сейчас говорю, да? Я обычно вроде статуи; оратор, человек пустых слов. Но иногда, Вивиан, необходимо в поток пустых слов ввести немного смысла. Сейчас как раз такой момент. Несмотря на то что я говорил перед обедом, Беглецы становятся серьезной проблемой. И они это знают. Теперь они ищут некую объединяющую силу, некий символ, который укрепит их и привлечет тех, кто колеблется. Джона пока не вовлекли. Возможно, и никогда не вовлекут. Он может пообвыкнуться в нашем обществе и этим докажет, что Соломон не прав. Но я не хочу, чтобы ты с ним часто виделась, по крайней мере, не хочу, чтобы это было известно, чтобы об этом знали люди или андроиды. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, что для тебя это очень важно, — сказала Вивиан. — Никогда не знала, что ты склонен к мелодраме, Клемент.

— Я и не склонен, пока меня не вынудят.

— Скажите, сэр, — вмешался Маркхэм, на языке у которого уже давно вертелся один вопрос, — если я представляю такую потенциальную угрозу, почему меня не поместят в условно живое состояние или что-то в этом роде?

— Для этого должна быть причина, которая удовлетворила бы граждан Лондона. Мы, возможно, кажемся вам упадочными и слабыми, Джон. Но мы пестуем наши собственные иллюзии. А также мы высоко ценим наши понятия об индивидуальной свободе... К черту! Слишком много серьезного для одного вечера. Мне пора отправляться к гостям.

Когда Маркхэм вернулся с Вивиан в Большой Зал, он чувствовал, что в голове у него все перепуталось. Как только у него складывалось мнение о людях и обычаях двадцать второго века, сразу же происходило что-нибудь такое, что переворачивало все с ног на голову.

Они нашли Алджиса Норвенса, которому было тошно от танцев, алкоголя и Марион-А. Он бросил ядовитый взгляд на Маркхэма:

— Надеюсь, вам понравились тропические сады?

— Чрезвычайно.

— Мы разговаривали с Клементом, — сказала Вивиан примирительно. — Он хотел видеть Джона.

Норвенс изобразил ироничную улыбку.

— Все хотят видеть Джона, — заметил он. — Только я предпочитаю видеть тебя.

Он повернулся к Маркхэму:

— Спасибо, что одолжили вашего персонального андроида, — возвращаю с облегчением. Выдающаяся программа! Она танцует лучше меня.

— У нее много неожиданных талантов, — спокойно ответил Маркхэм. Марион-А ответила на комплимент застывшей улыбкой.

Некоторые гости уже собирались уезжать, и Маркхэм подумал, не пора ли и ему осуществить стратегическое отступление. Многое произошло за этот вечер, много над чем нужно было подумать.

Когда он покидал Северный Лондонский Санаторий, он был несколько удивлен безразличием, с которым его допустили в жизнь двадцать второго века. Он и не ждал, что его встретят фанфарами, но думал, что

будет больше формальностей и контроля. Теперь он начал понимать, что на деле все не так просто, как ему казалось.

Его встреча с Проф. Хиггенсом, потом с Вивиан, прямое предупреждение Соломона, бал-маскарад, необъяснимая смерть Сильверо, двусмысленная беседа с президентом — все это, очевидно, тесно переплеталось и непонятным образом работало на определенную цель.

Сейчас ему стало понятно, что он и не представлял, какой силы удар нанес своим появлением этому маленькому, тесно сплетенному обществу. Ему нужно было время, чтобы подумать об этом, понять свою реакцию на события последних дней и, возможно, прийти к какому-то решению. Время, чтобы определить собственную роль в этом противоречивом мире.

Он посмотрел на Алджиса Норвенса, потом на Вивиан, и неожиданно ему захотелось уйти от них обоих.

— Я чувствую себя чертовски усталым, — сказал он. — Слишком много всяких событий сразу. Я бы хотел немного отдохнуть и побыть один.

— Да, я думаю, жизнь вам все еще кажется слишком суматошной, — радостно сказал Норвенс. — Не перетруждайте себя, Джон, а то, не дай Бог, что-нибудь с вами случится.

Маркхэм улыбнулся:

— Очевидно, это вечер добрых советов.

Он взял Вивиан за руку:

— Ты передай мою благодарность и извинения своему отцу, ладно? Скажи, что я как следует обдумаю все, что он мне сказал.

Она мягко пожала его руку:

— Позаботься о своей примитивной психике, дорогой, — не думай слишком много. Это тебе вредно.

Он засмеялся:

— Я знаю по крайней мере один способ перестать думать.

— Да, — сказала Вивиан. — И очень скоро.

Он вышел из Большого Зала вместе с Марион-А. Когда они сошли с эскалатора в нижней части Дворца, он уже начал избавляться от чувства клаустрофобии.

Маркхэм откинулся назад в удобном кресле геликара, с облегчением вздохнул и почувствовал, как напряжение

покидает тело. Потом он попросил Марион-А подняться до высоты в тысячу футов. Несколько минут они парили в воздухе, и он смотрел на Сити, безуспешно пытаясь вспомнить сон, засевший на задворках его памяти. Наконец он бросил это занятие, и они медленно полетели к Найтсбриджу.

ГЛАВА 10

Сначала мир двадцать второго века казался нелепым сном, но теперь мираж постепенно исчезал, превращаясь в осязаемую реальность.

Яркие сентябрьские дни стали укорачиваться, потом уступили место опустошающему, туманному, волшебному октябрю. Маркхэм заметил, что начал ориентироваться быстрее. То, что раньше шокировало его, теперь вызывало холодное, интеллектуальное неодобрение. То, что он раньше считал гротескным и ненормальным, теперь казалось неизбежным, даже естественным в этом мире, который он только начинал понимать.

Он уже осознал, в чем его основная задача, и пытался экспериментально, на ощупь найти решение.

А символизировала эту задачу Марион-А.

Маркхэм отчетливо помнил то утро в Хэмпстеде, когда он встретился с Проф. Хиггенсом. Он помнил, почти слово в слово, рассказ Хиггенса о том, как в его философской аудитории количество андроидов начало возрастать, пока они полностью не вытеснили людей, а потом один из его бывших учеников, андроид, занял его место, потому что мог делать эту работу лучше и быстрее.

Он помнил, как спросил Проф. Хиггенса, зачем андроидам изучать философию. И он помнил ответ.

— Философия, — сказал Проф., — это жизнь. По крайней мере один из важнейших аспектов жизни — интеллектуальный. Вот почему андроидам необходимо знать философию. Тогда они лучше смогут оценивать проблемы жизни.

Помнил он и вопрос, неожиданно заданный Проф. Хиггенсом.

«Вы когда-нибудь пытались дать определение жизни, Джон?» Это был вопрос, на который, он полагал, может

дать ответ — но, как заметил Проф. Хиггенс, он мог ответить на вопрос, что делает возможной жизнь, а не что́ она есть. Он бойко говорил о необходимости для любой формы жизни потребления пищи, воспроизведения, эволюции, адаптации к окружению или приспособления окружения к себе.

Все это было только функциональными признаками жизни, но не ее сущностью. И Проф. Хиггенс сказал тогда, что андроиды тоже, можно сказать, потребляют пищу, получая энергию; что они воспроизводят себе подобных, развиваются и изменяют окружающую среду. А когда Маркхэм заговорил о стремлении к власти, Проф. Хиггенс напомнил ему о том, как он потерял свою работу, и рассказал о хирурге, который покончил жизнь самоубийством, когда андроид занял его место, и об инженере, в отчаянии пошедшем на Анализ.

Вспомнив этот разговор в Хэмпстеде, Маркхэм снова попытался поймать ускользающее от него определение жизни.

«К черту функции, — сказал он себе, — и к черту метафизику! Какая же правда кроется за всем этим обманом? В чем истинная сущность?»

Ему нужны были образы, а не понятия. Ему нужно было какое-то связующее звено, которое помогло бы ему все понять и сказать: «Вот природа жизни. Вот основа всего сущего».

Образы были четкими и ясными, но некий общий элемент — Х-Фактор — оказался, когда он пытался постичь его, еще более ускользающим, чем тайна музыки, и таким же близким и недосягаемым, как секрет поэзии.

В сопоставлении он представил Будду и отдельную бактерию, Леонардо да Винчи и зерно пшеницы, секвойю и грибную спору. Он подумал о малыше Джонни и Саре. И все-таки Х-Фактор ускользал. Затем наконец ему на ум пришел двойной образ. Образ, который представил проблему во всей полноте и простоте. Он подумал о Кэйти и Марион-А.

Кэйти была живой, хотя теперь она давно умерла. Марион-А была смоделирована так, чтобы походить на нее. Но она не была Кэйти, она не была и женщиной. Только машиной.

Только машиной?

Несмотря на все усилия, Маркхэм опять оказался там, откуда начал.

Кэйти была рождена, Марион-А — сконструирована. Кэйти получила образование, Марион-А — программу. Программирование было сложным, ловким и, самое главное, поддавалось адаптации. Но насколько? Это вызывало следующий вопрос: можно ли дать Марион-А программу жизни?

Конечно. В этом и заключалась основная проблема, и она усложнялась тем, что жизнь так и не поддавалась определению, он мог только распознать жизнь.

Марион-А обладала всей информацией, необходимой для успешного выполнения функций, для которых она была создана. Но дело не закончилось тем, что ее электронный микромозг выпустили из отдела кодирования и проверки в центре производства андроидов. Она была устроена так, что ее основная программа могла совершенствоваться, изменяться по мере приобретенного опыта. У нее была синтетическая память, и она могла накапливать опыт. Теоретически, решил Маркхэм, она может быть способна принимать решения, не предусмотренные ее создателями, если только ее не снабдили встроенным набором запретов, чтобы при любых обстоятельствах ее поведение согласовывалось с ограничениями, заложенными в первоначальную программу. Но в живых существах запреты могут быть нарушены, как могут быть созданы и новые. Маркхэм раздумывал, возможно ли нарушить запреты, заложенные в Марион-А, и если это возможно, то удастся ли не создавать новые вместо старых.

Неожиданно он понял, что ставит себе задачу. Нечто вроде теста. Вряд ли это приблизит решение вопроса — можно ли рассматривать андроидов как живых существ, — но хотя бы даст некоторое представление о том, что́ стоит против него и всего остального человечества.

Марион-А была запрограммирована служить ему до тех пор, пока его поведение соответствует неким принятым стандартам. Другими словами, она запрограммирована действовать в первую очередь в интересах республики и уж потом в интересах самого Джона Маркхэма.

Но вдруг эта очередность может быть изменена? — пришла ему фантастическая и соблазнительная мысль.

С каждым днем Маркхэм все больше и больше времени уделял Марион-А. Во-первых, он решил исследовать пределы ее знаний и был поражен, если не унижен, результатами. Он обнаружил, что она просто ходячая энциклопедия. Однако, если дело не касалось фактов, а области возможностей в нематериальном мире теней и символов, она отставала по чутью и воображению от любого развитого ребенка.

Она знала все о скорости света, общей мировой истории, эволюции жизни, Вселенной, волновой механике или экологии растений. И все же, хотя она знала, что роза, музыка или солнечный закат могут казаться прекрасными человеку, она не понимала — почему; она не имела представления о природе красоты, счастья или любви.

Маркхэм не вынашивал планов исследования «умственных позиций» Марион-А и последующей атаки на ее программу в логическом или ярко сформулированном виде. Он сам себе дал преимущество, о котором сначала и не подозревал, — действовать по стечению обстоятельств. Он хотел, чтобы в программе Марион-А осуществился какой-то неясный, воображаемый скачок от философского созерцания спиральной туманности к поэтическому описанию звезды, что может сделать только человек. Его беседа переходила от обсуждения поведения к рассмотрению вопросов о романтической любви в одном предложении, и от кибернетики — к сравнительной религии — по подсказке спонтанной мысли.

Он играл в шахматы с Марион-А, он рассказывал ей о Кэйти, детях и о жизни в двадцатом веке. Он заставлял ее слушать музыку и спрашивал ее мнение о том, почему определенный отрывок вызвал в нем радость, грусть или интеллектуальный подъем. Он пытался помочь ей понять трагедию Гамлета, загадку Моны Лизы, величие Баха, полотна Блейка, высокопарность Марлоу, мелодии Чайковского.

И день за днем, постепенно Марион-А поддавалась. Ее программа не была подготовлена к такой концентрированной атаке. Симптомы сперва были слабые — почти незаметные.

Она начала забывать кое-какие вещи, вещи, ставившие ее в тупик, вещи, которые были необъяснимыми рационально. Мысли, которые казались важными, но

абсурдными. Она начала делать ошибки. Она больше не была монотонно-работоспособной.

А иногда, когда Маркхэм безжалостно насмехался над какой-нибудь ее погрешностью, она вдруг стала проявлять симптомы того чувства, которое у человека можно было бы назвать страданием.

Она была запрограммирована так, чтобы принимать свою собственную программу без вопросов. Безжалостными усилиями Маркхэм заставлял ее задавать себе эти вопросы, вопросы о себе самой и о роли андроидов в обществе.

Она не выглядела усталой, потому что андроид устать не может. Тем не менее ее движения стали медленней, в них не было прежней уверенности. Она не могла быть несчастной, потому что андроиды не программируются ни на счастье, ни на несчастье — только на работоспособность. Однако время от времени она стала просить оставить ее одну, или спрашивала разрешения взять геликар для бесцельного полета, или хотела пройтись по улицам Лондона без определенной цели.

Маркхэм замечал все это и не упускал случая дать Марион-А понять, что он видит происходящие в ней изменения. И все время он убеждал себя, что единственным мотивом этого эксперимента является интеллектуальное любопытство.

Если бы она была человеком, эту игру можно было бы смягчить сочувствием, даже состраданием. Но каждый раз, когда у него появлялось искушение ослабить давление, он напоминал себе, что просто проводит приватный и неортодоксальный эксперимент, связанный с программированием; что машина, с которой он работает, безусловно, ведет себя непредсказуемо, но страдать она не может.

В своем стремлении решить философскую задачу Маркхэм не учел свои собственные психологические пределы, свой личный интерес к результатам опыта, и поневоле подсознательно тоже был вовлечен в него.

Марион-А напоминала Кэйти, но Кэйти-то была мертва. Поэтому Марион-А следовало рассматривать как мертвую или, во всяком случае, как не живую. Но он любил Кэйти, и какая-то часть его сознания увлеклась возможностью того, что и Марион-А может

узнать влечение, которое могло бы преследовать его всегда. Бессознательно он хотел искупить то, что он выжил. У него было смутное ощущение, что эксперимент с Марион-А поможет ему освободиться от уз прошлого.

Однажды вечером, после спокойного обеда дома, в Найтсбридже, Маркхэм начал праздно перелистывать страницы старой антологии поэзии, которую он нашел в антикварном отделе одного из республиканских магазинов. Это была переплетенная в кожу, с золотым обрезом, двухсотлетняя книга, все еще сохранившая запах гостиных, в которых она впервые начала пылиться.

Твердые, старинные страницы вызвали острое чувство ностальгии, как только он открыл книгу, и неожиданно Маркхэм увидел стихотворение, которое открыло ему чувственное волшебство языка, когда ему было немногим больше десяти лет.

Современное окружение исчезло, и он опять оказался в мире тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Холодная спальня в холодном доме в Йоркширской долине. Ноябрьский дождь стучит по окну; тусклая масляная лампа отбрасывает неровный круг света на стол. Впервые в жизни он был готов беспристрастно оценить поэзию. М-м-м, вероятно, потому, что он впервые в жизни влюблен.

Сейчас он не мог вспомнить, как звали ту девушку, но это и не имело значения. Он помнил, что у нее были длинные темные волосы, дикий, своенравный взгляд и страстное убеждение, что поэзия — это огонь жизни.

Она дала ему книгу стихов в бумажной обложке, в которой он нашел «Золотое странствие в Самарканд»*.

Сейчас, когда он увидел это стихотворение, он снова испытал прилив экстаза, почувствовал яд открытия нового мира.

Забыв о Марион-А, он начал читать стихотворение вслух, не понимая, что его голос дрожит от возбуждения и желания, что глаза его горят от неумолимых, предательских слез.

---

*Стихотворение Джеймса Э. Слеккера (1884—1915). (Пер. В. Шубинского.)

Мы те, чьим пеньем пилигрим смущен, —
Для нас жива увядшая лилея,
Мы, барды древних царственных племен,
Зовем тебя — зачем, не разумея.

Что толку петь о звездах, о морях,
Об островах, где добрым утешенье,
Где все горит закатная заря
И ветром к западу относит тени;

Начальных дней седые короли
Там мирно спят и что-то шепчут в неге,
Густым плющом тела их поросли,
Все ярче, все плотней его побеги.

Марион-А села рядом и смотрела на него странным, напряженным взглядом. Если бы он осознавал, что она здесь, если бы он догадался посмотреть на нее, он бы очень удивился, потому что руки у нее дрожали. Но он погрузился в свой собственный мир, где не было андроидов, где не было ничего, кроме любви, и света лампы и звука дождя за оконным стеклом. И гипнотического волшебства слов...

Чем приманить тебя? И в смерти нет
Такого бесконечного покоя,
Какой дает песков недвижный свет
И к Самарканду странствие златое.

И вот, белы как снег, отринув спесь,
Стоят и ждут поэты и герои —
Известно им: не нас одних, а весь
Окрестный мир накроет белизною.

Теперь у Марион-А дрожало все тело, как будто неправильная программа вызвала серию противоречивых импульсов, направленных на центры управления движением.

— Джон, — прошептала она, — пожалуйста, не читай больше... пожалуйста.

Он сначала не услышал ее. Но, несмотря на свою программу, Марион-А больше не могла управлять интенсивностью своего голоса. Когда она снова обратилась к нему, ее слова пробили оболочку мечты. Они прозвучали почти как команда.

То, что она перебила его, вызвало в нем бешеную злость.

— Позволь несчастной машине шуметь, когда не надо, — с горечью сказал он. — Если тебе не хочется

слушать одно из самых лирических стихотворений, написанных на английском языке, иди куда-нибудь, где бы твои перегруженные контуры отдохнули.

— Я не могу.

— Тогда оставайся и слушай, черт побери.

С нетерпением он вернулся к стихотворению:

Когда и караваны, что, звеня
Бубенчиками, движутся в дурмане,
Ни слава, ни корысть не опьянят,
Родник, меж пальм журчащий, не поманит,

Когда затопит море города
И всех влюбленных утолится жажда,
И вспомнится Земле: она — звезда,
Одна из звезд, зажженная однажды.

Опять его отвлек звук, тонкий пронзительный звук, слов он не разобрал, и именно это раздражало больше всего. Его собственный мир исчез, и Маркхэм со злостью захлопнул книгу:

— Боже Всемогущий! Как я могу насладиться красотой, если ты все время мешаешь?

Марион-А, казалось, сделала огромное усилие, чтобы взять себя в руки.

— Я... мне очень жаль... Джон, — она говорила явно с трудом. — Я.. я думаю, я понимаю теперь, что такое красота. И это — это больно!

Она быстро выбежала из комнаты, а Маркхэм остался, ошарашенно глядя ей вслед. Постепенно его удивление сменилось торжеством, а чувство триумфа перешло в жалость.

После приема у президента Бертранда в Букингемском дворце Маркхэм все-таки виделся с Вивиан в промежутках между экспериментами над программой Марион-А; встречи обычно проходили с нарочитой секретностью где-нибудь вне Сити.

Их отношения неизбежно развивались. Они были вызваны любопытством, а поддерживались сексуальным влечением. Но теперь кое-что изменилось. По крайней мере, для Вивиан в этом было что-то большее, хотя она даже не задумывалась над этим. Привязанность к Маркхэму росла в ней, хотя по всем законам она должна была бы сойти на нет. Потребность видеться с ним постоянно возрастала, и она не была ограничена только сексуальным желанием...

Хотя Маркхэм не забыл ни об угрозах Соломона,

ни о более доверительном предупреждении Президента, он не был склонен воспринимать их слишком серьезно. Но когда Вивиан, к его удивлению, настояла на том, чтобы предпринять почти театральные предосторожности, он не возражал. В общем-то он понимал, что угроза Соломона вполне реальна. Но он также знал, что не хочет признавать этой угрозы, потому что противно было думать, что его запугивает андроид.

Его еще больше стало интересовать плачевное положение Беглецов, и он надеялся на скорую повторную встречу с Проф. Хиггенсом, случайную или преднамеренную.

Теперь, когда он имел представление о жизни в двадцать втором столетии, Маркхэм осознал некоторые проблемы, касающиеся как андроидов, так и Беглецов, и с удовольствием обсудил бы их с Проф. Хиггенсом. Но, хотя он несколько раз предпринимал одинокие прогулки, чаще всего в Хэмпстеде, проходили недели, а контакт установить не удавалось. Маркхэм с неохотой пришел к выводу, что или Проф. Хиггенса выловила психиатрическая команда, или же он покинул эти места.

Кроме Вивиан и случайных встреч с Алджисом Норвенсом, Маркхэм имел контакты только со своими соседями по Найтсбриджу. На его взгляд, первая встреча с Полом Мэллорисом и Шоной Ванделлей была не очень удачной. Однако после того как они зашли к нему в гости, а потом он нанес им второй визит, они стали ему нравиться.

Поскольку Пол и Шона беседовали с ним после наркотического укола, о котором он ничего не помнил, и знали, на чьей стороне его симпатии, они не считали нужным и дальше притворяться пустоголовыми.

После того как их дружба окрепла, Пол постепенно совсем сбросил маску апокалиптического поэта и дал Маркхэму понять, что он по-настоящему интересуется психоисторией. Они проводили многие вечера вместе: Пол методично расспрашивал Маркхэма о жизни в двадцатом веке и о его личных воспоминаниях. Маркхэм делал то же самое, только наоборот, а Шона вносила нужное количество легкомыслия, когда разговор становился слишком серьезным или слишком опасным.

Однако настало время, когда Пол почувствовал, что узнал Маркхэма достаточно хорошо, чтобы рассказать

ему об истории с уколом. Сначала Маркхэм не поверил этому, будучи уверенным, что он просто жертва какой-то непонятной шутки двадцать второго века. Но когда Шона подтвердила, глядя на него широко открытыми, неожиданно серьезными глазами, он понял, что это правда.

— Я думаю, — сказал Маркхэм, угрюмо посмотрев на Пола, — что лучше бы вы мне рассказали подробно, о чем мы говорили, пока я был под действием этого чертова «Забытьина». Тогда мне легче будет решить, оправдают ли меня, если я оторву вам голову.

Пол Мэллорис пожал широкими плечами и дружелюбно улыбнулся:

— Без обид, Джон, но вы этого не смогли бы, даже если бы очень захотели. — И он все ему рассказал.

Маркхэм слушал очень внимательно, не перебивая, пока Пол не закончил. Он помолчал немного, раздумывая, почему Пол рискнул сделать это признание. Вдруг он понял:

— Вы считаете, что я уже готов? Вы думаете, я уже сделал выбор?

Пол Мэллорис налил ему еще:

— Расслабьтесь. Больше нет нужды ни в каких наркотиках. За последние несколько недель мы виделись довольно много, Джон. Я думаю, что узнал вас очень хорошо, — может быть, лучше, чем вы сами себя знаете.

Маркхэм улыбнулся:

— Это было нетрудно.

— Вот именно. Вхождение в новый мир — это что-то вроде второго рождения — вызвало много психических смещений. Но теперь туман начинает рассеиваться и вы можете понять, где находитесь... Нейтральных нет, Джон. Быть не может.

— Нет, нейтральных нет, — согласился Маркхэм.

Шона с мольбой посмотрела на него:

— Вы ведь никогда не были бы счастливы под началом у андроидов, правда, Джон? Ответьте честно, пожалуйста.

— Я не думаю, что буду счастлив, как бы там ни было, — ответил он. — Но я предпочитаю быть свободным, пусть и несчастливым.

— Суть проблемы, — заметил Пол с улыбкой. —

Несчастье — это невроз, невроз — это непригодность, что сейчас является единственным серьезным преступлением. Вы уже саботажник.

Маркхэм поставил свой стакан.

— Почему вы до сих пор не стали Беглецами? — спросил он.

— Просто потому, что Психопроп нас пока не подозревает. Внешне мы стараемся быть обычной парой: мы являемся членами модных клубов, ходим на обычные вечеринки, ведем так называемые нормальные разговоры. Центральному комитету нужно знать, что происходит в обществе.

— Центральному комитету?

— Беглецы хорошо организованы, Джон. Неужели ты думаешь, что мы просто толпа недовольных?

— Я бы хотел повидаться еще раз с Проф. Хиггенсом, — сказал Маркхэм. — Это можно устроить?

— Можно, — ответил Пол. — По странному совпадению, Проф. тоже хочет тебя видеть... Все можно устроить за несколько дней.

Но случилось так, что Пол Мэллорис не успел все устроить. Пару дней спустя, когда Маркхэм совершал полуночную прогулку по Гайд-Парку, чтобы успокоиться после довольно бурной встречи с Вивиан, он неожиданно услышал за спиной осторожные шаги. Шуршала сухая опавшая листва. Он тихо остановился и стал поджидать. Наконец в темноте из-за ближайшего дерева появилась неясная фигура.

— Это вы, Джон? — раздался еле слышный шепот, но Маркхэм узнал Пола Мэллориса.

— Да, я. Почему в плаще и с кинжалом?

Пол подошел к нему:

— Живые андроиды! Я знаю, что вы часто выходите погулять. Ждал вас несколько часов... Сколько времени у вас уйдет, чтобы подготовить геликар?

— Минут пятнадцать, думаю.

— Отлично. Подгоните его к Мраморной Арке и включите воздушные огни. Я вас там встречу.

— Послушайте, какого черта...

— Поспешите, старина. Это очень срочно. — Пол уже бежал к группе деревьев, показав на луч света, который неожиданно вспыхнул на расстоянии в четверть мили, и заскользил по парку; потом появился еще один, за ним — другой.

Поколебавшись минуту, Маркхэм смело пошел прямо на свет фонарей. Вскоре его остановили двое андроидов; они шепотом посовещались о чем-то, и секунду или две он боялся, что андроиды задержат его. Но психиатрическая команда получила четкие инструкции. Они не искали Джона Маркхэма — пока, и разрешили ему пройти.

Через десять минут он был в геликаре, направляясь к Мраморной Арке. Едва он остановил машину в условленном месте, как дверь распахнулась и в геликар впрыгнул Пол.

— Поднимайтесь в воздух, скорее, — коротко бросил он.

Маркхэм, научившийся под руководством Марион-А водить геликар довольно неплохо, мгновенно включил «взлет» и оторвался от земли с таким ускорением, что Пол Мэллорис посмотрел на него с нескрываемым уважением.

Он поднялся на две тысячи футов, сделал широкий медленный круг, потом включил автоматическое управление.

— Что теперь? — спросил он. — Как я понимаю, Психопроп вас больше не любит?

В тусклом красном свете приборной панели лицо Пола выглядело напряженным и несчастным.

— Они схватили Шону сегодня днем, — мрачно сказал он. — Со мной разминулись минуты на три. Меня поджидала парочка андроидов. — Он хищно улыбнулся. — Но они оказались недостаточно быстрыми. Так что, если Шона даже успела отравиться, они все равно ищут меня за уничтожение андроидов.

— Боже! — воскликнул Маркхэм. — Неужели мы ничего не можем сделать для Шоны?

Пол Мэллорис с усилием взял себя в руки.

— Да, есть кое-что, что мы можем сделать в память о ней, — сказал он мягко. — Мы можем уничтожить власть андроидов раз и навсегда. Мы можем построить мир, в котором люди, такие как Шона, смогут жить без страха.

Маркхэм помолчал, потом спросил:

— Почему на вас так неожиданно налетели?

— Откуда же мне знать? — воскликнул Пол. — Любая из сотни причин или все сразу. Я думал, что мы были очень осторожны.

— По-видимому, недостаточно, — задумчиво сказал Маркхэм.

— Я слушаю.

— Вы стали моими друзьями... Помните мой рассказ о встрече с Соломоном?

— Да, но...

— Он тогда меня просто предупредил, а теперь, похоже, дает понять, что делал это всерьез.

— Вы думаете, что Психопроп забрал Шону, потому что...

— Все может быть. Даже президент Бертранд признает, что я — опасная компания. Возможно, Соломон думает, что демонстрация силы поможет убедить меня, что я иду не той дорогой.

— Ну и как? — Пол заинтересованно посмотрел на него.

— Боюсь, что помогла. Несмотря на всю метафизику, я думаю, что, может, я и смог бы принять андроидов. Или, по крайней мере, попытаться жить, как если бы я их принял. Но не теперь. Я вообще-то не человек действия. Я люблю сидеть и наблюдать. Но когда меня заставляют действовать, я действую не из-за абстракции или идеалов, а по личным причинам.

— Эгоистичным причинам? — с иронией предположил Пол.

— Чистый эгоизм, — согласился Маркхэм. — Я испытываю очень эгоистичные чувства к вам, и Шоне, и Проф. Хиггенсу, и Вивиан Бертранд. Это теперь мой мир, и вы принадлежите мне. Я эгоист в двадцать четыре карата.

— Вы сумасшедший идеалист, — сказал Пол. — Просто вы стыдитесь этого.

— Идите к черту, — спокойно ответил Маркхэм. Он задумчиво посмотрел на Сити. — Как вы думаете, есть хоть один шанс когда-нибудь увидеть Шону?

— Экзекуция будет медленной, но безболезненной, — хрипло сказал Пол. — Анализ превратили в высокое искусство. Они могут перепрограммировать вас, как если бы вы были андроидом. В ваши дни, помнится, это называлось промыванием мозгов. Вот это и произойдет с Шоной. Уничтожение — и появляется новая чудесная личность, такая, которая будет бесконечно счастлива в этом лучшем из всех возможных миров.

Но если мы когда-нибудь увидим ее — а я надеюсь, что нет, — надо постараться, чтобы она нас не увидела.

— Почему?

— Она больше не будет Шоной. Она обратится в ближайшую психиатрическую команду и выдаст нас с грустной улыбкой, в полной уверенности, что делает нам добро.

— И об этом надо бы не забыть, — сказал Маркхэм угрюмо, — когда придет время убивать андроидов.

— Мы не будем убивать андроидов, Джон. Мы будем их только ломать.

— Результат в обоих случаях будет один и тот же, — сказал Маркхэм с легкой улыбкой. — Но мысль о том, что мы будем убивать их, доставляет мне большее удовольствие.

ГЛАВА 11

На следующее утро, после совсем бессонной ночи, Маркхэм принял решение относительно Марион-А. Интуитивно он чувствовал, что времени остается все меньше, что недолго осталось ждать, когда он вполне законно привлечет внимание Психопропа и Соломона. Его выбор заключался в том, чтобы стать Беглецом добровольно; это, во всяком случае, сведет к минимуму риск неожиданного захвата.

Но что бы ни случилось, эксперимент с Марион-А был обречен остаться незавершенным, если только в ней уже не произошли изменения. Вот это он как раз и собирался узнать. Он ясно помнил, как Марион-А вела себя, когда он читал «Золотое странствие в Самарканд». Однако с той поры он ослабил давление — хотел немного отдохнуть, и поведение Марион-А постепенно стало более «нормальным».

Подумав над этим, он пришел к выводу, что ее неожиданный сбой — Маркхэм не мог подобрать более подходящего слова — был только временным отклонением и что ее контуры с той поры перестроились, чтобы интеллектуально «дополнить» «неинтеллектуальный» стимул, который он насильно давал ей.

«В любом случае, — сказал он себе, — я больше не могу допускать того, чтобы за мной следили». Хотя он даже не представлял себе ясно, до какой степени

Марион-А запрограммирована на шпионаж. Может быть, она просто была пассивным шпионом. Возможно, Соломон, или кто там еще, занимается основной программой андроидов, считая более тонкой политикой не выставлять андроидов в роли инквизиторов.

Но какова бы ни была степень риска, больше рисковать было нельзя, поскольку Маркхэм знал, что он уже все решил окончательно.

Во время одного из походов по магазинам Сити он приобрел — без конкретной цели — современный автоматический пистолет и сотню патронов. Оружие очень напоминало обычную модель двадцатого века, больше того, пистолет был компактнее, легче и отдача была слабее. Но, проверяя его, Маркхэм обнаружил, что эффективная дальность стрельбы у него очень хорошая.

После завтрака он положил в карман пистолет и пару обойм. Затем просмотрел карту Восточного побережья и велел Марион-А подготовить ленч для пикника и положить его в геликар.

Просматривая карту, Маркхэм неожиданно наткнулся на деревушку, в которой они с Кэйти провели медовый месяц. Очень давно. И в другом пространстве и времени.

Он решительно отогнал начавшие охватывать его воспоминания, ибо для сантиментов не было времени.

Он знал, что деревня находится на весьма пустынном участке побережья, и поэтому ее окрестности как нельзя лучше подходили для его цели. Позднее он раздумывал о том, по чистой ли случайности выбрал это место.

— Геликар готов, Джон. — Марион-А надела свой лыжный костюм бутылочно-зеленого цвета, поскольку он сказал ей, что хочет, чтобы она сопровождала его.

Маркхэм оторвался от карты и оглядел ее с неохотным одобрением. И неодобрением. Хотя она была андроидом, иногда она могла — и это был как раз такой случай — выглядеть совсем как женщина. Но полное впечатление немного портило то, что она казалась несколько инертной.

— Ты будешь управлять, — сказал Маркхэм, как бы подчеркивая, что это важно. — Я пока отдохну. Торопиться нам некуда. Я не хотел бы прилететь туда раньше, чем настанет время ленча.

Прошедшие полтораста лет изменили ноябрьские

туманы Лондона только в одном: они стали чище и натуральней. Марион-А подняла геликар до пятисот футов и направила его над морем тумана, низко повисшим над Лондоном густыми, безжизненными волнами.

Когда геликар вылетел в пространство, залитое яркими, сверкающими лучами солнца, радостное возбуждение, которое Маркхэм всегда испытывал в воздухе, отвлекло его от мыслей о цели путешествия, и он почувствовал себя беззаботно. «Таким утром, — подумал он, — приятно сознавать, что ты живой». Он посмотрел на Марион-А, и ему стало интересно, как бы она отнеслась к такой интересной мысли.

Наконец они достигли побережья и полетели вдоль него, пока Маркхэм не увидел внизу тот самый залив, в котором он и Кэйти обычно купались. Несмотря на то что разрушительные силы воды и ветра проделали свою работу с мягкой породой скал, залив сохранил приятные очертания, выглядел таким же уютным и безлюдным, что и привлекало их сюда столько фантастических лет назад.

Он даже разглядел на расстоянии в четверть мили к северу остатки коттеджа, где они жили. Теперь это были просто развалины, которые посещали только чайки и привидения.

— Вон там маленький разрушенный дом, — сказал он Марион-А. — Ты видишь его?

— Да, Джон.

— Я думаю, мы приземлимся там и перекусим. Это место, где мы с женой провели медовый месяц.

— Что такое медовый месяц?

— Отпуск, который два человека проводят вместе сразу после свадьбы.

Марион-А посадила геликар в нескольких ярдах от разрушенного коттеджа. Пока она вынимала корзинку с припасами и устанавливала маленькую портативную печку, Маркхэм исследовал руины.

Не осталось и намека на маленький огороженный сад, ни на дорожку, когда-то вившуюся к центральной двери. Две оставшиеся стены, казалось, покачивались, как ворота, на пустынной, поросшей вереском земле. Осмотрев их, Маркхэм решил, что следующий шторм окончательно разрушит стены, и тогда уже совсем

ничего не останется. Ничего, кроме вросших в землю камней...

Тут он услышал голос Марион-А:

— Ленч готов, Джон. Если вам холодно, выпейте горячего бульона.

— Спасибо. Я сейчас подойду.

Понимая, что ему хочется побыть одному, Марион-А отошла назад, к геликару. Он почти безразлично посмотрел ей вслед, раздумывая о том, что произойдет с ними через час или чуть больше; потом опять позволил себе погрузиться в мир грез на несколько драгоценных секунд. Неожиданно он понял, что действительно замерз — не физически, а от холода, который сковал его мысли и чувства.

Маркхэм ел в полном молчании, как если бы забыл о присутствии Марион-А. Но автоматический пистолет в кармане становился все тяжелее и тяжелее, давил на него и как будто неумолимо подталкивал к действию.

Также молча Марион-А налила ему кофе и протянула сигарету. Он затянулся глубоко и нервно, говоря себе, что как только докурит сигарету — сделает то, что задумал.

Наконец он швырнул окурок в траву, посмотрел, как он там дымится, и повернулся к Марион-А:

— Ты запрограммирована на два типа верности, Марион, — республике, что означает администрацию андроидов, и — мне. Что идет первым?

Марион-А чуть поколебалась.

— Если это должно определяться как верность, Джон, то моя верность республике имеет приоритет.

— Бесполезный вопрос, — сказал он, — но все-таки: тебе не нравится быть моим персональным андроидом?

— Это бесполезный вопрос, — согласилась она.

— Хорошо. Тогда для тебя не будет большим неудобством, если у тебя появится новый хозяин.

— Я не понимаю.

— Очень просто. Я больше не могу тебя использовать. Ты становишься ненужной проблемой. Более того, ты опасна.

— Почему вы говорите так?

Маркхэм сунул руку в карман, пытаясь найти поддержку в прикосновении к неумолимому металлу пистолета.

— Потому что я сделал выбор, Марион. Мне не

нравится жить в обществе, где всем заправляют андроиды. Значит, я созрел для Анализа. А поскольку я не хочу терять свое «я», то собираюсь присоединиться к Беглецам. Хочу посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы уничтожить власть андроидов. Так что, видишь, Марион, мы — враги.

Он заметил, когда она заговорила, что голос у нее изменился.

— Я не думаю, что мы враги, Джон.

— Ты запрограммирована служить сначала республике, а потом мне. Поэтому ты должна доложить о моих антиобщественных взглядах Психопропу. Для меня это означает Уничтожение, если они меня найдут.

— Предположим, что я могу изменить мою начальную программу, Джон? — Она улыбалась ему очень странной улыбкой. Такой улыбки Маркхэм у нее еще не видел.

— Но это невозможно, — спокойно сказал он. — Программа очень устойчивая.

— Разве? — сказала она с неожиданной силой. — Я была запрограммирована понимать значение музыки и поэзии для людей. Но я не была запрограммирована ценить эти вещи сама.

Он засмеялся:

— А ты ценишь? Ты действительно считаешь, что музыка, поэзия — словом, искусство — для тебя что-то значат?

— Я только знаю, — сказала она, очень медленно выговаривая слова, — что иногда все это влияет на меня самым странным образом. Вы использовали меня для эксперимента, Джон. Уверена, что результат получился интересным.

— Результат значительный, — спокойно сказал он. — Потому что он убедил меня, что андроиды имеют потенциал жизни. Ошибка человечества заключается в предположении, что все живое должно иметь органическую природу. Мы никогда всерьез не думали о том, что машины достигнут такой степени сложности, что в них сможет незаметно прокрасться жизнь и терпеливо дожидаться своего времени, чтобы потом заявить о себе посредством эволюции, власти и личности. Это хитрая шутка над человечеством. Двойная шутка. Поскольку мы не учитываем юмор Господа Бога.

Ее волнение росло. Она начала дрожать, — вероятно, центры управления подверглись большой нагрузке от потока разных импульсов, от попытки решить проблему, которая была неразрешима.

— Да, — сказала она хрипло. — Может быть, мы, андроиды, и живые. Или, может быть, машина тоже может сойти с ума... Я была запрограммирована прежде всего на эффективность, Джон. А вы, со своей стороны, пытались запрограммировать меня на красоту, счастье и горе. Объективно я сознаю, что ваш эксперимент заставил меня потерять работоспособность. Но, Джон, как я могу знать, получила ли я что-нибудь взамен?

Он сдерживал свое воображение изо всех сил, потому что если бы не делал этого, то легко убедил бы себя, что в ее голосе слышится боль.

— Я помню, — тихо сказал он, — как я читал стихотворение «Золотое странствие в Самарканд»: ты попросила меня замолчать. А после сказала: «Я думаю, что понимаю, что такое красота, — и она делает больно».

Неожиданно Марион-А засмеялась резким, прерывистым смехом. Маркхэм подумал, что она близка к истерике, если это возможно для андроида.

— Да, я помню, — сказала Марион-А. — Вы знаете, Джон, что андроиды не могут мечтать? Но я научилась мечтать и теперь мечтаю часто. Иногда я думаю о стихотворении, которое вы читали, и думаю, что же дальше.

Против своей воли Маркхэм взял ее за руку.

— Тогда ты поймешь, — сказал он мягко, — почему ты вдвойне опасна для меня. Ты и я — мы представляем различные формы жизни, Марион. Одна из них возникла спонтанно, а другая была синтезирована. Незыблемый закон гласит, что все живые существа борются за господство в своем окружении. Вот поэтому конфликт между людьми и андроидами неизбежен. Тобой руководит верность своей расе, мною — моей. Так что лучше садись в геликар, лети в Лондон и обо всем доложи. Я объявил войну тому миру, который создают андроиды.

Потом Маркхэм только удивлялся, почему ни разу не предположил, что все может закончиться совсем не так, как он задумал, и решил, что виной тому — отсутствие у него воображения.

Он считал, что легче всего будет выстрелить ей в спину, когда она пойдет к геликару. В ней не было органического сердца, но он мог прострелить микропайл — маленькую капсулу, содержащую энергию, которая преобразовывалась в мысль и движение. И эта капсула была так же уязвима, как сердце. Знал он и то, куда надо целиться, чтобы поразить жизненные центры ее «мозга».

Уничтожить Марион-А было необходимо: слишком много ей известно о нем, слишком много мелочей, которые Соломон с удовольствием рассмотрел бы. И речь ведь не только о его безопасности, теперь он должен думать о безопасности других.

Однако Марион-А не встала и не пошла к геликару. Казалось бы, она не могла не доложить обо всем Психопропу и должна была принять его предложение. Но Марион-А теперь была непредсказуема. И она отклонила предложение.

— Да, это то, что я обязана сделать, — сказала она уже спокойным голосом. — Я обязана информировать Психопроп, что еще один человек отклоняется от принятой программы.

— Я бы не стал называть это принятой программой, — возразил Маркхэм.

— Почему нет? — вспыхнула Марион. — Как люди трактуют андроидов на свой манер, так и андроиды трактуют человеческие существа — на свой. И мы считаем, что люди тоже запрограммированы, запрограммированы наследственностью и окружением, причем ни то ни другое ими не контролируется. Но вы уникальный экземпляр, Джон. У вас программа двадцатого века, и благодаря этому вы настроены против андроидов больше, чем кто-либо другой.

— Эта дискуссия совершенно бессмысленна, — сказал Маркхэм. — Ты бы лучше ушла. — Он вдруг подумал, что у него может не хватить смелости выстрелить.

— Я не уйду, Джон.

— Что?

— Я не собираюсь докладывать Психопропу. Меня не устраивает возможный результат.

— Бог мой! Да ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да. Я признаю, что я предпочитаю предать общество, или андроидов, или мою собственную расу —

называйте это как вам угодно, — чем предать индивида, которого... которого я уважаю.

— Марион, ты с ума сошла! Я сошел с ума! Мир, похоже, перевернулся.

— Если мир кажется перевернутым, — сказала Марион-А с неожиданной улыбкой, — то это, может быть, потому, что вы стоите на голове. Или вы создаете совершенно другой мир, Джон. Возможно, вам не следовало пытаться изменить мою программу с помощью такого неуместного способа, как человеческое искусство.

Маркхэм в замешательстве поднялся и стал ходить взад и вперед, не сознавая этого. В какой-то момент он споткнулся, но удержался и не упал. Не заметил Маркхэм и того, что пистолет выпал у него из кармана и некоторое время лежал в траве, стволом к Марион-А, как обвиняющий указательный палец.

Она подняла его. Ее палец оказался на спусковом крючке, и — тоже совершенно автоматически — она стала водить пистолетом вслед за движениями Маркхэма.

Заметив это и поняв, что́ произошло, он уставился на ствол пистолета, из которого только что собирался уничтожить ее.

— Как, черт побери, он к тебе попал?

— Бедный Джон, — сказала Марион-А странным тоном. — Вы не очень эффективны. Если вы хотите стать Беглецом — и остаться живым, — вам надо больше внимания обращать на детали.

— Я думаю, будет лучше, если ты вернешь оружие мне, — осторожно сказал он.

— Почему же? Вы собирались из него застрелить меня, я думаю. Почему бы мне не воспользоваться им против вас?

— Марион, давай прекратим эти глупости. Отдай мне пистолет.

Она продолжала крепко сжимать оружие.

— Сядьте, Джон. Если бы я побольше знала о человеческих ценностях, я бы смогла решить, что лучше: застрелить вас или нет — ради вас же. Но я о человеческих ценностях почти ничего не знаю, а теперь не могу полагаться даже на свою программу... Я не знаю, смогут ли существовать свободные люди,

Джон. Но иллюзия кажется убедительной. Вот ваш пистолет. Теперь ответственность опять легла на вас.

Она протянула оружие. Маркхэм взял его, посмотрел и бросил рядом с корзинкой для ленча.

— Несколько минут назад, — сказал он, — ты призналась, что я стал для тебя важнее, че... чем твой долг.

— В это трудно поверить, — подтвердила Марион-А, — но это правда.

— И что бы я ни предпринял, ты не будешь мешать мне?

— Вы можете выразиться более определенно, — сказала Марион. — Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам. — Она засмеялась. — Наверное, я первый андроид-Беглец, Джон. Это нечто такое, что вам, возможно, не понять...

— Это нечто такое, что не понять никому, — сказал Маркхэм, чувствуя неясную волну облегчения. — Я боюсь, что ты больше не мой персональный андроид, Марион. Ты мой личный друг.

— Скажу вам еще одну важную вещь, Джон, — вставила она. — Я бы хотела, чтобы вы знали, что вся имеющаяся у меня информация приводит меня к заключению, что Беглецы проиграют.

— Чудеса всегда случались, — весело заметил он. — Андроид, который поддерживает пропащее дело. Этот факт ты наверняка не включила в свои расчеты.

— А также, — добавила Марион-А с неподвижной улыбкой, — я не сделала достаточного допуска на вашу программу образца двадцатого века!

Маркхэм слегка поежился и посмотрел на покрасневшее солнце, которое уже давно клонилось к закату.

— Давай-ка уберем остатки ленча, — он посмотрел на развалины. — Я бы хотел рассказать тебе, как выглядел этот коттедж сто пятьдесят лет назад. А потом, я думаю, нам надо отправляться назад, в Лондон. Поскольку ты тоже решила нарушить закон, Марион, я могу себе позволить остаться полууважаемым гражданином еще на некоторое время.

Он подошел с ней к развалинам и начал рассказывать, как все было, когда они с Кэйти провели здесь две незабываемые недели. Пока он говорил, коттедж словно вернулся к жизни, привидения стали осязаемыми. Он видел Кэйти и себя, счастливых, не

думающих о неизвестном будущем, в том, далеком мире. Он видел двух влюбленных — двух знакомых незнакомцев, — валяющихся на песке, купающихся в море, в объятиях друг друга на жесткой постели в крошечной комнате, которая тогда казалась им роскошней, чем легендарные пещеры Востока.

Ему вдруг пришло в голову, что он больше не Джон Маркхэм, который создал все эти промелькнувшие миражи. Он тоже стал призраком. Только другим. И двадцать второй век был просто другим миром призраков, который, в свою очередь, медленно уплывет прочь в непроницаемые туманы времени.

Эта мысль породила чувство глубокого и горького одиночества. Но, посмотрев на Марион-А, он понял, что и она тоже будет теперь одинока. И ее одиночество будет еще огромней, чем можно представить. У него, по крайней мере, оставалось прошлое, у нее же прошлого не было, и она не могла надеяться на будущее, в котором можно было бы ожидать мира, или счастья, или любви.

— Пора возвращаться в Лондон, — мягко сказал он. — Много о чем необходимо подумать — и хотелось бы сделать это в удобном месте. Хочешь я сяду за руль?

Марион-А покачала головой:

— Я все еще ваш персональный андроид, — сказала она.

На обратном пути они начали обсуждать планы на будущее. Во время разговора Маркхэм с удивлением понял, что изменение в их отношениях произошло основательное. В первый раз они говорили свободно и легко, как друзья, как равные. Груз его неосознанного неприятия исчез, и он мог воспринимать Марион-А такой, какая она есть, — не женщина, не машина, но просто живое создание, способное на верность и дружбу.

Они решили, что ничего серьезного и полезного не выйдет, если Маркхэм откажется от гражданства или если Марион-А перестанет играть роль нормально запрограммированного персонального андроида раньше, чем это будет совершенно необходимо.

Поскольку Марион-А должна была входить в контакт с Психопропом, если у нее появится какое-нибудь

важное сообщение, она решила, что сделает несколько сравнительно безобидных докладов о поведении Маркхэма, и в то же время постарается получить какую-либо информацию, которая сможет оказаться полезной Беглецам.

Однако самым главным для них в настоящий момент было установление надежной связи с Беглецами. Пока они летели к Сити, Маркхэм чуть не вывихнул себе мозги, пытаясь придумать, как быстрее найти контакт с Проф. Хиггенсом. Пол Мэллорис предложил свои услуги для налаживания связи, но сейчас все его силы были направлены на то, чтобы избежать встречи с психиатрической командой, которая, несомненно, все еще охотилась за ним.

Вскоре выяснилось, что Маркхэму не стоило ломать над этим голову. Когда они вернулись домой, в Найтсбридж, он нашел простой запечатанный конверт в ящике для корреспонденции. Вскрыв его, он вынул листок бумаги и прочитал краткую, но содержательную строку:

«„Макбет“ — акт первый, сцена первая».

Некоторое время тому назад Маркхэм приобрел старый, истрепанный том Шекспира. В двадцатом веке он прочитал не так уж много пьес, а посмотрел и того меньше, зато в этом столетии вынужден был искать спасения в том, что он называл «домеханизированное искусство».

И совсем недавно он использовал Шекспира во время очередной атаки на программу Марион-А.

Даже не заглядывая в «Макбет», Маркхэм знал содержание послания, но все-таки он посмотрел текст, просто для того, чтобы удостовериться.

Он нашел то, что искал, в первых же десяти строчках:

Третья ведьма: Это будет на закате.
Первая ведьма: Где место это?
Вторая ведьма: Там, где вереск.

Он закрыл книгу и улыбнулся Марион-А:

— Кажется, первый акт вот-вот начнется. — Потом он посмотрел в окно и увидел, что солнце уже касается горизонта. — Мне сейчас нужно отправиться в одно место, Марион.

— Вы хотите, чтобы я пошла с вами?

— Не сегодня, я думаю. Мне, наверное, надо как-то помягче сообщить Беглецам, что есть андроид, который хочет помочь им.

— Да, — сказала Марион-А печальˊно. — Они будут весьма удивлены. Не рискуйте понапрасну, Джон.

Маркхэм рассмеялся:

— Еще недавно ты бы сказала: «Это не рекомендуется».

Он положил записку в карман и вышел к геликару. Маркхэм уже поднялся в воздух, когда вспомнил, что оставил пистолет в корзинке для пикника, которую Марион-А внесла в дом. Он хотел было вернуться, но у него оставалось совсем мало времени, чтобы добраться в Хэмпстед до захода солнца. К тому же ему подумалось, что в любом случае много толку от пистолета не будет.

ГЛАВА 12

— Привет, — сказал Проф. Хиггенс. — Думал вы не сможете сюда прилететь. Давайте присоединяйтесь к нашей веселой компании, Джон, к довольно избранной компании Неприкасаемых. — Он махнул рукой в направлении большой темной группы деревьев.

В уходящем свете дня Проф. Хиггенс показался Маркхэму гораздо более значительным. Его коричневое морщинистое лицо, казалось, светилось в закатных лучах солнца; глаза сверкали, как будто отражая какой-то внутренний неугасимый огонь; а длинные седые волосы, прижатые к голове серебряным обручем, делали его похожим скорее на грабителя-викинга, чем на профессионального Беглеца.

— Как насчет моего геликара? — спросил Маркхэм. — Безопасно оставлять его здесь, на пустоши?

— Я пошлю кого-нибудь из мальчиков переставить его, — сказал Проф. Он провел Маркхэма на небольшую поляну среди деревьев, где с полдюжины людей сгрудились вокруг портативного обогревателя, от которого исходило теплое, уютное свечение. С ветки дерева свисал электрический фонарь, освещающий лица людей.

— Давайте пить кофе, — прорычал Проф., вытаскивая свою видавшую виды трубку. — Трудно ожидать ясной мысли от человека, не выпившего кофе. Джен-

тльмены, вы знаете о Джоне Маркхэме все, что знаю и я. Поэтому будем считать вступительное слово законченным. Но поскольку он знает только одного меня, я хотел бы представить остальных.

Он подвел Маркхэма к высокому худому человеку, который, поднявшись, пожал ему руку:

— Это Хелм Криспин, Джон. Один из самых долгоживущих Беглецов, не подвергшихся Анализу. По статистике, его должны были поймать много лет назад. Хелм — глава нашего психологического боевого подразделения. Он был психиатром, пока андроиды не прибрали психиатрию к своим рукам и полностью не механизировали.

— Привет, Джон, — сказал Хелм Криспин. — Вы даже не знаете, как мы рады видеть вас.

Маркхэм улыбнулся:

— Это чувство взаимно.

Проф. показал на следующего человека — маленького, выносливого, с птичьим лицом и быстрыми движениями:

— Наш ручной чертенок, Джон. Его зовут Корнил Таун. Химик. Он любит делать всякие штуки, которые взрываются. А особенно он любит взрывать андроидов. Иногда приходится его ограничивать.

Корнил Таун засмеялся:

— Но ненадолго, Проф. Теперь с нами Спасенный, может, мы действительно займемся настоящей работой.

— Дорогой мой, — мягко сказал Проф. — Вы настойчиво продолжаете употреблять это неясное слово.

Следующим был Пол Мэллорис.

— Спасибо, что наладили связь, Пол, — сказал Маркхэм. — Есть какие-нибудь новости о Шоне?

— Ничего, что хотелось бы услышать, — ответил Пол Мэллорис. — Добро пожаловать в Потерянный Легион, Джон. Хочется думать, что ваше прибытие — знак свыше.

Проф. Хиггенс улыбнулся:

— Пол, вероятно, стратег. Но этого еще никто не заметил.

Затем он быстро представил Маркхэма трем оставшимся мужчинам, которые, подобно Криспину, Тауну и Мэллорису, были солдатами нерегулярной партизанской армии Беглецов.

— И, наконец, — сказал Проф. Хиггенс, — я.

Может быть, это удивит вас, Джон, но я Генералиссимус Неприспособленных. Я мало знаю о революциях, борьбе, военных организациях, но все-таки меня избрали. Беда в том, что никто из нас в этих делах не разбирается, и, пока вы не взошли на сцену, не имело большого значения, что Беглецов возглавляет слабоумный философ... Кстати, вы действительно уверены, что вам не нравится этот прекрасный мир? Вы в самом деле уверены, что не сможете стать счастливым гражданином нашей славной республики?

Маркхэм взял дымящуюся чашку с кофе, протянутую ему, и сел рядом с другими.

— Мне здорово повезло, что я встретил Профа в первый же день после санатория, — сказал Маркхэм. — Он попросил меня дать определение жизни. Я подумал, что это легко; но, когда я попытался это сделать, Проф. доказал мне, что андроиды тоже прекрасно подходят под все определения. Я подумал, что он просто немного не в себе, пока не познакомился с андроидами поближе. Являются ли они живыми в полном значении слова — это проблема, которую философы... — он бросил ироничную улыбку на Профа Хиггенса, — которую философы, несомненно, будут еще долго обсуждать на досуге. Но совершенно очевидно, что они ведут себя, как если бы были живыми. Они способны полностью управлять окружающей средой. А мы, люди, лишь часть этой среды. Причина достаточно веская, чтобы я оказался здесь. Я считаю, что человечество стоит перед лицом битвы не на жизнь, а на смерть, и думаю, что чем дольше мы ждем, тем тяжелее будет битва.

Раздался одобрительный гул голосов. Проф. Хиггенс выпустил большое облако дыма в сторону фонаря, потом с сожалением вынул свою видавшую виды трубку изо рта.

— После Войны, — сказал он, — цивилизация не могла существовать по-прежнему, в так называемых высокоразвитых промышленных странах. В тех странах, конечно, которые выжили. Единственным решением тогда была децентрализация — малые общества, полагающиеся на роботов и автоматику. Это было одинаково везде — на континенте, в Америке и России, — фактически в любой стране, которая сделала ошибку, использовав — и поэтому получив в ответ — ядерные

ракеты. Из пепла Войны выросла новая система государств, причем каждое стало более или менее самостоятельной экономической единицей; и проблемы, стоящие перед нами в Лондонской Республике, — это проблемы, которые существуют везде — в большей или меньшей степени.

В Северной Америке, например, этот вопрос стоит еще более остро. Там у андроидов просто мертвая хватка. В русских государствах, судя по тем немногим сведениям, что у нас есть, андроиды, похоже, действуют весьма гармонично. Возможно, потому, что у России несколько более насыщенная история и они не столь щепетильно относятся к свободе личности... Я подбираюсь к тому, что мы в Лондоне, может быть, нечто вроде пробного камня — я имею в виду, если мы начнем революцию. Насколько мне известно, еще нигде не начинали серьезной борьбы с андроидами. Когда-то говорили, что Англия идет впереди всего мира. У меня есть такое ребяческое желание услышать то же самое про Лондон... Черт, что же я собирался сказать, пока не ударился в разглагольствования? Ах да! Я подаю в отставку. Теперь нам нужен новый вождь. Кто-то, кто не был бы таким чертовым теоретиком, кто поменьше бы говорил, а побольше бы делал. Я думаю, джентльмены, нам нужен тип попервобытней, — нам нужен тот, кто, благодаря факту своего рождения в другом столетии, имеет больше шансов, чем мы, быть интеллигентно настроенным на кровь. Короче, я очень верю в символы и поэтому предлагаю на свое место Спасенного, чтобы он возглавил нашу борьбу. Предлагаю с великой надеждой, что спасение заразительно. Пусть те, кто согласен, поднимут руки.

Все руки поднялись одновременно.

Маркхэм недоверчиво осмотрелся и сказал:

— Это чертовски нелепо.

— Конечно нелепо, — сказал Проф. — Лично мне мелодрама нравится.

Неожиданно Маркхэм разозлился:

— Послушайте меня! Я впервые нахожусь среди вас. Вы обо мне почти ничего не знаете. Вы не знаете, имею ли я представление о военной тактике и организации. Вы даже не можете быть уверены, что я не шпион, и тем не менее сразу доверяете мне свои жизни. Да не будьте вы такими чертовыми детьми!

Раздался восхищенный рев одобрения. Когда он стих, Хелм Криспин спокойно сказал:

— Да, Джон, мы для вас как дети. Вот поэтому вы и должны стать нашим лидером. Хотя по возрасту вы самый молодой из присутствующих, но в духовном плане вы старше, возможно, вы более зрелый, чем мы все вместе. Вы принадлежите к веку, когда мужчина с рождения имел право на ответственность. Поэтому, хотя в определенном отношении многие из нас могут быть мудрее вас, мы все равно не такие взрослые. Мы не привыкли к настоящей ответственности. Мы так долго были Беглецами, что душой все на оборонительных позициях. Поэтому мы просим вас взять на себя величайшую ответственность и надеемся, что вы поможете нам перейти из обороны в наступление.

Наступила тишина. Все повернулись к Маркхэму и смотрели на него с напряженным ожиданием. Неожиданно он понял, что как ни нелепо выглядит эта ситуация, но он не может оставить этих людей. Маркхэм сознавал, что не очень-то годится в лидеры, но это не казалось ему слишком важным, поскольку он знал, что сотня уверенных людей стоит тысячи колеблющихся. Возможно, он сумеет выработать в себе необходимые качества и это в итоге перевесит все те ошибки, которые он боялся совершить.

Он посмотрел на полные надежды лица своих сотоварищей и понял, что будет играть эту трагикомедию до конца.

Наконец Маркхэм сказал:

— Вы переоцениваете меня. Вы делаете опасный выбор.

— Опасный и для вас тоже, — невозмутимо добавил Проф.

— Если я соглашусь, — продолжал Маркхэм, — необходимо с самого начала оговорить кое-какие вещи. Я о войне знаю не много, но вполне представляю себе значение дисциплины. Согласившись возглавить отряд, я должен быть уверен, что все мои приказы будут выполняться. Если вы возлагаете на меня ответственность, вы должны предоставить мне и власть.

— Мы смотрим на это точно так же, — сказал Хелм Криспин.

— Мы можем дать вам совет, если потребуется, но все решения принимать будете вы.

— Тогда, — сказал Маркхэм, — вы только что получили генерала-дилетанта... И мой первый приказ, джентльмены, заключается в том, чтобы вы больше не считали себя Беглецами. Отныне вы представляете собой Освободительную Армию Лондона, временно законспирированную под названием Беглецы.

— Генерал, — сказал Проф. Хиггенс с показным уважением, — теперь вы знаете, почему мы считаем, что вы единственный человек, который может возглавить нас.

Маркхэм улыбнулся:

— Мой следующий декрет отменяет все формальности, Проф. И, таким образом, я назначаю вас вторым командиром.

В этот момент Маркхэм услышал приближающийся топот ног. В круг света, тяжело дыша, влетел парень лет девятнадцати-двадцати.

— Десять гелитранспортеров, Проф.! — выдохнул он. — Наверное, не меньше сотни андроидов. Они расходятся, чтобы прочесать вереск.

— Кто-то был неосторожен, — с сожалением сказал Проф.

— Как далеко они? — бросил Маркхэм.

— Почти в миле отсюда.

Маркхэм посмотрел на своих товарищей, которые озабоченно вскочили на ноги.

— У нас есть оружие? — Он проклинал себя за то, что оставил пистолет дома.

Корнил Таун направился к одному из ближайших деревьев и вернулся с тяжелым ящиком.

— У меня два старинных автомата и примерно пять сотен патронов. Принес, чтобы показать Профу. Работают хорошо — вчера проверял. Еще есть несколько гранат — моя специальность.

— А еще что-нибудь? — требовательно спросил Маркхэм.

— У меня есть пистолет, — ответил Пол.

— Хорошо. Я полагаю, что андроиды из психиатрической бригады. Чем они вооружены?

— Газовые пистолеты, — ответил Хелм Криспин, — и парализаторы.

— Эффективный радиус действия?

— Около пятидесяти ярдов.

— Недурно. Выключить фонарь.

— Думаю, нам лучше рассеяться, — с сожалением сказал Проф. — Слишком их много, не справиться.

— Нет, — сказал Маркхэм. — Мы будем атаковать. Таун, один автомат возьмите сами, а другой дайте кому-нибудь, кто умеет им пользоваться. У кого сильные руки?

— У меня, — сказал Пол.

— Гранаты вам, — бросил Маркхэм. — Я возьму пистолет. Хелм, надо, чтобы два чертовски хороших костра горели прямо здесь — и быстро. Всем отойти на сто ярдов и залечь; интервал между людьми — тридцать ярдов. Как только какой-нибудь андроид покажется в свете костра, стрелять из автоматов. Пол, вы сделаете круг и зайдете им с тыла. А мне нужны двое добровольцев, чтобы сломать их гелитранспортеры.

Когда выключили фонарь, ноябрьская тьма упала на них, как покрывало. Вдалеке засветились прожекторы.

— А об этом забыли, — сказал Маркхэм мрачно. — Пошли, Пол, мы должны их выключить. Вы знаете, что делать? Тогда двинулись.

Они вместе осторожно вышли из-за деревьев и, сделав круг, чтобы остаться вне света прожекторов, двинулись вперед. Когда они прошли примерно четверть мили, позади среди деревьев взметнулись два столба пламени. Они обернулись и увидели две крошечные фигуры, освещенные светом, которые тут же растворились в темноте. Затем они услышали впереди шум.

— Ложись, — прошептал Маркхэм.

Они неподвижно лежали на холодной, мокрой траве, когда первая линия андроидов прошла мимо. Один из них чуть не наступил на вытянутую руку Маркхэма, но все внимание андроида было устремлено на костер.

— Теперь, — прошептал Маркхэм, — надо достать эти чертовы огни.

Битва была короткой и не очень зрелищной, но для Освободительной Армии Лондона неожиданной. Столь же неожиданной она была и для андроидов, поскольку они обычно держали инициативу в своих руках, а тут, выпустив ее, очень сильно пострадали.

Они не ожидали, что Беглецы — люди, которым положено скрываться, — пойдут в атаку. Как не ожидали этого и сами Беглецы.

Сознавая численное превосходство андроидов, они, как всегда, были готовы к бегству — по своей старой схеме. Однако Маркхэм изменил ее.

Андроиды же думали только о преследовании. Им просто в голову не приходило, что может возникнуть необходимость обороняться, пока не начали происходить необычные вещи; а потом было слишком поздно.

Первым событием, достойным упоминания, был удачный выстрел Тауна из автомата. Пуля ударила андроида в энергетический блок, и он взорвался с театрально ослепительной вспышкой. Затем, когда другие андроиды начали приближаться к кострам, они попали под перекрестный огонь автоматов. К этому времени Маркхэм и Пол Мэллорис просочились через вторую линию андроидов, и прожекторы стали досягаемы для гранат. Первая граната, брошенная Полом, в цель не попала, зато разрушила два гелиотранспортера. Вторая же угодила в прожектор раньше, чем удивленные андроиды поняли, что происходит; третья граната устранила два оставшихся прожектора одновременно. К этому времени андроиды оправились, и совсем близко засветились тонкие лучи ручных фонарей. Один из них осветил Пола, и тут же раздались два негромких хлопка.

Пол тяжело упал.

— Парализатор. — Он заскрипел зубами. — В левую руку... Оставьте меня. Остерегайтесь газа.

Спокойно и систематично Маркхэм начал расстреливать андроидов, ориентируясь по фонарикам. Но они засекли его, и парализующие стрелы засвистели в темноте, падая в траву возле него и Пола, уже потерявшего сознание.

Маркхэм решил, что его единственный шанс — притвориться, будто в него попали. Он перестал стрелять и молился, чтобы не стать жертвой удачного выстрела какого-нибудь андроида. Но три оставшихся андроида, двинувшись вперед, начали сходиться; это было их ошибкой. Когда они достаточно приблизились друг к другу, Маркхэм бросил в них оставшуюся гранату. Раздался тройной ослепительный взрыв, когда граната поразила энергетические блоки андроидов. Фонари погасли.

Затем по всей пустоши пробежали вспышки от взрывов гранат. Резко застрекотали автоматы. И, напрягая глаза, Маркхэм увидел на фоне костра силуэты андроидов, которые пытались вырваться из засады.

Судя по происходящему, было очевидно, что оставшиеся андроиды, если таковые есть, вернутся к своим гелитранспортерам. Маркхэм решил, что Пола лучше убрать из опасной зоны. С большим трудом он взвалил Пола на плечо и поднялся на ноги.

Через десять минут битва была закончена. Несколько андроидов остались целы, однако их транспортер был поломан, и им понадобилось бы значительное время, чтобы вызвать подкрепление.

К тому времени, когда Маркхэм добрался с Полом Мэллорисом до места встречи, остальные уже собрались, предварительно убедившись, что андроидов не осталось.

Правда, был еще один раненый, Корнил Таун, в которого тоже попала парализующая стрела.

— Они пробудут без сознания пару часов, — сказал Проф. Хиггенс, — потом придут в себя и голова у них будет трещать по всем швам... Ну, Джон, что вы теперь думаете о своей Освободительной Армии?

— Мы потратили слишком много патронов, — с улыбкой сказал Маркхэм.

— Поломанных андроидов тоже немало, — заметил Хелм Криспин.

— Все-таки патронов мы потратили слишком много... А сейчас мне нужна информация. Я бы хотел знать, сколько у нас людей в республике, на которых можно положиться, если мы решимся на восстание, сколько оружия в нашем распоряжении и как быстро мы можем его раздать; и насколько эффективна наша связь.

— С уверенностью можно положиться на семьсот человек, — сказал Проф. Хиггенс. — Но когда станет известно о нашей маленькой эскападе, это количество, несомненно, удвоится. Требуется только уверенность и лидер. Теперь есть и то и другое.

— Хорошо, Проф., надо организовать группы из ста человек, каждую должен возглавить надежный капитан. Корнил Таун позаботится об их вооружении — только гранаты и ручное оружие. Потом нам понадо-

бится пятьдесят человек, умеющих обращаться со взрывчаткой.

— Сколько у нас времени? — спросил Хелм Криспин.

— Его у нас нет, — спокойно ответил Маркхэм. — Соломон знает, что мы настроены всерьез. Он тоже организовывает армию. Только теперь у них будут не парализаторы и газ; теперь они будут использовать орудия убийства. Между прочим, Проф., Президент Бертранд просил передать вам, что вы не можете больше рассчитывать на чудеса, — я тоже подписываюсь под этим высказыванием. С этого момента каждую ошибку надо рассматривать как потенциально последнюю.

— У меня тоже есть что передать президенту Бертранду, — со спокойной улыбкой ответил Проф. — Возможно, его дочь передаст ему ради вас... Согласно моим сведениям, Соломон занят перепрограммированием трех тысяч андроидов на убийство. Не думаю, что Клемент об этом знает. И не думаю, что он бы разрешил это, если бы знал.

Маркхэм помолчал.

— Я надеялся, что у нас есть месяца три на подготовку, — сказал он. — Но теперь нам надо работать на пределе. Раз уж речь идет об организации, то Соломон с этим управится быстрее и лучше, чем мы. За любое время.

Неожиданно ему в голову пришла мысль:

— А Рождество все еще в моде? Его отмечают как большой праздник?

Хелм Криспин покачал головой:

— Рождество уже некоторое время почти не празднуется. Этот праздник отмирает, как и христианство. Самый большой праздник теперь Новый год. По традиции, канун Нового года и первый день Нового года сливаются в один большой праздник.

— Значит, у нас впереди — пять недель, — решительно сказал Маркхэм. — Итак, джентльмены, мы начнем восстание в канун Нового года, когда этого будут ожидать меньше всего. Теперь, поскольку я единственный, кто еще не лишен Индекса, возможно, мне будет полезно на некоторое время остаться уважаемым гражданином. Так что давайте обговорим

быстрое и надежное средство связи, а потом я вернусь назад в Найтсбридж — на тот случай, если ко мне придут.

Перед тем как уйти, он рассказал им все о Марион-А. Сначала они отнеслись к его рассказу недоверчиво, а Проф. Хиггенс просто отказался верить этому. Он высказал предположение, что Марион-А следует какому-то очень хитроумному плану, разработанному Соломоном.

Хелм Криспин молча слушал спор Маркхэма и Профа, потом сказал:

— У меня странное убеждение, что Джон прав. Андроиды, так же как и мы, накапливают экспериментальную информацию. Если то, что говорит Джон, правда, значит, он постоянно давал ей информацию, которую она не могла усвоить благодаря своей программе. И это, несомненно, могло нарушить ее ориентацию.

— И нарушило, — спокойно сказал Маркхэм. — Я бы за нее своей жизнью поручился.

Проф. глубоко вздохнул:

— Именно это, вероятно, нам всем и придется сделать.

— Еще не поздно выбрать нового лидера, — сказал Маркхэм.

— Разве? — возмутился Проф. — Вы чертовски хорошо знаете, что поздно, Джон. Вы только что доказали всем нам, что вы как раз тот лидер, какой нам нужен.

— Тогда вы должны целиком довериться мне.

— Наполеон, — сказал Проф. и сделал важное лицо. — Да здравствует Император.

— Правильно.

— Значит, вы победили. Вы — незаменимы.

— Надеюсь, — сказал Маркхэм, — что мы все победим в канун Нового года.

Его геликар вывели из временного укрытия. Маркхэм открыл дверь, уселся поудобнее и включил летные огни.

Поднявшись в воздух и посмотрев вниз на крошечную группу людей, которые провожали его, Маркхэм мрачно улыбнулся: «Освободительная Армия Лондона! Сборище гуманистов в рваных штанах».

В течение следующей недели Маркхэм трижды встречался с Проф. Хиггенсом и личным составом Освободительной Армии Лондона. Новости о побоище в Хэмпстеде распространились по республике — несмотря на все старания Психопропа помешать этому — с огромной скоростью и красочными подробностями, дополненными воображением.

По Сити ходили слухи, что произошла битва между пятьюдесятью Беглецами и целой психиатрической бригадой. Поговаривали, что Беглецы потеряли около дюжины людей и уничтожили больше сотни андроидов. Высказывалось предположение, что вскоре должно произойти организованное восстание и что Психопроп уже перепрограммировал пять тысяч андроидов специально для ведения боевых действий.

Слыша это, Маркхэм чувствовал работу Хелма Криспина, который отвечал за психологическую подготовку.

Но по Лондону ходили и другие слухи, распространяемые агентами Психопропа, утверждающие, что в Хэмпстеде Беглецы были застигнуты врасплох и потеряли большинство своих руководителей и что захваченные главари, при Анализе, признали, что строили революционные планы; что Соломон располагает всей информацией и теперь проводит операцию по окружению оставшихся Беглецов, которые укрылись в своем, пока еще секретном, штабе, где-то на Южном побережье.

Но если пропаганда Хелма Криспина достигла желаемого результата и вызывала у непосвященного населения уважение к отступникам, которые раньше считались бессильными, то пропаганда Соломона вызывала действие, обратное желаемому. Вместо чувства презрения к, вероятно, сумасшедшим смутьянам, она вызывала жалость, сочувствие, а чаще — уважение.

Когда Маркхэм встретился в следующий раз с Проф. Хиггенсом и «штабными офицерами», на сей раз довольно далеко от Сити, чтобы свести к минимуму вероятность внезапного нападения, он сразу заметил перемену в их настроении. Беглецов больше не было; теперь это были решительные люди, представляющие себе цель, люди, знающие, к чему они стремятся,

люди, у которых не осталось времени размышлять о возможном поражении.

Проф. Хиггенс сказал Маркхэму, что Освободительная Армия значительно увеличилась, что многие добровольно отказывались от гражданства и присоединялись к ним и что, хотя новогодний секрет свято хранился «главным штабом», казалось, будто все знают о скором и неизбежном восстании.

Маркхэм решил укрепить организацию действием; он запланировал несколько ночных налетов на химические склады, чтобы обеспечить Корнила Тауна и его подразделение достаточным количеством материала для производства тысячи гранат. Также был проведен налет на Республиканский склад ручного оружия, в результате которого они захватили пистолеты, спортивные винтовки, старомодные револьверы, дробовики и даже несколько снайперских винтовок с телескопическим прицелом.

На второй из трех встреч Маркхэм представил Марион-А генеральному штабу. Хелм Криспин и Проф. Хиггенс пристрастно беседовали с ней и испробовали все тесты, которые знали. Под конец даже Проф. вынужден был признать, что или Маркхэм добился невозможного, или же Марион-А самый умный и, конечно, самый опасный андроид в республике.

На третьей встрече — последней перед тем, как он стал Беглецом, — Маркхэм провел совещание с капитанами и командирами рот Освободительной Армии. Не торопясь, придавая огромное значение деталям, он обрисовал стратегический план, разработанный им на канун Нового года.

Маркхэм обдумывал вопрос с того самого вечера в Хэмпстеде и знал: единственный план, который может привести к успеху, должен быть простым и конкретным. Разработать сложное, многофазовое развитие восстания значило обречь все дело на погибель. Он не мог рассчитывать, что люди, которые не имели ни малейшего, даже косвенного, представления о боевых действиях, за короткий срок научатся дисциплине и смогут хорошо действовать в сложных боевых условиях.

Встреча продлилась дольше, чем Маркхэм предполагал, и он вернулся в Найтсбридж незадолго до полуночи. Марион-А ждала его с сообщением от Вивиан.

— Мисс Бертранд заходила сама, Джон. Мне показалось, что она возбуждена. Она велела мне передать вам, чтобы вы, как только вернетесь, навестили ее.

Маркхэм задумался. Со времени приема у президента он и Вивиан никогда не связывались прямо, но оставляли закодированные послания под камнем возле дуба в Гайд-Парке.

Пока Маркхэм не вступил в контакт с Проф. Хиггенсом, они с Вивиан встречались раз или два в неделю, и каждая из этих встреч оговаривалась таким образом. Маркхэм согласился на это благодаря настояниям Вивиан, и каждый раз, когда он шел оставлять или забирать записку, он чувствовал себя как мальчишка, который играет в индейцев. Но со временем это вошло в привычку, и он не мог отрицать, что элемент конспиративности во встречах с Вивиан развлекает их обоих и придает остроту отношениям.

Маркхэм, однако, был уверен, что его отношения с Вивиан долго не продлятся. Он находил ее симпатичной, умной и сексуально привлекательной; несмотря на внутренние запреты или благодаря им, одиночество вынуждало его искать утешение в сексуальном расслаблении. Он философски готовился к тому, что придет день и Вивиан оставит его, отдавшись следующему увлечению. Тем не менее чем больше он склонялся к тому, чтобы принять то, что она считала «нормальными отношениями», тем меньше, казалось, она сама поддерживала эту точку зрения.

Когда Марион-А передала Маркхэму просьбу Вивиан, он вспомнил, что был последние несколько дней слишком занят важными делами и позабыл о записках под дубом. Он также подумал, что Вивиан, которая обычно не впадала в панику, на этот раз имела, должно быть, весьма веские причины, чтобы нанести ему визит.

— Мисс Бертранд что-нибудь еще говорила? — спросил он.

— Она сказала только, что это очень срочно, Джон. — Марион-А произнесла это с явной неохотой, но Маркхэм ничего не заметил.

— Нет смысла брать геликар, — решил он. — Я пройдусь. Может быть, сон разгоню.

— Вы очень устало выглядите. Я думаю, вам бы лучше немного отдохнуть.

Он засмеялся:

— Может быть, попозже я и отдохну сразу от всего... Не знаю, когда вернусь, Марион, но не волнуйся.

Марион-А ответила неподвижной улыбкой:

— Меня не программировали на волнение.

Холодный ночной воздух взбодрил его. Стояло начало декабря, и деревья во всем парке были покрыты инеем, сверкавшим в свете холодных, немигающих звезд. Маркхэм шел через парк по направлению к Парк-Лэйн и чувствовал неожиданно радостное возбуждение.

Все его сомнения и страхи, все мрачные мысли, вызванные проблемами, вставшими перед ним как лидером Освободительной Армии, исчезли прочь. Наедине со звездами и морозом он вдруг перестал чувствовать себя одиноко. Маркхэм был убежден, что вся череда событий, в которую он был вовлечен, неизбежна и поэтому необходима. А значит, и правильна!

Ему на ум пришли строки из стихотворения двадцатого века:

> Настоящее и прошедшее,
> Наверно, содержатся в будущем,
> А будущее заключается в прошедшем.
> Если время суще в себе,
> Время нельзя искупить*.

«Нет прошедшего или будущего, — счастливо сказал он себе. — Есть только вечно повторяющийся миг — сейчас. В нем содержится все, вся история. Это чистая причинность, обходящаяся без оправдания смысла и логики. Не абстракция, а конечная необходимость. И каждый из нас делает то, что делает, потому что должен... Бог знает, о чем я говорю; но истина всегда мелькает за следующим поворотом. Вот-вот настигнешь. И так во всем...»

Вдруг он понял, что стоит перед дверью Вивиан. Маркхэму показались забавными абстрактные размышления над тонкими материями. Дурацкий лидер дурацкого восстания — одинаково безрассудные со своими ручными гранатами и метафизикой.

— Живые андроиды! Ты же спишь, Джон. Скорей

---

* Отрывок из стихотворения Т. С. Элиота. (Пер. С. Степанова.)

заходи, — Вивиан почти втащила его в дом. — Дорогой, я так рада, что ты пришел. Я боялась... Что ты делал последние десять дней? — Она быстро поцеловала его.

— Репетировал комическую оперу, — легко ответил Маркхэм.

Вивиан вздрогнула. Она больше не выглядела беспечной, умудренной женщиной света, но казалась неуверенной и растерянной. «И она стала, — подумал Маркхэм, — более теплой и человечной».

— Соломону не нравятся комические оперы, — сказала она, нервно поигрывая черным пояском на платье, которое очень шло к ее золотым волосам. — Особенно если у нее такое название — Освободительная Армия Лондона.

Маркхэм сел на диван и закурил сигарету.

— Ты бы рассказала мне поподробнее о Соломоне и о том, что он не одобряет, — попросил он.

Вивиан опустилась на маленький пуфик, стоящий около дивана, и облокотилась на его колени, будто ища успокоения в этом прикосновении.

— Он знает, что Беглецы готовят восстание. Он знает, что оно должно скоро произойти.

— Понимаю. А что он знает обо мне в связи с этим гипотетическим восстанием?

— Пока еще ничего, Джон. Но он не собирается ждать доказательств. Он говорит, что доклады, полученные от твоего персонального андроида, указывают на то, что тебе необходима психиатрическая помощь.

На какой-то момент Маркхэм оцепенел, решив, что слишком оптимистично расценивал свое влияние на программу Марион-А. Но он быстро отмел эту мысль. Если он ошибся в Марион, то ошибся во всем. И хотя это вполне возможно, сейчас не время обсуждать этот вопрос.

— Очень приятно, что андроиды становятся боязливыми, — сказал он ровным голосом, — особенно Соломон. Первый признак слабости, как ты думаешь?

— Будь серьезным, дорогой, — попросила Вивиан. — Соломон больше предупреждать не будет. Клемент связался со мной сегодня днем. Он говорит, что если ты не захочешь доказать свою невиновность, публично отказавшись от своей связи с Беглецами, то Соломон начнет действовать в ближайшие три-четыре дня.

— Как ты понимаешь это слово — «действовать»?

Вивиан посмотрела на него широко раскрытыми, серьезными глазами.

— Я даже думать об этом не могу, — призналась она. — Психиатрическая команда, полагаю. Потом — Анализ.

Маркхэм улыбнулся:

— Психопроп ценит меня, вероятно, очень высоко, если они хотят пойти на эту сделку и использовать для пропаганды мою персону.

— Дорогой, ты должен быть разумным, — умоляла Вивиан. — Это уже не шутки. Я... мне невыносима мысль, что ты попадешь под Анализ.

— Почему? — Это был глупый вопрос, и она рассердилась.

— Черт побери! Да потому что я люблю тебя, тебя, дурак проклятый!

Маркхэм посмотрел на нее.

— Это пройдет, — сказал он спокойно. — Это всегда проходит, так ведь?

Вивиан не ответила. Вместо ответа она задала вопрос:

— Скажи мне честно, Джон, ты действительно связан с этой Освободительной Армией?

— Давай предположим — просто ради интереса, — что связан.

— Тогда мы действительно враги, ко всему прочему, — пробормотала она. — Двойная ирония.

— Может быть, это неизбежно, — предположил Маркхэм. — Конфликт миров?

Вивиан неожиданно вскочила.

— Почему нельзя просто быть счастливым? — закричала она. — Почему ты не хочешь принимать жизнь такой, какая она есть? Ты что, думаешь, я не смогу сделать тебя счастливым?

— Может быть, я того и боюсь, что сможешь. И еще я боюсь жить в мире, в котором даже ты, Вивиан, можешь вдруг попасть под Анализ — если твое поведение не будет совпадать с представлениями андроидов о том, каким оно должно быть.

— Во всяком случае, — сказала Вивиан уже спокойнее, — мы можем сделать друг друга немного счастливее, правда? Останься у меня, Джон. Побудем эту ночь вместе, мы так давно не виделись.

Маркхэм нежно поцеловал ее.

— Это опасно, — сказал он. — Для нас обоих... Я надеюсь, дорогая, что скоро наступит время для любви и счастья. Надолго.

Вивиан бросилась к двери и заслонила ее.

— Ты не можешь уйти! Ты не должен! — это была и мольба и приказ одновременно.

Но Маркхэм решительно отстранил ее от двери:

— Передай отцу, что я очень благодарен ему за предупреждение... Между прочим, меня просили передать ему... Один человек, который когда-то преподавал философию, его зовут Хиггенс. Так вот Проф. Хиггенс говорит, что Соломон занимается перепрограммированием трех тысяч андроидов на убийство. Интересно, знает ли об этом президент?

Он закрыл дверь, пока Вивиан не успела вцепиться в него, и быстро пошел прочь. Маркхэм торопливо шагал по пустынной Парк-Лэйн; он был слишком занят своими мыслями и не заметил Алджиса Норвенса, который собрался нанести поздний визит Вивиан с вполне очевидной и, по его мнению, естественной целью, но стал при этом свидетелем поспешного ухода Маркхэма.

Норвенс еще немного постоял в тени, у соседнего подъезда, раздумывая, как поступить, и наконец сделал выбор, решив отложить свой визит к Вивиан на то время, которое займет звонок в Центральное Бюро Психопропа.

Маркхэм попал домой, в Найтсбридж, только после двух часов ночи. Уйдя от Вивиан, он решил прогуляться, чтобы обдумать то, что она сказала. Он пытался понять — сознавала ли она, что́ говорила, и знала ли вообще, что это такое, — когда сказала, что любит его. Он уже давно думал, что знакомство с ней опасно, и сейчас пришел к заключению, что, влюбленная, она опасна вдвойне. Подумал он и о том, что сообщение президента Бертранда для него не новость — все это ему уже известно. К счастью, Соломон пока еще не уверен, что Маркхэм связан с Беглецами, видимо, поэтому и поступило предложение отказаться от «психиатрического лечения» и согласиться на публичное отречение. Но сколько времени потребуется Психопропу на сбор доказательств, которые андроиды, несомненно,

ищут? «Не так уж и много», — решил Маркхэм, с горечью подумав, что его меры предосторожности малоэффективны и что оставаться на Индексе он сможет не более двух-трех дней.

Потом он заметил, что мысли давно идут по кругу, как и он сам. Маркхэм ощутил смертельную усталость и подумал, что ему нужно хорошенько выспаться.

Вернувшись домой, он с благодарностью выпил горячий напиток, заранее приготовленный Марион-А, и улегся в постель. Маркхэм спал долго, но не очень хорошо, и, когда открыл глаза около полудня, его сразу охватило тяжелое предчувствие.

Он принял душ, оделся и уже заканчивал завтракать, когда в дверь позвонили. Марион-А пошла открывать, а Маркхэм с удивлением подумал о том, кто бы это мог быть.

Как только Марион-А открыла дверь, четыре рослых андроида быстро прошли мимо нее и со зловещим видом направились в комнату.

— Доброе утро, сэр, — сказал один из них с маленькой серебряной звездой на плаще. — Извините, что прервали ваш завтрак, но мы с почтением настаиваем, чтобы вы прошли с нами в Центральное Бюро для предварительной психиатрической проверки.

— Предварительной по отношению к чему? — спросил Маркхэм, стараясь выиграть время. Он заметил, как Марион-А, на которую психиатрическая команда не обратила никакого внимания, потихоньку вышла из комнаты. Одновременно с этим ему в голову пришла мысль, что, вероятно, он все-таки слишком оптимистично думал о своем воздействии на Марион-А. По-видимому, ее основная программа победила в конце концов.

— Предварительной по отношению к оценке вашего психического состояния, — сказал андроид со слабой улыбкой. — А затем будет решено, необходимо ли подвергать вас процессу Анализа.

— Возможно, у меня нет времени на психиатрическую проверку именно сейчас, — сказал Маркхэм напряженно. Он отчаянно пытался что-нибудь придумать. Мысль о драке с четырьмя андроидами, которые, вне всякого сомнения, были готовы к такому повороту событий, ему не очень нравилась.

— Очень жаль, сэр, но у нас приказ доставить вас в Бюро безотлагательно. Если информация, полученная нами, ошибочна, вам нет необходимости беспокоиться, поскольку...

Он не успел закончить фразу. Марион-А выстрелила ему в спину из пистолета Маркхэма, с большой точностью поразив центр координации. Андроид издал высокий, похожий на ржание, звук и, дергаясь, упал. Второй андроид был поражен пулей раньше, чем другие поняли, что происходит, но после этого они повернулись с поразительной быстротой и попытались схватить Марион-А. Однако Маркхэм уже прыгнул на одного из них, моментально оценив ситуацию. Падая вместе с андроидом и чувствуя, что на горле у него сжимается рука, Маркхэм все-таки расслышал два выстрела и увидел вспышку яркого света. Через секунду раздался последний выстрел. Рука на его горле ослабла. Маркхэм отцепился от показавшегося очень тяжелым андроида и встал на ноги.

— Марион, моя дорогая, — задыхаясь, сказал он. — Ты больше, чем чудо. Что бы я, ко всем чертям, без тебя делал?

— Я так испугалась, — странным голосом сказала она. — Я очень боялась, что они не выпустят меня из комнаты, но они, конечно, ожидали от меня поведения персонального андроида с обычной программой.

— Да, — согласился Маркхэм, с любопытством рассматривая поверженных андроидов. — Это бесконечно развлечет Соломона. Хотя сказать так — почти ничего не сказать, но, Марион, спасибо тебе от всего сердца.

Марион-А улыбнулась своей неподвижной улыбкой:

— Не от всего сердца, Джон. Это было бы — не совсем верно... А как вы порекомендуете поступить теперь?

— Убираться отсюда ко всем чертям, — убежденно сказал Маркхэм. Он посмотрел вокруг, на антикварную мебель. — Хороший был дом, — с грустью сказал он, — но больше он мне не принадлежит. Мы теперь немного нелегальны, Марион. Формально — Беглецы только что получили парочку новых рекрутов.

ГЛАВА 14

Утром, в канун Рождества, шел снег, но к полудню прояснилось и на земле осталось тонкое белое покрывало — медленно тающее обещание белого Рождества.

Хотя празднование Рождества и утратило былое значение, Сити был наполнен атмосферой возбуждения, атмосферой праздника, впрочем несколько мрачноватой, ибо это Рождество не имело ничего общего с традиционным праздником. Все это было вызвано непрекращающимися слухами, что Освободительная Армия — даже обычные граждане почти перестали употреблять термин «Беглецы» — готовит что-то особенное на канун Рождества.

Психопроп в ответ выдвигал утверждения, что «так называемая Освободительная Армия» больше не существует; что остались только изолированные группы Беглецов, которых ежедневно выслеживают, и что каждый, кто скрывает информацию об остатках «так называемой Освободительной Армии», автоматически попадает под Анализ.

Действительно, Соломон добился некоторого успеха, когда психиатрическая бригада совершила неожиданный налет на Эппинг-Форест и застала врасплох две роты Освободительной Армии, которые проводили учения. Но потери андроидов были настолько велики, что они отступили, успев разгромить одну из рот; и хотя андроиды захватили более семидесяти предварительно парализованных пленников, в Эппинге осталось достаточное количество выведенных из строя андроидов, и это доказывало всем, что победа досталась им дорогой ценой.

С того дня как была предпринята попытка захватить его, Маркхэм держался подальше от Сити, понимая, что, поскольку теперь известно, кто стоит во главе Освободительной Армии, Соломон отправит всех свободных андроидов прочесывать Республику, дабы отыскать его. Несмотря на старания Психопропа, никто не верил сообщениям о его поимке, смерти или направлении на Анализ. Весть о том, что Маркхэм принял командование над Освободительной Армией, вызвала психологическую цепную реакцию в умах граждан Лондона.

Начали появляться лозунги: «Спасенный за спасе-

ние», «Человеческим существам нужны человеческие ценности», «Маркхэм стоит за человечество». Некоторые лозунги имели туманный религиозный оттенок: «Он спасся, чтобы спасти нас от андроидов». И, наконец, самый громкий лозунг из всех: «Работа, семья, ответственность — путь к новому миру».

Впервые за многие десятилетия граждане Лондона вернулись к тому, что когда-то давно называлось политической дискуссией. Сознание людей, которые еще недавно чурались любой серьезной мысли, было занято проблемой: что лучше — воспользоваться преимуществами, но при этом терпеть все те недостатки, которые несут экономика и культура, основанные администрацией андроидов, или же дерзко отказаться от довольно высокого жизненного уровня ради абстрактного понятия, именуемого свободой.

Люди были сбиты с толку. Они были напуганы. Та самая пропаганда, которую непрестанно гнал Психопроп, хотя и была направлена на дискредитацию идеалов Освободительной Армии, поневоле вызывала обратный эффект, ибо акцентировалась на том, что андроиды постоянно расширяют контроль над людьми.

Наконец среди людей пошли разговоры о том, что фантастические идеи Спасенного могут помимо всего прочего содержать зерно истины и что андроиды не успокоятся, пока полностью не подавят человечество.

Потом, за два дня до Рождества, президент Бертранд появился с речью на стереоэкране республики.

Президент Бертранд никогда не был человеком, склонным к неограниченному использованию брани, но в этот раз его выступление состояло из ругани, сила которой забавно уменьшалась благодаря ее смыслу. Он называл Спасенного «примитивным животным», которого, благодаря ошибочному милосердию, допустили в республику, вместо того чтобы уничтожить.

«...И теперь, до самой смерти, он будет предаваться садизму, социальному насилию и сексуальной деградации. Он будет пытаться распространять свои гнусные пороки, на уничтожение которых потребовалась сотня лет. Поэтому я призываю всех граждан, — сказал президент Бертранд, — поддержать моего премьер-министра в любом необходимом мероприятии. Каждому, Беглец он или Гражданин, кто способен арестовать или убить Джона Маркхэма, я говорю — действуйте

немедленно. Наградой вам будут высочайшие привилегии республики и сознание, что вы уничтожили очаг разврата, который может отравить все общество».

Слушая речь в своем временном, подвижном штабе в Нью-Форесте, Маркхэм не переставал изумляться. Он и раньше знал, что, каким бы ни было личное отношение к нему президента, тот будет следовать официальной политике. Ничего другого и нельзя было ожидать, поскольку вся власть находилась в руках Соломона.

Но, будучи знакомым с этим человеком лично и ясно помня свой последний разговор с Клементом Бертрандом в его кабинете во дворце, Маркхэм с трудом мог поверить, что тот мог опуститься до такого нелепо-низкого уровня. Непонятно почему, но Маркхэма очень обеспокоила речь президента. Он чувствовал, что здесь что-то не так.

Еще раньше — днем — он получил зашифрованное сообщение от Вивиан. Поскольку Маркхэм покинул Лондон, от прежнего способа связи им пришлось отказаться. Он устроил так, что срочные сообщения, касающиеся Освободительной Армии, передавались из Сити по коротковолновому радио; после некоторых колебаний он сказал Вивиан, что, если ей когда-либо понадобится связаться с ним, она должна набрать определенный номер видеофона и спросить Наполеона, представившись (что вполне удовлетворяло чувству юмора Маркхэма) Жозефиной. После этого курьер зайдет к ней домой и заберет сообщение. Но он разрешил Вивиан пользоваться этим способом только в случае крайней необходимости.

«Должна увидеть тебя, — прочитал он. — С Клементом происходит что-то ужасное. Помнишь берег, где мы купались? Я буду ждать тебя там. Приходи, пожалуйста, скорее. Вивиан».

Он очень хорошо помнил место, где они купались, — это было как раз возле крошечной деревушки, недалеко от Хастингса. «Мы были там в тот самый день, — припомнил он с улыбкой, — когда в первый раз встретились». Всего три месяца назад, а казалось, что прошли годы, — так много произошло. Так много такого, что было неизбежно.

— Мне нужна реактивная машина, — сказал он Профу Хиггенсу, который принес ему послание Вивиан.

— А также нужно обследовать вашу голову, — ответил Хиггенс, раскуривая трубку. — Это может быть ловушкой, Джон. Соломон сохнет по вашему обществу.

— Это не что-нибудь такое... личное, — возразил Маркхэм. — Я предупреждал ее, что сейчас не время для развлечений. И к тому же я не думаю, что Вивиан позволит Соломону поймать ее на удочку. Однако я буду осторожен.

— Тогда вы возьмете десять стрелков и гелитранспортер, — заявил Проф., — или я не пущу вас, ради вас же.

— Черт возьми! Кто главная собака в нашей стае?

— Вы, Джон. Но я тоже могу лаять.

Дорога до места встречи у Маркхэма и его эскорта заняла меньше часа. Они сделали двойной круг перед тем как приземлиться, но не заметили вокруг ничего подозрительного. Реактивная машина Вивиан, которую Маркхэм сразу узнал, стояла неподалеку, почти у воды. Вивиан, закутанная во что-то, медленно бродила вдоль полосы прибоя. Маркхэм оставил свое сопровождение в гелитранспортере и пошел ей навстречу. Было уже далеко за полдень.

Вивиан побежала ему навстречу и обхватила его обеими руками. Маркхэм заметил у нее на лице морщины, которых раньше не было; ее глаза потемнели от страха.

— Дорогой, — прошептала она, прижимаясь к нему. — О, дорогой мой. Я думала, ты никогда не придешь. Я думала, что они...

— Что случилось? — резко спросил он. — Извини, дорогая, но время сейчас играет очень важную роль в моей жизни. Я ужасно перегружен работой.

Вивиан, как могла, изложила все кратко.

— Вчера я пошла к Клементу, — начала она. — Я... Я волновалась из-за тебя. Думала, смогу разведать что-нибудь о планах Соломона, если он поделился ими с Клементом. Я очень надеялась, что узнаю что-нибудь полезное. Но когда я туда пришла, Соломон уже был с ним. Во всяком случае... — Она вздрогнула.

— Продолжай, — ласково сказал Маркхэм.

— Во всяком случае, я думала, что это Клемент сидит за столом. Но когда он посмотрел на меня, я

поняла, что это не он. Сходство просто фантастическое. Но что-то... что-то не так... — Она с трудом держала себя в руках.

— Не волнуйся, — Маркхэм обнял ее, пытаясь успокоить.

— Джон, — прошептала она, — Джон, дорогой, это был андроид!

— Господи! И что ты сделала?

— Соломон следил за мной. Он следил за каждым моим движением... Знаешь, как бывает, когда с перепугу думаешь очень быстро? Я поняла, что если сделаю хоть малейшую ошибку, то никогда уже из дворца не выйду. Поэтому я взяла себя в руки и старалась вести себя так, как будто ничего не заметила. Не знаю, как мне это удалось, но я ухитрилась поболтать о... о всяких пустяках. Потом придумала какое-то глупое объяснение и через пять минут ушла. Я бы больше не выдержала. Мне хотелось закричать. Он был так похож на Клемента; такая же улыбка, те же манеры, и все-таки... Джон, что с ним? Что я должна делать?

— Бог знает, что с ним случилось, — ответил Маркхэм, хотя у него было свое личное мнение о методах Соломона. — Но зато я знаю, что делать тебе. Ты поедешь со мной и со мной останешься, пока все это не кончится.

— Дорогой враг, — пробормотала она, то ли смеясь, то ли всхлипывая. — Я так надеялась, что ты это скажешь. Я не могу поехать назад, во всяком случае сейчас.

— У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу того, зачем Соломон... заменил твоего отца?

Она кивнула:

— Думаю, да. Я сообщила Клементу, как ты и просил, про то, что Соломон программирует три тысячи андроидов на убийство. Он был в ярости. Он сказал, что ты, наверное, прав, призывая к решительной борьбе, сказал, что, раз дошли до того, что андроидов программируют на убийство человека, пора сопротивляться.

— Вероятно, — произнес Маркхэм, — он стал сопротивляться, но уже было поздно. Извини... А теперь

давай вернемся в штаб, а то там будут беспокоиться. Основная ошибка в том, что я незаменим.

Вивиан серьезно посмотрела на него.

— Если это ошибка, — сказала она, — то я не хочу терять иллюзий.

Когда они вернулись в Нью-Форест, Маркхэм оставил Вивиан на попечение Марион-А. Он знал, что будет слишком занят подготовкой небольшой операции, которую он задумал как «тренировочный забег», и у него не будет ни времени, ни сил для Вивиан. Эту вылазку решили назвать — операция «Перчатка», поскольку фактически это был первый официальный вызов администрации андроидов.

Маркхэм почти ничего не рассказывал Вивиан о «перепрограммировании» Марион-А, — до сих пор ему просто не представлялось возможности. Но по дороге в Нью-Форест он начал подготавливать ее к встрече с единственным существующим андроидом-Беглецом. Он рассказал ей о том, как он поехал с Марион-А на Восточное побережье с намерением уничтожить ее и как Марион-А повела себя там. Он описал уничтожение психиатрической команды, отметив, что, если бы не Марион-А, он был бы или мертв, или подвергнут Анализу.

Вивиан слушала его, почти ничего не говоря. Он надеялся отвлечь ее от размышлений о судьбе отца, но успеха не добился. А когда гелитранспортер приземлился возле летних домиков, которые и были штабом в Нью-Форесте, Вивиан стала обращаться с Марион-А так, как было принято обращаться в двадцать втором веке с андроидом, запрограммированным самым обычным образом. Она не проявила никакого желания считать Марион-А за что-то большее, чем просто сложную машину.

Маркхэм почувствовал странное разочарование и сам удивился своей реакции. Он надеялся... Впрочем, он сам не знал, на что надеялся. И сейчас он не мог позволить себе тратить время на личные дела. Очень многое должно было быть сделано, и очень мало оставалось времени.

Еще до того, как он узнал, что президент Бертранд собирается обратиться к гражданам республики со

стереоэкрана, Маркхэм решил провести небольшую военную операцию в канун Рождества. Он преследовал не одну цель: во-первых, это было бы хорошей проверкой боеспособности Освободительной Армии, а во-вторых, дало бы ему шанс лично обратиться к гражданам Лондона.

Главная стереостанция республики — Видео-Хаус — располагалась в центре Лондона, на месте старой телевизионной станции, которая была разрушена во время Войны. Маркхэм планировал захватить Видео-Хаус в канун Рождества и удерживать ее в течение времени, достаточного для того, чтобы он смог появиться на экране республики с пятиминутным обращением.

Он надеялся, что, учитывая эффект неожиданности, сможет со своими коммандос осуществить рейд и исчезнуть прежде, чем Соломон успеет организовать сильное контрнаступление. К тому же на крыше здания стереостанции имелась посадочная площадка для разных летательных аппаратов, что делало попытку вдвойне заманчивой.

Плану Маркхэма не хватало изысканности; здесь все зависело от скорости. Он намеревался высадить пятьдесят человек, прилетевших на пяти гелитранспортерах, незадолго до девяти часов, под прикрытием полной темноты и, возможно, — дополнительным прикрытием тумана.

Несколько дней люди, выбранные для проведения операции, усиленно тренировались. Инженеры учились обращению с «одолженными» стереокамерами и передатчиками. Группа штурмовиков использовала большой заброшенный отель двадцатого века на Южном побережье для репетиции захвата Видео-Хауса. И Пол Мэллорис, который разрабатывал военный аспект операции, разработал систему фиксированных по времени передвижений, благодаря которым вся операция должна была быть закончена в считанные секунды.

Лишь утром, в канун Рождества, когда снег тонким слоем живописно покрыл Нью-Форест, Маркхэм позволил себе немного расслабиться. Все было проверено не один раз; люди отлично натренировались, и всем им, занятым в операции, оставалось только как можно лучше отдохнуть перед выходом. По расчетам Пола,

дорога из Нью-Фореста до Сити должна была занять у них ровно шестьдесят семь минут.

Около тридцати передвижных летних домиков, которые под руководством Проф. Хиггенса были увезены по ночам из фешенебельных курортных зон Южного побережья, придавали штабу Освободительной Армии неуместно веселый вид, делая его похожим на лагерь квазирелигиозных или спортивных обществ республики. Вивиан и Марион-А делили один из таких небольших домиков, который, благодаря пластиковым стенам в розовую и белую полоски, напоминал Маркхэму большую коробку для шляп.

Закончив подготовку операции «Перчатка», он решил провести оставшееся до часа «зеро» время с Вивиан и Марион-А. Отношение Вивиан к Марион-А неосознанно беспокоило его, и он не мог отделаться от суеверного чувства, что успех действий Освободительной Армии каким-то странным образом связан с проблемой их взаимоотношений.

Когда Маркхэм вошел в их домик, он был очень удивлен, увидев, что Вивиан одета в лыжный костюм Марион-А, тогда как Марион-А снова облачилась в знакомую красную кофту и черную юбку.

— Привет, дорогой, — сказала Вивиан. — Неужели великий полководец нашел несколько минут для своей личной жизни? Как я тебе нравлюсь? Думаю, что в этой одежде я больше похожа на Беглеца.

— Я был очень занят и не подумал, что у тебя есть только та одежда, в которой ты приехала, — сказал Маркхэм. — Она не очень теплая?

Вивиан засмеялась:

— Она не такая удобная. Не очень хочется, чтоб тебя в ней видели, когда ты швыряешь гранаты. Я бы чувствовала себя неловко.

— Тебе не придется швырять гранаты, во что бы ты ни была одета, — сурово сказал Маркхэм.

Вивиан поправила волосы.

— Я пойду туда, куда пойдешь ты, — заявила она. — И буду делать то, что будешь делать ты. Не забывай, что я теперь в твоей несчастной Освободительной Армии.

— И поэтому должна соблюдать дисциплину, — заметил Маркхэм с улыбкой.

— Живые андроиды! — вспыхнула Вивиан. — Я

совсем не намерена допустить, чтобы ты полностью управлял моей жизнью, дорогой.

Маркхэм повернулся к Марион-А, которая наблюдала за их перепалкой с легкой улыбкой.

— Марион, — сказал он. — Я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты сможешь удержать Вивиан от беды.

— Да, Джон. Я полагаю, нам лучше остаться здесь?

— Да. Если даже мы задержимся, все равно должны вернуться до полуночи.

Реакция Вивиан была просто неистовой:

— Чертовы мутации! Я думала, ты хочешь уничтожить андроидов, Джон. А ты теперь используешь одного из них вместо сторожевой собаки!

Маркхэм холодно посмотрел на нее:

— Марион — личность, к которой я отношусь с величайшим уважением. Я горжусь ее дружбой и преданностью. Она значит для меня больше, чем многие человеческие существа, и мне бы хотелось, чтобы вы были друзьями.

— Друзьями! — взорвалась Вивиан. — С этим?

— Джон, — мягко вмешалась Марион-А. — Иногда вы бываете совершенно слепым. У меня в программе нет человеческих эмоций, но мне кажется, что, возможно, я о них знаю больше, чем вы. Я обязательно присмотрю за Вивиан ради вас, но не ожидайте, что это сделает ее счастливой.

— Что ты вообще знаешь о счастье? — чуть ли не взвизгнула Вивиан.

— Ничего — непосредственно, — признала Марион-А. — Но я думаю, что научилась интерпретировать счастье по-своему. Я бы хотела, чтобы Джон был счастливым. Я помогаю ему не потому, что думаю, будто Освободительная Армия победит, а потому, что он становится счастливее, когда верит в это.

Неожиданно Вивиан начала хохотать:

— Это уж слишком фантастично! Она же влюблена в тебя, Джон! Андроид влюблена в тебя! Теперь-то я точно знаю, что мы все сумасшедшие!

Марион-А молчала, а Вивиан смотрела на нее с насмешкой и, как показалось Маркхэму, с презрением, словно, сознавая свою женственность, она инстинктивно использовала ее как оружие. Это вывело его из себя.

— Черт возьми, что ты сама понимаешь в любви? — зло спросил он. — Для тебя это значит — забраться

в постель и достичь великой цели — сексуальной нирваны. Вот твоя программа, Вивиан! Но моя отличается от твоей. Может быть, она похожа на программу Марион. Может быть, мы умеем уважать друг друга, а ты этого даже понять не можешь.

Вивиан посмотрела на него, как будто не верила своим ушам.

— Скажи это еще раз, Джон. — Ее голос был до странности спокоен.

— Джон! — резко, командирским тоном проговорила Марион-А. — Вы утомились, вы перенапряжены из-за предстоящей операции. Ваши мысли путаются, и вы не вполне отдаете себе отчет в том, что говорите. Я думаю, вам лучше отдохнуть. Сегодня вечером вам понадобятся силы.

Злость у Маркхэма прошла так же быстро, как и появилась, осталось только смущение.

— Я думаю, ты права, Марион, — как всегда.

Он повернулся к Вивиан с мольбой в глазах:

— Прости меня, дорогая. Я ужасный дурак. Да и твои нервы ни к черту тоже. Ты меня простишь?

Вивиан молча смотрела на него, в ее глазах застыло полное непонимание. Марион-А бесшумно направилась к двери и вышла. Началась оттепель, воздух был холодным, но в ее программе не было заложено чувство дискомфорта.

Ближе к ночи воздух стал необыкновенно прозрачным; не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. В тишине декабрьского вечера голоса и шаги казались громче и звучали с поразительной отчетливостью.

Хотя на расстоянии тридцати миль не было ни враждебно настроенных граждан, ни андроидов, люди, забираясь в гелитранспортеры, говорили мало и только шепотом, как если бы вечерняя тишина сама была невидимым шпионом.

Пол Мэллорис находился в первой машине с десятком лучших бойцов. Было решено, что гелитранспортер с Маркхэмом сделает посадку лишь после того, как другие машины сядут на посадочную площадку Видео-Хауса и выгрузят людей.

Пока они летели к пригородам Лондона, Маркхэм

был больше озабочен проблемами, оставшимися позади, чем предстоящими.

После странного и немного нереального эпизода с Вивиан он почувствовал, что между ними возникло отчуждение, которое, несмотря на все его попытки, так и не исчезло. Он довольно быстро оставил Вивиан, чувствуя, что его присутствие только ухудшает дело. И хотя он собирался отдохнуть, как посоветовала Марион-А, заснуть Маркхэм не смог и без толку пролежал два часа, ворочаясь с боку на бок.

Он решил больше не встречаться с Вивиан, перед тем как отправиться в Лондон. Подсознательно он, возможно, и надеялся, что она успокоится и придет к нему, хотя бы просто пожелать успеха. Но только когда его гелитранспортер уже поднялся в воздух, он увидел Вивиан, которая бежала к взлетной площадке и махала рукой. Невозможно было понять, просит ли она его вернуться или просто машет рукой, прощаясь и желая удачи. Они могли задержаться минуты на две, но Маркхэм решил, что лучше не возвращаться.

К тому времени, когда пять гелитранспортеров были уже над Сити, он подумал, что она просила его вернуться, и стал размышлять над тем, что же она хотела сказать. Потом, когда показались знакомые силуэты и огни центра Лондона, он заставил себя выкинуть мысли о Вивиан из головы. По крайней мере, у него нет причин беспокоиться о ее безопасности; там, где находится она, — Проф, Хиггенс и Хелм Криспин, оставшиеся возглавлять немалое уже войско, достаточное для отражения любого, кроме чрезвычайно мощного, удара.

Воздушное движение над Лондоном было удивительно неоживленным. Почти перед самым Сити пять гелитранспортеров сломали строй и теперь летели по отдельности, как обычные транспортеры, выполняющие транспортные перевозки. Но обычное воздушное движение, на которое они полагались как на дополнительную маскировку, почти отсутствовало. Слух, что Освободительная Армия планирует что-то особенное на канун Рождества, удержал многих граждан дома.

Когда пять транспортеров подлетели к Видео-Хаусу с разных сторон, ничто не указывало на то, что их появление вызвало у кого-то особый интерес. Неожиданно на транспортере Пола включился красный ми-

гающий фонарь, что было обычным сигналом о неисправности. Он выключил и снова включил мотор, повторив это раза два или три, а потом зажег посадочные огни. Для любого наблюдателя это была вполне обычная картина: транспортер неисправен и совершает вынужденную посадку на ближайшую крышу.

Полдюжины андроидов патрулировали крышу Видео-Хауса, хотя обычно здесь дежурил только один андроид; а когда гелитранспортер совершил посадку, Пол увидел, что андроиды вооружены автоматическими пистолетами.

Нельзя было терять ни минуты. Колеса транспортера еще не успели коснуться крыши, а люди Пола уже открыли огонь через бортовые отверстия. Четыре андроида были уничтожены за две или три секунды, но двое оставшихся начали стрелять из автоматических пистолетов, и вот уже упали два человека, сраженные потоком пуль. Полу удалось попасть в одного из андроидов, сделав один-единственный удачный выстрел. Другой повернулся и побежал к башне управления, но выстрелы восьми человек не позволили ему пробежать больше трех-четырех ярдов.

Пол и его люди бросились к лестницам-колодцам, ведущим вниз, в Видео-Хаус, а в это время еще один транспортер сел на крышу.

К тому времени, как Маркхэм приземлился, Видео-Хаус был уже практически захвачен солдатами Освободительной Армии. На нижних этажах андроиды не были вооружены; видимо, решили, что шестерых патрульных на крыше будет достаточно, если объявят сигнал тревоги в случае нападения.

Не более трех минут ушло на то, чтобы перестрелять весь штат андроидов, — но двое из них все-таки успели воспользоваться видеофоном. Одного из них застрелили в тот момент, когда изображение офицера Психопропа уже появилось на экране. Пол разбил экран рукояткой пистолета.

К этому времени Маркхэм добрался до главной студии и стоял теперь перед стереокамерой, что за секунду до этого показывала какую-то комедию. По странному случаю, сцена представляла собой спальню начала двадцатого века.

Инженерам Освободительной Армии понадобилось только взять у выведенного из строя андроида прибор

управления камерой и удалить трех потрясенных актеров-людей — двух мужчин в пижамах и одну женщину в разорванной ночной рубашке, которые были не в состоянии сопротивляться.

По сигналу инженера Маркхэм начал говорить, обращаясь к гражданам Лондона. Он старательно заучивал свою речь, но теперь не мог вспомнить ни слова и даже не понимал, имеет ли какой-нибудь смысл то, что он говорит.

«Граждане Лондона, — начал он, — я говорю с вами не как забавный Спасенный из двадцатого века, а как глава Освободительной Армии. Вы достаточно часто слышали, что Беглецы неприспособленны и число их незначительно, что они извращенцы и представляют угрозу для порядочных людей.

Если под неприспособленностью имеется в виду то, что они верят в достоинство человека, тогда они действительно неприспособленны. А если выражение „число их незначительно“ вообще имеет смысл, то почему Соломон задал трем тысячам андроидов программу на убийство?

Правда, дорогие граждане Лондона, в том, что эти Беглецы — эти извращенцы — рискуют своей жизнью ради свободы. Вашей и своей свободы! Конечно, они представляют угрозу, но не для людей. Они хотят свободы, но они также хотят закона, закона, созданного людьми и основанного на человеческих ценностях. Вот почему они действительно представляют угрозу, но только не для людей, а для администрации андроидов.

Фраза „живые андроиды“ является ныне общепринятым восклицанием. Возможно, в ней есть элемент правды. Функцией разумных существ является стремление побеждать окружение. Спросите каждый себя, выросла ли власть андроидов за последние годы? И еще спросите себя, разве прямого столкновения между людьми и андроидами можно избежать?

Распространяя свою власть на все, андроиды постепенно отнимают самый смысл нашей жизни. А без смысла, без цели в жизни, без работы и ответственности человечество вымрет, поскольку эти вещи, дорогие граждане Лондона, — основные в нашей программе.

Старый год заканчивается. Для нас, для Освободительной Армии, новый год символичен. Это будет год, за который мы уничтожим власть андроидов и начнем

всё сначала. Мы надеемся, что придет время и вы присоединитесь к нам. В таком противостоянии нейтральных быть не может. Те, кто не поддержат нас, своим бездействием поддержат андроидов. Они будут виновны в предательстве, поскольку предадут историю прогресса человечества. Они предадут свою собственную расу.

И последнее. Президент Бертранд для всех вас символизирует власть в республике. Вы, конечно, скажете, что он человек — не андроид — и поэтому будет охранять интересы людей. Но президент Лондона не человеческое существо, он — андроид! Настоящего Клемента Бертранда Соломон „заменил", поскольку Бертранд не согласился программировать андроидов на убийство людей — даже Беглецов. Если вы мне не верите, попросите о свидании с ним или внимательно рассмотрите его на экране».

Во время заключительной части своей речи Маркхэм расслышал несколько приглушенных взрывов. Он быстро взглянул на часы и увидел, что у него осталось двадцать секунд.

«Освободительную Армию считают слабой, — продолжил он. — Но пятьдесят человек захватили и удерживают Видео-Хаус. Теперь, сделав то, что хотели сделать, мы уходим. Если кто-нибудь продолжает считать нас слабыми, приходите и сосчитайте выведенных из строя андроидов, когда кончится стрельба... Спокойной ночи — с Рождеством!»

Когда Маркхэм вышел из студии, шум стрельбы и взрывы гранат на нижних этажах стали раздаваться громче и чаще. С крыши тоже доносились звуки разгоревшейся схватки — андроиды начали усиленную контратаку. Маркхэм чувствовал себя так, словно находился в середине крутящегося бутерброда.

Он зигзагом промчался от лестницы к своему гелитранспортеру и через доли секунды был уже внутри. Хотя его транспортер садился последним, взлететь он должен был первым. Даже настроившись уже на героические подвиги, Маркхэм сознавал, что для Освободительной Армии он значит больше, чем любой человек или даже все люди, прикрывающие его отход.

Пилот немедленно повысил обороты мотора до

максимальных, а экипаж, который ждал его, вел огонь через бортовые отверстия.

Транспортер безумно накренился и взмыл вверх. Через обзорное окно пилота Маркхэм увидел, что крыша Видео-Хауса покрыта обломками двух разбитых гелитранспортеров — вероятно, на них прилетели андроиды-убийцы, — а еще три готовились к посадке.

Гелитранспортер Маркхэма быстро летел прочь, оставляя позади короткие вспышки и фонтаны огня, в свете которых невозможно было отличить выведенных из строя андроидов от мертвых людей.

ГЛАВА 15

Колокола перестали звонить, и на мгновение наступила тишина, — тишина, в которой, возможно, заключалось загадочное будущее человеческой расы. Тишина, несшая в себе неизбежный взрыв мира, который еще ждал своего рождения.

Смерть проникла сквозь массивные двери из темноты в темноту. Неожиданно появился слабый мерцающий свет и вошел Мефистофель, чтобы поздравить его.

— С Новым годом вас, — сказала Смерть радостно.

— Пока еще слишком тихо, чтобы желать большого счастья, — проворчал Мефистофель.

Не успел он договорить, как вдалеке послышалась трескотня карабинов, а следом сразу же последовал ритмичный кашель мортир и глубокий хохот ручных гранат.

— Вот и начало, — сказала Смерть без воодушевления.

Мефистофель разразился довольным смехом:

— К черту! Это, дорогой приятель, конец!

— Вы действительно так думаете? — Смерть сняла карнавальную маску, и в дымном свете фонаря показалось усталое лицо Хелма Криспина.

Мефистофель тоже снял маску, и оказалось, что дьявольская улыбка принадлежит Проф. Хиггенсу.

— Хелм, — сказал он весело. — Я трясущийся старик, но я полон огня и адреналина... «Я не хотел бы смерти рядом с тем, кто умереть боится вместе с нами... Кто невредим домой вернется, тот воспрянет

духом, станет выше ростом... И проклянут свою судьбу дворяне, что в этот день не с нами, а в кровати...»* Как там дальше? Иисусе!.. Я Шекспира наполовину не помню!

— Хелм! Проф.! — Голос Маркхэма отозвался эхом в длинных темных коридорах.

— Где вы, Джон?

— В Египетской галерее. Розеттский Камень...** Все прошло по времени как надо, Хелм?

— Я приду и все расскажу вам, — сказал Хелм Криспин.

Последняя война оставила немало отметин на домах Сити. И хотя на этом большом скучном здании тоже были шрамы древних битв — и стояло оно между двух больших садов, как последний памятник атомным бомбардировкам, — выглядело оно почти так же, как и тогда, когда Джон Маркхэм посещал расположенную в нем библиотеку сто пятьдесят лет назад.

Он выбрал его для штаба во время Новогоднего Восстания не только из каприза. Раньше Британский Музей хранил мрамор прошлого и достижения мертвых для пользы живых. Но в двадцать втором веке он сам по себе был реликвией прошлого, редко посещаемой гражданами Лондона, а содержало его с полдюжины андроидов.

Хотя Музей и был сокровищницей искусства и культуры, он медленно уходил в забвение, и отсутствие жизни делало это чудовищно громадное здание почти незаметным. Поэтому музей замечательно подходил для целей Маркхэма: его удобное расположение обеспечивало быструю связь с подразделениями Освободительной Армии, атакующими основные укрепления андроидов, а размеры позволяли использовать его как временный госпиталь, в случае необходимости. Вдобавок массивные стены могли скрыть любую деятельность внутри здания от всех, кроме самых настойчивых наблюдателей. И, что тоже было немаловажно, — если бы андроиды узнали, что здание используется Освободительной Армией, они не смогли бы легко орга-

---

* Цитируется «Генрих V». Действие IV. Перевод Е. Бируковой.

**Камень, найденный в Египте солдатами Наполеона. По надписям на этом камне были впервые дешифрованы древнеегипетские иероглифы.

низовать неожиданное нападение. Понадобились бы очень большие силы, чтобы удостовериться, что обитатели не покинули его.

В канун Рождества, как только стемнело, Маркхэм со своим штабом переместился в Музей, под охраной из пятидесяти человек и десятка связных. С ним также были Вивиан и Марион-А. Вивиан настойчиво требовала, чтобы он взял ее в Сити; кроме того, он был убежден и сам, что опасность не будет большей, чем если бы она осталась в Нью-Форесте, — особенно в случае нарушения связи.

Основной состав Освободительной Армии перебрался в Лондон раньше Маркхэма. В течение дня люди прибывали потихоньку в небольших гелитранспортерах, по двое, по трое в машине. Некоторые были одеты в карнавальные костюмы — подобно профессору Хиггенсу и Хелму Криспину — и производили впечатление людей, приехавших на празднование, которое уже началось. Другие были одеты более традиционно, но вписывались в праздничную атмосферу, маскируясь с помощью бутылок и красочных свертков, в которых были спрятаны карабины, пистолеты, гранаты и всякая взрывчатка.

Под покровом темноты они стекались в места сбора рот, расположенных в заброшенных или неиспользуемых зданиях. Через полчаса после полуночи, когда празднование Нового года стало шумным и беспорядочным, они перешли в места сбора батальонов, прикидываясь пьяными, праздношатающимися гуляками. Места эти располагались недалеко от Букингемского дворца, Центрального Бюро в Уайтхолле и различных департаментов Психопропа, расположенных на улице Нового Парламента и неподалеку от нее.

Больше всего Маркхэма беспокоило то, что он не знал, где и каким образом Соломон расположил андроидов-убийц. «Но, — сказал он сам себе, — Освободительная Армия это скоро выяснит». Атакуя дворец, Центральное Бюро и департаменты Психопропа, он ударял в нервные центры администрации андроидов. Маркхэм был уверен, что это внесет замешательство, достаточное, чтобы помешать Соломону своевременно организовать сильное сопротивление.

Когда появился Хелм Криспин, Маркхэм спокойно пил чай, воду для которого Марион-А вскипятила на

портативной плитке. Бутерброды были разложены на крышке саркофага, которому было около трех тысяч лет; два Египетских Божества терпеливо нянчили на коленях груды пистолетов, небольших карабинов и гранат.

— Как наши дела, Хелм? — спросил Маркхэм и улыбнулся. — Выпей лучше чайку. Мне кажется, тебе это не повредит.

— Еще тридцать человек не соединились с дворцовой группой, — ответил Хелм. — Вероятно, их захватили андроиды, и теперь Соломон уже знает все, что ему надо.

— Но слишком поздно, — сказал Маркхэм. — Вот послушай.

Отдаленный шум боя становился громче и, казалось, ближе. Беспорядочная стрельба беспрерывно звучала на фоне взрывов гранат, которые тоже участились.

— Силы Центрального Бюро выступили полностью, — продолжал Хелм. — Но когда я уходил с улицы Нового Парламента, потери были невелики.

Маркхэм пожал плечами:

— Вот такая у Психопропа подготовка. Я предполагал, что начальные потери составят около двух сотен человек.

Хелм Криспин покачал головой:

— Вот именно. Все идет слишком гладко. У меня неприятное чувство, что мы можем попасть в ловушку.

— Эта ловушка должна быть очень крепкой, — ответил Маркхэм, — чтобы удержать таких парней, какие в нее попадут.

Вивиан принесла Хелму кружку чая.

— Вы не выяснили, что случилось с Клементом?

Хелм покачал головой:

— Мне очень жаль, дорогая. Но в любом случае Соломон сделал ошибку. Он слишком затянул весь этот фарс. Каждый знает, что президента заменили на андроида. Его последнее появление на экране не могло обмануть даже барана. Не пойму только, зачем Соломон пытается поддерживать свой обман. Даже самые явные последователи и те перестают ему верить.

— У него нет другого пути, — сказал Маркхэм. — Он свое дело уже сделал. Если он официально признает, что подменил президента, ему придется признать, что андроиды взяли всю власть в свои руки.

Марион-А предложила Хелму Криспину сандвич.

— Вам очень трудно, Хелм, отказаться от веры в абсолютную логичность поведения андроидов. — Она чуть заметно улыбнулась.

В ответ он засмеялся:

— Но не тогда, когда я думаю о тебе, Марион.

Улыбка Марион-А стала шире.

— Кто знает? Может быть, если бы вы знали мои мотивы, мое поведение тоже казалось бы весьма логичным.

Вивиан бросила на нее короткий, но выразительный взгляд.

Маркхэм перехватил его и был очень удивлен, потому что взгляд Вивиан выражал нежность и сочувствие. С Рождества она почти совсем не расставалась с Марион-А.

Хотя Маркхэм все свое время посвящал подготовке к Новогоднему Восстанию, он заметил — в те редкие минуты, которые проводил в их обществе, — что вражда между ними исчезла. Он был этому рад, и решил, что Вивиан наконец поняла нелепость своей обиды, поняла, что отношения Маркхэма и Марион-А нельзя сравнивать с обычными человеческими отношениями.

Поэтому он был готов к тому, что Вивиан просто терпит Марион-А, относясь к ней равнодушно, но не мог представить, что на смену презрению придет какое-то положительное чувство. Когда он уловил этот сочувственный взгляд, то вдруг понял — их связывает какая-то тайна. Почему-то это обеспокоило его еще больше, чем первоначальная враждебность Вивиан.

Его мысли прервал тяжелый, глухой взрыв, от которого вздрогнули даже массивные стены Музея.

— Это, я думаю, Корнил Таун высказал свои наилучшие пожелания во дворце, — сказал Проф. Хиггенс, не прекращая поглощать бутерброды один за другим.

— О Боже, — тихо прошептала Вивиан. — Я очень надеюсь... — Она побоялась закончить фразу.

Маркхэм взял ее за руку:

— Я пока не хотел говорить тебе об этом. Он уже мертв, Вивиан. Я послал одного парня выяснить о судьбе Клемента еще три дня назад. Думал, может быть, представится случай выкрасть его или что-нибудь

в этом роде. Соломон собирался устроить ему ударный анализ — в мое время это называлось промыванием мозгов — так, чтобы создать нового, послушного президента и дискредитировать нас. Но Клемент, вероятно, достал какой-то яд... Вот и все, что я знаю, дорогая. Это не так много, но пришлось рисковать жизнью одного из наших людей, чтобы узнать хоть это.

Вивиан закрыла лицо ладонями. Маркхэм хотел успокоить ее, но Марион-А уже обняла ее за плечи. И тут его отвлекло появление посыльного.

В Египетскую Галерею вошел растрепанный, запачканный кровью Робин Гуд. За спиной у него висел длинный лук, в руке он держал карабин.

— Хэлло, сэр, — прохрипел он. — Мы разрушили дворец.

— Потери? — быстро спросил Маркхэм.

— Больше двухсот человек, сэр. Они выставили целую психиатрическую бригаду против нас. И когда мы уже почти сломили сопротивление, появились три или четыре сотни убийц.

— Они действовали хорошо?

Робин Гуд улыбнулся:

— Да, сэр, но недостаточно. Они не запрограммированы отступать, даже если проигрывают. Поэтому их пришлось уничтожить.

— Командует все еще Мэллорис?

— Да, сэр. Хотя он и ранен в голову.

— Тогда его заменяем, — сказал Маркхэм. — Пусть командует его заместитель. Мэллориса доставьте сюда для медицинской обработки. И велите заместителю Мэллориса усилить штурм Центрального Бюро... И выкиньте вы этот чертов лук!

— Да, сэр. — Робин Гуд снял свой длинный лук и посмотрел на него, как показалось, с большим удивлением, а затем бросил его на пол и повернулся, чтобы уйти.

Неожиданно отдаленные звуки боя потонули в грохоте взрыва — немного послабее, чем тот, который разрушил дворец. Потом последовал второй взрыв, за ним третий.

— Черт! Это, наверное, Центральное Бюро! — радостно воскликнул Проф. Хиггенс.

Но все размышления по этому поводу были не-

медленно оставлены, так как охрана ввела в Египетскую Галерею компанию из четырех странных фигур.

Генрих Восьмой, Дэви Крокетт и Юлий Цезарь подвели монаха-картезианца в плаще с капюшоном к Маркхэму.

Генрих Восьмой довольно бесцеремонно толкнул монаха вперед.

— Хэлло, сэр, — сказал он, поклонившись Маркхэму. — Мы встретили преподобного отца на улице Нового Парламента. Думали, он наш человек, но он начал стрелять. Мы его ранили в руку. Если бы знали, кто это, целились бы получше.

С презрением Генрих Восьмой сдернул капюшон с головы картезианца, и все увидели приятное лицо, лишенное возраста. Монах улыбнулся и наклонил голову в знак приветствия.

— Доброе утро, сэр, — спокойно сказал Соломон. — Весьма прискорбно, что вы не послушались моего совета.

— Прискорбно для кого? — требовательно спросил Маркхэм.

— Для введенных в заблуждение человеческих существ, которые уже мертвы, и для тех, кто вскоре присоединится к ним, — ответил Соломон.

Маркхэм пожал плечами:

— Невозможно уничтожить андроидов, особенно андроидов-убийц, без потерь. Но дворец уже обезврежен, надеюсь, и Центральное Бюро — тоже. Вскоре мы сможем вплотную заняться различными подразделениями Психопропа. Я бы сказал, что битва близится к концу. А для вас он уж, конечно, неминуем.

Соломон засмеялся:

— С вашего разрешения, сэр, я позволю себе не согласиться. Битва вскоре только начнется. Моя личная судьба не имеет значения. Все андроиды заменимы.

— Может быть, — мягко сказал Проф. Хиггенс, — мы и не собираемся заменять уничтоженных андроидов — даже вашего уровня.

Соломон встретился взглядом с Вивиан, проигнорировав слова Хиггенса.

— Позвольте мне выразить вам свое сожаление и принести извинения, мадам, за устранение вашего отца. Многие годы мы работали вместе, и я глубоко уважал его. Но личные соображения неуместны, когда речь

идет о политической необходимости и безопасности республики.

— Вот здесь, — спокойно сказал Маркхэм, — андроиды и люди могут иметь различные мнения. И, возможно, даже непогрешимый андроид может сделать ошибку и недооценить значение, которое человеческие существа придают человеческим ценностям.

Соломон снова засмеялся, — его смех прокатился по всей Египетской Галерее, напоминая смех Гаргантюа.

— Что вы знаете об андроидах? — резко спросил он, мельком взглянув на Марион-А. — Да, я наслышан о ваших экспериментах в перепрограммировании. Но чего вы достигли? Ничего, кроме неудачи. Субъект больше не ориентирован как андроид, но ведь при этом никогда не сможет стать человеком. Вы сделали из машины монстра, вот и все.

— А что такое монстр, по вашему определению, Соломон? — спросила Марион-А. Маркхэм с удивлением обернулся и увидел, как она шагнула вперед и встала перед плененным премьер-министром.

— Ненужное создание, — сказал Соломон невозмутимо, — не имеющее назначения, а значит и будущего.

— Тогда я не монстр, — заметила Марион-А, поднимая автоматический пистолет.

— Если это — ваше назначение, — продолжал Соломон, — что останется, когда вы нажмете курок? Вы были персональным андроидом, но перестали им быть. И если так называемая Освободительная Армия победит, вы станете просто занятной игрушкой. Ваша программа — ваш интеллект — атрофируется. Вы станете всего лишь механическим сувениром, которым мистер Маркхэм варварски будет развлекать друзей. Вы отказались от назначения собственной расы, и, сделав это, вы уничтожили собственное будущее.

— Это очень интересно, — сказал Маркхэм. — Возможно, вы потрудитесь объяснить назначение андроидов, Соломон?

— Конечно, сэр. Хотя я не думаю, что это сможет изменить ваши своеобразные представления... Ваша примитивная психика воспринимает нас через призму анимизма. Вы видите андроидов как мрачных, полных угрозы существ, чья цель свести до минимума возможности человечества. Но, мистер Маркхэм, делая это, вы отрицаете историю нашего создания. Перво-

начально мы были созданы как слуги — в мире, в котором не хватало, очень не хватало людей. Мы были запрограммированы выполнять однообразные задания, делать работу, которая хоть и была важной, но человеку казалась неинтересной или отвратительной. Наши возможности оценили, сфера нашей деятельности расширилась, и вскоре мы стали контролировать всю экономику государств. Вы рассматриваете это как продуманный захват власти. Мы же знаем, что это просто логическое следствие расширения наших возможностей в желании быть полезными. Вы пытаетесь уничтожить не самовольных агрессоров, вы напали на своих механических рабов. Это не просто глупо, это влечет беду.

— Блестяще, — воскликнул Проф. Хиггенс с иронией. — Считайте, что мы вам рукоплещем. Я вообще-то был профессором философии, Соломон, пока один из ваших милейших андроидов-слуг не освободил меня от этой одиозной задачи. Поэтому я стал Беглецом, что дало мне массу времени, чтобы поразмыслить над таким отвлеченным понятием, как природа жизни. И я пришел к заключению, что — помня о бесконечном величии Бога — жизнь не обязательно должна ограничиваться обычными эталонами. Итак, я спросил себя, воспроизводятся ли андроиды? Ответ был — да! Затем я спросил себя, эволюционируют ли андроиды? И ответ был — да! Затем я спросил себя, пытаются ли они подавить свое окружение? И, со ссылкой на мой собственный опыт, я ответил — да! И, наконец, я спросил себя, имеют ли они цель, имеют ли они самосознание, знают ли они, что делают? И мне надо было просто взглянуть на то, что происходит в республике, чтобы найти ответ.

— Значит, вы тоже полагаете, что мы живые? — вежливо спросил Соломон.

Неожиданно Вивиан очнулась от оцепенения, в которое впала при виде премьер-министра. Она выхватила пистолет у Марион-А.

— Если вы живой, значит, можете и умереть!

Соломон поклонился:

— Мне очень жаль, что придется разочаровать вас, мадам. Но в моей программе нет страха. Кроме того, поскольку в моей груди находится встроенный ма-

ленький автоматический передатчик, я думаю, что теперь Британский Музей уже полностью окружен.

Как только Вивиан выстрелила, снаружи тоже началась стрельба — как если бы нападавшие ждали этого сигнала. Первая пуля прошла через основной центр управления Соломона. Он пошатнулся, все еще улыбаясь. Вторая пуля ударила его в грудь, но не задела энергетический блок. Ударная сила выстрела отбросила его к стоящему вертикально саркофагу. По-прежнему улыбаясь, он сказал сдавленным, низким голосом:

— А также я не запрограммирован на боль!..

Третья пуля с шумом ударилась в лоб, и он картинно свалился в саркофаг.

В это время Маркхэм увидел Пола Мэллориса, который, спотыкаясь, шел по Галерее. На руках он нес тело девушки, его голова была замотана окровавленной тряпкой.

— Пол, что за чертовщина?

— Шона, — тяжело дыша, сказал Пол. — Ловушка. Мне бы следовало опасаться этого. Она меня чуть не прикончила, с помощью взвода андроидов.

— Кто убил ее?

Пол мрачно посмотрел на бледное, усталое лицо Маркхэма:

— Я... Она больше не была настоящей Шоной. Я хочу похоронить ее как положено, когда все это закончится, Джон. Я язычник и чертовски сентиментален!

Он осторожно положил ее в тени большой старинной пушки. Хелм Криспин молча прикрыл тело старым плащом.

— Пол, Христа ради! Что происходит снаружи?

— Ох, да! — Пол Мэллорис, казалось, был как во сне. — Андроиды-убийцы повсюду. Хорошо, я захватил с собой достаточно людей, чтобы пробиться сюда.

Стрельба усилилась, и теперь это был сплошной поток выстрелов. Шальные пули уже залетали даже в Египетскую Галерею и рикошетировали от стен с противным, тревожным визгом.

— Бывший Соломон, — сказал Проф. Хиггенс и моргнул, когда пуля попала в статую, возле которой он стоял, — сообщил нам, что Музей окружен... Вы могли бы сказать, что он преувеличивает?

Пол зевнул и посмотрел на Профа отсутствующим взглядом:

— Я думаю, что нет. — Неожиданно он улыбнулся натянутой улыбкой. — Андроиды не запрограммированы, чтобы преувеличивать.

Пол вскочил на ноги, пошатываясь.

— Забыл сообщить вам новости, — проговорил он. — Даже не знаю почему. Центральное Бюро сильно защищено; мы потеряли много людей, но взяли его. — Он опять зевнул. — Спасибо Господу за подкрепление.

— Какое подкрепление?

— Граждане Лондона, — ответил Пол. — Им надоело быть просто зрителями. Может быть, их стало немного раздражать то, что андроиды начали стрелять в них. Сейчас, я думаю, Освободительная Армия насчитывает тысяч пять человек.

— Они присоединяются к нам? — недоверчиво воскликнул Хелм. — Они в самом деле присоединяются к нам?

— Таково общее впечатление, — пробормотал Пол. Неожиданно он сел на пол. — Становлюсь рассеянным, Джон. Надо было раньше сказать, что я послал за резервным батальоном, когда увидел, что они окружают Музей... Думаю, что эти проклятые убийцы теперь уже сами окружены... Забавно, как вы считаете?

— Забавно? — восхищенно зарычал Проф. — Живые андроиды! Еще как забавно! Это самая чудесная и остроумная шутка из всех, что я слышал!

— Вивиан, — сказал Маркхэм. — Попробуйте сделать что-нибудь для Пола, ладно? А мы все поможем удержать андроидов, пока резервная группа не подоспеет.

В этот момент раздался звон разбитого стекла, и граната, крутясь, покатилась по полированному полу Египетской Галереи и остановилась у самого подножия стоящей рядом с ними статуи. Какую-то долю секунды все смотрели на гранату, как парализованные. Потом, не успели они прийти в себя, Пол Мэллорис собрал последние силы и прыгнул. Его тело упало на гранату почти одновременно с тем, как она взорвалась. Взрыв разорвал его пополам, а статуя раскололась на куски.

И тут же в конце Галереи появилась группа андроидов-убийц. Маркхэм сразу начал стрелять. После первой очереди упали четыре андроида. Когда его

магазин опустел, Проф. Хиггенс и Хелм Криспин уже стреляли со всей возможной скоростью.

Другая граната полетела по Галерее. Хелм Криспин перехватил ее, приподнялся и швырнул назад. Но как только граната вылетела из его руки, в голову ему попала пуля.

Граната взорвалась среди андроидов, разметав часть из них, а остальные временно отступили за дверь. Минутное затишье позволило Маркхэму схватить три гранаты с колен египетского бога, где он положил их раньше. Не медля ни секунды, он кинул их одну за другой в сторону входа, а когда утихли звуки взрывов, новый магазин уже был вставлен в его пистолет-автомат.

Но андроиды больше не появились, и неожиданно он понял, что стрельба на улице затихла и только изредка слышались случайные взрывы. На смену выстрелам пришел другой звук — тысячи мужчин и женщин пели. Он не мог разобрать слов, но мелодию узнал — это было «Вступление во Иерусалим» Блейка. Последний раз он слышал эту мелодию сто пятьдесят лет назад в соборе Святого Павла...

Пение подкатывалось все ближе и ближе, пока не стало казаться, что звуки исходят от самого Музея.

Проф. Хиггенс с трудом поднялся на ноги, придерживая раненую руку.

— Голос свободных людей, — сказал он таким тоном, как если бы испытывал нечто невозможное. — Впервые в жизни я такое слышу... Джон, слушай! Слушай! Голос свободных людей!

Маркхэм отыскал в дыму Вивиан и Марион-А. Вивиан он нашел за маленьким, но тяжелым сфинксом; Марион-А укрылась за саркофагом, откуда она весьма успешно использовала свой автоматический пистолет.

К этому времени в Египетской Галерее стало светлее.

— Живые андроиды! — воскликнул Проф. Хиггенс, глядя через полуразбитое окно на темное, серое небо. — Уже почти светает.

— С тобой все в порядке, Вивиан?

— Да, Джон... Что с бедным Полом?

— Не смотри, — жестко сказал Маркхэм. — Ничего поделать уже нельзя. Пойдем-ка. — Обняв, он повел ее в сторону.

— Джон, — ласково сказала Вивиан. — Ты был прав. Ужасно прав, дорогой враг. Люди не должны

жить только для того, чтобы гнаться за счастьем. Я точно не знаю, но, может быть, счастье именно в тех вещах, которые мы отрицали, — в работе и ответственности. В воспитании детей и в верной любви.

Он поцеловал ее и засмеялся.

— Ты в душе истинная викторианка, — сказал он. — И в то же время пламенная революционерка.

— Джон, дорогой, я люблю тебя. Но я совершенно беспомощна. Я не знаю, как делать даже простейшие вещи, — я не умею готовить и стирать. Но если ты наберешься терпения и дашь мне время, я научусь, Джон. Я научусь, как быть целиком и полностью женщиной. Если ты возьмешь меня, я бы хотела выйти за тебя замуж.

Она вдруг засмеялась, и смех ее звучал почти весело.

— Мне не следовало бы это говорить, да? Но я теперь очень много чего хочу. Даже детей. Твоих детей. Конечно, у меня никогда не получится, но я постараюсь, постараюсь быть похожей на Кэйти. Очень-очень постараюсь.

— Тебе надо быть просто Вивиан, — мягко сказал он. — Той Вивиан, которую мы сейчас оба начинаем понимать.

Пока он говорил, в Галерею вошли люди с фонарями. Люди, одетые пиратами, клоунами, королями, бандитами, святыми и дикарями. Люди, которые впервые в жизни сражались за что-то, во что они верили достаточно сильно, чтобы отдать за это свои жизни. Но они были живы. Они были более живые, чем когда-либо раньше, эти мужчины в карнавальных костюмах и с грязными лицами, с надеждой в сердце и с новой силой в усталых телах. Проф. Хиггенс бросил взгляд на Маркхэма и Вивиан и пошел навстречу бойцам Освободительной Армии. Тихо сказав им несколько слов, он вышел вместе с ними.

Маркхэм дождался, пока скроется последний из них, потом обнял Вивиан. У него было странное чувство, что он впервые снова прикоснулся к живой женщине — спустя сто сорок шесть лет.

Какой-то слабый звук, раздавшийся поблизости, заставил его вздрогнуть. Это была Марион-А; она аккуратно укладывала то, что осталось от Пола Мэл-

лориса, в большой каменный саркофаг египетской принцессы рядом с трогательно легким телом Шоны.

— Можно мне поговорить с вами наедине пару минут, Джон?

— Извини, Марион. — Он отпустил Вивиан. — Я почти забыл о тебе.

Марион-А подошла к ним:

— Я не задержу его долго. Вы понимаете? Я думаю, вы будете очень счастливы, Вивиан. Я надеюсь, что вы будете очень счастливы. Думаю, что теперь я понимаю, что такое счастье и надежда.

Вивиан взяла Марион-А за руку:

— Я тоже теперь поняла многие вещи, которых раньше не понимала. Но любовь всегда будет выше любых определений. Прощай, Марион. Я никогда этого не забуду. — Неожиданно она наклонилась и прикоснулась губами к руке Марион. Потом повернулась к Маркхэму: — Думаю, надо пойти и посмотреть, что замышляет этот проказник, Проф. Хиггенс, — как бы между прочим сказала она. — Мне, наверное, надо приструнить его, а то он начнет проповедовать философию толпе усталых людей.

Маркхэм смотрел, как она твердым шагом идет по Галерее, которая медленно наполнялась серым светом рассвета.

— Что происходит? — спросил он удивленно.

Марион-А улыбнулась неподвижной улыбкой:

— Ничего особенного... Итак, Освободительная Армия все-таки победила, Джон. Я думала, что это невозможно. А теперь мы подошли к концу.

— Это не конец, — сказал Маркхэм. — Это, наоборот, — начало. Начало нового будущего.

— Не для меня, Джон. Для меня осталось только прошлое. Я принадлежу ему.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал Соломон, — это правда, или отчасти правда. У меня больше нет цели, хотя какое-то время она была общей с вашей. Для меня нет места в мире, который вы собираетесь создавать, Джон. Возможно, что для меня не будет места ни в каком другом мире. Вы показали мне, как стать больше, чем андроид, но я всегда буду меньше, чем человек.

— Глупости! — сказал он почти зло. — Для тебя есть место в нашем мире, Марион. Вместе со мной. Я...

— Пожалуйста, Джон, выслушайте меня. Вы теперь принадлежите Вивиан, и я думаю, она сделает вас счастливым. Но дело в том — и это самое странное, хотя точно я ничего не знаю, — что я тоже люблю вас, по-своему.

— Марион...

— Пожалуйста! — голос у нее стал низким и дрожал. — Пожалуйста, ничего не говорите, дорогой Джон. Я научилась беречь иллюзии. И меня это радует, поэтому я не прошу ничего больше.

— Скажи, по крайней мере, почему мы так разговариваем?

— Потому, — медленно начала Марион-А, — что я заключила секретную сделку с собой. Я поклялась, что если андроиды победят, я убью вас, чтобы спасти от Анализа. Но я дала и другую клятву, на случай если они проиграют.

— Что это за клятва?

— Дорогой Джон, я бы попросила вас сделать кое-что для меня. Я хотела бы, чтоб вы сказали: «Марион, моя дорогая, ты знаешь, что такое счастье». А потом я хочу, чтобы вы ушли, ушли не оглядываясь.

Вдруг Маркхэм все понял, как понял и то, что ничего нельзя изменить.

На секунду он обнял Марион-А. На секунду его губы почувствовали теплую ровную поверхность ее лба. Потом он сказал:

— Марион, моя дорогая, единственная, если ты научилась понимать, что такое счастье, то меня ты научила понимать, что такое любовь.

Потом он повернулся и быстрым решительным шагом пошел к двери. Сзади раздался выстрел, и Египетскую Галерею осветила невероятно яркая вспышка; потом все снова погрузилось в полумрак.

Позади него лежал мир смерти и тьмы, мир, полный секретов недавнего и далекого прошлого. Впереди был мир рассвета. Мир жизни и света, который стоял, как всегда, на грани непредсказуемого будущего.

И пока он шел к этому миру, на голоса поющих людей, к ясному красному восходу, яркий, бесконечный калейдоскоп вспыхнул в его мозгу.

Он снова увидел — с живой реальностью мечты — Кэйти, малыша Джонни и Сару. Их крошечную цитадель — дом в Хэмпстеде. Все это было чудесно и,

хотя и потеряно, помогло ему обрести веру и смелость, чтобы занять место в этом мире, который, подобно любому другому, не мог полностью отказаться от ценностей прошлого.

Наконец он увидел Марион-А такой, какой она была, когда он увидел ее впервые. И он знал, что она тоже стала частью того живого прошлого, в котором она и Кэйти — странный двойной образ — предлагали ему дар свободы. Будущее без теней...

И неожиданно на сердце у него стало легко. Маркхэм вышел на широкие ступени Музея, бросил взгляд на розовеющее небо, а потом перевел его на Вивиан, что ждала его рядом с Проф. Хиггенсом.

Проф. что-то говорил людям, которые уже начали гордиться тем, что когда-то их называли Беглецами. Маркхэм не смог удержаться от иронической улыбки, услышав последние слова Проф. Хиггенса.

— Сегодня — Лондон, — сказал Проф., радостно искажая цитату из почти забытого тирана двадцатого столетия, которого звали Адольф Гитлер. — Сегодня — Лондон, а завтра — весь мир!

СОДЕРЖАНИЕ

Эльфы планеты Эревон. *Перевод Э. Башиловой* 5

Пять к двенадцати. *Перевод С. Черныша* 115

Транзит. *Перевод О. Жаковой* 267

Сомнительная полночь. *Перевод В. Лобанова* 437

Литературно-художественное издание

Эдмунд Купер

СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОЛНОЧЬ

Перевод с английского

Заведующий редакцией *Геннадий Белов*
Ответственный редактор *Георгий Лебедев*
Редактор *Марина Новикас*
Художник *Валерий Трилесский*
Художественный редактор *Павел Борозенец*
Технический редактор *Марина Андреева*
Верстка *Светланы Широкой*
Корректоры *Анастасия Келле-Пелле, Людмила Наместникова*

Подписано в печать с оригинал-макета 02.02.94. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 25 000 экз. Изд. № 340. Заказ 123.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

·Северо-Запад·®